МУХТАР АУЭЗОВ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1975

МУХТАР АУЭЗОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

Редакционная коллегия:

Л. АУЭЗОВА, Т. АХТАНОВ,
М. БАЗАРБАЕВ, З. КЕДРИНА, Л. ЛЕБЕДЕВА,
Е. ЛИЗУНОВА, А. ШАРИПОВ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

МУХТАР АУЭЗОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПЛЕМЯ МЛАДОЕ

Роман

ПЬЕСЫ

ОЧЕРКИ

Перевод с казахского

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

С (Каз) 2
А 93 8

Составление и примечания
Е. ЛИЗУНОВОЙ

Художник
А. ЛЕПЯТСКИЙ

А $\frac{70303-042}{028\,(01)-75}$ подписное

ПЛЕМЯ МЛАДОЕ

Роман

Глава первая

1

День был на исходе. Большая сильная машина, поблескивая черным лаком и никелем, неслась по широкому, прямому, как луч, Илийскому шоссе к Алма-Ате. Нил Карпов неотрывно смотрел на горы и не мог насмотреться.

Ему вспомнились любимые в детстве сказки о дивах-исполинах, которые за ночь воздвигали дворцы, в один миг выращивали леса, расталкивали скалы, осушали озера. Ныне эти дивы, обладатели колдовской мощи, творили чудеса на хребтах Алатау. Краски менялись с неуловимой быстротой.

Вначале крутые лесистые склоны, и просторы лугов, и голые каменные обрывы затянуло розовой кисеей. Далекие снежные вершины налились малиновым соком. Затем волной, снизу вверх, и леса, и луга, и скалы, и редкие снежные шапки покрыла плотная багровая пелена, под которой не отличишь гребня от ущелья. Незаметно она выцвела и стала нежно-лиловой, потом буро-коричневой, будто под тенью от тучи, потом густо-синей. И наконец хребты почернели, слились в отвесную стену, а поднебесные белки высветились и бледно засияли под звездным светом.

Подобно высокому берегу, горы подпирали с юга великий океан казахстанской степи, нередко плоский, как в штиль, но чаще вздыбленный валами холмов с зелеными барашками, точно в свежий ветер.

И казалось Карпову, что эти высоты и просторы открываются ему в особом сокровенном значении. Глядя на горы и степи, он словно бы воочию видел уходящую в бесконечность историю. Снежные вершины напоминали вознесшуюся ввысь мечту, неоглядная ширь степей

звала в заветные дали. И хотелось думать и говорить о самом значительном, самом главном в жизни, хотелось работать на этой прекрасной земле.

В Алма-Ате случай свел Карпова с двумя интересными людьми — казахом и казашкой. Познакомились они в доме отдыха, в яблоневом саду, растянувшемся на многие километры по скату Малого Алма-атинского ущелья. И были это Жакен Асапов, смуглый скуластый человек с головой Сократа, заслуженный врач, перешагнувший порог шестидесятилетия, и Асия Алимова, миловидная женщина лет тридцати, с темно-русыми вьющимися волосами; полные губы ее слегка подкрашены, узкие глаза поблескивают из-под очков в роговой оправе.

Жакен Асанович поражал своим самобытным и немирным отношением к вещам. Он был горяч, задирист и пристрастен, как юноша. Ему были отнюдь не чужды чувства гордости и восхищения, но он высмеивал всякую восторженность.

Первым долгом он «распушил» свою родную, любимую Алма-Ату.

Нравится город? Красивый? Да, много зелени... Быстро растет... Сорок лет назад здесь жило сорок тысяч человек, ныне — полмиллиона. Шатры старых тополей, кудри садов превращают улицы в сплошные тенистые парки. Без зелени город задыхался бы от зноя и пыли, но как он строится? В центре великолепные новые здания, а в них превосходные новые учреждения: больше десятка вузов, Академия наук, Театр оперы и балета, кинотеатры. Сколько нарядных площадей с фонтанами и пышными цветниками, сколько улиц, одетых в чистый асфальт! А уйдите из центра — и за шпалерами зелени увидите убогие домалачуги и хибары времен крепости Верный и генерала Фольбаума и теперешние саманные одноэтажки кишлачного типа, избушки на курьих ножках... Смотришь и думаешь: век нынешний иль век минувший?..

Карпов не соглашался. Алма-Ата со статуей Ленина в центре, ставшей как бы сердцем города, представлялась ему площадью цветов. На прежней окраине, на виду у гор и полей, Карпов видел новые белостенные улицы и кварталы, алма-атинские Черемушки. Что касается избушек на курьих ножках, то их найдешь ныне во всех наших столицах! И именно около своих Черемушек... Это типич

ная примета кипучей стройки: стрела крана и бетонное перекрытие в синем небе, а внизу, сбоку, — бревенчатая дачка с палисадничком, сарайчиком, погребком, грядкой и бочкой дождевой воды, доживающая последние дни. Жакен Асанович слушал и загадочно улыбался; втайне он был доволен, что ему возражали.

Асия казалась мягче своего старшего друга. Она спорила с ним и даже упрекнула в гонении на Алма-Ату, перефразируя слова Софьи из «Горе от ума». Но и в ее суждениях было немало соли. И складывалось впечатление, что Асия и Жакен соревнуются в прямодушии, видимо, понимая, зачем Карпов едет в Казахстан.

Как-то перед вечерним киносеансом Карпов вышел побродить у цветника близ главного корпуса и увидел рядом с Асией и Жакеном Асановичем молоденькую девушку. Одета она была в просторное шелковое платье свободного покроя — такие носят на юге, в хлопковых районах, — на ногах черные тупоносые туфли и чулки из грубой шерсти. Темный загар, притушивший румянец, выдавал приезжую с казахстанского юга. Держалась она застенчиво — краснела и смущалась при каждом слове, от каждого взгляда. Но хороша была на редкость.

Карпову запомнилось ее имя, похожее на вопросительный возглас, — Айслу. Оно означало — «Лунная красавица». Удивительные у нее были глаза — серые, в жгуче-черных ресницах, блестящие, словно от слез.

Жакен Асанович говорил с ней по-отцовски нежно и... по обыкновению, сердито.

— Если бы вы знали язык, — сказал он Карпову, — по моему выговору поняли бы, что я из южной области. Это моя землячка. Отец ее, Сапар, был первоклассным фельдшером, моей правой рукой. Он погиб на фронте... Завещал мне опекать своих сирот. Вдова Сапара, еще молодая, больше замуж не пошла, не пожелала. А я вот вижу их раз в год. Живут они в достатке — хороший колхоз, хлопковый. Но не единым хлебом мы сыты. Приехала моя дочка сдавать экзамены на биофак университета. И что же? Больше средней отметки по физике и химии не вытянула. Тройки! Думаете, я ее виню? Нисколько. Девушка способная, в отца. Вы не смотрите, что она стеснительная, это вовсе не провинциальное; у нас положено девушке быть тихой... Весной она окончила десятилетку в числе лучших. Я на нее крепко надеялся. И сейчас верю в нее. Но что поделаешь, если в школе нет кабинетов физики

и химии. Все опыты проделываются, так сказать, устно. А учителя большей частью середнячки. Мы в этом виноваты, Нил Петрович, мы с вами! Вы опять не согласны со мной?

— Опять согласен, — ответил Карпов, смеясь.

Айслу, видя, что старшие разговорились между собой, отошла в сторонку. За ней медленно, скованным шагом пошел молодой человек, брат Асии, приехавший сюда навестить сестру. Парень был столичным студентом и недурен собой, но перед этой колхозной девушкой робел. Они остановились возле цветника. Айслу привлекали незнакомые ей цветы — огромные, величиной с кулак канны, махровые георгины, львиный зев и черные розы. Она разглядывала их с детским любопытством и изумлением.

— Будете биологом — займетесь, конечно, ботаникой... — сказал студент с неловкой улыбкой. — Вы и сейчас изучаете цветы глазом специалиста.

Айслу приняла его слова за насмешку.

— Может, и буду. Может, и изучаю, — ответила она независимо и немного грубовато и повернулась к студенту спиной.

Из-за цветочной клумбы донеслось сдавленное и язвительное хихиканье. Там на длинной скамье сидели женщины. Их было четыре, все располневшие, приземистые, с насурмленными бровями, одетые в дорогие платья из панбархата.

Карпов удивленно посмотрел в их сторону. Каждой было лет за сорок. Держались они непринужденно, даже развязно. Говорили без умолку, громко, не обращая внимания на то, что их слышат. Поглядывали на всех с важностью и показным безразличием.

— Видите, видите, — сказала одна, кивая в сторону Айслу, — подошел к ней сверстник, ровня, так она его близко не подпустила.

— А что? Коль ты мужчина, так и будь мужчиной! — сказала другая. — Больно мне нужны недоросли. Вот что она ему показала!

И все четыре расхохотались.

— Понятно, что такой ее не обеспечит, — сказала третья. — Он для этого молод. А ей подай машину, квартиру в три комнаты, одеться по моде, танцы и все прочее. Сразу видать, чего она тут разнюхивает.

— Едут, едут из районов, — со вздохом проговорила четвертая женщина с приплюснутым носом на плоском

лице, потягивая надломленную папиросу, — на словах учиться, лечиться, к родичам приютиться, а на самом деле клевать наши глаза. Нынче в районе собаку на привязи не удержишь, не то что этакую паву с косами до пят. Заметили, какие у нее волосы? Ни черные, ни рыжие, ни каштановые... А на солнце — как золото. Помилуй бог, чтобы мужчины этого не разглядели.

И опять они, точно по команде, оглянулись на уединенную беседку под крупными развесистыми яблонями. Там сидели мужчины, двое в пижамах, двое при параде — в черных костюмах и крахмальных сорочках. Мужчины играли в карты; судя по всему, это был затяжной преферанс на большие деньги. Карпов видел в беседке картежников с утра и уже не первый день. Они часами не поднимали голов от карточной колоды.

Между тем женщины по ту сторону цветника вновь развеселились. В беседке хлопали картами по столу, а на скамье — ладонями по грузным бедрам. И по обрывкам фраз Карпов понял, чему радуются эти шумливые дамы, — они нашли в Айслу какой-то изъян, они упивались своей находкой.

«Кто же такие?» — подумал Карпов, почесывая двумя пальцами седоватый висок.

Жакен и Асия невесело рассмеялись.

— А у вас тонкий слух, — сказала Асия, и в голосе ее слышались и смущение и гнев. — Этим особам ненавистны все женщины, — конечно, молодые, образованные и воспитанные. Излюбленное их занятие — злословие против всех, не похожих на них самих. К сожалению, у нас, казалось бы, в самой культурной среде — ученых, писателей, ответственных работников — сплошь и рядом встречаются такие вот тетки, способные клевать печень Прометея. Они никогда не работали и знать не знают, что такое ответственность или солидарность. Но им все доступно! Со своими мужьями они изъездили целый свет, побывали и там и сям, прежде всего на курортах, разумеется. Знакомы лично со многими знаменитостями. В театрах первые-вторые ряды постоянно за ними, или, точнее говоря, под ними... На банкетах, приемах лезут на самые видные места. Как же, мужья сбоку! Ни в людях, ни в делах они толком не разбираются, зато знают толк в модных ателье. Шьют себе платья раньше и чаще, чем эстрадные певицы. Иные выезжают с мужьями за границу во всей своей красе. Вот уж поистине, как сказал профессор Горностаев

в пьесе Трепева: «Пустите Дуньку в Европу!» В институтах эти женщины не учились. Библиотек в жизни не посещали. Нахватались, наслушались чего попало, чего бог послал. И пожалуйста, вершат «общественное» мнение на уровне кухонной склоки...

Жакен, посмеиваясь, с веселым лукавством посматривал на Карпова, словно призывал его: слушайте, слушайте!

— Что всего горше и тяжелей, — продолжала Асия, — это потуги наших тетушек судить и рядить. Предел их возможностей, взглядов и вкусов навек установлен. Парикмахером и портным! По-настоящему они не ведают ни добрых народных обычаев, ни нынешних европейских норм воспитания и общежития. Очень отсталые люди, может быть, самые отсталые среди нас... Но при всем том нет такого занятия, нет такого разговора, в которые они не сунули бы носа. Апломб ошеломляющий! Что они превзошли до тонкости — служебное соперничество своих мужей, всяческие ранги, посты и номенклатуры... Ну и, конечно, женский, я бы сказала, дамский вопрос... Заметьте себе: все они матери больших семей, нарожали много детей, у них сыновья и дочки. Но молодая, одаренная, растущая женщина для них то же, что заяц для собаки. Позволь им — не пощадят, затравят, изведут сплетнями. Вот какие милые тетеньки.

Жакен добавил:

— Надо вам сказать, есть у нас сплетницы анекдотические, просто легендарные. Одна из них получила прозвище — «Всеказахстанский осек-центр». Осек — значит сплетня. Ее коронная тема: какая актриса с каким министром в интимной связи. Страшная... гм, баба! Вреднейшая... Лекарство, вернее, противоядие, тут одно — смех сатира, причем безжалостная, жгучая, как огненная палица тех ангелов, которые расправляются с грешниками в аду. Знаете, чтоб паленым пахло!

Карпов живо представил себе огненную палицу, «тетушку» с надломленной папиросой и запах паленого и поймал себя на том, что слушает Жакена Асановича с удовольствием.

Жакен подозвал Айслу, взял под руку Карпова, и они вместе поднялись на второй этаж главного корпуса в небольшой кинозал, где должен был начаться фильм.

Следом потянулись женщины с длинной скамьи и мужчины из беседки. Они сели через ряд позади Жакена и тотчас принялись громко шептаться.

— Которая, говорите, которая?

— Где ваша красавица?

— Ах, вон она... с толстыми косами...

— Но я ее совсем не вижу. Эта голова передо мной все закрыла. Чья это голова? В точности как у архара! Откуда она взялась?

Один из мужчин фыркнул, другой засопел. Видимо, они были еще и в подпитии. Их душил смех.

Жакен Асанович неторопливо повернулся к ним с улыбкой простодушной и почти доверчивой. Шутники были ему знакомы — все четверо из Министерства культуры.

— Добрый вечер, уважаемые, — сказал он со зловещей мягкостью. — Кажется, вас беспокоит чья-то голова. А ведь секрет прост: когда четверым казахам недостает головы, сам аллах посылает им на четверых голову горного барана!

«Уважаемые» откинулись на стулья и стали хохотать. Однако тут же умолкли, кисло осматриваясь, потому что смеялись все, кто был в зале, кроме четырех женщин.

После киносеанса Жакен Асанович сказал Айслу:

— Тут, доченька, неподходящая для тебя компания. Поезжай-ка, милая, в город. И матери твоей будет спокойней. И тебе, право, веселей. Но не спешите домой. Я вас завтра навещу, посоветуемся. Что ты на это скажешь?

Айслу вздохнула с облегчением, а студент, брат Асии, огорчился.

Пошли проводить Айслу к автобусу. И лишь напоследок Айслу и Ильяс обменялись взглядами и едва приметными поклонами. Парень был горд, а это неприятно, когда красивая девушка с тобой холодна. Парень был скромен и еще не научился понимать девушек. Он не видел, что за ее холодностью кроется смятение. Ей тоже не хотелось с ним расставаться.

В субботний вечер Асия пригласила Карпова и Жакена Асановича в филармонию на концерт.

— Кого же будем слушать? Неужели нашу милую Камал Аманову? — спросил Жакен Асанович.

— Да, и ее...

Жакен с комической мольбой воздел руки к небу.

— Послушайте, разве не довольно того, что она по радио терзает наши уши каждый день раза по три? Что за

наказание, Нил Петрович! Коль скоро дают казахский концерт, непременно в нем Камал. Один наш поэт посвятил ей стихи, истинный крик души. По-русски они звучат примерно так:

Она лишь поет — не ест, не спит,
У нашей Камал отдыха нет.
Куда ни беги, как ни вони —
От нашей Камал спасу нет!

Карпов рассмеялся. Жакен повернулся к нему с угрожающим видом.

— Интересно, что с вами будет, когда вы увидите ее на сцене.

Назвать ее женщиной — мужеподобна,
Назвать ее мужем — слишком пухла.

— Это уж экспромт самого Жакена Асановича, — заметила Асия, по-видимому, несогласная с таким суровым судом. Впрочем, затем она добавила: — Своеобразная певица. Она думает, что народные песни надо не петь, а кричать. Одним словом, это Камал...

Поехали в город.

На Пушкинской улице у филармонии теснилась говорливая толпа. Бросались в глаза цветастые платья женщин. Много было казахов, одетых по-праздничному. Попадались и люди в сапогах. Все настроены весело, приятно возбуждены.

Но здание филармонии выглядело неказисто. Оно словно не разделяло настроения публики. Карпов отметил про себя, что входные двери узки и неудобны, фойе тесно, тускло освещено. Кабинет дирекции с низким потолком и аляповатыми крашеными стенами походил на коридор; на балкон вела деревянная лестница.

Директор сам провел гостей в зал, усадил в первом ряду. Сцена оказалась настолько близко, что боязно было наклониться, чтобы не уткнуться носом в ее передний выступ. Зал, тоже невысокий, длинный, напоминал Карпову клубные залы времен первой пятилетки... Бедновато живет столичная филармония! Вид у нее падчерицы. И хотя не по одежде ценят человека, а театр — не по зданию, не верилось, что здесь центр большой музыкальной культуры.

Тем не менее зал был полон. Отзвенели звонки, начался концерт, и вскоре Карпов забыл, с каким чувством вошел сюда. Открылся простенький занавес. И вновь степ-

ное приволье распахнулось перед Нилом Карповым. Им овладело то чувство, пронзительное, величавое и слегка печальное, которое он испытывал, глядя на Алатау.

Выступала хоровая капелла. Карпову не раз доводилось слышать, что казахи любят и умеют петь; много в народе сочинителей песен — и слов и музыки. Теперь Карпов убеждался в этом. Подчас казалось, что в зале не удержатся и запоют вместе с капеллой.

Молодая русская женщина управляла большим хором, искусно и тонко выявляя самобытные интонации казахской народной песни. И летела песня, точно на орлиных крыльях, — кипучая, темпераментная, полнозвучная, многокрасочная, богатая сложными ритмами и чудесными, чарующими мелодиями. Казахские напевы протяжны, широки, как земля, на которой они родились, и Карпов ясно ощущал, как они близки русскому слуху. Он подолгу аплодировал каждому номеру.

Жакен и Асия о чем-то шептались, поглядывая на Нила Петровича. Он заметил это и улыбнулся им: хороши, хороши ваши песни!

После хоровой капеллы выступил знаменитый оркестр казахских народных инструментов, названный именем народного бунтаря, удивительного композитора Курмангазы, которого царские власти и местные баи почитали разбойником и конокрадом. Этот оркестр Карпов слушал еще в Москве на декадных гастролях.

Курмангазы сочинял кюи — инструментальные этюды-картины — и сам исполнял их на домбре. Он был несравненным, потрясающим виртуозом-кюйши; в его руках домбра звучала, как в руках Паганини скрипка. Ныне его кюи исполнял оркестр — первый в истории казахской музыки.

Как и следовало ожидать, были сыграны и «Сары-Арка» и «Адай-кыз». Им неистово аплодировали, кричали «бис». Хотелось услышать их вторично и Карпову. Асия коротко пояснила ему: сары-арка означает — золотая степь; это привет скитальца родным краям перед изгнанием. Адай-кыз означает — девушка из рода адай; это песня о самом воинственном и непокорном племени в степи. Все кюи Курмангазы были связаны с бесчисленными потрясениями в его жизни и обросли множеством преданий.

Помимо Курмангазы оркестр сыграл несколько вещей Глинки, Чайковского, Шопена. Карпов слушал с наслаж-

дением. Кюи звучали мощно, с захватывающей силой. А Глинка, напротив, необыкновенно нежно, прозрачно, как бы акварельно, по-видимому, оттого, что в оркестре не было труб и тромбонов.

Карпов присматривался к слушателям и старался представить себе, как бы приняли оркестр в больших городах Запада и Востока знатоки и ценители, привыкшие к звучности современного симфонического оркестра.

Наверно, любителям оглушающих эффектов джаза этот ансамбль вряд ли понравился бы. Тут не было инструментов, которые резали ухо, раздражали нервы. Но как нежен и сладостен был их скромный голос! Мягкое, ласково обволакивающее звучание кобыза, особенно на высоких регистрах, напоминало человеческий голос, голос женщины. И только кюи Курмангазы бурлили, гремели, как вихри, как горные реки, как топот табуна. Но это уже колдовство Курмангазы — он сочинял для домбры...

Объявили антракт. Зрители не задерживались в унылом фойе, выходили на улицу. Вышли и наши друзья. И тут Жакен, словно обуреваемый нетерпением, принялся за свое. Его замечания были шутливы и неожиданны.

— Согласен, согласен, поют превосходно, — сказал он. — Но вы посмотрите на женщин-хористок. Что за коллекция, Асия, простите меня! Одна — тучная, круглая, как бочка, другая — тощая, как жердь. Эта курносая, та подслеповатая. Мужчины с кадыками, но те хоть во втором ряду. А уж первый ряд, первый ряд!

Карпов возразил:

— Это ли беда, Жакен Асанович? Были бы голоса.

— Разумеется! Не спорю, — с горячностью подхватил Жакен. — Беда в том, как этих певцов выбирали. Думаете, по конкурсу, лучших? Ошибаетесь. По телефонному звонку родича или приятеля! По принципу землячества. Многие по сей день и в нотах не разбираются, у них не только музыкального, а никакого образования нет. Вот беда!

— Однако поют все же недурно, — сказала Асия примирительно, — и курносые и с кадыками...

— У нас весь народ поет! — возразил Жакен.

Карпов в раздумье провел двумя пальцами по седому виску.

— Знаете ли, что мне сегодня не показалось? — заметил он, как бы сомневаясь в том, уместно ли его суждение. — Откровенно говоря, костюмы оркестрантов. Беш-

меты, шаровары... Мы давно не носим таких материй, они идут на обивку диванов, на портьеры. И портьеры такие считают сейчас приметой невысокого вкуса. А тут на музыкантах все бархат да плюш... на полах, рукавах позументы, галуны, и все серебро да золото! Невольно на ум приходит ливрея или поповская риза...

Жакен внимательно слушал и исподлобья поглядывал на Асию. Карпов стесненно пожал плечами.

— Возьмите узоры на женских тюбетейках, на безрукавках... Это же елочная канитель, мишура. Или манера украшать тюбетейки перьями... Перья-то не с павлина и не с беркута. Видно, что куриные! Им место в этнографическом музее. Конечно, правильно, что для покроя костюмов взяты народные образцы. Но нужна мера. Так ли уж обязательно бежать без оглядки за давно обветшавшей и, я бы сказал, деревенской модой? К чему эта тяжеловесность, эта пестрота? Кто ими любовался? Бай... Батрак... Их нет в зале! Нет и в помине.

Жакен, очень довольный, вынул из кармана платок и трубно высморкался.

— И еще я хотел бы сказать, — продолжал Карпов, — относительно домбры. Я слыхал, что она усовершенствована. И, по-моему, в ансамбле звучит хорошо, красиво и даже сильно. Но вот вышел солист. Тоже сыграл кюй. И сразу обнаружилось, как она малозвучна... беспомощна... Этого, мне кажется, нельзя не заметить. У нее две струны, звук приятный, мягкий, но слабый. У нашей балалайки стальные струны, их три, а и ей трудненько на сцене филармонии. И гитара о семи струнах пасует перед тем, что может концертный рояль, хотя я, например, ее люблю...

Асия стояла опустив голову. Она никогда так не думала о домбре и была несколько задета. Родилась Асия в Западном Казахстане и с детства привыкла слышать домбру в каждый радостный и печальный час — и в ауле и в городе, в домах и в юртах. Асии трудно было понять, как это домбра малозвучна и беспомощна.

Задумался и Жакен Асанович.

«Наверно, так оно и есть, как он говорит, — думал Жакен. — Это человек со свежими ушами. Он улавливает то, что мы уже не слышим по привычке...»

И Нил Карпов ясно почувствовал в эту минуту, какая верная, горячая и нежная любовь к родному дому, к родной музыке стоит за непримиримой и строптивой кри-

тичностью Жакена, за суровостью и строгостью Асии. Они ненавидели обывательщину, принявшую облик «осек-центра», стыдились ветхих домов в Алма-Ате и воплей Камал Амановой. Но домбра... двухструнная утешница, которую держали в руках Курмангазы и Дина Нурпеисова, Абай и Джамбул... Похоже было на то, что Асии она милей, чем Жакену Асановичу.

Жакен, тихо посмеиваясь, с добродушным интересом поглядывал то на Асию, то на Карпова. Потом сказал мнимо сердито:

— Спорим и спорим! А в душе — мне так кажется — нас трое...

— И мне так кажется, Жаке, — ответила Асия. И Карпов знал, что означает такое сокращение имени у казахов. «Жаке» было почтительно-ласковым обращением к старшему.

После концерта по пути в дом отдыха, в горы, Жакен шутливо заметил:

— Сообщаю вам, Нил Петрович, мы вами недовольны. Вы скрытничаете. Но все равно, самое важное о вас нам известно. От сестры-хозяйки Нины Николаевны! Она всегда обо всех знает раньше других. Нам известно, что вы получили назначение.

Карпов нахмурился, почесал двумя пальцами висок и сказал с сердечностью:

— Ну, и я вам сообщаю. Я рад, что встретился с вами и что вы, скажу грубо, не казенные души! Хотел бы и впредь видеться с вами почаще. Потому что вот это самое ваше неравнодушие мне очень нужно. Признаться, пуще всего боюсь и остерегаюсь школярского оптимизма по той причине, что некоторые весьма ученые и многоопытные люди прикрывают им вранье! В общем, друзья, спасибо.

— Вы уезжаете? — спросила Асия.

— Еду... Кстати, в ваши родные края, Жакеп Асанович, — в южную область. В Баскент.

— А вы... вы уже знаете, что это за область, надеюсь? — по обыкновению, задиристо спросил Жакен. — Представьте, живет около тридцати национальностей. Бюджет под миллиард рублей. Не уступит иной союзной республике. А Баскент по промышленности превосходит даже Алма-Ату, и намного!

Карпов коротко кивнул головой, улыбаясь.

— Кем же вы едете, если не секрет?

— Секретарем, — ответил Карпов сдержанно.

Глава вторая

1

Впереди, изломав линию горизонта, высился хребет Каратау. Дорога зигзагами набирала высоту. В окно машины задувал резкий сухой ветер, шевелил русые волосы Нила Карпова, и он слегка щурил синие глаза.

Издалека горы казались пологим приземистым массивом. Вблизи они преображались на глазах. Все чаще за морщинистыми складками открывались захватывающие дух обрывы, каменная крутизна. Простецкое старческое лицо гор обретало величие.

Шумные речки сбегали к самым колесам машины, выпрыгивая из-за седых, бурых, черных скал, словно из засады. Над дорогой нависали отвесные выпуклые стены; из них сочились капли родниковой воды, похожие на росу. Внезапно на повороте в клинообразном просвете ущелья возникала мощная острогранная вершина, напоминающая древний шлем, и так же внезапно исчезала, а в другой стороне на минуту открывалась круглая, мохнатая, как малахай, и Карпов не поспевал оглядываться.

Его спутники, знатоки этих мест, азартно спорили, вспоминая названия скал, ущелий и рек. Карпов слушал их и откровенно дивился тому, как много говорят эти названия. В них были и живописность гор и их история, душа и память народная.

Ему переводили звучные казахские слова — «Кок-Тобе», «Ак-Тобе», «Кок-Тас»: «Серый холм», «Белый холм», «Сизый камень». Так же казахи называют и многие свои селения и города. За Сизым камнем виднелись заманчивые просторы горных лугов — джайляу. Округлые увалы зеленели сочными травами, напоенными водами рек и родников. Словно сбегая с камней, пышно кудрявились рощи. По рассказам стариков, здесь некогда шумели обширные леса.

А вот название иного толка: скала Кызтоккен — Девичьи слезы. Это место, увидев однажды, вряд ли забудешь. Громадная красноватая глыба с черными потеками, похожими на косы. По преданию, на вершине скалы умерла девушка, оплакивая гибель своего возлюбленного... Поблизости от горы, которая звалась Куцым курганом, протянулась длинная цепь причудливых камней. Они

стояли гуськом и напоминали что-то очень знакомое. Это был окаменевший караван, ожидавший часа, когда с него снимут заклятье... Некогда гордая вольнолюбивая красавица решилась вопреки отчей воле выйти замуж за любимого, снарядила караван. Грозное проклятие отца настигло караван на пути в аул жениха и обратило в камень. И прозвали эту каменную гряду, пожалуй, немного насмешливо: Келиншек — Молодуха.

Много попадалось мест, почитавшихся прежде святыми; они носили имена ишанов, мулл и ходжей — Праведный Бокенбай, Преподобный Кулметей, Святой рыбак. Могильники были на одно лицо и не запоминались, но по тому, как часто они мелькали, Карпов понял, какое тут было в прошлые времена засилье «духовных отцов» и святош.

Дальше пошли перевалы — названия их настораживали. Ледовый перевал... Перевал с Дурным камнем... Так их прозвали, конечно, чабаны, водившие через Каратау овечьи отары. Недобрая, видимо, слава у этих перевалов. Худо здесь ранней зимой, поздней весной, ежели замешкаешься на кочевке, а мимо Дурного камня нужно прогнать десятки тысяч овец.

Жаркая южная осень заволокла склоны Каратау зыбким знойным маревом, а в машине вдруг все заговорили о зиме. В январе, феврале в этих краях бывают лютые затяжные бураны, непролазные снежные заносы, которых больше всего боится пастух. Глубокие снега грозят бедствием, имя которому джут.

Карпов слушал, мысленно усмехаясь. Снова и снова ему внушали, что он едет в самые трудные районы своей области — Ноянский и Узакский. Каратау — Черные горы — стягивал их словно бы каменным поясом. А тело единое, живое — кочующие отары. И вот случается в жестокую зиму, что голова его остается по одну, а ноги — по другую сторону перевалов; это равнозначно параличу.

— Понял, понял, — сказал Карпов, шутливо почесывая висок. — Но что-то уж больно часто, товарищи секретари, я слышу от вас слово «если...». Если снег, если ветер, если мороз! Сомнений у вас больше, чем воли и уверенности. Жалуетесь вы, что ли? Получается так, что у вас сколько скота, столько и бед. Скажу прямо, я предпочел бы слышать: сколько людей, столько уменья!

И в зеркальце у ветрового стекла машины Карпов увидел, как его спутники переглянулись, впрочем, без осо-

бого смущения. «А что мы за люди — смотри сам...» — говорили их взгляды.

С ним ехали Алим Еримбетов, второй секретарь обкома, и Алмасбек Жайлыбеков, третий секретарь, оба люди молодые, в войну — фронтовики, образованные, смелые, острые на язык и, в общем, ясные, хотя в деле Карпов их еще не видел. Третьим был пожилой грузный человек с рябоватым лицом, секретарь Узакского райкома Есдаулетов. Он казался чрезмерно покладистым, умеренно уступчивым и уклончивым; он был неясен.

В тот день Нил Карпов впервые в жизни вошел в казахскую юрту.

Спустившись с гор, мягкая грунтовая дорога плавно вилась среди невысоких холмов, то поросших густой травой, то голых и слоистых, как пирог. За машиной тянулся пыльный хвост, но ветер здесь словно приутих, и Карпов перестал щуриться. Такие места называются жельтимес — ветер не берет. Их любят овцы, а стало быть, и чабаны.

На скате холма показалась большая отара, овцы шарахнулись от машины и плотной волной покатились в сторону с барабанным гулом. Алим Еримбетов тотчас узнал их.

— Это овцы Керекена! Они у него как архары. Смотрите, скачут, как горные козлы. Думаете, это архаромеринос? Нет, обычные...

Машина остановилась. На холме появился чабан верхом на упитанной кобылице, за ней бежал голенастый стригунок. Чабан зычно и спокойно крикнул:

— Шайт! Шайт!

И овцы стали послушно собираться позади него.

Карпов уже слышал о нем — человек знаменитый. А таких овец Карпов в России не видывал. Каждая весила не меньше восьмидесяти килограммов. Шерсть — волосок к волоску.

Алим что-то сказал Керекену по-казахски, и тот с достоинством улыбнулся — он сам видел, какая птица к нему прилетела... А Карпов отметил про себя: чабан и Алим знакомы не шапочно, близко, зовут друг друга ласково: Алеке, Кереке.

Поручив отару молодому чабану, подъехавшему на ушастом ишачке, Керекен повел гостей к своему дому.

На зеленой, еще не вытоптанной лужайке у ручья стояли две юрты, одна большая, покрытая свежей белой кошмой, другая маленькая, невзрачная, четырехстворчатая и островерхая, под черной кошмой. Меж юртами врыт в землю каменный очаг, в него вделан закопченный казан. Очаг огорожен невысокой циновкой из чия.

Скота возле юрт не видно. С яростным лаем выбежали желтоватый кобель, рыжая сука и два игривых косолапых желто-пегих щенка. Псы степные, поджарые, злые. Потом из юрт вышли женщины; из маленькой — старуха, видимо, мать или свекровь, и молодая, широколицая, румяная, головы у обеих покрыты теплыми платками. Из большой юрты вышла женщина лет тридцати, с грудным ребенком на руках; к ее юбке жались еще два малыша. Это, конечно, жена Керекена. Она, поклонившись, отвернула перед Карповым кошму-дверь.

С волнением Карпов перешагнул порог и остановился, осматриваясь.

«Вот она, юрта... — думал он. — Та самая, степная, извечная... Сколько о тебе слышал, читал, спорил! Ох, и темна ты, старушка».

В юрте было сумрачно. Тусклый свет исходил из шанрака — зияющей круглой дыры в потолке, сквозь которую виднелось небо. На чем же здесь сидят? На чем едят? На чем спят? Ни стульев, ни стола, ни постели. Все на полу, а пол, по сути, земляной, хоть и устлан кошмами.

Со света Карпов ничего не различал в этом древнем жилье, и хозяин, почтительно придерживая гостя за локоть, провел его к торю — почетному месту против двери — и усадил на стеганые одеяла. Усадил... Легко сказать! Карпов встал на колени, прислонился спиной к решетчатой стенке юрты, не зная, куда же девать ноги в запыленных сапогах. Приглядевшись, он увидел, что его спутники удобно, привычно сидят на одеялах. Поджав под себя одну ногу, легко уселась жена Керекена с ребенком на руках. Рядом с ней следом за гостями сел хозяин, сняв шапку и оставшись в черной бархатной тюбетейке. У него было приятное смуглое лицо с небольшой острой бородкой. Он вежливо улыбался. И Карпов весело покряхтел, как бы извиняясь в неловкости.

Сбоку от торя вдоль стен стояли один на другом сундуки, обитые крест-накрест полосками белой жести. На сундуках лежали свернутые кошмы и узорчатые ковры, выше — стеганые одеяла, еще выше — подушки, большие

и маленькие. Вот и все имущество и все убранство. Ни книг, ни радио, ни зеркальца...

Посреди юрты Карпов увидел костерок из мелко поколотых чурок. Над слабыми язычками огня вилась светлая струйка дыма, утекая в шанрак, уже заметно закопченный. В юрте было прохладно, и тем более остро бил в нос запах дыма, войлока, овчины. «Каково же здесь зимой, в мороз и ветер, когда костер нужен много жарче? — думал Карпов. — Или в обложные осенние дожди, когда шанрак приходится закрывать? Как тут живут дети — вечно в теплой одежке? И как в юрте моются, как стирают белье?»

Карпов достал папиросы и закурил, сильно затягиваясь, скрывая свое смущение.

Перед ним поставили круглый на низеньких ножках стол, покрытый дастарханом — чистой синей скатертью с белой бахромой. На столе возникло блюдо с внушительной горкой румяных баурсаков — шариков из теста, обжаренных в масле; среди них белели кусочки сахара. В трех тарелках подали сливочное масло. Внесли кипящий самовар, он пыхтел паром и посвистывал. В юрте стало вроде бы теплей, уютней и краше.

Хозяин сам палил Карпову в пиалу чай с молоком; цветом чай напоминал кофе и был крепок, душист и вкусен. Карпов пил его охотно, и хозяин был доволен, истово поглаживал бородку. Но речи за дастарханом почетный гость повел трудные.

Пока говорили о делах, Керекен чувствовал себя в седле. Места здесь изнурительно сухие, но он живет у ручья. Места здесь жестоко ветреные, но он живет в желтимесе. И за пятнадцать лет его отара ни разу не пострадала от гололедицы и бескормицы, то бишь от джута. К зиме овцы у Керекена самые тучные в округе. Отчего так? Оттого, что пасет он их, не ленясь, восемнадцать часов в сутки, поит дважды в день. Это одно. А другое то, что у него на примете и в памяти каждый пригорок, каждая ложбинка, где не бывает сугробов, где лучше укрыться, где и свирепый буран не страшен. К весне овца у Керекена еще упитанна, а сытую овцу никакая хворь не берет. Вот почему его отара не знает, что такое падеж.

Однако, выслушав хозяина, и как будто одобрительно, гость сперва между прочим, потом все пастойчивей и пристрастней стал расспрашивать о разных житейских мелочах, которыми такому большому человеку вроде бы и

интересоваться не к лицу. И горячие синие глаза гостя, похожие на огоньки летнего нежаркого костра, теперь блестели, как сталь.

Хозяин застеснялся, соображая, к чему же он клонит. Голос добрый, приветливый, сердечный, а в каждом слове упрек. И про чай человек забыл...

Алим, верный друг, попытался было выручить Керекена. В юрту внесли большое желтое блюдо с каурдаком — мелко нарубленным мясом, нежным и ароматным, пышущим жаром. Против каждого гостя в мясо были воткнуты ложки. Алим громко крякнул и засмеялся.

— Горяч каурдак! И густоват, густоват... У него должен быть холодный погонщик! Холодный и жидкий...

Керекен обрадовался, с благодарностью глянул на Алима, а на Карпова с почтительной надеждой.

— Слава богу, и это есть, — сказал он. — Погонщик послушный, его только кликнуть... если велите... — И он вытащил из-под столика неизвестно как туда попавшую бутылку коньяку; коньяк армянский, лучший — пять звездочек!

Почетный гость выпил рюмку — ею служила маленькая синяя пиалушка, но и это не убедило и не утешило. Керекен пожимал плечами, отвечал односложно, и гость принялся допытываться все о том же у его жены...

Коли большой человек спрашивает, понятно, нехорошо скрывать, хоть бы речь шла о всяких несуразностях. И хозяйка отвечала, что больница отсюда далеко, на совхозной усадьбе, там же и баня. В стужу с детьми туда не поедешь. Баню они любят, как не любить! Но за зиму, считай за полгода, ей с мужем удается побывать в бане раза два. Баня замечательная, горячей воды — река.

Лицо Керекена посерело от стыда за жену. Он считал, что ее откровенность оскорбит дорогого, редкостного гостя. Так все ладно шло, такое угощение, и вдруг эта невоспитанность!

— Ой, жена, ой, хозяйка! — с неприязнью зашептал он. — О чем говоришь? Как язык поворачивается? Пошевели мозгами...

Карпов пристально посмотрел на него, потом на Алима, тоже бледного, с застывшей на лице неловкой и просительной улыбкой, и опустил глаза. Когда же гость поднял их, они мягко и добродушно синели.

— Хорошо живете, — сказал он, словно бы сызнова осматриваясь, и Алим почувствовал, что Нил Петрович

не кривит душой. — Хорошо, Кереке... В этой юрте понимаешь, что значит гордиться за человека. Ваш дом — самый теплый, самый светлый!

Алим сжал кулак и молча с силой ударил себя по колену. Карпов, улыбаясь, зачерпнул ложкой каурдак.

— А что же вы, друзья мои, — неожиданно заметил он своим спутникам, — что же вы внушали мне по дороге? Вон какой скот у Керекена! Или это исключение?

— Видите ли, — ответил Есдаулетов, озабоченно морщась, — вообще-то наш край самый теплый в Казахстане. Все-таки южная область. Это не Сибирь и даже не Джамбул. Скажи в Алма-Ате, что на юге падеж скота, — засмеют, еще выругают! Под нашим небом иной раз молишь снегопада, потому что это вода...

«Ну и что же?» — подумал Карпов с невольным раздражением.

— Видите ли, — проговорил Есдаулетов, словно нащупывая, что сказать, но Алим перебил его с горячностью и откровенной обидой:

— Неужели и вы, Нил Петрович, будете нас упрекать в том, что мы малодушничаем, подстраховываемся и даже накликаем сами на себя джут?

— Ого... — сказал Карпов. — Часто вы это слышите?

— В позапрошлом году в начале марта я послал телеграмму, что у нас падеж. И получил строгое предупреждение от Министерства совхозов республики за паникерство.

Карпов задумался.

«Джут, — мысленно записал он себе на память. — Извечная угроза... Но что же, ее боятся или стесняются, как знаменитый чабан Керекен стеснялся своих будничных привычных житейских неудобств?»

Другое наблюдение казалось Карпову более ясным, но и более сложным: юрта чабана. Трудно в ней живется, а в степи без нее не обойтись.

Поехали на центральную усадьбу совхоза «Конекент», самого крупного в Узакском районе.

И в который уже раз Нил Карпов подивился тому, как многолика казахстанская земля. Эта великая степь не утомляла, не прискучивала. Здешние края и не походили на степь, они напоминали скорей Урал близ реки Чусовой, которую Карпов почитал самой красивой из горных рек. После угрюмых каменистых склонов Каратау земля

вокруг веселила глаз. В широких ущельях и долинах — тенистые леса, гущина листвы, чуть тронутая огнем осени, ослепительная ширь лугов. Селения сплошь в садах. Яблоки, яблоки...

Но пески, голые пустоши были рядом, и спутники Карпова говорили о воде. Есдаулетов вдруг оживился, словно зараженный темпераментом Алима, и в двух словах сказал многое. В районе живет двадцать тысяч человек. Скота — триста тысяч голов. По семилетнему плану задано удвоить поголовье. А можно бы вырастить и миллион овец — несравненных каракульских! Пастбищ в достатке. И чабанов хватит. За чем же дело стало? Мало воды. В районе есть три порядочных колодца. А нужно двадцать. И не прежних, захудалых, с песчаной полынной горчинкой, которые очередной караван выпивал до дна, а современных, артезианских, неиссякаемых, с вкусной водой, от которой не отвернется ни верблюд, ни овца.

Один-единственный колодец, выкопанный близ Жоан-Тобе, позволил вырастить во вчерашней пустыне, примечательной лишь ящерицами, арбузы! А ведь в старину в бескрайной Мырзабаевской степи, которая ныне облысела, наши отцы и деды сеяли. Если с умом, с толком насыпать дамбы, плотины, наполнить рытвину Алтыбай водой семнадцати родников, а их здесь семнадцать, степь воскреснет. На тысячах гектаров возникнут посевы. Это целина благодатная, только руки приложи. Вот что такое Узакский район.

Карпов с интересом поглядывал на Есдаулетова. Совсем другой человек — дельный, знающий! Как же понять его недавнюю вялость и убогое старание сказать непременно впопад начальству?

— Стало быть, и вправду вы жаждете зимы и снегопада, потому что это вода? — напомнил Карпов, стремясь связать мысли Есдаулетова воедино.

Но в ответ Есдаулетов опять угодливо, льстиво рассмеялся.

«Указаний свыше — вот чего ты жаждешь», — с досадой подумал Карпов.

Добрались наконец до усадьбы, вошли в высокий одноэтажный дом, крытый шатром. Это был дом директора совхоза Абды Есенова.

Абды оказался молодым, сероглазым и русоволосым. Он прекрасно говорил по-русски, и с первых слов, непринужденных и неказенных, с первого рукопожатия, про-

стого и дружески крепкого, без непременной восточной почтительности, которая требовала принимать руку старшего обеими руками, понравился Карпову. Видный парень, сверстник и ровня Алиму Еримбетову. Уроженец местный, учился в Ташкенте. Зоотехник по школе и по призванию. Дело свое любит горячо, искренне, к нему прирос душой. Это Карпов почувствовал, услышав его разговор по телефону, а говорил Абды неторопливо, настойчиво, не смущаясь тем, что его дожидается первый секретарь обкома, а Есдаулетов корчится, точно на иголках.

Хороша была и жена у Абды, лет восемнадцати — девятнадцати, не старше, тонкая, высокая, смуглолицая, с девичьей косой ниже пояса и глазами верблюжонка, как сказал бы казах. Прямой, чуть вздернутый нос делал ее похожей скорее на украинку. Не заметно было, чтобы она стеснялась гостей, но, видимо, все же старалась не обращать на себя особого внимания. Говорила вполголоса, точно у постели спящего или больного, отвечала Карпову скупо, опустив глаза, неясно улыбаясь и как бы пресекая дальнейший разговор.

Карпов насторожился. Абды смотрел на свою жену со странным беспокойством, которого, пожалуй, и не скрывал. Казалось, он хотел, очень хотел, чтобы она говорила, и... опасался того, что она скажет.

— Отстаете вы от мужа, — сказал Карпов. — Почему не учитесь? Неужели не хотите?

— Здесь вуза нет... — ответила она. — А в дальние города, в область, не могла поехать.

— Сколько девушек окончили школу вместе с вами?

— Семнадцать.

— Вот как! А кто-нибудь из них поехал в вуз?

— Да... поехали...

— А вы? Что ж отстали?

— Не смогла поехать, — тихо повторила она и, взяв посуду, извинилась улыбкой, притворяясь, что ей нужно уйти.

— Не хватило у меня духу с ней расстаться, — сказал Абды, смеясь, но и слова и смех его показались Карпову тоже притворными.

С этой минуты туманное и неприятное ощущение, что ему хотят и не могут рассказать нечто важное, может быть, наболевшее, не покидало Карпова. Исподтишка он присматривался к рябому лицу Есдаулетова. Тот говорил без умолку, не давая другим открыть рта, шутил, и даже

острепько, па тот счет, что дом Абды еще теплей и светлей, чем юрта Керекена... Карпов понял: вот кто мешает поговорить откровенно!

Синие его глаза вновь похолодели. Есдаулетов тотчас сбавил тон и сам стал расспрашивать Абды. Интересовало Есдаулетова, как совхоз готовится к зиме. По и ему и Карпову Абды отвечал словно бы неохотно и сбивчиво.

Вдруг он заговорил о своей жене и каких-то братьях Жанаевых, работниках совхоза. Этим братьям, видите ли, пришлась не по вкусу его женитьба, и Абды никак не мог с ними сработаться... «Что такое?» — подумал Карпов недоуменно. Есдаулетов перебил Абды и резонно заметил, что он директор, Жанаевы его подчиненные, а склоку надо душить в зародыше. Абды выразительно покосился на Карпова и умолк.

Тогда Карпов отметил себе: братья Жанаевы.

Минутное застольное затруднение отвлекло Карпова. Как водится, его угощали и в этом доме. Казахское радушие оборачивалось делом обременительным: сколько домов — столько и угощений. К тому же в доме Абды Карпову был приготовлен высший деликатес — вареная баранья голова... И в первый момент Карпов растерялся.

Ему доводилось слышать, что, по давнему обычаю гостеприимства, баранью голову подают особо почетному гостю. Тот делит ее ножом и угощает гостей ниже рангом. При этом открывается неповторимая возможность для нравоучительного остроумия. Дашь кому-либо ухо и внушаешь: слушай и внимай аллаху и районному инспектору по животноводству, дабы не покарали они тебя на партактиве. Дашь глаз и наставляешь в полное свое удовольствие: смотри зорче за женой, ибо она моложе тебя на год и столько-то месяцев, или за дочерью, поскольку у твоего соседа холостой сын. Перечить старшему гостю у казахов не принято. Лишь ровесник вправе отшутиться.

Карпов был далек от ханжества, и хотелось бы не ударить лицом в грязь. Есдаулетову, к примеру, следовало бы дать язык со словами: говори правду! А еще лучше ноздрю: вот тебе второй нос — держать его по ветру... Любопытно, куда бы он дел свои глаза? Но Карпов со стесненной улыбкой пододвинул ему все блюдо с бараньей головой.

Есдаулетов затрясся, замахал руками, будто совершалось некое кощунство.

— Что вы, Нил Петрович! Голову вам подали... Это почет, честь. Мне не полагается. Вы сами голова, откушайте...

Карпов прищурился, размышляя, и нарочно предложил голову Алиму, потом Алмасбеку Жайлыбекову. Те также шумно отказались.

— Это народный обычай, национальная традиция, — сказал Алмасбек. — Мы не смеем. — Но в том, как они оба шумели, Карпов уловил смущение и неловкость.

Карпов засмеялся.

— Слушайте, друзья, — сказал он. — Ну, допускаю, Алим... это хоть по его епархии, поскольку он ведает животноводством! Как говорится, товар лицом! А вы, Алмасбек, секретарь по пропаганде... что вы пропагандируете? Вы же сами в затруднении, что с этой... головой делать, куда с ней деваться за столом! Так или нет?

— Вообще-то нужен старик... аксакал... — проговорил Алмасбек со смешливым вздохом.

— Ну, я не гожусь в аксакалы, — сказал Карпов. — Извините меня, Абды, я тоже еще молод! А молодым, говорят, присуще одно коварное свойство — отличать традиции от пережитков. Что же, Алмасбек, и калым и умыкание — тоже традиция, народный обычай? А может, это анахронизм, феодальный мусор, по сей день засоряющий нам глаза?

Алим и Алмасбек бегло переглянулись, и это обмануло Есдаулетова.

— Не совсем понятно, — проговорил он, усиленно морща лоб. — Зачем обижать стариков? Нужно ли это? Наша молодежь к этому не приучена.

— И я не приучен, — возразил Карпов.

— А религия? — спросил Есдаулетов, прищурив один глаз и подняв указательный палец. — Она постарше феодализма, а мы ее терпим...

Карпов с изумлением смотрел в его прищуренный глаз.

— Что-то я не припомню, — сказал он сухо, — чтобы меня в виде чести приглашали в церковь или мечеть. Боюсь, что я не принял бы такой чести... А вы?

Есдаулетов громко, протяжно расхохотался.

Другие не смеялись. Алмасбек, поворачивая перед собой блюдо с бараньей головой, сказал:

— Откровенно говоря, Абды, это же чистейший субпродукт, незаменимый для холодца. Высший сорт! Ножки

даже еще лучше... Вот уж от холодца здесь никто не отказался бы, хотя в нем мало чести.

Карпов молча развел руками, показывая, что лучше не скажешь.

— К вашему сведению, Нил Петрович, — продолжал Алмасбек, — интересный факт: не далее как прошлой зимой в кабинете нашего председателя облисполкома Ахана Султанова был банкет для гостей из Индии. И что же вы думаете? Подали им баранью голову! Индусы, как известно, вообще мяса не едят. Им баранья голова, наверно, просто отвратительна, если не оскорбительна. Но точно так же их принимали в Алма-Ате. Как нарочно! На моих глазах был случай в нашем Баскенте: ученым гостям из Швеции предлагали это блюдо. Я сам видел, как вышло нескладно, неудобно. Было бы в юрте у чабанов — все понятно. Мы сами тогда возмущались. И сами же это делали! Действительно, что ли, засорены глаза?

— Зачем преувеличивать? Кому это нужно? — сказал Есдаулетов по-прежнему нудно и упрямо.

И почему-то именно его слова застряли в памяти Карпова, когда поднялись из-за стола и поехали дальше. Абды Есенов не пытался поговорить с ним с глазу на глаз. Впрочем, может быть, Есенов хотел справиться с братьями Жанаевыми без опеки обкома? Или все же опасается выносить сор из избы?

В машине Карпов был молчалив и рассеян. Ощущение неопределенности и незавершенности не покидало его. Он думал о том, что не поспевает, не поспевает в полную силу запрячься в свое дело до зимы. Чем больше он ездил по трудным районам, чем ближе их видел, тем беспокойней становилось на душе. В Центральном Комитете, помнится, пошучивали: вступать бы тебе в секретарство с весны — теплей, веселей... Теперь Карпов понимал, что шутили с ним не так уж безобидно. Нет уверенности в зиме! Нужны крупные, масштабные решения и рывок, может быть, не столько силами области, сколько силами республики. А уж поздняя осень. Не поспеть! Мудрено ли, если один вьюжный зимний месяц растранжирит бесподобный, удивительный труд чабанов за целый год?

Чьи еще рабочие будни во всей стране можно сравнить с рабочими буднями чабана в суровой зимней степи? Разве только солдатские...

2

Смеркалось, когда Карпов и его спутники приехали в Баба-Ату.

Первое, что здесь бросалось в глаза, — развалины старинной мечети. Она была из обожженного кирпича и некогда гордо высилась над всей округой. По уцелевшим стенам можно было судить, что строили ее недюжинные мастера.

Неподалеку от мечети археологи из Алма-Аты разрыли древний курган. Раскопки велись второй год. В древние времена на месте кургана стоял ханский дворец. Дворец был уединенный, возведен в узкой теснине между утесами над быстрым ручьем с обильной водой. Другим строениям здесь не доставало места.

Трижды строился этот дворец и трижды разрушался. Воскресал он на руинах, на старых фундаментах, но в последний раз его снес, видимо, лютый враг и навек похоронил. Больше здесь хан не жил.

Карпов бегло осмотрел раскопки кургана и заброшенную мечеть, сказал нетерпеливо:

— Ну, что еще покажете?

Его спутники, рассуждавшие о том, сколько было погублено жизней, сломано судеб и пролито крови в ханском дворце, примолкли. Карпов понял по глазам товарищей, что они стараются угадать, что же его интересует.

Он остановился у запыленных стен мечети под черным утесом.

— Это здесь жила женщина по имени Алуа?

Товарищи переглянулись: откуда он знает? Когда успел узнать? А Алим Еримбетов заметил себе: «Берет факты не за хвост, за холку».

Про Алуа в этих местах не забыли. Алмасбек Жайлыбеков вызвался рассказать Нилу Петровичу ее скорбную и трагическую историю. И вот что он рассказал.

С тех пор минуло полвека, а может, и больше. Алуа была женой торговца Каная, хозяина богатого аула. Низкорослый, с узловатыми руками и снежно-белой бородкой, Канай рано одряхлел, был немощен, но зол и спесив, болезненно ревнив и немилосердно жесток.

В страшный год повальный тиф унес сыновей и старую жену Каная. Было ему под семьдесят, когда он ввел

в свой дом девятнадцатилетнюю, высокую, стройную черноглазую Алуа, полную юных сил. Она стала его женой со стыдом и горем. Слепая судьба, тяжкая жизнь загнали Алуа под этот постылый кров.

Вышла девушка из малочисленного аула рода аргын, перекочевавшего в Моюнкумы из Аркы, разоренного в годину джута. За одну лютую зиму аул потерял весь свой скот, обнищал и уже не имел силы откочевать в родной край. Рассыпался обездоленный аул, понесло людей, как утиный пух, из гнезда беркута, в разные стороны. К тому же семья Алуа оспротела. Отец, спасая в метель скот, сильно застудил грудь и умер. Девушка осталась старшей в семье, единственной надеждой несчастной матери, двух сестер и малолетнего брата. Пешком, побираясь, кое-как добралась вдова с голодными детьми до Коныpата, что вблизи Жоан-Тобе. И здесь-то их приметил торговец чаем, материей и прочим ходким товаром Канай и без особых хлопот, без больших затрат заполучил себе Алуа, а остальных прогнал.

В первый год замужества Алуа родила Канаю сына, крепенького, красивого, как она сама. Старик назвал его Кенжебеком. Но шли годы, рос мальчик, а жизнь Алуа становилась все горше и мучительней. Канай изводил жену ревностью, подлыми подозрениями, непрестанной бранью, частыми побоями. Мальчик был так хорош, что старик не верил, что это его сын, и чернил, попрекал мать тем, что нажила ребенка не от мужа, а от случайного прохожего. Алуа терзалась, плакала безутешно. Бесчестные наветы были ей больней и обидней, чем удары камчой. Канай кипел старческой злостью. Чтоб покрепче уязвить молодую, он призывал к себе маленького Кенжебека и безжалостно, бесстыдно срамил его: «Ты явился на свет нечистым путем... ты сын греха, сын измены...» Мальчик подурнел, перестал смеяться, молчал целыми днями, испуганно озирался.

Алуа хозяйничала в доме старика, считалась женой богатого мужа, но жизнь ее была беспросветно темна, и не было в ее душе ничего, кроме унижения. Когда старик подбирался к ее постели и протягивал к ней холодные руки, Алуа дрожала от страха, отвращения и не могла удержать слез. А старик лютел, дурел пуще прежнего и все чаще поднимал на жену камчу. В ее слезах, в ее муке он видел примету неверности.

Тщетно искала Алуа утешения в сыне. Мальчик, едва начав говорить, будто онемел навеки. Тоска и боль матери словно передались ему с ее молоком. Алуа некому было пожаловаться, и она делилась своим горем с ребенком. Держа его на руках, баюкая, она не пела ему песен, а причитала, как плакальщица.

— Только ты моя маленькая забава, радость моя... да и та обокраденная... Ты моя жизнь и мои цепи. Без тебя в разлуке не проживу. Ты меня приковал к старику, точно каторжницу, милый мой, родной мой...

Так прожила Алуа семь лет. И привязалась к ней еще одна напасть.

Стал ходить за неприкаянной красавицей один джигит лет тридцати, близкий родич Каная, ибо у казахов родство в три-четыре колена — недальнее... Звали джигита рябым Конкаем. Был он неказист собой, а нравом козел. Не только красавица, а и дурнушка от такого отвернулась бы. На темном лице его торчал вздернутый нос, в морщинах прятались маленькие серенькие свиные глазки. И весь он точно из корявого выветренного камня, груб и шершав. Лишь белые собачьи его зубы, вечно оскаленные, поблескивали под короткими густыми усами.

Жена у Конкая была робкая, вялая, придавленная своим бесплодием. И при удобном случае он привязывался к молодым бабенкам, которые попадались под руку. Пользуясь родством с Канаем, Конкай захаживал в дом старика и засиживался спозаранку допоздна. Молоденькая, но гордая Алуа пришлась по вкусу рябому. Стал он ей поперек дороги.

Конкай был ей противен, как и муж. Она не слушала льстивых слов рябого. Но он не отступался. Многие месяцы он подстерегал ее одну, уговаривал, улещал, Алуа гнала его, он не уходил. Пыталась пристыдить, да какой стыд у козла?

Однажды она сильно рассердилась и припугнула его:

— Вот какой ты родич! Смотри, кончится мое терпение — скажу мужу.

Рябой Конкай напугался. Родич Канаю он был хоть и близкий, да не больно важный, бедный. Канай славился скупостью, как и все торгаши, однако и в его доме удавалось раздобыть то харчишек, то старую одежонку, а то на время лошадь или быка в горячую страдную пору, при удаче — даже малую толику деньжат. Конкаю ничем не

приходилось брезговать, а жадностью и корыстолюбием он походил на своего благодетеля.

Вот почему оробел рябой. И возвел на Алуа небылицу. В аул приехал волостной управитель Сырбай с двумя биями и посыльным. Дом торговца в ауле самый богатый, с хозяином Сырбай был накоротке, и хотя Канай оказался в отъезде, волостной заночевал в его доме. Только слепец не разглядел бы красоты Алуа. Кровь в жилах Сырбая текла кабанья, но и он, как водится, любезничал с хозяйкой. Конкай это приметил и, едва вернулся старик, уединился с ним и, припав к его уху, стал живописать, как Алуа спуталась с волостным Сырбаем, зазвала его ночевать, когда муж был в седле.

Алуа не догадывалась об этом наговоре и не понимала, почему старик так свиреп с ней, так безобразно ругается, так безжалостно дерется. После разлуки он обыкновенно мягчел на одну ночь.

Кругом не было ни души, ни одной человеческой души, которая заступилась бы за Алуа или посочувствовала бы ей, смешала бы свою слезу с ее слезой. Все женщины аула зависели от торговца, от его мошны и смотрели на Алуа его глазами, говорили с ней его языком. Говорили они, что Алуа молода, хороша собой и горда, ни с кем не делится своими женскими тайнами, а это, ясное дело, неспроста, не зря. Муж старый, муж в разъездах по базарам да ярмаркам, а молодая дома одна, без присмотра, без свекрухи, держать ее в узде некому. Есть у нее и теплый кров, и мяса вдосталь. Думать ей не о чем. Неужели же она, такая молодая да сытая, будет сидеть так себе, ждать старика? Безобидный он человек, богобоязненный, а она бесстыжая, греховодница.

Плели, мололи языками аульные болтуньи, угождая Канаю, а он синел от злобы, прислушиваясь к ним. Теперь он подходил к Алуа только с камчой и с пеной на сморщенных губах.

А рябой Конкай вновь осмелел. Опять стал домогаться своего, не давая Алуа проходу. Она не разговаривала с ним, не смотрела на него. Но он не замечал ее гнева, душевной боли. Старик далеко, старик потерял разум от злости, а женщина одна на целом свете, женщина забита — стало быть, поспевай. Деваться ей некуда. И рябой, скаля белые собачьи клыки, выговаривал красивые слова:

— Милая... Солнце мое... Сердце мое... Страсть моя...

Серые скулы его бледнели, дышал он, как запаленная лошадь, а щелки глаз заволакивали слезы. Слезой не то что ее, самого Каная удавалось разжалобить!

На момент рябой и впрямь расчувствовался. Взбрела ему в голову шалая мысль.

— Оба мы несчастные, — сказал он. — И твоя и моя жизнь как полынь. А тебе и невдомек, почему я к тебе липну... Молил я аллаха, молил аруаха, чтобы гордая Алуа вникла, какая такая мечта гложет мое сердце. Никто нас не слышит, ты послушай... Я не хитрю, не обманываю — для тебя от всего отрекусь, все брошу. Ты вдосталь наплакалась, и я бедолага. Кабы ты ко мне склонилась, слились бы наши желания — не попусту, не для минуты одной, для честной жизни. Возьму увезу тебя! Убежим далеко, заживем вдвоем, сами себе хозяева. Повезу тебя за Бетпакдалу, к твоему роду аргын, откуда тебя мать-отец вывезли. Вот куда тебя доставлю! Будь я проклят, если того не сделаю... Только держись за мою руку.

Алуа впервые повернула к Конкаю голову, впервые подняла на рябого глаза. Какие это были глаза! Какая в них светилась душа! Обмануть такую женщину — нет подлее дела, нет темней греха. Казалось, разверзнись перед ней земля и скажи ей голос: вот дорога в отчий край, к родным людям, она ступила бы в пропасть без страха.

— Обещаешь? — спросила Алуа. — Клянешься честью, совестью?

Рябой Конкай поклялся духом своего покойного отца. А что такое честь и совесть, он и не ведал толком. Чести и совести не там Алуа искала.

Густели сумерки. Алуа сидела, бросив на колени шитье, опустив руки, безмолвная, бесчувственная, безразличная. Конкай подошел к ней неслышно, еще не веря в свою удачу, схватил и повалил навзничь. Она не противилась ему.

Достиг рябой, чего хотел. После заката он приходил, перед рассветом уходил.

Так было несколько ночей, пока Канай ездил торговать. И возгордился рябой — ночью ему хан мог бы позавидовать.

Алуа жила, как в дурном сне, точно скованная недугом. Она не могла есть, не могла спать, не разговаривала даже с сыном. Сердце ее болело. Рябой Конкай был ей по-прежнему постыл. И тело и душа к нему мертвы. Но теперь она сама себе стала противна. Много раз она

хотела без пощады наказать, убить себя. Жалко было маленького, несмышленого, пугливого сына.

Как-то под утро, когда рябой, потягиваясь, кряхтя, поднимался с постели, Алуа сказала ему:

— Скоро муж вернется. Помнишь свое обещание? Когда уйдем отсюда?

Конкай дернулся, словно от удара хлыста, оскалился по-собачьи, трусливо и язвительно захихикал. Нащупав в темноте на стенке юрты свой чапан, он накинул его на плечи, пригнулся, шепча:

— Э-э, куда торопиться? К чему нам спешить?

Алуа ахнула, упала на постель и заплакала навзрыд. Конкай побежал к двери, бормоча на ходу:

— Заря занимается... светает... Смотри, услышат! Попадемся на глаза... Что ж теперь поделаешь? Мы себе не вольны, — и выскочил из юрты.

Приехав с базара, старик прожил дома неделю, не выпуская из руки камчи, и опять уехал. К ночи в юрту Алуа прокрался рябой Конкай. Он стал внушать Алуа, как нужно им быть настороже, держать ухо востро. Люди злы, проведают, сболтнут, и кончится покой, тогда не позабавишься.

Алуа больше не плакала. Губы ее дрожали от гнева, но в глазах еще светилась искорка надежды.

— А как же твое обещание? Ты клялся прахом своего отца! Сколько мне ждать? Скажи хоть раз правду, по чести, по совести... Извелась ожидаючи...

— Э, будь ты неладна! — выругался Конкай. — Ожидаючи... Клялся! И что мелешь? — Он ухмыльнулся, скаля белые клыки. — Что же, тебе лучше со стариком, милей старик, а? Я вон тебя не бью, не кляну...

— Но ты же обещал... перед богом и аруахом! Я тебе все отдала...

Рябой расхохотался ей в лицо.

— Неужто ты шуток не понимаешь? Уж и пошутить нельзя! Так, милая моя, от скуки иссохнешь.

— Ты шутил?! Со мной?! — вскрикнула Алуа.

— А что ж такого? На это запрета нет. Невеликий грех! Ну подумай сама, куда я кинусь бежать от своих близких, из собственного дома, с родной земли? Нашла дурачка! Смех, ей-богу...

Алуа подошла к нему и с силой ударила несколько раз по рябым скулам, так, что он перестал скалиться и закрылся рукавом чапана.

— Проклятый! Уходи и не показывайся больше мне на глаза... Бог тебя покарает. Пусть он тебя ударит, как я... Убирайся отсюда! — И она вытолкала его в шею вон из юрты.

А через несколько дней по аулу пополз слушок, что Алуа свела Конкая с пути истинного. Опутала красавица рябого. Слушок этот пустил сам Конкай.

Жил в соседнем ауле юноша по имени Жанузак. Услышал он дурную молву про Алуа, и подлое худое слово ранило его в самое сердце. Было ему неполных семнадцать лет, он никогда еще не обнимал женщины. И, может быть, одному ему было больно за Алуа.

С малолетства он играл на домбре, хорошо пел, а лет с четырнадцати стал сам сочинять песни. Со временем в народе его нарекли юным акыном, звали на свадьбы и праздники, принимали с почетом. Приходилось ему участвовать и в айтысах. Правда, на больших сборищах он еще не выступал, но нередко соревновался со своими сверстниками, девушками и юношами, всегда с честью. Знал он и старые песни, дастаны, понимал их красоту, их мудрый смысл, играл и пел их с большим чувством и умением.

Хрупкого сложения, со светлым, юношески мягким лицом, он походил иногда на тихую девушку. И была у него сердечная тайна — Алуа. Она жила в его песнях. Он мечтал о ней с жаром и чистотой юности. Часто наедине с самим собой он шептал ей горячие признания, и лишь домбра слышала его шепот и вторила ему гудением струн.

Алуа казалась ему недосягаемой, как луна на небе. Иной он не представлял себе ее. Он хотел, чтобы она была такая. И страсть к ней была нежной и возвышенной. Он один знал, как Алуа прекрасна, благородна, горда. Его коробили бабьи сплетни про нее. Он не верил никаким наветам. Он приписывал их низкой зависти. И какие чудесные песни он складывал и поверял высокому небу, степному ветру и черным утесам Бабы-Аты... Какие сладостные и восторженные песни!

И вот мстительная болтовня Конкая настигла певца. Приятель Жанузака слышал, как хвастался рябой в своем ауле и перед мужчинами и перед женщинами, что снял луну с неба и положил в карман до первой надобности.

— Добился красавицы... — рассказывал приятель так, будто сам хотел бы того же. — Сколько лет упиралась,

гнала от себя. А все-таки скрутил ее рябой. Что ни говори, хоть раз в жизни насладился.

Жанузак ушел в свою юрту, скрылся от глаз людских, положил себе на колени домбру и заплакал над ней.

На следующий день необоримая сила привела его в дом старого Каная. Хозяина он дома не застал, и дела к нему у юноши не было. Краснея от смущения и застенчивости, он поздоровался с Алуа и не мог произнести больше ни слова. Она угостила его кумысом, он с поклоном принял из ее рук пиалу, расплескал кумыс и не смог его пить. Душа его была полна огня, а язык словно присох к зубам.

Если бы он смел, он сказал бы ей:

— Не позорь себя! Не марай своей женской чести. Разве Конкай тебе ровня? Разве ты пара рябому стервятнику? Ты самая лучшая из женщин, из всех людей. Тебе не по земле ходить, а летать, подобно гордой птице. Ты прекрасна, как сияние неба. Тебя бог создал для счастья, для красоты. Слушай, как я пою про тебя...

Так хотел бы сказать ей Жанузак. Он хотел бы спеть ей еще никем не слышанное, заветное, но немел, когда ее видел. Он презирал и бранил себя за робость, но ничего не мог с собой поделать. Он боялся оскорбить ее смелым словом, стеснялся своей неловкости, своего голоса.

Алуа чувствовала его тайную, горячую приязнь, но сейчас не поверила бы даже ему. Кроме того, юный акын был странно молчалив. Он так и ушел, не вымолвив ни слова, кроме «здравствуй-прощай», и Алуа так и не узнала, какой верный друг у нее есть. Она так и не узнала, что есть на свете душа, которая ее понимает и которой она могла бы довериться. Так она об этом и не узнала.

Приплелся из гостей Канай, угрюмый, сморщенный, желтый, будто вся кровь обратилась в нем в желчь, и тотчас закричал:

— Одного провожаешь, другого принимаешь, потаскуха! Тварь беспутная... — схватил камчу, хлестнул себя по сапогу. — Поди сюда!

До позднего вечера старик бил Алуа и поносил грязной бранью. Она молчала. Она даже не слышала, не замечала, как плачет и цепляется за ее юбку маленький Кенжебек.

Мальчик льнул к ней, заступался за нее. И лицо, и руки, и шея его были мокры от слез. И старик на время

умолкал, опасаясь, как бы соседи не услышали плача ребенка. Ждал, пока улягутся.

Поужинали. Аул угомонился и уснул, в соседних юртах погасли огни, закрылись двери и тундуки, ходьба прекратилась, говор утих, лишь собаки брехали.

Старик взял к себе в постель мальчика, уложил его поближе к стенке. Усталый, измученный, мальчик уснул. Подошла Алуа, понурив голову. Старик яростно пнул ее в бок голой желтой пяткой. Она тихо отошла.

— Поганая... — шипел он.

Алуа опустилась на колени у очага. Кимешек, старинный головной убор из коленкора, сполз ей на шею, густые волосы рассыпались. Она плакала, задыхаясь, давясь слезами, кусая губы, чтобы старик не услышал ее рыданий.

В середине ночи, когда в ауле не слышно было и лая собак, старик сполз с постели, подскочил к очагу.

— Пошла вон из моего дома! — Старик за волосы потащил Алуа к двери, вон из юрты.

У порога он схватил и поволок за собой что-то тяжелое.

Аул спал, кругом было мертвенно тихо. В безоблачном небе сияла ущербная луна. Земля, купола юрт и борода старика были выбелены пепельным светом. Глубокие морщины изрезали лицо Каная, косматые брови торчали, как колючки.

— Убью! — хрипел он. В горле его клокотало. — Кун за тебя уплачен сполна... Убью нечистую тварь! И конец моему позору...

Ощерив рот, старик поднял над головой Алуа новый остро наточенный кетмень, который днем самолично насадил на рукоятку.

Алуа инстинктивно подалась вперед и прижалась к старику. Тот, брызжа слюной, отшвырнул ее от себя и снова замахнулся кетменем. Алуа успела уклониться в сторону и перехватила кетмень за рукоятку. Старика обуяло бешенство. Он стал вырывать из рук Алуа кетмень, но не смог ее перебороть. Тогда он изо всей мочи пнул ее ногой в живот. Она согнулась, вскрикнула в страхе:

— За что? За что? — и рванула к себе кетмень.

Блеснуло в лунном свете острое лезвие, полоснуло старика по иссохшей щеке и ткнулось ему в висок. Струйка черной крови вспухла на седых волосах. Старик закачался, выпустил из рук кетмень и повалился навзничь. Выронила кетмень и Алуа.

— Боже мой, боже мой! Что я наделала? — Ноги ее подкосились, она упала рядом со стариком.

Услышав ее крик, торопливо подошел дряхлый, подслеповатый сторож и наткнулся на двух бесчувственных людей, забрызганных кровью. Разом по всему аулу залаяли псы. В юртах зашевелились, загомонили. Со всех сторон сбегались люди: женщины, детишки и чабаны, оказавшиеся неподалеку.

Алуа пришла в себя, увидела старика и снова закричала, теряя рассудок.

Старик лежал неподвижно. На его сивых усах запеклась кровавая пена.

— Убила я, горемычная... Убила я, нечестивая... — вопила Алуа, не помня себя, в отчаянии ломая руки и не замечая, как ее тычут кулаками, рвут за волосы и клянут соседи по аулу — мужчины и женщины.

Не успело взойти солнце, как страшная весть разнеслась по аулам далеко окрест. Женщина-кровопийца сперва обманула, потом убила мужа! Если бы небеса треснули, горы обрушились, земля разверзлась и поглотила бы множество людей, вряд ли был бы такой шум в степи. Из уст в уста, из уха в ухо передавались зловещие слова: «Чудовище...», «Страшилище...», «Из преисподней...» И в канцелярии волостного управителя, и в мечети Баба-Ата поднялась небывалая суета. Всполошились власть имущие, гладкотелые и чалмоносные духовные отцы и наставники, подняли на ноги всю округу, всю огромную степную волость.

На похороны старика собрались люди из полутора тысяч юрт — кто пешком, кто в телеге, кто верхом. Хоронили его, проклиная женщину — злодейку, нечестивицу и убийцу.

Затем в условленный день стали стекаться к мечети Баба-Ата ишаны, хазреты, халфе, аткаминеры, бии и прочие чины, белобородые и чернобородые, вершить праведный суд.

После жестоких побоев Алуа долго не могла прийти в себя. Рассудок ее был мутен. Вся в синяках и кровоподтеках, опухшая, с кровоточащими ранами на лице, неузнаваемая, она и сама никого не узнавала. И без конца твердила одни и те же слова:

— Кенжебек, светик мой, Кенжеш... Кенжетай, несчастный мой... Сиротка горькая... — Иных речей от нее не слышали.

Она никого ни о чем не просила, не молила ни бога, ни людей, не ждала ни сочувствия, ни милосердия. Прекрасные ее глаза на обезображенном лице были сухи и горели черным огнем. Она ничего не ела, крошки в рот не брала. Она ждала смерти. Смерть, скорее смерть — ничего лучшего она не ждала.

Волостной Сырбай поручил расследование дела своему ближайшему бию Уаису. Бий должен был допросить Алуа и Конкая.

Когда важный тучный белобородый Уаис вошел к Алуа, она не смутилась, не застеснялась его, даже не встала и не взглянула на бия. Согнувшись, как старуха, она бормотала не переставая:

— Светик мой... единственный мой... сиротка моя... Увижу ли я тебя хоть на краю могилы?

Она не отвечала на вопросы Уаиса, не узнавала его и не слышала. Грозный бий не сдержался, повысил на женщину голос. И невольно отшатнулся, когда она подняла на него глаза.

— Я не убивала, — сказала она. — Я не хотела. Это бог поразил его кетменем, которым он хотел убить меня... Кун за меня заплатил, а сам себя ударил... свалился, бедняга... оставил сиротку... — И опять она зашептала свои причитания.

Кара-ишан прислал к Алуа своих халфе Хасена и Дайрабая, но и те не добились от нее того, что хотели.

— Оставил сиротку... — твердила она. — Бог его наказал за то, что он не жалел сына... Бедный мой горемыка. Кенжеш, несчастный мой...

Когда же халфе прикрикнули на нее, она свалилась без памяти у их ног.

С рябым Конкаем бий Уаис справился легко. Конкай потерял единственного покровителя и благодетеля и дрожал за свою шкуру. Вначале рябой ни в чем не признавался, все отрицал. Знать он не знал чужих жен, спал только со своей, а убитому был верным рабом и дворовым псом. Бий выслушал Конкая со вниманием, затем свел его лицом к лицу с женщинами и джигитами, одноаульцами, которым он похвалялся, что снял луну с неба. Конкай завыл, выдавливая из глаз лживые слезы, каясь и кляня греховодницу и преступницу, соблазнившую его, простака.

После этого сошлись отцы и хозяева волости во главе с Сырбаем и кара-ишаном на совет, чтобы видели смертные, как едины силы и право мечети и волостной власти.

Обоих халфе обуревало сомнение. Им еще не доводилось заниматься судейством и выносить приговоры по шариату. Слова Алуа и все ее поведение поразили хранителей веры. Что, если она заговорит в час казни и, упаси бог, смутится народ? Глаза у нее, как у мученицы, глаза, как у праведницы... Халфе колебались. Их доклад каранишану был уклончив.

— Истинно, хазрет, все мы подвластны закону шариата. Вы учили и учите нас этому закону, вливая в наши души мудрость. Если мы отступим от него по слепой ошибке, что станет с верой в его справедливость? («И в нашу непогрешимость?» — думали халфе). Есть опасения, что эта несчастная женщина не замышляла убийства... Суд под горячую руку — палка о двух концах...

Услышав такие речи, волостной Сырбай вскипел. Его кабаний складчатый загривок налился кровью.

— Что вы там оба мелете, вы, халфе! — закричал он грубо и бесцеремонно. — Если у вас есть сомнения, у меня есть свидетельство... нате, берите его!

Кара-ишан, сидевший в величавом молчании, поглаживая вьющуюся седоватую бороду, вздрогнул, поежился и, не глядя на волостного, стал быстро перебирать крупные желтые камни четок, как бы читая Коран и вознося молитву.

— Астагфиролла, астагфиролла, астагфиролла... — произнес он негромко с приличествующим его сану печальным вздохом, давая понять Сырбаю, как недостойна и невежественна его выходка перед небом и всевышним.

Хасен-халфе осмелился даже укоризненно покачать головой, хотя волостной был старше его годами.

— Грех... греховны эти слова в устах раба божьего... — заметил халфе, ибо кто не знает, что «Есть сомнение? Есть свидетельство!» — слова священные. Их произносят ангелы Мункир и Нанкир, допрашивая души умерших на том свете.

Сырбай и прежде не ладил с духовниками, не становился на пятикратную дневную молитву, не соблюдал постов, не платил зекет — налог, согласно религиозному обычаю; был грешен и нетверд в вере, дик и непослушен. Он заходил в мечеть, а своего сына и младшего брата послал в медресе, но никогда не преклонялся перед ишаном, а тем паче перед прочими служками. При случае он каялся в грехах, но не исправлялся и не возвращался на путь божий, как подобает правоверному мусульманину.

Ныне захотелось ему поговорить с отцами-муллами на их учепом языке, и сразу он сотворил богохульство и кощунство. Однако уступать муллам Сырбай не собирался. Мечеть Баба-Ата стояла на его земле. И пусть его зовут насильником, самодуром, от этого его власть страшней, а значит, крепче.

Волостной уже объявил свой приговор. Решил он казнить Алуа так, как раньше в степи никогда еще ни одного человека не казнили, чтобы наперед неповадно было, навек запомнилось. Имелась у волостного на то особая причина, которую он держал в уме.

Лет пятидесяти от роду, коренастый жирный коротыш с заплывшими узкими глазами и беззубым, впалым ртом, Сырбай имел трех жен. Младшая, двадцатипятилетняя Сакипжамал, рослая, румяная, была привлекательна и изящна. Про таких в народе говорят: «С прямым носом и тонкой талией». Сырбай называл ее ласкательно — Сакыш. За нее он отдал родителям невесть сколько скота и не жалел об этом.

Но с некоторых пор Сакыш стала непомерно упряма, вспыльчива и слезлива. Появилась у нее привычка перечить мужу. И обучилась она у смутьянов смелым словам, которые встарь Сырбай не слыхивал от жен и слышать не хотел.

— Горемычна казахская женщина. Нет у нее счастья в бескрайней степи, — говорила Сакыш. — Что у нее в сердце, какова ее воля — никто не спросит. Отдают ее, связав по рукам, по ногам, за калым противному, злому, нежеланному человеку, сколько она ни лей горьких слез. Когда же наступит и для нас светлый день?

Вот что бесило волостного. Токал становилась уж больно дерзка и своенравна. Он попробовал припугнуть ее, прикрикнуть, пригрозить ей плетью. И ожегся. Сакыш вырвала из его рук плеть и сама закричала:

— Раскрой глаза, слепец! Я не раба тебе безгласная! Берегись, наступит мой день... этой самой плетью выбью из тебя спесь!

Оторопел волостной. Точно морозом продрало ему спину. Если дальше так пойдет — хоть не женись. За что он уплатил такой калым? Целое стадо скота!

Сырбай подозревал, что смущает Сакыш соседний мугалим, учитель, которому он отдал на обучение сына от старшей жены. Собирался примерно приструнить учителишку. Но, видимо, этого мало. Бабий недуг, оказывается,

опасней, чем Сырбай думал. Исходит эта беда из города, источника всех степных бед. Там, в городах, мугалим не один, там их много. Там развелись грамотеи не только из байских детей, но и из простонародья, батрацкой голоты, которой не по карману платить калым. И оттого возникли там газеты, а из них пошла по степи ересь — дать волю женам, учить их грамоте, как мужчин. Именовалась сия ересь джадид-садид и учила разврату и самовольству. Недаром в городах Шинли, Туркестане, Акмечети и поблизости от них так часто стали женщины-молодухи убегать от мужей. Приближенные Сырбая, почтенные бии Уанс и другие, говорили об этом, точно о повальном море или о чуме.

Сошлись на одном — нужен великий страх. Женщина убила мужа... Убить ее! Да так, чтобы содрогнулись сердца у молодых жен, чтобы волосы у людей встали дыбом, а Сакыш прикусила бы язык. С тем и поехал волостной в Баба-Ату.

Поехал, точно на большой праздник, с огромной свитой — двумя посыльными, несколькими старшинами и множеством аткаминеров, прожженных сутяг, готовых лизать языками навоз. Ехали они верхом на отборных конях, дабы вся волость заметила торжество, могущество Сырбая.

Сырбай хорошо помнил Алуа, ее гостеприимство, скромную приветливость. Она красавица, молодая мать. Тем хуже для нее... В попутных аулах женщины не отважились поднять на волостного глаза, до того он был свиреп и грозен. Он упивался своей властью.

И тут-то уперлись, стали тянуть время духовные отцы. С полудня Сырбай уединился с ними в одной из келий мечети и до самого вечера не мог договориться.

— Терпение, волостной, терпение, бии, — увещевал кара-ишан. — Терпение — благодать, нетерпение — бесовская утеха, — и принимался сыпать изречениями из Корана.

Сырбай в ответ крикливо бранился, нарочно говоря на степном просторечии. Но хазрет словно не замечал его наглости. У хазрета был свой простой расчет. Пусть думают там, за стенами мечети: суд долгий, неторопливый, стало быть, мудрый; судят в мечети — значит, по-божески.

Уанс, хорошо понимавший игру служителей аллаха, полдня соревновался с ними в велеречии и краснобайстве, но к вечеру и ему прискучило. Он шепнул что-то волостному. Тот кивнул, соглашаясь, и знаком вызвал своего

посыльного. Посыльный, присев на колено, выслушал волостного и, пригибаясь, побежал к двери.

Через минуту на пороге остановилась, низко кланяясь, старуха — из тех старух, имя которым карга.

— Ты Кызтумас? — спросил ее Сырбай.

— Я, господин.

— Ну? Сделала, что тебе велели?

— Сделала, господин, все сделала.

— Чего же ты стоишь, старая?.. Веди его сюда!

Кызтумас протянула руку и втащила в келью из темной передней испуганного бледного мальчика. На его щеках темнели размазанные потеки от слез. Старуха не успела его даже умыть. Это был Кенжебек.

После того как похоронили его отца, а мать посадили под замок, Кенжебека отдали в руки старой Кызтумас. Так приказал волостной. Мальчик и при матери был робок и боязлив, а теперь весь трепетал от страха перед чужой сердитой и драчливой бабкой и перед тем, чему она его учила. Он не мог понять, чего она от него хочет.

Отец постоянно говорил про мать плохие бранные слова. И бабка говорила про нее так, что ему стыдно было слушать. В последние дни мать сама себя ругала и плакала, говоря, какая она плохая. Приходил еще важный аксакал с большим тенге, висящим на шее, — знаком судьи. Он тоже говорил про мать, и его слова были самые страшные. Мальчик слушал их ни живой ни мертвый. Матери не было с ним, ее он больше не видел, и ему не к кому было приникнуть, доверчиво закрыв глаза.

Когда старуха втащила Кенжебека в огромную холодную келью с нависшими каменными сводами и он увидел в сумеречном свете людей в белых чалмах, сидящих неподвижно на возвышении из ковров и одеял, сердце у него замерло. Он не мог ни заплакать, ни вскрикнуть, ни пошевелиться. Только изо всех сил зажмурился.

— Сколько ему лет? — спросил Сырбай.

— Шесть от роду... исполнилось...

— Мужчина! — заметил бий Уаис.

И тут раздался вкрадчивый и слегка гнусавый голос. С мальчиком заговорил сам хазрет:

— О, несчастное дитя... Ты остался сиротой, но у тебя был благородный отец, он умер смертью праведника. Проклятая грешница, носящая имя Алуа, тебе не мать. Она животное, зверь, у нее нет души. Велением аллаха, по

высшему закону шариата сей будет вынесен приговор. Но ты, сын правоверного мусульманина, должен дать на это свое согласие. За тобой последнее слово... Дашь ли ты свое согласие? Скажи, невинное дитя!

Мальчик молчал, низко опустив голову. Он по-прежнему не понимал, чего от него добиваются. И здесь ругали мать. Все ее ругали. А он хотел к ней, скорей к ней. Она одна могла спасти, укрыть его ласковыми теплыми руками от этих строгих, холодных, страшных чужих людей.

Сырбай нетерпеливо хлопнул себя ладонью по ляжке, и Кызтумас дернула мальчика за рукав, больно ущипнув в бок. Наклонившись к его уху, она зашипела:

— Я же тебе говорила... сколько я тебе долбила... Мать убила твоего отца! Теперь она не мать тебе... не мать, слышишь? Она сумасшедшая, помешанная. Вот попадешься ей на глаза, она и тебя убьет. Она хочет съесть тебя живьем. Ну... говори, что ты согласен... Кивни головой! Головкой, головкой кивни...

Мальчик на секунду поднял глаза, оглянулся, как затравленный зверек, и оба халфе стали смущенно покашливать. Глаза ребенка удивительно напоминали глаза его матери — глаза страдалицы.

— Тебе говорят, кивни головой! — вскрикнул Сырбай, ткнув в сторону мальчика волосатым кулаком с зажатой в нем плетью. — Дай согласие, дурень!

— Кивни, милый, кивни, — добавил бий Уапс. — Скажи, согласен.

Мальчик попятился, но Кызтумас ткнула его ладонью в затылок так, что тот невольно поклонился, и стала щипать, шепча:

— Говори: я... я... согласен...

— Я... Я... со... со... — пробормотал Кенжебек, стараясь увернуться от ее щипков.

В тот же миг волостной Сырбай заорал, отверзая мясистый беззубый рот:

— Ага! Кончено! Хватит с него, убери его с глаз долой! Он свое сказал! При свидетелях... Теперь некому требовать кун за убийство.

Мальчика тотчас увели. Кара-ишан и волостной управитель пришли наконец к согласию. Их решение было единодушным, и они отправились вместе освятить его вечерней молитвой.

В мечети собрался народ со всей округи. И те, кто совершил омовение перед молитвой, и те, кто не совершил

его, молодые и старики, богомольные и небогомольные, все сошлись в мечеть. Молитва была короткой.

Люди в безмолвии ждали, что будет дальше. Все понимали, что страшный час пробил.

И вот волостной и хазрет, а за ними халфе и бий Уаис выступили вперед и медленно, важно направились к черному утесу, который нависал над рекой, спадая к ней обрывистыми каменными ступенями. Люди тесной толпой повалили следом.

Подойдя к утесу, Уаис величаво обернулся, поднял правую руку и махнул длинным рукавом чапана. Впереди толпы появилась Алуа со связанными за спиной руками, они были скручены сыромятным ремнем. Черные, как крыло ворона, волосы ее спадали на плечи, свесились на лицо. Тонкая белая материя наполовину покрывала ее затылок. Алуа шла к утесу, не оглядываясь, тяжело ступая, словно неся непосильный груз, и это был ее последний путь.

За ней, сутулясь и часто озираясь, скалясь, подобно псу, плелся толстогрудый рябой Конкай. Он держал перед собой, судорожно стиснув обеими руками, кетмень, новый кетмень, тот самый, которым поразил себя в висок праведник Канай.

Накануне, еще до суда, вышло маленькое затруднение. Сырбая спросили:

— Кто же ее убьет?

— А этот... как его... собственной рукой!

Рябого привели пред очи волостного и бия Уаиса и объявили ему:

— Возьмешь кетмень... Таков приговор шариата. Ты его выполнишь!

Конкай повалился на колени и стал ползать перед волостным и бием, обнимая их сапоги, колотя себя в грудь и размазывая по скулам слезы.

— Не губите, ради аллаха! — взмолился он, называя волостного почтительными и ласковыми именами. — Никогда я не убивал человека. Пожалейте мою душу! Я все сделаю, все, только освободите меня от этого...

Сырбай несколько раз хлестнул рябого плетью по спине.

— Ты! Собачий сын! Если будешь вилять, смотри у меня... Так повернем, что Каная убил ты! Совратил его жену, спал с ней с уговором: «Убей мужа, а я женюсь на тебе. Скот и имущество достанутся нам, и будет у тебя молодой муж». На это ты рассчитывал, пес? Сегодня же

составим протокол, и повезут тебя в Туркестан, посадят в тюрьму. А потом погонят на каторгу, туда, где на собаках ездят. Понял, куда тебя закатаю? Всю жизнь будешь гнить за решеткой! Только пикни, я с тобой живо справлюсь... — И Сырбай ткнул его плетью в затылок.

А Уанс, словно сочувствуя рябому, добавил:

— Помалкивай, пустомеля... Две головы у тебя на плечах, что ли? Ты же мужчина! Пусть умрет женщина, купленная за скот. Вставай, иди делай, что тебе велено!

И рябой Конкай пошел и взял кетмень, не говоря более ни слова.

Зашло солнце, длинная тень от черного утеса расползлась и покрыла собой всю степь, когда Алуа и следом за ней Конкай подошли к скалистому подножию. Дальше пути не было. Алуа подняла голову и заголосила:

— Кенжебек, мой Кенжеш!.. Сиротка моя бедная... Ягненок мой!..

Но так она и не увидела сына перед своим концом, ей не дали с ним проститься.

Рябой Конкай замахнулся и ударил Алуа кетменем по темени. Метко ударил. Кровь обагрила черные волосы. Алуа без стона рухнула на землю. И оборвалась ее жизнь.

Не шелохнулась огромная толпа близ черного утеса. Застыли люди, точно окаменев. Прилипла холеная чистая рука хазрета к волнистой, тщательно расчесанной бороде. Гордо белели чалмы на головах халфе. И только коротыш волостной похлестывал себя плетью по сапогу.

Под утесом была мягкая земля, коричневая, как запекшаяся кровь. Конкай копнул ее кетменем, вырыл небольшую ямку. Потом, набирая на кетмень раскрошенную землю, трижды бросил ее на лицо Алуа, на открытые ее глаза. Но он не засыпал их. Они смотрели на него неподвижно, ясные, будто живые. Конкай выронил кетмень, побежал от утеса, спотыкаясь, протягивая руки, как слепой. И люди расступились перед ним, чтобы он их не коснулся...

— Вот так на этом самом месте судили и казнили по волчьему закону женщину по имени Алуа... — закончил свой рассказ Алмасбек Жайлыбеков. — Здесь она жила... Ее малолетний сын, говорят, недолго обивал пороги у чужих людей. Зимой мальчик захворал и последовал за матерью.

— Страшное дело, — проговорил Алим Еримбетов, поглядывая на молчавшего Карпова. — И страшно ты рассказываешь, Алмасбек, друг мой. Просто в груди леденеет... Что за люди здесь жили? Такое злодейство... Такой позор! Неужто не нашлось ни одного человека заступиться, подать голос в защиту? На глазах у стольких людей... женщину... связанную... Это чудовищно, это как клеймо проклятья на целый народ!

— Ого! — сказал Карпов с едва приметной грустной улыбкой. — Недаром вы в прошлом животновод, товарищ Еримбетов. Легко ставите клейма...

— Нил Петрович! — горячо отозвался Алим. — Я не только животновод, я партработник. И я казах. Я горжусь, когда называют имя Амангельды, и мне стыдно, когда вспоминают Алуа... Вот вы спросили: «Это здесь жила женщина Алуа?», а у меня сердце заболело.

Карпов положил руку на плечо Алима, сказал, глядя ему в глаза:

— Тогда, значит, вы поняли, почему я, новый человек в этих краях, спросил вас про Алуа.

Алмасбек выпрямился, огляделся.

— Было у нашего народа сердце, всегда было, хотя и не было у казаха в те времена воли и вязали его по рукам и ногам баи, бии и муллы. Нашелся голос в защиту чести народной, пусть слабый, но незабываемый! Голос молодого акына Жанузака. Он любил Алуа и не смог жить без нее... Его песни многие слыхали, многие пели — и те, в которых он славил красоту, любовь, и те, в которых он их оплакивал. После гибели Алуа Жанузак затосковал, пел песни жоктау, то есть плачи. Он поднял мертвое тело Алуа, обмыл, похоронил. А потом, летом и зимой, уходил на ее могилу и пел... Еще молодым, лет двадцати пяти, он стал слепнуть от слез, как это бывает с матерями, потерявшими детей. И сам о себе сказал тоже песней, что судьба лишает его зрения, чтобы он не видел лиц других женщин и не забыл, какие были глаза у Алуа! Самое лучшее, что осталось от Жанузака, его поэма, названная им «Смерть Алуа». Она и поныне живет в народе. По сей день ее поют в этой местности на вечерах, и люди плачут, как плакал неутешный Жанузак.

— Что же стало с ним самим? — спросил Карпов.

— Его давно нет в живых. Говорят, что в тридцать лет он был совсем слепым, дряхлым стариком...

— Да, друзья... Вправду сердце болит, — проговорил Нил Карпов, глядя на черный утес, на его обрывистые скалистые бока. — «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»... Так, кажется, сказал один знаменитый акын. Мне очень хотелось бы услышать, и я, надеюсь, услышу песни Жанузака...

Глава третья

1

Шла уборка хлопка. Тысячи мужчин и женщин, юношей и девушек, даже школьников вышли на поля, которые бело-зелеными волнами уходили за горизонт. Совхозы и колхозы трех районов соперничали в скорости, усердии и упорстве, попеременно обгоняя друг друга.

Под палящим солнцем по кустистым полям катилась шумливая, веселая, дружная, многорукая людская волна.

Коллектив медицинского института, прибывший в колхоз «Красная звезда» из Алма-Аты, расположился в крытом железом школьном здании. Не только залы, классы и кабинеты, но и длинные коридоры были уставлены рядами топчанов. Свободным остался только узкий проход. Одна незаметная дверка вела в реденький, недавно посаженный школьниками сад, а другая, всегда открытая, — в кабинет директора, где сейчас был медпункт.

Заведующий медпунктом, профессор, уехал в район, и прием вел студент пятого курса Ильяс. На длинной скамейке и двух-трех стульях в коридоре ждали своей очереди больные; их было немного — русская старушка, двое казахов средних лет. Особняком держался плечистый коренастый молодой парень с взъерошенными волосами, узкими глазками и толстыми набрякшими веками, словно от недосыпания или перепоя. Один сапог был снят, штанина подвернута, и голень обмотана большим пояснным платком, запятнанным кровью. Супя брови, сжимая зубы так, что катались желваки, он шумно вздыхал, раздутые ноздри его широкого носа вздрагивали. Он злился, глядя через открытую дверь на Ильяса.

Тот перевязывал руку своему однокурснику и басил, разговаривая с ним. Нашел время!

Вообще не нравился парню этот недоученный лекарь. Раздражал опрятный, щеголеватый «городской» его вид: чисто выбритое лицо, узкое, с розовыми тенями первого загара на скулах, аккуратно причесанные волосы под белой шапочкой, стетоскоп в нагрудном кармане халата, точно у настоящего врача...

— Послезавтра зайдешь, — сказал Ильяс, провожая товарища к двери.

Хмурый парень рванулся было с места, чтобы войти без очереди, но в это время на улице, скрежеща, затормозила машина. Он невольно оглянулся.

Две колхозницы ввели в школу девушку. С одной стороны ее поддерживала за пояс всем известная бригадирша тетушка Зауре, а с другой — смуглая молодайка с напуганным курносым и скуластым лицом, наполовину закрытым рассыпавшимися волосами.

Тонкие, словно выведенные кистью брови девушки были мучительно сведены над закрытыми глазами, щеки белы. Правая ее рука беспомощно висела. Девушка стонала.

«Бог мой... Это же Айслу!» — ошеломленно подумал Ильяс, отстраняя взъерошенного парня, который стоял у нее на дороге, сердито бурча сквозь зубы.

— Миленький братец, имя ваше, извините, запамятовала... — скороговоркой начала Зауре.

Ильяс назвался; на звук его голоса приоткрылись большие серые глаза девушки, словно лучик сверкнул в них, — она тоже узнала его.

Преодолевая мучительную боль, Айслу словно бы искала в лице молодого человека знакомые ей черты. Он ли? Тот ли Ильяс, с которым она виделась в Алма-Ате? Тот был как будто скромней, не так уверен. Тот студент... Этот врач.

— Ты скорей осмотри доченьку, светик Ильяс. Уж и не знаю, что у нее с рукой приключилось: сломала, вывихнула? — говорила Зауре, тесня Ильяса и вводя Айслу в кабинет.

Лицо девушки порозовело, она сдерживала стоны. Прежде всего Ильяс сделал ей болеутоляющий укол на случай, если придется подождать возвращения профессора. Вдруг у нее сложный перелом? А тем временем тетушка Зауре успела сообщить, что звено вот этой девушки самое передовое из всех звеньев четырех бригад «Красной звезды», но бедняжка упала с хлопкоуборочной машины, оступилась и полетела вниз вместе с охапкой хлопка-сырца.

Ильяс не решился сказать Айслу обычное: «Раздевайтесь».

— Снимите, — попросил он, дотронувшись до ее помятой белой кофточки.

Айслу испуганно отстранилась.

— Вот здесь, здесь... — шепнула она, непроизвольно прикрывая ладонью поврежденный локоть.

Зауре принялась быстро расстегивать пуговицы и, несмотря на сопротивление и стоны Айслу, стянула рукав с ее больной руки.

Залившись густым румянцем, Айслу старалась прикрыть грудь рукавом и краем блузки. Кровь то приливала к ее лицу, то отливала, и теперь уже не от боли, от смущения. Перед ней был тот самый Ильяс, который смутил ее замечанием о ботанике в Алма-Ате... А Ильяс, кажется, пришел наконец в себя. Осмотрев руку Айслу, он неприметно с облегчением вздохнул. Перелома нет. Вывих в локтевом суставе. Держа ее за запястье, он вдруг подумал, что никогда прежде не видел такой совершенной, такой нежной, такой прекрасной женской руки, напоминавшей руки греческих богинь, которых он видел в московских музеях.

Зауре и смуглая молодайка отошли в сторонку, и Айслу низко опустила голову, стоя с обнаженным плечом перед молодым человеком; ее сверкающая золотом толстая коса, казалось, отбрасывала на кожу розовые блики.

Вихрастый парень стоял у самой двери. Откинув набок спутанные волосы, он уставился на Айслу тяжелым взглядом.

«Что за дивная красавица? Откуда здесь взялась такая пери? Ай, ай, и кто же такая?» — думал он, не замечая, что стоит с открытым ртом, весь подавшись вперед, забыв о своей пораненной ноге, не в силах оторвать от девушки захмелевших, жадных глаз.

На минуту Айслу оглянулась на Зауре, словно ища опоры. В это время твердая сильная рука Ильяса внезапно сжала ее нестерпимо ноющую руку ниже плеча, другая железной хваткой вцепилась повыше кисти. Не успела девушка охнуть, как его безжалостные руки что-то сделали такое, отчего острая боль пронзила Айслу, а локоть хрустнул так громко, что Зауре вскрикнула и подбежала к ней. Все пошло кругом в глазах Айслу. Когда она очнулась, боли не было, локоть онемел, и эта сладостная немота растекалась по всей руке.

Бывалая Зауре первая поняла, что сделал студент.

— Ай, молодец! Да ты, оказывается, искусник. Чудеса, да и только! Косточки-то на месте, а? Айслу, душенька, ведь не болит? Говори!

Ильяс, довольный, улыбался. Он и сам не ожидал, что так легко справится с делом. Айслу поглаживала онемевший локоть, приговаривая:

— Не болит, совсем не болит, ой, милая тетенька, ой, милый дядя... — и с удивлением глядела на Ильяса лучистыми глазами. Он казался ей героем и мастером, и она готова была без конца благодарить, чтобы он почувствовал ее почтение к нему, почтение и уважение.

Ильяс подвесил руку Айслу на широком бинте на уровне груди. И каждый раз, когда он оборачивал бинт вокруг ее шеи, коса тяжело падала ему на руки и он ощущал на щеке дыхание Айслу. За всю свою недолгую врачебную практику Ильяс никогда так не волновался. И студент и девушка были рады встрече, но не смели этого показать.

Пока Айслу надевала кофту, слушала наставления Ильяса, пока она и Зауре кланялись и благодарили, парень из коридора неотрывно глядел на девушку. Айслу прошла мимо и спустилась по ступенькам в сад. Парень стоял как вкопанный.

Уборочная страда не коснулась большого дома председателя районной потребкооперации Абильмажина Амирова. Дом стоял на тихой улице аула Жиделе в старом фруктовом саду и был погружен в прохладу и покой. На застекленной террасе, выходящей во внутренний двор, семья Абильмажина пила вечерний чай.

Жена хозяина Асель, страстная любительница чая и мастерица его заваривать, обычно в отсутствие мужа проводила здесь все свои вечера. Ей нравилось сидеть на полу, покрытом кошмой и стеганым одеялом, у низкого столика с кипящим самоваром. В просторном цветастом платье, сшитом на узбекский манер с мелкими складочками на груди, под тонким шелковым платком, лишь слегка прикрывавшим ее блестящие черные волосы, ей было удобно и приятно. Плотная, уже начинающая полнеть, она была быстра и подвижна. На ее румяном лице резко чернели густые брови. В ушах болтались крупные золотые серьги. Пальцы унизаны множеством колец.

Чуть повыше Асели сидела пожилая женщина в черной безрукавке поверх светлого широкого платья, в старинном головном уборе из белой ткани, стоявшем башней на ее голове. Прищуренные подслеповатые глаза старухи, казалось, никого не видели, нос она уткнула в пиалу. Вместе с женщинами пил чай и Сагит, угрюмый, мрачный. Он только пришел из медпункта. Одна его нога без сапога, аккуратно забинтованная, была протянута вдоль стола.

— Подай ему под локоть подушку, — процедила старуха.

Асель с легкостью, неожиданной для ее пышного широкобедрого тела, вскочила, быстро принесла и подсунула под локоть деверю две белоснежные пуховые подушки.

Сагит полулежал боком к столу и медленно потягивал зеленый чай. Днем он свалился с коня и рассек себе ногу о камень. Но, после того как Ильяс перевязал ее, смазав черной, как йод, мазью, нога больше не беспокоила.

По натуре замкнутый и немногословный, он и за время учения в городе не соскучился по родным. И мать и старшая невестка не пытались с ним заговорить. Но заняты они были им и его делами.

— А когда, когда вы видели, что там есть... в том доме? — спросила у свекрови Асель, косясь на Сагита.

— Да в то лето, когда в ауле найманов умер старый знахарь. Ты небось слыхала... Помнишь его?

— Помню, помню.

— Так вот, на первые семидневные поминки и пригласили стариков со всей округи. Очень много тогда собралось народу. Некоторых пришлось угощать в соседних домах. Я тогда с гостями и попала к вдове Пурбубу. Ну и разглядела, что у нее есть за душой... — Старуха долго и жадно тянула крепкий чай. Бесцветные глаза на ее безбровом сером лице зловеще поблескивали. Широкие ноздри приплюснутого носа вздрагивали так же, как у сына. — Говорю тебе, эта вдова насобирала столько добра, что его хватило на две стены до самого потолка.

На две стены! Дорогие вещи, отрезы, украшения... До всего этого падка и Асель. Восхищенно причмокивая, она отставила пиалу.

— А ведь вдова... Откуда взяла? Такое богатство!

— Ты еще скажешь, откуда! Сколько лет ее муж был фельдшером в ауле. Мало ли денег загреб? Она и сама, Нурбубу, мастерица на все руки. Прижимистая хозяйка. Как ни говори, малые дети на руках. Наверно, про черный

день копила. Готовила дочери на приданое, сыну про запас. Бывают же такие матери.

— Э-э, так я знаю эту Нурбубу, оказывается! — вскрикнула Асель. — Она, она самая... Каждый год на уборке урожая большой трудодень зашибает. И каждый год ее в районе премируют. У нашего же Абекена в кооперативе берут товары для этого... Ну, расскажи хоть, какие вещи у нее видела?

— Сказано тебе, у нее такая большая комната, вроде твоей столовой. И вдоль двух стен, как прежде в больших восьмистворчатых юртах бывало, расставлены узорчатые скамейки... А на трех скамейках — сундуки, сундуки, и тоже все разукрашенные; три сундука зеленой жестью обиты, а по ней серебряные узоры дорогие. На сундуках, конечно, лежат свернутые ковры под покрывалами, а на них до самого потолка чего-чего только нет: и домотканые паласы, и одеяла с подушками, и скатерти плюшевые с блестящей бахромой. Одеяла-то не простые, а шелковые и из чистой шерсти. Простыни и те из шелков, подушки все пуховые, большие, а маленьким просто числа нет. Ох, ну и богатая эта вдова. Дочь ли замуж выдавать, сына ли женить — всем добра хватит.

Асель глядела на свекровь как завороженная, лишь изредка покачивая головой и цокая языком, однако не забывала примечать, как слушает их Сагит.

— Знаете, апа, теперь я все вспомнила. У этой Нурбубу есть дочь — невеста на выданье. Хороша девица! — Асель ухмыльнулась, поводя жгучими бровями. — А ведь и мы, можно сказать, не с пустыми руками сидим: у нас жених. Вот наш Сагит окончил учиться, приехал, слава богу, домой, на хорошую работу устроился. Можете ли вы жить спокойно, пока не жените своего младшего любимого сына, моего единственного деверя? Да и все мы... как мы можем сидеть сложа руки, глядя на его одинокую жизнь!

Сагит молча пил чай, будто разговор шел не о нем. Тщетно невестка бросала на него умильные взгляды. Шумно вздохнув, он отвернулся.

Зато оживилась старуха.

— Дочка у нее, говоришь? Да разве она уже выросла? Я ее в тот раз не видела. А ведь правда, когда погиб муж Нурбубу, люди ее жалели... осталась, бедная, с двумя детьми на руках. С тех пор сколько прошло? Да уж лет, поди, пятнадцать. Должна уж девка заневеститься. Ну, и как же, говоришь, хороша?

Женщины мельком переглянулись, и обе покосились на Сагита.

— Дочка старше сына, — ответила Асель. — Ей сейчас лет восемнадцать, и если я чего не спутала, она в прошлом году окончила десятилетку. Ну и такая красавица, каких в нашем краю не было и нет! Это уж поверьте мне. Вот как хороша!

Асель была себе на уме: ей непременно нужно было породниться с вдовой. Пусть Сагит женится, а уж Асель со своим Абекепом сумеют вытянуть из дома Нурбубу ее шелковые одеяла, пуховые подушки и узорчатые сундуки.

Когда, устраивая свой дом на теперешний городской лад, Абильмажин и Асель привозили то шкаф, то стол, то кровать, то стулья, старуха презрительно морщилась, отводя в сторону свои холодные змеиные глаза.

— Опять привезли деревяшки, пропади они пропадом! Только бока об углы обобьешь... — ворчала она. — Ни сесть, ни лечь, ни облокотиться не на что. А коли и сядешь, все тело заломит, устанешь до смерти. Кроме гвоздей, ничего в них нету. Тоже мне роскошь! Да разве роскошь такая бывает? Сами себе наказание придумали. И чего галдят: мебель, мебель! Весь дом загромоздили, все торчмя торчит, а приткнуться не к чему.

Асель посмеивалась над сварливыми речами свекрови, по-прежнему набивая свой дом модными гарнитурами, которые Абильмажин правдами и неправдами добывал в Ташкенте. Но душу Асели глодала зависть.

Старуха была из некогда богатой семьи и своими глазами видела старинное убранство и прежнюю роскошь домов городских купцов и степных баев.

— Добро наживать, да не это! — твердила она. — Надо что покупать? Ковры, шелка, бархат, сукно. Ковры брать не простые, ворсистые, паласы ручной работы, подороже. И все это в сундуки. И в глаза оно никому не бросается, и завидно людям: а что там?..

Асели хотелось этих сундуков, этой зависти людской. Давно хотелось. И вот вожделенное сундучное богатство, мягкая роскошь, о которую не обобьешь бока, перед ней... Оно по соседству, рукой подать... И так просто к нему подступиться...

— Слушай, Сагит, ты понял или нет? — спросила напрямик Асель. — Хоть бы раз в жизни нас послушался! Тебе уже двадцать шестой год, слава богу, обучился, стал

техником. У нас тут, в нашей проклятой пустыне, безводье всех доконало, вода от века дороже выкупа за убитого отца. А ты-то не кто-нибудь, гидротехник! За те месяцы, что ты тут, был ли хоть один колхоз, хоть одна бригада, чтобы не сунулась к тебе с поклоном насчет воды? А коли так, кому же, как не тебе, выбирать самую лучшую девушку здешних мест? Первую красавицу! Вот твоя родная мать. Вот я, твоя невестка. И мы тебе прямо говорим: пора. Заводи свою семью, женись на дочери Нурбубу, слышал небось, что мы о ней говорили!

— Бросьте, женге! — грубо буркнул Сагит, неприязненно глянул на невестку. — Кто вас просит меня женить? Что я, аульный джигит, которому родители за калым подбирают невесту? Вы это бросьте! — повторил он со злостью и отвернулся.

Сагит думал об Айслу. Ему виделось ее обнаженное, сверкающее белизной плечо. Он видел ее так близко, что, казалось, стоило протянуть руку и можно было дотронуться до него. Если другая не будет такой, как эта девушка, то зачем и жениться?

Мать и невестка... Что они смыслят? Нашли тоже красавицу с сундуками... Какая-нибудь мордастая деревенщина...

Мысль о женитьбе была Сагиту желанна и лестна, но он отлично понял, о чем мечтают и невестка и мать. «Не нужно этого, совсем не нужно, — досадливо думал он. — Не о том они говорят, совсем о другом!» Их навязчивые заботы только отдаляли его от той, которую он видел днем и которую желал.

Властной старухе не нравился, однако, дерзкий ответ сына.

— Ой, бедненький ты, дурачок! Что это ты как фыркаешь? Хочешь век бобылем прожить? Почему бы тебе не подумать, коли старшие предлагают невесту из хорошего дома?

Но и матери Сагит ответил сердито и отчужденно:

— Вы-то хоть не вмешивайтесь, мамаша! И не говорите, не надо!

И чтобы избавиться от назойливых бабьих советов, он поднялся из-за стола и, прихрамывая, зашагал в комнату брата, пышно именовавшуюся кабинетом...

Спустились густые сумерки, а на площади, у здания райкома и на соседних улицах жизнь била ключом — разъезжались по домам участники районного совещания

хлопкоробов. Резкие сигналы машин неслись со всех сторон. Причудливо изломанные двойные пучки света автомобильных фар плясали в плотной завесе пыли.

В этот вечер Айслу постигла большая беда.

После второй перевязки Ильяс забеспокоился и послал ее в поселок Жиделе в районную больницу на рентген. Вообще хотелось подольше ее лечить...

В больницу Айслу приехала поздно, с ней там долго провозились, и свою колхозную машину она упустила. Пришлось ждать попутной, а попутной до самого вечера не попалось — хоть иди ночью пешком! Айслу решила зайти к своему дяде, который жил в Жиделе.

Айслу знала, что дядя сейчас со своей отарой в песках, на отгонном пастбище; бездетная тетушка Кульшат наверняка дома. Но жила она на окраине, а больница была близ райкома. Айслу замешкалась, пробираясь среди гудящих машин, а когда наконец вышла на улицу, которая вела к дому дяди, чуть не наткнулась в сумерках на Асель, сидевшую под развесистой алычой у своей калитки.

Асель, узнав девушку, тотчас окликнула ее и первая с ней поздоровалась. И как вкрадчив, как певуч был ее голос!

— Здорова ли, светик мой? Как тебя звать, забыла, а маму твою хорошо знаю. Ты ведь дочка Нурбубу из найманского аула, колхоз «Красная звезда»?

— Да, тетушка, да, — торопливо и смущенно ответила Айслу.

Но Асель так и прилипла к ней и живо выведала, зачем она здесь, куда идет. А узнав, рассыпалась в любезностях, радуясь случаю.

— Мы с твоей мамочкой старые знакомые. Хотя и ты не знаешь меня, но я тебе не чужая. Куда ты, доченька, на ночь глядя одна пойдешь? А наш дом — вот он! Живем мы вдвоем со свекровью, больше никого дома нет. Заходи, пожалуйста, переночуешь у нас! Пойдем, пойдем! — И она за руку потащила Айслу к своим воротам.

В одном Асель не солгала: сегодня в доме, кроме нее и свекрови, действительно никого не было. Хлопкоуборочная кампания втянула Абильмажина в свой водоворот, и семья видела его урывками, то среди дня, то глубокой ночью. Второпях, на ходу он что-нибудь съедал или выпивал прямо из кувшина, менял белье и снова исчезал. Асель не спрашивала его, куда он едет и когда вернется.

Не было дома и Сагита. Его везде принимали как почетного гостя, и он, по обыкновению холостяка, кочевал из дома в дом своей многочисленной родни, осевшей в районном центре. Угощался, слушал разговоры о том, какой он знатный, отменный гидротехник...

Айслу никогда не доводилось ночевать у чужих, и в большой дом Асели она вошла робко. На веранде, обложенная подушками, сидела важная старуха с палкой в руке. Айслу, присев на одно колено, как того требовал обычай, почтительно приветствовала ее:

— Здравствуйте, бабушка!

Асель заглянула в сад и позвала: «Баттал, Баттал!» Из темноты возник босоногий мальчишка лет двенадцати, с рыжеватыми вихрами на голове. Асель велела ему поставить самовар и, наскоро пошептавшись со свекровью, стала накрывать на стол.

Появился самовар. Асель заняла привычное место около него, и началось чаепитие.

Баттал сел рядом с Айслу. Он учился здесь в школе и одновременно прислуживал в семье своих зажиточных родственников. Он тоже знал Айслу и был любопытен и боек. Он расспрашивал ее, где она еще будет учиться, и она рассказала, как ездила в Алма-Ату сдавать экзамены; к сожалению, в этом году поступить в институт не удалось.

— Теперь на заочное поступишь? — нетерпеливо спросил мальчик.

Айслу ответила, что опять поедет в Алма-Ату попытать счастья.

Асель никогда и нигде не училась, но знала, что многие аульные девушки выходили замуж, не окончив школы.

И это ей казалось вполне нормальным. Она отнюдь не считала себя ниже образованных женщин. Исполненная самодовольства, она, не мешкая, принялась учить умуразуму свою скромную гостью.

— Ты уже окончила здешнюю школу. Чего ж тебе еще? Твоя мать вдова, все свои молодые годы положила — вас вырастить да выучить. Ты теперь взрослая, зачем тебе нужно мотаться по городам да по институтам? Пора свою жизнь устраивать.

Айслу уже не раз слышала подобные советы. Но самый близкий ей человек, мама, настраивала ее по-иному, и она ответила уклончиво:

— Кто знает, тетушка? Думаешь учиться дальше, а как удастся, что получится — видно будет.

Заскрипела, стукнула калитка, распахнулась дверь на веранду. Тяжело топоча, вошел смуглый парень с всклокоченными волосами. Хозяйки дома наперебой заговорили с ним:

— Ах, это ты, Сагит? Проходи, садись!

Хмуро взгляпув в их сторону и увидев Айслу, парень остановился, точно ушибленный. Лицо его внезапно расплылось в широкой кривороной улыбке, потом залилось краской до самых волос.

Валко шагнув, он шумно уселся рядом с матерью и, ухмыляясь, поздоровался с Айслу. К нему уже возвращалась обычная нагловатая самоуверенность.

— Я вас знаю. И вы меня знаете, — заявил он.

Айслу ответила едва слышно:

— Нет, я вас не знаю.

Сагит привык обращаться с девушками бесцеремонно и заносчиво.

— Э, брось! Ты, знаешь, того... брось! Как это ты меня не знаешь? Знаешь! — воскликнул он, сразу же переходя на «ты».

Айслу слегка поморщилась, упрямо качнула головой.

— Нет, простите, никогда не встречала. — И поглядела на дверь — самое время было бы уйти.

— Вот затвердила: нет, нет... Как это нет! — не унимался Сагит. — А четыре дня назад где ты меня видела?

— Где же, скажите.

— А на медпункте, вот где! Не помнишь? Как ты можешь не помнить? Была там... с рукой. Я все видел! И как тебя привели, и как тебя тот лечил. И ты меня должна была видеть, не слепая! Ишь, тоже, понимаешь, не ви-идела...

Айслу молчала, посматривая на дверь. Она была смущена и напугана.

Вмешалась Асель.

— Ну, молодые люди, вас все-таки нужно познакомить, — скороговоркой затараторила она. — Это мой деверь Сагит. Он окончил техникум, у нас работает. Спроси-ка, кто самый нужный человек в нашей пустыне? Каждый скажет — гидротехник! Вот он, Сагит, он и есть... самый нужный специалист в районе. А вот эта девушка — Айслу, — тонко улыбаясь деверю, заметила Асель. — Она из аула найманов, колхоз «Красная звезда», так, кажется?

— Да, так, — потупившись ответила Айслу.

— Вот там и живет вдова, тетушка Нурбубу, о которой... тебе столько говорили.

Туповатый и самовлюбленный Сагит наконец понял и разом преобразился. От радости у него дух захватило.

— Ой ли? Да так ли? Неужто та самая? — забормотал он, поворачиваясь то к Асели, то к Айслу, словно желая проверить, не шутят ли с ним. Глуповатый, беспричинный смех выдавал его замешательство.

Айслу была неопытна в житейских делах, ей не доводилось иметь дело с такими ловкими пройдохами, как Асель. Но у нее всегда было предубеждение против сладкоречивых льстецов, и она насторожилась. В этих двух людях, невестке и девере, все ей не нравилось. Застенчивость мешала ей говорить с ними напрямик о том, что она смутно угадывала. Молча она поднялась и направилась к двери.

— Айслу! Куда ты? Милая моя! Куда ты собралась? — кинулась следом Асель.

Айслу увидела в дверях мальчика с рыжими вихрами.

— Баттал, ты ведь знаешь дом нашей тетушки Кульшат?

— Знаю, а что?

— Пожалуйста, сходи за ней. Скажи, что я жду ее здесь, пусть поскорее приходит.

Никто не успел и слова сказать, как Баттал выскочил на улицу.

— Спасибо вам за чай, — сказала Айслу Асели, словно извиняясь. — Мне уже пора... Мне надо идти...

У Асели было задумано оставить девушку ночевать, но после прихода Сагита это стало невозможно. Испортил дело джигит.

— Верно, верно, в темноте одной идти неловко, — проговорила Асель мягко. — Но ведь и Сагит мог бы тебя проводить. Разве он не проводит? Зачем же было старую тетю тревожить?

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, — отозвалась Айслу, не отходя от двери.

Сагит, раздосадованный и все еще ошарашенный, заговорил, стараясь подзадорить гостью:

— Что же мы, воры-грабители, что ли? Чего ты так испугалась? — И, раздув свои широкие ноздри, он глупо осклабился, считая, что сказал любезность.

Айслу впервые прямо посмотрела в лицо Сагита. В ее больших ярко-серых глазах была откровенная неприязнь. Сагит сидел на ковре в развязной позе. Лицо мясистое, грубое, нагловатая улыбка... Айслу не хотелось ему отвечать, и она молча его разглядывала. «Кто же станет с тобой связываться?» — говорил ее открытый и холодный взгляд.

И под ее взглядом Сагит насупился. Узкие глазки его заплыли. Встряхнув кудлатой головой, он так стремительно вскочил, что чуть не перевернул столик с самоваром. Сопя, топоча сапогами, Сагит сбежал с крыльца и скрылся в темноте сада.

Тогда старуха мать, безмолвно наблюдавшая за гостьей и хорошо разглядевшая ее своеобразную красоту, забеспокоилась, подозвала Асель:

— Куда же пошел Сагит? Почему не проводил девушку? Может, у него срочное дело? — Видимо, ей хотелось загладить грубость сына. Видимо, она нашла, что это необходимо.

Асель тоже старалась поправить дело. Она утешала Айслу.

— Сагит вернется. Он обходительный молодой человек, в городе учился, приличия знает, — стрекотала Асель, как сорока.

Айслу слушала ее со скрытым нетерпением. Надо было бы сказать этой старорежимной женге: ваша игра не удастся! Девушка глядела на миловидное лицо Асели, а виделась ей хитрая харя патриархального степного домостроя.

«Зачем я сюда пришла? — думала Айслу. — Как я попала к этим чужим неприятным людям? И не заметила, как дала заманить себя в ловушку. С ума я, что ли, сошла, пойдя за первой встречной женщиной на ночь глядя в незнакомый дом?»

Лицо Айслу порозовело от волнения, в глазах блестел горделивый свет юности. И Асель залюбовалась ею.

«Что за чудо девка! — думала Асель. — Давно не встречалось такой среди наших казашек. И как это никто до сих пор не прибрал ее к рукам! Просто безумие упустить ее и материнские сундуки из рук. Ах, до чего же нескладен Сагит! Куда его понесло? Коли хочешь на такой жениться, жизни не пожалей, увалень этакий! Уж так я ловко все устроила... Неужто не сможешь ее уломать?»

Была та глухая пора ночи, когда слабый с вечера электрический свет становится ярче и лампочка начинает сиять. Прибежал Баттал. За ним появилась тетушка Кульшат. Войдя на веранду, она коротко поздоровалась с хозяевами и, обняв Айслу, поцеловала ее в лоб: пойдем! Старуха и Асель принялись уговаривать их остаться поужинать. Но Кульшат отговорилась тем, что завтра рано вставать на работу. Она спешила увести племянницу. Она чувствовала недоброе. И дом этот был ей давно противен. Как сюда попала Айслу?

Вскоре после их ухода вернулся Сагит. Лихорадочно возбужденный, он тяжело переводил дыхание. Можно было подумать, что джигит душевно взволнован. На самом деле он попросту забежал к приятелю, продавцу кооператива, и для храбрости хлебнул стакан водки, на ходу закусив помидором.

— Ушла! Давно? — крикнул он.

Крикнула и Асель:

— Что же ты зеваешь? Наверно, они уже дома.

Сагит, круто повернувшись, сбежал во двор, вывел из конюшни гнедого и, вскочив на него, стал пинать в бока каблуками.

Ничего не подозревая, Айслу и Кульшат шли под деревьями вдоль улицы. Они уже подходили к дому, когда из-под старого ветвистого чинара, к которому был привязан конь, шагнул к ним коренастый человек. Он буркнул Кульшат «здравствуйте!» и, оттеснив ее, взял Айслу под руку.

Айслу отдернула руку и прижалась к Кульшат.

— Что вам нужно?

— Пошли вместе. Там договоримся. Я тебя провожу. Нарочно пришел.

— Спасибо, но мы уже дома. Идите-ка лучше и вы домой, — сказала спокойно Айслу, но Сагит опять схватил ее за руку.

Теперь Айслу не на шутку рассердилась.

— Что вам от нас нужно? Я вас не знаю. Уходите и дайте нам пройти.

— У меня к тебе слово есть, ба-альшое слово! — пьяно осклабился Сагит. — Слушай, тебе говорю, поняла? — И он бессмысленно засмеялся, дохнув в лицо Айслу запахом водки.

— Мне с вами не о чем разговаривать, — с отвращением ответила Айслу.

— А у меня вот есть! — нагло и злобно оборвал ее Сагит.

— Не трогайте меня. Уберите руки! — вскрикнула Айслу, отбегая от него.

Кроткая тетушка Кульшат возмутилась:

— Эй, светик, что ты за человек такой? Пошел с дороги прочь! К кому пристаешь?

Она заслонила собой Айслу. Но он стал поперек дороги.

— У меня сло-о-во есть! Большое слово! Слышишь? Пока не скажу все, не уйдешь!

Айслу не хотела слушать. Она дрожала от гнева.

— Убирайтесь, вам говорят! Убирайтесь, бессовестный!

Сагит мыча оттолкнул Кульшат и схватил Айслу за талию, прижал к себе. Айслу с криком и плачем стала колотить его по груди, по лицу:

— Скотина, дурак! Пусти!

Тогда Сагит совсем потерял голову. Неожиданно для самого себя он выхватил из-за голенища нож и ударил Айслу в плечо.

— Поняла?

Айслу упала.

Крики Кульшат, звавшей на помощь, отрезвили Сагита. Кажется, он сообразил, что сделал что-то непоправимое, и тут же бросился к своему коню. Но, убегая, он глухо, тупо бормотал:

— Все равно на тебе женюсь! Я тебя везде достану!

Рана оказалась неопасной, и в больнице Айслу не оставили. Утром Кульшат повела племянницу на перевязку. Затем Айслу пошла в райком комсомола.

Было еще очень рано, и она оказалась первой посетительницей. Секретарь райкома Ермекбаев торопился на хлопковые поля и выслушал Айслу стоя. Тут же он позвонил начальнику милиции.

— Прошлой ночью... возмутительное преступление... Ножом девушку... Представьте, молодой гидротехник Сагит Амиров. Как будто бы образованный парень, комсомолец, а поступил по-волчьи...

Видимо, начальник милиции спросил, где сейчас пострадавшая.

— Да вот она рядом со мной.

Ермекбаев помолчал, согласно кивая головой, и положил трубку.

— Сейчас же вернись в больницу, попроси врача составить акт и отнеси его начальнику милиции. Мы этого дела так не оставим! Помни, что комсомол с тобою.

Поначалу дело Сагита Ампрова приняло серьезный оборот. За молодым гидротехником пришел милиционер. Начальник милиции Жетписов, с виду суровый человек с нависшими бровями и стриженными волосами, торчащими ежиком, строго допрашивал Сагита и собирался взять у него подписку о невыезде. Перед Жетписовым лежал медицинский акт, показание Кульшат, признание самого Ампрова... Но тут раздался телефонный звонок. Звонил районный прокурор. Жетписов послушал его и положил бумаги в ящик стола.

Несколько дней Айслу прожила у Кульшат, ходила на перевязки. Когда плечо начало заживать, она уехала к себе в колхоз. Прощаясь с ней, Ермекбаев и Жетписов заверили, что обидчик ее будет сурово наказан.

Однако районный прокурор еще раза два звонил Жетписову, и Абильмажин, родной брат Сагита, постоянно беседовал со строгим начальником, а также с районным судьей.

И постепенно дело о нападении стало забываться. А по району поползли слушки... Поездка Айслу в поселок Жиделе и все, что с ней там случилось, предстало в совершенно неожиданном свете.

Говорили, что между Сагитом, недавно вернувшимся из Ташкента, и Айслу был давний уговор о женитьбе. Она приехала в Жиделе повидаться со своим милым. Ночью у них было свидание, но из-за чего-то они поссорились. Влюбленный, долгие годы хранивший верность невесте, рассердился на нее. К тому же немного выпил. Ну, и хотел попугать и нечаянно поцарапал ножом ей руку. Милиция и комсомол хотели было раздуть дело, но «большие люди» района, такие, как прокурор, на это не пошли и положили конец кляузам.

Кто дорожит честью девушки и джигита, не будет осуждать невинную размолвку с женихом и выдавать вспыльчивость за преступление.

Айслу не слыхала всех этих сплетен и небылиц. Но дошли они до Ильяса...

Бейсек, колхозник из «Красной звезды», частенько гостил в доме Аселп и Абильмажина. А Ильяс захаживал

к Бейсеку, покупал у него молоко, айран, а иной раз оставался на бешбармак. За бешбармаком и услышал студент, что говорили об Айслу, и до того разволновался, изумился, оскорбился, что не мог есть и, попрощавшись, ушел.

Только теперь понял Ильяс, что такое для него Айслу, понял, какую власть над ним она приобрела после двух случайных встреч и какая ему предстоит жестокая борьба с самим собой. Ныне он должен забыть ее серые глаза, ее пышную косу, ее несравненные руки. Но легко ли забыть Айслу? Узнав, что она невеста другого, Ильяс не спал ночь. Он бродил по улицам аула, уходил в степь. Куда бы он ни шел, Айслу шла рядом с ним. Он видел перед собой ее лицо, освещенное чистым, задумчивым и нежным светом, ее глаза, видел руку, обнаженную по плечо, и скомканный рукав блузки, которым она прикрывала грудь, видел то, что нужно было забыть, совсем забыть, стереть из памяти. Он вспоминал сдержанные, скромные речи Айслу и думал о том, как обманчиво подчас и то, что видишь, и то, что слышишь...

И лишь одно не приходило в голову студенту: то, что он еще незрячий, неразумный юнец, а Айслу очень нуждается в крепкой дружбе и надежной мужской опоре.

В ту самую ночь, когда Ильяс старался подальше уйти от самого себя, Айслу вспоминала его. Она представляла себе, как Ильяс узнаёт, что с ней случилось, как он спешит к ней, как встречается с наглым и презренным Сагитом, и у нее становилось тепло, ясно и хорошо на душе.

Между тем уборочная страда подходила к концу. Горожане собирались домой. Уложил свои вещи и Ильяс, но уезжать не хотелось. Он не находил себе места. Гнев, досада, тоска и нежность переплелись в его сердце.

Суета отъезжающих встревожила Айслу. Она вышла из дому и побрела по улице, с грустью глядя на парней и девушек, шедших с рюкзаками и чемоданчиками к автобусам и крытым грузовикам. Незаметно Айслу оказалась около школы и вдруг увидела Ильяса. Он странно посмотрел на нее, конечно, узнал, но лишь мельком кивнул ей головой, резко повернулся и ушел.

Ильяс заметил, что Айслу осунулась, в глазах тревога, но собственная боль помешала ему понять, что это значит. Он приписал волнение Айслу ссоре с женихом.

А Айслу подумала, что столичный молодой человек уже забыл ее, простую аульную девушку. В душе она осуж-

дала его за это, но была горда и считала, что по-своему он прав.

«Кто я ему, чтобы он помнил меня? И кто он мне, если уж на то пошло? Что изменится от того, как он на меня поглядит — приветливо или сердито?»

И все же втайне от самой себя она тяжко обиделась на Ильяса, а с ним и на весь мужской род. И холодно было у нее на душе, когда она шла домой мимо школы, в которой располагался медпункт.

2

Стоя у порога своего дома, Айслу с грустью рассматривала то, что осталось от ее цветника.

Она посадила те самые цветы, которыми любовалась в Алма-Ате. Хороши были темно-красные бархатистые розы, но они давно отцвели. Только редкие стебли осенних астр еще поднимали пушистые шляпки, синие, розовые, белые. «Мы последние... Мы с тобой прощаемся...» — говорили они. Поблекла и листва на винограднике. Виноград снят, лозы пусты. Пора пышного цветения и обильных плодов миновала. В саду было тихо и грустно.

А с терраски дома доносился заливистый беззаботный смех Армана, младшего в семье. Он лежал на циновке и ловил губами тяжелую черную гроздь винограда, которую держал в поднятой руке. Это его забавляло. Мать подшучивала над мальчишкой, он смеялся еще пуще.

Подбросив горстку щепок в закипающий самовар и несколько мелко нарубленных полешек в летний очаг под котелок, где, булькая, варилось мясо, Нурбубу заметила:

— Видно, ты не знаешь, сынок, какое слово было сказано одному казаху, который приехал из голой степи и так же вот, как ты, глотал виноград горстями...

— А что? Какое слово? Скажи! — Арман загодя давился смехом.

Мать мимоходом похлопала его по животу.

— «Ведь это же виноград, его едят по одной ягодке...» А он знай свое: «Ведь это же виноград, его глотают по сто ягод сразу. По одной штуке едят только урюк!» Ну, ему сказали, что урюк надо есть, разломив плод пополам. Он и тут не растерялся: «Разве урюк дыня, чтобы его делить?» Как видишь, и прожорливость делает человека находчивым, чего не скажешь о тебе!

Нурбубу часто рассказывала своим детям веселые и затейливые народные побасенки, как бы вызывая слушателей на спор и словесное состязание. И дочь и сын любили ее рассказы и дивились ее памяти.

— Вот что я скажу, мама, — ответил Арман, — этот казах был все-таки знающий, ученый человек. Не то что тот степняк, который сжевал стручок красного перца, приняв его за фрукт! Я бы и сам глотал урюк целиком, если бы не косточка. А виноград по ягодке пусть едят эти... городские... всякие там «ханумы»...

Айслу, улыбаясь, вышла из-за арки виноградных лоз.

— Мама, не позволяйте обжоре болтать, о чем он не понимает.

Арман закричал:

— А если у меня рот большой?.. Я уже мужчина!

— Фу! — шутливо сказала Айслу. — На верхней губе волосики растут... Того гляди, придется выщипывать.

И мать и сын переглянулись, довольные, что Айслу оживилась и балагурит вместе с ними.

Сумерки сгустились, но полная луна все ярче освещала сад. Нурбубу смотрела на дочь с радостью: «Ни одной красавице, самой луне не уступит!» — и с затаенной тревогой: «Что у нее на душе?»

Девушка была задумчива, печальна и не заметила, как мать принесла круглый столик на низких ножках, накрыла его скатертью, положила хлеб, баурсаки, а также сахар и непременный изюм, и летом и зимой подававшийся к чаю, поставила дымящееся душистое блюдо с пловом из баранины и утятины. Айслу спохватилась наконец, побежала, принесла кипящий самовар и снова застыла в раздумье с чайником в руке.

По праву старшинства мать первая взяла с блюда горсточку риса. Затем и дети принялись за еду. Мать невольно сравнила их. Она думала о том, кто уже никогда не сядет за их семейный стол.

— Похожи вы друг на друга, — сказала Нурбубу неожиданно, — потому что оба в отца. Вся стать отцовская. Он был такой красивый, высокий, вот как будет Арман. — И она отвернулась, делая вид, что размешивает плов на блюде. Слеза упала на горячий поднос и зашипела.

Айслу сказала тихо:

— Он был самый красивый, мама. Он был герой.

И Нурбубу, тронутая тем, какие слова дочь нашла для

того, чтобы утешить ее, улыбнулась сквозь слезы, уже не скрывая их.

— Арман будет такой, как папа, — добавила Айслу, бережно обнимая мать, и состроила веселую гримасу: — Но прославится раньше своим большим ртом!

— Отныне, раз хлопок собрали, я предамся покою и неге! — сказал Арман ей в тон.

— А я отныне день и ночь не подниму от книг голову, — горячо и серьезно проговорила Айслу, — пока не поеду в Алма-Ату сдавать на заочное на биофак.

Это было ее заветное желание, давно уже обдуманное в семье и тем более выполнимое, что все трое потрудились на хлопке и заработали много трудодней.

— Езжай и можешь ни о чем не думать, — с важностью заявил Арман. — В этом году я тебя сам всем обеспечу. Дам тебе денег, сколько захочешь, наряжу с ног до головы, как куколку!

Айслу насмешливо и восхищенно глянула на брата.

— Я тоже в этом году богатая...

— Расхвастались, — сказала Нурбубу с мягким укором. — Вы помните поговорку о том, кто чем хвастает?.. В Алма-Ате, на наше счастье, живет дядя Жакен, он Айслу что отец родной. Вот чем гордитесь.

Теплый лунный вечер, доброта матери, беспечность брата, казалось, рассеяли грустное настроение Айслу. Арман принес из дому спелую дыню, сладкую и сочную. Потом пили чай. Мать уже не торопила: «Спать, спать». Завтра не надо спозаранок подниматься на работу. Втроем они заработали полторы тысячи трудодней. Ни одна женщина в колхозе не собрала хлопка больше, чем Айслу.

Нурбубу посмеивалась, что пожилые матери, такие, как она сама, и те принарядились после уборочной страды. А уж молодухи! Накрутили себе модные прически, нацепили сережки, кольца да браслеты — радехоньки побренчать...

— А вот иные мужчины, вроде нашего бригадира Баймата или тракториста Жунуса, дай им бог здоровья, уже пьяненькие. Слоняются возле кооператива, едва на ногах стоят, и, конечно, около молочной фермы...

— Почему около молочной? — удивился Арман.

— Жены у них доярки. Видно, выпрашивают ссуду на выпивку. Ну и хорошо, что кругом веселятся. Я скажу, что и побаловаться не грех. Только бы не пьянство! Сквернословие такое — уши вянут.

Арман под вечер побывал в клубе, и его воображение поразила девушка из третьей бригады, Хадиша. Сколько там было народу! И трактористы, и агрономы, и физкультурники... Даже певцы-кюйши объявились. А Хадиша ни перед кем не оробела: заплела волосы по-узбекски в сорок пять косичек, вышла и давай петь песни и танцевать. Вообще все пели, как на Первое мая. Мимо девушек пройдешь — так духами и обдаст.

Айслу громко рассмеялась.

— Ой, мама, послушайте его! Косички подсчитывает... Он определенно женится прежде, чем я выйду замуж. На той, которая крепче душится.

Арман опустил голову, краснея, но плечи у него тряслись от смеха.

Так, смеясь, они стали готовиться ко сну во дворе. Хорошо спать в саду, когда утром надо пораньше проснуться. Будит тебя солнце, едва поднявшись над горизонтом, щекоча веки ласковыми лучами. Но еще лучше под открытым небом осенью, когда из темной синевы неба полная луна льет волшебный свет и словно манит и манит к себе в высоту.

Айслу кивнула Арману, и он вынес из дому одеяла и подушки. Одеяла шелковые, стеганые — ночи становились прохладными.

Айслу посередине постелила матери, повыше и попышнее, как было заведено у них с малолетства, а по бокам от нее — себе и брату. Они легли и тотчас уснули. В лунном свете Нурбубу походила на белую гусыню, распростершую крылья над гусятами.

Айслу приснилось, что на нее навалился косматый вонючий черный медведь. От страха у нее перехватило дыхание, она не могла даже крикнуть. Медведь обхватил ее тело железными когтистыми лапами, и оно словно оледенело. Рывком он поднял ее и понес, волоча за край одеяло. Айслу проснулась и спросонья в самом деле увидела темную лохматую безглазую медвежью морду. Потом душный запах винного перегара ударил ей в лицо, и она узнала Сагита.

Испуг, гнев, отвращение придали ей силы. Она пронзительно закричала, вырываясь:

— Мама! Арман!

Она билась, колотила Сагита кулаками и коленками, вцепилась ему в волосы, крутилась всем телом и вырывалась, но парень был много сильней и снова схватил ее.

Хрипя, он бормотал одни и те же слова, прижимаясь мясистыми губами к ее ушам:

— Я люблю! Я люблю! Тебя люблю! — и тащил ее со двора.

— Мама! Ма-ма! Помогите...

Нурбубу и Арман не сразу поняли, что с ней, где она, — голос ее удалялся. Босая, крича, Нурбубу кинулась на улицу. Ноги ее подгибались. Арман обогнал ее и в воротах настиг Сагита. Прыгнув и схватив Сагита за голову, мальчик из всех сил рванул ее назад. Но Сагит напряг свою бычью шею и, не выпуская Айслу из рук, потащил за собой и ее и Армана. Перед домом темнела трехтонка.

— Арман! Держи его, собаку! Люди! Соседи! — вопила Нурбубу.

Арман повис на спине Сагита, уперся ему коленками в поясницу, стараясь повалить. Сагит на мгновение потерял равновесие, и Айслу вырвалась и побежала. Сагит не смог ее догнать и рассвирепел, заревел, как зверь.

Сорвав с себя мальчишку, Сагит швырнул его на землю и, злобно ухая, стал молотить его тяжелыми кулаками и пинать сапогами куда попало. Машина, дом, небо — все завертелось в глазах Армана. Луна вспыхнула и закатилась. Сознание его погасло.

— Арман, миленький! — отчаянно вскричала Нурбубу и бросилась под кулаки Сагита, прикрывая собой сына.

Сагит ударил ее в грудь, она упала навзничь. Тогда Айслу подбежала и приникла к матери, забывая о себе. Сагит саданул кулаком и Айслу и вскочил на подножку грузовика, тяжело дыша, размазывая по лицу кровь.

— Давай гони!

Рухнув на сиденье рядом с шофером, он сам одной рукой начал крутить баранку. Оторопевший шофер немо смотрел из кабины на женщин... Сагит оттолкнул его, резко подал машину назад, вырулил на дорогу и дал газ, не подозревая, какое страшное злодеяние совершил. Когда Сагит разворачивался, трехтонка задним колесом, слегка запнувшись, проехала по груди Армана. Мальчик лежал у садовой ограды и уже ничего не чувствовал.

— Он умер... умер! — закричала Айслу минуту спустя, трясущимися руками ощупывая тело брата, обнимая его голову, целуя бескровные щеки.

Крик Айслу поднял мать на ноги. Но она тотчас же опять упала. Арман не шевелился. Не дышал. Его лицо мертвенно белело в лунном сиянии.

С разных сторон сбегались люди.

— Убили... Раздавили... Насмерть... — Эти слова Айслу слышала точно во сне, с которого все началось.

Подъехала санитарная машина, люди в белых халатах уложили Армана на носилки и увезли. С ним уехала и Нурбубу.

Остаток ночи Айслу пролежала на холодной земле, то неподвижно-оцепенело, то в безудержных припадках отчаяния. Несколько раз она впадала в беспамятство, и тогда все вокруг с визгом заводимого мотора неслось под огромные двускатные колеса, переворачивалось вверх дном и рассыпалось в прах. Временами она видела над собой лицо старой соседки, которую знакомые почтительно называли матерью. Старуха брызгала в лицо Айслу водой из пиалы, Айслу отталкивала пиалу и звала:

— Арман!

И все пыталась рассказать что-то бессмысленное: про то, какой у Армана был большой рот, как он считал девичьи косички и ценил запах духов...

Глава четвертая

1

Только что окончилось республиканское совещание животноводов. Оно проходило в двусветном зале нового Дома правительства. В этом великолепном зале современность удачно сочеталась с мотивами старого дворцового зодчества. Широкие проходы между рядами были устланы нарядными ковровыми дорожками. Люстры и массивные бра сверкали хрусталем в свете полуденного солнца, который обильно лился в незанавешенные окна. Но настроение в зале было непраздничное.

Первый ряд занимали делегаты юга. Секретарь обкома Алим Еримбетов и худощавый Ахан Султанов, председатель Южно-Казахстанского облисполкома, остановились в проходе, дожидаясь, когда из президиума спустится Карпов. Оба были невеселы.

— Боюсь, что погода и нам навредит, — глухо заметил Алим.

Ахан озабоченно покачал головой.

— Да... Особенно в двух районах — в Ноянском и в Узакском. В Джамбульской области у самых Моюнкумов начался падеж скота. А ведь они по условиям мало чем от нас отличаются.

— Да вовсе ничем! Говорят, не только февраль, но и март будет снежный и с ветрами.

— Придется, видно, тебе ехать в дальние районы. Твой глаз хозяйский. Если сам не выедешь к отарам, беды не миновать. Не справятся.

— Я тоже об этом думаю. Прямо отсюда махну в Моюнкумы, — сказал Алим.

— Пойдем поговорим с Карповым. А там прихватишь людей из Узакского района и сегодня же вылетай. Мы с ребятами из других районов еще денек-другой задержимся, тебе медлить нельзя.

Недобрая весть прозвучала сегодня на совещании: в некоторых областях гибнет скот. От одной этой мысли знобило, как в зимнюю стужу.

На юге было сравнительно благополучно: падежа не отмечалось. Но сейчас конец февраля, впереди март, а он грозил лютым морозом и глубокими снегами. Завоет, заметет буран и в какие-нибудь трое суток расправится в открытой степи с отарами, как разбойничья волчья стая. Если бы овцы были в кошарах, обеспеченных кормом, тогда не страшно. Но в двух районах, Узакском и Ноянском, не тысячи и даже не десятки, а сотни тысяч голов круглый год паслись под открытым небом, в песках, на подножном корму. Когда травы под снежными сугробами и свищет жгучий морозный ветер, овце худо.

Рослый моложавый человек с мягкими черными волосами над выпуклым лбом, секретарь Ноянского райкома Мурат Касымов, торопливо подошел к Алиму и Ахану.

— Что у вас слышно сегодня? — быстро спросил Алим.

— Получил телеграмму. Как будто чуть потеплело. Снег на песках тает. Но дороги по ту сторону песков занесло. Снегу по пояс.

— Ну и как ты распорядился?

— Дал команду откочевать.

— Эх! Что же ты наделал! — с досадой воскликнул Алим. — Уж и сегодня дороги под снегом, а прогноз на март сам слышал какой... Как они до Каратау доберутся? А потом... Переваливать через горы — это же сущий ад. Весь скот в пути потеряешь.

— Куда же тогда с ним деваться? С середины марта овцы начнут ягниться. В песках ни для ягнят, ни для маток крова нет. Если до массового окота не доберемся к себе в район, ягнята, едва увидев свет, передохнут.

— Вообще-то это верно, когда все идет нормально. Но ведь в нынешнем году у нас зима — не зима, а одна беда!

— Ну, хорошо. Значит, не выводить скот из песков? Гибнуть на песках?

— Драться, — сказал Алим, — не тратя все силы на изнурительный перегон через Каратау. На месте выставить юрты, разбить палатки, городить кошары. Стать и не метаться. Все силы бросить туда. И окот овец проводить там же без паники. Уж больно ты, Мурат, любишь командовать. И что тебя разбирает? К чему это?

Подошел Карпов. Алим коротко доложил ему о том, как распорядился Касымов. Нил Петрович с полуслова понял опасения Алима. И тут же подозвал секретаря Узакского райкома Есдаулетова, который, по обыкновению, держался поодаль от товарищей.

— У вас как? Узнавали сегодня о скоте? Слышали, что творится у соседей-джамбульцев в тех же Моюнкумах?

— Так это у соседей, не у нас... — ответил Есдаулетов.

Он мялся, пожимая плечами, но его доклад был в общем успокоителен: скот перезимует без потерь.

— Касымов дал указание откочевать из песков, — продолжал Карпов. — Его отары пойдут через ваш район, если не ошибаюсь, поблизости от вашего совхоза «Конекент», так? (Алим утвердительно кивнул головой.) Так вот, пока ноянцы не доберутся до своих земель, пока будут на вашей территории, сможете вы оказать им помощь кормами, людьми, машинами? Сможете вы дать, если понадобится, войлочные юрты, палатки? — Синие глаза Карпова смотрели на Есдаулетова сурово-испытующе. — Говорите правду, только правду!

За три дня совещания Карпов уже не раз беседовал с Есдаулетовым. И хотя дела Узакского района пока не внушали тревоги, сам Есдаулетов, как и прежде, производил впечатление человека легковесного и не очень искреннего. Вчера и позавчера он твердо говорил Карпову: «О нашем районе не беспокойтесь. Кормов достаточно, скот упитанный. На песках снега нет. Все совхозы держат там своих овец в отличном состоянии». А сегодня, услышав, что в Моюнкумах выпал снег, Есдаулетов принялся оправдываться: «Кто ж его знал, что так получится! Если

в конце февраля и в песках будут снегопады, тогда уж не знаю... Скот далеко. Ему туда корм возить — хлебнешь горя!» И сразу обнаружились у него нужда и трудности, о которых прежде не слышали. Карпов понял, что главная забота этого человека — самооправдание, стиль — отговорки. Поэтому-то Нил Петрович требовал от него правды. Есдаулетов, чувствуя, что увильнуть не удастся, побагровел и словно бы рассердился:

— Откуда у нас в районе палатки? Палаток нет. Не хочу вас напрасно обнадеживать: чего нет, того нет. Мы вон на каком отрыве...

— Касымов еще на большем отрыве, — сказал Карпов. — Ну хорошо. Палаток у вас нет. А корма, сено, войлочные юрты и, наконец, машины... Пока не подоспеем мы из области, что вы могли бы сделать для ноянцев немедленно?

И Есдаулетов сдался.

— Кормов можем дать. Юрты тоже. Можем подготовить по пути откочевки пустые кошары. Машин у нас у самих мало, но куда ни шло, поделимся.

Карпов обернулся к Алиму.

— Вот, запомни слова Есдаулетова. На первых порах он выручит. Остальное мы с Султановым берем на себя. А теперь ты с Касымовым и Есдаулетовым на аэродром. В Баскенте долго не засиживайтесь, езжайте в Кентау и скорее добирайтесь до чабанов. Все!

И он энергично потряс всем троим руки, а Алима дружески хлопнул по плечу.

Проводив их из опустевшего зала, Карпов и Султанов медленно пошли по длинным коридорам, которые вели к кабинетам секретарей ЦК. Карпов хмурился, покусывая губы.

— То, что я услышал в эти дни о положении скота, более чем плачевно, — сказал он так, будто винил Султанова. — Выходит, мы отдаем на произвол мороза и бурана многотысячное поголовье. Мы область, а в целом по республике, как я понимаю, дела еще хуже. Джамбульская область, Алма-атинская, да и другие — все под угрозой. Что же это такое? Как можно мириться с такой беспомощностью?

Султанов слушал, опустив голову, поджав тонкие губы и недоуменно косясь на Карпова.

— А вы разве не знали, Нил Петрович? Не только в нынешнем году, и в другие годы завернет вот такая зима,

и Казахстан, как правило, терпит урон в поголовье, подчас немалый.

— Ну и правило! — воскликнул Карпов. — Я думал об этом, был в Госплане, в Совмине, вчера у секретаря ЦК, везде толковал о вашем правиле... Но чем больше узнаешь, тем больше возмущаешься этой уже привычной безрукостью. Что же, и дальше мириться с таким положением? Далеко ли мы ушли от патриархального экстенсивного хозяйства? Ведь так-то в степи деды и прадеды, кочуя, пасли свой скот! Я просмотрел статистические отчеты... И двадцать, и тридцать, и шестьдесят лет назад одно и то же. Если снега глубокие, зима холодная — жди джута. Значит, он непреодолим? На роду у казахов написан? Так, что ли?

Султанов сам не раз ломал голову над этим вековечным вопросом и теперь проговорил с невольным раздражением:

— Хотим мы или не хотим, на сегодня это так... Оттого-то наше животноводство и прыгает вверх и вниз. Сегодня хорошо, завтра плохо. Край велик; у нас и горы и пески, тут пышные джайляу, там редкотравье, колючка, земля большей частью безводна. Степи бесконечные, пустыни, полупустыни... И вся наша практика держится пока на том, чтобы приспосабливаться к условиям, а значит, и к капризам природы. Такова, собственно, вся Средняя Азия. Взять соседние республики — и там со скотом та же история, разве что у них климат помягче. Но и там с кормами скудно, и скот, по сути, кочует следом за травами. Приходится довольствоваться тем, что даст земля, другого выхода нет.

— Одним словом, тем, что бог даст! — с насмешливым вздохом сказал Карпов. — Нет, Ахан, с этим нельзя мириться, это невозможно терпеть! Нужны решительные меры. Надо их выработать, найти. Над этим должен работать мозг страны, партия, правительство, вся наша общественность, наука! А я до сих пор не встречал ищущей мысли, которая была бы занята и мучилась бы, скажем, таким вопросом: как живет чабан? А ведь это человек, который день и ночь, долгие месяцы мерзнет в буранной степи со своим стадом, оберегая его от беды, в песках злополучных Моюнкумов, в том же Узакском, в том же Ноянском районе, пока мы здесь по три дня заседаем. Как подумаешь, каково чабану достается, сердце кровью обливается. Он не на бога — на нас надеется!

Султанов молчал, вдруг остро ощутив, как ему по душе все, что говорит Карпов, новый человек, зоркий человек... Султанову нравилось его неподдельное волнение, его партийная страсть. С таким секретарем не спорить — работать не покладая рук.

2

На вездеходе М-72 ехали Жарасов, председатель Ноянского райисполкома, и Есентаев, второй секретарь райкома.

Минуло уже шесть часов, как они тронулись из Баба-Аты, пошел седьмой, а они только обогнули Красное озеро. Впереди расстилалась Мырзабаевская степь.

Дул резкий студеный ветер «карабас», что означает — «черноголовый». Так его прозвали в этих краях за лютость. Срываясь с высоты Каратау и Актау, он приносил на степные просторы беду.

— Ветер словно взбесился, — заметил Есентаев, на момент приоткрыв и тут же опять закрывая маленькое оконце машины. — Держит нас за... хвост.

Жарасов, сидевший впереди рядом с шофером, с досадой вздохнул:

— Черноголовый, будь он проклят! Открытая степь — тут ему раздолье.

— Видно, теперь уж погоды не жди до апреля.

— Кто ее знает! Пока что холод без снега. А вот повалит снег, тогда пиши пропало. Ветер буревой, к нему лицом не устоишь. Погонит овец, как пыль... В буран их не удержишь и не сыщешь потом.

Дорога по-прежнему не радовала. Следы ранее проехавших машин то и дело терялись, и она превращалась в еле заметную тропу, местами покрытую жестким, как битое стекло, снегом, местами — сплошным льдом. Хорошо еще, что дорога тверда.

В углах рта Жарасова резко обозначились морщины. Он раздраженно поглядывал на молчаливого шофера.

— И что за чертовщина! Ехать каких-нибудь шестьдесят километров, а мы тащимся полдня, и конца не видать.

— Интересно, где остальные машины? — утомленно проговорил Есентаев. — Как бы они со своим громоздким грузом не застряли. Оторвутся от нас, отстанут...

— Уже оторвались, отстали, — буркнул Жарасов.

И все же М-72 не подвел. В сумерки путники достигли поселка Айгене, где находились штабы совхозов «Вперед» и «Колодец». Позади шла колонна из двенадцати грузовиков, которые везли совхозам сено. Еще на четырех машинах были погружены комбикорма и ячмень. Три трактора шли следом — надежная выручка. Этот караван снарядил и направил в пески через Каратау только что вернувшийся из Алма-Аты секретарь Ноянского райкома Касымов.

— Корма идут, — сказал Жарасов начальнику районной инспекции Ержанову, который тоже оказался в Айгене. — А за остальное ты в ответе! Это по твоей «доброй вести», что на перевалах, мол, хорошо, тепло, районное руководство дало приказ откочевать из песков. А сегодня что творится! Мы сюда ползли семь часов. Вездеход, машина! А овцам каково?

Лицо Ержанова, выдубленное морозом, было черно, как сажа. Он засмеялся, щетиня отросшие усы:

— Оказывается, не одна районная инспекция мне подвластна, но и Черноголовый! А я думал, он областного подчинения... Ну, если я ему начальник, будьте покойны, овцам у меня будет санаторий.

Скупо улыбнулся и Жарасов. В самом деле, теперь считаться, кто в чем прошляпил, поздно...

На утро наметили созвать чабанов на совет и послали ездовых по отарам известить народ.

Тракторы Жарасов решил временно сосредоточить на перевале Таскомирсай. Здесь, хотя и с трудом, машины с грузом могли перевалить через Каратау. Это был правильный расчет. Все остальные перевалы и ущелья завалило снегом; они обледенели. Таскомирсай, единственный узкий проход, оставался дорогой жизни и надежды. Его надо было день и ночь защищать от вьюги и гололеда, как крепость от упорного и сильного врага. Надвигались тяжелые дни. Отсюда начиналась забота о будущем. Поэтому и остались здесь Алексей Волков, Бекен Досов и Ешмат Садыков со своими гусеничными богатырями.

Ночью на Таскомирсае мела поземка и на пути к перевалу образовалось множество белых обледенелых бугорков. Поделив между собой двенадцатичасовую ночь, трактористы лишь к утру передохнули, но без задержки переправили через узкий перевал полтора десятка до отказа груженых автомашин. Утерли нос Черноголовому!

Жарасов и Есентаев в ту ночь спали плохо, то и дело их будил вой ветра, оконные стекла под его напором дребезжали. Лежа в темной комнате, Жарасов и Есентаев тихонько переговаривались. За полночь поднялся буран, и они содрогались при одной мысли о том, что творится снаружи. Жарасов несколько раз вставал и подходил к окну. Там по-прежнему мело. С поздним рассветом встали, потирая саднящие виски.

Ясно было, что вызванные с мест люди приехать в такую непогоду не смогут. Теперь надо самим спешить в отары, чтобы узнать, где и в каком положении чабаны и их скот. Добраться до них можно было только верхом, и Жарасов и Есентаев сели на коней. В каждом хозяйстве по семнадцать—восемнадцать тысяч овец, всего примерно тридцать пять отар.

Объехать все отары вряд ли удастся, но упускать из виду нельзя ни одной. Взяв с собой проводников, разъехались в разные стороны, уговорившись вечером встретиться в Айгене.

Три часа спустя Жарасов увидел стадо совхоза «Вперед». Одним своим краем оно расползлось по белой равнине, другим взбиралось на пологую возвышенность. Жарасова встретил седобородый чабан Байтен. Серые глаза чабана казались бельмами на темном от зимней стужи лице. Подошел и молодой помощник Байтена Хусаин. Оба были угрюмы, неприветливы. Опытный Байтен и тот, видимо, растерялся.

— О чем тут спрашивать, товарищ! Сами видите: из песков ушли, а что тут нашли?

— Думали, доберемся до Каратау. Нынче и не мечтаем... — сказал Хусаин.

— Теперь, как говорится, вся надежда на небо. То ли смилостивится, потеплеет, то ли вовсе доконает стужей.

Жарасов медленно ехал, огибая отару, приглядываясь к овцам. У полугодовалых ягнят были подтянутые животы, спины покрыты снежными нашлепками. Скопом они бросались на каждую былинку, торчавшую из-под снега. Больно и страшно было на них смотреть.

— Голодные, — заметил Жарасов, качая головой. — Совсем плохие, а?

— В песках-то они были хорошие, — возразил Байтен. — Но если их гнать по скудной земле, они долго не протянут. Обессилят, повалятся. Рук не хватит их нести.

Жарасов попытался приободрить чабанов:

— Будет вашим овцам подмога. За нами машины идут с полным грузом, подкормим.

Байтен разволновался, забеспокоился.

— Сено надо... Есть сено? Без сена овца никаких кормов не примет, сами знаете.

— Знаем. И сено везем. Не много ждать осталось. Завтра к вечеру доставим обязательно. Еще наш сосед, Узакский район, обещал пособить. В общем, в беде не бросим... Ну, а сами-то вы как? Сами-то чем сыты?

— Пока что сыты, — уклончиво ответил Байтен. — На ночь горячего похлебаем, днем, конечно, всухомятку. Хлеб у нас есть...

— Не сыты не голодны, — с усмешкой добавил Хусаин. — У меня, например, аппетит волчий. На морозе, знаете, чем сытнее, тем теплее.

Жарасов понял, что теперь чабаны хотят ободрить его.

— Вам тоже кое-что везем: масло, чай, — сказал он, тронутый их скромностью. — Немножко еще потерпите.

— Потерпим. Это мы можем, — ответил Байтен и хитро прищурился. — А вот к вам у нас одна просьба: раз вы начальство, нельзя ли дать указание, чтоб не было бурана? Совсем ошалел Черноголовый по воле аллаха. Опасаемся, как бы следом не ударил мороз. Есть, говорят, у нас такой колдун — погоду предсказывает. Как бишь звать-то его, сынок? — насмешливо спросил старик Хусаина. — Ты все о нем поминаешь.

— Прогноз... Прогноз погоды! — осклабился Хусаин.— Интересно, что он нам обещает, товарищ начальник?

Жарасов замялся, не решаясь отнимать у чабанов последнюю надежду.

— Что толку в этом колдуне! — сказал он, усмехаясь. — Пугает часто. Неважно колдует... Но сегодня уже девятое марта. А мы не в Сибири живем, на юге. В прошлом году как раз в это время переваливали через Каратау. Снегу не было, теплынь. Может, несколько дней всего осталось продержаться.

— Значит, прогноз плохой? — с тревогой спросил Хусаин. — А, дяденька? Какой же прогноз?

Жарасов похлопал его по плечу, склонившись с коня.

— Держись, парень, держись. И вы, аксакал... Придет в свое время весна, а там и лето. Куда им деваться? А пока... нужны ваши стойкость, ваше мужество. — Достав блокнот, он записал имена обоих чабанов. — О своих делах каждый день извещайте товарищей в соседних отарах.

Затем, крепко пожав пастухам руки, Жарасов поехал дальше.

После полудня вьюга действительно сошлась и обнялась с лютым морозом. У Жарасова мерзли колени, стыло лицо. Отворачиваясь от жгучего ветра, он часто стаскивал перчатку и яростно тер ладонью щеки, нос, подбородок.

За день Жарасов побывал еще в пяти отарах. Их положение было, пожалуй, самым трудным. В них собрали овцематок, которым подходило время ягниться. Здешние чабаны и не пытались шутить, одни отмалчивались, другие угрюмо бранились. И стороннему человеку нелегко видеть, как мучаются беспомощные животные. А каково пастуху? О чем тут толковать, да еще на такой стуже?

Овцы тщетно искали укрытия на плоской равнине. Старший чабан горбоносый Исмаил шел за ними, ведя в поводу свою серую кобылу и со злостью дергая ее за повод. Жарасов понимал, что эта злость относится к нему.

— Нечего было трогаться с песков. Скоры у нас с приказами начальники, будь они неладны! А теперь кто из них будет отвечать за горькие слезы людей и за скот? Что, если джут нагрянет? Одно дело, сегодня буран, а завтра вёдро. А если обледенеет степь, тогда что?

У Жарасова было такое чувство, будто старый пастух трепал его за уши, как глупого школяра.

— Вот район и послал меня... специально... — бормотал Жарасов, запинаясь от стыда. — Нас многих послали... и людей и машины... Везем корм для скота, еду людям. И сами мы, начальники, тут вместе с вами, как видите, от вас не отстаем...

— Ладно, посмотрим, — буркнул Исмаил, — какой будет прок.

Перед вечером Жарасов попил чаю в юрте у молодого чабана Доскея. Потом снова сел на коня и поехал в степь. Везде он говорил чабанам, что идет помощь, что скот не бросят без подмоги, а людей без внимания. Вернуться в Айгене, как уговаривались с Есентаевым, Жарасов не смог. Увидев своими глазами, что творилось в отарах, решил остаться на месте. Поздно ночью он опять спешился у юрты Доскея.

Эта вторая ночь в степи была много хуже первой. Мороз и буран, точно соперничая друг с другом, час от часу крепчали. Снег валил без передышки и к утру плотной пеленой покрыл всю равнину и горные склоны.

На другой день по дороге в Айгене Жарасов объехал еще несколько отар и добрался до совхозной усадьбы только к полудню. Первым его вопросом было: сколько градусов? Есентаев ответил: ночью тридцать два, а сейчас двадцать. По радио сообщили: обильный снегопад повсюду. Толщина снежного покрова даже на песках достигла сорока пяти сантиметров. Это было уже настоящим бедствием. Оставалось одно — кормить овец в кошарах. Изнуренные животные сами не могли добыть себе корм из-под смерзшегося снега. Страшный лик джута выглянул из неутихающей метели.

В тот же день на закате созвали в Айгене всех находившихся поблизости председателей колхозов и директоров совхозов Ноянского района. Эти люди, оставив семьи далеко за Каратау, всю зиму пробыли в песках со своим скотом. Вид у них был усталый, запущенный.

Завязался спор. Когда дела плохи, на слова урожай.

— Пески тоже под снегом, — сказал директор совхоза «Красный воин» Кызаев. — Некоторые дальновидцы честят нас за откочевку. Но при такой погоде и там не сладко. Не уйди мы оттуда, скот пал бы в песках, только и всего. Там мы были бы в полном отрыве от района, и как раз в момент окота. А сейчас мы хоть на шаг-другой, а все же ближе к дому, к своим кормам. По-моему, останавливаться не следует. Надо из последних сил, но двигаться к Каратау.

Люди поняли, что обстановки Кызаев не знает, и заведующий отгоном Алтаев зло рассмеялся:

— Хоть и идешь из песков, а песка, видно, не понюхал!

Председатель колхоза Болысбаев, пожилой человек с суровым лицом и колючим взглядом, добавил:

— И что такой человек зря болтается на отгоне! Что мелет попусту! В песках пусть и снег, а одна сторона бархана всегда голая. Там и кустарник. И траву скотина поищет — найдет. В песках и в буран овца укроется. Понятно вам, товарищ Кызаев?

Болысбаев махнул рукой и умолк, потому что сейчас он и сам не знал, что делать: и стоять на месте и идти дальше скоту зарез.

Жарасов с надеждой посмотрел на Алтаева.

— У тебя многолетний опыт, что ты скажешь? Какой у тебя план?

— А что толку в моем опыте, — ответил Алтаев с раздраженным смешком, — ежели у меня нет под рукой ни сена, ни других кормов? Кошары у меня, что ли, на каждом километре или какой иной кров? Или, может, тут, в Мырзабаевской степи, уже снег растаял, цветочки расцвели? Отары наши в глубоком снегу, как мухи в меду. Какой тут может быть план? Выход один: каждый чабан, каждая отара пускай потихоньку, сообразно местности и погоде, пробиваются вперед с той посильной помощью, что даст район.

Жарасов удивленно откинулся на стуле.

— Вот тебе на! Не по-хозяйски говоришь, Алтаев. Ты что же, думаешь, возглавляя такое хозяйство, пустить все на самотек? Так ты руководишь людьми? Что ты нам здесь доложил: впереди — степь, над головой — небо... И иди куда глаза глядят? Смеялся над Кызаевым, а сам?

— А что я могу? — со стоном проговорил Алтаев. — Кто мог ожидать, что на нашем благословенном юге в марте будет арктическая зима? Тут думай не думай...

— Да ты ни о чем и не думал! И думать не собираешься. Уперся лбом в стену и руки опустил. Ты что, запланировал погибель скота?

— Пока не доберемся до Каратау, все равно света не взвидим, — упорствовал Алтаев. — Что бы мы тут ни говорили... Надо двигаться к дому. Другого выхода нет.

— Что ты плетешь! — Жарасов в сердцах стукнул кулаком по столу. — До Каратау восемьдесят километров. За сколько дней ты собираешься довести скот?

— Дней за шесть, полагаю.

— Это сколько же в день — по пятнадцати километров?

— Да... В полдень дать отаре передохнуть и полегоньку... быстренько двигаться. Иначе весь скот здесь падалью оставим.

Болысбаев вскочил точно ужаленный.

— Слушать срам! — закричал он. — Овца в теплый летний день пятнадцать километров не пройдет, а он по такому глубокому снегу ее бегом погонит, голодную, суягную... Помешался человек с перепугу или от большого усердия, ей-богу. Бредит, как во сне.

Все набросились на Алтаева, словно обрадованные тем, что нашелся виноватый. И Жарасов услышал знакомые,

привычные грозные слова о безрукости, безответственности, как будто касалось это одного Алтаева.

Жарасов переглянулся с Есентаевым, и они без слов поняли друг друга. Жарасов встал.

— Здорово же вы растерялись, начальники, — сказал он. — Вряд ли вы чему-либо научите чабанов. Того и гляди, и нас поведете на поводу... Завтра, однако, попытаемся собрать чабанов. Посмотрим, чему они нас научат.

И он распорядился — всем остаться ночевать в Айгене.

Подошел Алтаев.

— Видите, на кого я похож, — сказал он Жарасову с затаенной обидой. — И все такие... Тени, а не люди.

— Вижу, — ответил Жарасов. — Это я вижу... Не ожидал, Алтаев. Зря мы на тебя положились. Ты знаток песков, верно. А как вышел из песков, нет от тебя никакого проку. Тогда уж держался бы за пески руками и ногами... Неприятно так говорить, но и о смерти отца в конце концов сообщают.

Этот разговор слышал директор совхоза «Колодец» Жаканов, понял его по-своему и намотал себе на ус. Пробиравшиеся накануне из-за Каратау через перевал Таскомирсай двенадцать машин с прессованным сеном занимали его воображение, а слова «не ожидал... зря положились...», «держался бы... руками и ногами» толкнули в самое сердце. Здесь много говорили о плане, и у Жаканова возник свой план. Кивать на соседа и уповать на других не приходится. Надо действовать на свой страх и риск. Конечно, Жаканов не отважился заявить об этом во всеуслышание, а только осторожненько намекнул строгому начальству:

— В таком переплете нужна инициатива... от каждого... Раз корма привезли, подкормить скот хорошенько и... не ждать, пока овцы ягниться начнут. Смотреть вперед — на Каратау! А то в случае чего тот же Алтаев попрекнет: а я вам что говорил?

Жарасов досыта наслушался сегодня разных слов и не обратил на рассуждение Жаканова особого внимания. Жаканов крякнул и тихонько удалился.

Настала третья ночь, морозная и буранная. Жарасов опять плохо спал, несмотря на тяжкую усталость. Едва задремав, просыпался, точно больной, от гнетущей тревоги и нетерпенья. Он вспоминал встречи в степи с добряком Байтеном, с угрюмым Исмаилом и другими чабанами. Стойкие, терпеливые, здравые, мудрые люди. Истинные

хозяева... Что они скажут? Как всегда в трудную пору, на них вся надежда.

Вопреки ожиданиям, несмотря на буран, чабаны собрались дружно. И с ними совет пошел и спокойней и живей, как будто даже веселей.

Начал нетерпеливый Болысбаев:

— Нам грозит джут, — сказал он с места в карьер без церемоний. — Проклятый Черноголовый может одного барана разорвать на тысячу кусков, а тысячу баранов превратить в одного. У людей весна, у нас снегопад, мороз. Лютый белый буран. Угроза потерять весь скот...

Жарасов стал называть стариков по именам:

— Вот вы, аксакал Косай... вы, уважаемый Жаксымбет... или вы, аксакал Даукен... вы, почтенный Садык... С давних времен всю жизнь вы пасли и растили в здешних краях овец. Все видели и пережили на своем веку. И, наверно, бывали у вас и не такие переделки на пути из песков? Хотелось бы знать, что вы делали в таких случаях.

Жаксымбет, костистый, худощавый, с впалыми глазами и реденькой бородкой на скуластом энергичном лице, бросил на Жарасова быстрый испытующий взгляд.

— Спрашиваешь, что делали? Это при баях, что ли? А ничего, сынок! Погибали... — И старик холодно усмехнулся.

— Вот то-то и оно, — добавил низкорослый плотный, круглолицый Даукен, суетливо ерзая на лавке. — Собачья жизнь была. Недаром говорили: «На бая хватит одного бурана». Эту премудрость, видать, Черноголовый на наших землях породил.

Но белобородый Косай неодобрительно заметил:

— Э, чего вспомнили! Черноголовый да Черноголовый... А наш сорокалетний опыт? Забыли? Иных премудростей не знаем?

И Садык поддержал его:

— Баи жили друг против дружки, каждый за себя. А мы люди одного желания. Баи иной раз от жадности, враждуя из-за кормов, сами себе джут устраивали. А мы, если за дело взяться с умом, да с согласием, с добрым расчетом, глядишь, и отстоим скот от джута. Нас вон сколько, а за нами и того больше.

Для Жарасова и Есентаева в этих речах прозвучал голос народной силы и упорства. В отличие от начальников чабаны верили... В кого? В самих себя. Чего они хотели?

Того, чтобы начальники работали дружно и надежно, как работают чабаны.

Белобородый Косай первый поднял голос благоразумия, дав понять, что растерянность страшней бурана.

— Раз нас позвали, мы должны сказать... И не позвали бы — все одно сказали бы! Делайте, что можете, что обещали, да поживей, а за нами дело не станет. Вот и весь сказ. Здесь было говорено, что байское хозяйство нам не пример. Этакой весной баю и его скоту оставалось смотреть в небо да с воем ножки протягивать. Нынче в степи Черноголовый тот же, а небо другое! Вот из области сколько машин с кормами... Дойдут они до нас? Отвечайте — дойдут? Из района, говорите, спешат навстречу? Хорошо. Вы смотрите, кого мы здесь видим: и председатель исполкома, и райком, директор совхоза, председатели колхозов...— Старик прищурил зоркие глаза. — Раньше бы нас послушали, еще было бы лучше. Были бы мы, правда, подальше от дома, но не на полпути. Не к пескам, к людям ближе! Ну, сейчас не про то разговор, — строго поправил себя Косай, и в его великодушии был для Жарасова больший урок, нежели в любом административном разносе. — К чему я веду? К тому, чтобы был порядок. Раз вы на то поставлены, давайте нам каждой отаре маршрут — когда и куда прийти, где получить корм, чтобы скот у нас не голодал и из сил не выбивался. Чтоб ни толкотни, ни ругани, никакой другой дурости. Будет порядок — пройдем через Мырзабаевскую степь, и джут нас за глотку не схватит. Отобьемся...

Чабаны согласно кивали головами.

Колючий взгляд Болысбаева смягчился. Он незаметно вздохнул с облегчением. Старый Косай сказал то, что мог бы сказать сам Болысбаев и должен был сказать Алтаев: духу не хватало.

— Товарищ Жарасов! Товарищ Есентаев! — азартно проговорил Болысбаев. — Берите бумагу, карандаш, пишите. Тут же, не сходя с места, расписание по дням: кто за кем пойдет. По дороге у нас не менее десяти кошар совхоза «Конекент» Узакского района. Десять кошар впереди! К ним подбросить сено, корма. Это наши оазисы. Прикажите, и мы, не толпясь, не мешая друг другу, двинемся все по очереди, без паники. Одна отара уйдет после ночевки, а тут и другая... Подкормится, отдохнет в кошаре, гони ее дальше, давай место третьей... Но чтобы подвоз сена и кормов был бесперебойный. По-моему, такая

мысль у чабанов. Верно я излагаю, аксакалы? — спросил Болысбаев, повеселев.

Ему ответили спокойно, рассудительно:

— Ладно говоришь!

— И мы то же в мыслях держим.

— Тут толковать нечего, делать надо!

— Не столкуешься — не сделаешь.

— Поживей бы поворачиваться, время окота подходит.

— Сказано, хватит топтаться...

На этом и сошлись. Сообща учли кошары и колодцы на пути, прикинули расстояние между ними. Жарасов записывал. Колодцев было достаточно, расстояние между стоянками не так уже велико. Кошар для ночевок, однако, маловато. А они особо нужны в буран овцам, оягнившимся раньше срока. А главное, сено, обещанное узакским совхозом «Конекент»... Ну уж это дело Жарасов дожмет сам, какой ни будь скупердяй Есдаулетов.

— Ближайшие к нашему району «Арысь», «Туркестан», «Кентау», — говорил Жарасов, записывая, — должны выслать палатки, по возможности войлочные юрты, продовольствие, корма. Подойдем к Каратау, все это получим.

Под конец и чабаны расшумелись.

— Вот оно! — закричал Жаксымбет, скаля редкие зубы. — И впрямь вся область расщедрилась. Какой бай самого сильного рода конрата мог этаким похвастать?

— А ты, видать, охоч хвастать, — насмешливо заметил старый Шонка, сверстник Жаксымбета. — В единый миг вознесся! Невесть что о себе возомнил, типун тебе на язык. Болтать, словами швыряться еще погоди. От таких гордецов вся беда.

Но чабаны помоложе были на стороне Жаксымбета, и он это чувствовал.

— Знаю свою силу, потому и горжусь, — сказал он, молодцевато подбоченясь. — Уж коли народ за мной, мне ли кланяться, молиться: боже, сохрани, боже, оборони! Пусть Черноголовый, хоть тысячеголовый! Наш скот, наш труд. Только ты, Жарасов, миленький, не обмани, исполни, что обещал. Не осрамись, сынок. Дай разок отличиться! Набьем пасть снегом Чернологовому, подлому псу.

Жарасов крепко пожал Жаксымбету руку.

— За вашу веру и отвагу земной вам поклон, отец. У вас сердце не мерзнет, руки не опускаются. Отогрели вы нас, чабаны. Спасибо. Будем драться. Так ли говорю, товарищи?

— Так, так... Пусть сбудется, как сказал! — загудели чабаны.

Затем Жарасов связался по рации с Баскентом. Там подтвердили: Карпов лично приказал первому секретарю Узакского райкома Есдаулетову дать сено. Следом неожиданно позвонил Есдаулетов: берите... Жарасов немедленно выехал в совхоз «Конекент». Есентаев и Ержанов готовили транспорт.

Директора конекентского совхоза Абды Есенова Жарасов видел впервые.

Дом Абды стоял в центре селения в ряду новых одноэтажных домов. Хозяин ждал гостя и встретил его в дверях.

Пройдя через теплый коридор, они вошли в просторную, светлую комнату. Жарасов удивился: Абды и его жена люди городские, образованные, но в комнате, служившей столовой и гостиной, не было ни стульев, ни порядочного стола. На полу постланы кошмы, ковер, на почетном месте — стеганое одеяло. Особняком стоял овальный столик на низеньких, явно подрезанных ножках.

Абды познакомил гостей со своей молодой женой. Ее звали Камшат. Это была миловидная женщина с сияющими черными глазами. Непринужденно подав гостю руку, она учтиво поздоровалась. Видимо, Камшат привыкла принимать гостей. Ни слова не сказав мужу, она отправилась на кухню. И Жарасов отметил про себя ее стройную, легкую походку. Длинная коса, заправленная за воротник вязаной кофточки, свисала из-под нее.

Лица молодых хозяев, казалось, дышали безмятежным покоем. После стужи и тряски по бескрайной снежной степи, после нетопленных черных юрт и приземистых саманных домиков с подслеповатыми оконцами дом Абды казался теплым, ласковым гнездом. Этот дом напоминал Жарасову родной район, его собственную семью, и будничная повседневность мнилась ему сейчас праздником.

В громоздких черных валенках с галошами, в больших рукавицах, в стеганых брюках и фуфайке Жарасов чувствовал себя неловко. Его и без того смуглое лицо, обожженное ветром и морозом, выглядело чумазым. Он забыл, когда брился в последний раз. В смущении он скинул шапку; всклокоченные с проседью волосы в беспорядке рассыпались по лбу и вискам. Но хозяин сумел рассеять

его смущение. Рослый, плечистый Абды нравился Жарасову. Его скуластое лицо потемнело от зимнего степного загара, а уши и шея белели, не тронутые солнцем. И хотя с виду Абды и Камшат были такие разные, они чем-то неуловимо напоминали друг друга. Наверно, тем, что оба были красивы, молоды и счастливы.

Абды оказался дельным человеком. Он сразу расположил к себе Жарасова открытым дружелюбием, прямотой и чуткостью.

— Все знаю. Есдаулетов предупредил, и из Баскента вчера звонили... Конкретно, сколько тонн сена вам нужно?

— Мы просим сто пятьдесят.

— Чьим транспортом будете возить?

— У нас есть двадцать машин и семь тракторов. Справимся, я думаю, сами... Только вот насчет кошар, боюсь, их не хватит. Запросил из области палатки. Но если наши овцы начнут ягниться, могли бы вы развернуть хоть по десятку юрт у каждой кошары — ягнят укрыть?

— Не то что десяти, и пяти не найдем. Нет у нас кошмы. Может, Есдаулетов возьмет в других совхозах?

— Ну, а как с кошарами?

— Кошары нам самим нужны. Наш скот тоже выходит из песков... Сколько мы сможем вам уделить? Самое большее — половину. Поняли вы меня?

— Понимать-то понимаю. Но думаю так: чем скорее наши отары пройдут, тем скорее кошары освободятся для ваших. Так что уж вы найдите нам побольше...

Абды принес карту района и расстелил ее на овальном столике. Он обвел карандашом обширные пространства Мырзабаевской степи, по которой шли дороги от песков к Каратау, и стал отмечать местоположение кошар. Жарасов внимательно следил за карандашом Абды и радостно восклицал, когда расстояние от одной кошары до другой оказывалось не более пяти километров, а когда перегон тянулся на десять — двенадцать, с огорчением качал головой. Он записывал в свой блокнот, где расположены кошары — к каждой предстояло возить сено. Затем, не тратя лишних слов, Абды написал приказ по совхозу — выделить с каждой базы по пятьдесят пудов сена — и положил этот приказ на столик перед Жарасовым.

Появилась Камшат с самоваром. Жарасов, довольный тем, как удачно складывалось дело, долго и с наслаждением пил горячий душистый чай. Камшат молча угощала гостя, лишь изредка вполголоса отвечая на вопросы мужа.

— Ты что же задумала? Одним чаем путника на мороз проводить? — пошутил Абды.

На лице Камшат заиграл легкий румянец. Приветливо улыбаясь, она ответила:

— У меня и мясо варится. Хочешь выставить жену перед гостем скупой, жадной?

— И ленивой, — сказал Абды.

Но Жарасов уже насытился горячими лепешками и баурсаками в масле.

— Мясо до другого раза... Надеюсь, мы еще увидимся. А пока я благодарю хозяюшку и с вашего разрешения поеду.

Вечерело. Жарасов поспешил в обратный путь.

Вернувшись в Айгене, он вместе с Есентаевым и Ержановым составил подробное расписание движения отар и в ту же ночь разослал его по отарам.

Наутро четырнадцатого марта внезапно потеплело, снег быстро размякал, и его покров за один день стал тоньше на десять — пятнадцать сантиметров. На пригорках затемнели влажные проталины. Кое-где овцы сами добывали себе корм из-под снега. У чабанов посветлели лица. Вчерашние страхи и сомнения таяли вместе со снегом.

Нояпские колхозы и совхозы начали откочевку к Каратау по плану, присланному Жарасовым. Целый день в степи было сыро и безветренно. Проталины расползались, увеличивались, и овцы на ходу щипали низкорослые травы, торчавшие из-под снега. К вечеру головные отары достигли первых кошар.

А в ночь опять ударил жестокий мороз. Ртуть в термометрах опустилась до тридцати семи градусов — невиданная на юге стужа! Добро еще, что не было нового снегопада.

Ночью пришла дурная весть: сена на двух ближайших базах не оказалось. Посланные туда машины вернулись порожняком, их погнали на дальние базы, километров за двадцать, а оттуда они не пришли. Без сена овцы никаких других кормов не ели. Голодные и изнуренные дневным переходом, они обессилели, двигаться дальше не могли. Да и кошар не хватало, многие отары остались под открытым небом, на лютом ночном морозе.

Услышав эту весть, Жарасов и Есентаев вскочили с постелей, будто им насыпали льду под бока, охваченные предчувствием неминуемой катастрофы. Теперь начнется

падеж. Немедля они бросились поднимать шоферов. С трудом отогрели и завели машины. Не дожидаясь рассвета, двинулись на вездеходах к дальним базам. Колонна грузовиков и тракторов с протяжным гулом окунулась в ночную мглу. Хорошо знающие местность проводники показывали дорогу.

Первыми Жарасову попались на пути две отары колхоза «Красный воин». Их вели участники совета чабанов Шонка и Даулетбек. Узнав Жарасова, они с горечью показали ему своих овец.

Овцы стояли смирно, опустив головы и тесно прижавшись друг к другу. У всех были впалые бока, спины покрыты смерзшимся снегом. Жизнь, казалось, еле теплилась в них. Желто-серые глаза безнадежно глядели сквозь блеклые ресницы.

Перед овцами на снегу желтоватой лентой были насыпаны ячмень и жмыхи, самый питательный для них корм. Слезы досады, боли блестели на глазах пастухов. Люди выбились из сил, пытаясь понудить овец есть... Ни одна не притронулась, не лизнула, не подобрала зернышка, хотя голодная смерть вползала в брюхо.

Морщинистое лицо старого Шонки было искажено страданием. В голосе мольба.

— Будь они прокляты, ихние причуды... Что за скотина! Говорю: «Грызи, дура, шкуру свою спасешь». Сую ей в рот, даю понюхать — фыркает и бросает. Плюет, как отраву. Стоит вот, подыхает, коленки подламываются, а только что не говорит: «Без сена есть не буду!» Ночь, мороз, ни крова, ни пищи... Светик Жарасов, пропадаем. Счастливый тебе путь, вези скорее сена. Только сена, больше ничего не просим.

Даулетбек сквозь зубы сказал, что сегодня за ночь у него пало шесть двухгодовалых овец.

— Целый год мы их пасли с великим старанием, и зиму и лето. А теперь все прахом. Жаль овечек, вот как жаль, да и себя жалко. За что же такое наказание? Когда овцам плохо, я спать не могу. Лежишь на кошме, холодной, как волчья нора, с боку на бок вертишься. Мороз спину дерет, а думки голову... Если сможете, дай вам бог удачи, ныне же возвращайтесь. Пока овец сеном не накормим, дальше гнать не будем, нельзя. До той поры я с места не тронусь. Тут с ними и лягу...

— И я тут лягу, если не привезу, — сказал Жарасов.

На пути к отрогам Актау встретились еще три отары, и те не могли идти, дожидались сена. Жарасов говорил чабанам то же, что и Даулетбеку.

На базе сено было... Его грузили в авральной спешке и шоферы, и проводники, и начальники, и все же, когда тронулись в обратный путь, время подходило к полудню. Вездеходы, оторвавшись от колонны грузовиков, ушли вперед. И вдруг небо замутилось, потемнело. Солнце словно бы гасло... Густо повалил снег. И вот уже замел, закрутил, заплясал белый буран. Снег хлынул со всех сторон со звериным воем, потом с гулом землетрясения. И не стало видно ни неба, ни земли. Сплошной жгучий вихрь свирепо крутился перед глазами. А мороз крепчал и крепчал, схватывая снег, как бетон. «После оттепели, — думал Жарасов, — ледяная кольчуга обнимет всю степь. Джут!»

Вездеходы медленно пробивались вперед. Дорога пропадала, держали направление почти на ощупь. Чтобы не потерять друг друга, шоферы непрерывно сигналили. Снег становился все глубже, ехать было тяжело. То и дело останавливались, пока наконец головная машина не уперлась в высокий сугроб и не стала окончательно, мотор заглох.

Где-то позади в белой бездне бурана затерялись грузовики с сеном — с ними уже никакими сигналами не связаться. Вездеходы застряли на плоскогорье Буркитты. Пытаться вести их дальше вслепую по затяжному каменистому спуску было опасно. Жарасов, Есентаев и Ержанов с двумя проводниками решились идти пешком искать ближайший аул. У шоферов были еда и овчинные тулупы. Собравшись в одной машине, они остались пережидать беду.

Неподалеку от дороги проводники рассчитывали найти отделение совхоза «Конекент». Натянули ушанки до бровей, подняли воротники и зашагали...

Идти было не легче, чем ехать. Ноги вязли в сугробах. Куда ни повернись, жег и слепил снег. Сквозь буран даже лучи солнца не могли пробиться. Трудно было понять — день сейчас или ночь? Спина на ходу взмокла от пота, лицо нестерпимо щипало. А примешься растирать скулы — пальцы горят, концы их колет словно иголками, тыльная сторона ладони деревенеет.

Заиндевевшие от собственного дыхания путники упорно шли и шли, не замечая времени, пока не наткнулись

на громадный черный, словно облизанный ветром камень. Проводник, шедший впереди, замахал руками.

— Это утес Космурун, — закричал он Жарасову в ухо сквозь вой и гул бурана. — Правильно идем. Три километра осталось.

Жарасов изумился.

— А сколько мы прошли?

— Тоже... примерно... три.

Жарасов осветил фонариком часы и чертыхнулся. Возможно ли это? Если верить стрелкам, уж около четырех часов они на ногах! А впереди еще столько же. Этак можно и не дойти.

Жарасов закурил, но табаку хватило на две-три затяжки, ветер раздул огонь и в несколько секунд сжег папиросу. Жарасов вспомнил, что ему довелось пережить за три года на фронте. Был случай, он горел в танке. Неужто теперь замерзать? Нащупав в темноте плечи Есентаева, Жарасов тряхнул его, хрипло крича:

— Помнишь войну? Держись, пехота!

Есентаев тоже немало пошагал по фронтовым дорогам и в дождь, и в снег, и в зной. Полтора десятка лет назад он был добрым солдатом, носил на себе и станковый и миномет. Его дюжие плечи принимали любую тяжесть.

— Только бы не заблудиться, — закричал он, — а ноги пойдут...

Жарасов подтолкнул проводника.

— А ну, давай жми. Шире шаг!

И опять потянулся час за часом, километр за километром на стуже, в кромешной мгле бурана. Все чаще то один, то другой из пяти путников падал, отлеживался, поднимался. На исходе седьмого часа добрались наконец до жилья.

В доме аульного завмага уже собирались ложиться спать, когда в него ввалились незваные гости. Судя по мрачным, изможденным лицам, их можно было принять за злоумышленников, если бы они держались на ногах. Но они расселись и разлеглись по полу, едва переступив порог.

— Батюшки! Кто такие? Что за люди? — испуганно залопотала хозяйка, маленькая женщина, одетая в казахский бешмет и большую белую шаль.

— Тише! Не вопи! — прикрикнул на нее с высокой кровати муж, усатый, с кирпично-красным лицом. — Видать, не чужие... — И уставился на одного из проводни-

ков. — Э! Никак Жуматай? Так и есть, он. Что это с тобой, брат? Не узнать...

Жарасов и не помнил, как запел, закипая, ведерный самовар, как отпаивали его и товарищей густым огненным чаем. Только после пятой пиалы он обрел дар речи.

— Ух ты! Вот уходился, ни говорить, ни шевелиться мочи нет. Не знаю, я это или не я... Есентаев, как у тебя язык, оттаял? А у тебя, Ержанов, не отмерз? Не удивляйтесь, если я на полуслове засну.

Но ни он, ни другие не успели до тех пор, пока к вездеходам и машинам с сеном, отставшим в степи, не отправились на выручку во главе с энергичным завмагом люди на сильных конях.

Спал Жарасов мертвецким сном. А чуть свет, хотя от усталости ломило все кости, вскочил и поднял других.

Верхом Жарасов доехал до ближайшего телефона в Сарыбастау и позвонил в Баскент. Говорил он с Алмасбеком Жайлыбековым, третьим секретарем обкома, и, ничего не скрывая, сказал ему всю правду.

— Буран, дороги никуда, снега по пояс. Скот истощен. Чабаны просто плачут... Вот-вот начнется массовый окот, а кошар для ягнят и обессилевших маток не хватает. Единственное спасение сейчас — это палатки, палатки! — надрываясь кричал в трубку Жарасов.

Алмасбек нарочито спокойным голосом отвечал, что обкому положение известно, в район послан второй секретарь обкома Алим Еримбетов, идут тракторы, бензовозы. Алим уже собрал палатки для обоих районов, терпящих бедствие. А пока обком просит всеми силами беречь скот, не допустить падежа.

Этот разговор, а главное, уважительный и сочувственный тон секретаря приободрили Жарасова. Он вернулся в Айгене, довольным тем, что не свалился с ног и сделал все, что должен был сделать. Но в Айгене его ожидал новый тяжелый удар.

Директор совхоза «Колодец» Жаканов, не считаясь ни с чем и ни с кем — ни с советом чабанов, ни с районным руководством, — своей властью и вразрез с расписанием Жарасова приказал своим отарам немедленно сниматься с места и за четверо суток достичь перевала через Каратау, в полтора раза быстрей, чем планировал накануне Алтаев. Скоту этого совхоза было завезено прессованное сено на первых двенадцати грузовиках. К тому же и от-

тепель подоспела, законная южная оттепель... Вот Жаканов и решил отличиться, проявить живую инициативу и вырвался со своими отарами из общего расписания далеко вперед.

Чтобы семьи не мешали пастухам, не отвлекали их от дела во время перекочевки, Жаканов распорядился свернуть юрты и срочно перебросить их вместе с женами и детишками в район на тех самых двенадцати грузовиках, которые привезли сено. Для такой благой и боевой цели он не побоялся самовольно захватить машины, которых ждали с сеном в других хозяйствах. Шоферов он сумел уговорить — это народ покладистый, свой...

Теперь, как Жаканов считал, чабанам негде будет отлеживаться и не придется заботиться, скажем, о дровах для юрт и прочих домашних пустяках. И никто и ничто не помешает чабанам денно и нощно гнать овец домой, домой! А чтобы заставить овец идти, он придумал везти перед каждой из пятнадцати отар сани, груженные сеном. Овцы побегут за санями, чабаны, снабженные сухим пайком, следом за овцами, и за четыре, от силы за пять дней прибудут на место.

Все у Жаканова в голове получилось складно, ловко, умно. Погода, конечно, со дня на день будет улучшаться, а всякие там прогнозы — досужая болтовня, одни домыслы. Тем более что своей метеостанции у узакцев нет, а все говорят, что в марте обычно в Мырзабаевской степи снега не увидишь. Первая оттепель, и за два-три дня сугробов как не бывало! В общем-то хорошо, что в нынешнем году обильные снегопады — будет в достатке вода для овец.

Жаканов полагал, что он намеком, но достаточно ясно предупредил Жарасова о своих намерениях и даже получил его молчаливое, но недвусмысленное одобрение. Не всякое дело оформлять на бумаге за подписью и печатью... Жаканов верил, что выиграет, а победителей не судят. С какой стати, в самом деле, ему тащиться в Каратау вместе со всей массой ноянского скота, бедовать с безрукими, безынициативными товарищами в Мырзабаевской степи! Кто посильнее, кто посмелее, тот пусть и изворачивается, не оглядываясь на слабеньких и растерянных. Свое хозяйство Жаканов считал сильным, а себя смелым.

Внезапный мороз и свирепый буран опрокинули Жаканова на лопатки. Пятнадцать его отар увязли в сугробах, точно в яме, вдали от жилья и дорог, вдали от кошар.

Скоту худо, а чабанам, юрты которых увезли вместе с семьями, — вдвое. Ни себя, ни ягненка, ни ослабевшую матку не отогреешь в голой степи в буран. И нарочно не придумаешь положения отчаянней!

Уже глубокой ночью Жарасов и Есентаев сели на коней и поскакали на Тасбулакскую ферму Жаканова. Ферма... Где она? В ста километрах отсюда. А здесь белая пустыня. Овцы были донельзя истощены, несмотря на подкормку сеном, чабаны жили под открытым небом, ели закаменевший хлеб, сосали лед вместо воды, о чае могли только мечтать. Мороз стоял под тридцать градусов. Ветер валил с ног. Не жизнь — му́ка.

Подъезжая к отаре, Жарасов готов был от стыда провалиться сквозь землю. В свете фонаря, в мельканий снега он различил высокую фигуру чабана, опиравшегося на длинный посох, и узнал старого Косая. Чабан был в оранжевом овчинном тулупе, в черной мохнатой шапке, нахлобученной на брови. Жарасов спешился и почтительно протянул ему руку. Старик бросился навстречу.

— Пропадает скот, Жарасов-светик! Ну чем они, бедные, дорогие мои овечки, виноваты? Зазря пропадает такое богатство...

Жарасов пригляделся: крупные слезы катились из выцветших, блеклых глаз пастуха и застывали сосульками на щеках и бороде.

— Ох, как трудно-то, как им трудно, овечкам, посмотри, сынок.

— Вижу, отец. Люди как? Тулупы у всех? Не замерзнете?

— Кто его знает! К зиме вроде все приоделись. На что я старик, шестьдесят пять лет, а мерзнуть не собираюсь. Десять дней пояса не снимал, да разве об нас речь? Потерпим. Скот спасать, овечек! Они без тулупов...

— Ох, Косеке, ой! — простонал в ответ Жарасов и больше не мог вымолвить ни слова.

А Косай, не дожидаясь расспросов, сам кратко и дельно доложил Жарасову обо всем, что того интересовало. Показывая в степь, туда, где затерялись отары его товарищей, Косай поименно перечислял старших чабанов, их подручных, называл перевалы, высотки, лощины, которые им предстояло преодолеть на избранном Жакановым несуразном пути. Жарасов наскоро записывал, запоминал, мысленно прикидывая, что теперь следует предпринять.

— А Жаканов где? — спросил Есентаев.

— Где же ему быть? Наверно, бедный, уснуть не может, пьет чай. Мы его не видели.

«Неужели этот барин сейчас в Айгене?» — думал Жарасов на обратном пути, дрожа от ярости, погоняя усталого коня.

Да! Жаканов был дома на базе! Увидев его под железной крышей, в тепле, по-домашнему разутого и, конечно, за пиалой чаю, Жарасов задохнулся от негодования. Не приняв протянутой Жакановым руки, кривясь от отвращения, Жарасов думал о том, что мог бы сейчас этого человека ударить.

— Стыд и совесть у тебя есть? Или ты не человек вовсе? — проговорил Жарасов вне себя. — Кого ты обманул, что выгадал? Всех обокрал, и себя первого! Ты же голосовал за наш общий план! Почему не сказал прямо, как мужчина, что в твою дикую башку взбрело? Ты видел, что ты натворил? Видел своими глазами? Восемь тысяч поголовья, тридцать чабанов в буран и мороз в чистом поле без крова. Не только скот, люди у тебя на волоске от гибели! Это тебе известно?

Вместе с Жарасовым в дом вошли еще Есентаев и Ержанов. И, к удивлению всех троих, Жаканов вдруг погрозил Жарасову пальцем.

— А я... а я вам говорил! Э! Я тогда еще... на первом совещании... намекал... Но не я же мороз-буран организовал, не я! А если б я проскочил, вам же легче было бы...

Жарасов сбросил полушубок и молча закурил, не глядя на Жаканова, и уже не слышал, как тот пространно объяснялся с Есентаевым и Ержановым. Докурив, Жарасов связался по рации с Баскентом.

К аппарату подошел Карпов. Жарасов говорил с ним без обиняков.

— Зашились, Нил Петрович... За свои ошибки наказаны, как говорится, не сходя с места... и сверх головы... Беда, Нил Петрович! Своими силами не справимся... Слышали мы, едет к нам товарищ Алим Еримбетов. Где же он? Когда приедет? Больше вопросов не имею...

— Понимаю вас, понимаю, — сказал Карпов. Голос его показался Жарасову жестким. — Дела наши такие, что не только область, вся республика сегодня думает о нас, действует. Алим Еримбетов был у вас в районе налегке. Теперь едет с грузами. И он сам, и машины, и грузы — ваши, как только техника к вам прорвется. Но и вы рук не опускайте. Ошибки подсчитаем после. Не нравится мне

вот что: много говорите о скоте, и это понятно, мало о людях, и это непонятно. Помните, Жарасов, самое дорогое для нас — жизнь, судьба чабана. Сейчас, в дни джута, у всего народа на виду, какой герой и какой человек чабан! Говорю это вам не для красного словца. Берегите людей. Нам с вами отвечать по всей строгости закона, если, спасая скот, погибнет чабан.

«А если... председатель райисполкома?» — мысленно спросил Жарасов, вспоминая, как семь часов шел с товарищами сквозь буран.

— Чабан! — повторил Карпов, словно угадывая его мысль.

На следующий день мороз еще держался, буран не затихал. Машины увязали в снегу по кузов, и тракторы слабо им помогали. Сено и корма доходили до скота жалкими крохами. Жарасову доложили, что за сутки в каждой отаре пало от семидесяти до ста овец.

Разговор с Карповым не шел из ума Жарасова. На один вопрос Карпова Жарасов не мог ответить: «Что там случилось с директором «Конекента» Абды Есеновым?»

Никак не ожидал Жарасов, что дельный и милый Абды окажется очковтирателем и пошлет машины за сеном туда, где сена не было. Это походило на вредительство. Скот словно подкосило; с этого и начался падеж...

А между тем держался Абды странно. Он не крутил и не оправдывался, как Жаканов.

— Я виноват, я виноват, — говорил он, не глядя Жарасову в глаза.

После разговора с Карповым Жарасов опять пошел к Абды. И тот наконец открылся:

— Стыдно вам сказать... но я знаю, кто и зачем эту подлость подстроил. Где не было сена? На базах, где братья Жанаевы?

— Д . как будто.

— Если б на вашем месте был Карпов, он бы все понял...

— Карпов? Он был у вас?

— Да. Осенью.

Абды взглядом показал на свою жену.

— Один из братьев Жанаевых, младший, имел виды на Камшат. Но она выбрала меня. С тех пор они нам мстят. Как видите, женский вопрос.

— И вы молчите? — возмутился Жарасов. — Гнать склочников из совхоза поганой метлой! Или у них «рука»?

— Конечно, — с горечью ответил Абды. — Но главное... главное — наш секретарь райкома Есдаулетов. Он считает, что у нас, в Узакском районе, склоки нет! Никаких дрязг и вражды. Полный ажур.

Жарасов задумался. «Что же эти темные Жанаевы, — спрашивал он себя, — отличаются от тех сутяг-баев, которые сами себе устраивали джут?» Но вслух ничего не сказал. И в Ноянском районе встречалось подобное, если уж смотреть правде в глаза...

В тот день была, однако, и радость: в районный центр Узункурган прибыл уполномоченный обкома Алим Еримбетов с шестьюдесятью тяжело груженными автомашинами.

3

Самолет ЯК-12, пролетев над склонами Каратау, словно повис над унылой белесой степью, тянувшейся от гор к далеким пескам. В тесной кабине было двое — Алим Еримбетов и Жарасов. Они летели к отарам совхоза «Колодец». Молодой летчик украинец Петро Савчук, которого все звали на казахский манер по имени, часто снижал самолет и, выключив мотор, планируя, пристально вглядывался вниз, как бы прицеливаясь для посадки.

Наступило двадцатое марта, овцы начали ягниться. Теперь о том, чтобы двигаться вперед, нечего и думать. Надо было ставить палатки для маток и ягнят. Везде, и в обкоме и в районе, только и слышно было: «Палатки, палатки!»

Трудней всех доставалось пятнадцати отарам Жаканова. И едва утих буран, Алим решил первым долгом отыскать в степи и проведать всех чабанов, вывезти на самолете обмороженных и больных, если такие есть, забросить самое необходимое — медикаменты, масло, жирную конскую колбасу... Дороги занесло, машины, тракторы штурмовали каждый десяток метров, ненамного легче шел конь, и теперь многое зависело от пилота и его птицы.

На снежной равнине показалось сероватое плотное каплевидное пятно. Сделав круг, Петро осторожно посадил самолет примерно в полукилометре от отары, чтобы не пугать и без того измученных овец. Взяв свертки с гостинцами, зашагали по глубокому снегу.

Чабан Сальмен, спутав своего верблюда, стоял возле отары, изредка щелкая длинным кнутом. Увидев самолет,

он стал нелепо махать руками, а когда тот сел, со всех ног побежал к нему, радостно крича.

Его худощавое лицо, изрезанное морщинами, сияло, редкие усы топорщились в улыбке.

Алим и Жарасов оба одновременно обняли чабана и принялись расспрашивать его, перебивая друг друга, суя ему в руки свертки.

— Я-то что, здоров! — отвечал Сальмен довольно бодро. — Степь — дело привычное, и зима тоже, она каждый год бывает... Но вот овцы того, что я терплю, терпеть не хотят! Понимаете, какая штука? Не могут...

— А как ты смог, милый человек? Что ты ешь, где спишь?

— Ем хлеб, сплю промеж овец. Этот тулуп мне и кров и постель. А вот овцы... овцы, товарищи, гибнут. Я тех... которые пали... стараюсь стащить в кучу, все же на них мех дорогой. Тушки, конечно, тощие, но кожа, шерсть, поди, пригодится. Так что вы их заберите. А то снегом занесет, потом не сыщешь.

Сгоряча Сальмен повел было товарищей подбирать тушки. Затем, опомнившись, вскричал:

— Шут побери! Никак, я совсем спятил! А вы кто же такие будете, товарищи? Ко мне прилетели? Или так сели... из-за поломки?

— Неужто не узнаешь меня, Сальмен? — спросил Жарасов и снял шапку.

— Ой, товарищ Жарасов! Наш Жарасов, оказывается... Здравствуйте. Вы-то как? На вас лица нет, ей-богу. Эх! Кто же вас так разукрасил?

— Черноголовый... — смеясь, отозвался Жарасов.

Договорились, что Сальмен остановит отару. Юрту, палатки, продовольствие, а с ним и повариху привезут ему сюда.

И снова самолет закружил над степью. Петро сажал его на снег, точно на бетонную дорожку, и после четвертой посадки Алим сказал с восхищением:

— Вы, товарищ дорогой, просто беркут, хозяин Мырзабаевской степи, — где хотите, там и садитесь. Если и дальше так пойдет, мы, как на автобусе, все отары объедем.

Аккуратный, подтянутый Петро улыбнулся, слегка морща нос.

— Это у меня опыт. Набил руку на борьбе с саранчой... Все лето боролся. Пригодилось.

Местность, на которой они приметили пятую отару, резко выделялась в степи. Куда ни глянешь, рытвины и кочки. Низко кружа над землей, Петро высмотрел небольшое гладкое поле; по бокам тянулись бугры да ямы, впереди темнел овраг с незамерзающим родником. Петро решил приземлиться на этом поле, и самолет, подняв вихрь мельчайшей снежной пыли, остановился у самого края оврага. Прямо перед винтом самолета возвышалась чья-то заброшенная могила. Мазар был полуразрушен, но его зубцы угрожающе торчали вверх. Самолет стоял к ним впритирку.

— Это не простая могила, — сказал Алим. — У подножия Каратау и в горах таких много. В них похоронены святые, к вашему сведению... Наверное, святость этой могилы нас и спасла. Ты, Жарасов, должен бы переночевать в мазаре, а наутро чистыми руками совершить жертвоприношение — повесить на зубцы памятника свои любимые портянки... По дедовскому обычаю, — пояснил Алим пилоту, — верующие, прося заступничества святого, проводили ночь у его могилы и вешали на нее лоскуты от своей одежды.

Отару пас неутомимый и отважный мудрец Жаксымбет. И он прежде всего напомнил Жарасову о своем слове на совете чабанов, которое сдержал, хотя Жарасов и подвел поначалу.

— Я обещал при людях набить пасть снегом Черноголовому, подлому псу. Было это? Было, не забыл. Ну вот смотри... Вокруг, правда, падеж, радоваться нечему, а я — вот он! Сижу в ложбинке с родничком, у святого места... Чем не оазис? У меня, слава богу, и сочный тростник под снегом, и травка жирненькая. Прежде тут стоянка аула была. Как добрался досюда, стой, ни шагу, родимые. Овцы пока все целы. А там и вы объявились. Спасибо вам, ставим юрты, палатки, что вы прислали. Везут будто и сено и другие корма. Из колхоза Калинина, говорят. Нынче я герой, как заново родился! Пускай теперь тот немощный... Шонка... пускай скажет, что я гордец, хвастун. Интересно послушать.

В затишке у родника Жарасов увидел небольшую юрту. Над ее куполом дрожал дымок.

«Везучий старик,— подумал Жарасов, — к нему и по сугробам пробились».

А Жаксымбет уже тряс обеими руками руку Алиму Еримбетову и крякал от полноты чувств.

— А этот товарищ, стало быть, из самого обкома, ага, ага... Так!

Не обошел старик и летчика.

— Ты кто будешь? Это ты и есть летчик? А овец пасти умеешь? Отец был пастухом? Вон оно что. Ну, выйдешь в генералы...

Затем он повел их к своей юрте, молодцевато распахнул полы огромного тулупа, весело скаля в улыбке редкие зубы.

— Сегодня у меня уже не то, что вчера, не голая пустыня под свирепым небом. Добро пожаловать, гости, заходите, посмотрите. Есть что посмотреть!

У порога спиной к двери сидела на полу женщина, закутанная в теплую шаль, и месила тесто. Жаксымбет кивнул в ее сторону и крепко толкнул Алима в бок.

— Ты, голубчик, меня омолодил. Только мне стукнуло шестьдесят, обновил мой дом, воздвиг надо мною отау. Исполнилась моя мечта, на старости лет второй раз меня женили, в новую юрту молодуху привели. — И старик громко, озорно расхохотался.

Женщина обернулась и тоже засмеялась, прикрывая ладонью сморщенный рот.

— Ишь чего захотел, будь ты неладен, — проговорила она, причмокивая. — Радуйся, что живой, в степи до смерти не замерз. Ему, сивому козлу, еще молодуха понадобилась!

Жаксымбет сердито замахал на нее длинными рукавами тулупа.

— Ах, пропади ты пропадом, старая... отвернись! Хотел было обмануть этого самого обкома: вот, мол, я какую себе красотку отхватил... Все дело мне испортила. Беззубая! Чего смотришь? Проглотить хочешь? Меси свое тесто, помалкивай.

— И часу здесь не пробуду! Молодость свою губить... — отозвалась женщина в тон Жаксымбету. Это была стряпуха, присланная из района.

Алим смеялся до слез.

— Ну молодец, Жаке! Ну герой! К вам Черноголовый носа не сунет, засмеете.

— А что? И засмею. Я на своей земле, а овечки, они как дети... Я загодя говорил: если меня вся область, весь народ в спину-то подопрет, так пусть меня бог в рай уберет, коли я раскисну.

После полудня Алим и Жарасов нашли в заснеженной безлюдной степи еще три отары. Они держались неподалеку друг от друга. Старший из чабанов, Ажибай, был невесел. У него случилось самое худшее. И он не сразу решился об этом сказать, как не сразу говорят о покойнике.

— Помогли, спасибо. А то ребята уже снег едят. Ветер да мороз. Терпения нет! И по правде сказать, страшновато становится, побаиваемся мы...

— Вы боитесь? — удивился Алим.

— Я не о себе... — словно бы с неохотой ответил Ажибай. — Тут племянник мой, Медет, единственного брата сынок, отару водит. Десятилетку кончил, пошел чабаном. Вот уж третьи сутки, как я его из виду потерял. Про остальных про всех знаю. А что с Медетом, неизвестно. Пропал парень с отарой, след простыл!

Ажибай скомкал всей пятерней свою сивую бороду и потупился, голос его дрогнул:

— Медетом зовут...

Алим с тревогой повернулся к Жарасову.

— Искать! Немедленно. Я тебя подброшу в Сарыбастау. Езжай на вездеходе. А я поднимусь с Петром... Наверно, в буран угнало парня вместе с его овцами куда-нибудь в глубину...

Старый Ажибай закивал головой. Стряхнув с шапки снег, он ладонью разгладил и вытер косматые брови. Выцветшие с желтинкой глаза его часто мигали, веки распухли и гноились.

— Так, так, точно, — согласился он. — По ветру парнишка и пошел. Овец погнало, ну и он за ними. Где ему их удержать? И я бы не совладал... Рос мальчик в городе, только со школьной скамьи. Правда, до работы охоч. Учился вон как, аттестат ему дали, особую такую бумагу. Характером — шелк, иная девица его грубей, но упорный. А главное, он последняя наша надежда. Отец его на фронте погиб, а у меня дочки одни. С этим парнем наш род долба кончается. Поищите его, дорогие мои... Эх, да что там! Чует мое сердце, неладно с ним. Замерз джигит. Спит где-нибудь под сугробом вечным сном. И того ведь не знает, что в буран уснешь — не проснешься...

— Не сокрушайтесь, аксакал, раньше времени, — сказал Алим. — Сыщем джигита.

— Спаси его, сынок, не оставь, Медетом зовут...

— Выручим, выручим Медета, — отозвался Алим, но в голосе его было больше озабоченности и беспокойства,

нежели уверенности. — Теперь, раз до нас дело дошло, считайте меня своим братом, а Медету отцом. Все сделаю. Не присяду, пока не увижу его живого, здорового! А вы о себе подумайте, набирайтесь сил! Или мы зря старались?

Старый чабан молча с силой обнял Алима и оттолкнул от себя, торопя.

Часа за два до заката Алим и Жарасов были на базе. Жарасов пересел на вездеход. Алим поспешил к самолету:

— Петро! Орел! Тебе, по-моему, все ясно. Люди полагаются на нас, мы на тебя. Как бы нам до заката облететь округу и поспеть вернуться?

— Облетим. Вернемся, — ответил летчик. И они полетели.

Жарасов пустился на поиски в вездеходе. Он не вернулся и после заката. Всю ночь напролет колесили по степному бездорожью, всползая на холмы и ныряя в овраги, ориентируясь по руслам вымерзших речек. Всю ночь обшаривали снежные пустынные просторы светом фар, часто сигналя. Время от времени останавливались и принимались стрелять в воздух из ружей. Ни одна живая душа не показывалась и не отзывалась. Под утро, удрученные, подавленные, вернулись на базу. Мотор вездехода повизгивал от усталости.

С самолета также не заметили в степи ни человека, ни большой овечьей отары в полтысячи голов. Кругом было бело, голо, чисто.

Ночью из Баскента Карпов вызвал по радио Алима Еримбетова. Нил Петрович спрашивал, что с чабаном по имени Медет. Алим сбивчиво и со злостью стал рассказывать о том, что видел с самолета, о снегах и заносах.

— Еримбетов, — перебил его Карпов, — вы кто, синоптик? Что вы мне сводки погоды читаете? О людях докладывайте! И расторопнее, расторопнее поворачивайтесь. Мы отыскивали пропавших и терпевших бедствие во льдах Арктики, за тысячи километров от материка, а тут на родной земле, на которой живем и работаем, на которой пасем скот, не можем помочь пареньку, который спасает от гибели колхозное добро! Овечек мальчишка спасает, а рискует, как вы понимаете, не насморком... Что вам еще подбросить из техники, говорите...

— Нил Петрович, техники тут достаточно и... Кроме Медета, все чабаны отысканы, всем помогли. Завезли поварих и подручных, водоносов ухаживать за ягнятами, —

сказал Алим, чувствуя, что говорит не то, и с невольной дрожью думая, что от несчастного случая никто не застрахован.

Чуть свет самолет вновь поднялся в воздух и принялся «брить» вдоль и поперек Мырзабаевскую степь, скаты Буркитты со стороны Актау, а затем пески Моюнкумов — все те места, куда мог забрести пастух, гонимый бураном. Час за часом ходил самолет над степью, как маятник. Тем временем люди Жарасова объезжали увалы и распадки на конях. Все тщетно. Медет точно сквозь землю провалился и утащил за собой отару. В полдень Алим и Жарасов встретились и вновь разъехались, наскоро поглотав горячей похлебки. Условились сойтись на последний совет вечером в Айгене. У обоих на уме было одно: а что же мы скажем старому Ажибаю?

День был серый, мглистый. С утра с востока опять задул Черноголовый, грозя бураном.

Жарасов решил направиться в глубь гор за гряду Буркитты, где Медета не искали. Вряд ли он там мог быть, поэтому и не искали. Но чем черт не шутит!

Дорога была тяжелая. По равнине, по сугробам машина ползла еле-еле, дымясь, как в августовский зной. На подъем в горы она пошла тоже нерезво, но легче. Постепенно набирали высоту. На пути, подобно волнам, горбилось множество облизанных ветром бугров, крутых и пологих, белевших пятнами снега, черневших слегка обледенелой землей, усыпанных плоской серой галькой. Тут и там торчали одинокие голые скалы.

Шофер Жагипар, привычный к горным дорогам, вел машину осмотрительно и смело — то гнал ее по самой верхушке гребня, то бросал вниз по крутому скату, то осторожненько притормаживал на пологом спуске. И непрерывно сигналил, протяжно и тревожно. От этих сигналов, от тряски Жарасова мутило. В глазках спидометра выпрыгивала цифра за цифрой. Машина уходила все дальше в горы. Вот уже они в самой что ни есть глубинке... А отвечает им лишь Черноголовый унылым волчьим воем.

Хотели возвращаться. Машина спускалась в глубокий овраг, в затишье, когда Есентаев, сидевший на заднем сиденье, вдруг открыл дверцу, сорвал с головы ушанку и прислушался. До него донесся слабый, неясный звук с наветренной стороны. Звук странный, он мог исходить и с дальнего хребта, и из-под камней неподалеку.

— Стой! Стой! Остановись! — закричал Есентаев, хлопая по плечам Жарасова и шофера, и, не дожидаясь, когда машина затормозит, выпрыгнул на ходу в снег.

Вытягивая шею, Есентаев стал поворачиваться лицом то к ветру, то против него. Звук то чуть усиливался, то совсем ослабевал и обрывался.

Выскочил из машины и проворный Жагипар, заглушив мотор, и Жарасов. С минуту все трое прислушивались, затаив дыхание. Жарасов сказал нетерпеливо:

— В этой стороне ни людей, ни скота нет, понятно?

— Понятно, друг, — сказал Есентаев. — Это голос... Человек кричит! Зовет.

Жагипар с сомнением покачал головой.

— Нет, так люди не кричат.

— Кто же это, волк?

— Нет, и не волк.

— Кто же тогда? Горный дух?

— Не разберу. Ветер... глушит...

Жарасов нахлобучил шапку на брови и махнул кулаком.

— Ну кто бы там ни был, хоть шайтан, пошли!

И все трое бегом кинулись вверх по оврагу, увязая в рыхлом снегу. Минут через двадцать, не меньше, пыхтя и чертыхаясь, взмокшие от пота, они выбрались на скалистый край оврага. Огляделись. Прислушались. Ни звука! Голоса не слышно...

Впереди громоздился, закрывая обзор, двугорбый холм, покрытый пожухлой прошлогодней травой. Черноголовый стер с него снег без остатка и свистел здесь, точно разбойник, сбивая с ног. Есентаев, не задумываясь, не останавливаясь, зашагал на холм. Следом, согнувшись, пошли Жарасов и шофер. А взойдя на холм, они вдруг отчетливо услышали человеческий голос.

По ту сторону холма, в тесной низинке, укрытой от ветра, паслись овцы. Их было много — голов полтысячи. С ними — человек. Жарасов увидел его спину в овчинном тулупе. И человек этот в самом деле не кричал, не стонал, не плакал... Он пел.

Песня была знакомая, ее распевала с прошлого года молодежь всего Ноянского района. Называлась она «Акмандайлым», что значит «Светлоликая». Написал ее Шамшп Калдаяков. Она долетела в степь к пастухам из столицы, а ныне звучала здесь, в горах, где не рассчитывали увидеть человека, и Черноголовый ее не заглушил.

Жарасов, шофер и Есентаев, крича, размахивая руками, побежали с холма в низинку к чабану, которого уже не чаяли найти живым. Овцы шарахнулись от них врассыпную. Чабан обернулся и медленно пошел навстречу. Казалось, что он и не рад был людям, скорей недоумевал, зачем они так шумят, распугивают овец.

— Эй! Ты кто? Медет? — вопил на бегу Жарасов.

— Да... Здравствуйте, — ответил джигит глухо.

Жарасов с ходу облапил его.

— Миленький, где же ты тут пропадаешь? Жив? Здоров?

Стали его тискать, хлопать по плечам втроем, тесня друг друга.

— Ты понимаешь, что ты сделал? Ты понимаешь, что ты за человек?

На радостях смяли парня, едва не сбили с ног. Он был все же слаб. Лицо его, обветренное, темное от зимнего загара, поражало своей худобой и морщилось, как у старика. Только белозубая улыбка говорила: это юноша!

— Скажите, — спросил он, приглядываясь ко всем троим поочередно, — вы, может быть, знаете чабана Ажибая-ага... Что он? Где он?

— В порядке! — закричал Жарасов, смеясь. — Тебя ищем по всей степи.

— Я это знал, — тихо вымолвил Медет.

— Знал-то знал, а ведь мы уже того... Честно говоря, не мы тебя нашли, песня твоя нас за уши привела!

— Это хорошо, — проговорил Медет невнятно. — Вчера видел самолет. Не мог кричать... — И он сел на снег и ссутулился, будто какая-то пружина в нем внезапно ослабла.

Позднее он рассказывал: все было, как и предполагали. Черноголовый погнал отару на запад. Медет пошел за овцами, удерживая их в куче тем, что был с ними. Овцы теснились вокруг пастуха, и отара уцелела, хотя занесло ее невесть куда. Тут, за крутыми склонами, укрылись. Тут и корм нашли: где ковыль, где кустарничек, а местами белый тростник и полынь. Корм недурной, к нему овцы и прилипли. В начале оврага, в котором осталась машина, они залегли. Отлежались, объели, что там было, и перекатились кудрявой плотной волной сюда, за холм, в низинку. Тут тоже понравилось...

Как не замерз? Боялся ли заснуть в буран? По правде сказать, сперва было не до сна. А потом и спал. И даже не обморозился. Овцы выручили. Медет спал с ними в куче,

как это делают опытные старики. Пастух берег их, они берегли его. Складно шло дело. И не страшно было. Ждал, стихнет буран, товарищи сделают что нужно. Потому и пел. С песней веселей. Овцы и те, оказывается, песню любят. Глупы они, слабы, пугливы, но, говорят, когда человек поет, его и волчья стая обходит. Некоторые курят, когда им трудно достается. Медет не курил, но без песни не мог, как иные без курева!

Обнимая Медета, Жарасов почувствовал что-то твердое. Спросил:

— Хлеб? Небось как камень, на морозе...

— Нет, хлебушек у меня вчера кончился, — смущенно ответил Медет и вынул из-за отворота полушубка книгу.

Это была «Повесть о настоящем человеке», недавно переведенная на казахский язык.

— Ну, вот что. У нас тут машина. Забираем тебя с собой, — решительно заявил Жарасов.

Медет бледно улыбнулся.

— Вместе с отарой? — спросил он. — А не тесновато будет?

Шофер Жагипар крякнул одобрительно и сунул парню в руки сверток с маслом, колбасой, сгущенным молоком и шоколадом.

— Завтра забросим тебе самолетом... — сказал Жарасов. — Чего хочешь, проси, не стесняйся!

— Хлебушка свежего, печеного... — ответил Медет, развернув сверток.

С самолетом, однако, получилось не так, как хотели.

При посадке в Айгене Петро впервые оказался в затруднении. Поселок темнел кубиками строений в узком овраге. Петро дважды снижался, прицеливаясь, и дважды снова взмывал вверх. Единственная подходящая площадка была всего метров сорок в длину. По пути в Айгене Петро приметил километрах в шести от поселка большое ровное поле. Надо бы садиться там, но горючее кончилось, и Петро решил положиться на юркий послушный ЯК и свой глазомер. Летчик безошибочно определил размеры площадки и держал самолет как мог...

Алим почувствовал, что посадка опасная, и помалкивал, пока самолет не стал перед песчаным скатом оврага. А там уж дал себе волю:

— Я говорю, беркут, беркут! Свил гнездо на утесе и летаешь к нему... Этак и мне с тобой быть летуном заправским.

Но Петро, спрыгнув на землю и обойдя машину, уткнувшуюся винтом в песок, сокрушенно качнул головой:

— Капотик... Поздравляю. Придется вашему беркуту раком ползти, башку из капкана вызволять.

И все же денек был, можно сказать, безоблачным. С тех пор как Алим приехал в район, он ни разу так не радовался. Медет отыскался. Книжки читает! Про настоящего человека... Петро, хорошо знавший казахский язык, с волнением прислушивался к разговору Алима и Жарасова и смеялся, глядя на то, как они толкают, тискают и колотят друг друга по плечам.

Отарам Жаканова подсобили всерьез. Абды старался из всех сил. Помимо юрт из колхоза Калинина, он добыл еще пятнадцать кибиток и доставил их в отары вместе с продовольствием, посудой, дровами. Впервые за две недели чабаны сели к очагам, поели горячего, переобулись у огня, и казалось, что в суровой морозной степи повеяло дыханием весны.

Ночевали в небольшом доме на отшибе у известного на всю округу охотника, незаурядного стрелка и следопыта. Звали его Исабеком, «беркутом Айгене», а его жену — Зейнеп. Она работала продавщицей в местном кооперативе.

В доме были две просторные комнаты, чистые, теплые, уютные. Обе были ярко освещены. Хозяйка, видная женщина, опрятно одетая, смуглолицая, и хозяин, человек богатырского сложения, с юношески свежими румяными щеками и седой клином бородкой, встретил гостей с почетом. Гости знатные и труженики примерные...

На столе, покрытом свежей скатертью, желтел кипящий самовар, слегка дымилось большое круглое блюдо с каурдаком.

На полу, как водится, постелены старенький ковер, большой новый палас, толстые коричневые кошмы, расшитые узорами. Глухая стена против окна уставлена сундуками, на них до потолка слоями уложены стеганые атласные одеяла, большие пуховые подушки в цветастых наволочках.

Но Алиму прежде всего бросились в глаза два музыкальных инструмента — баян и домбра. Домбра украшена перьями филина, стало быть, принадлежит девушке. Алим хорошо пел и собирался спросить, кто же в этом доме

музыкант, когда Исабек, наклонившись к жене, негромко спросил:

— И где бродит? В такую пору...

Зейнеп тихо ответила:

— Опять что-то случилось... Всякий раз твержу: куда тебя несет на почь глядя в степь? Заблудишься, пропадешь. Не слушается.

Немного погодя Исабек сделал знак жене: помолчи-ка. И хозяева и гости прислушались. Снаружи донесся частый топот коня. И разом оборвался у дома. Видно, всадник лихой, остановил коня на полном скаку. Хлопнула наружная дверь, за стеной что-то тяжело грохнуло, и в комнату, повизгивая, вбежали две борзые в нарядных ошейниках, украшенных погремушками.

— А, вот они, прибыли, — весело проговорил Исабек.

— Папа! Выйди-ка на минуту, — окликнул его звучный молодой голос из прихожей.

Исабек и Зейнеп быстро вышли. Из-за двери донеслись их восклицания:

— Ой, что это такое? Радость ты моя, что это? Светик, да как же ты его?

Им ответил веселый заливистый смех.

Гости вскочили из-за стола и, толкаясь, устремились в соседнюю комнату. Там они увидели распростертую на полу тушу матерого волка, крупного самца с доброго кабана величиной. Загривок у него был серо-серебряный. Около поверженного зверя стоял высокий юноша с большими темными глазами и пылающими от мороза щеками. Тонкими белыми пальцами он опирался о вороненый ствол охотничьего ружья. Зубы юноши поблескивали в улыбке.

Стали знакомиться, и джигит оказался девушкой, единственной дочкой «беркута Айгене». По обычаю, до замужества она держалась «еркекшора», то есть одевалась и воспитывалась, как мальчишка. В старину считалось, что это способствует рождению в семье сына и брата. Сагадат стреляла, как отец, и не страшилась ни волка, ни шайтана. Всегда на коне, она выросла сорванцом, но в душе была скромна, как и подобает девушке.

За столом она краснела, слушая похвалы старших, посторонних, и все же, нимало не робея, рассказывала о своих сегодняшних приключениях. Она поехала на урочище Уилдек осмотреть расставленные отцом капканы. В один из них угодил этот волк. Ему защемило задние лапы.

Искоса поглядывая на отца и словно спрашивая его взглядом, так ли она себя ведет, Сагадат говорила, смеясь от смущения и от полноты жизни:

— Сперва я хотела огреть его между ушей прикладом. Спешилась, подошла. Но он все бросался от меня в сторону, волоча капкан. И конь пугался, фыркал, тянул меня прочь. Чембур-то я держала за поясом. Я побоялась, что волк вырвется из капкана. Еще уйдет... Выстрелила ему в грудь. Он свалился, стал грызть себе бок. Клыки у него, как ножи. Пасть— красная яма. Ну и сдох. Для верности стукнула его камнем по затылку, хотела приторочить к седлу, да больно уж велик. Потащила волоком на ремне за собой. Вот и притащила!

— Что плохо — спешилась, когда волк был живой, — строго заметил отец, но во взгляде его светилось восхищение. — Раненый он смел, а мог быть и бешеный... Он и с капканом сшиб бы тебя с ног.

— Господи боже мой! — испуганно заголосила мать. — Страсть какая! Сколько я твердила, молила... Нарвется вот так-то на свою беду. Пожалела бы хоть мать!

И этот упрек относился в равной мере к дочери и к отцу.

Сагадат отвечала мягко и рассудительно:

— Но я же с ружьем, а он безоружный... Сами знаете нашего гнедого: с седла не выстрелишь, шарахается. А кто же кинет такое чудище в капкане! Жалко... — И она виновато и просительно глянула на мать.

Алим не удержался, вскрикнул азартно:

— Верно! Молодчина, сестренка! Уважила отца.

Жарасов добавил, словно утешая мать:

— Шкура-то — чистое серебро, загляденье.

Сагадат сидела, как ей приличествовало, потупив глаза. После чая она вышла, переоделась в цветастое платье, переплела длинные косы, и Алим, увидев ее в новом обличье, подумал — загляденье девушка!

Жарасов рассказал о Медете. Сагадат внимательно слушала, но так, будто ее ничто не удивляло — ни то, что новичок, горожанин, не бросил отары в буран, ни то, что он пел и по песне его нашли, ни то, что за пазухой носил книгу, а хлеб у него уже сутки как кончился...

— Образованный джигит, остался у нас на практику. Хочет в сельскохозяйственную академию.

— А в каком месте он укрылся от бурана? — спросил Исабек.

— Если брать напрямик, на закат, отсюда недалеко, километрах примерно в двадцати. Это где обрывистые такие, скалистые бугры, за Буркитты. Там есть длинный овраг с крутыми склонами у самого перевала.

— Так это же Волчий лог! — догадалась Сагадат и засмеялась. — Хорошее место. Недаром он там пел...

Теперь Алиму незачем было спрашивать, кто в этом доме музыкант. Хотелось послушать, как Сагадат играет. И Алим повел речь по всем правилам степного острословия:

— Сегодня, друзья, в вашей доброй семье мы забыли, как мерзли вчера, проклиная буран. За это от души спасибо. Но наша благодарность выросла бы до неба, если бы вы угостили нас еще кое-чем. Говорят, «еда вкусна с хозяевами». Вот я, глядя на этот красивый баян, подумал: хорошо было бы, если бы здесь сидел его хозяин. Может, это отец? Или дочь?

Все за столом засмеялись. И Сагадат не стала церемониться, ее не пришлось упрашивать. Сильный голос ее зазвучал в лад с баяном.

Она пела до самого ужина одну песню за другой. Слушая радио, Сагадат запомнила многие популярные песни, и слова и музыку... Она спела романс Абая «Привет тебе, чернобровая», а под конец песню, которую пел Медет, чем особенно тронула гостей. Сагадат пела увлеченно, с большим чувством. Голос ее звучал свободно и широко. Но, конечно, это было не прежнее степное пение. В манере Сагадат чувствовалось влияние города, новая культура. И на баяне она играла не по-деревенски, с хорошим вкусом. Кто ее учил? Знаменитый учитель! Радио.

Приятно было встретить далеко от столиц и консерваторий такую редкостную девушку, мужественную, одаренную, поистине необыкновенную. Но оказалось, что даже Сагадат, подобно многим казахским девушкам в районе, бросила учиться. Почему? Неясно. Из-за каких-то мелких домашних забот и неурядиц. Алима это удивило и взволновало. Он принялся убеждать ее вернуться в школу, а родителей — не мешать ей. Он говорил, что Сагадат примут в любой техникум Баскента, если она пожелает. Девушек в техникуме мало, а нужно, чтобы было много.

Сагадат слушала гостя из области в пол-уха. Она думала об отчаянном парне, которого звали Медет.

М. Ауэзов среди рабочих ордена Ленина свинцового завода в г. Чимкенте. Сентябрь 1959 г.

Рано утром, проводив гостей, Исабек оседлал строптивого гнедого, на котором накануне Сагадат ездила осматривать капканы, взял на сворку борзых и отправился промышлять лисиц. А Сагадат на смирном сером поскакала в горы. Она спешила в Волчий лог.

К тому времени Медету тоже поставили юрту, прислали подручных, и он отведал горячей баранины и крепкого чаю, отоспался в тепле и при помощниках даже вроде бы обленился... День был ясный, теплый, тихий, и Медет пошел к перевалу осмотреться, полюбоваться на мир, в котором жил.

Медет подходил к седловине двурогого холма, когда со стороны Айгене донеслась песня. Певец быстро приближался, видно, на коне, голос его креп, и Медет, изумленный, остановился, он узнал «Светлоликую», свою песню! Голос был женский, звонкий.

Радостное и слегка ревнивое чувство охватило Медета. Он выпрямился, улыбаясь, с нетерпением глядя туда, откуда летела песня. И вот он не выдержал и подхватил припев, словно гордясь своим сильным голосом. Песня как бы легла на длинные крылья. И на расстоянии певцы старались не перекричать, а попасть в лад друг другу, голоса их сливались воедино.

Из-за выпуклой серой скалы показались острые уши, челка и светлая звездочка на лбу коня, который тяжело карабкался на кручу. Следом появилась голова и плечи молодого джигита в куньей шапке и белом мерлушковом полушубке. Он сидел в седле, подбоченясь. На возбужденном его лице играла озорная улыбка.

Увидев друг друга, певцы глазом не моргнули, пока всадник не подъехал вплотную и они не допели песню. Последние ее слова, слова припева, были замечательны:

О милая, для счастья
Нет «поздно» или «рано»...
Приди ко мне в объятья.
Не я ли твой избранник?

Только после этого всадник свесился с седла и протянул Медету крепкую маленькую руку.

— Медет? Здорово! Я о тебе все знаю... Вот специально приехала тебя приветствовать от комсомольцев Айгене.

Догадка мелькнула в глазах Медета.

— Ну и я о тебе все знаю, — сказал он. — Ты Сагадат! Так вот ты какая...

Девушка засмеялась, очень довольная.

— И что же ты можешь знать? Какая?

— Говорят, ты стрелок, охотник, выбила всех волков в округе... — ответил Медет по праву сверстника слегка насмешливо. — Песни о тебе покамест нет, но я бы сам сложил, если б умел, чтобы ее пели от Моюнкумов до Каратау.

Сагадат по-мужски спрыгнула с коня и простецки-грубовато толкнула Медета в плечо, чтобы не показать своего смущения.

— А ты хитрый... хитрый парень!

И они оба засмеялись, исполненные дружелюбия. Затем наперебой принялись выспрашивать друг друга и рассказывать о своем житье-бытье, непрестанно смеясь и не упуская случая подпустить шутливую незлобивую шпильку.

— Боялся? — любопытствовала Сагадат. — Говори, боялся? Страшно в степи, когда Черноголовый воет?

— Страшно иной раз и когда книжку читаешь... Скорее злость меня брала. Думаешь, не обидно пропадать ни за что ни про что, как бездомной собаке? Вот что меня возмущало.

Сагадат кивнула одобрительно.

— Голодал? Грыз небось ногти?

— Не так уж и голодал. У меня мешок сухарей был, правда, железобетонных...

— Понятно! Теперь в жизни на сухарик не взглянешь?

— Наоборот, до самой смерти буду любить... Когда мне масло привезли, я его на сухарь вот таким слоем намазал и сгрыз, как волк лошадиную лопатку.

— Видать, ты прожорливый товарищ! И бережливый... Другие набрасываются на жирную колбасу, а ты на сухарь с маслицем?

— Теперь я не о еде мечтаю.

Сагадат лукаво скосила глаза.

— Мечтаешь? А о чем? Скажешь мне? Ну, о чем?.. — И она сочувственно улыбнулась. — Знаю! В бане помыться. Вот тебе смена белья.

Отвязав от седла узелок, она протянула его Медету.

— Ты с себя грязное сними, чистое надень, а я твое постираю... Да, еще книгу тебе привезла. Держи! «Три мушкетера». Читал?

Медет неприметно усмехнулся ее наивности: какой же десятиклассник не читал «Трех мушкетеров»!

— Нет, еще не читал, — сказал он великодушно, — но слышал, что интересно.

— Зачитаешься! Не заметишь, как день пролетит. Я завтра отпрошусь дома и приеду, присмотрю за твоими овцами. А ты на моем коне слетаешь в Айгене в баню. Тогда, может, будут у тебя другие мечты...

Сагадат оставалась у Медета до полудня, неумолчно болтая. Кстати, она сказала ему, что он пристроил свою отару в овраге, который называется Волчьим логом. Когда-то здесь рос густой тростник и в нем были скрыты волчьи норы.

— Что ты говоришь! Вот здорово! — радостно закричал Медет; его все радовало сегодня. — То-то я в какую-то яму провалился. Под снегом ее не видать. Смотрю, она вроде высохшего колодца, человек в ней свободно помещается. Глубокая! Я к ночи, как вьюга разыграется, гоню к этой яме овец, они вокруг сгрудятся, а сам — в нее, на самое дно, угреюсь и лежу.

— Э, миленький, — сказала Сагадат, — значит, ты теперь здешний волк, прямой потомок хозяев этой норы! Я на тебя капкан поставлю...

Медет сгорбился, оскалив зубы, до блеска выбеленные сухарями, и зарычал так, что смирный конь Сагадат навострил уши.

Потом Медет спросил ее, почему она не учится. Сагадат рассердилась, сказала, что она не мамина дочка, и они заспорили горячо, страстно, как давние близкие знакомые, эти двое сородичей по комсомолу.

Алим и Жарасов опять поднялись чуть свет. Утро встретило их тревожными, нерадостными вестями. Безоблачный день был единственным.

Не хватало сена. Могучая техника не поспевала доставлять его отарам. И казалось, его нет вовсе! Незаметно оба «прорывных» района оказались на равных: и ноянцы, которым помогали, и узакцы, которые помогали. В самом крепком совхозе «Конекент» у Абды Есенова начался падеж... Гибли оягнившиеся матки, гибли ягнята.

На первый взгляд с приездом Алима Еримбетова в район дела пошли не лучше, а хуже. Чувство бессильного гнева мешало Алиму работать.

Особенно тяжело было известие о том, что у Абды падеж. Оно всех ушибло.

— А где же Шау? — вне себя кричал Алим. — Я его лично снарядил в пески с семнадцатью машинами! Он же должен был взять сено в совхозе Тасты! Именно в Тасты, а не в Жоан-Тобе, чтобы хватило и ноянцам и узакцам. И— Тасты проспли только транспорт... Что же, наяву это было или во сне? Где Шау?

— И правда, как во сне... Он-то здесь, вернулся! Два дня ехал, не доехал: все машины, все семнадцать в снегу бросил, сам ночью пешком пришел.

Жарасов выругался, тряся кулаками.

— И зачем послали этого верхогляда, болтуна, труса? Понадеялись... а теперь вот ни сена, ни машин, хоть ложись да помирай.

— Клялся, божился, что дорогу знает, — начал было Есентаев.

— Мало нас учил Есдаулетов клятвами и божбой, — сквозь зубы проговорил Алим. — Надо готовить другие машины. Сам поеду! Не на машинах, так на себе привезу сколько надо...

— В Тасты бензина нет, — предупредил Жарасов. — Везти с собой непременно. У меня два исправных трактора стоят, и их берите.

Алим ответил кивком головы. Его вызывали по телефону из Баскента.

На проводе был, конечно, Карпов. Накануне он говорил с Есдаулетовым. Секретарь райкома Есдаулетов не показывался в степи ни в буран, ни в оттепель, зато усердно и искусно прикрывал район от нападок и попреков сверху. Есдаулетов, по обыкновению, врал и изворачивался, обещал, заверял, ссылаясь на бесспорные, очевидные факты, и его не просто было припереть к стене. Ему и джут был нипочем.

— Как же так? — недоумевал Карпов. — Вы доложили обкому, что сена у вас хватит на всех. И это после того, как своими глазами увидели, что происходит на местах, и, по вашим собственным словам, до конца проверили и все уточнили.

Есдаулетов бойко, без запинки отвечал, что и сейчас утверждает то же самое; однако не без трудностей! Расранжирили, разбазарили некоторые безответственные работники, вроде директора «Конекента», и тем поставили райком в неловкое положение.

— Ах, вот как, и вы против Абды... — заметил Карпов.

— Зачем? Будьте спокойны, склоки у себя в районе не допущу. Не было и не будет!

— Она у вас есть, Есдаулетов, — сказал Карпов. — Не потому ли нет сена?

— Разберусь, Нил Петрович, разберусь. Минуточку...

Вот почему с Алимом Карпов говорил насмешливо, хотя и доверительно:

— К вам просьба, Алим: объясните... только честно! Чего не хватает? Сена? Техники? Погоды? Людей? Только честно.

— Все есть, — сказал Алим. — Я не на месте, Нил Петрович. Плохо командую. Мне бы взводик по моему чинузванию. А вы мне полк... Еду сейчас сам в Тасты. На главное направление! Исправлять свои ошибки.

— Вот это другой разговор. Держите меня в курсе.

— Есть.

Через два часа колонна из сорока машин, двух тракторов и трех бензовозов тронулась в путь. Впереди шел «газик» председателя Узакского райисполкома Курманова («узакского Жарасова»), который только что вернулся из отпуска и тотчас сел на коня... Рядом с шофером посадили проводника Кожахмета, человека надежного. У него был поистине степной глаз, и он не сбивался с пути ни днем, ни ночью, ни в дождь, ни в буран.

Поехали не по торной дороге, на которой Шау бросил свои грузовики, а по древней верблюжьей караванной тропе, которую показывал Кожахмет. Он ее знал, что называется, наизусть.

В тот же день, нигде не останавливаясь, колонна в полном составе прибыла в Тасты, оставив позади сто четырнадцать километров. Проскочили одним броском. Лишь под конец пути машины, замыкавшие колонну, стали вязнуть в рыхлом снегу, вскопанном передними, и отставать. Их вытянули тракторами. Но было ясно, что, если за ночь дорогу не схватит крепким морозцем, груженые машины по ней не пройдут. Первая же застрянет... А сорок машин и за сорок суток не вытащишь.

Тем не менее с ходу взялись за погрузку. Грузили до отказа... За тем и ехали! Управились дотемна. Увязали груз веревками, осмотрели цепи на колесах. Колонна была готова, дело оставалось за морозом.

Добрая треть ночи прошла в разговорах о том, каковы здешние дороги, как коварны пески Моюнкумы; они и зимой и летом западня для машин. То и дело кто-нибудь из

шоферов вставал с постели и выходил посмотреть, какова погода. Как назло, сильно потеплело. Стояла безветренная мягкая весенняя ночь, какой в этом году еще не бывало. Вздыхая, ворочались все на жестких ложах: мысль о завтрашнем дне не давала уснуть.

Утром Кожахмет жался, мялся, словно желая сказать: направление показываю, за коней не отвечаю... По вчерашней дороге ехать не решились и выбрали новый маршрут — на «Конекент». Местные старожилы говорили, что он верней. Кожахмет молчал; он свое дело сделал вчера.

Может быть, он один предвидел, какие неожиданности им угрожают. А эти неожиданности превзошли все ночные страхи и опасения. Примерно через час после отъезда из Тасты вдруг с гор сорвался и бешено завыл Черноголовый, ударил мороз, о котором так мечтали.

Разумно было бы при таком повороте дела вернуться назад и поехать по вчерашнему испробованному пути, но до этого додумались, когда уже поздно было возвращаться.

С тревогой оглядывался Алим, до боли кусая губы: колонна растягивалась, рвалась... Давно отстали тракторы, подбирая и выволакивая отстающих; их и не видно было позади.

Курманов нервничал. На виду у «газика» оставалось все меньше и меньше машин — они газовали, точно на крутом затяжном подъеме. И Алим решил, что нужно оторваться от колонны и налегке поспешить в «Конекент» за тракторами.

Сокращая путь, «газик» взял круче на запад и ушел вперед.

Вскоре в степи перед ним замаячил грузовик — он увяз всеми четырьмя колесами в жидкой грязи, слегка припорошенной снегом. Издалека были видны в кузове наваленные горой тушки павших овец. Людей при машине не было. Видавший виды шофер «газика» только головой покачал и поторопился подальше объехать гиблое место. Но несколько минут спустя «газик» вдруг закачался, задергался, как подбитый, и, резко вздрогнув, остановился, погрязая колесами в клейкой жиже, скрытой под снегом. Кожахмет открыл дверцу и яростно сплюнул.

Путники спрыгнули на землю и тотчас же стали медленно увязать сапогами в трясине — снег покрывал ее тонкой рвущейся кисеей. Гадливость и невольный страх охватил людей. Они с трудом вытягивали ноги из чмокающей, засасывающей топи.

Курманов понял, что их постигла настоящая беда. Под ними было солончаковое болото — гнойная рана земли, каких немало в этих местах.

— А еще говорим, пески! — с отвращением закричал он. — Разве это пески? Пески в Кызылкумах или Каракумах. А эти Моюнкумы — чистое проклятье, божья кара. Видите... и мороз их не берет, жидкое все, как кисель.

С трудом, коротко шагая и судорожно балансируя руками, выбрались на твердый грунт.

— Такая стужа... а здесь, как летом... — сказал шофер, с оторопью глядя на свою машину. — Хоть бы совсем не утонула!

— Не успела застыть, подлая, после вчерашней ночи, — сказал Кожахмет.

А Алим подумал: «Вот и я, как Шау... еще хуже...»

Часа полтора они стояли на морозном ветру, поджидая свою колонну, но не дождались ни попутной, ни встречной машины. Видимо, колонна шла северней, и это хорошо.

«Газик» увязал все глубже. А мороз не ослабевал. Жгучий ветер, казалось, сдирал с лица кожу. Укрыться было негде.

— Нос побелел... щеки потри, лоб... — то и дело говорили путники друг другу, отбиваясь от стужи, как от злой собаки.

— Э... что же нам вчетвером мучиться? — сказал наконец шофер. — Вы Алим-ага, и вы, товарищ Курманов, поискали бы лучше аул. А мы с Кожеке разведем костер. Тут по дороге был саксаул. Ступайте! Может, пригоните сюда трактор.

— Давеча мы проезжали дом у дороги, — сказал Кожахмет. — Это пикет Сарысу. Там найдется и конь и верблюд. Погрейтесь, а потом попробуйте поискать колонну. Верхом оно сподручней.

Алим согласился.

— Где вы видели саксаул? Пойдем, — сказал он, — наломаем...

Пошатываясь под гнетом ветра, они зашагали гуськом к песчаному пригорку, светлевшему вдали. На нем росли вразброс несколько старых корявых саксаулин. Вчетвером повисли на толстой, словно бы судорожно изогнутой ветке и своей тяжестью обломили ее, а затем этой же веткой, как кувалдой, раскололи ствол.

— Ох, бедняга саксаул... хорошо, что ты как стекло... — крикнул Алим, отдуваясь, довольный тем, что немного согрелся.

— Видать, он был у них аксакалом, — сказал Кожахмет. — А уж коли аксакал поддался, и другие не откажут. Вот первому сверстник. А ну, навались! Сломим старика. Это дерево одно другим разбить легче, чем сосну топором.

Со вторым стволом справились быстрей. Выручало особое свойство саксаула, который невозможно разрубить топором, но сравнительно нетрудно расколоть ударами оземь или чем-нибудь тяжелым. Снесли под корень еще две саксаулины и, взвалив на себя стволы и ветки, пошли назад к застрявшей машине.

Облитый бензином, сухой и твердый саксаул вспыхнул и начал медленно жарко разгораться.

— Ну, счастливо зимовать, — сказал Алим. — Следите друг за другом, чтобы не обморозиться.

— Путь добрый. Поспешайте, — ответил шофер и Кожахмет.

Путь был жестоко злым, однако пикет Сарысу, как называли это место еще с прошлого века, Алим и Курманов отыскали. Старик и хворая, немощная женщина, которые оказались в доме у дороги, ахнули в один голос, увидев, как выглядят путники. Дымящийся в пиале чай как будто привел их в себя. Мешкать было некогда. В сумерки, взобравшись на верблюда, вдвоем поехали в степь искать колонну.

Алим, как и многие его сверстники, был в Отечественную войну на фронте. Служил на Балтийском флоте, воевал и на боевом корабле, и в пешем строю морской пехоты. Он родился в юрте и был истым степняком. Удобства мирной жизни, городская квартира, а также комфорт обкомовского кабинета не избаловали его. В районах, в степной глубинке и в летний зной, и в зимнюю стужу он был дома. А лютый Черноголовый казаху не в диковинку.

Взгромоздившись на верблюда впереди товарища, Алим по привычке, памятной еще с детства, колотил верблюда пятками в бока и понукал: «Атчу-атчу!» Верблюд послушно резво бежал, раскачивая седоков, как в люльке.

На колонну наткнулись только ночью, вконец изнурив и себя и верблюда. Помог свет автомобильных фар, видный в степи за десяток километров...

Колонна шла тяжело, мучительно медленно, группами по нескольку машин. Двух тракторов решительно не хва-

тало, и шоферы попеременно выходили из кабин и подпирали плечами кузов. Наравне с шоферами принялись работать Алим и Курманов, переходя от одной машины к другой без передышки.

Бились всю ночь напролет. Алим отдыхал не более получаса, когда отогнал верблюда на пикет Сарысу и... не устоял перед соблазном — проглотил пиалу чая. К утру мороз достиг сорока градусов. Замела поземка. Однако подоспел наконец один из тракторов; Алим повел его выручать Кожахмета и шофера, вытягивать из топи «газик». В кабинке трактора Алим почувствовал, как измаялся, выбился из сил. Все тело болело, но на душе было светло: ночью он и Курманов сделали великое дело — отвели колонну со спасительным сеном прочь от солончаковой прорвы.

Уже на подходе к «газику», который завиднелся впереди, из снежной мути вынырнул другой «газик», из него на ходу выскочил Жарасов.

— Брат ты мой... Живой, что ли? Не обморозились? — кричал Жарасов, вглядываясь в лицо Алима. Оно было глянцевито-сизым и заметно опухло.

— Миленький Жарасов, ты ли это? До конца жизни не будет случая, чтобы ты был так нужен, как сейчас!

— Чувствую, друг. Сейчас у всех в сердце твои слова: главное — направление...

Выяснилось, что ночью по радио Карпов приказал Жарасову ехать навстречу Алиму.

Вчера днем по заданию из Баскента Петро на своем ЯКе разведал две дороги из трех, ведущих из Тасты, и доложил: ни на караванном пути, ни на большом тракте колонны Алима Еримбетова нет. Уже под вечер Петро с воздуха увидел машины с сеном на дороге через Сарысу в «Конекент». Жарасов и пошел с тракторами прямо на пикет Сарысу.

Когда совсем рассвело, над колонной, несмотря на поземку, опять появился ЯК-12. Он описал в воздухе круг и сбросил ярко-синий узелок, который упал между двух машин. В узелке была палка колбасы, видимо, вместо груза, и записка:

«Если среди вас находится секретарь обкома Еримбетов и тов. Жарасов, отойдите все на пятьдесят метров в сторону от дороги».

Увязая в снежной целине, падая, люди пошли прочь от машин. И нелегко им дались эти пятьдесят шагов...

Петро сделал еще три круга, ложась с крыла на крыло, показывая, что понял.

Жарасов энергично взялся за дело. Стосильные тракторы тянули так, что тросы пели, как струны. Часа через два-три машины приняли боевой строй: все вместе в кильватерной колонне, груз цел, отставших нет, обмороженных нет, настроение, пожалуй, даже бодрое.

И тут Жарасов охнул и присел на подножку «газика» — ступню правой ноги пронзила нестерпимая боль. Пришлось снимать на морозе сапог. В общем, ничего страшного... Не заметил, как натер кровавые мозоли и сорвал их. Кровь сочилась так обильно, что сапог внутри был влажный. Наскоро перевязали ногу широким бинтом из походной аптечки. Жарасов потуже замотал портянку и, прихрамывая, бросился к тракторам.

После изнурительной страдной ночи надо бы часок передохнуть, но шоферы не выпускали из рук баранок. Работали исступленно, самозабвенно. Еще усилие, еще рывок и — «Конекент»! А это означало выиграть бой, многотрудный, будничный и, казалось бы, нескончаемый бой за сено, за жизнь новорожденных ягнят и их маток, за каракуль, прочный, как овчина, прекрасный, как горностай.

4

В Узакский район прилетел Карпов. Первым, с кем он встретился, был секретарь райкома Есдаулетов. И тот, как говорится, не успев переступить порог, удрученно доложил: в районе пало пять тысяч овец.

— Позвольте, — сказал Карпов, — вы утверждали, что на двадцать пятое марта пало две с половиной тысячи, сейчас говорите — пять. В действительности их одиннадцать! Вы способны назвать верную цифру?

— Нил Петрович... — проговорил Есдаулетов, усиленно морща лоб, — в районе у меня шесть совхозов... Но заметьте, нигде, кроме совхоза «Конекент», вообще падежа нет. А в этом злосчастном совхозе за последние десять дней такое творится, что наутро вечерние сведения становятся ложью. Почему это происходит? — Он развел руками. — Надеюсь, что уж в вашем присутствии дознаемся!

— А ведь вы мешаете мне, Есдаулетов, — сказал Карпов. — Я приехал сюда не присутствовать, а для того чтобы встретиться с джутом с глазу на глаз. Хочу видеть

его истинное лицо. Знать: первое — размеры бедствия, второе — причины. Отчего у нас джут? Оттого, что нынче зима такая?.. Хочу понять, возможно ли все это в будущем году или еще через год и так до бесконечности, если март опять придет морозным и снежным? Вечно ли будет в степи джут? Может, это закономерность? Думали вы над этим?.. Я выезжаю в отары. Поедете со мной?

Есдаулетов, ошеломленный вопросами Карпова, особенно последним, засуетился.

— Как же, как же! Сам покажу...

Прежде всего Карпов поехал в совхоз «Конекент», и приняли его там не так, как осенью.

— Не видели мы в глаза вашей помощи! Где же вы были-то? По телефонам разговаривали? — с дрожью в голосе воскликнул седобородый семидесятилетний чабан, неприязненно, почти враждебно глядя на Карпова.

— А вот этого человека вы видели? — спросил Карпов, показывая на Есдаулетова.

Чабан угрюмо, отчужденно покачал головой. Есдаулетова он не знал.

Тощие понурые овцы сгрудились у стены распахнутого настежь сарая. Хозяин сдирал с крыши солому и бросал ее прямо в пролом внутрь сарая своим овцам.

Карпов окликнул его и спросил:

— Кого из партийных работников вы знаете в лицо или по имени?

— Ходил тут один... переживал... Фамилия Жарасов.

— Жа-ра-сов? — подчеркнуто удивился Карпов. — Кто такой?

— Да это сосед... предрайисполкома... — со скрытым раздражением небрежно проговорил Есдаулетов. — Ноянского района.

— А вы какого будете района? — сухо осведомился Карпов.

Затем он побывал в отарах, которые зимовали в открытой степи. Там были заняты обычными хлопотами: мешали сено со жмыхами и солью, поили истощенных овец теплой водой. А люди из стационарного «Конекента» не на кочевке, а у себя дома собирали трупы павших овец. В тот же день всплыло на поверхность то подспудное, чего «не было» в районе у Есдаулетова.

Вечером к Карпову явились два каких-то темных оборванца. Они неплохо понимали по-русски, но свои фамилии никак не могли внятно назвать и нелепо путались;

у них двоих было три фамилии — Олжабеков, Сармаков, Кушукбаев, если Карпов их правильно расслышал... И профессия странных посетителей оставалась неясной, хотя один из них твердил: «Я чабан, я чабан», — дыша в лицо Карпову винным перегаром. Они принесли заявления, из которых следовало, что директор совхоза Абды Есенов злостный обманщик, ворует государственное добро и вместе со своим шурьяком полеводом Сыпатаевым развалил совхоз, преступно истребил скот.

Следом за этими двумя жалобщиками пошли другие, и все они хулили Абды. За какой-нибудь час на столе Карпова выросла груда бумаг на русском и казахском языках, которые и до утра не разберешь.

Неприглядная картина разнузданной аульной склоки открылась Карпову. Главные злоумышленники, братья Жанаевы, сами так и не показались секретарю обкома, но несомненно, что это они руководили из-за кулис сегодняшним налетом жалобщиков.

Карпов вспомнил встречу с Абды и его женой прошлой осенью. Девушка Камшат не пожелала выйти замуж за человека, предлагавшего за нее калым, а выбрала любимого и равного себе Абды. И что же? Целый район разбился на два лагеря. Драчка, точно между двумя родами в старину. Ярый сторонник Жанаевых бывший председатель райисполкома так расстарался, что был снят с работы в прошлом году. Ныне Жанаевы и их дружки играли на джуте и, видимо, рассчитывали отыграться. Все было пущено в ход, чтобы свалить Абды, — и подлоги, и наветы, и, конечно, неприглядные делишки. Кипа жалоб, по всему судя, только накипь.

Есдаулетов, как и следовало ожидать, стал валить все на голову снятого предрайисполкома. И вновь пустился в привычные заверенья: Абды поднимем... создадим авторитет. А вот насчет Камшат он обмолвился сгоряча почти бранно. Карпов не поверил своим ушам. Получилось так, что в гибели одиннадцати тысяч каракульских овец, мало ли, много ли, а все-таки повинна милая молодая женщина, которая осмелилась выбрать любимого и достойного ее человека! И Карпов подумал, что второй раз, перелетев через Каратау, он натыкается на мусор и сорняки неизжитой, неискорененной патриархальщины.

На другой день новые неприглядные факты потрясли Карпова до глубины души. Войдя в юрту чабана, он увидел на кошме женщину в пальто, с обмотанной теплой

шалью головой. Она лежала, прижимая к себе укутанного в одеяло новорожденного младенца. В юрте не было ни железной печурки, ни дров, и непонятно было, как в этом доме мать перепеленывает ребенка.

Пока ездили за печкой, Дамеш отводила душу в справедливом гневе:

— О нас здесь и не думают. Разве женщина человек? Живем хуже скотины.

А ведь Дамеш училась, окончила семилетку. Разве о такой жизни она мечтала! Первый ее ребенок умер, застудившись, и теперь она боялась за своего второго. Карпов слушал ее с содроганием.

— Ни доктора, ни тепла, ни тряпицы на пеленку. И этот умрет... — Дамеш заплакала. — Думаете, одна я такая несчастная? Поезжайте к моей соседке, если она еще жива.

Карпов немедля поехал туда, куда его послала Дамеш.

Жена веселого чабана Жоры из колхоза «Вперед» маялась одна-одинешенька в своей юрте. Ей было уже время родить, она вся отекла, но разродиться не могла, а рядом никого, кто мог бы ей помочь.

Не глядя на топчущегося у него за спиной Есдаулетова, Карпов отрывисто приказал ему доставить сюда акушерку.

— Нил Петрович... Я сейчас распоряжусь!

— Я уже распорядился,— раздельно выговорил Карпов. — Не теряйте времени. Берите мою машину. Даю вам тридцать минут.

И Карпов не ушел из юрты, пока Есдаулетов не вернулся с врачом.

Затем Карпов попросил показать ему Медета. Его нашли в бане в Сарыбастау. Парень держался тоже колюче.

— Я здесь на стажировке, — сказал он. — Получу характеристику и поеду в институт... А каково тем, кто всю жизнь у овечьей колыбели? Человек-то ведь не волк, человеку невозможно так жить, вы сами видели. Здесь есть знаменитая девушка Сагадат... Спросите, за что ее хвалят? За выносливость! Она постоянно так живет, как я прожил две недели.

И старики Жаксымбет и Косай, бывшие при этом разговоре, согласно кивали головой:

— Так, так.

Карпов внимательно слушал и каждое слово запоминал памятью ума и сердца. Эти люди, не дрогнув, вынесли

на своих плечах все тяготы джута, и то, что они говорили, было горькой правдой.

Последний вечер в Узакском районе Карпов провел с Алимом и Жарасовым. Они были ему по душе.

Алим Еримбетов больше месяца прожил среди чабанов под зимним степным небом и напоминал путника, который только что преодолел снежный перевал. Его голос звучал с хрипотцой, руки и лицо почернели, мягкие девичьи губы потрескались. Это и в самом деле был перевал в его жизни. Как и Жарасов, Алим бедовал с пастухами и по-настоящему узнал и людей, и пески, и самого себя. И был доволен собой. Таким он больше себе нравился.

Слушая веселые и злые рассказы товарищей о том, как они отогревали душу у степного костра, Карпов подумал, что жизнь нехудо подготовила этих ребят к руководящей работе. Они партработники на деле.

Но о том, что было у него самого на душе, Карпов покуда никому не открывал. Своей работой Нил Петрович был недоволен.

Утром на самолете он полетел в Ноянский район.

В степи все жарче припекало солнце. Снег сошел. Земля заблестела талыми водами. И вдруг за одни сутки буйно, сказочно зацвела, словно наверстывая упущенное и награждая людей за любовь и верность.

Глава пятая

1

Южная весна, внезапная и дружная, щедро украсила дворик Айслу. Первым покрылся розовым цветом урюк. Набухли почки на яблонях, грушах и персиковых деревьях. На одних вот-вот развернутся клейкие листочки, другие опушатся цветами. Сад словно освещен улыбкой юности. Земля полна влажной прохлады. Рядом с остроносой туфлей Айслу тянулись из рыхлой земли ростки травы; они смотрели на девушку тысячами поблескивающих глаз, беззвучно говоря: а вот и мы тут!

В руках Айслу раскрытая книга. Но она не читает, молча смотрит на цветы урюка, под которым сидит. На ее лицо и шею ложится зеленоватая тень ветвей, по щекам ползут слезы. И сегодня, как и вчера и позавчера, она

сидит здесь и вспоминает, вспоминает... Вот так же, бывало, рано утром она садилась с книгой на низенький стульчик, Арман просыпался и спешил к ней своим легким шагом. Он устраивался полулежа у ее ног и, мешая читать, бубнил и бубнил восторженно про то, что видел, а видел он небо, сотканное из цветочных лепестков.

Оно было полно для него тайн и дивных дорог, о которых никто из простых смертных и не подозревал. Арман населил его мечтаниями, невероятными, немыслимыми, наивными и возвышенными. Айслу он их доверил, и она высмеивала их, радовалась им.

Всю зиму Айслу прожила, не выходя из дому, неотлучно от матери, добровольной пленницей своего горя. Айслу исхудала. Загар прошлой осени словно выцвел. Девушка была бледна. Ее руки потеряли прежнюю округлость. Тени под глазами сгустились. Глаза, серые, лучистые, были по-прежнему прекрасны, но и в них горел тоскливый свет долгого томительного недуга. Смотрели они отчужденно, как бы отстраняя окружающих от своего заветного, дорогого и горького. И только ее длинные толстые косы, то красновато-черные, то красно-золотые, напоминали, что она еще совсем девочка, которой к лицу радоваться, а не печалиться.

Долгое время Нурбубу боялась — помутится у дочки рассудок. Целыми днями Айслу молчала, безутешно плакала, ничего не ела. По ночам Нурбубу с бьющимся сердцем прислушивалась к дыханию дочери и убеждалась, что та не спит. Горе точило душу девушки, как медленный яд.

За ворота Айслу не выходила. То место, где был раздавлен брат, казалось ей западней, таящей в себе смертельную угрозу. И до боли в сердце, от которой хотелось кричать, она думала о том, что еще ребенком Арман бегал по этой земле, поднимая пыль босыми ножонками. Это его земля, родная, как грудь матери, и на ней он погиб... Почему, когда колесо тяжелой машины накатывалось на него, земля не встала дыбом и не опрокинула машину? Почему земля погребла Армана, а не убийцу?

Тайком от матери Айслу перебирала книги брата, прижималась лицом, губами к тетрадям, исписанным его старательным ребячьим почерком, оставляя на страницах пятна слез.

Отчаяние овладело Айслу. И уводило ее далеко. Она не могла избавиться от страшной мысли, что виновата

в гибели Армана. Эта мысль гналась за ней и наяву и во сне.

Вновь и вновь Айслу видела брата, лежащего у садовой ограды, уже бездыханного, со сломанной грудью и незрячими глазами, и леденела от ужаса и сострадания. Мальчик, мечтательный, чистый, милый, мучительно родной, он не смел поднять головы, когда кого-нибудь невольно обижал. Он еще совсем не жил.

Отвращение, нестерпимая гадливость охватывали Айслу, когда она вспоминала, как тот, пахнущий водкой, волок ее вместе с одеялом по саду и рычал «люблю». Тупой, грубый, спесивый, грязный и безжалостный убийца, зачем он жив?

Ненависть загоралась в сердце Айслу. Ей хотелось, чтобы был громкий суд, на котором люди сказали бы в полный голос, что это низость, подлость тащить девушку силой, позорить ее душу и тело, что это преступление. Ей хотелось, чтобы люди ожесточились к преступнику, к убийце, чтобы они требовали его казни. Ей хотелось, чтобы, подобно высокому небу, вознеслась справедливость и было бы сказано, твердо сказано, что Айслу неповинна в нелепой, чудовищной смерти брата и что ей нечего терзаться.

Но время шло, а суда не было. По аулу ползли слухи. И думалось бессонными ночами: а зачем жить, видеть небо, ходить по земле?

Мать скрывала свое. Поседевшая за одну зиму Нурбубу ревниво берегла одеяло, которым в последний раз укрывался Арман, и перепрятывала его в разные места. На подушке сына даже наволочку не сменила, и казалось ей, что подушка хранит слабый, как воспоминание, запах сына. Нурбубу ложилась под сыновье одеяло, обнимала его подушку, и ее худые плечи дрожали от беззвучных рыданий.

В последние дни Айслу как будто начала понемножку читать. Мать обрела надежду: книга — лекарь испытанный. Только бы Айслу читала... Только бы она ожила.

После утреннего чая пришел давний верный друг их семьи седой Танат. Сев у края дастархана, он по старинковскому обычаю помянул Армана сурой из Корана, поднося руки к лицу и молитвенно оглаживая щеки. Он пришел сообщить долгожданную весть.

— Суд будет. Скоро суд, говорят.

Нурбубу взволновалась.

— Давно пора... Воздать по заслугам... Снять с нас этот груз... Что же говорят?

— Он-то, свинья, стоит того, чтобы его казнили... Но такого приговора, кажется мне, не будет, — сказал Танат.

— Почему?

— Не знаю. Говорят, шофера крепко накажут, а тому черномазому дадут легкое наказание.

— Как же так? Ведь виноватого знают!

— Мы-то знаем. А судят другие. Втихомолку мало ли что можно сотворить...

— Втихомолку? Что вы говорите!

— То и говорю, что у злодея, пройдохи, уж больно много везде своих: один брат родной, другой материн свояк, тут сородич, там земляк, и все они судью обхаживают. Кто только не замешан! Бейсен, начальник, который водохранилище строит, и тот впутался. Это его дядя. Разные районные воротилы, потребкооперация, например, и бог весть еще кто. Все они заодно. Как говорится, рука руку моет. Снюхиваются, что называется, рыло в рыло. Одним словом, сношенька, сдается мне, собираются они того подлеца обелить.

— Дедушка! — воскликнула Айслу, и в глазах ее был гнев. — Один раз этот человек уже посмеялся над всеми нами. И ничего ему не было... Неужели опять так будет? Как нам оплакивать Армана, если убийца выйдет сухим из воды, а память убитого отдадут на поругание? Что ж, так и сидеть сложа руки, проливая слезы?

— А куда идти, доченька, как хлопотать?

— Но есть же хорошие люди! Есть справедливость!

— Так-то оно так. Пойду...

— Надо в райком, к первому секретарю.

— Да ведь я в партии не состою, вот беда.

— А разве партия для одних партийных?

— И то верно, дочка. Пусть секретарь узнает, что я узнал. И что у нас на сердце. Нынче и пойду.

Нурбубу согласно кивала головой.

— Пусть бы и нас вызвали, у нас бы спросили...

В тот же день Танат отправился в райцентр. Выспросив, когда секретарь приходит на работу, старик терпеливо дожидался его у здания райкома. Мухит Кольбаев знал в лицо многих колхозников. Увидев Таната, он радушно поздоровался с ним и повел к себе.

Секретарь был молод, строен, большеглаз. Коротко подстриженные волосы его еще блестели от утреннего

умывания, полные губы ободряюще улыбались. Усадив аксакала, он почтительно спросил:

— По какому делу пожаловали?

— Я не за себя... — робко начал старик, неловко сидя на кончике стула, поглаживая сморщенной рукой край стола и исподлобья поглядывая на секретаря. — Я и не думал, что доведется вот беспокоить... но другого выхода нет. Если не к тебе, то к кому же обращаться, сам посуди.

— Говорите, говорите, слушаю вас, — отозвался Мухит, доставая из стола папку с отчетами и кладя ее перед собой.

— Я и говорю: не за себя пришел. Не за себя! — Танат кашлянул в смущении, то сутуля, то выпрямляя свою богатырскую спину. — Наверное, ты и сам наслышан о наших делах. Убили парня-то, единственного сына у Нурбубу, Армана. Убили его. Неужто не слыхал?

— Это прошлой осенью, что ли? Так ведь убийцы оба давно сидят. Дело передано в суд.

— А вот, знаешь ли, оказывается, на суде-то... своего дела не разумеют! Поговаривают люди, что убийцу присудят к легкому наказанию. А главную вину свалят на шофера. Злодей, кровопийца наперед знает, что пустяком отделается, так говорят.

— А не пустые ли это сплетни, аксакал? — мягко спросил секретарь, косясь на свою папку и выпячивая толстые губы. — Суда еще не было, приговор не объявлен, а мы уже вон что подозреваем! Подумайте сами, имеем ли мы с вами право прийти и сказать избранному народом судье: «А, ты собираешься оправдать виновного?..» Вы подумайте сами. Хорошо это будет?

Танат смешался и молчал. Рассуждения секретаря казались ему резонными. Уже готовый согласиться с ним, старик вспомнил про Айслу, про то, как она надеялась на него. И в душе выбранил себя за нерасторопность.

— Приговор еще не вынесен, верно, — сказал Танат. — Но когда его вынесут, будет поздно. И ты тоже подумай, секретарь: а что, если все, о чем люди говорят, правда? Если все так и есть и вправду они там сговорились — судья да промкооперация? Легко ли будет потом поправить дело? И опять скажу: я не за себя... я за тех хлопочу, которые и по сей день плачут о сыне и брате кровавыми слезами. Хорошо бы тебе, товарищ Мухит, обратить на них внимание. Вот это будет хорошо.

Мухит собирался было разъяснить посетителю, что вмешиваться в дела суда противозаконно, но не хотелось говорить так официально с добрым бесхитростным стариком, который пришел в райком с открытой душой. Нужно, чтобы аксакал ушел довольным и успокоенным.

— Хорошо, — сказал Мухит, — я поговорю с товарищами. Спасибо, что пришли и высказали мне все начистоту. Это, конечно, полезно для дела.

Они распрощались, и Танат ушел.

Через некоторое время секретарь райкома вызвал к себе прокурора Саматова. Тот был знаком с делом об убийстве до мельчайших подробностей.

Прежде всего Саматов осведомил секретаря о своих беседах со следователем и районным судьей Бекбаевым. И оказалось, что история эта гораздо более сложная, нежели думалось поначалу. С виду незначительные факты, тщательно собранные, искусно расшифрованные, словно сами собой сплелись в убедительную и правдоподобную картину, и какую!

Деловито хмурясь, приблизив к уху Мухита свое мясистое лицо с двойным подбородком, Саматов говорил многозначительно, вполголоса, словно поверяя секретарю сокровенную тайну.

Началось с того, что между молодыми людьми Сагитом и Айслу давно уже завязалась тайная любовь. Вместе выросшие и дружившие с детских лет, они, как это водится в юности, жили немирно, иной раз и ссорились. Однако продолжали встречаться с глазу на глаз по ночам в доме у своих родичей.

Прошлым летом, встретившись здесь же, в райцентре, они опять поссорились, и казалось, окончательно и бесповоротно, как уже бывало меж ними не раз... Затем Сагит пишет Айслу, видимо, прося у нее прощения, да не одно письмо, а несколько подряд. Парень мечтает возобновить дружбу. Кажется, и девушка не прочь помириться. Она не возражает, но и не отвечает. Сагит думает, что она его простила. Он опять пишет Айслу и настойчиво предлагает жениться на ней. Девушка и на это не возражает. Сагит думает, что дело в том, что мать и брат противятся их браку, и решает ночью потихоньку увезти Айслу. Разумеется, это было глупо с его стороны. Однако у современной молодежи принято сходиться без согласия и даже

без ведома отцов-матерей. Сагит пишет девушке, что в такую-то ночь, в такой-то час он приедет за ней и увезет. И вот когда они уже шли вместе, чтобы сесть в машину, просыпается ее брат и учиняет драку. Он избивает Сагита, царапается, как камышовая кошка, и Сагит, оставив девушку, бросается прочь, вскакивает в машину и просит шофера: «Газуй, поехали!» Но брат девушки не унимается, открывает дверцу кабины, пытается ухватиться за руль. Машина трогается. Брат девушки спрыгивает на землю, спотыкается и падает под колеса. Несчастный случай... Вот что затемняет картину. А иначе судить следовало бы самого пострадавшего, если бы он был жив.

Опрошено множество свидетелей. Ясность полная. Удалось установить даже даты писем Сагита, адресованных девушке. Показания Сагита подтвердились.

Его пытались выставить преступником. Утверждали, что он хотел увезти девушку насильно — это при ее-то согласии! — избил всех в доме, а брата бросил под машину и сам же его переехал, как будто в машине не было шофера... Эта надуманная версия, как ни странно, родилась в милиции, а комсомол подхватил ее. Нашлись охотники поднять нездоровый шум. И мы на первых порах пошли на поводу и повели дело круто. Однако закон есть закон, а преступление есть преступление. Квалифицированное и беспристрастное следствие установило истину, отмело ложное обвинение и фактический наговор. Сегодня суд располагает всесторонне проверенными данными.

— Я сам собирался вас проинформировать... — заключил Саматов. — Могу заверить, все будет в полном и строгом соответствии с уголовным кодексом. Факт тот, что человек... так или иначе погиб. Виновные не уйдут от ответственности. Приговор будет вынесен народным судом публично, на открытом процессе с участием сторон. Не думаю, чтобы в данном случае возникли какие-либо непредвиденные обстоятельства, неизвестные суду или общественности.

Мухит слушал, испытующе глядя в лицо прокурору. Саматов человек, конечно, искушенный в своем деле, многоопытный, видавший виды. Ни разу он не вышел за рамки данных следствия, ни разу ни увлекся и не дал воли своим эмоциям. Однако откуда же такие подозрения у старого Таната? Странный все-таки резонанс.

Мухит был в затруднении. Он говорил себе, что закон не может руководствоваться чувством, тем более чувством

мести, что гнев и горе пострадавших не должны заслонить истины. Но слова Таната «не за себя хлопочу...» не шли из ума секретаря. Старик ищет правды, чует какую-то фальшь. И по-человечески Мухит сочувствовал несчастью.

— Убийство человека не шутка, — сказал он наконец. — Смерть молодого парня, сына погибшего фронтовика, страшное горе для его близких, оно касается всех нас. Мы отвечаем за то, чтобы голос матери дошел до правосудия и чтобы не болтали потом досужие языки: «И человека убил, и от расплаты ушел». Чтобы ни малейшая тень не легла на судью или на прокурора. Чтобы люди ясно видели нелицеприятность, доказательность, законность. Об этом я хочу предупредить вас особо. Дело в ваших руках. Но народ с вас глаз не спускает. Это вы запомните! Понимаете, о чем толкую?

— Несомненно, несомненно, — ответил Саматов с достоинством.

Ответом секретарь остался доволен. Ему не хотелось и думать, что у прокурора могут быть свои тайные планы или задние мысли. Мухит добивался того, чтобы по району не шла дурная молва, чтобы все было в ажуре. И когда прокурор ушел, секретарь спокойно склонился над папкой с отчетами и сосредоточился на них.

На время и в самом деле слухи как будто бы приутихли... Айслу, Нурбубу и Танат доверились секретарю и терпеливо ждали суда. А между тем другая сторона действовала не покладая рук. Вокруг дела Сагита день за днем подспудно плелась хитрая и преступная интрига. Множество лживых языков на все лады склоняли имена Айслу и Сагита. Усердно тут потрудились и жирный братец Абильмажин, заправила промкооперации, и его дебелая супруга Асель, и другие родичи Сагита. Их было много.

Настал день суда. В тесном судебном зале полно народу. Пришли колхозники, и стар и мал. Но первые ряды уверенно заняли, протолкавшись и потеснив других, люди, которых в колхозе не знали, люди Сагита.

Особняком сидел сутуловатый и тощий старик, кости выпирали на лице, длинный тонкий нос поблескивал, как лезвие ножа. Это дядя Сагита по матери, руководитель строительства оросительного канала, начальник СМУ Бейсен. У него вес и связи не только в своем районе, но и в соседних. Везде к нему относятся с величайшим

почтением — человек нужный. Что может быть в степной местности дороже строительного леса, шифера, цемента? Много ли сюда завозят таких материалов, как гвозди, стекло, кровельное железо? А у Бейсена этого добра полны руки. И хлопок, посевы? Все, что растет в здешних краях, целиком зависит от орошения — арыков, каналов, плотин. И этому хозяйству во всераіонном масштабе начальник Бейсен.

Председатель райсуда Адиль Бекбаев — земляк Бейсена, а прокурор Саматов закадычный друг. Саматов и Бейсен так близко и так крепко сошлись, что их смело можно считать родней. У этих людей общие интересы, взгляды и вкусы, общие секреты, общие дела, тайные давние связи и круговая порука, повсюду в районе закинуты их удочки, расставлены их сети. Вот что за люди стояли за спиной Сагита.

Нурбубу и Айслу на суде не оробели, они не плакали, держались скромно и спокойно, говорили сдержанно, но решительно. И видно было, как схожи их характеры.

Сагит сидел, по обыкновению, всклокоченный. От долгого пребывания взаперти лицо его, лишенное загара, посерело, но было по-прежнему мясисто. Про таких говорят — мордастый. Узкими глазками из-под припухших век он уставился в сторону Айслу и больше ни на кого не обращал внимания. Даже отвечая на вопросы судьи, он не сводил взгляда с Айслу, и его глаза, казалось, говорили: «Увидеть и умереть».

Айслу чувствовала это, и гнев и отвращение с новой силой поднимались у нее в груди. «Не смей смотреть на меня, зверь, не стыдно ли смотреть на меня!» — думала она, вздрагивая и отворачиваясь.

Ее допрашивали поочередно судья и один из заседателей, представитель профсоюза, приехавший из Алтынсая, низкорослый пожилой казах с туповатым лицом. С усилием собирая складки на низеньком лбу, он донимал Айслу одними и теми же вопросами:

— Получали ли вы письма от обвиняемого до известного вам вечера? Сколько именно получили писем? По почте или через какого-либо человека? Было ли от обвиняемого письмо в день его приезда к вам на машине?

И Таната очень удивило, что ответила Айслу. Вместо того чтобы один раз отрезать: «Никаких писем я не получала и знать про них ничего не знаю!» — она сказала, что да, письма приходили. Это звучало как признание, и оно

сразу ободрило и даже развеселило Абильмажина, Бейсена и их компанию.

В зале, в первых рядах, началось язвительное шушуканье, раздавались приглушенные смешки, на разгоряченных лицах замелькали ухмылки, особенно после того, как Айслу заявила, что писем она не читала. А судья словно не замечал шума в зале и не требовал тишины.

— Я их уничтожала, — сказала Айслу, — все от первого до последнего: рвала на клочки и выбрасывала. Как я могла читать письма от человека чужого, противного и даже ненавистного мне? Летом, когда я ему сказала: «Держись от меня подальше», — он меня ударил ножом. Это не человек, а зверь. С первой встречи он стал мне врагом. Получать от него письма я считала для себя позором. Поэтому я и рвала их.

Судья и заседатель со сморщенным лбом словно бы добродушно и снисходительно препирались с Айслу.

— Так уж и рвала? Все подряд? Так уж и не прочла ни одного. Зачем же рвала? Разве вам не нужно, не интересно было узнать о намерениях своего личного врага? Вряд ли найдется такой человек, который, получив письмо, не вскроет его. А если вскроет, неужто не прочтет хоть несколько строчек? Можно ли поверить, что вы даже из любопытства так-таки совсем и не вскрывали и не читали писем? Правдоподобно ли это?

Айслу настаивала на своем, она говорила правду. Но чем больше ее вынуждали подтверждать свои показания, тем менее правдоподобными они казались.

Сагит также твердил свое, но его так слушали, так допрашивали, что его показания казались достоверными.

— В первых письмах я просил у нее прощения, — говорил Сагит. — Пять писем ей послал, умолял простить. Хотел, чтобы забыла ту глупость, которую я совершил летом, выпивши... сгоряча... Ответа не получил, ну и решил, что она меня простила. Каждый скажет, что простила...

И в этот момент Сагит, пожалуй, и впрямь думал, как говорил: писал, просил и добился того, чего просил.

— Я обрадовался, написал ей еще три письма. Давно я решил на ней жениться. Когда она меня простила, я и написал: выходи за меня замуж. Знал, что не откажет... Конечно, она гордая. На эти три письма тоже не ответила, чтобы меня помучить, забрать в свои руки. А сама согласна. Это каждый поймет, что согласна... Тогда я написал

ей еще два письма, что приеду за ней на машине и увезу. Написал, что приеду ночью, когда все будут спать, и просил лечь во дворе. Последнее письмо было в последний день... Она и сама не отказывается, что получила его. А что опять не ответила, так к этому мне не привыкать. Я знал, что она меня будет ждать. Каждый скажет, что будет... Она и ждала. Как я ей наказывал, так и сделала. И в саду себе постелила и ждала!

Сагит говорил без запинки, и ему самому нравилось, как он говорил. В его словах то и дело прорывалась злоба, но ее можно было принять и за обиду. А из ловких реплик судьи следовало: грубоват парень, неотесан, зато весь нараспашку. Недаром Асель, часто посещавшая Сагита в тюрьме, учила его, как вести себя на суде. Вбила все-таки в голову недалекому парню, что от него требуется. И хотя по-прежнему спесь в нем играла, врал он складно.

— Арман сразу в драку. Я этого не хотел. Пальцем его не тронул. А он как с цепи сорвался. Не скажу, чтобы он меня избил, но все на мне изорвал, изодрал! Я и не помню, как вырвался из его рук. Все лицо у меня было в крови. Каждый скажет, что в крови... Вскакиваю в машину, говорю шоферу: «Трогай!» А Арман подскочил, вцепился в баранку, как клещ. Ну шофер, конечно, его оттолкнул, повел машину, а тот, чудак, не отстает, виснет на чем попало. Видно, тут и стукнуло его углом кузова, он упал, а машина... у машины глаз нет... колесо по нему и проехало. Об этом я уж после узнал. А тогда я ничего не видел, да и шофер тоже не заметил. Оба мы были не в себе. Об одном мечтали — как бы от него отвязаться, поскорей уехать от этого скандала...

Затем допрашивали свидетелей. Их было несколько, все они подтверждали показания обвиняемого.

И вот суд ушел на совещание и огласил приговор. Прокурор требовал сурового наказания обвиняемым, но так странно излагал и мотивировал свое требование, будто в нем заключалось нечто чрезмерное, чисто формальное, а по сути даже противозаконное. Кроме того, прокурор перенес всю тяжесть вины на шофера, и суд согласился с прокурором. Одинокий джигит недавно приехал в этот район, у шофера не было ни адвоката, ни добровольных защитников. Друзьям Айслу он был чужим, а друзья Сагита его предали. Приговор осуждал поведение Сагита, но признание Айслу в том, что она получала от него письма,

было оценено как улика в пользу обвиняемого и смягчающее вину обстоятельство. А убийство?.. Его не было!

Сагит был осужден на три года тюремного заключения. Позднее оказалось, что большую часть срока ему скостили за счет различных амнистий и предварительного заключения, и выходило, что злодею, погасившему жизнь Армана, оставалось сидеть в тюрьме считанные месяцы.

Айслу и Нурбубу вышли из зала суда потрясенные, растерянные. Они не могли понять, что же случилось. Стало быть, прав был старый Танат и зря они надеялись на секретаря райкома Кольбаева? Небо над Айслу висело низкое, темное. И прошлой осенью, и нынешней весной — обман, обман... Опять над ней зло посмеялись.

Придя домой, Айслу слегла. Губы ее были сжаты скорбно, как у старушки. В глазах не было света.

На другой день Айслу написала два письма: первое в Баскентский обком партии, второе в Алма-Ату старому другу покойного отца Жакену. Эти письма были первыми в ее жизни, в которых она сетовала на несправедливость и обвиняла людей в нечестности. Писала она их холодно, сухо, без той горячей веры, которой жила до гибели Армана.

2

Через неделю после суда в доме Нурбубу появилась неожиданная гостья.

Это была женщина выше среднего роста, с полной статной фигурой. Коротко подстриженные и тщательно причесанные волосы выгодно оттеняли ее миловидное лицо. Очки в изящной темной оправе придавали ему мягкость и серьезность. Губы слегка подкрашены, с них не сходит приветливая теплая улыбка.

Придерживая локтем большую сумку, гостья остановилась на пороге, спрашивая разрешения войти. Айслу и Нурбубу не сразу узнали ее.

Однако замешательство было недолгим. Щеки Айслу вспыхнули.

— Тетушка Асия! Это вы, тетушка Асия... Как я вам рада!

В один миг вспомнились счастливые дни в Алма-Ате, доброе знакомство с Асией в доме дяди Жакена, а затем другое знакомство — в доме отдыха с ее братом, студентом медицинского института Ильясом. Плечи Айслу вздрогнули.

Она разрыдалась. Асия, словно старшая сестра, прижала к своей груди голову девушки, целуя ее в лоб, волосы и глаза, ласково утешая. Айслу притихла. Тогда и сама Асия, достав из сумки синий шелковый платок, вытерла свои узкие черные глаза.

— Я уже все знаю, все знаю, дорогие вы мои, — сказала гостья.

Она приехала в южную область по командировке Президиума Верховного Совета Казахстана вместе с большой комиссией. Но, попав в Ленинский район и даже в колхоз «Красная звезда», Асия и не догадывалась, что Нурбубу и Айслу здешние жительницы.

Комиссия знакомилась на местах с семейным бытом, культурой и обычаями. Асия встречалась и беседовала прежде всего с молодежью и особо с учителями и вскоре стала среди них своим человеком.

У всех на устах, и в колхозе и в районе, было дело Сагита. Многие люди, и молодежь и старики, говорили, что Сагит зверски убил хорошего парня. И вовсе убитый не был слепым орудием в руках темной матери, как это представлено в суде. Мальчик защищал сестру от насилия, а несправедливый приговор бросил на него и на всю семью позорную тень. Асии называли имя убитого, но лишь случайно она узнала, что Арман брат Айслу, сын Нурбубу.

Прошлым летом в Алма-Ате Асия приметила юную и скромную Айслу. И, разумеется, не заблудилась в лживых сплетнях об Айслу, как это случилось с Ильясом.

Учительницы местной школы имени Алтынсарина рассказывали Асии о гибели Армана как о своем собственном семейном несчастье.

— Он никогда не пошел бы против воли своей сестры, если бы она действительно хотела выйти замуж. И его и сестру мы хорошо знаем. Они выросли у нас на руках. Это молодежь чистая, настоящая...

— И мать не пошла бы против воли дочери. Мы знаем эту семью, люди они дружные, скромные, работящие...

Асия слушала и думала: как же могло случиться, что все это не дошло до суда?

Старшеклассники, комсомольцы и комсомолки, также в один голос говорили о том, как они и их родные возмущены приговором суда. Они, негодуя, задавали Асии недоуменные вопросы, которые хотелось бы задать им самим:

— Почему же не вмешался прокурор? А секретарь райкома, такой уважаемый большой человек! Почему Му-

хит-ага, Герой Социалистического Труда, не разберется, не заступится за людей?

— Не понимаю, — сказала Асия, — а вы-то, комсомольцы, почему вы молчите?

— Мы не молчим... — ответили ей.

Таким образом, Асия пришла к Нурбубу и ее дочери, уже зная, как сочувствуют им люди.

Нурбубу, понимая, что больше всего интересует гостью из столицы, спешила рассказать ей о дочери:

— Эти лжецы, хитрецы думали, что Айслу, молоденькая, только со школьной скамьи, забоится, постыдится говорить перед всем народом. Они нарочно твердили об этих письмах и о том, о чем с девушкой матери с глазу на глаз порой нелегко говорить. Хотели ее запутать, засрамить. Однако зря старались, доченька моя не растерялась. Поняла, что не одну себя защищает, а всех своих сверстниц, и учительниц, и мать. Я сама от нее такой смелости не ожидала. Она прямо им сказала, не смущаясь, почему этот тип ей противен и почему не хотела марать руки о его письма. Любой нынешней девушке, говорит, такой человек не жених. У нашей молодежи другие понятия... Так и хлестала словами по бесстыжим глазам! И хотя несладко нам было на суде и после, я себе тогда сказала, что недаром жизнь прожила, вырастила заступницу, и отцу ее и брату не стыдно было бы за нее, и всем людям радость, что Айслу вот такая.

Айслу сидела, опустив голову.

— Я не думала показывать свою смелость, — сказала она глухо. — Сердце мое осиротело, тетушка Асия! Жить не хочется...

Асия и прежде любовалась Айслу, но теперь от глубоко и сильно пережитого горя девушка стала одухотворенней, и ее совершенная красота как бы излучала нежный свет. Асия, подобно своему брату, сравнивала Айслу с тем, что видела на полотнах прославленных мастеров кисти, и отдавала предпочтение этой живой натуре... Дорого было, что такая девушка рождена и живет на земле отцов и дедов, и больно, что она несчастна.

Пожалуй, ни один художник не сможет так тонко оценить обаяние и прелесть женщины, как другая женщина, если посмотрит на нее добрым взглядом. Но прежде всего Асия была гражданином. Она хотела бы видеть в Айслу героиню нового романа, полного радости. То, что в наши дни славная колхозная девочка мечется в поисках

правды, то, что сердце ее осиротело, было для Асии ее личным делом.

— Я недовольна тобой, девушка, — неожиданно сказала Асия. — Я не довольна вашей дочерью, мать.

И мать и дочь поняли ее. Они словно ждали от гостьи таких слов и в душе порадовались, что дождались.

— Тебе не хочется жить? — спросила Асия. — Прости меня, милый мой друг, ты не имеешь на это права! Я не скажу, что у тебя не было причин... я говорю, нет на это права! Ты почувствовала себя одинокой. Допускаю. Но позволь тебя спросить: что же это, однако, значит? Сидишь взаперти, в четырех стенах, как старушка или больная, плачешь, горюешь. Это тебе непристало! На суде ты держалась достойно, сейчас не особенно... И вам скажу, Нурбубу, — добавила Асия, — все хорошие люди вокруг, и стар и млад, ваши друзья. Почаще к ним захаживайте. Насколько помнится, Айслу собиралась в нынешнем году поступать в институт. Я думаю, и так же думает Жакен, наш общий друг и мудрый советчик, что Айслу будет отличной студенткой. Можем мы так думать?

— Да, тетушка Асия.

— Да, сестра милая.

И все трое вдруг заплакали — беспричинно, стесняясь друг друга.

Асия осталась в доме Нурбубу пить чай, потом обедать, и еще долго ей не хотелось уходить из этого дома.

Поначалу Асии казалось, что на суде все же произошло недоразумение. Она поехала в район к прокурору Саматову. Но тот не пожелал и разговаривать о деле Сагита.

— Дело Амирова уже решено. Пересматривать его вправе лишь вышестоящий суд, в данном случае областной. Вы человек посторонний, нездешний. И вообще, если стать на официальную почву, ваша командировка не имеет отношения к данному делу. Ревизовать судебное решение вне ваших полномочий. И я не вправе позволить вам это. А неофициально... дивлюсь вам! И предостерегаю: не идите на поводу у уличных сплетен и праздной болтовни непричастных к делу людей. Не дайте себя увлечь. Заверяю вас, что органы суда и прокуратуры, облеченные доверием, знают свою ответственность и должным образом оберегают советскую законность и честь нашего правосудия. Нет никакой нужды в опеке со стороны.

И странное дело, рассуждения этого большеголового и полнолицего человека с покрасневшими от постоянного чтения бумаг глазами были убедительны, а его уверенность и категорический тон оправданы. Нет, он не выступает против мнения общественности, он сам призван своей повседневной работой формировать его. И тут нужна принципиальность, а подчас большая выдержка, особенно если дело такое тонкое и деликатное, как дело Сагита Амирова.

— Видите ли, ваши слова о законе и правосудии для нас не откровение, это как раз те уроки, которые мы сами преподаем населению. А вот скромно ли это с вашей стороны? — спросил Саматов. И вид у него был суровый, инспекторский.

Асия ушла от него с острым чувством недоверия. «Чинуша? — думала она. — Несомненно. А может, и преступник».

Асия пошла в райком партии. Ее принял первый секретарь Мухит Кольбаев; с ним Асия была прямa и откровенна. Она сказала, что дело Сагита, как оказывается, отнюдь не частный случай, оно обнажило гнойник, существующий на виду у райкома. Она сказала, что в данном случае райком остался глух к голосу народа. Она хотела понять, как такое могло случиться, а затем объяснить людям. В этом она видела свой общественный и партийный долг.

— Документы смотрели? Документы в порядке? — вдруг спросил Кольбаев.

Асия смолкла, удивленная. Саматов не показывал ей бумаг. Но нет сомнения, что бумаги у него «в порядке». Они-то у него без сучка без задоринки. Это волк матерый. Может ли быть, что саматовские бумаги главное, что сейчас волнует секретаря райкома?

Да, по-видимому, так оно и было.

Саматов опередил Асию, он уже звонил Кольбаеву по телефону, пока она шла в райком. Давно ли Мухит умно и властно внушал Саматову, как должно отвечать перед народом. Теперь Саматов внушал Мухиту (или, как говорят аппаратчики, подсказывал), как ему отвечать Асии... И тот был доволен, что прокурор вовремя позвонил, информировал.

Кольбаев, конечно, понимал, что серьезно ошибся в Саматове, но не любил, когда другие замечали его ошибки. И Саматов знал это. Раз дело сделано за спиной Кольбаева, он будет думать больше о своей спине, чем о деле.

В прошлом году Мухит Кольбаев стал Героем Социалистического Труда — его район с лихвой дал план по хлопку, а затем и по животноводству, по мясу, молоку и шерсти. Ныне непрошеная столичная гостья грозила испортить всю картину. Однако лукавый Саматов в двух-трех словах, прозрачными намеками подсказал ему удобную и даже лестную позицию.

В самом деле! Хотя Асия и член партии и товарищ из центра, все-таки она, что там ни говори, женщина. Потому-то она верит слезливой мамаше Нурбубу, и той гордой девчонке Айслу, да всяким учительницам и не доверяет мужчинам. Такова уж женская природа. Сама того не сознавая, Асия поддалась обыкновенной бабьей жалости, а должного понимания от нее не жди. Вот как она сказывается — извечная односторонность и пристрастность женской натуры. Сердца-то у нас много, ума маловато. Женщины мастерицы ставить вопросы с ног на голову.

Так Кольбаев легко, быстро и крепко убедил себя в том, что оправдываться ему не в чем и не перед кем.

— Партия и правительство доверяют нам дела и потрудней, — сказал он. — Вы в нашем районе впервые, нашей работы не знаете и, насколько мне известно, не интересуетесь... С ходу самовольно вмешиваетесь. И во что? В дела прокуратуры! Может, вы прокурорский надзор? Приносите в райком женские жалобы... Мы не против, послушаем и женщин. Но, не проверив, не вдумавшись, на основании одних разговоров, вопреки фактам критиковать судебные органы, поносить авторитетных людей, ответственных партийных работников... Извините, дорогой товарищ! Вы много говорите о законности, справедливости. А разве это законно, справедливо?

Желая оправдаться, Кольбаев и не заметил, как увлекся и сам пустился в обвинения. Пожалуй, в этом было больше бабьего, чем положено истинному мужу, да еще на секретарском посту.

Асия не раз встречалась с работниками подобного толка. Но никак не ожидала, что Кольбаев такой. Комсомольцы называли его «большим» человеком...

Не дослушав его, Асия встала и ушла.

На другой день она была в Басценте и тотчас позвонила по междугородному в Алма-Ату Жакену. Он уже получил письмо Айслу.

— Я тоже думаю поехать в Баскент, — сказал Жакен,— на старости лет погоняться за правдой. Как вы думаете, смогу я быть полезным в этом деле?

Асия засмеялась. Жакен-ага любил пошутить.

Старый Танат уважал власть, но понял, что зря она дана Мухиту Кольбаеву. Обманул секретарь аксакала. Попрекать Мухита старик не пожелал, а поехал прямиком в Баскент. Осмелел от великой обиды и за себя, и за людей, и за власть, которую осрамил Мухит.

Не спеша шагал Танат по широкой асфальтированной Советской улице в тени цветущих фруктовых деревьев, прислушивался к лепету воды в арыках и с любопытством рассматривал непомерно высокие дома.

Здание обкома партии выделялось среди других, изящество и легкостью сочеталось в нем с фундаментальностью, и Танат остался им доволен: достойное помещение для руководства!

Бесчисленные машины, стремительно сновавшие по улице, оглушали старика. Пронзительный запах бензина отбил аромат листвы, цветов и трав на громадных клумбах и газонах, похожих на скошенный луг. Ничего подобного он в жизни не видывал. Восхищали его арыки. Конечно, арыки есть и в кишлаках, но они там узкие, кривые, зачастую с пересохшим руслом. Вода в них бурая от густой уличной пыли. А здесь она проточна, от нее веет свежестью. И улицы-то чисты, как полы в доме.

Уже несколько дней Танат жил в Баскенте и не уставал бродить по городу, дивясь на каждом шагу. Здешние люди встают не так рано, как деревенские. Танат просыпался раньше всех, кто жил в доме, где он остановился, выходил во двор, затем на улицу, смотрел и думал: сильна необъятная казахская степь, а ведь и в городе какая сила! Сила людская, машинная и каменностенная...

Впервые в обком его отвела пожилая хозяйка дома. А сегодня он шел один. В прошлый раз, едва перешагнув порог обкома, он рассказал о своем деле милиционеру, стоявшему внизу у лестницы. Но тот, выслушав со вниманием, сказал, что секретарь обкома уехал в район, а Танат хотел только к секретарю. Сегодня милиционер сразу пропустил старика, указав на широкую лестницу, ведущую на второй этаж.

Танат попал в большую комнату, в которой сидели три сотрудницы, каждая за своим столом. Одна из них, казашка по фамилии Шалкарова, с первых слов расположила к себе старика. Это была худенькая женщина с тонким лицом, на котором играл легкий красновато-коричневый румянец, и с длинной косой, закрученной на затылке. Она понимала, что человеку из района надо все объяснить не спеша и по порядку. С ней было легко разговаривать. Тем не менее Танат ей не открылся, сказал только, что имеет устную жалобу или просьбу к самому товарищу секретарю. Старик не решался выложить все сразу, чего доброго, еще станут ему мешать... Уж коли приехал издалека, надо пробиваться к главному — так говорили ему и в колхозе и здешние советчики. Казашка тоже назвалась секретарем, но, видимо, тот секретарь партии, а Шалкарова — этой приемной комнаты.

— Сейчас товарищ Жайлыбеков вас примет, — сказала Шалкарова. — Вы к нему пойдете и обо всем поговорите. Но прежде он спросит у меня, кто вы такой и по какому делу приехали. Что я ему отвечу?

В маленьких выцветших глазах старика мелькнула ответная усмешка.

— Но потом-то ты меня пропустишь?.. — спросил он. — Недаром, должно быть, говорят: верь тому, кто лицом светел. Сдается мне, что ты не обманешь.

— Не обману, дед.

— Тогда слушай. — Улыбка сползла с морщинистого лица Таната, глаза посуровели. — Я приехал из-за убийства человека, а он еще и пожить-то не успел, мальчик. Отец его был человек мне родной. Он погиб на войне. Когда уходил на фронт, сынок еще грудь у матери сосал. А у того, который его убил, в районе уж больно много пособников, всяких подручных. Они его вызволили из тюрьмы, избавив от кары. А мальчик-то убит. Мать и сестра извелись с горя. В районе нашем что-то не так, как должно быть. Вот и послали меня люди сюда, в обком. Я и приехал. А теперь сделай, что обещала. Я тебе уж достаточно сказал.

Не прошло и четверти часа, как Шалкарова проводила Таната к Алмасбеку Жайлыбекову.

— Есть у нас справедливость или нет, скажи, обком! Я ищу эту самую справедливость. Если нет ее, так и скажи прямо. Нет, мол, отец, иди домой! Я и уйду с миром, — так начал Танат, поклонившись Жайлыбекову.

Трагедия «Карагоз» на сцене
Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова.
3 акт, 5 картина. 1963 г.

Но Жайлыбеков держался так, будто хорошо знал его дело. Может, Шалкарова ему рассказала? Нет, Жайлыбеков явно знал о его деле больше, чем она. Умел секретарь расположить к себе, хотя и был молод. Его большие глаза смотрели с участием и вниманием.

— Думаю, что уходить вам не надо, аксакал, — сказал он. — Поговорим сначала.

— Вот утешил, спасибо! — проговорил старик с шутливым вздохом. — А я-то уж было подумал, что справедливость откочевала за далекие перевалы.

Жайлыбеков одобрительно улыбнулся.

— А вы уже во многих местах побывали? — спросил он. — И нигде ее не нашли? Где же вы ее искали, аксакал?

— Скажу, скажу! Всех назову... Иначе и ездить сюда не стоило бы. Считайте: во-первых, нет правды у прокурора, во-вторых, в суде. Ну и, как говорят, очередь героя третья: не нашел я справедливости в самом райкоме. Если бы она там была, незачем мне было бы и трогаться из района да тревожить тебя. Зачем обком, коли есть райком? А если райкома нет?

Жайлыбеков беседовал с Танатом больше часа. Затем вызвал Шалкарову. Теперь Алмасбек был хмур, его взгляд стал острым, пристальным и недобрым.

— Все, что рассказывает аксакал, запишите. Подготовьте русский перевод для Нила Петровича. Бросьте все дела, займитесь в первую очередь этим.

Жайлыбеков торопился. Попрощавшись с Танатом, он отправился к Карпову.

— Знаете ли, что мне вспомнилось? — заметил Карпов, выслушав Жайлыбекова.

Алмасбек понимающе и удрученно склонил голову. Нил Петрович имел в виду, конечно, Баба-Ату, где они были вместе прошлой осенью, и женщину по имени Алуа, жившую там полвека назад.

— Запущен у нас этот вопрос, запущен, — сказал Карпов. — Старые пережитки в нашем быту — это тот же джут, но не в степи, а в людских душах. Беда. Она грозит нам большими потерями...

Из приемной доложили, что пришла Асия Алимова, и Карпов немедленно пригласил ее.

Он обрадовался, узнав, что она в Баскенте. Вот человек, который был ему сейчас нужен.

Карпов не забыл встречи с Асией в прошлом году в доме отдыха в горах, где они так откровенно спорили. Асия произвела на него впечатление человека большой культуры. Пришлись ему по вкусу и ее резкость и настойчивость.

Асия также мысленно выделила Карпова из ряда многих знакомых ей ответственных работников. В нем чувствовались неподдельная и ненавязчивая светлая сила истинной человечности, истинной партийности и большой жизненный опыт, который прежде всего ценишь в человеке. Собственно, их беседы в прошлом году были не так уж продолжительны, но какая теплота исходила от этого «новичка», как он себя тогда называл. Он покорял своей заинтересованностью, и сам оказался на редкость интересен. И хотя обкомовские секретари-казахи, очень дельные, такие, как Жайлыбеков, казалось бы, должны были скорее ее понять, она позвонила Карпову. И не пожалела об этом.

— Итак? — спросил он, пожав ей руку и усадив, не тратя времени на лишние церемонии.

— Пришла к вам не с пустыми руками, — ответила Асия, — но, откровенно говоря, Нил Петрович, порадовать вас нечем.

Карпов улыбнулся ей горячими синими глазами.

— В таком случае вы угадали, чего я от вас жду.

Асия начала свой рассказ. Она многое видела, слышала, поняла. На редкость тяжелы и цепки в степных краях пережитки в быту. Но вспомним, как долго господствовали здесь религия и духовенство и какие у них были глубокие корни. Ишаны, шейхи-ходжи и прочие «вероучители» веками хозяйничали в бесчисленных мечетях и медресе, возводили мазары, устраивали паломничества. Оголтелые фанатики, невежды, прожорливые и жестокие плуты распоряжались умами и душами многих поколений. Недаром говорится в народе, что в Сайраме святых много, в Туркестане — тьма, а святей всех святых Арыстан бап. Где же этот несравненный Арыстан бап? В Шаульдерском районе вашей области, Нил Петрович! А в Ноянском, например, еще недавно безраздельно властвовал хитрый и жестокий хазрет Ак-ишан. И даже в таком отдаленном районе, как Узакский, за горами Каратау, имеются свои «святые» места. К вашему сведению, Бабатукты, Шашты Азизи, Баба-Ата, Балыкты... Между прочим, в районе Ташкента находится местечко, названное по имени ходжи

Ахмета Ясави; когда-то он распространял среди мусульман Средней Азии свои приказы от имени самого всевышнего. Имеется еще могила Зенги-бабы, и только. А здесь, в степи, в одной южной области размещены покои и усыпальницы святых, хазретов и ишанов, которых хватило бы на целое богобоязненное государство.

Легко ли освободиться и очиститься от такого наследства? Темные предрассудки и чуждые нам нравы, грязные делишки, а подчас и мрачные преступления растут, как сорняки, и душат все кругом, если их не полоть.

Во всех районах области мало кто из девочек продолжает учебу после седьмого класса. Их рано выдают замуж, и притом по воле и выбору отцов и матерей. А воля отцов и матерей частенько соединяет жениха и невесту отнюдь не бескорыстно. Дурной обычай прошлого — покупать благословение родителей за калым — скрыто бытует и по сей день, поистине как проклятие. Нередко бывает, что девушка за ослушание подвергается оскорблению, наказанию, попадает в безвыходное, трагическое положение. Слышали ли здесь, в Баскенте, как, скажем, «сватался» некто Сагит к девушке Айслу?

Карпов коротко кивнул. И, словно захваченный ходом мысли Асии, сам заговорил о том, что их обоих волновало. Асия сразу же с одобрением отметила про себя, что его наблюдения шире, а выводы смелей.

Заботила Карпова жизнь людей, занятых отгонным животноводством. Он говорил о том, что в казахских степных районах, Ноянском, Узакском, Шаульдерском, Келесском и даже в трех хлопковых районах юга почти нет родильных домов. Есть районы — целые районы! — где не найдешь ни детских садов, ни яслей. Значит, женщина всецело в плену домашнего очага. И по сути не может участвовать в общественном труде. А где неравноправие в труде, там и неравноправие в семье — это правило старое... Многие оседлые колхозники по старинке живут еще в войлочных юртах, а с юртой связаны всяческие пережитки кочевья. Что же сказать о пастухах, кочующих по сей день? Те живут неизбежно в юртах, но еще разбросанно, вдали друг от друга, и тут положение женщин особенно тяжелое. Врачебной помощи мало. Не хватает самой элементарной гигиены.

— Я видел на лице у ребятишек чесотку, а то и паршу на голове. Стыдно сказать, бани там такая же редкость, как дворцы. Попросту их нет на отгоне. И это в дни

семилетки! Шутка-то, между прочим, серьезная: способ хозяйствования тянет за собой свой быт... Как это все в корне, в корне изменить? Сколько мы будем на этот счет думать и гадать? — спросил самого себя Карпов и требовательно оглядел своих собеседников, словно говоря: судите меня строже.

Но Жайлыбеков и во взгляде и в голосе Нила Петровича почувствовал особый смысл: видимо, на этот счет у первого секретаря зреет важное трудное решение, он его выверяет.

— Заметьте, — сказал Алмасбек, — как изворачивается и приспосабливается старина к новым условиям. Древние обычаи живут на новый лад. Уж коли говорить прямо, недоучившихся девушек, послушных воле отцов и матерей, по-прежнему продают и покупают. Разумеется, внешне это совсем не купля-продажа. Родители обеих сторон договариваются. И однажды джигит по указанию отца как будто бы тайком увозит девушку, которую он до той поры и в глаза не видел! Проходит дней двадцать или месяц, и «виновные» едут к родителям девушки «просить прощения». Те прощают, устраивают свадьбу. Под видом денег на расходы по свадьбе родители получают за девушку калым — десять — двадцать тысяч рублей. А в придачу — овец, корову, а то и коня. После свадьбы проходит еще двадцать дней. Тогда мать молодухи со своими родичами едет к родителям новобрачного. При этом привозят приданое... Таким путем стороны рассчитываются. Разумеется, заранее известно, кто сколько получит денег, коров, овец, сундуков, одеял. И все освящается родительским благословением. Вы помните, Нил Петрович, мы с вами в поездках по району не раз видели такое приданое. Оно иногда занимает целую стену, от пола до потолка. Приглядитесь, что за вещи в домах у иных учителей, молодых бригадиров, а то и председателей... Таких вещей в магазинах не продают. Обитые жестью сундуки, огромные подушки в вышитых наволочках, по-особому простеганные одеяла. Ручная работа аульных мастериц. Кустарная роскошь по особому заказу. Если такие вещи, к тому же новенькие, окажутся в доме молодоженов, это неспроста. Значит, есть приданое, был калым! И ведь так делается не только у нас... В прошлом году летом я побывал в Киргизии, в поселке Чолпон-Ата, на берегу Иссык-Куля. В одной киргизской семье справляли свадьбу. И что же оказалось? Сын накануне тайком привез невесту. Сваха зара-

нее свела родителей обеих сторон, а парень своей невесты и знать не знал. Однако послали — поехал. Под вечер и привез девицу. Договорились за пять тысяч, одного коня, пять овец и пятьдесят бутылок водки... И в Киргизии и у нас, насколько я слышал, на невест имеется негласная расценка: за дочь колхозного бригадира дают пятнадцать тысяч рублей, а за дочь председателя колхоза — двадцать пять. Вот какие ходят анекдоты!

Карпов быстро записал в раскрытом большом блокноте справа от себя: 15 и 25.

— Необходимо привлечь девушек к механизации, — сказал он. — В кратчайший срок хотя бы в трех хлопковых районах организовать курсы механизаторов и обучить там по меньшей мере триста казашек. И в Баскенте на предприятиях найдется подходящая работа для женщин: на текстильной фабрике, на заводе пресс-автоматов, на мясо-молочном комбинате, на химфармзаводе. Почему там мало казашек из аулов? Надо дать им специальность, открыть для них ФЗУ, устроить отдельные общежития, наладить культработу. Товарищ Жайлыбеков, возьмите-ка вы это дело в крепкие хозяйские руки. Научите трудрезервы уважать женский пол.

Асия хотела было напомнить о школах, но Карпов сказал, как уже о давно продуманном и решенном:

— В том году надо добиться, чтобы все девочки окончили среднюю школу. Видимо, будет специальное решение обкома на ближайшем пленуме.

— Я-то думала помочь вам, — с веселой признательностью проговорила Асия. — А вы с Алмасбеком больше моего знаете.

— Хотела похвалить, — лукаво заметил Алмасбек, — а сама созналась, что была о нас весьма невысокого мнения.

— За мужскими делами иной раз о женском вопросе можно и запамятовать, — сказала Асия, смеясь. — Спасибо вам!

Карпов молчал. «Решение самое здравое, — думал он, — еще полдела, если оно не прикрытие для безделья... Благодарить пока не за что».

— К вам два вопроса, Асия Алимовна, — сказал он. — Первый: что из себя представляет Сагит? Как будто молодой парень передовой профессии? Возможно, комсомолец?

Асия ждала расспросов, и ей понравилось, с какого конца Нил Петрович начал.

— Нет, — ответила она, — он не комсомолец, он скотина. Мне кажется, я разобралась в его психологии, это не так уж трудно. Сам он вряд ли страдает склонностью к самоанализу, а тем более самокритичностью. Самонадеянный, самовлюбленный и мрачный тип. Наверно, никогда в жизни не дружил с девушкой и не понимал дружбы с женщиной. Замкнут, груб, неуклюж, но особого мнения о своих мужских достоинствах. В семье любимец и баловень. Конечно, никогда ни с кем не советовался, не делился, никому не раскрывал своих чувств и мыслей и не испытывал в этом нужды. К тому же еще и пил, не чувствуя на себе узды. Хвастал своей физической силой, круглыми бицепсами, поскольку больше хвастать было нечем. Действительно, работал в районе гидротехником, но не приобрел в этой роли ничего, кроме спеси. Заслуг не нажил, а жадность унаследовал с материнским молоком. В семье у этого парня заправляет старуха мать, женщина корыстолюбивая, с самыми отсталыми, допотопными взглядами. Второе лицо в доме — невестка, жена старшего брата, тупая и самодовольная бездельница, однако мастерица и любительница загребать блага жизни. Отвратительные создания, скажу я вам... Старший брат из того же теста. Вот какие корешки у этого самого Сагита. А кто такая Айслу? Дочь вдовы. Нет у девочки ни отца, ни старшего брата. Такую только пожелай — и бери без всяких церемоний! Джигиту и в голову не приходило, что его могут презирать. Представьте, унизился даже до того, что говорил девушке «большие» слова, говорил, что любит. И на суде и свидетели, и судьи, и прокурор говорили, что он любит. Много говорили о любви.

— Так, — сказал Карпов. — И второй вопрос к вам, Асия Алимовна, возможно, потрудней: что такое Кольбаев?

— К сожалению, к большому сожалению, — ответила она, — в деле Сагита Мухит Кольбаев сам себя поставил вне партии.

3

Бюро обкома собралось с большим активом хозяйственников и партийных работников районов.

Небольшой зал заседаний был заполнен до отказа, но не слышно было ни шепота, ни шороха. Лишь изредка прорывался неодобрительный гул.

Лицо Карпова казалось холодным и замкнутым, внутренняя собранность отражалась в каждой его черте. Председатель облисполкома Ахан Султанов хмурился, плотно сжав тонкие губы. Секретари обкома Алим Еримбетов и Алмасбек Жайлыбеков сидели рядом, не глядя друг на друга, будто были в ссоре.

Выступал секретарь Узакского райкома Есдаулетов, грузно навалясь на трибуну. Его толстое, побитое оспой лицо было бледно, двойной подбородок вздрагивал. Есдаулетову приходилось туго. Он понимал, чего от него ждут, но не мог перебороть себя и многословно распространялся о трудностях и объективных причинах. Он и сегодня тщился рассказывать о достижениях, не о потерях, без конца петлял, путался и походил на заблудившегося путника, который вновь и вновь возвращается по собственному следу. Слушать его было тошно. И в зале вопросительно переглядывались: почему бюро так долго терпит эти разглагольствования?

Карпов не перебивал Есдаулетова, но видно было, что он с трудом сдерживается.

Наконец Ахан Султанов, метнув на оратора косой взгляд, крикнул:

— Скажи, сколько погубил скота! Все равно правду не скроешь!

Собрание ждало этого вопроса, и хотя никто не проронил ни слова, скрипнули стулья, словно люди одновременно подались вперед.

Обильный пот выступил на лбу Есдаулетова и заблестел в морщинах.

— Двадцать тысяч голов... — пробормотал он глухо.

— Все каракульские овцы?

— Да, все.

Общий тяжелый вздох прокатился по залу. Никто не ожидал услышать такой ошеломляющей цифры. Сколько золотой валюты пущено на ветер!

— Какая же цена после этого твоим словам, — с сердцем проговорил Султанов, — и сейчас, и раньше, и в будущем... если тебе и впредь позволить сыпать словами? Что ты нам говорил осенью, зимой? Не помнишь?

— Помню. Отлично, — сказал Есдаулетов твердо.

— Кто же повинен в потерях?

— Люди, конечно, люди. Мне кажется, это все уяснили. Раз нам доверили, мы отвечаем. А партия справедлива:

знает, как с кого взыскать. — И Есдаулетов бодро потряс кулаком.

Расчет его был прост: прежде всего не признавать, что падеж скота был из-за нехватки кормов... Корма он обеспечил! А вот люди... не справились. Он один, а их великое множество. Возникла лестница проступков и взысканий. Пока по ней доберутся до головы, сила карающей руки ослабеет. Себя Есдаулетов считал головой, а для битья назначено пониже...

Есдаулетов чувствовал в зале отчуждение и видел отсутствующие взгляды товарищей. Но он сказал, что хотел, и бюро обкома его выслушало.

Наступила очередь секретаря Ноянского райкома Касымова.

Высокий молодой человек с мягкими кудрявыми волосами и открытым обветренным лицом легко поднялся с места. Он начал с того, что Есдаулетов сказал под конец. Говорил Касымов кратко, и с первых его слов в зале возникло ощущение деловитости и неподдельной страстной заинтересованности.

— Мы потеряли девять тысяч овец. Все породистые... Ну то, какая была зима, обрисовал товарищ Есдаулетов. Но только ли в ней наша беда? Началось с моей собственной грубой ошибки. Не следовало трогать скот из песков. Потерь было бы меньше. В начале марта я дал команду откочевывать, хотя и знал, что прогноз погоды плохой. Овцы у нас никогда не ягнились в песках, и я рассчитывал, что они успеют до окота добраться домой, и люди вроде бы стремились под районный кров... Я действовал по старинке — мол, иначе нельзя, а следовало бы в первую очередь мне думать головой. Если хотите, тут сказалась прямая робость перед новой, трудной и опасной обстановкой, инерция, которая нам дорого обошлась. Как это ни обидно сознавать, мы не проявили гибкости, находчивости и прозорливости. И как бы ни был велик наш труд, наше старание, после моей ошибки, — девять тысяч голов... Хотелось бы высказаться по более общим вопросам, но, честно говоря, мне не до того. Некогда было осмотреться, задуматься, а ведь это главное! Если мы не научимся думать и в хорошую погоду, и в джут, то какие же мы партработники?

Лицо Карпова прояснилось. И плотно сжатые тонкие губы Ахана Султанова словно бы смягчились. В зале одобрительно кивали головами.

— А хитер, ничего не скажешь... — шепнул Жарасову щупленький чернявый секретарь Кировского райкома Турымбетов, поблескивая умными смеющимися глазами. — Здесь, дрожа да оглядываясь, душу свою не спасешь. С головой парень!

— А не перехватил? Не много ли на себя берет? — усомнился Жарасов и сам себя вышутил: — Ну, куда кривая вывезет! Где наша не пропадала!

Он был готов ответить за свою работу, привык отвечать, и совесть его была чиста. Вряд ли кто в этом зале мог бы сказать, что потрудился и намучился во время джута крепче Жарасова. Лишь последние слова Касымова неожиданно больно кольнули. Но прав секретарь: думали мало, больше плечами ворочали...

Карпов дал слово Алиму Ермбетову, и Жарасов непроизвольно улыбнулся своему товарищу по мытарствам в степи.

В весенние дни в Баскенте Алим преобразился. От зимней худобы не осталось и следа, а красный степной загар походил на румянец. Вид у Алима был щеголеватый. Серый костюм не морщинился на его ладной фигуре, строгий галстук темнел на крахмальной сорочке. В его больших, чуть навыкате глазах светилась легкая усмешка. Он говорил уверенно, звучным голосом, и сейчас, на трибуне, показался Жарасову словно бы не таким знакомым и, пожалуй, не таким близким, как зимой.

На первый взгляд казалось, что Алим Ермбетов весело настроен, но в его мнимо шутливых словах крылась острая горечь.

— Насколько помнится, Черноголовый дул на всех одинаково, — сказал Алим, — и на местных и на командировочных, не разбирая чина и звания, возраста и пола. Но не надо забывать, что Узакский район подвергся джуту на своей земле, а Ноянский — на соседской. Одни были у себя дома, другие, что называется, в гостях. А на поверку вышло, что хозяева потерпели урон в двадцать тысяч голов, а гости в девять. Вначале хозяева выручали гостей, а под конец гости спасали хозяев... Однако этим еще не все сказано. Если внимательно присмотреться, вот, Нил Петрович, какой получается конфуз: те, кто больше потерял, оказывается, записывают на свой счет известную выгоду, а те, кто меньше, — дополнительный урон!

В зале задвигались, кто-то из южан невесело засмеялся. Алим продолжал:

— В Узакском районе овцы каракульские. Следовательно, погибшие овцематки дали уже в утробе своей ценные шкурки и пополнили годовой выход каракуля. Шкурки ягнят, погибших после окота, пошли в счет каракульчи, или, как Гоголь говорил, смушки, серой и золотистой. Таким образом, тут что ни голова, то шкурка. Непонятно, как Есдаулетов упустил это и не поставил себе в актив. В Ноянском районе, как известно, наоборот, овцы тонкорунные. Ягнята родятся голенькие, без шерсти, а потому подвержены простуде. Многих удалось отстоять, выходить, и это серьезное достижение, но в майские черные пылевые бури и в июньские белые дожди с градом их ждут неприятности. Ягнята родились на морозе, со слабыми легкими и еще будут погибать. Так что цифра, которую назвал Касымов, неполная. Видите, какая злая диалектика!

— А ему пальца в рот не клади, — заметил Турымбетов, наклоняясь к уху Жарасова.

— Крепкий работник, — ответил Жарасов, чувствуя, что начинает побаиваться крепкого работника.

— Давайте продолжим сравнение, — говорил Алим. — Мы заслушали двух секретарей. Бюро им не мешало себя показать. Ну и показали! Один брал на себя ответственность, другой сваливал, один хотел задуматься, другой успокоиться. Есдаулетов сам о себе все сказал, добавить нечего. А о Касымове могу сказать: начав с ошибки, он ее поправил, о себе не думая. А Жарасов? Сам на сорок дней превратился в чабана! И не охал, не плакался и не выпячивался. О нем, товарищ Касымов, надо бы вам говорить особо, мы бы вас выслушали с удовольствием.

Турымбетов толкнул Жарасова локтем, но тот низко склонил голову. В зале внезапно дружно зааплодировали.

Карпов сдержанно улыбался. Ему нравились и суть и тон речи вчерашнего балтийца. И все же думалось, что Алим затеет разговор помасштабней — обопрется о район, оглянется на область. Но это еще придет вместе с опытом. Этому в обкоме надо всем учиться.

Собрание с нетерпением ждало выступления первого секретаря. Судя по прошедшей зиме, человек он интересный, недюжинный, решительный и на большом посту не случайно. От него уже привыкли слышать самое острое и самое существенное.

Карпов встал, далеко отодвинул стул, расправил широкие плечи. Шепот в зале стих.

— А подумать пора... — сказал Карпов. — Согласен с Касымовым. И пора решать! Решать, товарищи, застарелый проклятый вопрос о джуте в нашем кочевом животноводстве. Как ни странно, факты говорят: к джуту мы прижились. Падеж скота в нынешнем году не новинка. В позапрошлом году, четыре года, десять лет назад разве его не было? Если мы смиримся с этим горьким обыкновением, мы партии, народу не нужны. Чем мы гарантированы от джута будущей зимой, через пять лет — и так до бесконечности? Ныне в марте выпало небывало много снега. А в прошлом были случаи, когда, наоборот, снега не было вовсе и скот погибал от жажды. Выходит, есть снег — джут, нет снега — тоже джут. Уповаем на волю божью, но и сам аллах не в силах нам угодить. Пошлет снег — обижаемся, не пошлет — тоже скулим. Надеемся! А если не на боженьку, а на себя? Не пора ли?.. Мы выращиваем сотни тысяч овец. Сотни тысяч! Скот породистый, племенной. Нет более стойкой и выносливой овцы, чем каракульская. Она не требует стойлового содержания, живет на подножном корму, на степных пастбищах, под открытым небом. А ведь она в прямом смысле золото! Тонкорунная, правда, любит, чтобы ее на руках носили, укрывали в кошарах. Но и она золотое руно Казахстана... Могут сказать, что наше хозяйство унаследовано от века. Это не химия или физика двадцатого века, овцы! Но ведь и хлеб и хлопок нам завещали деды. А времечко-то новое! И хозяева мы новые. В наших руках фантастически широкие и щедрые земли пастбищ: степи, пески и горы. Наше дело обжить их с умом, по-хозяйски. Вот по этой части мы слабы — просчеты, ошибки непростительные! До каких же пор, товарищи? Если земли наши кормят скот, наш долг содержать эти земли, как кормящую мать. Иначе мы не поставим животноводство по-государственному, по-новому, как поставили, скажем, энергетику, машиностроение... Что же конкретно необходимо? Я бы сказал, три азбучных условия. Они всем очевидны. Первое — вода. В песках надо добыть обильную воду из-под земли. Второе — дороги. Как бы дорого они ни стоили, мы должны проложить и построить такие дороги, по которым летом и зимой могла бы беспрепятственно пройти машина. Третье — кров. Скоту нужны кошары, а людям не волчьи норы, а постоянное налаженное человеческое жилье.

Ахан Султанов налил из графина воды, пододвинул стакан Карпову. Тот поблагодарил кивком головы.

— Иные по сей день говорят: «Казахи, мол, привыкли... Чабаны и зимою в мороз могут жить в войлочных юртах. Десятки поколений так жили...» Надо положить конец этой лживой сказке! Так жить нельзя. При двадцатипятиградусном морозе казашка мать и ребенок, казах и даже закаленный чабан, намаявшись за день в степи с овцами, ночи напролет дрожат от стужи — никакие ватные одеяла и кошмы их не согреют. И так из года в год. Видали вы когда-нибудь, чтобы ребятишки в степи играли в мяч на морозе? Или катались бы на санках? Не видали и не увидите, потому что они намерзлись за ночь. Нельзя больше терпеть, чтобы женщины рожали детей в холодной юрте или фанерном балагане. Нельзя больше терпеть, чтобы ребенок рос в лачуге, где ему и его родителям, отдающим столько труда уходу за скотом, дым костра выедал глаза. Нужно, чтобы у чабана — зимой ли в песках, летом ли в горах — было теплое жилье, где можно и печь затопить и помыться. Солдат на фронте роет окоп, а потом землянку! Юрта годится только как временное укрытие, так сказать, на марше, во время перекочевки с зимнего пастбища на летнее. Мы говорим, что борьба за овец должна начинаться с заботы о человеке. Это наш закон. Тот, кто твердит «юрта, юрта, хватит и юрты», мирится с отсталыми, консервативными, допотопными взглядами, кривит душой и не думает о человеке. Это взгляд бая на батрака. Нам он не к лицу.

В зале стояла строгая, почти торжественная тишина. Затаив дыхание, коммунисты слушали своего товарища, который с такой болью и с такой партийной резкостью говорил о том, о чем не говорил еще никто до него. Еримбетов и Жайлыбеков не сводили с Карпова восхищенных глаз. «Эх, — думал Алим, — какой человек! Какой нужный человек...» А Ахан Султанов уже не в первый раз отмечал, что Карпов излагает его собственные мысли. Все это долгими годами мучило самого Ахана, но работал он по-прежнему, как уже повелось. Конечно, было время — и руки не дотягивались, и духу не хватало. А теперь пора, пора. И думать и решать! Спасибо, Нил Петрович, за урок. Школа у тебя ленинская.

Карпов подводил итоги. Идея его была такова: собрать факты, цифры, послушать советы чабанов и войти в Центральный Комитет и правительство республики с

докладной запиской. Актив горячо поддержал первого секретаря.

По оргвопросу бюро обкома постановило: Есдаулетова за очковтирательство и безрукость от руководящей партийной работы отстранить.

Затем на бюро был вынесен, казалось бы, частный вопрос. Многие поначалу недоумевали, зачем разбирать на активе дело об убийстве школьника в колхозе «Красная звезда», вопросительно оглядывались, ища в зале Кольбаева. Но недоумение рассеялось, когда докладчик Алмасбек Жайлыбеков сказал:

— В район выезжала специальная комиссия обкома. Она называет это дело «делом Сагита», но я бы квалифицировал его и как «дело Кольбаева».

Алмасбек говорил с гневом, пожалуй, еще большим, чем тогда, когда в Баба-Ате шла речь об Алуа.

— Большая и горькая правда, товарищи, в том, что женщины на юге у нас на глазах до сих пор подвергаются насилию и обидам, страдают из-за унизительных и бесчеловечных обычаев прошлого. Отовсюду мы слышим о постыдных фактах подобного рода, возмущаемся, шумим... Не входит ли у нас это в привычку? Вопрос, как видите, давно назревший и даже перезревший. А вот Кольбаев, судя по его делам, иного мнения. Боюсь, что хозяйственные успехи и звезда Героя привели его в состояние ослепления, лишили зоркости.

Затем Карпов представил присутствующим Асию и дал ей слово.

Асия легким быстрым шагом взошла на трибуну.

Она была миловидна и женственна. В ее облике ощущались мягкость и сдержанность. Время от времени она подносила к близоруким глазам маленькую записную книжку. Но в речи ее были деловитость и сила, ни тени женской чувствительности.

— Не могу скрыть от вас, — говорила она, — атмосфера в районе тяжелая. Душно, товарищи, у Кольбаева! Недаром все, с кем бы я ни встречалась, апеллировали к моей партийной совести. Ну, прокурор Саматов не только понять, но и слушать меня не захотел. Более того, разгневался, вы сами понимаете, на что — на мой слабый пол. (В зале одобрительно засмеялись.) Я пошла в райком партии. Мухита Кольбаева уважают не только в своей области, во всем Казахстане. Уважала и я. Но, оказывается, мало мы его знаем! Он не подумал о высшем

достоинстве коммуниста, поддался ложной низкопробной амбиции, принялся защищать честь мундира. «Как это, мол, приезжая, да еще женщина, без прямых полномочий осмеливается меня учить!» Я спрашивала себя, — иронически заметила Асия, — а может быть, человек попросту утомился в повседневной текучке?.. Так походя и запамятовал о своей партийности...

Алмасбек и Асия задали тон. Товарищи из разных районов просили слова.

Говорили о беспринципной, отвратительной семейственности, которая заражает подчас районных руководителей. С чего она начинается? С безобидных вещей: люди ходят друг к другу в гости, вместе выезжают на охоту... И, между прочим, играют в преферанс. Картежная игра стала бичом и бедой в районах.

Секретарь горкома Сидоркин говорил, что встречи за картами нередки и в Баскенте. Они много чаще, чем на стадионе или в театре. У Кольбаева судья, прокурор, начальник СМУ Бейсен каждый свободный час проводили за преферансом. Сам товарищ Кольбаев садился с ними четвертым. Собравшись келейно за преферансом и бешбармаком, они и решали между собой важные дела. Такова типичная картина бешбармашничанья: закусишь, выпьешь, покидаешь картишки, а там уж и смотришь сквозь пальцы, мирволишь своим собутыльникам, защищаешь их от критики.

Ожидали выступления Кольбаева. И он выступил. Он признал, что встречался с прокурором, судьей, Бейсеном за карточным столом. Да, было... А что ж тут особенного? Кольбаев спокойно смотрел прямо в зал, не склоняя своей коротко остриженной круглой головы. Его речь лилась плавно, непринужденно.

— Эти люди не с улицы — ответственные работники, проверенные товарищи. Вот, говорят, играть в карты нехорошо. Все говорят. Но ведь играют! А почему? Да потому, что нет у нас ни театра, ни филармонии, ни лекций, ни концертов. Областным работникам, конечно, трудно нашего брата понять...

Но при всем сказанном Кольбаев не такой человек, чтобы променять на карты партийную честь или допустить самомалейший урон государственным интересам в руководимом им районе! Критика вещь хорошая, но пусть товарищи думают, о чем и о ком говорят.

По делу Сагита скажу прямо; не могу я делать все своими руками. На это есть люди... Я с прокурором разговаривал и строго напомнил об указаниях партии и правительства. Этого и комиссия из области не отрицает, в материалах комиссии об этом сказано недвусмысленно. Так что мы не только в карты играли. Допускаю, была судебная ошибка...

— Не ошибка, а преступление! — перебил Кольбаева из президиума Султанов. — Областной суд по кассационной жалобе решил пересмотреть дело.

— Да? — Кольбаев высоко поднял брови. — Что ж, очень правильное решение. Если имеются преступники, кроме Сагита, и они получат по заслугам. Надо думать, что так, — закончил Кольбаев, уверенный, что сам он оправдался.

Был объявлен перерыв. В буфете за айраном, чаем, бутербродами коммунисты продолжали разговор, начатый в зале заседания. Говорили, что и в Алма-Ате иные ответственные работники, специалисты, ученые, актеры не поднимают головы от карточного стола.

Сидоркин, смеясь, сказал:

— Небось они тоже, как наш Кольбаев, жалуются, что скучно после работы. Им и в столице культуры не достает.

Секретарь Кировского райкома Турымбетов заметил:

— Этим и в Москве некуда деться. Засядут в гостинице и играют с утра до ночи. Уж играли бы в поездах— долго ехать. Так они и в самолетах и даже в автомобилях режутся в железку как одержимые.

Тем временем приятель Кольбаева, директор совхоза, вполголоса подбадривал его: хоть и взялись крепко, критиковали остро, тем и обойдется. Предупредят, и все.

— Ничего тебе не будет. Захотят виновных наказать, найдут кого. А от слов никакая болячка не прилепится. Молодец, в панику не ударился. Хорошо говорил, убедительно.

После перерыва Карпов подытожил прения.

Он начал с того, что вспомнил страшную историю Алуа. О ней здесь слышали многие... А вот нынешняя практика, с которой Карпов столкнулся лично: охапка жалоб в Узакском районе, целый водоворот кляуз и семейных раздоров, затяжная тяжба из-за молодой образованной девушки, которая не захотела подчиниться замшелым обычаям. Как известно, эти раздоры имели тяжелые

последствия, они стали одной из причин массового падежа скота в совхозе «Конекент». Дальше — чудовищный случай в районе Кольбаева... Этот случай вновь зовет партийную организацию области: спешите на помощь женщине.

— За последние десять лет, — говорил Карпов, — количество девушек нашей области, учащихся в вузах, и без того ничтожное, не выросло ни на одну единицу. Почему? На этот вопрос отвечают трагедия Айслу и трагикомедия «Конекента»...

Бюро и актив слушали первого секретаря с напряженным и пристрастным интересом. Основываясь на многих фактах, он делал важные обобщения и тут же строил программу практических действий, в которой ничто не было забыто: ни большая политика, ни такие «мелочи» и подробности, как детские ясли и образцовые общежития для учащихся девушек, молодых работниц. Умел Карпов и в частном факте увидеть сокровенный смысл и ненавязчиво, но настойчиво, по-деловому учил этому умению товарищей.

Кольбаеву он сказал с невеселым вздохом:

— Уж лучше бы ты промолчал, товарищ Мухит. Попросил бы часок времени подумать, что ли...

Приятель Кольбаева со скорбным видом склонился к его уху и шепнул: «Строгач...»

— В заключение реплика товарищу Сидоркину, — продолжал Карпов. — Он употребил тут забавное словечко: бешбармашничать.

В зале задвигались, оживились. Карпов намеренно повторил это нескладное слово несколько раз, то нараспев, то скороговоркой. Он словно пробовал его на слух и так и этак...

— Товарищи... Бешбармак — казахское национальное блюдо. Его вкус знает каждый из нас. Я в доме чабана, в гостях, ел его с большим удовольствием. И хочу спросить: нужно ли превращать это слово в ругательное, постыдное, уничижительное, как это сделал товарищ Сидоркин? Тогда узбеков и таджиков можно обвинить в том, что они пловничают, азербайджанцев, армян и грузин, что они шашлычничают, а украинцев, что галушничают? Разве плов, шашлык и галушки идейно выдержаннее, чем бешбармак? Или он, бедняга, хуже других блюд? Я бы все же предпочел и считал бы правильнее называть вещи своими именами: карты — картами, а пьянство — пьянством!

Собрание ответило оратору смехом и шумными аплодисментами. Аплодировали Карпову долго, подчеркивая этим, что почувствовали его чуткость к национальному достоинству казаха.

Бюро обкома единогласным решением сняло с работы и исключило из партии всю четверку: судью Бекбаева, прокурора Саматова, начальника СМУ Бейсена и председателя райпотребсоюза Абильмажина. Секретарю райкома Кольбаеву бюро объявило строгий выговор. Вопрос о его пребывании на посту секретаря был оставлен до пленума райкома.

После бюро Жакен вместе с Асией зашли в кабинет Карпова.

Асия возмущалась речью Кольбаева и его болтовней в перерыве в буфете. Повернулся же язык у человека повторить подлую версию о том, что Сагит любил Айслу!

— Нашел любовь... Сагит — жертва любви...

И вдруг Жакен засмеялся басисто и раскатисто, сотрясаясь всем своим грузным телом. Яркие, лучистые его глаза сощурились.

— А что вы думаете? И любовь! И жертва любви! — неожиданно проговорил он. — Вы знаете, в этом году в зоопарке я случайно увидел, прошу прощения у дамы, как справлял свои естественные надобности лев. Это было, разумеется, не слишком привлекательное зрелище и вместе с тем, представьте, величественное... Когда заговорили о любви Сагита, я вспомнил об этом случае. Вы спросите, почему? И вправду, почему? — повторил Жакен, поочередно глядя то на Карпова, то на Асию помолодевшими, озорными глазами. — А потому, друзья мои, что лев... он и оправляться будет по-львиному. А скотина... она и любит по-скотски! Засим, Нил Петрович, и вы, Асия, примите мою сердечную благодарность и позвольте мне отнести мои старые кости хотя бы на гостиничный диван. И зачем я сюда приехал, сам не знаю...

Карпов, смеясь, долго тряс руку Жакена.

— Ради одного этого афоризма, уважаемый доктор, вам стоило приехать.

Примерно через неделю состоялся суд. Сагит был приговорен к смертной казни, которая была заменена пятнадцатью годами тюремного заключения.

Старый Танат привез из Баскепта письмо.

«Нурбубу, сестра, и сестрица Айслу, — писала Асия. — Жакен и я шлем вам свои приветы. Все мы, ваши друзья, говорим теперь: пора вам поднять головы.

Ты, Айслу, отныне станешь для матери и дочерью и сыном. Сама наберись мужества и придай мужества ей. Во имя светлой памяти героя Отечественной войны, твоего отца, во имя чистой памяти брата ты должна быть крепкой, сильной, настоящим гражданином нашего общества. Я обращаюсь к твоей совести, ясному уму, горячему сердцу: учись. Это наказ тебе и от дяди Жакена. Сообщи мне, какой институт ты избираешь.

И будет плакать и отчаиваться. Не терзай своего сердца понапрасну. Вся твоя жизнь впереди. Все пути тебе открыты. Оглянись на себя: ты молода, прекрасна душой и телом. Ты умная и волевая девушка. И ты возьмешь от жизни свою законную долю, завоюешь себе достойное место среди людей, которые вправе тобою гордиться, сестричка милая.

Да будет светлым твое будущее, да сбудутся твои высокие мечты! Этого я желаю тебе и твоей матери от всего сердца.

Крепко целую тебя и сестру Нурбубу. Ваша Асия».

1959—1961

ПЬЕСЫ

ЕНЛИК И КЕБЕК

Трагедия в трех актах, пяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кебек, молодой батыр из рода тобыкты.
Енлик, девушка из рода найман, враждующего с родом тобыкты.
Есен, батыр из рода найман.
Еспембет, Жомарт } бии из рода найман.
Жапал, мальчик-пастух из рода найман.
Караменде, бий из племени, близкого роду тобыкты.
Кобей, бий.
Абыз, акын, старый мудрец, наставник рода тобыкты.
Кенгирбай (Кабекен), старший бий из рода тобыкты.
Кембай, человек из рода тобыкты.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Жилище Абыза. В мрачную юрту едва пробиваются солнечные лучи. Абыз сидит в тяжелом раздумье. В руках его кобыз.

Абыз. О песня-песня... «Тайные думы» — имя твое. О чем ты хочешь поведать, что мне делать велишь? Неутомимая жажда души, неутомимое стремление сердца... (*Усмехается горестно.*) Ах, бедняга! (*Прижавшись щекой к кобызу, поет, раскачиваясь, знаменитую песню Асана-Кайгы.*)

«Без гривы и без хвоста
Какая жизнь у осла?
Без рук и без ног — змея,
Скажи, как прожить могла?»

Ты был певцом горькой судьбы народа, Асан, а я, Нысан, откликаюсь тебе издалека...

«Передо мною мгла,
Кумай очертил мой круг.
От бед избавления нет, —
Одна лишь вражда вокруг.
Когда утешения нет, —
Как старцу в недуге жить?
Угасли костры любви, —
Как смогут супруги жить?
Победы в грядущем нет, —
Как воин тогда проживет?
Коль нет опоры ни в ком, —
Как проживет народ?»

Старое сердце мое отравлено. Подобно сумеркам, что застилают мглой вечереющие долы, превращает оно даже ласковый ветерок в дыхание льдов, цветущий луг — в гибельную трясину. Чует сердце: буря неотвратимо и грозно надвигается на мой несчастный народ. Уже готовы столкнуться белые и черные тучи, громоздящиеся на небесах. А народ, как дитя, беспечно играет огнем у каменного очага, разбрасывает угли, забавляется их блеском. Где же мудрость, страждущая за него? Где грозные батыры, закованные в доспехи, готовые биться за него? *(Снова перебирает струны кобыза.)*

Входят Кобей и Кембай и молча усаживаются на коврике.

(*Продолжает причитать.*)

«Без гривы и без хвоста
Какая жизнь у осла?
Без рук и без ног — змея,
Скажи, как прожить могла?»

(*Протяжно стонет, что-то бормочет скороговоркой.*)

«Как будет жить народ?»

(*Останавливается.*)

Это ты, Кобей, свет мой? Как поживают аулы рода твоего тобыкты? Здоров ли народ? Здоровы ли мужи ваши?

Кобей. Мужи здоровы, старец. Народ спокоен.

Кембай. Как ваше здоровье, благородный ага?

Абыз. О моем здоровье говорить ни к чему. Что может сделаться старому оленю, отставшему от своего

табуна и бредущему умирать в одиночестве? Лишь бы вы были здоровы.

Кембай. Давно не приходил к вам за советами. И вот не знаем: правильно ли живем, хорошо ли поступаем? Наставления ваши, мудрый старец, всегда были для нас опорой.

Абыз. Куда держите путь, дорогие?

Кобей. Бий вызывает.

Кембай. Едем к бию Кенгирбаю по одному спорному вопросу.

Абыз. А что слышно в народе нашем? Поведайте старику.

Кобей. Да в эти дни ничего не случилось такого, о чем стоило бы рассказать.

Абыз. Сын мой, для меня ведь нет ни свежих, ни старых новостей. Появился ли наконец стойкий бий, который был бы сведущ во всем и милосерден к народу? Родился ли в народе могучий батыр, которому любой враг по плечу?

Кембай. Абыз-ага хочет, наверное, узнать о таком сыне народа, который превзошел всех своим подвигом.

Кобей. Скажем, ага, скажем. И наш век не без добрых людей.

Абыз. Достигли вы наконец согласия со своими родичами — найманами? Ведь найманы, коли разговор зайдет о единстве, всегда пятятся назад, но зато, коль случиться раздору, вперед рвутся и даже за девяносто шуб на золотых куницах, за девяносто черных верблюдов мириться не хотят.

Кобей. Достигли, мудрый старец, достигли вполне.

Абыз (*не совсем доверчиво*). И что же это согласие? Прочно ли оно будет? Надолго успокоились или только временная у вас передышка? От души примирился с вами род найманов?

Кембай. О Абыз-ага! Надо вам знать правду: вначале слово найманов вздымалось неприступное, подобно горе, но постепенно таяло, таяло, пока не стало тоньше волоска.

Абыз. Вот чего я опасался! Ты хочешь сказать, что вы им не дали вздохнуть! Силой взяли?

Кобей. Зачем же силой? Отвага и изворотливость нашего бия усмирили их ярость.

Абыз. Значит, ярость-то все-таки была?

Кембай. Ярость их была подобна пожару, бушующему наперекор ливню. Но бий наш был ловок, и мы выстояли, не дрогнув сердцем, тогда стали пятиться найманы.

Абыз. Тот бий хорош, по моему разумению, который находит для народа своего не врагов, а друзей.

Кобей *(смеясь)*. Самое большое мужество — так поучал наш бий — не поддаваться угрозам. И мы убедились своими глазами в его правоте.

Абыз. Да, это было, должно быть, тяжелое испытание. Нашли вы достойный выход или нет — судить трудно. Говоришь, перехитрили найманов? Лучше скажи — загнали обиду вглубь. Может, вам только кажется, что вы победили? Нет, не вижу я спокойствия в будущем. И народ твой — казахи, и враги твои — казахи — вот в чем наша беда. Я так желал всегда увидеть казахов в единстве. А доведется ли? Не знаю. Пока, вижу я, уцелела одна только кучка. (*Вздохнул.*) Ну, хорошо, оставим это. Вы говорили о каком-то батыре? Истинный ли это герой?

Кобей. А почему бы и нет? Разве бывает народ без героя?

Абыз. Назови его имя.

Кобей. Его зовут Кебек.

Кембай. Да, Кебек. Этот не такой, как другие!

Абыз. Кого же он одолел? На кого поднял меч, на близких иль на врагов?

Кобей. На кого? Ну, понятно, на этих... найманов.

Абыз. Опять найманы? Значит, сила родства не признает?

Кембай. Да сопутствует ему счастье, благородный ага! В этих краях нет ему равного.

Кобей *(приподнято)*. Сила Кебека осадила первый порыв найманов, как ливень прибивает пыль. Он один дал бой пятнадцати отборным батырам, которые, подобно матерым волкам, рыскали впереди полчища найманов. И какой еще бой! Семерых сразу свалил в кучу, а остальных восемь обратил в бегство и долго преследовал по пятам. Тогда полчища врагов, оставшись без главарей, кинулись опрометью куда глаза глядят, как табун лошадей, на который в метельную ночь напала стая волков. И Кебек был везде! Пришлось найманам просить у нас мира. Хотели было прогнать нас с наших

земель, унизить, с грязью смешать, но (*смеется*), испробовав палки, тут же поумнели.

К е м б а й. Да, победа полная, благородный ага. Однако найманы поклялись, что не будут народом, если не вырастят такого же богатыря, как Кебек.

К о б е й. Верно! Кто-то из них сказал, что с радостью умрет в тот день, когда найдется батыр, который отомстит Кебеку. (*Прыснул.*) Один, однако, умер гораздо раньше: это батыр Кошек. Один из пятнадцати. Вернулся домой, занемог и вскоре околел с тоски.

Абыз печально поник. Оперся на свой кобыз.

А б ы з.

«Победы в будущем нет, —
Как воин тогда проживет?
Коль нет опоры ни в ком, —
Как проживет народ?..»

Кобей переглянулся с Кембаем — оба встают, кланяются Абызу.

К о б е й. Прощай, Абыз-ага!
К е м б а й. Прощай, благородный Абыз-ага!

Уходят.

А б ы з. Черный мор, именуемый раздором, — тебя не одолеть ничем! Просачивается в мое нутро, засасывает, как болотная трясина, и нет надежды, что день народа моего прояснится. (*Наигрывает на кобызе.*)

«Нет опоры ни в ком...
Как проживет народ?»

Входит Е с е н.

Кто ты, сын мой?

Е с е н. Аксакал! Дальний предок мой — найман, ближний — сыбан, мое имя — Есен. Народ называет меня батыр Есен.

А б ы з. Да вознесется счастье твое, сын мой!

Е с е н. Да сбудется слово ваше, отец!

А б ы з. Сын мой, по какому делу пришел ты ко мне?

Е с е н. Пришел я к тебе, старец, не как к старейшине малочисленного рода тобыкты, а как к мудрому Абызу, душа которого — всех казахов душа. Две тяжбы передо мной, два испытания. Чтобы первую тяжбу решить, нужны бесстрашное сердце и твердая рука. Чтобы

вторую решить — богом данное счастье. Вот и пришел я к тебе за благословением.

Абыз (*чуть помедлив*). По силам ли смертному твои затеи? Сам ли ввяжешься, других ли ввяжешь — пеняй тогда на себя... Ну, расскажи обо всем, посмотрим.

Есен. Мое первое испытание — единоборство с батыром, чья мощь велика. Ищу встречи с Кебеком — твоим сородичем. Хочу отомстить этому тобыктинцу. Мой сородич, батыр Кошек, умер, терзаясь от обиды, нанесенной ему Кебеком. Умирая, говорил он о мщении. Я поклялся ему! Но не хочу застать противника врасплох. Не уроню своей чести, иначе я не батыр буду. Помоги мне, старец, дай совет, благослови на битву. Второе испытание — испытание женского достоинства. Юная девушка из рода найман, невестка моего рода, пренебрегает братом моим и хочет уйти. Не тот я человек, чтобы позволить женщине уйти из нашего рода и породниться с чужим! Но, сказать правду, девушка хитра, как лиса, а я всего только... силен в бою. Я перед ней вроде желтого водяного беркута, который привык ловить рыбу, но не может схватить горную хищницу. Пойми меня, старец, помоги...

Абыз. Когда ты вошел ко мне, юнец, я подумал было, что ты и вправду батыр. Но теперь я вижу — ты просто аульный драчун. Не хвалю Кебека, но не одобряю и тебя. Ты говоришь о мести... Но где твои мысли о джунгарах, которые принесли твоему народу великое бедствие, — разве забудем мы про «актабан шубурунды», про те дни, когда беззащитные мирные люди бежали от врага через каменные горы и раскаленные пески белыми от ожогов стопами? Своими глазами видел я, как девяностопятилетний старец Анет, не будучи в силах бежать со своими сородичами, остался один на степном холме ожидать неминуемой смерти. Тело дорогого предка нашего осталось непогребенным. Разогнали, рассеяли людей наших жестокие враги — джунгары. Где же спасительное единство народа? Вот о чем надо думать! Найди Кебека, состязайся с ним в силе и ловкости, но раскрой ему глаза, соедини с его мечом свой меч — и ударьте вместе на общего врага. Если Кебек откажется от этого, тогда расправляйся с ним, тогда правда будет на твоей стороне. Но ты не видишь настоящих твоих врагов, ты ищешь их среди близких. Разве могу я назвать тебя орлом, который помышляет взлететь на вершину? Нет,

ты только бескрылый птенец, вприпрыжку резвящийся в низине.

Есен. О-о, довольно, старец... Дай передохнуть... Ты унизил меня так, как ни один смертный не унижал, но нет во мне злобы на тебя. Одна горечь. Сразил ты меня... Повержен в прах я перед тобой... (*Убегает.*)

Абыз (*перебирая струны*).

«Дурному преграды нет.
Предел ему — кто найдет?
Надвигается тьма.
Как проживет народ?
Надвигается тьма,
Солнцу с нами не быть.
Где ж светлоликий батыр?
Как одинокому жить?»

Входит Кебек. Выглядит он не как батыр, собравшийся на битву, а как нарядный юноша, едущий на праздник. Приветливо он выражает старцу свое уважение. Абыз восхищенно смотрит на стоящего перед ним гостя.

Счастье твое — сама высота!
Необычайна твоя красота.
Чей ты сын, восхитивший меня?

Кебек. Приветствую вас, дорогой отец!

Абыз. Будь здоров, свет мой, с чем пришел?

Кебек. Можно ли не таясь высказать все, что у меня в мыслях, благородный ага?

Абыз. Скажешь, сын мой, все скажешь. Но сначала ответь на мой вопрос: враг у тебя есть?

Кебек. Нет, не думаю... Из-за чего мне враждовать?.. Нет.

Абыз. Есть ли у тебя друг?

Кебек. Если вгляжусь в себя — весь мир мне друг. И ясное солнце друг, и темная ночь друг. Всему радуется душа! Однако нет у меня одного-единственного друга, к которому я прирос бы сердцем. Не осуждай, благородный ага: есть на свете очень много всяких вещей, которые любы мне. Люблю я песни, веселье, люблю охоту, зверей, птиц, милую свою люблю — так люблю, что огнем горю. Но где она? Кто она? Не встретил ее еще на своей тропе, не нашел, благородный ага! Предо мной только чудесные очи из черного пламени, глядят и будто взывают: «Ищи меня, найди меня!»

Абыз (*понимающе усмехнулся*). Да-да... Молодая душа жаждет своего чуда. Как прекрасна эта весна! Пусть бы молодость всегда была такой, как твоя... С благоухающим дыханием чистоты. Не Кебек ли ты? Скажи?

Кебек (*удивленно*). Разве вы слышали обо мне, благородный ага?

Абыз. Не говоришь о враге, жаждешь друга. Любуюсь я тобой! Но если будешь искать врага, ищи его вдалеке... Смотри в далекую даль!

Кебек. Да будет так, отец, выполню твой завет.

Абыз. Пусть мое желание сольется с твоим счастьем. Но впереди ждет тебя испытание, сын мой. Оно еще мерещится в далеком мираже, но вряд ли ты его минуешь. Что же ты найдешь, кого увидишь пред собой на трудном жизненном перевале? А роковая встреча неизбежна. Тревожусь я о тебе, сын мой, любимый сын! Нет силы, которая удержала бы тебя, увлечешься обманчивой красотой, пойдешь слепо за жарким своим сердцем. Вот чего боюсь я, вот о чем печалюсь...

Кебек. Будь что будет. Пусть раскроется мое счастье, благородный отец... Благослови меня, мудрый, открой мне путь!

Абыз (*наклонясь к своему кобызу*).

Воспой его чистоту!
Воздай ему славу и честь,
К счастью лицо оберни,
Пусть мимо пройдет месть.
Гибель, как черную ночь,
Пускай несет на врага,
Солнечное тепло —
На дружеские берега.
Дай чистому честный путь,
Оградой в пути ему будь!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Горы. Утес. Пастух Жапал, перескакивая с валуна на валун, оглядывает свое стадо.

Жапал (*поет*).

Шек-шек, шек-шек, шегепек!
Ягненок мой! Барашек ты мой!
Волка увидишь —

Станешь хромой,
Травку завидишь —
Резвишься опять,
Будто бы ног у тебя целых пять!
Какой ты жирненький! Как хорош!
Кош-кош! Кош-кош!
Шек-шек, шек-шек, шегенек!
Козлики! Вы — сама красота!
Бабочки вы среди скота.
То взлетаете
На валун,
То вскипаете,
Как бурун,
Нет спокойствия в вашем теле,
Чтоб вы околели!

Взобравшись на высокий камень, окидывает взором долину.

Чингис! Черные камни Чингиса! Справа Чингис, слева Чингис. Там Чингис... *(Указывает рукой.)* Тут Чингис... Постой-постой, что такое? Откуда эта тонкая струйка дыма? Нет, не дым. А? Взметнулось облачко пыли. Еще, еще. Опять! Опять нашествие? Схватка? Набег? Резня? Бедный Чингис. Сколько ужасного видел ты на своих холмах! Опять сошлись батыры? Зачем? Неужели и у батыров есть несбыточные желания? *(Глядит вдаль, но затем успокаивается.)* Батыр... Разве из такого чабана, как я, выйдет батыр? Не выйдет. *(Погружается в мечты.)* Вот подо мной горячий белый скакун, в руке черная булава — шокпар. Вдруг вижу: тьма тобыктинцев! Все табунщики всполошились. Но те, что поумней, успокаивают: «Э, не пугайтесь — ведь у нас есть Жапал. Грозный батыр Жапал. Жапал-ага!» Ну, я, конечно, выезжаю в поле. Ночь. Надо мной созвездие Уркер. Вокруг меня табуны, табуны, среди них мой белый скакун красуется, как луна среди темных туч. И тобыктинцы хлынули на меня. (*Соскочил с камня.*) Эй, Жапал-ага, мчись на врагов сам! (*Нахлестывая себя нагайкой, скачет вокруг камня и возбужденно кричит.*) Назад, злодеи! Насильники, назад! Прочь! Прочь!

Вдруг из-за другого валуна выбегает Енлик и накидывается на пастуха.

Енлик. Бей его! Бей!

Жапал от неожиданности шарахнулся в сторону, споткнулся, упал.

Жапал (*зажмурясь*). Ой-бой, не тронь!

Енлик. Вот так батыр! (*Хохочет.*)

Жапал (*приоткрыв один глаз, увидев девушку*). Э-э, ты думаешь, я испугался? Нашла трусишку...

Енлик. А почему ж ты прижался к камню, лежишь, как черепаха?

Жапал. Прижался? Зачем прижался? Ну да, прижался. Но это же военная хитрость! Я скачу, припав к гриве коня, чтобы вражья стрела пролетела над головой.

Енлик. Эх ты, батыр мой! Старики говорят: увидев зайца, не рассчитывай на пир. Не быть нам с тобой батырами, дорогой мой Жапал.

Жапал. А чем же плохо быть батыром?

Енлик. Я не сказала «плохо». Но не всякому им быть.

Жапал. А ведь ты могла бы стать батыром, Енлик-апа. Но что говорить? Кто уплатил калым, тот хозяин всему. (*Изображает плачущую Енлик, поет.*)

Дом покидая, плачу я,
Слезы-алмазы трачу я.
Пышное белое платье на мне
Светится, как туман при луне.
Но на отца обижена я...

Да и как же не обижаться мне, разве не могла бы я еще хоть два-три месяца пожить дома? Вот и все! Ах, апа, жаль мне тебя: выйдешь замуж за никудышного.

Енлик. Не хочешь, чтобы я за такого вышла?

Жапал. За плохого не хочу. Только за батыра согласен. Или сама стань батыром. Как ты стреляешь из лука! Как на коне скачешь! А твоя смелость?! Нет, или иди в батыры, или выходи за самого могучего.

Енлик. А где же я такого найду, душа моя?

Жапал. Э, разве нет такого? Есть такой. В нашем краю — есть!

Енлик (*с упреком*). Опять о Есене хочешь говорить?

Жапал. Зачем о Есене?

Енлик. Тогда о ком же?

Жапал. Ты разве не слышала про Кебека? (*Тут же спохватился.*) Нет-нет. Хотя Кебек батыр из батыров, но ведь он тобыктинец!

Енлик. Ах, вот что! Но разве от этого он перестал быть батыром?

Жапал. Кто говорит — «перестал»? Он, конечно, батыр. Благородство его равняется уму, а ум — славе. Но раз он из рода тобыкты, то кто же позволит тебе выйти за него замуж?

Енлик. Слышала я о нем. Много слышала. Все хвалят. А вот видеть не пришлось.

Жапал. И не надо тебе его видеть. Зачем? А вдруг влюбишься — что тогда?

Енлик *(в задумчивости отошла в сторону, поет).*

Джигит, легко меня понять:
Есть у меня отец и мать,
Но нет ни братьев, ни сестер.
Одна я, как в степи костер,
Одна, как ива у реки, —
Лишь мною дышат старики.

(Уходит.)

Жапал (*глядит с камня*). Кто это? Всадник! Ну, конечно, Есен. Как только в горах раздается песня Енлик, он тут как тут. Ну, хорошо же, приятель, подожди! (*Прячется за камень, поет, подражая голосу Енлик.*)

Вскоре появляется Есен. Он приближается осторожно, неуклюже пробирается к камню, из-за которого незаметно выглядывает Жапал.

Есен *(обходя камень).* Енлик! Выходи! Все равно парящий в небе орел сразу заметит, когда меж камней промелькнет красивая лисица... Енлик! Покажись! Это я, Есен. *(Ушел за камень.)*

Жапал, продолжая петь, выходит из-за валуна.

Жапал. Совсем помешался... Растаял... (*Исчезает.*)

Есен (*появляется*). Енлик! Не балуйся, Енлик! Не убегай от меня, милая! Енлик! Енлик-жан! (*Скрывается за камнем.*)

Появляется Жапал.

Жапал. Как пес, преследующий зайца... Пока не выдохнешься, не увидишь. (*Исчезает.*)

Есен появляется снова.

Есен. Эй, Енлик! Говорю тебе, не убегай от меня. Не убегай, дорогая, не мучай... Енлик!

Молчание.

Балуешься? Ну, это хорошпй признак.

Снова слышна песня.

Эй, хватит! Я начинаю сердиться! Хватит, Енлик-жан! Покажись. Покажись наконец! (*Сбрасывает верхнюю одежду, бросается вперед.*) Енлик!

Жапал, распевая песню, забирает его одежду и снова прячется за валун.

(*Снова появляется, измученный.*) Колдовство! Нечистая сила! Может быть, сам шайтан! Эй, Енлик! (*Бросается вперед и схватывает Жапала.*) Сладкая моя! Сладкая, как мед!

Жапал. Ой, не укуси!

Есен. Это ты? Тьфу! Проклятый... Ты что тут бродишь, сосунок?

Жапал. Овец пасу, да.

Есен. А-а... Овцы... Овец пасешь... Скажи, мальчик, а девушку ты тут не видал?

Жапал. Какую девушку?

Есен. Какую-какую! Ну ту, что песенку пела.

Жапал. Никто никакой песенки не пел.

Есен. Но я ведь слышал! Своими ушами слышал!

Жапал (*глядя на него с притворным сожалением*). А-а... Это бывает.

Есен (*крякнув*). Значит, никого не было?

Жапал. Не было.

Есен. И этой... Енлик тоже не было?

Жапал. Вот как раз Енлик-жан тут и не было.

Есен. А ты про нее что-нибудь слышал?

Жапал. Как не слыхать? Мир слышал, ну и я тоже.

Есен. И что же? Хороша?

Жапал. Хороша.

Есен. И умна?

Жапал. Умна.

Есен. Обходительна?

Жапал. Обходительна.

Есен. Ах, чтоб тебе лопнуть, говоришь — будто хромую овцу гонишь. Рассказывай: вежлива она?

Жапал. Не знаю.

Есен. Дурная слава за ней не ходит?

Жапал. Не знаю.

Есен. Ах, чтоб тебя разорвало, разузнай, если не знаешь! Последи. Понял? Последи, я тебя озолочу. Не-

заметно следи за каждым ее шагом. Озолочу, сказал. Понятно?

Жапал. Попробую. Да вот она идет.

Есен растерялся.

Есен. Ой, скверный мальчишка, чтоб тебе вспухнуть, смотри не передавай девушке того, что я тебе говорил.

Входит Енлик.

Енлик-жан... Милая Енлик! Любуюсь тобой... Любуюсь... Ничего не могу с собой сделать.

Енлик. Ты все о том же, батыр? (*Смеется.*)

Есен. О том же, Енлик, все о том же. О чем же еще? Не отвергай меня! Будь благосклонна! Откройся мне! Ничего не таи! Откройся!

Енлик отчужденно молчит.

Почему молчишь... Говори, прошу тебя.

Енлик. «Откройся»... Как будто у меня есть что тебе сказать. Что я тебе скажу?

Есен (*сурово*). Это пренебрежение или насмешка? Сколько женихов из рода найман обмануть хочешь? Твой обман даром не пройдет. Как-никак, а ведь я батыр!

Енлик. Зачем мне твое батырство, когда ты — байбак. Тебя каждый дурень обманет.

Есен. Чего ты хочешь от меня? Говори прямо.

Енлик. Я женщина. Силой меня не смягчишь. Со мной нужна обходительность, красноречие. Сначала сам скажи, чего ты хочешь, байбак-батыр.

Есен (*смягчаясь*). Енлик-жан! Твои уловки для меня опаснее, чем стрела, пущенная в грудь. Если хочешь покинуть нареченного, не покидай хотя бы рода, не оскорбляй духа предков! Не хочешь моего младшего брата — ладно, выходи за меня. Я обожаю тебя! Что ты на это ответишь?

Енлик. Отвечу, что ничего еще не сказала о младшем брате. А ты уже все решил сам. Отбить хочешь?

Есен (*мрачно*). Если выйдешь за нареченного твоими и моими родителями младшего брата моего — выходи. Мешать не стану. Замолкну. Но если его отвергнешь — тогда никто не будет иметь прав на тебя, кроме его старшего брата. Моей будешь, Енлик!

Енлик. Ну, это покажет время. А пока, Есен, будь терпелив.

Есен. «Терпение, терпение»... Не требуй от меня терпения в день твоего коварства. Отныне я буду следить за каждым твоим шагом. Если обманешь — не жди пощады!

Жапал (*подражая голосу Есена, вышучивает его*). «Енлик-жан, милая Енлик-жан. Говори же, что любишь меня, ну, скажи, ведь калым уплачен!»

Есен. Ах, чтоб тебя раздуло, дрянь-мальчишка! *(Девушке.)* Енлик, я ухожу! Не забывай моих слов!

Жапал. Не забуду! Не забуду! Но из страха твоей женой не стану!

Есен. Тьфу, шайтаненок! (*Ушел.*)

Жапал. Смешной человек Есен-ага. Но надо и то сказать, что во всем роде найман нет батыра храбрее.

Енлик. Приучить к нему хочешь?

Жапал. Но ведь ты и сама не захочешь в девках сидеть до старости. Знаешь ведь: к старой деве уважения нет.

Енлик. Советуешь выйти за никудышного?

Жапал. Ой-бой, не говорю я этого, сестрица! Но Есен все-таки.

Енлик (*грустно запела*).

Ночью в небе после гроз
Блещут звезды, что огни;
В сердце много тайных грез,
Но исполнятся ль они?
Мир огромен и велик,
Нет в нем счастья для Енлик...

За сценой громкий топот. Енлик прервала песню.

Жапал. Неужели враг? (*Взбегает на камень.*) Эй, охотник! Вон, вон твой олень! Туда поскакал!

Енлик (*взбежала на камень, стоит рядом с Жапалом*). Эх, промахнулся! Вот как надо стрелять. (*Пустила стрелу.*) Вот!

Издалека голос: «Не стреляй!»

Жапал. Упал! Кувырком полетел... Ого, сестрица! Кто превзойдет тебя?

Кебек (*вбежав*). Кто стрелял? (*Глядит на Енлик, одетую по-мужски.*) Это ты, мальчик, стрелял? Зачем стрелял?

Енлик. Я дважды, как ты, мирза, не стреляю. Если есть у тебя еще олененок — покажи. (*Смеется.*) Жапал! Принеси олененка и подари его этому славному стрелку.

Жапал убегает.

Кебек (*смущенно*). Зачем же мне? Ты убил зверя — ты и бери.

Енлик. Зачем же я? Преследовал ты — значит, твое и право. А я от нечего делать пустил одну стрелу на ветер.

Жапал вносит олененка.

Кебек. Молодой мирза! Я не вправе брать. Выстрел-то был твой! А кроме того, и олень с твоей земли.

Жапал. Оказывается, он тобыктинец...

Енлик. Мирза! Бегущая дичь принадлежит не хозяину земли, а тому, кто ее настиг. К тому же мы с тобой не матерые батыры, которые гарцуют на конях и размахивают пиками. Это они, найманцы и тобыктинцы, из-за пучка травы и глотка воды готовы друг другу перегрызть горло.

Кебек (*удивленно*). Ого, душа моя, кто же ты? Какие колючие слова!

Жапал. А сам он кто? Спроси его. Ну!

Енлик. По обычаю, сначала путник говорит, кто он.

Кебек. Верно. Свет мой, ты меня зажал со всех сторон. Отвечу, как велит обычай: я — из рода тобыкты. Имя мое — Кебек.

Жапал. Кебек? Енлик-жан, ведь это батыр Кебек, да?

Кебек. Енлик?.. Много слышал о тебе, сверстница моя.

Енлик. Я тоже знала вас, еще с вами не встретясь.

Кебек. То-то мне показалось, что ты для мужчины слишком обходительна, а для мальчика слишком мудра. (*Берет у Жапала олененка и кладет перед Енлик.*) Да будут этому олененку на том свете самые сочные травы и самые чистые ключи: он познакомил нас, прекрасная Енлик. Счастлив, что увидел тебя! Не обессудь, прощай!

Енлик. И я рада встрече, батыр. Только зачем же нам расставаться, как случайным встречным. Будь моим почетным гостем. Прошу тебя в мой дом! Там отведаем

мяса этого олененка. Пусть пища будет вкусна, как и беседа хозяина!

Кебек. Повсюду последую за тобой, Енлик-жан! Не забуду этого счастливого дня.

Енлик (*смеясь*). Батыр, не торопись. Всякая встреченная в горах девушка волнует. Однако смотри, не пришлось бы потом пожалеть о словах, что вырвались сгоряча.

Кебек. Каждое слово твое — золото. Нет силы с тобой спорить. И нет сил скрывать загоревшуюся мечту. Одно скажу: не знаю, как жил я до этого дня!

Енлик. Еще раз прошу терпения у батыра. Пожалуй в мой дом. Будь почетным гостем! Если ты действительно Кебек, то у меня тоже есть что сказать тебе, батыр. Я хочу рассказать о себе, о своей тоске-печали. Пойдем!

Ходят, беседуя, вокруг скалы.

Кебек (*появляясь вместе с Енлик*). Это правда, Енлик-жан? Однажды мы с Есеном уже померялись силой. Придется, видно, встретиться снова. Если он хочет бороться за тебя, Енлик, почему не принять вызов и мне! Я тебя испытал в беседе. Разве не подсказало мне сердце с первого взгляда, что я нашел свою звезду? Душа моя, Енлик! За тебя готов отдать жизнь!

Смеркается. На небе появляется одинокая яркая звезда.

Енлик. Батыр мой! Рану сердца своего скрывала я от всего мира — от утренней зари и до закатной. Только этому безмолвному камню поведала свою печаль.

Кебек. Пусть говорит этот камень! Пусть отдаст он эху все слова твои, Енлик: никогда больше не будет у тебя печали.

Енлик. Пойдем же, милый! Одно желание было в короткой моей жизни. Пусть эта одинокая звезда станет звездой моего счастья, пусть укажет нам путь.

Уходят.

Жапал. Камень! Ты слышал? Каждый день тоска ее была обращена к тебе. Пошли же и мне тонкобровую, пышноволосую, тонкобровую, пышноволосую... Пошли! Ну, что тебе стоит?..

Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Тот же утес. Вдали снежные хребты гор. Доносится песня Енлик

Любимого едва увидит глаз,
Как вся душа уже огнем зажглась,
И кажется павлином целый мир.
Скажи, утес: пришел ли мой батыр?
Сегодня день прихода твоего.
Ты для любимой словно волшебство,
Ты будто солнце полночей моих...
О, хоть бы голос услыхать на миг!
Мои желанья мечутся в бреду.
Я жду тебя, я жду тебя, я жду!
Так ждет роса прикосновенья дня.
Отец и мать! Простите ли меня?

Входит Жапал. Видит корджун Енлик.

Жапал. Что это? Переметная сума? А внутри платья, браслеты, перстни... Неужели это она Кебеку сшила такой наряд? Ай-ай, что за чудеса! Ах, какое счастье для джигита, если его любит такая... Самая лучшая раскрасавица! Брови тонкие... Лицо как луна... Стан как туман над озером... Э, но какая тонкобровая станет томиться по какому-то пастушонку?

Молчание.

А вот, пожалуй, как подумаешь, послушаешь сказки... Там на каждом шагу какой-нибудь жалкий пеший замухрышка вроде меня берет за себя неземную красу! Царевну! А? (*Замечтался.*) А что же? Если говорить о горах, то в них всегда есть что-то как будто заколдованное. Тут может статься и так, что найдешь, скажем, валун вроде этого. Перевернешь его, а под ним самая настоящая дверь с кольцом. *(Переворачивает камень.)* Дернул его, открыл дверь — и перед тобой, о силы небесные! — настоящее подземное царство. Ну конечно, вошел туда ваш ага (так он теперь себя называет), идет из палаты в палату, минует прекрасные покои, вон уже четыре прошел, пять прошел, шесть прошел — и вдруг растворились серебряные ворота, и там... навстречу... сама — и ясный месяц, и красное солнце! Говорит: «Жапал! Наконец-то ты явился, мой любимый!» И кто же это оказывается? Ну конечно, красавица,

да будут счастливы ее дни. Подошла, как Енлик, положила свою белоснежную ручку на плечо бедному вашему ага...

Входит Енлик.

Она! Я ж говорил — она! *(Вдруг встрепенулся, точно стряхнув с себя сон.)* Ну да... Она... Что такое, Енлик-жан?

Енлик. О благословенный утренний час! Приведи сюда желанного, возлюбленного моего! Тоска моя снедает меня, а слез больше нет. *(Вдруг видит Есена, притаившегося у камня.)* Есен? Какое мрачное предзнаменование.

Есен. Баловница! Что стоишь ты одна на голом утесе? Пусть вытекут мои глаза, ибо я вижу тебя одну, без сверстников. Дикой выросла ты в горах Чингиса. *(Поет.)*

Резвишься ты, как весенний заяц,
Пляшешь, танцуешь, земли не касаясь.
Кому же ты, девушка, знак подаешь?
Как рог перед боем, кого зовешь?

Енлик *(освоившись со своим смятением).*

Что мне, лазутчик, ответить на это?
Нет у меня для тебя ответа.
В горах ты обнюхал каждую пядь,
Но я даже в шутку не стану лгать.

Есен *(приближаясь).* Слушай, Енлик! Хватит обманывать. Неужели за свою простоту и доверчивость я получил в награду только это? Что замышляешь, скажи прямо!

Енлик. О чем хочешь у меня выпытать? Сам скажи сначала, что знаешь.

Есен. Не хитри, лисица. Думаешь, меня легко обмануть? В неделю раз приходишь сюда. Кого ждешь? Скажи?

Енлик *(усмехаясь).* Батыр! Полправды сказал ты: что следишь — это верно, но что раз в неделю прихожу я сюда — неверно. Не в неделю раз, а каждый день прихожу. Что же ты видел, если так? Скажи сам!

Есен *(смущенно).* Не сам я следил.

Енлик. О, это уже хорошо. Тогда спроси у того, кого подкупил, что он видел?

Есен. Не увиливай! Правду говори! Видели приходившего к тебе, куда его скроешь?

Енлик. К этому камню приходит и уходит много народу. Если так, запрети людям ходить в горы Чингис, ты

ведь батыр. Видела я охотника за дичью, воина, преследующего врага, хозяина, ищущего потерянный скот. Видела и тебя, идущего за девушкой по пятам, как за ланью барс. Пусть обо всем этом расскажет тебе твой человек, приставленный ко мне.

Есен *(начиная верить)*. Нет, ты все-таки кого-то ждешь.

Енлик смеется.

Енлик-жан! Скажи правду. Не мучай. Если кого избрало твое сердце, — скажи, откройся! — тогда я уйду в свою берлогу.

Енлик *(смеясь, взяла малахай Есена)*. Батыр, не будь нетерпеливым. Ведь я женщина — зачем унижаешься передо мной?

Есен *(восхищенно)*. Енлик-жан, твой ум высок, как высокая гора. Скажи любые слова — пусть я буду сражен, унижен, только дай уйти с надеждой.

Енлик. Батыр, успокойся. Приходи сюда через три дня. Услышишь ответ мой. А теперь уходи. Уходи скорей — ведь твой человек может оклеветать и нас с тобой.

Есен. Э! Пусть болтает! Никому не поверю — верю только тебе. (*Собирается уходить, но вдруг задержался.*) Слушай, Енлик! Сердце мое изболелось по тебе, оно твое до смерти, но насмешки оно не потерпит. *(Угрожающе.)* Не забывай этого, Енлик! *(Вдруг видит подымающегося к ним Кебека.)* Кто это, Енлик?

Кебек. Кто это, Енлик?

Енлик. Сначала познакомлю родича с чужаком: это мой деверь Есен-батыр.

Кебек. Есен?!

Енлик. А этого джигита я однажды видела, когда он охотился за дичью: если не забыла — имя его Кебек.

Есен. Кебек? Кебек...

Енлик. Вы что опешили? Неужели я, девушка, должна учить вас, как надо себя вести? Хотя вы сыны враждующих родов, вежливость обязательна для вас обоих.

Кебек. Девушка права. *(С полупоклоном.)* Преследуя дичь и неожиданно увидев перед собой красавицу и джигита, я был так поражен, что подумал — не сон ли это? Оказывается, вы — родичи. Где бы вы ни встретились, нет на то суда...

Енлик. Есен! А ты что скажешь? Этот человек поражен, что видит нас вместе.

Есен. А что мне людская молва? Не собираюсь держать ответ перед каждым встречным!

Кебек. Говорят, один из признаков батырства — чванливость. Других твоих доблестей не знаю, но если дело в чванстве, то ты самый большой батыр на земле.

Есен. Эй, ты! Не задевай меня. Если хочешь выдержать испытание перед девушкой, будь обходительным. Меня-то Енлик давно испытала.

Кебек *(глядя на Енлик)*. Тебе лучше знать. Невестка, приходящая на свидание за пригорок, наверное, знает тайны своего деверя.

Енлик легко вскрикнула.

Есен. Придержи язык! На ссору идешь?

Кебек. Если даже иду, что сделаешь ты со мной? Угроза без исполнения равна позору. Ну-ка! Покажи еще свой гнев. Поиграй его пламенем!

Есен. Хватит! Я покажу тебе, как привязываться! Если ты ищешь меня, то и я тебя долго искал. Выходи на бой!

Кебек. Вот это дело. Герой познается в битве. Перед невесткой похвалиться хочешь? Пятки небу показать хочешь? *(Готовится к поединку.)*

Енлик. Остановитесь, джигиты! Если мне, женщине, не примирить вас, то кому же?

Кебек *(гневно)*. Ты человек его стороны. Некому нас мирить! Если же мы оба равны в твоих глазах — скажи открыто.

Енлик. Не прыгай через костер, джигит. Ничего не случилось такого, чтобы ты мог заблудиться. *(Шепотом Есену.)* Зачем ты с ним ссоришься? Ведь он чужак! Злорадствует. Про меня пойдет худая слава.

Кебек. Что же это за перемирие, когда ты с ним шепчешься? Если хочешь быть посредником — говори открыто.

Енлик. Открыто скажу, что вы оба задиры. Сначала скажу о девере. *(Есену.)* Если ты хочешь защищать меня, то делай это не так неуклюже.

Кебек. Девушка сама должна защищать свою честь. Когда это навязывают мужчине — значит, честь уже потеряна.

Енлик *(Есену)*. Ну, вот видишь. Мечом не избавишь меня от сажи, которой очернил меня батыр.

Есен. Если вы с этим батыром давно спелись, то и оправдывайся перед ним как хочешь. Выходит, я один во всем виноват!

Енлик *(Кебеку)*. Гость-батыр, ты тоже задира. И у батырства есть свои правила: из-за чести дочери какого-то наймана не подобает тебе ссориться с неизвестным человеком.

Кебек. Виновен, что в ссору вмешался. Светлому уму твоему, красавица, покоряюсь.

Енлик. Теперь обоим скажу: можете ссориться из-за скота, из-за земли, но не ссорьтесь из-за девушки. И без этого много у нас неурядиц. Идите каждый своей дорогой. Расстаньтесь мирно. Хорошо? *(Уходит, напевая.)*

Батыры твердо держат слово!
Не замышляй, батыр, худого,
Терпи, рассудку подчинясь, —
Придет к тебе счастливый час.

Есен *(глядя в сторону)*. Эту загадку она пропела для меня. Три луны буду ждать обещанного.

Кебек. Мне намекнула: «Не уходи. Дожидайся!»

Есен. Кебек! Не думал я встретиться с тобой на этой тропинке, но все равно: где бы мы ни встретились, я заранее решил сразиться с тобой. Однако слово девушки остановило меня.

Кебек. Если встречи искал, что же теперь удерживает? Разве девушка распоряжается местью батыра?

Есен. Но я одобряю эти ее слова.

Кебек. Зачем же тогда задирал? Спросил бы сразу совета у девушки.

Есен. Ну вот что. Хватит! Девушка ушла, и я уйду. Но если на ее дороге я опять встречу тебя, — берегись! Тут уже будет разговаривать не язык, а меч. *(Уходит.)*

Кебек *(вдогонку)*. С нетерпением жду этой встречи!

Ушел в другую сторону.

Жапал *(выходя из-за камня)*. Эх, прозевал! Все-таки встретился с Кебеком этот грубиян Есен. Теперь Енлик на меня обидится... С тех пор как Есен велел следить за ней, прошло уже шесть месяцев. Не за Енлик я следил, а за самим Есеном. Оберегал Кебека от встречи с врагом, берег тайну Енлик. Как верблюд, который верит своему росту, дурак Есен верил Енлик. Чу! Шаги! О, опять

Кебек! Возвращается. Как будто рассержен. *(Снова прячется.)*

Кебек *(входя)*. Путь мой опять привел к утесу. Нет, теперь я не отступлюсь. Но чем оправдаюсь перед родичами? Никому не хочу зла. А все же подвергаю народ мой тяжким невзгодам: ведь не смеет же мужчина из рода тобыкты брать за себя девушку из рода найман! Он прямо сказал: «Если встречу тебя на дороге Енлик, разговаривать будет меч...» Конечно, не мне сеять раздор между тобыктинцами и найманцами... Но моя ли вина в том, что я люблю эту девушку? Что солнце меркнет, когда ее нет? Что вода становится горькой, когда ее нет? Столкнись я с Есеном из-за верблюда или пастбища, — видит небо! — уступил бы все, что ему нужно. Но разве могу уступить ему ту, которая и меня любит? Если б посмел я отказаться за себя, но как откажусь за нее? Нет. Будь что будет — велик обычай предков, но велика и наша любовь!

Входит Енлик.

Енлик! Скажи, дорогая! Успокой мою душу: решилась ли ты?

Енлик. Решилась, батыр мой! Открыто называю себя твоей супругой.

Кебек. О, счастье мое! Отныне вступаешь ты в мир, объятый четырьмя ветрами! Не страшно тебе, Енлик?

Енлик *(оглядывая горы и долины)*. Широкий мир... А я иду по узкой твоей тропинке. Не завидуй мне, широкий мир! Земля родная, раздели со мной мою тоску и мои тайны. Мечтала уйти свободно, ласково проститься с родней. А ухожу тайком, как беглянка. Иду против обычая, без родительского благословения. *(Поет.)*

Отец и мать, не лейте слез — ушла я.
К чужим краям за наш утес ушла я.
Не одолев своей любви могучей,
Оставив вас средь бурь и гроз, ушла я.
Родной народ! Прости меня за дерзость:
Расплетши все семнадцать кос, ушла я.
О сверстницы мои, мои сестрицы,
Отныне мы навеки врозь — ушла я...
Прощайте горы, и луга, и реки,
Кочевья, где отары коз, — ушла я.
Что ждет меня теперь в дали туманной?

Ущелье ли? Долина роз? Ушла я.
Веди ж меня, о мой жених прекрасный,
С тобой на зной иль на мороз — ушла я.

Взявшись за руки, идут к обрыву.

Жапал *(выскочив из-за валуна)*. Енлик-апа! Куда уходишь? Я думал, что оберегаю просто ваши невинные забавы, а ты уходишь? На что решилась, Енлик?

Енлик *(задержалась)*. Нет у меня иного пути, Жапал.

Жапал. Ох, понимаю, апа. Я и сам догадывался, что так будет. Дай, небо, счастье тебе, Енлик! Всю жизнь буду помнить о тебе, всю жизнь искать тебя буду. Не думай, что у тебя нет родича: отец и мать проклянут тебя, но Жапал всегда у тебя останется. Навеки останется.

Енлик обнимает его. Оба плачут. Кебек в глубоком волнении отворачивает от них свое лицо.

Енлик. Родители проклянут меня... Да, конечно, так и будет. Но ты, Жапал, навещай их, утешай, лелей их старость. Жапал, братец! Обещай мне это!

Жапал. Да-да, Енлик-жан, да...

Енлик. Будь им добрым сыном, Жапал. Замени плохую дочь...

Жапал. Но если ты так их любишь, как можешь уйти?

Енлик. Разве я по своей воле ухожу? Что ты!

Жапал. Но разве Кебек силой тащит тебя, Енлик?

Енлик. Ах, бедняга... Не понимаешь ты этого... Печальна свадьба моя, мальчик, но кто встретил в жизни такую любовь, как моя, того уносит в небо, как перо перед дыханием бурана.

Занавес.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Большая белая юрта бия Кенгирбая, прозванного «Кабекеном».

Кенгирбай *(Кобею)*. Опять и опять раздоры! Неужели, создатель, их было мало? Не на мою ли беду ведут сюда разъяренных найманцев? Или на горе наших табунов и овечьих отар? Что грозит нам? Угон скота? Набег?

Но, может быть, я волнуюсь напрасно? Страх говорит во мне... Может, еще как-нибудь договоримся? Правда, у найманцев давние счеты с нами. Обида их велика.

Входит Кембай.

Достойный Кембай! Как живут аулы нашего тобыкты? Здоровы ли мужи наши?

Кембай. Народ спокоен. Мужи здравствуют. Только беда надвигается, Кенгирбай-ага: найманцы подходят к нашим аулам.

Кобей. Прямо к тебе направляются! Сюда идут! Говорят, их около сотни.

Кенгирбай. Кто же их возглавляет?

Кобей. Еспембет.

Кенгирбай. Упрямец Еспембет?! Неужели они решили послать этого дикого человека?

Кембай. Его, его! А с ним, говорят, Жомарт.

Кобей. Жомарт не страшен. Хуже то, что с ними батыр Есен: ведь девушка, которую увел Кебек, была из рода найман, и Есен сам хотел ее взять за себя.

Кенгирбай. О! Тут можно ожидать всего. Значит, и нам ничего другого не остается, как решиться на все. Народ оповещен?

Кобей. Еще вчера. Я послал гонцов ко всем лучшим людям нашего рода. В полдень прибудут.

Кенгирбай. Это разумно. Пусть соберутся, сами все услышат и увидят.

Кембай. Найманцы не застанут нас врасплох.

Кенгирбай. Кебека здесь, конечно, нет?

Кобей. Здесь его нет.

Кенгирбай. Хорошо бы, если б при споре двух родов присутствовал кто-нибудь из старших сородичей.

Кобей. Говорят, Кебек послал гонца к бию Караменде, почетному старцу рода аргын. Говорят, он уж выехал из своего аула.

Кенгирбай. Итак, настала пора испытать, крепки ли узы родства между тобыкты и найманом... Как только найманцы появятся, встречайте их, ведите переговоры. Я же должен отъехать по неотложному делу.

Кембай. Разве есть что-либо важнее этого дела?

Кобей. Хорошо. Отъезжайте. Только скажите, бий, какой струны держаться нам в переговорах?

Кенгирбай. Несчастный вы народ, тобыктинцы. Ума не приложу, чем все это может кончиться. Есть два

решения, но оба для нас непригодны. *(Помолчав.)* Поклониться врагу — унизить народ, заговорить громом — не оберешься горя. Что делать? Покажет время. Держись тропинки между этими двумя пропастями. А я сажусь на коня.

Кембай. Оставайтесь, почтенный бий! Как решать такое дело без вас?

Кобей. Нет-нет! Бию лучше отъехать. Пусть найманцы не видят его в лицо: там такие крикуны... Ни с кем не посчитаются. Оскорбить могут.

Кембай. Какое может быть оскорбление от врага? Враг даже правду скажет и все равно хуже всякой лжи выйдет.

Кенгирбай *(сухо)*. Довольно. Я знаю, что делаю.

Кобей помогает ему одеться. Кенгирбай выходит, недобро взглянув на Кембая, который сокрушенно качает головой.

Кобей. Готовы ли наши юрты для приема послов? В юртах не должно быть недостатка. Найманцы такой народ, так и смотрят, как бы сделать из пуговки верблюда. Начнут орать: «Оскорбление! Не уважили! Не посчитались!»

Кембай. Услышав, что едет около ста человек, мы поставили десять юрт, по одной на десяток. Подготовлен и скот для забоя, и люди, чтобы за гостями ухаживать.

За сценой шум, угрожающие крики.

Кобей. Что за шум? Неужели найманцы уже приехали? Поди, Кембай, погляди, что там.

Кембай пошел к выходу, но в юрту вбегает джигит, на лице кровь.

Что с тобой?

Кембай. Что за переполох? Найманцы прибыли?

Джигит. А кто же еще драться будет, коли не они? Встретил я их с честью, коней привязал, гостей развел по юртам. А один задира ни к чему придрался, избил меня до крови! Почему я молчать должен?

Кобей. Молчи, Калдашпай, молчи. Голову разобьют — шапкой накройся. Кишки не выпадут. Делайте, что старшие говорят, не ссорьтесь, обхаживайте гостей как можно лучше.

Джигит. Да я ж никого не трогаю!

Кембай. Хватит, говорят тебе! Довольно!

Кобей. Ничего не умеете! Дикари какие-то. Не успели гости приехать, уже затеяли с ними драку.

Джигит. Да ведь я ж...

Кембай. Сам пойду. Все-таки сам пойду. Тут что-то не так. *(Уходит вместе с джигитом.)*

Кобей *(один)*. Правду сказал бий: «Тут можно ожидать всего». Все это дело рук Еспембета.

Два джигита вводят бия Караменде, поддерживая его с обеих сторон.

О! Почтенный старец Караменде, хвала тебе, что посетил нас в это тяжелое время. *(Поддерживает его с одной стороны.)*

Караменде. Да, Кобей, верно, сын мой. Встретились мы в день грозного ненастья. Отбросим же всякий разлад. Подойди ко мне, родной мой Кобей, дай мне обнять тебя, силу к силе добавить. *(Обнялись. Усаживаются.)* Здоров ли твой народ, свет мой?

Кобей. Пока все здоровы, Караменде-ага.

Караменде. Предчувствую: миром эта распря не кончится. Вряд ли мое посредничество что-нибудь даст. *(Помолчав.)* Я и приехал-то только потому, что непутевый наш Кебек просил: «Я совершил глупость, одна теперь надежда на Караменде-ага».

Входят найманцы — Еспембет, Жомарт, Есен и другие. С ними Кембай.

Кобей. Доброй встречи, найманцы!

Жомарт. Доброй встречи, тобыктинцы!

Кобей. Кембай! Неси гостям кумысу. Они, наверно, устали с дороги.

Еспембет. С дороги ли мы устали или вы, тобыктинцы, нас измотали — кто скажет?

Кобей *(смеясь)*. Об усталости ты ради красного словца говоришь, не было еще такого дня, чтобы ты, Еспембет, уставал.

Еспембет. Вы, тобыктинцы, словно сталь, которую и алмаз не берет. Как можно не устать от твоего упорства!

Кобей. Пришел же ты один противостоять всем тобыктинцам! Впрочем, если упорство — порок, то поглядим, много ли мягкости и уступчивости выкажешь ты, найманец.

Еспембет. Не знаю. Сердце сомневается во всем. Говорят, когда бий Кенгирбай хочет увильнуть от опасности, он выставляет тебя, как искусного краснобая. Но хо-

рошо уже и то, что ты смел и можешь прямо выдать то, что у других в кончик языка вцепилось. Придется брать с тебя пример, Кобей!

Кобей. Ты закидываешь приманку, Еспембет, но мне сказать нечего: не я к тебе приехал, а ты ко мне. Тебе и слово.

Еспембет. А что мне сказать? Я ведь не собираюсь жениться на девушке из твоего рода — значит, мне суесловить незачем, хвостом следы заметать не к чему.

Жомарт. Где же ваш бий? Разве не знал он, что мы явимся к вам?

Кобей. Он уехал улаживать спор между родичами одного аула.

Жомарт. Неужели есть споры тяжелее наших?

Еспембет. Когда же вернется Кенгирбай?

Кобей. Бий, наверное, сегодня не вернется. Но, если услышит о вашем прибытии, долго там не задержится.

Молчание.

Жомарт *(Еспембету)*. Еспембет! Раз весь наш народ в сборе, нам с тобой здесь не время прохлаждаться. Переходите к главному, бии.

Еспембет бросает плетку.

Говори, Еспембет!

Еспембет. Сыны рода тобыкты! Всем известно, что между тобыкты и найманом было много боев. Но в чем же вы, тобыктинцы, показали превосходство: в военной мощи или в искусстве воровства? Угнали у нас множество конских табунов, овечьих отар. Согнали нас с земли предков. Заставили весь народ разбрестись. В пору вашего владычества никто вас не останавливал, никто вам не перечил. Теперь же вы начинаете даже над обычаями дедов и прадедов издеваться. Один из ваших дерзких джигитов увез нашу невесту. Чем смогу я теперь утолить боль отца ее и матери, унять ярость всего рода нашего? Чем?

Кобей бросает плетку.

Кобей. Еспембет! Слова твои прямы. Немало раздоров было между тобыкты и найманом. Кто в ответе за эти распри — сейчас разбираться не стану. Но ты, чтоб раздуть вражду, собрал все что мог, ты привлек и болезни сосунка, который не вовремя воды хлебнул, и болезни стригунка, у которого зубы режутся. Если взять причину,

которая привела сегодня найманцев к моей юрте, то в чем она? Разве не в легкомыслии горячей молодежи, которая не считается ни с чем, даже с участью своего народа? Правду сказал Еспембет: зачинщик сегодня тобыктинец, не говорю, что он ничей. Но зачем же превращать простой вопрос в неразрешимый спор? Давай примиримся по-родственному, если ты на самом деле не желаешь никому зла.

Жомарт. Говори, Еспембет.

Еспембет. Разве я сказал, что никому зла не желаю? Разве ягненок я, у которого волк унес мать, а он щиплет себе травку, потому что она вкусна? Меня ни за что ни про что ударили палкой, а я буду терпеть! Говорю вам, о малочисленные тобыктинцы, ваша разнузданность не знает пределов! Вы уже через край пошли, как вода в половодье!

1-й тобыктинец. Не кричи, найман!

2-й тобыктинец. Запугивать нас, что ли, хочешь?

3-й тобыктинец. Бабы тебе здесь, что ли?

4-й тобыктинец. Ишь, язык распустил!

1-й найманец. Замолчи, тобыкты!

2-й найманец. Гляди, беду накличешь!

3-й найманец. А ну, выходи, кто смелей, один на один!

4-й найманец. Я твой буйный дух из тебя вышибу!

Есен *(властно)*. Постойте, найманы, молчите, тобыкты! Уймитесь! Пусть они свое слово скажут.

Жомарт. Говори, Кобей.

Кобей. Это ли слова примирения, Еспембет? Благородные поступки заразительны, но и гнев рождает гнев. Я не говорю, что ты затеял тяжбу без повода. Но раз мы сошлись с тобой, держа речи от имени двух племен, постараемся, по крайней мере, стать надежной связью между ними.

Жомарт. Говори, Еспембет.

Еспембет. Какое решение предлагаешь ты. Кобей?

Жомарт. Кобей, говори!

Кобей. Как могу я выносить решение, если ты, предлагая мне испить из ковша, сам следишь, много ли я выпил?

Еспембет. А как не следить за вами, если вы, малочисленные тобыктинцы, привыкли к вероломству от младых ногтей?

Жомарт. Еспембет, ты не бросил плетки. Говори, Кобей.

Кобей. Тут не место подсчитывать, много или мало нас, тобыктинцев. Если вас численно больше, то это не значит, что наши головы приторочены к вашим седлам. Бывает, что и одна голова стоит десятка других.

Жомарт. Еспембет, говори!

Еспембет. Что толку от твоих шелковых речей, если они никуда не ведут? Коли отказываешься сам принимать решение, то выслушай мое. Вот оно: задиру вашего Кебека и нашу своевольницу Енлик, которая попрала законы предков, обоих выдайте в наши руки. Накинув им петли на шеи, я своими же руками предам их смерти. Волоките их сюда сейчас же!

Жомарт. Говори, Кобей.

Кобей. Если есть у собаки хозяин, то и у волка есть его творец. То, что ты говоришь, не ведет к миру. Послушаться тебя — значит, зажечь между тобыкты и найманом такую вражду, которая перейдет в кровавую месть из поколения в поколение. Не бери на себя судьбы грядущего, Еспембет. Если ищешь мира, остановимся на выкупе. Чем сталкивать роды друг с другом на века, лучше бы мне не называться бием, лучше самого себя заживо похоронить.

Жомарт. Еспембет!

Еспембет. Если не хочешь оставаться бием, дело твое, но, покуда я бий, не оставлю свой народ терзаться в обиде. Мое решение все то же. Не ждите от меня милости. Как говорится, чем больше поблажек — тем длиннее пост. Если хочешь с нами помириться, близким человеком стать — выдай батыра и девку. Не согласен — назови место схватки: мои джигиты готовы к бою. Ну, каков твой ответ?

Кобей молчит.

Жомарт. Еспембет и Кобей! Вы — родичи. Сыновья двух близких родов. Но в ваших словах я не вижу признаков примирения. Будет ли кто еще говорить? А? Или желающих нет?

Тобыктинцы перешептываются.

Голос 1-й. Почему упали духом?

Жомарт. Во второй раз спрашиваю: кто хочет говорить?

Голос 2-й. Еще раз спросит, и на этом конец. Тогда решение Еспембета войдет в силу.

Голос 1-й. Что делать? Что делать? Говорить некому...

Жомарт. Спрашиваю в последний раз: кто... хочет... говорить?

Медленно поднимается Караменде и бросает плетку. Тишина.

Караменде. В наши дни слово потеряло свою исцеляющую силу, стало пустым эхом. Поэтому я так долго не решался говорить. Но внимательно слушал, о чем говорили вы. Скажу о том, что заметил. Сильные бии развращенного времени, подобно коню с норовом, бывают упрямы. Или еще того хуже: уподобляясь скользящей змее, становятся хитрыми дельцами. А близкие роды, которым и ссориться-то не из-за чего, погрязают в клевете и сплетнях. В дни, когда волосы и борода мои убелились, попал я на сборище ваше и, видя ваши злые намерения, утратил последнюю надежду. Не хотел бы я видеть всего, что видел, не хотел бы слышать того, что слышал: повинны в этом мои седины.

Голос 1-й *(соседу)*. Караменде — добрый старец! Слабых покровитель. Что же ему делать. Он печалится.

Голос 2-й. А что ему сказать? Понятно... В горе он...

Караменде. Перейду к вашему спору. В мое время из-за такого дела не стали бы ссориться. Предки ваши говорили, что жену раздобудешь либо умыканием, либо, дождавшись смерти старшего брата, возьмешь, по обычаю, его вдову. Но если невесту джигита уводил другой такой же джигит, то настоящий мужчина мстил за себя сам! В мое время молодому человеку не добывали жену всем народом. Это, наверно, тоже признак нового времени.

Есеп сделал гневное движение.

Голоса найманцев. Клонит в сторону тобыктинцев.

— Ты думаешь?

— Не забегай вперед. Послушаем дальше.

Жомарт. Найманы, я прошу тишины!

Караменде. Вы, родичи, с налитыми кровью глазами и вздыбившейся шерстью, ведете себя непримиримо. А окинули вы взором завтрашние раздоры, завтрашние беды, которые принесут вам чужие люди, завоеватели? По-вашему, выходит, что нужно пролить кровь близкого сородича, который отважен душой и превосходит любого из вас силой и удалью? Или хотите вы пролить кровь и

слезы согбенных старцев и малых детей и вашего и нашего рода? В каком из этих двух решений есть справедливость? В каком вашем слове — благо? Что в нем буду чтить я? Бедный народ мой, неужели тебе суждено быть растерзанным в этой смуте?

Тишина. Все подавлены словами старца.

Найди, Еспембет, другой путь. Подумай о долге, который возложил на тебя идущий за тобой народ. Разве народ поручал тебе втягивать его в кровавые стычки или искать ему новых врагов?

Жомарт. Ты, старец Караменде, известен как покровитель народа. Если найдутся уши, чтобы услышать, каждому все станет ясно.

Среди найманцев глухое молчание.

Так кто же еще будет говорить после речи бия? Или... разговор можно считать законченным?

Тишина.

Голос 1-й. Кто же будет говорить после почтенного Караменде?

Есен *(гневно Еспембету)*. Говори, Еспембет! Ты же считаешься главным нашим бием, отвечаешь за все наши дела. Ну!

Еспембет. Твой родич, Жомарт, поставил предо мной мудрую преграду. Что я могу сказать? Я ведь тоже бий... Почему же я один должен получать проклятия за то, что тяну свой народ за собой?

Есен. А! Ты дрогнул? Хорошо же! Тогда буду говорить я! *(Бросает плетку.)*

Жомарт. Говори, Есен.

Есен. Одним концом своей речи бий задел меня. Он сказал, что настоящий батыр мстит за себя сам. Я и отомщу сам. Если где встречу Кебека, тут же вызову его на поединок! Растерзаю собственными когтями! Вот каков Есен! Но найманцы, которые собрались и ждут на горе, и те, что столпились за этой юртой, прибыли не ради моей чести, а ради чести своего рода. Скажите, разве не правду я говорю? Говорю правду! Поэтому два решения нам остаются: или выдайте на расправу Кебека, или вступайте с нами в битву. Если наши бии не имеют в себе твердости, пусть они сами будут бабами, а я клянусь отомстить за свой род! И со мной поклянутся вот эти наши батыры!

Голоса: Верно он говорит.

— Могут быть только два решения.

— Только два! Откуда взять третье?

Есен. Я сказал все! Тобыктинцы! Посоветуйтесь со своими биями и дайте ответ. А вы, найманы, если кто думает, как я, — за мной!

Найманцы встают.

За мной, найманы! Пусть останутся здесь только те из нас, которые подобны тухлым яйцам: их даже сама птица-мать выбрасывает из гнезда. *(Уходит.)*

Жомарт, Еспембет и другие медленно выходят за Есеном.

Караменде. Так... Разговоры окончены... Одно из двух... Одно из двух...

Кобей *(печально)*. Что делать теперь? Как говорится, из-за глупой руки расплачиваешься головой. Я это предчувствовал с самого начала... Я это предвидел...

Кембай. А что мы скажем бию? Это будет для него большим ударом.

Входит Кенгирбай.
Увидев его, Кобей поворачивается к окружающим.

Кобей. Прошу вас выйти, друзья. В собеседовании биев участвуют только бии.

Тобыктинцы уходят.
Остаются Кенгирбай, Кобей, Караменде и Кембай.

Кенгирбай. Я уже знаю все. Это день жестокого унижения... Либо отдай кровь своего батыра, либо проливай слезы своего народа. Третьего решения нет.

Кобей. Нет третьего решения. А выбора из двух ожидают только от вас.

Кенгирбай. Найманцев много. Как же им не упорствовать, когда их много? Я мог бы снести унижение во имя народа, но вина наша уже всем известна, ее унижением не искупить... Будто сам я наступил голой ногой на острие алмазного меча.

За юртой гул. Наконец вбегает джигит из рода тобыкты.

Джигит. Кенгирбай-ага!

Кенгирбай *(строго)*. Зачем пришел?

Джигит. Джигиты прислали меня, бий!

Кенгирбай. Но разве я звал тебя?

Джигит. Меня прислали джигиты. Говорят: нельзя отдавать лучшего батыра найманцам. Разве Кебек не луч-

ший наш батыр? Разве есть кто-нибудь сильнее, отважнее, благороднее его в роду тобыкты? Чем своими руками выдать его на казнь, будем биться за него, покуда вражьи мечи не искрошат наши доспехи!

Кенгирбай *(гневно)*. Чего хочет этот человек? Или я больше не бий, что ко мне может ворваться каждый! Уйди прочь!

Кобей. Уходи отсюда, джигит!

Джигит. Но я только сказал то, что велели сказать наши джигиты.

Кобей. Уходи, джигит!

Кембай. Уходи, уходи! Ты слышал, что сказал наш всемогущий бий? Он очень недоволен тобой.

Джигит, пожав плечами, собирается уходить. Но за дверью снова раздается шум, и в юрту врывается старец Абыз.

Абыз. Если певца народа не пускают к власть имущим биям, то ему приходится врываться самому!

Кенгирбай *(недовольно)*. По какому делу пожаловал ко мне в час, когда я занят заботами народа?

Абыз. Я пришел потому, что чувствую недоброе, Кенгирбай! Чую, что совершается зло!

Кобей *(джигиту)*. А ты что уставился? Уходи, тебе сказали!

Джигит уходит.

Караменде. В словах ушедшего джигита пылает огонь. За ним воля народа. Что ждет тобыктинцев? Только ли унижение? Отдав своими руками Кебека на казнь, мы все равно не обретем покоя. Уступивши в одном, нам придется теперь уступать во многом. Не нужно отдавать Кебека...

Кенгирбай. Зачем мне красноречивый язык без поддержки силой? Зачем мне пламя, если нет сучьев, чтобы подкладывать их в костер?

Караменде. Если у нас будет сила хотя бы одного тобыктинца, мы обязаны выступить против найманцев.

Кенгирбай. Но это же красноречие подстрекателя!

Караменде *(гневно)*. А ты, подобно волчице, хочешь сожрать своего кутенка.

Кенгирбай. Опять, улучив время, жалишь меня ядовитым своим языком? Родство твое мне известно, а сердечных чувств не видать!

Кобей. Остановитесь, бии! Не растравляйте старой вражды!

Абыз. Уй, Карамендe! Скажи-ка, сколько джигитов привел ты за собой, чтобы решить этот спор?

Карамендe. Я пришел один!

Абыз. Да ты в своем ли уме! Когда раздор идет из-за коня, и то умный человек не идет драться за него в одиночку. Неужели жизнь Кебека дешевле жеребенка!

Карамендe. Спешил я, братья, не успел собрать войско, вот и приехал один!

Абыз. Ложь! Неспроста пришел ты с одним только лживым своим языком. Торговать бородой своей ты пришел! А кому нужна твоя борода да твои дешевые прибаутки в этот тяжелый час?.. Нет, не Кебека пришел ты защищать, а надсмеяться над старым врагом своим, Кенгирбаем!

Кобей. Старцы, остановитесь! Не вспоминайте былых распрей!

Карамендe. Остановись, Абыз! Зачем оскорбляешь старика...

Абыз. Проклятое время! Проклятый век, когда душа героя оказывается в зубах волка. Один разжигает раздор между родами, другой готовит предательство...

Кенгирбай *(кричит)*. Придержи язык! Ступай отсюда вон!! Уйдите все! Сгиньте!

Абыз. Ухожу, Кенгирбай... Ухожу... Почуя беду неминуемую, вынужден уйти. А вы продолжайте натравливать друг на друга родичей, разбив их на два враждебных стана. Этим вы достигнете своего, бии и беки, потому что иначе владычить вы не умеете. Я потерял в вас веру, бии да беки! Пойду искать правду у своего казахского народа. У него буду просить защиты! Ему я верю, в него верю, а не вам и не в вас, бии да беки!

Кенгирбай *(Кобею)*. Выведи... Выведи этих обоих болтунов! Идите, старцы! Идите! Я уже слышал вас.

Кобей выпроваживает стариков.

А ты, Кембай, приведи ко мне Еспембета.

Кембай *(ужаснувшись.)* Как — Еспембета?

Кенгирбай. Позовите, говорю я, вождя врагов Еспембета. Я выслушаю его. Пусть он скажет мне свое решение сам. Хочу слышать это из его собственных уст.

Кембай выходит. За юртой зов: «Еспембет!»
Мгновение спустя на пороге появляется Еспембет в сопровождении Кембая.

(Кобею и Кембаю.) А теперь уходите вы. Оставьте меня наедине с Еспембетом.

Еспембет. Ты звал меня, достойный бий!

Кенгирбай *(мягко)*. Я мечтал о тебе, мой друг бий!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Лужайка в горах. Небольшой шалаш, в котором спит Енлик. Рядом с ней ребенок. К шалашу подходит Кебек и заглядывает в него.

Кебек. Ненаглядная моя... Крылья мои... Мы с тобой, как звери, прячемся от глаз людей. Да будет проклята жизнь в изгнании! *(Пауза.)* Конечно, будь я один — ринулся бы навстречу своей судьбе и, если суждена смерть, принял бы ее достойно. Будь мы с Енлик только вдвоем — и это полбеды: она не отстала бы от меня, не уступила бы мне в стойкости. Но вот дышит рядом с ней маленькое теплое дыхание, великая радость наша и тяжкая наша обуза. Куда с ним деваться? На какой отважиться шаг? Веревкой связан я по рукам, по ногам, а конец веревки — в его слабых ручонках. *(Тяжело вздохнул.)* Однако настала пора явиться друзьям или врагам. А от них ни слуху ни духу! Да и с чем придут? Что скажут? Буду ли я назван сыном народа и вернусь под отчий кров или вступлю в кровавый бой, испытаю силу черного булата?

Енлик. Что ты сказал, мой батыр? Какие страшные слова!

Кебек. Что я сказал? Ничего такого, Енлик. Это просто... Песня это.

Енлик. Скрываешь свои думы от меня, Кебек? Тревожить меня не хочешь?

Кебек. О нет, дорогая, что ты!

Енлик *(делая вид, будто поверила)*. Ну, значит, я ослышалась. Мне часто стали слышаться обрывки каких-то грозных речей.

Кебек. Отбрось все тревоги, моя Енлик. Оставь их мне одному. Пусть прояснятся печальные твои глаза, пусть исчезнет туман с твоего лунного лика.

Енлик выходит из шалаша. Кебек обнял ее за плечи. Садится рядом на камень.

Ради меня отреклась ты от родных, милая... *(Поет.)*

Ты отреклась для меня от родных,
Но непрестанно вздыхаешь о них...
Милая! Всех я тебе заменил.
Искры булата в сраженьях ночных,
Раны, что получал в боях,
Самый певучий и нежный мой стих
Не стоят, Енлик, объятий твоих.

Енлик. Пусть не разомкнутся наши объятия — другого желания у меня нет.

Сидят обнявшись.

Жапал *(появившись, всплеснул руками от радости)*. Енлик-апа! Я нашел вас! Какой молодец! Нашел-таки, а?

Енлик. Жапал! Родной мой... Брат мой...

Кебек. Отважный Жапал! Как ты нашел нас?

Жапал подбегает к ним, они берутся за руки.

Жапал. Нашел! Важно, что нашел, а как — это дело моего счастья.

Енлик. Ну, расскажи, родной: как мои горемычные старики? Что говорят? Проклинают меня?

Жапал. Совсем нет, Енлик, совсем-совсем нет. Матушка твоя, Камка, сама же меня к вам послала. Говорит: «Поедешь к ним, Жапал, может статься, пропадешь в дороге, не так-то просто их найти, но, коли встретишь, передай, что всей душой я с ними обоими!» С этим она и послала меня.

Енлик. О, какое счастье! Как я терзалась, боясь материнского проклятия...

Кебек. Жапал, сердечный брат мой Жапал! Из всего враждебного нам мира живых какой луч падежды принес ты нам? Скажи!

Жапал. Вражда? В родном гнезде Енлик нет никакой вражды. Жалеют о вас и стар и млад.

Кебек. Да будет так, дорогой! Ну, а как отец? Что говорит он?

Жапал. Дедушка Икан? Конечно, иной раз отвернется от бабушки, что-то забормочет... как будто закашляется... затрясется, но и гнев и слезы — все в нем... внутри... Недаром мужчина.

Енлик. Родное гнездо мое... Золотая колыбель моя...

Жапал. Это еще не все. Подожди. Вчера утром бабушка слышала, как Икан-ага пробормотал на молитве:

«Боже, пусть Енлик — девка, но родимая же моя... Побереги ее от погибели...» Как услышала это бабушка Камка, так сразу же и поручила мне: «Жапал! Разыщи моих детей и скажи им, что они погубят в бегах нашего внучонка. Пусть подумают, скажи, им о нас двоих, оставшихся, как два сухих пня. Пусть пришлют с тобой своего ребенка, этот осколочек нашего зеркала. Когда решится их судьба счастливо, мы сами вернем им малыша». Вот с чем послала меня ваша мать. Где он, малышок, братик мой, где? Давайте его!

Енлик. Что ты скажешь, Кебек?

Кебек. Скажу, что это разумно. Пусть наша судьба не станет судьбой нашего ребенка.

Енлик. Значит, отдадим?

Жапал. Да будет вам! Перестаньте думать да гадать! Поскорее заверните его, во что полагается, и давайте мне.

Енлик. Ты прав, Жапал. Когда приходит счастье, грешно раздумывать.

Жапал. Вот это мудрость! Это разговор! Ну, я бегу за своим конем: он стоит в лощинке, стреноженный.

Енлик. Родной ты мой! Хороший Жапал мой... Приведи скорее своего коня!

Жапал. Да-да, сейчас иду! Только вот что: вам здесь тоже оставаться нельзя.

Кебек. Вот слова, которых я ждал от тебя, Жапал. Зачем медлить? Говори прямо.

Енлик. Что случилось?

Жапал. Нехорошее случилось: найманцы вот-вот нахлынут сюда. Надо уходить, дорогие!

Кебек. Неужели тобыктинцы допустят, чтобы найманцы нас растерзали?

Жапал. Битвы не будет, Кебек.

Кебек. Значит, народ мой выдал меня врагам?

Жапал. Выдать не выдал, но и защищать тебя не будет. Сказали: сами поймайте и сами расправляйтесь.

Кебек. Народ так сказать не мог. Кто принял такое решение?

Жапал. Обо всем не расскажешь. Собирайтесь скорее и уходите. Злодеи могут появиться каждый миг!

Кебек. Жапал! Я спрашиваю: кто вынес это решение? Если весь народ, то, может быть, и спасаться не к чему?

Жапал. Решение вынес Кенгирбай. Обо всем договорились вдвоем с Еспембетом. На чем они поладили, долго

ли торговались из-за твоей головы — тайна остается тайной. Но, одним словом, все вышло так, как хотели Еспембет и Есен.

Енлик. Есен! Неужели он все еще преследует меня?

Есен появляется на валуне.

Есен. Не я преследую, Енлик, — отцовский обычай преследует тебя, предки, уязвленные тобой, преследуют.

Кебек. Есен? Ты пришел. Но ты помнишь клятву, которую я дал на острие меча?

Есен. Помню, Кебек! Только потому я и появился раньше моих найманцев. Я тайком ушел от них вперед, чтобы насладиться поединком с тобой, Кебек! Моя звезда стояла против твоей с самого рождения. На мне дымится рана от любви к прекрасной Енлик. Я не успокоюсь, пока не убью тебя. Выходи на поединок.

Кебек. Выхожу, Есен. Ты вправду герой, Есен!

Бросаются друг на друга. Короткая и жестокая схватка. Кебек поражает Есена.

Енлик. Убит...

Жапал. А теперь надо уходить. Скорей-скорей...

Кебек. Что ты пристал с этим словом? «Скорей-скорей...» Пора Кебека прошла. Он никому не нужен. Был батыр, спаситель своего народа, а народ отрекся от него. Куда мне идти? Зачем мне идти?

Енлик. Ты прав, Кебек. Но вспомни о ребенке. Найманцы рыщут вокруг, — один Жапал его не спасет. Уйдем ради нашего долга перед ним. Неужели он так и не увидит счастья, Кебек?

Кебек. Прости, Енлик. Слезы сыновьи затмили во мне горечь отца. Сбегаю за конем. А вы готовьтесь. Отныне мы беглецы. Будем всю жизнь беглецами. Трусами с заячьими сердцами. Горными дикарями. Всю жизнь. (*Исчезает.*)

Жапал. Ну, давай ребенка, Енлик. Скорей!

Между камнями, как поток, разлившийся на рукава, движутся найманцы.

Еспембет. Стой! Вот Есен! Его убили!

Голос 1-й. Родной мой...

Голос 2-й. Значит, враг здесь. Да вот и шалаш его. Проклятый тобыктинец здесь.

Еспембет. Замолчи! Если Есен был доселе батыром наймана, то теперь смертью своей он поднял дух тобыкты.

Вот чего он добился своим поединком! Не стоит он наших слез. Уберите эту падаль, и вперед, на врага! Подходите осторожно. Если Кебек не успел бежать, он дорого продаст свою жизнь.

Из шалаша выходит Енлик.

Еспембет. Эй, девка, где твой Кебек? Говори!

Голос. Говори, пока жива!

Енлик. Раз вы поймали меня, считайте, что поймали и его.

Еспембет. Хитрит! Если он и бежал, то далеко не успел. Обшарьте ущелье. Живо!

Появляется Кебек.

Голос 1-й. Э, батыр! Тебя привела сама смерть.

Кебек. Правду говоришь. Я поклялся умереть там, где умрет моя Енлик. Взять ли еще кого-нибудь с собой в могилу? Если есть среди найманцев бессмертные, покажитесь! *(Целится из лука.)*

Еспембет. Стреляй! Я перед тобой. Одним найманцем меньше, но тебя все-таки возьмут!

Енлик. Кебек! Родной! Не стреляй! Пусть не проклинают нас остальные найманцы. Умрем невинными!

Кебек *(натягивает лук)*. Эй, злодеи! Вы слились в вое, как стая волков. Принесли в жертву не барашка, а сына и дочь народа. В чем наше преступление? Только в том, что мы с ней любим друг друга. И за это смерть? Но я не виню мой народ. Тебя виню, кровожадный бий! Народ знает цену герою, но ты не хочешь ничего слышать о ней, потому что слава его затмевает твою. Вы еще вспомните обо мне, когда нападут на вас снова калмыцкие племена, и скажете: «О, где ты, Кебек!» И зальются слезами старики ваши, которых потащат за конским хвостом, и заплачут дети ваши, которых бросят в костер, и зарыдают ваши девушки, которых недруги кинут поперек седла... Это страшнее моей мести! Так стоит ли убивать какого-то жалкого Еспембета! *(Бросает на землю свой лук.)* Нате, делайте со мной, что хотите!

Еспембет. Довольно слов. Вяжите его!

Енлик. Джигиты! Вы казните нас. Но не нарушайте обычая и вы: каждый приговоренный к смерти имеет право высказать три желания.

Голоса. Не надо! Не будем слушать!

Еспембет. Тише! Говори свои желания!

Енлик. Хочу проститься с Кебеком.

Еспембет. Хорошо. Второе?

Енлик. Схороните нас в одной могиле.

Еспембет. Третье?

Енлик. Жапал, выходи!

Из шалаша выходит Жапал с ребенком на руках.

Отдайте, прошу вас, ребенка моим родителям. Если ему суждена сиротская доля, то пусть хотя бы вырастает у родных.

Еспембет. Согласен, простись с мужем!

Кебек. Енлик-жан, ненаглядная, желанная, прости меня!

Енлик. Единственный мой... Прости и ты... Я ни о чем не жалею!

Они обнялись. Джигиты пускают в них тучу стрел. Влюбленные падают мертвыми. Молчание. Найманцы молча расходятся. Возникает Абыз, белобородый, в белом халате. Дальнейшее действие происходит как эпилог.

Жапал *(укачивает ребенка)*. Бедный ребеночек мой! Осиротевший мой! Не плачь... Не плачь... Тебе еще много придется плакать...

Абыз, сняв белый халат, накрывает мертвых.

Абыз. Ушли в другой мир, но ушли, обнявшись! Скажут: их казнил народ. Нет, не народ их казнил, ибо нельзя назвать народом этих жаждущих крови темных, тупых людей. Не число создает народность. Народ — это мы, это те, в ком живет его искра, в ком излучается свет, озаряющий путь в будущее. Вот кто народ! Я — народ, ты — народ, мой милый Жапал. Этот младенец — он тоже будет народом. Воспитаем его так, Жапал, чтобы он принес в жизнь бессмертную любовь своих родителей, чудесную их любовь к небу, горам, ручьям, зверям и птицам, любовь друг к другу и любовь к своему народу. Не запятнали они себя убийством перед смертью. Не хотели ненависти. Пусть же и он будет таким! Пусть понесет их знамя над миром, и люди пойдут за ним, ибо люди хотят любви.

Пройдут года. Забудется грозное имя Кенгирбая, исчезнет из памяти мрачное имя Еспембета. Сгинут они, как тени нашей черной жизни. Но имена Кебека и Енлик вечно будут сиять народу, как эти две звезды на небосклоне. Ибо любовь сильнее ненависти.

Занавес.

1917

КАРАГОЗ

Трагедия в четырех актах, семи картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Карагоз, невеста.
Сырым, молодой акын, сал, 25 лет.
Акбала, невестка Карагоз.
Жарылгап, отец Карагоз.
Маржан, мать Жарылгапа, 70 лет.
Жабай, отец Сырыма.
Нарша, жених Карагоз.
Асан, молодой акын из свиты Нарши.
Матай, друг Нарши.
Дулат, Коскельды, Даулеткельды } салы, друзья Сырыма.
Текти, мать Нарши.
Тойсары, дядя Нарши.
Старый пахарь.
Старый рыбак.
Женщины, приехавшие на свадебный пир, девушки, распорядители на пиру.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Горный склон, река, чаща. Неподалеку аул Жарылгапа. Вечер. Слышится тихая песня. Появляются три джигита. Впереди с домброй в руках Асан.

Асан (*поет*).

Над Баян-аулом проплывают облака.
Беркута пустил бы, да лисица далека.
Ты за белой юртой молвила: «Прощай!»
И с той самой ночи жизнь моя горька.

Оглядывается. Нарша и Матай идут за ним, опустив головы.

© Издательство «Художественная литература», 1975 г.

Асан (*весело*). Ох, друзья, как здесь на просторе все бодрит душу! (*Поет.*)

Враскачку наш идет джигит,
Он щедрый, добрый, наш джигит,
Для друга он, как верный щит,
Опора другу — наш джигит.
В аул приедет как жених,
Задарит девушек джигит.
Будь весел, храбр, будь смел и лих,
Препятствий не страшись, джигит!

Нарша. Асан, ты вольный певец, ты все равно что лебедь на тихой озерной глади. Хочешь — плывешь, не хочешь — улетаешь. Боюсь, что мы своей печалью испортим тебе веселье.

Асан. Друг мой, не нравится мне, что ты повесил голову, как усталый иноходец. Тоскуешь, грустишь... В чем дело?

Нарша. О чем мне печалиться? Я здоров, молод, любим родными. Род наш досан — богат и велик, как большой косяк в табуне. Все хорошо: приехал я к невесте, вокруг веселые девушки, будет шумный той. А счастья нет. Вот почему я тоскую. О ней только и думаю, о Карагоз!

Асан. Карагоз! Да разве есть изъян в ее красе? Не знаю такого, кто мог бы найти в ней недостатки. Все наши джигиты мечтают о ней, но она недоступна для них, как царский трон. Так в чем же дело? Что ты нашел в ней плохого?

Нарша. Карагоз хороша, и умна, и красива. Не только я, а любой юноша из самой высшей знати посчитал бы за счастье обручиться с ней!

Асан. Так чего же ты хочешь? Самое дорогое, что есть в ауле Караул, — это Карагоз. Она — соловей на вершине серебристого тополя. Ты избран ею. Чего тебе еще нужно? Я тебя не пойму.

Нарша. Подавляет она меня своим умом и своей манерой держаться. Не чувствую я себя с ней свободно.

Асан. О аллах! Родители тебя благословили, скот ты за нее отдал сполна. Приехал к ней, как велит обычай. Чем же она тебя, такого молодца, жениха, завтрашнего мужа, может подавлять?

Нарша. Не хочу быть многоречивым, но вот что она мне сказала: «Не поймешь ты моей души, обнимать будешь не меня, а скот, что за меня отдал».

Асан и Матай. Что?! Как это понимать?

Нарша. Разве другая невеста так скажет? А вот Карагоз осмелилась.

Асан. А ты бы заставил ее молчать. Пусть не показывает свой характер.

Нарша. Как заставить? Силой? Разве за тем я приехал, чтобы невесту насильно склонять к супружеству?

Матай. Предки наши так поступали и нам велели так. Я что-то не пойму тебя, дорогой мой, невесту надо наказать и поставить на место.

Нарша. Что ж, кнутом пригрозить проще всего. Но Карагоз обезоруживает меня.

Асан. Чем же?

Нарша. Тем, что нежна, и чутка, и тонка... Вот это меня и гнетет. Никогда не нагрубит. Тиха, мягка и каждое ее слово точно из золота. Нет женщины учтивей, чем она. Но вот, такая хорошая, она избегает меня. Она мне как чужая. Мне кажется, у нее кто-то есть... Кто-то близкий... Вот почему мне грустно... Стоит ли жить, если у твоей любимой ты не единственный?.. Как тут радоваться своему жениховству?

Асан. Да кто из здешних может с тобой соперничать? Где ей найти такого?

Нарша. Откуда мне знать.

Матай. Если не знаешь, надо узнать. Никто за тебя этого не сделает.

Нарша. Не знаю, кто он, из какого рода. Одно знаю: он счастливый соперник и мой враг.

Асан. Есть тут молодой сал Сырым. Он известен во всей округе. Он акын хоть куда, притом щеголь. В своем ауле его называют повесой, но для красавиц он все равно что волшебник.

Матай. Причем тут Сырым? Они с Карагоз из одного рода осер.

Асан *(перебивая Матая)*. И впрямь нечего говорить о Сырыме. Ведь он девушке родич. Вот бы узнать, в каком колене они родня. Вроде бы не такая уж близкая.

Матай. Какая бы ни дальняя, хоть и в седьмом колене, осерцы друг на друге не женятся.

Нарша. Да, они дружны, как кони из одного косяка.

Асан. В таком спесивом ауле за родню даже из седьмого колена свататься не станут. Однако... *(Задумывается.)* В этой округе, кроме Сырыма, для Карагоз ровни нет. Если сокол не стал вороной, а ипоходец клячей, то на вершину такого тополя, как Карагоз, некому больше взлететь. А впрочем, тут трудно что-нибудь понять...

Матай. Вот и нечего подозревать Сырыма. Это не Сырым, а кто-то другой.

Нарша. Я его не подозреваю. Но если вы мне действительно друзья, то найдите того, кто наносит мне жестокую рану. И зачем только судьба свела меня с Карагоз?! Для чего? Лучше умереть, чем так страдать.

Асан. Врага мы найдем, куда бы он ни спрятался. Только ты себя не выдавай. Духи предков поддержат нас.

Уходят.

Появляются нарядно одетые девушка и молодая женщина. Они в тонких халатах из черного шелка. Это Карагоз и Акбала.

Акбала. Тебя не поймешь. Не знаю даже, как объяснить людям, что ты не любишь Наршу. Уж как одаривали нас здешние джигиты, чтобы хоть одно доброе слово от тебя услышать. А ты близко никого не подпускала. Когда же это случилось? И кто он?

Карагоз. Не скажу. Сама сегодня увидишь. А случилось это совсем недавно... Всего неделя прошла, как мы признались друг другу... (Пауза.) Только два раза и виделись с тех пор... Но знаю — не минутная прихоть и не пустая страсть бросили нас друг к другу. Вот единственная правда, которую тебе открою.

Акбала. Но назови, кто он.

Карагоз. Сегодня я прошу тебя исполнить мою первую и последнюю просьбу. Единственную просьбу за всю мою жизнь. Ведь я навсегда уезжаю в чужой аул.

Акбала *(остановившись)*. Ты с детства, моя Козжаксым, была какой-то особенной... Всегда умела меня уговорить...

Входят пять-шесть салов, среди них Сырым.

Ой, Козжаксым, это же сын Смирного Кайнаги. Может быть, они что-то подозревают? Смотри, чтобы не выследили нас. Боюсь, они для того и пришли.

Карагоз. Не бойся. Плохого они нам не сделают. Сырым нам не враг.

Акбала. Как? Он тоже знает твою тайну?! Да ведь это такой задира. Он не удержится от насмешек!

Салы приближаются. Все щегольски одеты. Карагоз идет навстречу Сырыму.

Карагоз. Сырым... Сердце мое!

Сырым протягивает к ней руки.

Сырым. Свет жизни моей! Звезда во тьме печали моей! Мой соловей в чужой клетке! Подойди ко мне, милая моя!

Обнимаются. Салы, одобрительно улыбаясь, играют на домбрах.

Акбала. Козжаксым, да ты в своем уме? Шутишь или всерьез? Я думала, твой возлюбленный кто-то чужой. А этого повесу ты что, впервые увидела?

Сырым. Акбала, родная, чего хочешь требуй — искуплю свою вину. Но только не упрекай. Мы двое на свете. Она — Карагоз, я — Сырым. У меня нет никого, кроме Карагоз. И кто ей ровня, кроме Сырыма? Я выплакал свою любовь.

Карагоз. Акбала, родная моя... Если бы я не любила Сырыма, разве сказала б тебе, что одинока? Разве обратилась бы к тебе за помощью?

Акбала (*нерешительно*). Не знаю, моя дорогая... Ведь твоя бабушка прокляла его...

Карагоз. А разве ее благословение сделало меня счастливой?

Акбала (*нерешительно*). Ну что же, решай сама, Козжаксым...

Сырым (*Карагоз*). Акбала за нас, за нас! Видишь, ты теперь не одинока. А ну, друзья мои, где песня для Карагоз?

Акбала остается на месте. Сырым и Карагоз, обнявшись, поднимаются на скалу.

Дулат (*поет*).

Мы вас охраняем от злобных врагов,
А бесы-враги поднимают свой рев.
Друг друга нашли вы — не бойтесь судьбы,
Пусть злятся враги, видя вашу любовь.
Я песнею этой приветствую вас,

Желаю вам счастья на век, не на час,
А если я в чем перед вами не прав,
Коврами вину искуплю в этот раз.

Сырым вздыхает. Салы окружают Акбалу и негромко поют.

Сырым (*Карагоз*). Неужели мы должны расстаться? Что со мной теперь будет?

Карагоз. Ах, мой Сырым, тайна сердца моего! Злая судьба разлучает нас.

Сырым (*встрепенувшись*). Что ты сказала, Карагоз? Ты пришла проститься со мной? Ты хочешь сказать, что нам больше не увидеться?

Карагоз. Разве я могу что-то сделать?

Сырым. И ты примиришься с судьбой? Ты лучше убей меня.

Карагоз. Я хотела бы умереть вместе с тобой. Разве смерть страшней разлуки?

Сырым. Но ты покоришься судьбе, а я умру.

Карагоз. Сырым, родной мой! Ты ревнуешь, как дитя.

Сырым. Да, ревную. Ничего мне не жаль — ни земли, ни скота. Пропади все пропадом, ничего не жаль! Но я ревную тебя ко всему — к земле, к солнцу, ко всему миру. Я хочу быть защитой тебе, хочу, чтоб ты была под моим крылом. Не хочу, чтобы кто-нибудь, кроме меня, смотрел на тебя. Моя ревность — теперь мое единственное божество. Что ты говоришь? Ты хочешь сказать, что Нарша, который разлучит нас, ни в чем не виноват?

Карагоз. Да, обвинять его не в чем.

Сырым. Что ты сказала, Карагоз? Ты поняла, на какие муки меня обрекаешь? Лучше вонзи мне в сердце этот нож.

Карагоз. Не говори так, мой любимый... Ты — единственная радость моей жизни. Что бы я ни испытала, какие горести и муки ни пережила, она будет сиять во мне солнцем, неугасимым светом. В муках и печалях этот свет будет единственным моим утешением. И этот свет — ты, только ты! Но еще раз повторяю тебе: винить Наршу не в чем. Если бы он был груб, нагл, тогда мне было бы легче. Но он связывает меня своей мягкостью, своим учтивым и вежливым обхождением.

Карагоз и Сырым отходят в сторону.

Дулат (*наклоняясь к Акбале*). Дорогая моя, да что же это я на луну смотрю? (*Поет.*)

По аулам я шатаюсь день и ночь,
Девушку такую я найти не прочь,
Чтобы шеей и лицом она была,
Словно лебедь, словно горный снег, бела...

А она оказывается здесь, рядом со мной, одинокая, как береза в степи! (*Пытается обнять Акбалу.*)

Акбала. Заблудился ты, молясь луне... Так ты и на меня молиться станешь. (*Высвобождается из его объятий.*) Что же раньше-то не замечал? (*Смеется.*)

Дулат, Акбала и другие уходят.

Сырым. До сих пор я за миражом гонялся. Но заря моей жизни занялась, золотое мое солнце взошло лишь тогда, когда тебя нашел. На один миг сверкнуло счастье для одинокого, неприкаянного сердца. С того мгновения ничего не вижу, кроме тебя. Всюду вижу тебя: в степи, в ауле, ночью — в пустой юрте. И песни мои, и кюи — все о тебе. Перед моими глазами одна ты. Отовсюду глядишь на меня! Вот какая ты, Карагоз! Моя желанная, мое божество!

Карагоз. Ах, Сырым! Да если бы ты не был таким, разве была бы я так несчастна? Все, что ты мне сказал, и все слова, что шепчу тебе, я сохраню навечно...

Сырым. Когда я нашел тебя той страшной ночью, в буран, я сразу понял, что нашел тебя, чтобы навек не разлучаться!

Карагоз. А разве из-за другого я бы так мучалась?

Сырым. Открой мне все. Почему ты позвала меня? Вчера еще боялась встречи, а сегодня сама позвала.

Карагоз. Затосковала я, так затосковала, что решила увидеть тебя. Чуть с ума не сошла от тоски, потому и позвала. Думаешь, я на что-то решилась?

Салы возвращаются.

Дулат (*поет*).

Ах, Акбала, что хмуришь бровь?
Мне не убить свою любовь!
Не подступиться мне к тебе...
Так стань же милостивой вновь!
Ах, Акбала, тебе пою!
Как ты волнуешь кровь мою!
Я таю, глядя на тебя,
И смилостивиться молю!

Салы уходят.

Сырым.

Кляпусь тебе, моя судьба,
Уйдешь — тебе вослед
Пойду. Мне счастья без тебя
На этом свете нет.
Ведь без тебя погибну я,
Погасну, не раздув огня.
Что станет без тебя со мной?
Я стану пеплом и золой.
Я твой, и ты сжигай меня!

Без тебя луга и долины рода караул станут кладбищем. Для чего мне лунные ночи и звездные вечера, если тебя со мной не будет?

Салы возвращаются.

Дулат (*обращаясь к Карагоз и Сырыму*).

Пролетит наша юность — и не уследим,
Дни веселья бесследно растают, как дым,
И что станет тогда с Карагоз?
Ведь завянет, как яблоко, Карагоз.
Так давайте не медлить, и дело решим,
И не надо стенаний и слез!

Уходят.

Карагоз. Мало ли казахских девушек были проданы за скот и мыкали горе? И до чего же я глупа и несчастна! Ведь ни разу не подумала, что я, как все, буду когда-нибудь продана в чужой аул. Только теперь, когда ударили, словно обухом по голове, все поняла. И вот сейчас, рядом с тобой, обняв тебя, говорю: проклятье, проклятье тому, что зовется свадебным весельем, проклятье тому, что называется счастьем!

Сырым. Я горюю вместе с тобой. Проклятье, проклятье калыму! Проклятье бесчестно нажитому добру, опутавшему тебя! Никогда не прощу тем, кто причиняет тебе горе. Никогда не прощу роду осер и его старейшинам. Я не могу больше смотреть на твои муки. Сегодня же уйду отсюда, стану бродягой и скитальцем...

Карагоз. Нет, мой друг, не говори так. Ты должен меня сопровождать в чужой аул. Иначе я тысячу раз умру в пути.

Сырым. Нет, нет! Нельзя мне ехать с тобой. Я все там испорчу. Если ворвется на веселый пир раненый молодой медведь, худо будет. Разреши мне остаться.

Карагоз. Но, если ты не будешь меня провожать, кто меня утешит в моем горе, кто разделит мою печаль? Я прошу, я умоляю тебя.

Сырым (*задумался*). Ну ладно. Согласен. Мы поедем вместе. (*Целует ее и хочет уйти.*) Ах, родная моя, зачем ты родилась в ауле Осер? (*Печально опускает голову.*)

Появляются салы. Акбала и Карагоз уходят.

Дулат (*Сырыму*). Чем тебя Карагоз так расстроила?

Сырым. Карагоз не выдержала, воля оставила ее. Один аллах знает, что теперь с нами будет. Но я дал ей слово, что буду сопровождать ее до аула жениха. Завтра той. Будут петь жар-жар. Давайте устроим так, чтобы шум и гром пошли по степи в день отъезда Карагоз.

Дулат (*уверенно*). Правильно! Хоть одну пулю выпустим во врагов, увозящих Карагоз! Может, кого-нибудь и заденем. Пусть знают! А то что же сидеть сложа руки!

Сырым. Верно!

Коскельды. Молодцы. Хорошо решили. Отточим языки!

Даулеткельды. А то что-то мы слишком притихли, когда услышали, что увозят Карагоз. Давайте взбодримся.

Сырым. Мы не просто исполним жар-жар. Мы споем (*поет*).

О душе Карагоз, о ее
Муке, ране сердечной ее,
О глубокой печали ее.

Дулат (*подхватывая*).

О судьбе горемычной ее,
Как на скот обменяли ее.

Коскельды.

И о тех, кто теряет ее,
О любимых, о близких ее.

Сырым (*кивая всем*).

И о том, как рыдает она,
Как раба из семьи продана.

Вот о чем споем, друзья, вот к чему надо готовиться. (*Пауза.*) Что ж, биться, так биться! Я от Карагоз не отстану. Я не хочу ее терять навсегда.

Салы поют негромко.

Молодец наш Сырым!
Покажи себя им!
Песней мрак озарим!
Спой с задором лихим,
Как певал молодым!

Сырым. Тогда начинайте «Карагоз».

Все поют.

У девушки рыцарь добьется любви,
Целуй меня крепче и счастье лови!
Я щедр и богат, и ответь, у кого
И в сердце отвага, и пламень в крови!
О, луна — Карагоз!
Нам тебя довелось
Потерять. Твой отъезд
Нам принес море слез.

Уходят.

Асан (*появляется на сцене, поет*).

Накинув черный свой халат,
Невеста покидает вас,
Песнь напевая невпопад,
Уходил сал, бесясь и злясь.
И песня больше не слышна,
Стоит в округе тишина,
И на свидание во мгле
Кто явится сюда к скале?

(*Удивленно.*)

А все же в этом что-то есть...
Не тайна ли сокрыта здесь?
(*Задумывается и, тихо насвистывая, уходит.*)

Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ВТОРАЯ

День свадебного пира. Несколько женщин, приглашенных на свадьбу, собрались вокруг юрты молодых, поставленной отдельно от прочих юрт.

1-я гостья. Это юрта невесты? Сразу видно по украшениям. Поглядим, как внутри.

Входят в юрту.

3-я гостья. Говорят, родня невесты весь калым отдаст в приданое.

2-я гостья. Да что они, с ума спятили? Зачем же тогда брать калым?

1-я гостья. Верно. Ведь повсюду говорят, что этот аул разбогател, продавая своих девушек.

3-я гостья. Правильно говорят. Не так уж и много в юрте приданого.

1-я гостья. Они отговариваются, будто не хотели выдавать невесту, потому, мол, на этот раз не успели как следует подготовиться. Но вдруг заметили, что с Карагоз творится что-то неладное, и потому решили побыстрее спровадить ее из родного аула.

2-я гостья. А кто же, интересно, виновник?

1-я гостья. Этого не знаю. Здесь никто не знает, кто ее сердечный друг. Только всем ясно, что женихом Карагоз недовольна.

3-я гостья. Что ж, поглядим и на жениха. Эту юрту, должно быть, для жар-жар приготовили.

2-я гостья. А кто со стороны невесты жар-жар исполнит?

1-я гостья. Вон сколько у нас салов, а Сырым первый среди них. Посмотрим, чем сегодня нас удивит. Прежде, при проводах других девушек, он каждый раз пел, что невеста женихом недовольна. Посмотрим, скажет ли он такое о Карагоз.

2-я гостья. Думаешь, Сырым побоится? До сих пор никто его робким не считал. Он ведь особенный. Не оглянется: скажет, будто наповал сразит...

3-я гостья. Я не могу выдержать его взгляда. Такой у него пристальный, незабываемый взгляд!

2-я гостья (*смеясь*). Ах ты, негодная! И ты неравнодушна к нему?

1-я гостья. Что ж в этом особенного? Все молодыми были.

Проходят распорядители.

1-й распорядитель. Эй, бабы, что сгрудились у пустой юрты? Идите к жениху и джигитам.

2-й распорядитель. Потому и сгрудились тут, что там никому они не нужны.

2-я гостья. Ты знай свое дело — разноси блюда. Никто тебя не просил для нас джигитов искать.

1-я гостья. И впрямь, кто тебя просил? Зачем лезешь не в свое дело?

Смеются.

3-й распорядитель. Не кудахтайте. Не больно вы нужны. Торчите, как жерди, старые да мосластые.

Уходят. Появляется Акбала с двумя молодыми женщинами.

1-я женщина. Со стороны жениха жар-жар будет петь Асан. Ох, и языкаст он! Смогут ли наши салы достойно ответить?

2-я женщина. Смогут. Не сегодня на свет вылупились. Если бы жар-жар исполняла сама Карагоз, показала бы она Асану! Жаль, что она невеста. А ведь прежде на игрищах и праздниках всех девушек перепевала. Недаром училась у Сырыма!

Акбала. Найдется кому спеть. Тот же Сырым. Он ведь не таков, чтобы присоединиться к жениху и его свите.

1-я женщина. Если только не побоится бабушки.

Акбала. Нашла боязливого.

2-я женщина. В нашем ауле бабушку все боятся. Очень ее уважают. Один Сырым к ней непочтителен.

Акбала. Он рано лишился матери, сиротой рос.

1-я женщина. Должно быть, мачеха не слишком его баловала.

Появляется Маржан. В руке ее посох. За ней следует служанка.

Маржан (*раскрывая дверь юрты молодых*). Все готово? Ты здесь, Акбала?

Акбала. Здесь, бабушка.

Маржан. Стелите перед юртой ковры. В юрте все не поместятся. Пока не уедет Карагоз, будьте поодаль. А где она? Почему не сидит в юрте? (*Тихо Акбале.*) Я что-то нехорошее слышала. Бабы болтают... Что случилось? Ты знаешь? Подумай, какой позор аулу, духам предков какой позор?! Ты что-то знаешь, а молчишь!

Акбала. Вовсе не молчу. То, что Козжаксым недовольна Наршой, даже Нарше известно. Чего молчать, если сам жених знает?

Маржан. Нарша уже знает? И так ведет себя девушка, которую я воспитала! О чем она думает? *(Служанке.)* Позови ее сюда!

Служанка уходит.

Воистину справедливы слова: «Бессердечен ягненок без овцы». Осталась Карагоз без матери — уж как я ее холила! И вот она, благодарность, за мою заботу! (*Акбале.*) Кто ей голову дурит? Кого она нашла получше Нарши?

Акбала. Бабушка, я ничего не знаю. Знаю только, что Наршой она недовольна, а больше ничего не знаю.

Маржан. Не знаю... А я знаю, что Карагоз ничего от тебя не скрывает. Нюхом чую, кто подбивает на позор мою Карагоз. Вот гости уедут, уж я с тобой поговорю. Поняла?

Появляется Карагоз. Она в наряде невесты. Ее сопровождают девушки и молодые женщины.

Дитя мое, почему ты так печальна? Входя в эту юрту, ты должна помолиться и сказать: да будет долгим мое счастье! И дед твой, и бабка так начинали свою жизнь.

Карагоз молча стоит на пороге юрты.

Входи, моя хорошая. Ах, какая ты робкая! Входи.

Карагоз. Войду, бабушка, но ведь и выйти мне придется. Зачем же из этого делать примету? Все невесты в мире желают себе счастья. Если б только от одних желаний оно зависело!.. Улетаю из родного теплого гнезда в чужую холодную даль. Лучше благословите меня.

Маржан. Разве я тебя не благословляла? Если ты опозоришь мои благословения, — а они все равно что материнское молоко, — всевышний накажет тебя. А если я тебе не желаю добра, то пусть всевышний меня накажет. *(Пауза.)* Я всегда твердила: если едешь в чужой аул, где на тебя будут смотреть строгими оценивающими глазами,

будь рассудительна и осторожна. Гордой я тебя растила, но во всем нужно знать меру.

Карагоз. Бабушка, зачем ты меня позвала? Хотела что-то сказать?

Маржан. Да, душа моя, хотела сказать... Я слышала, что тебя не радует сегодняшний той. Я — твоя бабушка. Я готова всем пожертвовать ради тебя. Так вот: если тебя подозревают в чем-то нехорошем, то мне, старой, лучше умереть, чем услышать о тебе худое.

Карагоз. Разве я сделала что-нибудь нехорошее?

Маржан. Вот и Нарша расстроен. Это видно по его лицу. А разве хуже печали может что-нибудь быть? Разве я от тебя этого ожидала? Той еще не начался, а бабы уже собрались и шепчутся, шипят, как змеи... Я не стану тебя расспрашивать, что случилось.

Карагоз. Почему не станете? Думаете, пусть будет, что будет? А бабушка должна о внучке знать все.

Маржан. Нет, милая, не стану тебя расспрашивать. Не хочу травить свою душу, разжигать свое горе. Твоя бабушка уже стара. Проведи в радости, как положено предками, свадьбу; не изводи тоской ни своего жениха, ни близких своих, ни близких жениха. Не ледени нам сердце.

Карагоз. Что ж, каждый поступает, как умеет.

Маржан. Дочь моя, не поступай плохо. Хватит и того, что люди болтают. Не противоречь мне. Хватит! Входи!

Девушки входят в юрту. Появляется жених с друзьями, за ними сваты и сватьи.

Маржан *(обращаясь к Нарше)*. Дорогой Нарша, пусть всевышний продлит твое счастье навеки. Пока дочь в невестах, тесть в силе. Выдали дочь замуж — в силе зять.

Жених и его свита почтительно кланяются.

Теперь для меня и ты и Карагоз — одна плоть, одна кровь. Плоть от плоти, кровь от крови. Подойди, сын мой! *(Целует Наршу в лоб.)* Долго живи и счастливо, сын мой.

Текти. Карагоз самая любимая внучка нашей сватьи! Да позволит всевышний и Нарше и ей оправдать эти благословения.

Жарылгап. Чего лучшего может пожелать бабушка? Все мы тоже этого желаем!

Тойсары. Родители желают своим детям самого лучшего, а честные и разумные дети должны оправдать благословение родителей.

Маржан. Дети мои, если в вашей груди есть сердце, желания и надежды старших должны стать для вас законом.

Жарылгап. Ну что ж, начинайте игры!

Голоса. Да, пора начинать. Начинайте! Выходи, кто будет исполнять жар-жар. Молодежь ждет вас!

Смех.
Салы и джигиты аула выходят вперед.

Асан *(поет)*.

Итак, жар-жар наш начался!
Так где ж ты, девушка-краса?
Ты смело выходи вперед,
Пусть слушает тебя народ.

(Пауза.)

Спой без натуги нам жар-жар,
Спой так, чтоб голос не дрожал,
Спой, девушка, — тебе черед,
Заждался пения народ.

Девушки шепчутся. Наконец из толпы отделяются пять-шесть девушек в шелковых шалях. Подходят к дверям юрты. На сцене появляются Сырым и его друзья.

Голоса. Салы, салы идут! *(Расступаются, пропуская певцов.)*

Асан *(Сырыму)*. Ты с кем будешь петь?

Жарылгап. Что значит — с кем? Он джигит, значит, и петь будет с джигитами.

Маржан. Разве Сырым когда-нибудь поступал так, как все?

Сырым *(поет)*.

Пусть смеется весельчак,
Пусть нахмурится дурак,
Подпевает пусть акын,
Он не попадет впросак!
Что сегодня вам спою?
Песню лучшую мою.
Но прошу покорно вас

В гнев не впасть на этот раз,
Если все-таки спою
Неприятное для вас.

Смех.

Голоса. Ай да молодец! Недаром он первый среди наших джигитов! Как правду-матку режет!

Сырым с друзьями входит в юрту. Старшим это не по нраву.

Маржан *(Жарылгапу)*. Давно не терплю этих нечестивцев! Зачем мне их снова слушать?

Жарылгап. Но ведь он наш родич, потомок общего предка. Значит, свой. Зачем же его хулить и гнать с тоя?

Маржан. Хорошо. Не буду тебе перечить. Но знай, толку от этого не будет. Еще не раз вспомнишь мои слова.

Сырым *(обращается к Карагоз)*. Дорогая моя, не зря я сюда явился. Я сегодня похож на хищную птицу, у которой отняли птенца. Не сердись, если не сумею обрадовать твоих родичей и подружек.

Карагоз. Я все сказала, Сырым. Ничего не бойся. Поступай, как решил.

Асан *(начинает со своими друзьями жар-жар)*.

Мы жар-жар, дорогая невеста, споем!
В твою честь, дорогая, чудесно споем! Жар-жар!
От души поздравляем мы с тоем счастливым тебя,
И желаем, чтоб жизнь твоя шла беспечальным путем!
Жар-жар!

Ты свободной росла, все в округе любили тебя,
И чудесного друга-супруга нашли для тебя,
И в ауле твоем, среди родичей, среди друзей.
Мы с замужеством светлым от души поздравляем тебя!
Жар-жар!

Сырым *(поет)*.

Говорят, у невесты хороший друг! Жар-жар!
Он собою красив, говорят вокруг! Жар-жар!
Говорить можно все, но невеста в слезах,
Безутешна. Какой ее точит недуг? Жар-жар!
Не от радости плачет сегодня она! Жар-жар!
Знать, душа ее тайной печали полна.

Маржан *(не выдерживая, кричит)*. Я же говорила, что этот нечестивец Сырым сроду не пел ничего хорошего. Слышите, что изрыгает?!

Тойсары. Не ругайте его, байбише. Может, он и правду поет. А если и не правду, то какая невеста признается, что она рада замужеству и довольна женихом? *(Асану.)* А вы что застыли? Пойте!

Асан *(хором со своими друзьями)*.
Хорошо, если правда в песне звучит. Жар-жар!
И поют обо всем, что на сердце лежит,
И о том, что таится в душе: о любви,
И о том, что печалит, и о том, что страшит. Жар-жар!
Но сегодня день встречи с судьбой и с мечтой. Жар-жар!
И сегодня с весельем и радостью пой!
В день свершенья надежд разве может печаль
Воспевать приглашенный на свадебный той! Жар-жар!

Сырым *(со своими салами)*.
Говорят, нынче той и счастливый день. Жар-жар!
Но какой же сегодня счастливый день?
И какая же радость, коль слышится плач,
И, выходит, сегодня — тоскливый день! Жар-жар!
И невеста сейчас, что голубка в сетях! Жар-жар!
И какая тоска у невесты в глазах!
И не в силах сдержать она тайны души,
Изливает ее и в слезах и в словах! Жар-жар!

Старшие раздосадованы.

Маржан. Это не слова моей внучки. Она так не станет петь. Она не может так петь. Моя внучка лишь молит небо, чтобы счастливым был ее путь в аул жениха и чтобы она беспечально зажила там. Это все сочинил один Сырым. Шайтан сидит в Сырыме! Разве знает этот нечестивец, что такое честь и что такое святое благословение? Уведите его подальше от моей внучки. Нечего в нечестивую шутку обращать святое дело. Что он там болтает?!

Нарша *(своим певцам)*. То, что сказано, уже не сотрешь. Значит, не одна Карагоз недовольна. Недоволен и Сырым. А как же не слушать, если они вместе поют? Асан, продолжайте. Дослушаем до конца.

Сырым *(Карагоз)*. Слова мои попадают в цель. Это мое единственное утешение! *(Поет.)*

Я пришедших на той
Ранил песней своей.
Но ведь в клетке чужой
Заперт наш соловей.
И теперь нет судьбы

Строптивей моей —
Улетает от нас
Вольный наш соловей.

Асан *(поет один)*.

Той — не место для слез, повторяю опять! Жар-жар!
Разве можно с печалью жар-жар исполнять?
Коль невеста мудра, коль невеста умна,
Запретила бы песни такие она! Жар-жар!

Сырым.

Мы вечно готовы невесту учить, жар-жар!
Какой ей смиренной, послушною быть,
Но если на тое веселье для всех,
То вправе невеста нам душу открыть! Жар-жар!

Маржан. Хватит! Прекратите! Пропади пропадом этот жар-жар! Кто там подпевает Сырыму? Кто? Отвечайте?

Текти. Хватит! Я больше не желаю слушать! Кто там ни поет — Карагоз или Сырым, — мы уже наслушались!

Тойсары. Пусть теперь молодежь сама веселится. А мы уйдем.

Старшие уходят вместе с Асаном. На сцене остаются Маржан, Жарылган, Жабай и Сырым.

Маржан. А ну, Сырым, пойди поближе. Скажи мне все, только прямо в глаза смотри. Вот Жабай — твой отец, вот Жарылган — отец Карагоз, а я — мать Жарылгана, бабушка Карагоз. Так что я и тебе прихожусь бабушкой, а твоему отцу матерью. В своем ауле Осер, да простит меня святой наш предок за то, что называю его имя, я хочу знать всю правду. Расскажи, что ты затаил, откройся, как перед духом предков.

Сырым. Не понимаю, чего вы, бабушка, от меня хотите, не знаю, что должен вам рассказывать.

Маржан. Все должен рассказать. Отвечай, кто ты и кто Карагоз и кем она тебе доводится?

Сырым. Я джигит из рода караул. Карагоз — девушка из рода караул. Самая лучшая девушка, самая красивая.

Маржан. И это все? А более близкого предка — Осер — ты не хочешь назвать? Ты забыл о нем.

Сырым. Нет, не забыл. Помирать буду — тоже забыть не смогу. Но в роде осер целых тридцать аулов. В нем целых десять табунов. И не меньше пяти табунов эти

аулы получили, продавая своих дочерей. Таких красавиц, как Карагоз. Вам об этом рассказать?

Маржан. Отрезать бы твой язык! А разве плохо, что у нас много скота?

Сырым. Почему плохо? Совсем не плохо. Но вот передо мной стоит байбише, хозяйка аула, старшая в роде осер. Вон как она раздобрела от продажи девяти дочерей и Карагоз! Вам об этом рассказать?!

Маржан. Только это тебе известно об ауле Осер? А сам ты откуда, бессовестный этакий?

Сырым. Из того же аула! Мы с Карагоз в шестом колене родня. Хотите, сосчитаю?

Маржан *(Жарылгапу и Жабаю)*. Вы слышите, что он говорит? Подлый сын подлого времени.

Жарылгап. А ведь верно, мама. Они родня в шестом колене. Что тут такого?

Маржан. Подло... Я вот мать Жабая не называла по имени, а называла «Акженеше», а его отца «Смирный Кайнага». Никогда не перебегала им дорогу, не переступала их порог, а он мне толкует, что шестое колено — это дальняя родня.

Сырым. Как же не дальняя? В шестом колене уже женятся и замуж выходят.

Маржан. Молчи, нечестивый. Никогда не женились и замуж не выходили ближе седьмого колена. Позор! Что я вижу и что я слышу сегодня?! Почему меня не погребли заживо?

Сырым. О почтенная байбише. Мусульманские каноны позволяют жениться не только в шестом колене, но даже двоюродным братьям и сестрам. Если бы вам не хотелось за Карагоз получить побольше скота, мы бы с ней поженились, и аллах за это не перевел бы нас в число неверных.

Маржан. Отрезать бы тебе твой язык!

Сырым. Это не язык мой, это горе мое говорит. Это говорит горе всех дочерей рода караул, проданных за косяки лошадей. Это говорит моя любовь, моя песня о печальной судьбе Карагоз и ей подобных. Я говорил от имени Карагоз и сейчас говорю от ее имени.

Маржан. Жабай, Жарылгап, вы его слышите? Вы чувствуете, как жалит эта змея? Если вы не вырвете ему язык, духи предков покарают вас. И пусть сыновья рода осер не услышат и не узнают, какие мерзости говорил здесь Сырым. Если он не замолчит, если не смо-

жет сдержаться, похороните его вместе с его змеиным языком.

Жарылгап *(Сырыму)*. Ты слышишь, что тебе говорят? Это говорит святая старая мать рода осер. Жабай, по-моему, нам довольно того, что мы здесь слышали.

Жабай. Ты думаешь, мне легко снести этот позор? Ведь мой сын заживо похоронил меня. Святая истина говорит устами нашей седой матери. Я готов исполнить ее повеление. Вот мои руки, мать, они готовы исполнить все, что ты велишь.

Маржан *(Сырыму)*. Прочь из аула, блудный сын! Сгинь с глаз моих и больше не появляйся! *(Хочет уйти.)*

Сырым. Байбише, я говорил правду и, хоть лопну, повторю ее снова. Все, что я вам сказал, — святая правда.

Входит Нарша.

Нарша *(Сырыму)*. Сырым, мне говорили, не приведи бог, попасть тебе на язык. А я оказался настолько несчастен, что угодил под смертоносные стрелы твоих слов. Я чувствую, что в печали и в горе не одна Карагоз. Вы двое в горе и печали.

Сырым *(холодно)*. Чего ты от меня хочешь, дорогой? Я из тех, кто заблудился на белом свете и не найдет своей дороги. В моих аулах невесты всегда так рыдали и джигиты всегда их так оплакивали. Я прошу тебя: не трогай меня. Не хочу я с тобой вступать в спор.

Нарша уходит.

Жабай. Эй, Сырым, поди сюда!

Сырым *(подходит)*. Что ты хотел сказать, отец?

Жабай. Да что тебе говорить?! Если бы ты хоть немного уважал своих родителей, не было бы разговора о твоих бессовестных делах. Ты так обнаглел, что ни разу не спросил себя: а что скажет твой отец? Нечего и говорить о мнении чужих. Ты с ними вовсе не считаешься. Сегодня притворился таким жалостливым, что расстроил Карагоз. Думаешь, твоих проделок никто не понимает?

Сырым. Отец мой, хоть ты из рода осер, но никогда не был ни богатым, ни всесильным. Ты не раз терпел от Жарылгапа. Он и землю у тебя отбирал, и луга твои выкашивал. И ты ни разу в жизни не выбрался из петли, которую затянул на твоей шее Жарылгап. Несчастный мой отец, ты опять пляшешь под его дудку.

Жабай. Перестань болтать пустое. Я берегу честь рода осер. И снова тебе скажу: ты выбрал плохую дорогу и пропадешь на ней. Будь осторожен. Не надейся, что кто-нибудь тебя пожалеет. Запомни, что я сказал.

Сырым. И это все?

Жабай. Я сказал все. А ты пойми и запомни. *(Уходит.)*

Сырым *(напевает в раздумье).*

Карагоз — краса моя,
Горе, радость ты моя.
Богачам не нравлюсь я —
Правду им бросаю я,
Не молчу. Молчанье я
Самым подлым счел грехом.
Страшно. Тьма стоит кругом.
Все преследуют меня.

Занавес.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Аул Нарши. Все собрались в ожидании новобрачной.

Асан. Молодая едет. Она уже недалеко. Свекровь и золовки, дядья и старшие, рассаживайтесь!

Текти. Где это видано, чтобы невестке так угождали старшие? Пусть лучше Карагоз угождает нам. Мы слышали, как она устами своего сородича нас позорила.

Тойсары. Нечего поминать прошлое. Невестка, сама знаешь, пешком идет. Поняла свою вину. (*Смеется.*)

Текти. Как бы ты ни заставлял меня забыть насмешки Сырыма, я их никогда не забуду. Кто бы еще мог сказать о моем сыне, лучшем в округе джигите, что невеста им недовольна, что он ей не по нраву? И что бы тут ни говорили, я это буду помнить вечно.

Нарша. Асан уже готов выразить свое недовольство в песне. Ты согласна?

Текти. В какой песне — «Открой лицо»?..[1]

---

[1] Обрядовая песня. Поется при появлении невесты в доме жениха, когда открывают полог, под которым привезли невесту.

Асан. Могу спеть.

Тойсары. Хочешь — пой. Сырым, кажется, сопровождает Карагоз. Если он окажется вместе с ней за пологом, ты и ему открой лицо.

Смех.

Нарша. Если я хоть немного знаю Сырыма, он должен быть за пологом.

Две молодые женщины с двух сторон поднимают большой полог. За пологом Карагоз. Рядом Сырым.

Нарша *(Асану)*. Пусть даже шайтан сидит в Сырыме, все равно ты должен его усмирить.

Сырым *(Карагоз)*. У меня теперь и аула своего нет, и родных нет. Мне осталось только жить твоими радостями и печалями. Этого с меня довольно. И пусть вечно передо мной колышется этот полог. Я готов идти за ним до самого гроба.

Дулат *(целует молодую женщину, идущую с ним рядом)*. И впрямь, с такими милочками можно идти хоть на край света. И пусть вечно несут этот полог!

Асан *(поет)*.

Дорогая невестка, полюби ты всех нас,
Хоть ты пологом шелковым скрыта от нас!
Если рядом с невесткой хороший джигит,
То чужим не считайте джигита для нас!

Смех.

Майский ветер колышет пурпурный твой шелк.
Появленьем своим нас приводишь в восторг,
И невестку с джигитом, с приданым таким,
Мы впервые встречаем, свидетель в том бог!

Карагоз *(Сырыму)*. Отвечай!

Сырым *(поет)*.

Алая роза повержена в прах,
Вольная птаха забилась в сетях.
Коршунов стая спустилась с небес —
Белая лебедь стонет в когтях.
Вольная лань из степей Караул
Столь же мудра, сколь прекрасна собой!
Если б она не смирилась с судьбой,
Вам бы вовеки ее не добыть!
Пусть надо мною смеется аул —
Честь для джигита — приданым ей быть!

Тойсары. Сырым всегда сумеет поддеть. Разве он успокоится, пока нас не обидит? Эй, вы, Асан и Сырым! Еще успеете подтрунить друг над другом! А теперь лучше откройте лицо Карагоз. Старшие давно этого ждут.

Жарылгап. И говорите слова, которые принято говорить при этом. Не привыкли наши уши к тому, что вы поете от имени невесты. Если бы даже об этом вам не сказали, все равно сватов надо уважать.

Асан.

Невестка, для тебя пою,
И пусть настанет тишина.
Моей невестке песнь пою,
Пусть слушает ее она.
А если выйдет что не так,
Самих исправить вас прошу,
Я для тебя пою, келин,
И слушать еще раз прошу.
Когда келин добра, умна,
То выслушает нас она,
И будет поступать келин,
Как мы ей в песне говорим.
Но ежели келин глупа,
И неразумна, и тупа,
К чему нам песню эту петь?
Ведь все равно что ветру петь!
В ауле ты своем росла,
Беспечной отдана судьбе,
Там беззаботною была,
Здесь будет все не по тебе.
Теперь строптивость позабудь,
Почтительной со всеми будь,
Всем сестрам, братьям угождай,
Дорогу старшим уступай
И опускай глаза, келин,
Завидевши чужих мужчин.
Придут мужчины на совет,
Из юрты тотчас выходи,
Тебе средь них сидеть не след,
В степи за юртой посиди.
Коль не доела иногда,
Усни голодной — не беда!
Держи в порядке жаулык,
Спины при людях не чеши,

А то обидишь этим их.
В порядке жаулык держи
И косы прячь под жаулык.
Смирись, услышавши хулу,
И принимай, как похвалу.
Но опасайся, чтоб супруг
О чем-то не прослышал вдруг,
От сплетни и от клеветы
Оберегай супруга слух.
Теперь старейшинам спою
Я песню краткую мою.
Вы стары, вы мудры. Для вас,
Должно быть, радость видеть нас,
Сейчас вся наша молодежь
Здесь перед вами собралась.
И под веселый звон домбры,
Хоть вы добры, хоть вы мудры.
Я все ж напомнить вам хочу,
Что время подносить дары.
Обычаю не прекословь!
Я щедрость воспеваю вновь,
Которую, обняв келин,
Сейчас проявит мать-свекровь!
Дух предков возглашает вновь:
Явите щедрость, мать-свекровь!

Полог поднимается. Карагоз вместе с сопровождающими ее молодыми женщинами почтительно склоняется и приветствует старших. Сырым стоит в толпе своих джигитов. После приветствия полог снова опускается.

Т е к т и. Да снизойдет на тебя благодать всевышнего! Будь счастлива, дочь моя!

А с а н *(Текти)*. Назовите свои дары. Это самая лучшая невестка, самая умная, самая красивая. Если дарите верблюдицу, то дарите с верблюжонком, если лошадь — то с жеребенком.

Т е к т и. Дам, что пожелаешь.

Все смеются.

А с а н. Или сделайте метку на верблюдице с прошлогодним верблюжонком или на кобыле со стригунком. Но если скота вам жалко *(все смеются)*, то дарите, что угодно, мы будем рады и курту и маслу. Привет старейшинам аула!

Полог поднимается, Карагоз почтительно кланяется.

Тойсары. Желаю тебе, дочь моя, чтобы ты всем в ауле пришлась по душе, чтобы все говорили о твоем высоком уме и скромном поведении. Желаю тебе детей, и внуков, и правнуков!

Голоса. Да сбудутся ваши слова! Да сбудутся! Сбудутся!

Асан.

Входи, входи, келин дорогая, келин,
Теперь на тебя мы, келин, поглядим,
Другие пусть тоже глядят на тебя,
За то мы подарки получим, келин.

Тойсары. Сколько ни пой, скота не получишь. Нам бы только порадовать Карагоз искренней встречей. А ты можешь петь обо всем, но смотри не проси подарки.

Асан.

Овцу — и ту бы принял сал,
Но лучше серую бы взял,
Ведь серая скорей растет.
Привет невесткам и почет!

Полог поднимается. Все приветствуют Карагоз.

Текти. Асан, хватит тебе! Устали дети, да и ты уже испелся. Пусть входят в юрту. Я разрешаю.

Появляется Маржан со свитой.

Асан. Не допусти, аллах, чтобы я испелся. Мешок моих песен еще только развязан. Я помолчу, пока невеста входит в юрту.

Карагоз и сопровождающие ее направляются к юрте.

Асан *(поет)*.

Новая жизнь чем-то схожа с зарей,
Юность ушла, засиял пред тобой
Занавес алый, пусть красит твою
Белую юрту покров золотой.
Полною чашей пусть будет судьба,
Все тебе счастья желают, любя.
Правой ногою ступи на порог,
Пусть за порогом ждет радость тебя.

Тойсары. Хорошо! Замечательно! Да сбудутся слова Асана! Дорогая келин, пусть его желания будут твоими.

Пусть будут счастливы те, кого ты оставила, пусть будут счастливы те, к кому ты пришла.

Карагоз, ее свита и слуги входят в юрту.

Маржан. Моя Карагоз умом любому равна. Это мое золото. Я ее растила, лелеяла. Если всевышний пожелает, а духи предков помогут, Карагоз станет первой женщиной в вашем ауле. *(Уходит.)*

Нарша (*он угрюм, отводит в сторону Карагоз*). Карагоз, там, в вашем ауле, я еще терпел. Но и здесь, у нас, все идет не так, как должно идти. Я сгораю от стыда. Да и не я один. Тебя разве это не задевает?

Карагоз. Я верю, что тебе тяжело. Поверь, и мне тяжело из-за этого.

Нарша. Конечно, мы ведь муж и жена и должны всё — все горести и обиды делить поровну.

Карагоз. Но ни ты и ни я в этом не виноваты. Вот в чем беда.

Нарша. Не я заставил Сырыма сказать ту горькую правду, которую он сказал. Такого я бы не пожелал и своему врагу. Однако если бы ты ему этого не разрешила, если бы ты сама этого не желала, если бы не поддерживала его, разве Сырым осмелился бы это спеть?

Карагоз. Есть в словах твоих правда, но только не вся. Что, если я в горе оттого, что связана по ногам и рукам?

Нарша. Ах, Карагоз, что ты говоришь? Выходит, мы поженились не по доброй воле? Выходит, нас не благословили святыми молитвами наши родители? Значит, нас свели цепи и неволя? Мы с тобой несчастны — ты это хотела сказать?

Карагоз. Если бы раньше мы встретились с тобой, может, всего бы этого не случилось. А что теперь я могу ответить, если все, что ты говорил, — правда, и всему виной насилие. Мне стыдно и тяжело оттого, что ты так добр, и душевен, и разрешаешь все говорить тебе в глаза. Это и терзает меня. Вот стою перед тобой, говорю всю правду, все, что у меня на душе. Ты спросил меня, и я не могу перед тобой таиться. Видишь, я в самом деле несчастна.

Нарша. Ах, Карагоз, радость моя единственная, моя Карагоз! Никто из казахов, наверно, не переживал того, что мы переживаем с тобой. Но я уже принял решение: ты моя жена, нас соединили святым благословением, и

этого достаточно. Нужно держаться обычаев. Не испытывай меня больше. Я, как ветка, уже не могу дольше гнуться, осталось только переломиться. Ты слышишь? Это все. *(Отпускает Карагоз. Зовет Асана.)* Народ разошелся? Что же ты не справляешься о моем самочувствии?

Асан. Чего тебе еще нужно? Когда ты успокоишься наконец?

Нарша. Я и впрямь не нахожу покоя. На сердце у меня тяжелый камень.

Асан. Но ведь Карагоз теперь твоя. Все позади. Караульцы проводили ее. О чем же твоя печаль?

Нарша. Карагоз — одна моя печаль, Сырым — другая. Когда он перестанет издеваться надо мной? Вместо того чтобы понять меня, он становится моим врагом. Карагоз ему обо всем рассказывает. Ты поговори с ним о моей тревоге, если он не поможет нам, значит, он мне враг. Пожалуйста, проверь — друг он мне или враг.

Асан. Но сейчас об этом говорить не время и не место. Не успели приехать — и тут же начнем разбираться в наших отношениях.

Нарша. Да ведь для Сырыма все равно, что приезд, что отъезд. Поговори с ним. *(Уходит.)*

Асан (*заглядывая в юрту молодых*). Сват Сырым, выйди. Хочу слово сказать.

Сырым *(поет)*.

Ах, Асан, весельчак ты, и всем ты хорош,
Только в подлое время, Асан, ты живешь!
Хороводов не водишь. Как баба, Асан,
От джигита к джигиту ты сплетни несешь.
Но сегодня ты все же ответишь, Асан,
Кто хозяин тех сплетен? Неужто ты сам?

Асан. Ох, Сырым, ты хоть надо мной не издевайся! Я никогда не хотел быть мишенью для твоего острословия. Всегда уступал тебе дорогу, никогда с тобой не соперничал. Ведь за слово поплатишься куда сильней, чем за что-нибудь другое...

Салы в юрте. Ну, говори, говори. Джигиты, не поссорившись, подружиться не могут.

Асан. С Сырымом я никогда не ссорился и ссориться не собираюсь.

Сырым выходит из юрты.

Асан. Сырым, ты всегда все знаешь. Ты никогда не хитришь и режешь в лицо всю правду.

Сырым *(холодно)*. Что-то ты чересчур меня расхваливаешь.

Асан. Ты пел о Карагоз. Выразил ее печаль и тоску и снова поешь про то же. Но ведь эта песня имеет два жала, два острия. Если тяжело Карагоз, тяжело и Нарше. Обоим горько. Нарша сказал: «И у себя в ауле, и здесь Сырым поет одно и то же. Значит, он знает, что на душе у Карагоз. Сырым теперь мой родственник. Разве он не должен мне все рассказать, и мы общими силами вылечим Карагоз от ее тоски». Что ты на это ответишь?

Сырым. Если я пел о Карагоз, то пел о том, что всем известно. Про это знал и Нарша. Джигиту, если он и впрямь джигит, такого знанья достаточно. И подло бы я поступил, если бы стал еще кого-то называть. Не хочу я выставлять Карагоз на позор, хоть это вам и по нраву.

Асан. К тебе, Сырым, не подступишься, будто мы не сверстники. Ведь Нарша достоин любой красавицы. Доброе дело сделаешь, если поможешь ему и Карагоз понять друг друга.

Сырым. Я — кривая ветка, сам не знаю, куда расту, как живу. Все вкривь, вкось. Не знаю, что меня ждет, куда кривая вывезет. И не для того приехал я к вам в аул, чтобы стать другим. И хвастать не буду, что смогу сделать Карагоз такой, как вы хотите. Над этим уж сами мозгами поворочайте. (*Отходит.*)

Появляются Карагоз и Акбала. Карагоз подходит к Сырыму.

Карагоз. Я задыхаюсь в этом ауле. Голова кругом идет. Боюсь сойти с ума. Что делать, родной? Скажи мне что-нибудь!

Сырым. Ты же мне приказала молчать. Я уже не тот. Мне уже нельзя давать другим советы.

Карагоз. Да, да... Твой хмурый вид, твое мрачное лицо меня удручают. Сейчас приходил Нарша. Он мучится, терзается.

Сырым. Ты теперь свою жалость обратила на него? Ты его тоже хочешь понять и пожалеть! Святой стать хочешь? Вселюбящей и всепрощающей?

Карагоз. Нет, нет, Сырым, дорогой, все совсем не так. Если бы он был грубым, наглым, тогда другое дело. Но ведь Нарша ни в чем не виноват. Вот почему мне тяжело. Разве не ясно, что он переживает за свою честь и

гордость... Ведь невеста его не любит. И еще мучится, потому что я его законная супруга. Он все выполнил, как велит закон: отдал за меня калым, соединился со мной под святые слова молитвы. Да будет проклято это благословение!

Сырым. Да будут прокляты все конские табуны! Да будет проклято благословение! И это все ты говоришь, чтобы разлучиться со мной навсегда?

Карагоз. Нет, нет. Я этого не смогу сделать. Я вдруг поняла, почувствовала всей душой, что не смогу... Разлука для меня — смертельная рана. Я даже подумать об этом не могу. Времени у нас совсем мало, и я вот что хочу тебе сказать: не оставляй меня. Я не вынесу расставания. Посоветуйся с Акбалой и назначь мне еще одну встречу.

Сырым. Это правда? Если опять раздумаешь, то зачем мучить себя и меня?

Карагоз *(уходит, как тень)*. Я уже сказала.

Асан *(уходя вслед за Карагоз, поет Сырыму)*.

Аул — красотою девичьей хорош,
Уедет невеста — в тоске молодежь,
Красавица — словно в лесу соловей,
А нет соловья — лес на лес не похож.

Сырым. Да, да... *(Поет.)*

Когда на чужбину уходит любовь,
Надежды оставь и склонись пред судьбой.
Когда на чужбину уходит любовь,
Нам только рыдать остается с тобой!

(Сырым в отчаянье.)

Асан. О друг мой, в такую печаль впадают неспроста! *(Качает головой.)* Не пойму я тебя, не пойму!

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Светлая лунная ночь. Невдалеке аул Нарши... Река. Чаща. Слышится перекличка ночного дозора. Появляются Сырым и Дулат.

Сырым. Где остальные? Лошади наготове?

Дулат. Даулеткельды и Коскельды сказали, что будут ждать с лошадьми у одинокой березы. *(Пауза.)* Видишь ли, до сих пор я тебя не тревожил вопросами, что

и как. А теперь все же хочу спросить. То, что мы делали до сих пор, — это одно, а теперь — другое. Что скажут люди?

Сырым. Ты всерьез говоришь?

Дулат. Всерьез. Не думай, что я хочу себя уберечь. Нет. Я сделаю, как ты прикажешь. Но только объясни мне все.

Сырым. Коскельды и Даулеткельды не требуют никаких объяснений. А ведь и у них хватило бы ума спросить. Видно, ты хочешь быть умнее их. *(Пауза.)* Хотя, так и быть, отвечу. Ты говоришь, что, мол, люди скажут? А каких людей ты имеешь в виду? Ведь люди бывают разные. Если ты говоришь о наших родичах из аула Осер, то они, конечно, осудят нас...

Дулат. Ясно, богачи аула Осер могут что угодно сказать. Они всегда рады тебя очернить. Я это знаю и пропускаю их сплетни мимо ушей. Но я хотел бы знать твое мнение.

Сырым. Я понял, что без Карагоз мне жизни нет. Я полюбил ее и поклялся, что пожертвую своей жизнью ради этой любви. Я ведь живу и дышу сейчас только одной Карагоз. Ты мой близкий друг. Если я в чем-то виновен перед тобой, то только своей любовью к Карагоз.

Дулат. Я много слышал о любви, много видел влюбленных, да и сам любил. Но вашей любви я не могу понять, это мне не по силам. Если бы не видел своими глазами, ни за что бы не поверил. Вот поэтому я и пристал к тебе с вопросами. Спасибо, что сказал мне правду.

Сырым. Разве мы виноваты, что полюбили друг друга? Что тут плохого? Разве кто-нибудь, даже отец, может любить Карагоз сильней, чем я? Родительская любовь принесла Карагоз одни муки. Ты спроси у нее, она расскажет. А впрочем, к чему это? Не в этом дело. Ты видишь, я теперь чужой для всех. То, что я задумал сегодня, — это единственный путь для меня.

Появляются Карагоз и Акбала. Сырым подбегает к ним.

Солнце мое! Как ты осунулась! Стала совсем прозрачной. Ты не заболела?

Карагоз *(обнимая Сырыма)*. Нет, не заболела. Но на что мне здоровье? *(Плачет.)* Любимый мой! Я чувствую, что случится что-то страшное.

Сырым. Солнце мое, луна моя, что с тобой, что ты чувствуешь? Скажи мне, объясни!

Карагоз. Сама не знаю. Не выдержу я такого горя, умру. Или раскрою перед всеми душу и сгорю от стыда. Я как пьяная. А как подумаю, что ты скоро уедешь, совсем теряю голову. Мы с тобой идем по самому краю обрыва и упадем в него. Не знаю, что будет. *(Пауза.)* Ах, я словно заперта в клетке.

Сырым. Все, что ты сказала, я вижу на твоем лице. Но даже если бы не видел, все равно бы почувствовал. И дела наши сейчас такие, что хуже их одна только смерть. Давай-ка вдвоем подумаем, как быть.

Карагоз обнимает его. Плачет.

Перестань плакать, может, и найдем выход. Я хочу, чтобы ты немного успокоилась.

Молча целуются. Уходят. Появляются Акбала и Дулат.

Акбала. О всевышний, ведь ни на кого она не смотрела, никто подойти к ней не решался. И вот влюбилась в сородича, себе на горе!

Дулат. Акбала! Карагоз и Сырым ни у кого совета не спросят и никто их не вразумит и не переубедит. Давай-ка оставим их в покое. Лучше просто пойдем следом за ними. Пусть у этих влюбленных, кроме врагов, окажутся еще и друзья. Но не в этом дело. Ты сказала, что кто-то что-то подозревает. Кто это?

Акбала. Да вот несколько человек ходят с таким видом, будто обо всем пронюхали. Больше всех мне подозрительны Асан и Матай, особенно Асан. Он порой так загадочно говорит, что кажется, будто ему все известно.

Дулат. В сложных мы бывали переделках и выходили из воды сухими. Не знаю, как получится на этот раз.

Акбала. Другие, может быть, ничего бы и не заметили. Но Асан догадлив, он сам много повидал и пережил и многое знает. К тому же он хитер и коварен.

Дулат *(смеясь)*. Ах, Акбала, хорошая моя! Ты советчица хоть куда!

Акбала *(смеется)*. Думаешь, я девушкой не была? Молодой не была? Да такие, как ты, меня и учили. Но хватит об этом. Ты мне скажи, что вы с Сырымом сейчас решили.

Дулат. Я все же думаю, что Асан не намного умней остальных. Ничего бы он не учуял, если бы наши влюбленные не стали так неосторожны.

Акбала. А что с них спрашивать? Время идет. Горя день ото дня прибавляется. Ведь у них не баловство... У них настоящая любовь. Такая только в песнях бывает. Я в последнюю неделю заметила: если моя Козжаксым не увидит Сырыма, то уж и отвечать начинает невпопад, никого не слушает. Ну, прямо будто не в своем уме.

Дулат. Да, это так. Потому-то люди и подозревают ее.

Акбала. Ты должен предупредить влюбленных.

Дулат. Пока подожду. Сырым с Карагоз должны сегодня договориться совсем о другом деле.

Акбала. О каком?

Появляются Карагоз и Сырым.

Сырым. Я тебе не сказал, что сейчас Даулеткельды и Коскельды ожидают нас с оседланными лошадьми. Я приехал, чтобы увезти тебя.

Карагоз. Что ты сказал? Куда увезти?

Сырым. В аулы рода каракесек. Там мои родственники с материнской стороны. Тебе тут не жить. Я все решил. Я ведь думаю об этом с тех пор, как мы открылись друг другу. Я говорил, что больше с тобой не увижусь, что уеду, куда глаза глядят, забуду тебя. Но ты заставила меня приехать сюда, и тогда я решил, что у меня два пути: или увезти тебя далеко-далеко, где никто не отыщет нас, и там жить с тобой, и умереть с тобой, и лечь в одну могилу. Или второй путь — умереть в борьбе с врагами. Волком на них наскакивать. Сейчас я должен выбрать один из двух путей. Ты сама мне укажи, по какой дороге идти. Я хочу жить, а жизнь моя лишь в тебе.

Карагоз *(задумалась)*. Что мне ответить? Ведь другого выхода нет. Разлучиться нам сегодня — расстаться с жизнью. Сказать тебе, что не могу уйти с тобой или уйти с тобой. Настал самый главный час нашей жизни.

Сырым *(обнимает ее)*. Подумай, подумай и решись. Такая судьба, как нам, никому не была дана. И никому не была дана такая любовь. Надо ценить ее.

Матай украдкой выглядывает из-за дерева.

С тех пор как мы открылись друг другу, все проклинают нас, и нет никого, кто бы пожалел нас и понял. И я уже не в силах ничего скрывать. Больше нам нельзя таиться. Наша тайна перерастает нас. Она победит нас и не даст нам жить. Или скажи мне: «Уходи», или иди со мной.

Молчание.

Матай. А-а-а!.. Вот в чем дело. Шутки шутками, а Асан правду говорил, что ж, пусть теперь об этом все знают... (*В сторону Сырыма и Карагоз.*) Пока вы договоритесь... (*Убегает.*)

Карагоз. Ты меня победил. Ты мой повелитель. Я хочу быть с тобой. Пусть всевышний осчастливит нас, обездоленных. Он нас покарал, он должен смилостивиться над нами. Думаю, и для нас взойдет солнце. Оба мы росли сиротами. Рано умерли наши матери, и с детства мы вместе играли. Сначала друг друга утешали, а потом полюбили. Я пойду за тобой, Сырым. Другого пути у меня нет. Прошлое кончилось. Пусть счастье встретит нас.

Сырым *(крепко обнимает ее, целует)*. Если так, уезжаем сегодня. Мы будем счастливы! Идем, свет мой. Лошади ждут.

Карагоз. Сырым, всевышний нас поддержит. Мое слово крепко. Это мое последнее слово. Передумывать не буду. Но нужно подождать. Сегодня нам задуманное не исполнить.

Сырым. А когда же? Почему сегодня нельзя?

Карагоз. Хотя у нас нет родных, которые нам сочувствуют, но все же неприлично убегать, когда наши еще здесь. Как только они уедут к себе в Осер, мы убежим.

Сырым. Если за нами погонятся, то знай, что свои будут хуже чужих. Самыми лютыми врагами станут люди рода караул. Они сочтут, что мы преступили заветы предков, что мы опозорили род. Но не стану тебе перечить. Может быть, ты права. Пусть уезжают. Подойди поближе, свет мой. Пусть наше объятие соединит наши надежды.

Карагоз. Навеки!

Подходят Дулат и Акбала.

Дулат. Ну, молодцы! Пусть до конца ваших дней не разомкнутся объятья.

Сырым. А ну, Дулат, спой нам хорошее напутствие. Благослови нашу любовь. *(Обнимает Карагоз.)*

Дулат *(поет)*.

О всевышний! Пошли нам надежный путь.
Путеводной звездою в дороге нам будь.
Мы бежим. Нас преследуют тучи врагов,
И надежде в глаза мы не смеем взглянуть.
Ты спаси нас, всевышний, от черной беды,

И от тягостных дней, когда гибнут мечты.
Сбереги, огради от напасти любой,
И прибежищем стань для влюбленной четы.

Карагоз *(плачет, обнимая Сырыма)*. Всевышний, наши мольбы так искренни! Если ты не можешь нам помочь, то отними у нас жизнь.

На сцену вбегают Нарша, Асан, Матай, Жарылгап, Маржан, Жабай.

Нарша *(кричит на бегу)*. Выродились сыны аула Осер! Это не баловство! Это позор! Позор вам, отцы! Посмотрите на детей своих! *(Рыдает.)*

Жабай *(кричит)*. Проклятье вам, бессовестные! Что стоите? Почему мои глаза смотрят на такой позор? Почему они не вытекли? (*Сырыму*.) Не жить мне, если не убью тебя. Вяжите обоих!

Сырым *(выхватывает кинжал)*. Не подходите! Я умру, но не от ваших рук!

Маржан *(хватает Карагоз)*. Бесстыдница! Провалилась бы лучше в преисподнюю. Как тебе не совестно смотреть нам в глаза? Убейте, убейте обоих!

Жабай. Держите, держите эту бессовестную! Держите его!

Все бросаются на Сырыма, но тот отбивается и убегает.

Жарылгап. Принесите ружье! Стреляйте в собаку! Убейте на месте!

Шум. Крики. Погоня.

Маржан *(передав Карагоз в руки двух джигитов)*. В кандалы ее! Держать, как рабыню. Как ты смеешь смотреть на меня! Бессовестная, исполосовать бы тебе щеки.

Карогоз *(совсем ослабев)*. Я... я... Лучше убейте меня... Живой не оставляйте. Я все равно умру. Боже, возьми меня!

Два джигита связывают ей руки.

Маржан. Умри опозоренной! О всевышний, что я скажу людям?! Какими глазами мне теперь на них смотреть?

Возвращается народ.

Жабай. Ну, Сырым, я тебя и под землей найду. О всемогущий! Чем дать мне такого выродка, лучше бы оставил меня бездетным. Но я разыщу его и зарежу своими руками!

Асан. О боже, что тут творится?

Жабай. А эту девку привяжите у порога. Вместе их убьем. Где ружье? Где конь? *(Убегает.)*

Нарша *(подходит к упавшей Карагоз)*. Что с ней? *(Всматривается в лицо Карагоз.)* Что с ней?

Жарылгап. А зачем тебе знать? Пусть умрет, пусть сгинет с глаз моих. Легло на меня позорное пятно. Теперь уже на всю мою жизнь. *(Плачет.)* Есть ли на свете отец несчастнее меня?

Маржан *(слабым голосом)*. Ехала сюда по земле, обратно вернусь под землей. И это сотворила моя внучка! Внучка, которую я лелеяла. Увози ее, Жарылгап. Сейчас же увози, до рассвета. Уедем под покровом черной ночи, покрытые черным позором.

Все готовятся к отъезду. Два джигита и Нарша поднимают Карагоз и хотят ее увести.

Карагоз *(рвет на груди платье, закатывает глаза. Лицо ее безумно, волосы растрепались)*. Я умираю... Я сама умру, без вашей помощи... Что, что случилось? Почему Дулат не поет? Почему в руках Сырыма кинжал? Убивают меня? Смерть... смерть...

Нарша *(испуганно)*. Что она говорит? Она безумна... Боже, что с ней такое? *(Уходит.)*

Пауза.
Появляются Коскельды и Даулеткельды. Суматоха. Затем появляется Дулат.

Дулат. Что случилось, друзья? Что за шум?

Коскельды. Что может случиться? Пожар. Потому и шум, что пожар.

Даулеткельды. Мир перевернулся вверх дном. Хуже всего с Карагоз. Эх, Карагоз...

Дулат. Что с ней? За что ее мучают?

Коскельды. Несчастная Карагоз! Она сошла с ума.

Дулат. Что ты сказал?! Беда... Это сейчас случилось?

Даулеткельды. Да. Бедная Карагоз сошла с ума.

Появляется Сырым. Он слышит последние слова.

Сырым. Солнце мое, Карагоз! Лунное мое сиянне, Карагоз! Боже, что они говорят?! Милая моя Карагоз! *(Рыдает.)*

Пауза. Остальные тоже плачут.

Проклятье! Проклятье тебе, аул Осер. Проклятье всем потомкам твоим! Осер. Осер. Что такое осер? Осер — это значит растущий. Но в этом ауле вырастают только коварство и зло! Ливнем падает зло, и вырастают муки... Вы своего достигли. Отобрали все, что у меня было. Отобрали радость мою, отобрали мое счастье. Похоронили мои песни, мои честные, неподкупные песни. Отныне только месть, одна лишь месть будет вести меня. Клянусь, что не умру, не отомстив вашему аулу! Убьете меня, но сначала я уничтожу самое дорогое для вас.

Я знаю, что никого и ничего вам не жаль, люди аула Осер. Знаю, что у вас нет души и нет сердца. Но знаю, как пробудить у вас и душу и сердце. Есть ли на свете что-нибудь, что может вам вернуть людской облик, люди богатого аула Осер? Детские слезы не вызовут у вас боли. Чужая кровь, чужая смерть вас не тронет. Вы смело пройдете мимо чужих мук. Но я знаю, как причинить вам боль. Я разгоню ваш скот, раскидаю ваше добро, которым вы вооружены против других аулов. Не будет у вас того, что вы считаете счастьем. Я волком с окровавленной пастью стану для вашего скота! Разгоню, разорву, разбросаю все твои богатства, аул Осер! Это будет месть моя за Карагоз! Карагоз, родная моя Карагоз! Мое божество, Карагоз! Тебе я посвящу эту справедливую месть! *(Уходит.)*

Занавес.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Пристанище Сырыма. Несколько шалашей. Торчат секиры, кистени, копья. Появляются Сырым, Дулат, старый пахарь и старый рыбак. Сырым и Дулат вооружены.

Старый пахарь. Вот ты все нам привозишь и привозишь задаром. «Пахарь, бери, рыбак, бери!» Скажи, когда мы заплатить тебе должны? Ответь. Иначе жить не могу.

Сырым. Твой сын у нас берет и не спрашивает. Ты у него и узнай.

Старый пахарь. Скажешь... Сын приходил и взял, потом опять приходил, опять взял. Сегодня снова взял. Спрашивал, почему берешь и почему тебе дают? Не отвечает сын. Сегодня не выдержал и говорю: уходи. Я сам у них — у вас, значит, — спрошу.

Старый рыбак. Со мной тоже точь-в-точь так выходит. Я тоже хочу тебя спросить, Сырым-жан. Почему ты разбрасываешь свое богатство, почему раздаешь его всем? Чего ты от нас взамен хочешь?

Старый пахарь. Вот-вот. И я об этом хотел спросить. Мы бедняки. Живем возле моря. Перебиваемся еле-еле. Некуда было нам деваться. Вот и приплелись сюда.

Дулат. Потому-то Сырым и одаривает вас.

Старый пахарь. Дары дарами, но ведь и вас одаривать нужно. А чем и как? Вот старый рыбак крючки свои закидывает в бездонную неизвестность. Ни глаза, ни хвоста не видит той рыбы, от которой ждет блага. А я в черную землю просо зарою и сижу ожидаю безвестного завтра.

Старый рыбак. Мы оба ждем милости от неизвестного. Поэтому и спрашиваем тебя: ты что, ради нас наживал добро?

Сырым. О всевышний, да разве я гонюсь в этой жизни за богатством. Ведь это сама жизнь теснит и гонит меня!

Старый пахарь. Мы хоть и бедны, но не хотим продавать свою честь. Мы хотим есть только честно нажитое. Мы тебе правду говорим. И ты нам правду скажи. Не чужое ли добро ты раздаешь?

Сырым. Ох, и дотошные вы! Эх, честные мои бедняки! Что ж, придется вам рассказать. Все, что я раздаю, хоть и не совсем мое, а все-таки и не чужое.

Старый пахарь. Это как тебя понимать?

Старый рыбак. Действительно, понять трудно!

Сырым. Есть аул Осер. В седьмом и восьмом колене я им родственник. Так вот, все они мне должны, а не отдали положенной части богатства.

Старый пахарь. Значит, это твое имущество? Зачем же ты отдаешь его нам?

Сырым. Мое и не мое.

Старый рыбак. То есть как? Отцы и деды наживали? Значит, честное имущество. Значит, твое.

Сырым. Все верно, деды и прадеды наживали. Сейчас в ауле десять табунов. Тысяч пятнадцать голов. Я и

подумал, что лошади к нам попадают не зря. За них плачено слезами...

Старый пахарь. Какими слезами?

Сырым. Слезами несчастных погубленных дочерей. В нашем ауле каждую девушку так и зовут — «сорок лошадей». Вот передо мной стоят с печальными глазами мои родственницы, дочери аула, а в топоте осерских табунов я слышу стенанья и рыданья девушек. Но для вас — это честное добро. Берите его. Хотите — ездите на нем, хотите — заколите и ешьте.

Старый рыбак. Что тебе ответить, Сырым-жан? Для бедняков нашего побережья ты благодетель. А больше всего ты нравишься нам своими песнями, своей отвагой. Даже наши дети подпевают тебе и хотят быть такими, как ты.

Сырым. Ох, дорогой, ведь я пою лишь ничтожную долю того, что пел раньше.

Дулат. И впрямь, разве остались у нас песни?

Старый пахарь. Что ты сказал? О джигит, видно, тебе пришлось испытать большое горе. Ах, молодость, молодость! Друзьями своими ты нас назвал. Батыром я назову тебя. Так вот, открой нам, что у тебя на душе. Может, легче станет.

Сырым. Как открыть? Рана у меня в душе неисцелимая. Ее не откроешь. Она глубоко внутри. Рана от копья, рана от кинжала заживает. Рана души не заживает. Молил я небо: не бери у меня мою любовь, мою единственную, незабвенную, а если возьмешь — бери и меня вместе с ней, бери у меня жизнь. Оказалось, она молила об этом больше и лучше меня! Ах, моя Карагоз, Карагоз! О печаль моя! *(Рыдает.)*

Пауза.

Дулат *(старикам)*. Вы это хотели узнать? Теперь услышали?

Старики. Услышали, услышали.

Старый пахарь. Давно я чувствовал, что душа у него особенная. Да и весь он особенный. Уйдем, старик. Уйдем.

Старики уходят.

Дулат. Опять скажут, наживали долго, а раздали мигом.

Сырым. Пусть берут. Зачем нам скот?

Дулат. Да вот жаль, что с боем его отбиваем, а раздаем даром.

Сырым. Да! Да! Я и хочу, чтобы осерцам было плохо, а здешним беднякам хорошо.

Дулат. И готов за это умереть?

Сырым. Зачем умирать?

Дулат. А разве в последний раз мы сразу отбились от табунщиков? Разве не долго они за нами гнались? Сам еле живым остался. Больно бесстрашным, больно отважным ты стал!

Сырым. Да перестань. Какая там отвага?..

Дулат. Нет, правда, Сырым. Ведь в прошлый набег табунщик чуть не настиг нас. В руках у него ружье, стреляет без передыха. Я не понимаю, как ты мог чувствовать себя так спокойно под пулями. А как ты налетел на табунщика и отнял ружье! А говоришь — какая отвага? Откуда она у тебя?

Сырым. Знаешь, когда человек не боится смерти, он уже ничего не боится. А я ведь сам ищу смерти. Это не смелость, это жажда умереть. Вот ты говоришь о моей отваге. А сам ты каков? А Даулеткельды? А Коскельды? Нас четверо, а отбили целый табун у пятнадцати вооруженных табунщиков. Вот вы действительно смелые.

Дулат. Тоже смелых нашел. Я тебе объясню, в чем загадка. Предки говорили: «Будет у львиной стаи вожак собака, все львы собаками станут. А если стаю собак поведет лев, то все собаки превратятся во львов». *(Смеются.)* Словом, меня не это удивляет. Удивляет другое. Вчера, кажется, мы были беззаботными певцами, ни о чем не думали. Повсюду искали веселья. И как мы вдруг превратились в таких батыров? А где наши песни? Песни наши где?

Сырым. А впрямь, где наши песни? Где мы их оставили. Нас здесь, на побережье, называют акынами, сочинителями веселых песен. А что в нас осталось от акынов?

Дулат. Все ушло! И настанет ли для несчастных песен светлый день? Или все навсегда погибло, Сырым?!

Сырым. Как знать, дорогой мой Дулат? С той ночи, что разлучила меня с Карагоз, жестокая холодная рука схватила и сжала мое сердце. Сердце мое теперь, как лед. И душа онемела с той самой ночи.

Дулат. Ах, мой Сырым! Как мне милы твои слова. Это же в тебе душа песни поет. Струны уже натянуты, стоит их только тронуть, и польется песня. И только

Карагоз в твоей душе! Милая Карагоз! Красивая, нежная Карагоз! Она была рождена для тебя, а ты — для нее. И пусть будет проклято все, что сделало вас несчастными. И этот калым и эти законы!

Входят Даулеткельды и Коскельды. Они ведут связанного Матая.

Сырым. Матай?!

Дулат. Откуда он взялся?

Коскельды. Сижу в карауле. Смотрю — едет. И с ним еще один.

Даулеткельды. И, понятно, не зря ехал. Хотел нас выследить и натравить на нас врагов.

Дулат. Ну, это не прошлогодняя ночь. Чтобы она не повторилась, закуйте его в кандалы.

Сырым. Посмотрим, что он тогда запоет. Заставьте его сказать правду.

Матай. Да я и хочу рассказать правду. А вы не даете!

Дулат. Какую правду?

Матай. Сырым, тебе хочу сказать слово...

Сырым. Говори, если так.

Матай. Меня к тебе прислал Нарша.

Коскельды. Да, послал, чтобы поймать и отдать в руки людей аула Осер.

Матай. Нет! Нарша сказал: «Пусть приедут к нам в аул. Позови их. Никому их не выдам, честью клянусь. Пусть приедут, хоть на один миг покажутся». Он хочет что-то вам сказать.

Дулат. Нет, это петля. Это он сети закидывает. Так из аула Осер ему посоветовали, потому что нас иначе не поймаешь.

Сырым *(подходит к Матаю)*. Карагоз жива?

Матай. Жива, жива. Потому и зову. Она больна. Может, увидит тебя — вылечится. Нарша сказал: «Я не виноват перед Сырымом. Он должен приехать не ради меня, а ради Карагоз».

Дулат *(перебивая)*. Вранье! Это, Сырым, они тебе подставляют капкан.

Сырым *(Матаю)*. Карагоз вправду жива?

Матай. Жива. Нарша зовет тебя ради нее.

Сырым. Карагоз хочет меня видеть? Я могу еще увидеть Карагоз?

Матай. Ты ее увидишь. Поедем со мной. За тем я и приехал.

Дулат. Этот негодяй подведет нас! Это уловка.

Сырым. Не обманешь?

Дулат. Не верь ему, Сырым, не верь!

Матай. Честью клянусь!

Даулеткельды, Коскельды } Вранье! Он нас обманывает.

Сырым. Нет, нет! А хоть бы и обманывает, все равно поеду. Из-за Карагоз поеду. Карагоз — моя повелительница, солнце мое, мое божество. Ей я молюсь, она — моя жизнь, она — моя любовь. И смерть я приму с именем Карагоз!

Матая развязывают.

Занавес.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Юрта Нарши. Нарша болен. Рядом с его постелью постель Карагоз. В юрте Нарша, Тойсары, Асан.

Тойсары. Правду говорят — за пятьдесят лет обновляется народ, за сорок лет — казан [1]

Асан. Эх, жизнь! Какой была в прошлом году Карагоз! А сейчас и с ней плохо, и Нарша из-за нее заболел. А что с Сырымом?

Тойсары. Он с той ночи не возвращался в свой аул.

Асан. Да какой он ему свой — аул Осер? Говорят, там, как услышат, что Сырым неподалеку объявился, Жарылгап и Жабай тотчас собирают всех осерцев и затевают погоню...

Тойсары. А ведь был Сырым особенным. Среди всех выделялся. И не жаль такого молодца выгонять из аула? Гордый он был, и сердце имел пламенное. Не джигит, а огонь.

Нарша *(просыпается)*. Ох... Есть ли вести от Сырыма? Почему не едет? Не верит мне?

Тойсары. Может, едет. Кто его знает?

Нарша. Наверное, не приедет. Не хочет видеть нашу боль, наши муки. *(Пауза.)* Слаба наша надежда. Ведь Сырым не колдун, не знахарь... Ох, что с нами стало, такое горе навалилось?!

Тойсары. Беда от Сырыма пришла. Может, и исцеленье от него придет...

---

[1] Казан — котел.

Нарша. Если не излечится Карагоз, то и ко мне здоровье не вернется.

Тойсары. Что поделаешь, дорогой! Все твое горе из-за Карагоз. Говорили тебе родители и сородичи: верни Карагоз обратно, обнови постель, утешься. Но не смог ты этого сделать...

Нарша. Не могу я разлучиться с Карагоз. Прикрывал я огонь полой своего халата, хотел сберечь честь предков, думал счастье свое сберечь... Как я любил Карагоз! Разве она не была жемчужина среди жемчужин?! Горе мне...

Входит Карагоз. Она очень исхудала, еле двигается. Волосы рассыпаны по лицу. Тихо напевает. Ни в лице, ни в глазах нет жизни. В руке ветка. Карагоз явно помешана.

Карагоз *(оглядывается)*. Ходила в лес... Может, опять туда пойти?.. Далеко пойти... Далеко по лесу пойти... До могилы дойти?.. *(Смеется.)* А лес полон пенья... Он в шелковом халате... То он превращается в ветер, то в жаворонка... Нет, нет... Он становится травой, а потом вдруг чем-то другим... И как там хочется спать... Лес, листья, лес, ночь... *(Пугается.)* Ой-ой, нож, кандалы... Бабушка!..

Нарша. Карагоз, перестань. Не мучайся, бедняжка. Ведь у тебя не осталось сил. Бедная, ты ведь ходить уже не можешь. Ложись.

Карагоз *(вздрагивает)*. Ложись, говоришь?.. Послушаться?

Нарша. Послушайся. Никто тебя, бедную, кроме меня, не пожалеет. Даже моя мать говорит, что я вместе с тобой с ума сошел. Даже мать готова от нас избавиться.

Тойсары. Мать нынче одумалась.

Нарша *(Карагоз)*. Ты устала, Карагоз. Ты очень слаба. Ложись.

Карагоз *(еле двигается)*. Сейчас... сейчас... *(Прижимает ветку к лицу.)* Иду ложиться... в лес... в могилу... (*Садится на постель.*) Или нарядиться в саван?.. Или спеть?.. (*Напевает. Вдруг встает и снова уходит.*)

Нарша. Как она раньше хорошо говорила со мной! Сердце ее было холодно, но она ни разу не была груба или непочтительна. Как это меня трогало! А теперь заболела — и только твердит: лес, могила... Ах, Карагоз, ты родилась особенной, непохожей ни на кого, и умираешь

такой же. Начиналась твоя жизнь солнечной зарей, и вот превращается в сумрачную печальную ночь.

Тойсары. Ах, нельзя так... У меня тоже нет сил!.. И мне недолго жить осталось. Поправится Карагоз — я воспряну. Не поправится — и для меня жизнь кончится. Никаких не останется желаний и надежд. С каждым днем дышать тяжелее...

Карагоз возвращается.

Карагоз. Падаю... Поспать? А может, умереть... Падаю... Падаю... Падаю с самой горы... Лечу... А внизу лес... лес, густой лес... *(Шепчет и медленно двигается к постели. Машет рукой, словно кого-то зовет.)* Да, да... иду, спешу... Лес... *(Наталкивается на Асана.)* Ах, куда он скрылся?..

Асан. Кто, милая Карагоз, скрылся? Ошиблась ты.

Карагоз. Разве... разве он не звал?.. *(Смотрит на Тойсары.)* Ай, как стыдно! *(Закрывает лицо.)* Асан!

Асан. Узнала! А иногда не узнает! Вот так бы всегда.

Нарша. Она всегда узнает, только не замечает. Даже не хочет показывать, что узнает. А ведь, когда мы одни, спросишь ее, кто приходил или кто мимо прошел — всех правильно назовет.

Карагоз (*Асану*). Асан... мне... (*Показывает на Наршу.*) Ты спой ему... песню... песню... (*Прислоняется к постели.*)

Нарша. Как увидит Асана, все просит спеть. Все ей прошлое мерещится.

Тойсары (*Асану*). Спой. Может, легче им станет.

Нарша. Асан, спой старую песню.

Асан (*поет*).

Все у джигита впереди,
Мир для него хорош!
И песню ты ему споешь,
И горе, что игра...
Спасибо небу, что сейчас
Мне лучше, чем вчера.

Нарша. Глупая песня. Чем нам сегодня лучше, чем вчера?

Асан. Ну тогда слушай другую. (*Поет.*)

Парень здоров. Жизнь его вольна.
Он на ярмарке жизни гуляет сполна.
Все ему нипочем... Но обидно, что жизнь,
Словно ярмарка: не бесконечна она...

Входит Текти.

Текти. Ты что это распелся? В этой юрте только песен не хватало!

Тойсары. Его просили.

Нарша (*Асану*). А ведь песня, оказывается, хороша в свое время. Вот эту песню как приятно было раньше слушать! А сейчас она меня совсем не трогает.

Текти. Разве нам сейчас до песен?.. (*Вздыхает.*)

Нарша. О всевышний! Рассеется ли этот туман, засияет ли светлый день? Стану ли я вновь человеком? (*Вздыхает.*) Почему Сырым не едет? Неужели Матай не уговорил его?

Текти. Сын мой, успокойся. Я видела вдалеке двух всадников, не они ли? Асан, узнай.

Тойсары. Асан, выйди посмотри.

Асан выходит.

Текти. Сколько лечили Карагоз и шаманы, и знахари, и ходжи, и муллы! Ездили, ездили... Мы даже устали с ними... И она тоже, бедная... Чего я боюсь? Ведь ее бабушка со стороны матери тоже умерла от такой болезни. Хоть твердят мне, что это у нее вышло от испуга, но, чувствую, что и по наследству что-то передается.

Нарша. Мама, перестань! Мне тяжело. Нарочно, что ли, твердишь мне это, несчастная?! Я и так еле дышу. Последние надежды гаснут!

Входят Сырым, Асан и Дулат.

Сырым (*видит Карагоз*). Единственная моя! Чем увидеть тебя такой, лучше прийти к тебе без глаз! Лучше б они вытекли!..

Карагоз (*что-то мурлычет, вдруг замечает Сырыма*). Плачет... Да, да... (*Смотрит внимательней.*) Я тебя видела... Ты пел в лесу... Там, в лесу, много таких... А где твой красный халат? В лесу?.. Жаворонки...

Дулат (*Тойсары*). Ей сейчас лучше?

Тойсары. Она все время такая. Боюсь, что сейчас ей даже хуже.

Нарша. Сырым, мы с тобой ровесники. Небо тебя простит, и я тебя прощаю. Да и разве я могу не простить тебя? Больна не одна Карагоз. Я тоже болен. Слышал об этом? Вы оба родились особенными, непохожими на других. Я это чувствовал. Мне это твердила Карагоз, когда еще не была больна.

Сырым. Мы были совсем детьми и одновременно лишились матерей. Мы с Карагоз играли вместе, вместе прятались, а наедине оплакивали наше сиротство. Потом мы выросли. Как-то зимой Карагоз выехала из аула и заблудилась. Ее настиг в степи буран. Он бушевал три дня и три ночи. И никто не мог найти Карагоз. Ее сочли погибшей и даже искать перестали. Только я один дни и ночи шарил по всей округе, обморозился, но нашел, нашел ее живой, вырвал из когтей смерти. В тот день я подумал, что само небо послало ее мне навсегда, навек. Это было в прошлом году. Зимой. Но я ничего не сказал Карагоз. Мы вернулись в аул из снежной мглы. И только потом открылись друг другу.

Нарша. А теперь видишь, какой стала Карагоз? В муках и печали вы поддерживали друг друга. Подойди теперь к ней, помоги ей узнать тебя. Пусть вспомнит прошлое.

Тойсары. Вдруг это ей поможет... Вспомнит прошлое, и тогда...

Асан. Сырым, назови ее по имени!

Текти. Да, да. Позови ее. Может, она ответит!

Дулат. Ах, как она была прекрасна! А теперь смотреть на нее тяжко. Сырым, ты видишь, ее глаза живые! Скажи что-нибудь, Сырым...

Сырым. Что сказать? Разве я думал когда-нибудь, что Карагоз потеряет рассудок, а я, став изгнанником, бродягой, вернусь сюда колдуном и знахарем? Разве думал, что переживу разлуку с Карагоз и стану влачить жалкую жизнь?! О создатель, до чего ты меня довел, что ты со мной сотворил! (*Смотрит на Карагоз.*) Солнце мое, Карагоз! Ты узнаешь меня? Подойти к тебе? Я Сырым. Ты позабыла меня?

Карагоз (*прижимает ветку к лицу*). Лес... Это бабушка... Ты — Сырым... Спой! (*Внимательно смотрит на Сырыма.*)

Сырым (*подходит к ней, берет за руку*). Если спою, вспомнишь меня? Будешь со мной говорить?

Карагоз (*полусознательно*). Да, да, спой! Я тебя знаю.

Сырым. Душа моя! Солнце мое! Горемычная птаха моя... (*Плачет.*) Ведь с тобой ушли все мои песни. Я пою теперь только, чтобы плакать. (*Плачет, поет сквозь слезы.*)

Кончается жизнь. Умирает джигит,
Проклятьем настигнут и пулей пробит.
На голову беды свалились, и вновь
Рыдаю от горя, печалей, обид.
Я соколом смелым поднялся в зенит,
Но горе согнуло. С любимой джигит
Расстался, и солнце померкло в глазах,
И крылья повисли, и песня молчит.

Карагоз удивленно смотрит на Сырыма.

О солнце мое, я раздавлен тоской,
Хоть слово скажи, я теперь сам не свой,
Я буду молиться, я буду рыдать,
Слезами хочу изойти пред тобой.
Умру соловьем, разлученный с тобой,
Пусть с песней рассеется сумрак ночной,
Хоть был я повесой и баловнем был,
Но горе опутало черной змеей.

Карагоз (*внимательно всматривается в Сырыма. Голос ее слаб*). Да... да... Так было...

Сырым (*целует руку Карагоз, прикладывает ее руку к своим глазам*).

Говорю с тобой в муке, в рыданьях, в слезах,
Обессилел от черного горя, печах.
И молю: пусть придет ко мне снова тот час
В том же самом лесу, погруженном во мрак...

Карагоз (*испуганно вскрикивает*). А-а!.. Лес... Сырым.... Ночь... Бабушка зовет... Зо-вет... зо-вет!.. (*Падает навзничь. Испуганный Сырым садится рядом с ней.*)

Тойсары. Как ее лицо переменилось!.. Несчастная, совсем ослабела. Не надо было ее мучить...

Нарша (*лежа, приподымает голову*). О небо!.. Она умирает. (*Плачет.*) Одно лишь слово прощения. (*Падает обессиленный.*)

Карагоз умирает. Тойсары читает предсмертную молитву.

Т е к т и (*тихо плачет*). Бедная! Сколько мук тебе на роду было написано. Все кругом рыдают. О аллах! Неужели и надо мной тяготело ее проклятье?

Т о й с а р ы. Все! Карагоз уже не вернется.

С ы р ы м (*сначала молча сидит, потом прижимается к Карагоз и обнимает ее голову*). Солнце мое! И, лишившись рассудка, все обо мне молилась! Молилась, наверно, чтобы вот так перед самой смертью я склонился к твоему изголовью. Твои молитвы сбылись. Вся моя жизнь будет посвящена только памяти твоей. Дулат, бери мое оружие и возвращайся на побережье. Всем поведай, как отрезаны все мои жизненные дороги, как уничтожены все мои надежды, как перебит мой хребет! Наверно, меня скоро не будет среди живых! А если останусь жив, то найду моих друзей и присоединюсь к ним. А враги могут найти меня у изголовья Карагоз. Теперь никто не отнимет у меня Карагоз! Она моя! (*Падает, рыдая, на тело Карагоз.*)

З а н а в е с.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Ночь. Вдали сверкает молния. Одинокое кладбище. Склеп.

Г о л о с С ы р ы м а и з с к л е п а.

Я еще был несмышлен и мал,
А уже сиротский жребий знал.
Радостью была лишь Карагоз,
И ее ты у меня отнял.
В горестях проходит жизнь моя,
И давно уже мечтаю я,
Чтоб всевышний подарил мне смерть,
Не снести мне тяжесть бытия...

Раскрывается дверь склепа, показывается С ы р ы м.

С ы р ы м (*он исхудал, оброс*). Сорок дней и сорок ночей плача. Сорок дней и ночей горя. А когда же придет ко мне смерть? Давно хочу умереть, а все еще жив. Бесстыдная жизнь не покидает меня. И кого жду, на что надеюсь? Чего желаю? (*Входит в склеп.*) Могила... Могила безмолвная, мрачная. Ни одна песчинка не развеялась, ни щелочки нет, чтобы хоть ноготь любимой увидеть. На седьмой день она мне приснилась. Сегодня, на сороковой день, она должна ко мне снова прийти. В сороковой день

она должна вспомнить меня. Жизнь прошла, пир закончен. Песня пира обернулась песней траура. Ты не выдержала, Карагоз. Ты ушла. *(Падает, обнимая могилу.)* Солнце мое! Что мне делать? Что? Ответь? Вот я возле тебя. Если в эту ночь ничего не скажешь, так и останусь лежать, пока не уйду к тебе... Единственное мое желание — уснуть навеки.

Сырым лежит. В дреме ему видится Карагоз.

Карагоз (*появляется при свете молнии живая и красивая, как прежде*). Ах, Сырым! Об одном тебя прошу! Ведь ты мужчина! А мужчина должен защитить нас обоих. Тебе это по силам. Ты же владеешь огневым словом! Если поверишь в себя, к тебе снова вернется вдохновение и зазвучат пламенные песни! Укрепись духом, вдохновись, раскрой уста! Докажи нашу невиновность. Вот что тебе поручаю. Пусть твой голос пронесется мощным ураганом, ломающим деревья леса. Никто не посмеет преградить твой путь. Все твои недруги распластаются перед тобой, как травы, примятые ливнем и бурей. Вдохновись! Раскрой уста! Проснись! Иди бодро, грозно! Пой! Пой!

Карагоз исчезает. Сырым просыпается. Он весь под впечатлением сна.

Сырым. Это правда, солнце мое? Это правда? О единственная моя! (*Поет.*)

Как целебен голос твой!
Осенью, дождливой мглой
Солнце вешнее взошло,
Пахнет в воздухе весной.
Сердцем я заледенел
И душой окаменел,
Но теперь оттаял весь.
Голос твой меня согрел.
Будто горечи и мук
Стало меньше, будто вдруг
Из души, как из домбры,
Вырвался счастливый звук.
Горе в эту ночь меня
Обвивало, как змея,
Звал я смерть, и ты тогда
Исцелить пришла меня.

Свет на небе засиял,
Мне дорогу указал,
Солнце ты, я — тень твоя.
Ты ушла — я мрачным стал.
(*Бодро поднимается.*)
Лейся, песнь моя, звучи!
Лейся, словно с гор ручьи,
Лейся, пенься и реви,
Словно ураган в ночи!
Раздувай свой тайный жар,
Взвейся, как ночной пожар.
Пусть сгорю в твоем огне!
Мне себя совсем не жаль...
(*Смотрит в могилу.*)
Над могилой твоей ночь сегодня черна.
Говорю тебе, спрятавшаяся луна,
Говорю тебе, камень могильный, теперь
Смерти я не хочу. Мне не гибель нужна.
Я коня оседлаю, чтоб недругам вновь
Отомстить за поруганную любовь!
Плеть из змей ядовитых себе я совью,
Закалю я на молниях пику свою,
И в свидетели я позову небеса,
Что отныне не дрогну в смертельном бою!

(*Внезапно слабеет, падает, прислонясь к склепу. Через некоторое время поднимается и уходит бодрым шагом.*)

Занавес.

1925-1959

АЙМАН И ШОЛПАН

Музыкальная комедия в четырех актах, пяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Айман }
Шолпан } сестры.
Маман, их отец.
Котибар, предводитель рода шекты.
Тенге, его младшая жена.
Арыстан, брат Котибара.
Алибек, богач из рода жетиру.
Старик, приближенный Котибара.
Жантык, акын из рода жетиру.
Балпык, акын из рода шекты.
Молодой узбек, сын купца.
Узбекские купцы, жители аула, девушки, молодые женщины, воины Котибара.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Многолюдный аул. Зеленый луг. Вдоль ручья ряд молодых берез-ок. Вдали синеют холмы, зеленеют пригорки. На склонах — юрты, струйки дыма. Пасется большой табун. На берегу ручья там и тут торчат пни и валуны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Акын с домброй, украшенной перьями филина. Он поет, потрясая домброй. Вокруг него группа нарядных джигитов во главе с Алибеком.

Жантык

Песнь моя затевает игру
Над становьем сынов жетиру,
Так степной аргамак на ветру

© Издательство «Художественная литература», 1975 г.

Стелет хвост и летит без дороги.
Обладаем мы силой большой,
Овладеем мы мигом душой,
Гордым сердцем любой недотроги.
Мы сосватать невесту не прочь.
Где же, где же Маманова дочь?
Почему не хотят нам помочь,
Нашу жажду томят на пороге?

Джигит из свиты

Что? Здесь нам торчать до скончанья времен?
Неужто пришли мы сюда на поклон?

Алибек

А вот и Жарас. Пусть он вестником будет,
Объявит о нашем прибытии он.

Джигит из свиты

Жарас, подойди-ка. Скажи без обмана,
Когда здесь появится дочка Мамана?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жарас

Я думаю, скоро явиться должна,
К ручью на гулянье приходит она.
Однако простите мое любопытство,
Зачем она вашему баю нужна?

Алибек

Хочу поглядеть на красавицу эту.

Жантык
(*Жарасу*)

Понравится баю — получишь монету.

Жарас

На мзду не позарюсь я, сколько ни дашь,
Девица не пастбище, я ей не страж.
Кто смел и силен, тот ее и получит.
Да вы мне скажите, в чем замысел ваш?..

Алибек

Женюсь я на ней, коль того пожелаю.
Я ровня любому богатому баю.
И чем я не пара невесте такой?
Ее, словно беркут лису, оседлаю.

Жарас

Ах, вот что!.. На сладкое заришься ты?
Душою твоей завладели мечты?
Задумал ты дело... Но встретишь преграду:
Соперник твой здесь — Арыстан из шекты.

Алибек

Болтаешь себе ты на горе.
Каких мне страшиться преград?
Да знаешь ли, как я богат?
Богаче шектинца стократ!

Жарас

Возможно, ты прав. Я не спорю.
Кусок достается обжоре.
Тебе же хотел я помочь...

Алибек

Но где же Маманова дочь?

Жарас

Она здесь появится вскоре...

Алибек со своими людьми уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Появляется Арыстан со свитой.

Арыстан

Мы ждем не дождемся, а этот Жарас
Стоит здесь, как пень, и не смотрит на нас.
Невесту сулил привести на смотрины.
Да кто же она, чтобы ждать ее час?

Жарас

И так я все бегаю с места на место.
Все только и знают: «Скажи, где невеста?»

Балпык

Ты, друг мой, забылся, видать по всему.
В чем дело? О чем говоришь, не пойму.

Жарас

О чем?.. Алибек в этом деле замешан:
Сосватать невесту охота ему...

Арыстан

Что мелешь? Какой он мне к черту соперник?
Тягаться со мной нет расчета ему.
Придется ему убираться отсюда,
Рога обломаю в два счета ему.

Жарас

Какую ж ты выбрал из дочек Мамана?

Арыстан

Которая краше, та мне и желанна.
Затем и приехал я, чтоб выбирать,
По праву невесту возьму без изъяна...

Жарас

Права выбирать лишь богатым даны,
Соперник силен — у него табуны,
Его не обскачешь, скажу я по чести.
Ему предоставят и выбор жены,
А ты б ко второй пригляделся невесте.

Арыстан

Не уступлю богачу!
Разве ему по плечу
Силой со мною тягаться?
Мигом его растопчу,
Сам двух невест получу!..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Появляется Алибек со своими джигитами.

Алибек

Мир тебе, о батыр, и удача!

Арыстан

Мне бы впору твой мир и удача.

Алибек
(засмеявшись)

Здесь я — путник, такой же, как ты,
Полно, где уж нам, сирым, удача!

Арыстан

Сошлись мы с тобою на узком мосту,
Видать, мы одну затаили мечту.
Но мы — не козлы, ни к чему нам бодаться...

Алибек

Согласен. Твой довод я верным сочту...

Арыстан

Зачем же ты встал у меня на дороге?
Я славен, и род мой совсем не убогий.

Алибек

Что спорить о славе? Показывать нрав?
Пусть люди решают, кто прав, кто не прав.

Балпык

В посредники надобно выбрать Жараса.

Алибек

Что ж, выбор неплох, ведь Жарас не лукав...

Жарас

Ну, что вы! Ведь в судьи совсем не гожусь я —
Ни власти средь вас не имею, ни прав.

Голоса

Жарас, будь судьей! Ты рассудишь, как надо,
Где — мясо, где — сало, легко разобрав...

Жарас

Тогда пусть невеста и выберет мужа.
Она — человек, и неглупый, к тому же...

Арыстан
(про себя)

Боюсь, что она предпочтет богача.
(Вслух.)
Дать волю девчонке — что может быть хуже?!

Алпбек
(про себя)

Боюсь, что батыра она предпочтет.
(Вслух.)
Девчонку — судьей? Это нам не расчет!

Арыстан

Девица что лошадь — добыча набега.
Кто ж мненье ее принимает в расчет?

Алибек

Табун за девицу отдать не зазорно,
Но, право, зачем воздавать ей почет?

Арыстан

Тогда пусть советчиком будет обычай,
По первенству пусть нас рассудит обычай.
Я первым приехал, и выбор за мной.
Бесчестье тому, кто забудет обычай!

Алибек

Мой род — жетиру, значит, первый здесь я.
Твой довод любой опровергнет судья.
Красавиц из рода шекты я не сватал,
В твои наезжая родные края!

Арыстан

Не спорь ты со мной, я тебя одолею,
Оставил бы лучше ты эту затею.

Алибек

Не сдамся, пока голова на плечах,
И лучшая девушка будет моею.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

В кругу девушек, веселясь и танцуя, появляются Айман и Шолпан.

Айман

Ой, сколько джигитов на нашем лугу!
Вы кто? Вижу я незнакомые лица.

Шолпан

Не надо имен. Лучше в общем кругу
Нам вместе с джигитами повеселиться...

Жарас

Нет, лучше назвать свое имя и род,
Не глядя, покупку никто не берет,
Особенно если хотят породниться...

Хор

Жарас, ты б гостей и представил как раз —
Как надобно, чтоб ни обид, ни прикрас.
Смотрины в обычае, но почему же
Здесь два жениха появилось, Жарас?

Жарас

Вы правы, здесь два жениха, и тем паче
Два грозных соперника ищут удачи.
Вот это богач Алибек. Он решил,
Что выигрыш будет за тем, кто богаче.

Шолпан

Немало в степи и Мамановых стад,
Богаты и мы, раз отец наш богат.

Арыстан

Душа моя, речь твоя слух мне ласкает.
Прошу, обрати в мою сторону взгляд.

Обе девушки глядят на Арыстана.

Жарас

А вот Арыстан из шекты, знаменитый
Батыр, Котибара могучего брат.
Решил он, что схватит летящую птицу,
Что сохнут по нем все невесты подряд.

Шолпан

Но разве не кончилось время батыров,
А пуля разит не верней, чем булат?

Айман

Батыр?.. Разве этим людей огорошить?
Что хвастаться силой? Сильна ведь и лошадь.

Алибек

Да! Всех в наши дни лишь богатство влечет,
Богатому слава теперь и почет...

Айман и Шолпан

Вы все нам сказали?.. И все же мы сами
Хотим убедиться, своими глазами
Хотим поглядеть, каковы женихи,
Уж лучше глядеть, чем болтать языками.

Хор

Хотим поглядеть, каковы женихи,
Оставим слова и займемся делами...
Хотим поглядеть, каковы женихи,
Нет веры словам. Что докажешь словами?

Балпык
(настойчиво)

Вот наш Арыстан, молодой исполин,
Он в землю загонит врага, словно клин,
Высок он и статен, отважен и знатен,
Знакомство с ним — честь, ведь такой он один!

Айман

Что делать мне?.. Выбрать батыра, пожалуй.
А если ошибка?.. Здесь риск. И немалый.

Жантык

А наш Алибек разве плох? Хоть куда!
Совсем молодой, а какие стада!
Слетел с высоты он, завидев добычу.
С любым потягается он без труда.

Шолпан

Пожалуй, богатого выбрать неплохо,
Что хочешь за денежки купит пройдоха.

Балпык

Батыр, он в бою повергает врага,
В делах он хватает быка за рога,
И та, что судьбу свою свяжет с батыром,
Поймет, как находка ее дорога.

Шолпан

Батыра избрать? Неплохая затея.
Пожалуй, подальше пошлю богатея.

Жантык

Почет Алибеку среди жетиру,
Нет счета скотине его и добру,
Все племя гордится моим Алибеком.
Он вам не чужой и вполне ко двору.

Айман

Как быть? Отказать я батыру готова
И выбрать в мужья богача молодого.

(Всем.)

Какая ж из нас приглянулась кому?

(Алибеку.)

Вот вы, например, — каково ваше слово?

(Арыстану.)

И вы без утайки скажите, как есть,
Кого бы могли вы из нас предпочесть?

Арыстан
(про себя)

Что делать? Зайдет ум за разум.
Задача — попробуй реши!
Сосватать обеих бы разом!

Алибек

К чему мне таиться? Скажу от души:
Влюблен я в обеих, горю — хоть туши!
Кому же из вас я отдам предпочтенье,
Когда вы, красавицы, так хороши?

Шолпан
(со смехом)

Признался он честно. Понятно — богатый,
Привык загребать он деньжонки лопатой!

Айман

Уступит ли в этом батыр богачу?
Сужденье его я услышать хочу.

Жарас

Конечно, он скажет, что взял бы обеих.
Робеть ли такому, как он, силачу?

Арыстан

Да, да! Так бы я и ответил, бесспорно,
Известно тебе — моя глотка просторна.
Прекрасны, по-моему, обе сестры,
И в жены обеих мне взять не зазорно.

Айман
(насмешливо)

Где видели вы доброхотов таких?
Двух девушек сватает разом жених!
Без выбора сразу тащить на аркане!..
Какие лихие! Смотрите на них!
Вы разума, верно, лишились, джигиты,
Пускай имениты вы и родовиты.
Ваш выбор мы знаем. Теперь будет наш.
Что скажете? Вижу, вы очень сердиты!

Арыстан

Какая досада! Попал я впросак:
Все дело испортил мне этот ишак!

Алибек

Ай-ай! Как подвел меня этот безмозглый!
От жадности спятил! Все вышло не так!

Айман, Шолпан и хор
девушек

Любая болячка пристанет к разиням,
Однако насмешку в лицо им не кинем,
К чему нам джигитов охаивать зря,
Но правду в глаза им сказать не преминем.
С шумною стаей подруг
Вышли невесты на луг,
На женихов поглядели —
И опечалились вдруг.
От мимолетного взгляда
В сердце не страсть, а досада,
К свадьбе душа не лежит,
Счастья такого не надо!

Уходят, смеясь и приплясывая.

Жарас
(Арыстану)

Зачем кипятишься, могучий мирза?
Скажи, кто из девушек лучше, мирза?

Арыстан
(вскакивая)

Сначала пусть этот глупец отвечает...
Да, так я и знал: насмеются в глаза...

Алибек

Э, нет! Лучше ты говори, раз приперло!
Твоими капризами сыт я по горло.

Жарас

Аи-ай, молодцы! Из-за девушек спор?!
Хоть, впрочем, известно: от них весь раздор.
Джигиты, ну где ваша прежняя удаль?
Я вижу, совсем вы раскисли. Позор!

Арыстан
(Алибеку)

Скажи, наконец, ты кого выбираешь?

Алибек

Нет, ты назови нам одну из сестер!

Арыстан

Ты прежде ответь, а уж я за тобою...

Алибек

Не выйдет! Я вижу, ты больно остер!..

Арыстан

Я в камень бездушный готов превратиться,
Коль первым я выскажу свой приговор.

Алибек

Ну что ж, раз ты первенство мне уступаешь,
Женюсь на Айман, и закончим наш спор!

Арыстан
(растерянно)

Кто? Я уступаю?! Что мелешь ты вздор?!

Жарас

Богач не ошибся, жену выбирая,
Жемчужина, эта Айман, дорогая,
Вдобавок, умна да и старше сестры,
Ее окружает вздыхателей стая.

Арыстан

Не уступлю никому!
Сводники мне ни к чему!
Вижу все хитрости ваши!
Сам я Айман и возьму!

Алибек

Девушка будет моей,
Не пожалею рублей!

Арыстан

Не отступлюсь от невесты!
Ты мне перечить не смей!

Жарас

А разве Шолпан вам невеста плохая?
Отец ее холит, во всем потакая.
Достанется мужу наследство Шолпан,
Поскольку нет сына у старого бая.

Алибек

Ладно, пусть эта Айман
Будет женой Арыстану,
Шел издалека он к нам,
С ним я тягаться не стану,
В дом свой Шолпан уведу,
Видно, уж мне на беду
Писано так на роду...

Арыстан

Нет! Не поддамся обману,
Промаха не допущу!
Я ведь богатства ищу,
Стало быть, случай прекрасен,
Прав ты, почтенный Жарас,
Выбрать Шолпан в самый раз.

Алибек

Нет! С этим я не согласен!

Арыстан

Хватит! Шолпан я возьму!

Алибек

Ладно уж, быть по сему.
В спор я с тобой не вступаю.
Хочешь Шолпан? Уступаю!

Арыстан

Это, приятель, умно!
Всех мне осилить дано,
Кто бы со мной ни тягался,
Верх я возьму все равно...

Алибек

Тебе, знать, нужна не женитьба, а драка.
Худого о нас не сказали б, однако...
(Жарасу.)
Послушай, Жарас, ты б рассеял туман,
Скажи, дорогой, кто Шолпан, кто Айман?

Жарас
(умышленно сбивая с толку)

Да, да, я сейчас, дорогой, растолкую:
Айман — та, что справа стоит от Шолпан,
Шолпан — та, что справа стоит от Айман.
Лелеет отец и одну и другую.
Хотя посторонним, конечно, видней,
Мамановых не различишь дочерей,
Они — молоко недоступное птичье.
Шолпан — та, что справа стоит от Айман,
Айман — та, что справа стоит от Шолпан...

Алибек

О чем ты болтаешь, шайтан?

Арыстан

Обеих бы взять без различья!
Обеих бы разом обнять!
О чем еще можно мечтать?

Глаштай

Люди! Идите скорее!
Кличут на той шумекеи
Всех, кто веселию рад!
Там за холмом на равнине
Дым подымается синий,
Юрты построены в ряд.
В каждой из юрт, как для хана,
Жирного жарят барана,
Славно гостей угостят.
Если вы важного чина,
Сладкая ждет вас конина.
Все, кто веселию рад,
К пиршеству пусть поспешат!
Всем угощенья достанет,
Юношей пиршество манит,
Мертвый воскреснет и встанет!
Эй! Все на пир, стар и млад!..

Голоса

Той!.. Той!.. Той!..
Все на той!.. Ведь не часто бывает такое.
Вот уж повеселимся, джигиты, на тое!..

Многолюдная пестрая толпа со смехом и танцами дружно повалила на той.

Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Празднично убранная большая белая юрта.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Появляются шумекеи, хозяева пира. За ними — Жарас.

Первый шумекей

Ну что за напасть! И случись же такое!

Второй шумекей

Свалились на голову нам эти двое!

Третий шумекей

Как сппы на падаль, напали на нас!
Настырные! Ведь не оставят в покое!

Первый шумекей

Их двое, а юрта всего лишь одна.
Но мы-то при чем? Разве наша вина!

Второй шумекей

Маман табунами своими кичится,
Батыр Котибар — тем, что хватка сильна.

Третий шумекей

Я вам говорил: эту юрту не ставьте!
Теперь из-за этого чуть не война!

Первый и второй шумекеи

Ты умный? Вот выход найти и попробуй!
Нам всем не пришлось бы столкнуться
со злобой!
Ворчишь, словно дело твое сторона...

Появляется Котибар со свитой.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Котибар

Эй, вы! Что раскаркались, словно вороны!
Замыслили, вижу, чинить мне препоны.
Вы слышали: я эту юрту решил
Занять. Иль желанья мои не законны?

Первый шумекей

Жарас, дорогой, посоветуй, как быть!

Второй шумекей

Найди ты слова, чтоб унять его прыть!

Третий шумекей

Болячка напала на род шумекеев,
Лекарство найди, чтоб недуг отвратить!

Жарас

Батыр Котибар, наш герой достославный,
Стоишь ты за слабых горой, достославный!
Весь род шумекеев покорен тебе,
Их свалишь одною рукой, достославный!
Ты юрту хотел? Будь их воля на то,
Была бы она за тобой, достославный!
Но в эту игру затесался Маман,
Попробуй его успокой, достославный!

Котибар

Заткнись! И не вздумай валять дурака!
Маману скажи: поберег бы бока!
Сейчас я с гнедым отправляюсь на скачки,
А ты здесь кошму постели мне пока!
(*Уходит.*)

Появляется Маман со своими людьми.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Маман
(сердито)

Мой гнев усмиряет упрямца любого,
Ослушников я покараю сурово.
Вам сказано: я эту юрту займу!
Не ставят уже ни во что мое слово!

Первый шумекей

Твердил я, что будут у нас неудады!

Второй шумекей

И сам ты, мой друг, не избегнешь беды.

Третий шумекей

Жарас! Ну найди же какой-нибудь выход!
Нечистый — и тот сторонится вражды!

Жарас
(Маману)

Почтеннейший бай, снизойди к шумекеям!
Что юрта! Души для тебя не жалеем!
Но требует юрту батыр Котибар,
Попробуй поспорь-ка с таким лиходеем!

Шумекеи
(вторя Жарасу)

Оступимся здесь — не собрать и костей!
Что будет — об этом и думать не смеем.
Привык он дубиной охаживать всех,
Глядишь — и клинок погуляет по шеям...

Маман

Не робок я, буду стоять на своем.
Во мне сидит дьявол похлеще, чем в нем.
С упрямым батыром я как-нибудь справлюсь.
Вернусь — подготовьте мне пышный прием!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Первый шумекей

Как же решить этот спор нам?

Третий шумекей

Горе нам! Стыд и позор нам!

Жантык

Два идола бесятся с жиру, видать.
Богач не уступит батыру, видать.
Неужто нам век угождать пустомелям?
Давайте купца в эту юрту поселим!

Второй шумекей

Пожалуй... Купца пригласить в самый раз!

Появляются купцы. Направляются к юрте.

Третий шумекей

Ты это не худо придумал, Жарас!..

Появляется Маман и его дочери. Входят в ту же юрту.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Первый шумекей

Теперь, что бы ни было, взятки с нас гладки!

Жарас
(указывая на вновь прибывших)

Вишь! Сколько их! Ждут нас еще беспорядки!

Второй шумекей

Стоять будем насмерть на этом пиру!
Надеюсь, что будут за нас жетиру.

Группа женщин выводит ряженого, одетого сватом, в женском свадебном головном уборе — саукеле.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Шолпан
(с громким смехом)

Жарас, что ты скажешь об этом наряде?
Не жаль ничего шапки этакой ради!

Сват пляшет. Шуточная пляска пародирует старые обряды.

Жарас

(женщины ему подпевают, указывая на свата:
«Ай, шайтан! Что выделывает! Поглядите!
Вот плясун! Ва-ра-ра! Ва-ра-ра! Ва-ра-ра!»)

Эй, люди! Сюда! Как вам нравится сват?
Как он разодет! Что за пышный наряд!
Вот бусы — овечий помет нанизали,
Обрывком кнута опоясан халат.

(Смех.)

Что толку копаться, друзья, в родословной!
Он знатен, и черт ему, видно, не брат!
К лицу ему клинышек жидкой бородки,
Одежда, осанка — все радует взгляд!

Выходит второй сват с лицом, вымазанным простоквашей.

А это, друзья, богатей! Что за ляжки!
Он сдобен, дороден, пузат, толстозад!..
Спина в синяках!.. Эй, почтенный, признайся:
Заездили бабы? А? Что ж ты, не рад?..
Ай! Плюнь ты на все! Синяки — это мелочь!
А жиру-то! Сотни собак не съедят!

Появляется Алибек с приближенными. Среди них акын Жантык. Все кланяются Маману.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Жаптык

Ну, кажется, время похвал наступило!
(Когда мое слово меня подводило?)
Маман, ты владыка вершин и степей,
Завидна звезда твоя, сам ты светило!
Стоит пред тобой мой мирза Алибек,
Хоть молод — в делах он большой воротила.
Он многих батыров и баев затмит,
Богатство его всех вокруг ослепило!..

Жарас

Знай меру, акын, даже если ты пьян.
А ну как нагрянет батыр Арыстан
И скажет: «Молчать! Здесь командует сила!»

Алибек

(подсаживаясь к девушкам)

Батыр да батыр!.. Что за бред!
Выходит — мне девушки нет?

Аймап

Джигит! Вы в себе усомнились?!
О чем говорите, мой свет!

Алибек

Да, в споре есть узел сомнений.
Но как развязать? Дай совет!

Шолпан

Ах, вот что! А мы-то слыхали,
Что вы удивляете свет
Смекалкой, решимостью в деле!
Гляжу — это вы или нет?
В речах ваших все недомолвки...

Алибек

От праздных речей только вред!
Однако скажу, что батыров
Осилю, — таков мой ответ!

Комедия «Айман и Шолпан» на сцене
Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова.
1 акт. 1960 г.

Жарас

Конечно, ты важная птица,
Тебе отступать не годится.
Богач — да чтоб не был спесив!
С деньгами любой загордится.
Но знай: Котибар хоть куда,
Он в спорах был первым всегда,
Его принижать мы не будем,
Шектинцы — лихая орда.

Алибек

Шекты да шекты!.. Надоело!
Хулить наше племя — не дело!

Маман

Пускай Котибар-удалец
Покажет, на что он пригоден.
Толкуют: он смел, благороден,
А может, он просто наглец?
А может, шектинцы не правы,
И вовсе не стоит он славы?

Голос

Я вижу какой-то отряд;
На воинах пышный наряд!

Второй голос

Э! Сам Арыстан к нам приехал,
Батыра великого брат!

Алибек
(указывая на Шолпан)

Айман приглянулась батыру!

Шолпан

Что делать? Не гнать же проныру?
Деньгу не берем за погляд.
(Подмигивая Жарасу.)
По мне он страдает, гляди-ка,
Но спутал с Айман, горемыка...
(Смеется.)

Появляется Арыстан с приближенными.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Первый шумекей

Батыр! Сколько зим, сколько лет!
Привет!

Арыстан

И тебе, брат, привет.
Пожаловал к вам я на праздник
С почтеньем, как добрый сосед.

Первый шумекей

Тебе наша дружба знакома,
Мы рады тебе, будь как дома!

Арыстан

Я тоже к вам с дружбой иду.
Шекты с вашим родом в ладу.

Первый шумекей

Не раз мы бок о бок сражались
И вместе встречали беду!

Айман
(Арыстану)

Привет вам! И пусть вас минуют печали!

Шолпан
(ткнув себя пальцем в грудь)

Вот только Айман с ним поладит едва ли.

Айман

Я вижу, сестра, опасаешься ты,
Чтоб вдруг за Шолпан тебя не посчитали.

Арыстан

Вы правы: Айман добиваюсь давно
И рад, что ее повстречать мне дано.

(Шолпан)

Но ты, Айман-жан, почему так сурова?
В чем дело? Понять твою речь мудрено.
Айман! Твоя слава гремит по округе.

Всю жизнь о подобной мечтаю подруге.
Неужто же я не поспел на торги?!
Скажи мне всю правду сама, не солги!

Айман

Да что вы! Меж нами нет места раздорам!

Шолпан

Здесь юность, здесь шутка с веселым задором!
На ветер бросаете, друг мой, слова,
Туманным смущаете нас разговором.
Здесь не к чему тень наводить на плетень,
Зачем прибегать к обвиненьям и спорам?
Для нас — что батыр, что богач Алибек, —
На каждого смотрим приветливым взором.

Алибек
(с самодовольной усмешкой)

Позвольте, я вот что хочу вам сказать:
По жизни, подобной безбрежным озерам,
Прекрасная белая лебедь плыла,
Как ясное солнце по синим просторам.
Едва оперилась — отправилась в путь,
Чтоб друга такого найти, за которым
Стояла б стеной вся орда богачей.
Вот так! Иль сочтете слова мои вздором?
(Смеется. Все более возбуждаясь.)
Скажу напрямик — мне вилять ни к чему, —
Ведь жизнь коротка, все мы канем во тьму.
Хотя не слыву я меж вами батыром,
Лучами я лебедь мою обойму.

Шолпан
(со смехом)

Выходит, напрасны мои ожиданья,
Ждала жениха, а явилось сиянье!

Айман
(смеется)

Гляжу на джигита — как ловок и скор! —
Но это — увы! — не хвала, а укор.

Арыстан
(к Шолпан)

Айман! Свет очей моих! Но почему так
Пробрал меня холод? Ответь мне без шуток!

Шолпан и хор девушек

Кто ищет, сумеет найти,
Но с вами ли нам по пути?

Арыстан

Суди ты меня справедливо,
Молю я тебя снизойти!

Шолпан

Не бог я, владеющий миром,
Не быть мне подноркою сирым!

Айман
(смеется)

Ай-ай! Как не стыдно, сестра!
Смеяться! Над кем?! Над батыром!

Шолпан

Но я не аллах, не судьба.
К чему же мне чья-то мольба?

Арыстан

Беда! До чего же строптива!
Кусается — прямо крапива!
(Про себя.)
Но как хороша! Ведь не зря —
Айман! Даже имя красиво [1].
Пускай горяча и кичлива,
Женюсь! Да поможет мне бог
Добыть это светлое диво!

Алибек
(Жантыку)

Чего же ты ждешь? Развяжи свой язык,
Скажи о желаньях моих напрямик.

---

[1] Айман — луноликая.

Жантык

Айман несравненная, ты недоступна
Для многих, кто силой и славой велик,
Мирзы и батыры племен горделивых
Мгновенно сникают, увидев твой лик.

Арыстан
(Балпыку)

Со всякими смеет равнять Арыстана!
Кто я — кто они! Растолкуй им, Балпык!

Жантык

Ты ровня, Айман, одному Алибеку,
Из всех только он пред тобой бы не сник.
Завистники пламя и камни глотают,
Но к ярости их господин мой привык.
Мы сватать приехали — и не уступим.
Смешно! Нас желают поставить в тупик!
Мирза Алибек — аргамак легконогий,
В байге он обскачет соперника вмиг.

Балпык

Я вижу, акын, ты сегодня в ударе,
Но будешь побит и подвергнешься каре,
Заплатишь мне дань!.. Правда, что с тебя
взять?
Слова продаешь ты, как бязь на базаре.
Болтаешь, расхвастался, словно купец,
Который в своем не уверен товаре.
Молчал бы! Ты против батыра — ничто,
Сопливый младенец с мирзой своим в паре!

Алибек

Жантык, ты послушай, как горлом берет?
Возьми же батыра и ты в оборот!
С чего он заносится? Сам желторот!

Арыстан

Мирза! Речь такая тебе не пристала!
А ну, повтори, что сказал ты сначала!

Алибек

По горло я сыт хвастовством, говорю.
Батыр? Где батыр здесь? Я вижу бахвала!

Арыстан
(вскакивая)

Деньгу зашибая, щенок обнаглел!
Ишь ты — расшумелся! Совсем одурел?
Поди-ка, Жарас, извести Котибара:
Торгаш этот вызов мне бросить посмел!

Жарас уходит.

Жаптык

Страдают шекты стародавним пороком,
Нет-нет он и выплеснется ненароком
(спутники Алибека подхватывают):
Чуть что, на былинку с дубиной идут,
Так бьются, что пот с них струится потоком.
Как волки, ночами шныряют они,
Бедняги — все это выходит им боком.
В довольстве живут жетиру, а шекты
На деньги их смотрят завистливым оком,
И тот, кто батыром слывет среди нас,
Бродяжит и днем, и во мраке глубоком.

Балпык
(ему подпевают спутники Арыстана)

Опять, жетиру, невпопад говоришь,
Тебе, видно, голову кружит барыш,
Должно быть, шайтан за язык тебя дернул.
Болтай же вовсю, несмышленый глупыш.
Наскучит — гоняй на базар и с базара
Овец — этим ты богачу угодишь.
Но помни, тебя обдеру я, как липку.
Что? Струсил, как баба? Дрожишь, словно мышь?!

Появляется Жарас.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Жарас

Бай Маман! Передать я желаю
Котибара послание к баю.
Все, как есть, передам, не совру.
Он сказал: «Я знатней жетиру,
Я им нос, слабосильным, утру!

Мне гордыня их не по нутру!
Что играть нам с Маманом игру?
Не уступит он мне подобру,
В порошок я упрямца сотру!
Мне, достойнейшему на пиру,
Юрту где отвели? На юру?!
Не полезу я в ту конуру,
Не желаю дрожать на ветру,
Никаких я хором не желаю,
У Мамана жилье отберу!»

Маман

Что несешь?! Насмехаться изволишь?!

Жарас

Я при чем? Я посредник всего лишь.
Но с батыром не стоит шутить,
С ним столкнешься — свой лоб же расколешь.

Маман

Мне советы твои ни к чему,
Сам, коль надо, решенье приму!

Арыстан

Здесь, я вижу, болтать лишь горазды,
И слова не подвластны уму.
Неразумные! Я не позволю
Род шекты задевать никому!

Алибек

Вот бахвал! С ним тягаться куда нам!
Он себя возомнил ураганом!

Жарас

Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! Что за страсть!
Два верблюда сражаются всласть!
Мухе не за чем в драку соваться,
В этой стычке ей, бедной, пропасть!
Мне пришлось толковать с Котибаром, —
Так и пышет враждой. Ведь недаром
Стал кричать: «Занеслись жетиру,
Промышляя доходным товаром!»
Как разгневался он! Ну и ну!
Изрыгает хулу и слюну:

«Обуздаю, кричит, шумекеев,
Жетиру непокорных сомну!»

Маман

Ах, так? Передай же ему, что на счастье
Стада мне опорой, защитой мне власти.
Пускай только сунется! Я не боюсь
Угроз, а ему не уйти от напасти!
Чуть что — разгоню его нищую рать,
Махну в Оренбург, в Петербурге дам знать!
Друзей там полно у меня — понимаешь?
Большие чиновники, всякая знать!
Не уймется — сам будет пенять:
Вмиг заткнут шелудивому глотку,
Угодит в кандалы, за решетку!

Жарас

(делая шаг в сторону шумекеев)

Ну что ж, будь по-вашему, бай,
Хоть можно хватить через край...

(Насмешливо.)

Да ладно уж, ладно... пускай!..
По спинам, дубина, гуляй!
Ладно уж, ладно... пускай!..
Батыр да богач... ай-ай-ай!
Козел да осел,
Баран да бугай,
Друг друга рогами бодай!
Лупи что есть мочи! Пинай!..
Давай же! Давай!..
Давай-давай!..

(Уходит.)

Маман

Эй, начинайте игру!
Смех и веселье — к добру!
Время гулять на пиру!
Эй, ничего не страшитесь —
Все на себя я беру!

Молодой узбек начинает пляску, изображающую козлодранье. К нему присоединяются другие джигиты. Узбек изображает всадника, который с тушей козла вырвался из толпы. Затем он пляшет один. В его танце — торжество победителя. Появляется Котибар.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Котибар

Эй, ты! Свистопляс! Убирайся отсюда!

Танец прекращается.

Торгаш ты, разносчик соблазна и блуда!

(Жантыку.)

Попробуй меня, пустобрех, одурачь!
Копейка — цена болтовне словоблуда!

Маман

(Жантыку)

Давай говори! Нарывается сам!

Жарас

(шумекеям)

Быть свалке, друзья. Не пришлось бы нам худо!

Алибек

Шатер у батыра не выше, чем наш.
Заносчивость эта, скажите, откуда?

Жантык

(запальчиво)

С шекты мы не первый тягаемся год.
Скажу напрямик: этот грубый народ
Безмозглой дубиною сдуру кичится,
Ее знаменитым батыром зовет!
А наша опора — торговец богатый,
В делах никому не уступит наш род.
Пусть лопнут глупцы! Мы проучим любого,
Всех недругов наших возьмем в оборот.

Котибар

Видать, по тебе моя плеть заскучала!
Заткни свою льстивую пасть, подпевала!

(Маману.)

Подумай, кого ты поносишь, Маман!
Еще пожалеешь! Наш спор только начат.
В байге мой гнедой кого хочешь обскачет.
Себе же на горе поймешь ты, что значит
Батыр! Сам пощады запросишь, Маман!

Жарас

Почтенный батыр, вы вмешались некстати,
О младшем своем не подумали брате:
Он дочку Мамана сосватать решил,
Но есть и соперник, и тоже из знати.

Котибар

Кто смеет соперничать с братом моим?
Какой-нибудь здешний? Его укротим!

(Арыстану.)

Скажи мне, кого ты из девушек выбрал?
Надеюсь, что ты не уступишь другим?

Жарас

Айман — вот на ком он жениться задумал!
Он с ней от души объясниться задумал,
Но спутал ему всю игру Алибек:
Посвататься к той же девице задумал.

Котибар
(Айман)

Мой свет, выбирать здесь, бесспорно, тебе,
Душа не одна здесь покорна тебе.
Глянь: два жениха — этот слева, тот справа.
Кого же избрать не зазорно тебе?

Айман

Я думала: вы-то хоть будете с краю.
Как быть? Я со старшими в спор не вступаю.
Но мне жениха выбирать ни к чему:
Из них ни того, ни другого не знаю.

Котибар
(девушкам)

Так знайте же: тигры в засаде молчат,
И только рванувшись к добыче, рычат,
Да так, что от этого грозного рыка
Смолкает скулеж присмиревших волчат.

Айман
(смеясь)

В густых камышах, там, где тигр обитает,
Другого зверья, слава богу, хватает.

Случается, тигр попадает впросак:
Не дался ему даже заяц-русак.

Котибар

Ух, как дерзка недотрога!
Видно, в ней сладости много...
Сжать бы, как персик, в горсти!..
Взять бы, к себе увезти!..

(Арыстану.)

Эй, брат мой! Смелее! Доверься аллаху!
Надеюсь, не дашь ты, душа моя, маху!
Давай выбирай! Что понуро стоишь,
Как мерин? Тебя ведь не тащат на плаху!

Алибек

Дано выбирать здесь не только ему,
Свое как достойный соперник возьму!

Котибар

Умри, Арыстан, но Айман добивайся!
Шекты не должны уступать никому!

Маман
(возмущенно)

Моих дочерей вы оставьте в покое!
Ишь торг развели! Пресеку я такое!

Котибар

Которую выберем, ту и возьмем!
Со мною не спорь, я сильней тебя вдвое!

Айман и Шолпан
(Маману)

Отец, ваша воля для нас, как приказ,
Над ними еще посмеемся не раз,
Пускай они рвут свои космы от злости,
Но пусть разлучить и не пробуют нас.

Маман

Смотри-ка, не лопни, батыр, от гордыни!
Ай-ай! Сколько ярости в этой дубине!

Котибар

Клянусь! Я тебе покажу, богачу!..
Я уши тебе, как рабу, отхвачу!

Невесты не дам ни одной Алибеку,
Обеих в наложницы заполучу!

Маман

Да кто же я? Нищий? Мне хватит отваги!
Своих дочерей не отдам вам, бродяги!

Котибар

Не хочешь — не надо! Возьмем их силком.
И сам не уйдешь — обернись хоть жуком.
Себе заберу я обеих девчонок,
Нагряну — вверх дном опрокину твой дом!

Замахивается на Мамана. Люди их разнимают. Потасовка.

Занавес.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Ночь. По краям сцены белые юрты. Самая большая — юрта Маманна. По бокам ее две свадебные юрты. Обе расшиты узорами. Рядом со свадебными — обыкновенные серые юрты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Суматоха. Над аулом тревожные крики. Слышатся возгласы: «По коням! Скорей!», «Окружай, окружай!». По сцене мечутся в испуге женщины и девушки, старые и молодые. Их волосы распущены. Многие почти раздеты.

Голоса нападающих
(приближаются)

Эй! Налетай! Сокрушай!
Стан жетиру окружай!
Бей! Не робей! Окружай!

Голоса защитников аула

Эй! Отходите!

Бьются копьями и дубинами.

Голоса сражающихся

Ах ты, бедняк!
Так его! Так!
Ну, погодите!

Ломи стеной!
Глаза закрой!
Эй, говорю, отходите!
Ах ты, бедняк!
Так его! Так!

Нападающие наседают, теснят обороняющихся. Все это изображается в танце. У танцоров в руках дубины, секиры, палки. Перед зрителем картина внезапного набега. Люди сражаются, избивая друг друга, пешие и конные. Наконец видно, что орда Котибара берет верх, преследует противника.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Появляются Айман, Шолпан, Жарас и молодой узбек. Двое последних без рубах, босиком, в чапанах, накинутых на плечи.

Айман

Жарас, что же делать нам? Как уцелеть?

Шолпан
(в отчаянье топнув ногой)

Уж лучше пропасть, чем попасть в эту сеть!

Айман

Неужто поганый стервятник способен
Всех знатных, всех лучших людей одолеть?

Жарас

Что толку теперь распинаться задаром?
Я всем говорил: не шути с Котибаром.

Шолпан

А все — шумекеи!.. К чему я веду?
Их пир и навлек на аул наш беду.

Жарас

Не мы — Котибар на людей нападает,
Так писано, видно, ему на роду.

Айман

Жарас, подскажи, как нам быть, горемыкам!

Узбек

Аллах, помоги нам в несчастье великом,
Ты видел — застали враги нас врасплох.

Айман

Кто знал, что такой приключится подвох?

Жарас

Ну ладно, отныне от вас я ни шагу.
Поверьте, я друг вам, и мертвым здесь лягу, –
Но все же какой-нибудь выход найду,
Раз вместе пришлось угодить в передрягу.
(Отсылает обеих сестер к ближним юртам.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Узбек

А мне-то как быть, досточтимый Жарас?
Сочту твой совет за отцовский наказ.

Жарас

Бедняжка!.. Я штуку такую припас!..
Мы в женское платье должны нарядиться...
Зачем? Сам поймешь, если ты не тупица.

(Уводит юношу за руку.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Отступает последняя малочисленная группа защитников аула.

Первая женщина
(мечется по сцене, причитая)

Ой! Вот он, батыр! Супостат и злодей!

Вторая женщина

Безбожник, палач, бесноватый злодей!

Джигит

Покуда цела, уноси-ка ты ноги!

Первая женщина

Вот! Вот он, батыр! Ой, проклятый злодей!

Появляется Котибар, преследуя убегающего джигита.

Котибар

Чуть свет нападаю вдвоем
С моим смертоносным копьем.
Без устали ночью и днем
Трусливого недруга бьем.

(Сбивает джигита с ног, наступает на грудь, хочет пронзить.)

Врешь! Не уйдешь никуда!
Вышибу мигом твой дух,
В ад угодишь без труда...

(Своим джигитам.)

Всех — и детей, и старух, —
Всех волоките сюда!
Падаль!.. Прихлопну, как мух!

Вводят связанного Мамана.

Сил в тебе мало, Маман!
Я усмирял не таких!
Видишь, что стало, Маман?
Спорил со мной — да притих!

Маман

Эх, Котибар-сумасброд!
Радуйся — ваша взяла!
Только учти наперед:
Слух до столицы дойдет,
А за такие дела
Власти возьмут в оборот.

Котибар

(хватает Мамана за бороду, обнажает нож)

Ах, так? Задушу, как собаку, невежу!
Паршивую бороду эту отрежу!
И плачься властям, шелудивый урод!

Тяжело дыша, вбегает Арыстан. Хватает батыра за руку.

Арыстан

Батыр! Я прошу тебя, как о награде:
Не трогай седой бороды, бога ради!

Маман

Нет! Режь!.. Да не бороду — голову с плеч
Секи! Я не стану молить о пощаде!

Котибар, покачав головой, отпускает старика. Маманa уводят.

Котибар

Отца я не трону. Но дочери где?
Все дело ведь в них — не в его бороде.

Джигиты бросаются на поиски.

Арыстан

Неужто хватать их силком и — на лошадь?
Прости, что за них заступаюсь в беде.

Котибар

Эй, брат, не дури! Больно жалостлив стал ты!
Зачем я к Мамановой мчался орде?
День-ночь я скакал из-за этих красоток!
И вот мы у цели, но где ж они? Где?

Приводят Айман и Шолпан.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Котибар
(*Арыстану*)

А вот они обе! Добыча богата!
Ты что, недоволен заботами брата?

Арыстан

Спасибо тебе. Мы Шолпан заберем,
Вторую отпустим в родительский дом.

Котибар

Балбес! Что болтаешь? Оставь эти шутки.
Невесту отдать Алибеку? Нет, дудки!
На месте твоем я бы взял пятерых.
С двумя он не справится! Ну и жених!
Возьмем и Айман, чтоб отдать за кого-то.

Арыстан

Не дело задумал ты, брат. Не пойму,
Зачем отдавать неизвестно кому?

Котибар

Не зря же я пролил в бою столько пота!
Кому отдавать — это наша забота.

(Своим джигитам.)

Где девушки? Живо тащите их всех!
Слегка поразвлечься нам, право, не грех.

Мой брат — этот мямля — без наших набегов
Так век бы и прожил, не зная утех.

Джигиты тащат нескольких связанных девушек. Те рыдают.

Айман

Батыр! Дай опомнюсь! Так тяжко в позоре!
Клянусь, не увидишь слезинки во взоре.
О, милый наш край! О, наш добрый отец!
Ну как мне ума не лишиться от горя?!
Молю об одном лишь, разлуку кляня:
Пусть мой избавитель получит меня,
Пускай Алибек, коль с душой не расстался,
Людей поднимает, седлает коня.

Шолпан

Я злобному не уступлю своеволью,
Накинуть узду на себя не позволю.

Арыстан
(подходит к Шолпан)

Мой свет! Успокойся. Ведь я не злодей.
Мой братец зачинщик опасных затей.

Шолпан
(насмешливо)

О да! Ты, конечно, ни в чем не виновен!
Но я не пойду за тебя, хоть убей!

Вбегает группа воинов во главе со стариком.

Старик
(Котибару)

Маману назло — пусть попляшет подлюга!
Велел я ограбить купца, его друга.

Бегут, пытаясь скрыться, две женщины в длинных одеждах. На головы накинуты покрывала. Это переодетые Жарас и молодой узбек.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Жарас

Куда нам податься? В ауле шекты,
Как быть, если ими кишит вся округа?

Держась в стороне от вооруженных джигитов, Жарас и узбек внезапно сталкиваются с самим Котибаром.

Котибар
(преграждает им дорогу)

Ни шагу! Ни звука! Закройте глаза!
Ты чья, говори?.. Ты, скажи, чья супруга?..

Узбек

Жен-па я Мам-ма-на, мирза...

Котибар
(обращаясь ко второму)

Что блеет безмозглая эта коза?
Обеих возьму, и придется вам туго!

Жарас

М-ма-а-ма-а-на же-е-на я, м-мирза.

Старик

Коль я обознался, коли мне глаза!
Конечно же, это Мамана супруга!

Котибар
(старику)

Тогда их берем. На верблюда — и в путь!
Пойдут за верблюдом Айман, не забудь!
(Воинам.)
Эй вы, джигиты, по коням!
Враг мой повержен во прах.

(*Потрясая копьем.*)

Силу имеем в руках!
Страху на всех мы нагоним!

Женщины и девушки
(причитая)

Что ж ты нас отдал, аллах,
В когти дал коршуну злому?
Век тосковать нам по дому.

Айман

Прощай же, свобода, и край мой родной.
Беспечные дни пронеслись стороной.
Дохнуть не могу, как на отмели рыба,
Безжалостной выброшенная волной.
Душа вся горит на мангале позора,

Злорадно глумятся враги надо мной.
Все время мне слышится голос отцовский:
Он дочь призывает, он плачет, родной.

Шолпан

Мы дети богатого бая Мамана.
Владел табунами отец и казной.
Баюкали нас всех мастей иноходцы
В жемчужном седле с узорчатой каймой.

(Хор подхватывает.)

Росли мы, не зная упреков и брани.
Наш пышный базар стал сегодня золой.
Неужто я стала добычею легкой,
И коршун меня оседлает степной?

Жарас

(также причитая, взывает к людям)

Горе нам! Горе нам! Горе!
Век вековать нам в позоре!
Голос от плача ослаб.
О, Котибар! Сколько пыла!..
Ой, Котибар! Ну и сила!..
Ой, Котибар! Ну и сила
Против девчонок да баб!..

Уходят.

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Скалистый склон. Лес. Ночь. Шатры. На утесах дозоры. Спящие воины. Отряд Котибара остановился на ночлег.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сидят Жарас, молодой узбек, Айман, Шолпан и группа пленниц.

Айман

Горька наша доля, тернисты пути.
Злорадствует недруг, но, как ни крути,
Слеза не поможет. К чему ж убиваться?
Какой-нибудь выход нам надо найти.

Шолпан

Нет, ты не права, рассуждая, как прежде.
Ты разве жива? Что ж твердишь о надежде?
Жила ты, как в масле катается сыр,
Увы! Ты теперь не такая, как прежде.

Айман

Не ради забавы веду эту речь.
Спасаться нам надо, чтоб честь уберечь...

Жарас

Ай, девушка!.. Ай да Айман! Молодчина!
Нам хитрой уловкой нельзя пренебречь.

Узбек

Спасибо! А то я совсем растерялся.
Теперь словно гору мне сбросили с плеч.

Появляется старик.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жарас
(Айман и Шолпан)

Старик здесь все ходит и ходит, пройдоха!
Кой-что у него разузнать бы неплохо.

Айман

Скажи нам, старик, ну когда же пройдет
Пора невеселая наших невзгод?

Старик

Батыр вас проведать велел. Он едва ли
Не плачет, услышав, что вы зарыдали,
Он радости вашей, как собственной, ждет.

Шолпан

Слыхали? Батыр с нами делит печали
И радости!.. Прочь убирайся, урод!..

Старик уходит. Узбек тихо причитает.

Айман

Как ему худо, бедняжке!
Ой, как стенания тяжки!

Шолпан

Так же несчастны и мы,
Но ведь не молим поблажки.

Айман

Нет, он грустит о другом, —
Может, тоскует по ком?

Шолпан

Мало ему, что бесчестье,
Словно на голову — гром?..
Мне бы мальчишкой родиться...
Что и мечтать о таком?!
Будь я мужчиной, джигитом,
Вот бы сражалась с врагом!

Айман

Полно! Не надо, сестрица!
Мучиться так не годится.
В пору мне плакать с тобой.

Жарас

Девушки, ваши беседы
Все про печали и беды,
Тошно их слушать — хоть вой.

(Узбеку.)

Слушай, не плачь, дорогой,
Лучше устроим потеху.
Только веселью и смеху
Впору бороться с тоской!

Узбек
(Айман)

Свет мой, что делать мы будем?
Выход подскажешь ты людям?
В этих делах ты ловка.

Айман
(встает)

Здесь мы — во вражьей берлоге,
Связаны руки и ноги,

Но не смирюсь я, пока
Шутка и смех — нам отрада!
Прочь же, печаль и тоска!

Жарас

Ай да Айман! Так и надо!
Радуешь ты старика.
Повеселиться не худо.
Молод я стал. Что за чудо!
Так бы и взмыл в облака!

Пускается в пляс. К нему присоединяется вся группа во главе с узбеком. Пляска изображает схватку грубой, неуклюжей старости с гибкой, хотя и незрелой, силой молодости. Комизм состоит в том, что ловкая, проворная юность смеется над старостью, которая безуспешно пытается одолеть ее. Хотя юность связана и лишена свободы действия, она не мирится с неволей и рвется на свободу. В разгар веселья появляется Тенге — жена Котибара — в костюме молодого джигита. Смотрит на танцующих.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тенге
(дождавшись конца пляски)

Сказал Котибар: на войну, мол, пошел.
А сам зацепился за бабий подол.
Девчонок хорошеньких спутал с врагами.
Ну как тут не злиться? Вот старый козел!

Жарас
(Айман, показывая на Тенге)

Понятно: здесь, кажется, хитрое дело.
Держись позадорней, веди себя смело.
Скажи, что батыр тебя в жены берет,
Что здесь ты не пленница. Уразумела?

Айман
(игриво)

На смену печалям, веселье, спеши!
Во мне наш властитель не чает души,
Друзья, вас счастливые дни ожидают.
Грустить ни к чему — развлекайся, пляши!

Тенге

Невестой батыра себя величаешь?
Ты счастлива? Радости ждешь? Не смеши!

Айман

А что! Он возвысит меня. Ведь толкуют,
Что жены его уж не так хороши.

Тенге

Ишь как загордилась, а мозгу-то мало.
Кого — старика себе облюбовала!
Но знай: у батыра такая жена!..
Тигрица!.. Ты б ссору с ней не затевала.

Айман

Что делать? Тут слово, увы, не за мной,
Тут нет моей воли и выбор не мой,
Тут власть Котибара, а он, как известно,
Давно уже брезгает старой женой.

Тенге

Ты вот почему удила закусила!
Тебя, значит, верное дело прельстило?
Но что будешь делать, дружок мой, когда
Тебе не покажет соперница тыла?

Айман

Ясного это ясней:
Тут же разделаюсь с ней.
Пикнуть — скажу ей — не смей!
Сам же батыр мне в угоду
Мигом — в служанки ее,
Чтоб испытала невзгоду,
Чтоб одевалась в тряпье,
Чтоб убирала жилье
И приносила мне воду.

Тенге

Так, значит, справишься с ней?
Мигом расправишься с ней?

(Убегает.)

Жарас
(Айман)

Не дай ей опомниться — слышишь?
За нею вдогонку скорей!

Вместе с Айман все устремляются за Тенге.

Жарас

Кто станет любить меня, немолодого?
Будь женщиной — я бы наделал такого!..

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Выходят Котибар, Арыстан, старик и несколько воинов из свиты.

Котибар

Беда моя! Тяжкий мой рок!
Здесь каждый свихнуться бы мог!
Две девушки перед глазами,
Какую избрать — невдомек...
Дышать не могу — так мне тяжко,
Как будто и впрямь занемог.
Схватить бы любую в охапку!..
Мне любо, когда погремок
Звенит на копье в час набега.
Я — беркут, полет мой высок!..
Поделим добычу и женщин!
Тащите сюда недотрог!

Приводят женщин. Четыре женщины в покрывалах, накинутых на голову, робко подходят к батыру. Садятся перед ним.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Котибар

Небось все четыре — красотки!
Беда моя! Тяжкий мой рок!..

Арыстан
(про себя)

Эх, жизнь моя, быстрая птица!..
На двух бы мне сразу жениться!
О чем еще можно мечтать?!

Котибар
(женщине, которая сидит ближе других)

Мужчинам покой и не снится,
И спим-то мы чаще в седле,
Суровы усталые лица,

В походах грубеет душа,
Но сердце по ласке томится...
(Пытается приподнять покрывало.)
Ты так лунолика, Айман!
Эй, жизнь, быстролетная птица!..
Насилу тебя я настиг,
Открой же лицо, чаровница!

(Откидывает покрывало, несмотря на сопротивление девушки.)

Ух, брови какие! Вразлет!
А щечки, как розовый плод!
А лоб-то!.. А нос!.. А глаза-то!..
А рот!.. Погоди!.. Где же рот?!

(Отшатывается.)

Усы!.. Что за дьявол?! Усата?!

Арыстан
(с недоумением)

И вправду усата! Космата!

Старик

Вот страх-то!.. Усатый урод!..

Котибар
(в ярости)

Откуда такая личина?!

(Срывает покрывало, поднимает платье, замечает шаровары.)

Не женщина это — мужчина!..
(Замахивается, прогоняет пинками. Обращается к другой пленнице.)
Айман, о мой свет! Улыбнись храбрецу!
Молюсь за такое творенье творцу!
(Пытается откинуть покрывало.)
Не бойся меня. Сам аллах, не иначе,
Привел тебя. Благодаренье творцу!
(Поднимает покрывало и видит Жараса.)
Опять наважденье? Она бородата?

Арыстан и старик

Усы-то какие, гляди! Борода-то!..

Котибар

Шутить надо мною?! Пощады не дам!..
(Замахивается.)

Прикончу! Швырну на съедение псам!
Никто и не вспомнит тебя, супостата!

Жарас

Моя ли вина? Уважаемый, взвесь:
По воле твоей оказался я здесь.

(Убегает.)

Котибар

Два мерина в женский наряд облачились!..

Срывает покрывало с третьей женщины.
Перед ним Айман.)

За что небеса на меня ополчились?!

Айман

Я вам не сказала ни слова, батыр,
Ни грубого слова, ни злого, батыр,
А вы, как на пса, на меня ополчились!..

(Уходит.)

Котибар

Обиделась? Может, она и права:
Я зря стал кричать, не подумав сперва.

Появляются Жарас и Тенге, переодетая в платье батыра.

А этот джигит желторотый
Откуда? Эй, юноша, кто ты?

Жарас

Приехал он, видимо, издалека,
Узнал, что добыча твоя велика,
«Я гость, говорит, и поэтому вправе
Невольницу выпросить у старика».

Котибар

Не так уж я стар, чтоб раздаривать женщин...
А может, сильна у джигита рука?

Тенге

Я вам заметить позволю:
Вправе я взять свою долю.
Пленниц отдай подобру.

Силой не хвастайся бычьей.
Если нарушишь обычай,
Можешь расстаться с добычей, —
Мигом ее отберу.

(Уходит.)

Котибар

Ха-ха! Ха-ха-ха!
Вот прохвост! Ну и прыткий!
Ему-то обычай, а мне-то убытки.
Я дочек Мамановых сам брал в полон.
Со всеми делиться — разденут до нитки!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Жарас подзывает Айман, Шолпан и узбека.

Жарас

Видали, что выдумал вздорный старик?
Он злобный свой норов смирять не привык.

Айман

Но что же мне делать, коль станет неволить,
В своих притязаньях пойдет напрямик?

Жарас

Пока что нам не наступают на пятки.
Не действуешь ты и сама без оглядки.
Смекни ж: прилепился к Шолпан Арыстан,
Его бы в союзники — и все в порядке.

Айман

Сама по себе эта мысль неплоха,
Но мысль без деянья, увы, чепуха.

Шолпан

Оставь! Я не стану женой супостату.
Сестра моя, не доводи до греха!

Айман

Не хочешь — не надо, однако замечу,
Не грех обольстить его ласковой речью,

К тому же нельзя забывать: мы в плену,
Приходится в шкуру рядиться овечью.

Появляется Арыстан.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Арыстан

Мир я утратил и сон,
Светом Шолпан ослеплен.

Шолпан
(делает вид, что не замечает Арыстана)

Где ж Алибек долгожданный?
Думала: выручит он.

Арыстан

Что ж ты не скажешь мне слова?
Я ведь не хуже любого,
Род мой велик и силен.

Шолпан

Пусть вы силач и задира,
Держат и вас в кулаке.
Меч вы, покорный руке
Вашего брата, батыра.

Арыстан

Как я терплю этот смех?!
Пленница прямо при всех
Над Арыстаном глумится!..

Жарас
(Шолпан)

В ссоре вы? Э! Не беда!
Кончится ваша вражда.
Надобно с ним примириться,
Шел он без злобы сюда.

Шолпан

Проку-то в этом немного,
Чего мне его доброта?!

Арыстан

Как мне смягчить твое сердце,
Твердое, как изо льда?

Айман

Знайте, что девичье сердце
Непостоянно всегда.
Вас ли Шолпан не оценит?
Ведь неглупа, хоть горда.

Жарас
(ко всем)

Батыр — наш противник из самых свирепых,
Поэтому сговор наш должен быть крепок.
С батыром держать надо ухо востро,
Рассердишь его — не оставит и щепок.

Все согласно кивают. Появляется Котибар.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Котибар

Беда моя! Тяжкий мой рок!
Здесь каждый свихнуться бы мог!
Две девушки перед глазами,
Какую избрать — невдомек.
(Замечает группу Жараса.)
Что вижу я? Здесь и доселе
Гулянка идет и веселье!
Ну что с них возьмешь? Молодежь!..

Жарас, узбек и женщины уходят.

А ты что здесь делаешь, брат мой?
Наш труд не закончился ратный...
С кем водишь ты шашни? Хорош!..

Арыстан

Война? Ну и что ж? Ты булат мой
В безделии не упрекнешь.

Котибар

Нам спорить с тобой не годится,
Скажи мне, ты будешь жениться?
Кого из сестер ты берешь?

Арыстан

Зачем погоняешь ты брата?
Где враг? Подевался куда-то!
Его днем с огнем не найдешь!

Котибар

Не хочешь — сам первым невесту беру я!

Арыстан хочет что-то сказать, но Котибар его перебивает.

Не спорь! Ишь ты! Брата не ставит ни в грош!
Получишь, бездельник, невесту вторую!

Арыстан уходит. Котибар подзывает Жараса.

Иди-ка сюда, дай совет, пустобрех!

Жарас подходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Котибар

Недугом измучен, совсем стал я плох,
Два дня я страдаю уже и две ночи,
Внутри что-то колет и давит под вздох.

Жарас

Живот заболел? Дело худо... и очень...

Котибар

Балбес! Я здоров! Полбарана сожру!

Жарас

Так что ж твоему повредило нутру?

Котибар

Недуг мой — красавица... Худо — нет мочи...

Жарас

Теперь понимаю, откуда тебе
Опасность грозит. Ай, как худо тебе!

Котибар

Дурак! Замолчи! Перестанешь ты каркать?!

Жарас

Ай, бедный! Поможет лишь чудо тебе!..

Котибар

С безмозглым беседовать — толку не много!

Жарас

Батыр дорогой, не сердись ради бога!..

Котибар

Попробуй красавицу уговорить...
Не плакальщик нужен мне здесь, а подмога...

Жарас уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Появляется старик.

Котибар

Эй, старый, пожалуи, тебе, ловкачу,
С девчонкой вести разговор поручу.

Старик

Батыр, пожалей ты хоть эти седины!
(Показывает на свою бороду.)
Пойми: старику это не по плечу!

Котибар

Вот шкура! Дрожишь? Погоди же, злосчастный,
Ножом твою бороду я отхвачу!

К шатру подходят Жарас и какая-то женщина.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Жарас
(Котибару)

Не хочет со мной говорить ни в какую.
Мол, сам пусть придет, с ним еще потолкую.

Котибар
(взволнованно)

Прекрасно! Считай, что добыча в руках!
Предвидеть не мог я удачу такую!

Котибар вместе с Жарасом направляется к шатру.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Котибар

Айман моя с белым лицом!
Склоняюсь я перед творцом
За то, что он создал такое.
Взгляни, одари хоть словцом...

Из шатра выходит Тенге. Лицо ее закрыто маской.

Хочу сговориться с тобою...

Жарас
(Айман)

Батыр твою волю желает узнать:
Какую ты милость хотела б снискать?
Ты можешь на ложе прийти, как рабыня,
А можешь законной супругою стать.

Котибар

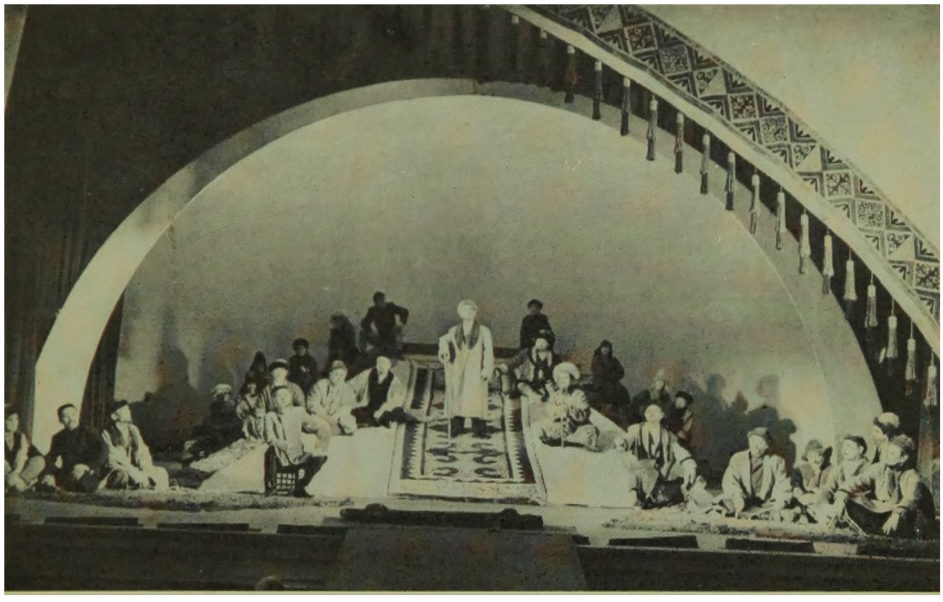
Не зря же, мечтой окрыленный великой,
Скакал я верхом и орудовал пикой.
Теперь, когда мне вдруг надежду дают,
Не стану другим уступать луноликой!

Тенге

Постой, надо нам сговориться с тобой!
Ты враг или друг? Мне ль рядиться с тобой?!
Так вот, если девушку мне не уступишь,
Скажи, где б могли мы сразиться с тобой?

Котибар

Откуда он? Из-под земли, не иначе!
Мне войско не страшно, а этот тем паче!
Сражаться? Изволь! Не такие, как ты,
Столкнувшись со мною, скулят по-собачьи!



Трагедия «Абай» на сцене
Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова.
2 акт, 3 картина. 1961 г.

Тенге

Без боя нет мира, у нас говорят.
Пускай все решат не слова, а булат.

Котибар

Скажи, за кого ты меня принимаешь?
Козявка, ты против меня мелковат!

Жарас

Нет, видно, силен этот воин и ловок,
Слова его дерзки, и смел его взгляд.

Котибар

Силен, говоришь? Ну, а я-то что — слабый?
(Тенге.)
Скажи, коль в бою твоя сила взяла бы,
С девицами что бы ты сделал, джигит?

Тенге

А это уж, как мое сердце велит.
Хочу — отпущу их, тебе что за дело?

Котибар

А ну, убирайся с дороги скорей!

Тенге

Покуда рука моя не ослабела,
Мамановых ты не возьмешь дочерей!

Котибар

Кого мне бояться? Мальчишку? Пострела?

Тенге
(выхватывает кинжал)

Ну что же ты медлишь, вояка? За дело!

Котибар
(тоже выхватывает кинжал)

Посмотрим теперь, какова твоя прыть.
Придется немного ее усмирить.

Тенге
(срывает маску)

Девчонок в мой дом я тащить не позволю!
Ишь прыткий! Со мною задумал хитрить!

Котибар

Тенге? Это ты? Неужели!

Карас

Неужто она? В самом деле!..

(Смеется.)

Айман
(тоже смеется)

Спасибо! Быстра ты, сестра,
Мы даже мигнуть не успели...

Тенге стремительно нападает на Котибара. Тот падает, пытается подняться, снова падает, с яростными криками начинает хлестать камчой направо и налево.

Котибар

Всех разнесу! Растопчу!
Тысячу бед напущу!
Видели эту камчу?!

(Встает, но опять шлепается на землю.)
Девушек заполучу!..
(Хлещет по земле камчой).

Занавес.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАРТИНА ПЯТАЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Видна часть юрты, в которой живут Айман, Шолпан и другие пленницы. В противоположном конце сцены виднеется синеватый холм. В сопровождении старика идет по сцене Котибар, играя на домбре, украшенной перьями. Песня похожа на шуточный дуэт стариков.

Котибар

Попалась мне в руки красотка Мамана,
По ней тосковало джигитов немало,
Я сам целый месяц тоской исходил,
Но, кажется, эта пора миновала.

Старик
(подхватывает)

Никак не давалась девица-краса,
Хвостом своим рыжим дразнила, лиса.
А беркут седой пел печальную песню,
Седло закогтив, чтоб не взмыть в небеса.

Котибар

Да, только теперь вновь мой радостен клекот.

Старик

Так звонки голодных орлов голоса.

Котибар

Предчувствует беркут мгновенье удачи,
Насытится скоро он плотью горячей.

Старик

Противник твой выбит тобой из седла.

Котибар

Смириться пришлось и Тенге, этой кляче.

Старик

Преград больше нет, завершились труды.

Котибар

Теперь пожинать нам осталось плоды.

Старик взбирается на вершину холма первым и замечает неприятельское войско.

Старик

Эй, мой батыр! Это что же?..
Целое войско, похоже...

Котибар

Что там? О чем говоришь?

Старик

Страшно. Мурашки по коже.

Котибар

Вышлп немедля дозор!

Старик

Надобно дать им отпор!
Как нас настигли, однако?!

Котибар

Живо седлать аргамака!
Лишний к чему разговор?

Убегают.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Выходят Айман, Шолпан, Тенге и Жарас.

Айман

Благодарение богу,
Мчит Алибек на подмогу.

Появляется вооруженный Арыстан. За ним готовый к бою отряд.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Арыстан

Глядите, враги-то уже на носу.
Дождутся — дубиной их всех разнесу.
Скачите, друзья, Алибека схватите!
Ему покажу я и всей его свите!..

Порывается броситься в схватку, но его удерживает Айман.

Айман

Батыр! Ну, а как наш с тобой уговор?
Иль, может быть, я не в плену до сих пор?
К чему воевать? Помирись с Алибеком!
Не то на себя ты накличешь позор.

Шолпан

Я вижу, батыр, обо мне позабыл ты.
Что долго болтать! Отвечай мне в упор:
Помиришься ты с Алибеком? Не хочешь?
Не буду твоей, вот и весь разговор!

Тенге

Пускай, как шаман, обезумел твой братец,
Но ты-то опомнись, уйми свой задор!
И так жетиру потерпели немало:
Их жены в плену, в их ауле разор.

Жарас

Тенге, как сейчас хорошо ты сказала!
С тобою вступать не советую в спор,
Ведь ты же любого мудрей аксакала!

Тенге

Угнать мне пришлось у батыра коня
(снимая с плеча ружье),
Ружье утащить среди белого дня.
(Протягивает ружье узбеку.)
Припрячь-ка, душа моя, эту игрушку.
Не трусь! Пусть за все это спросят с меня.

Узбек

Нет, нет! Упаси меня бог от такого,
Не то еще голову скинут с меня.

Тенге
(Жарасу)

Тогда попрошу я тебя это спрятать.

Жарас

Да что ты! Я кары боюсь, как огня.

Айман

Дай мне, я припрячу ружье Котибара.
(Берет ружье и бросает в бурьян.)
А там будь что будет... Уж кара так кара.

Арыстан
(Шолпан)

Хотелось разделать мне этих врагов,
Но ради тебя я сдержаться готов.
Дай слово, что мучить меня перестанешь.
Пойдешь за меня? Слышишь? Без дураков!..

Шолпан молча отворачивается. Арыстан, резко повернувшись к ней, хватается за оружие. Между ними становится Айман.

Айман

Поверь мне, батыр, мы с тобой не играем,
Ведь мы не враги и тебе доверяем.
Стунай с Алибеком скорей помирись.
Батыр, мы тебе, как судьбе, доверяем.

На холме появляются люди Алибека. Жарас, узбек и женщины удаляются. Алибек впереди своего отряда приближается к Арыстану и его людям.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арыстан
(Алибеку)

Скажи мне, зачем, раздувая вражду,
Привел ты подобную лаве орду?

Алибек

Иду за невестой. Не думай, что трус я.
От сильного племени род свой веду.

Арыстан

Какую ж из девушек в жены ты хочешь?

Алибек

Какую оставишь. А может быть, ту,
Которую выбрать ты мне предоставишь.

Арыстан
(с иронией)

Разборчивый — сразу видать за версту!

Алибек

Опасно шутить, если меч наготове.
Будь воля твоя, ох и было б здесь крови!

Арыстан
(не замечая появившихся
Айман, Шолпан и Тенге)

А ты что злословишь? Ты силой возьми!
В сраженье бойцу ни к чему суесловье.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Алибек
(Шолпан)

Моя Айман-жан, ты здорова? Ответь!
О белая рыбка, попавшая в сеть!
Без памяти мчался к тебе я на помощь,
Готовый в бою за тебя умереть.
Я знаю, как тяжко ты в этой неволе
Томилась, но раньше не мог я поспеть.
Прости меня. Я проучу супостата,
Бесчинства творить не посмеет он впредь.

Шолпан и Айман

Ты прав, нам пришлось настрадаться обеим,
Давно мы в плену, насладились вполне им.
Вкусить нам пришлось самых горьких плодов,
Склоняться униженно перед злодеем.
Мы рады тебе, ты надежду принес,
Ни в чем упрекнуть мы тебя не посмеем.
Нам так помогли Арыстан и Тенге,
За помощь спасибо, за дружбу — вдвойне им.

Тенге
(Алибеку и Арыстану)

Джигиты, вам надо мириться теперь,
Не то ведь нагрянет батыр, этот зверь.
Нельзя дожидаться нам кровопролитья,
И так уже было немало потерь.

Айман

Джигиты, отдайте мне ваше оружье,
Что толку ломиться в открытую дверь?
(*Отбирает оружие у Алибека и Арыстана.*)

Алибек
(Айман)

Шолпан, был за вас я обеих в тревоге.

Айман

И мы по тебе истомились, поверь.

Арыстан
(Айман и Шолпан)

Спасибо, что вы помогли нам, плутовки,
Иначе ведь не избежать потасовки,
Но знайте: одна из вас будет моей.
Рука моя в гневе свинца тяжелей.

Алибек

Я тоже имею на девушку виды.
Не зарься на двух. Не стерплю я обиды.

Оба снова готовы броситься друг на друга. Вбегает Жарас.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Жарас

Побойтесь аллаха, смирите свой гнев,
Обидчивым сердцем своим овладев.
Хотел удержать я батыра — не вышло,
Он скачет сюда, разъяренный, как лев.

Тенге и Айман
(мужчинам)

Джигиты, взаимные бросьте нападки,
Мы сделаем вид, что у нас все в порядке.

Жарас
(всем)

Начнем же веселье, и пляску начнем,
Никто не заметит вражды нипочем,
Оставьте кичливые ваши повадки.

Оба враждебных войска, смешавшись, дружно пускаются в пляс. Танец изображает ссору из-за пустяка. Когда кто-то завладевает предметом спора, все остальные бросаются, объединившись, на него. Шалые от праздности, люди то совершают безумные прыжки, то принимаются кататься по земле. Постепенно толпа уподобляется взвихренным пескам. Танец превращается в беснование шаманов. Там и тут мелькают жирные, лоснящиеся лица, огромные животы, разномастные бороды. Смысл пляски — насмешка над байскими междоусобицами. От толпы отделяется Котибар.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Котибар

Кто смел устремиться в погоню за мной?
Кто сеет мятеж у меня за спиной?
Кто вздумал отнять у меня моих пленниц,
Решился пойти на аул мой войной?

Айман

Батыр, кто рискнет против вас ополчиться,
Своей головы не желая лишиться?
Я стать вас прошу посаженным отцом,
А там хоть убейте... Прошу согласиться.

Котибар

Вот радость какая!.. Как в спину кинжал!
Тогда для чего же я верх одержал?

(Алибеку.)

Гляжу, ты меня одурачить намерен?
Тебе я бока обломаю, шакал!

Алибек

Повинную голову сечь не пристало...
Не думал я стать на пути аксакала.
Одно вам скажу: хоть убейте меня,
Отныне я зять вам, ни много, ни мало.

Тенге и Жарас
(воздевая руки перед Котибаром)

Аллах акбар! Любовь и мир!
Благословенье дай, батыр!
В благословенье отказать —
Не грех ли? Отвечай, батыр!

Котибар мечется от одного к другому, пытаясь удержать благословляющих. Но не в силах ничего сделать и, увлекаемый всеобщим порывом, проводит ладонями по щекам, невольно выражая этим жестом одобрение. Окружающие издают радостные возгласы.

Голоса

Ай да батыр! Молодец!
Благословил наконец!
Зятю приемному он,
Словно родимый отец!

Котибар

(силясь перекричать всех, обращается к Тенге и Жарасу)

Кукушка безмозглая, что тебе надо?
Вот дел-то наделали два этих гада!

Жарас

Во благо мы благословенье творим,
Считают его и младенцы святым.
Не мы ведь придумали этот обычай,
А предки, заветы которых мы чтим.

Тенге

В чем дело? Ну, дали мы благословенье...
Что страшного? Разве себе мы вредим?

Котибар

Беда! Не жена мне досталась, а кара!
Как смеешь решать за меня, Котибара?!
Все прахом пошло!.. Все исчезло, как дым!..

Тенге

Спокойней, голубчик!

Котибар

Заткнись-ка ты лучше!

Тенге

Уймись! Перестань!

Котибар

У! Подлая дрянь!

Тенге

Подумай о свадебном тое,
Ведь благословенье святое
При всех умудрился ты дать,
Как дети, тебе эти двое,
И я им, выходит, как мать.
Придется тебе доживать
Свой век в благочестье со мною.

Котибар

Нет, говорю тебе, нет!

(Снова теряя голову.)

Передо мною ответ
Всем вам держать! Погодите!
Ждите бесчисленных бед
И неприятных событий!
Вас я еще проучу,
Снова грозой налечу,
Все разнесу, растопчу!

(Замечает Арыстана.)

Ты-то хоть выбрал невесту по сану?
Или остатки одни Арыстану?

Арыстан
(указывая на Шолпан)

Хочешь узнать? Я вот эту беру.
Понял я: девушка мне по нутру.

Шолпан

Нет, за тебя я, пока мы в неволе,
Замуж не выйду, уж лучше умру.

Алпбек

Воля твоя надо мною и сила,
Лихо, Айман, ты его осадила.

Котибар

Глядите! Он благословенье попрал!
Девиц не отдам я! Все будет, как было!

(Арыстану.)

Пустите! От злости вся кровь забурлила!
(Вырывается. Вдруг наталкивается на свое ружье.)
Ах, так? Сорок лет вам сражаться со мной!
Немало невольниц добыл я войной!
На всех избавителей путы надену,
Но девушки не отпущу ни одной!
Шекты! Мои храбрые головорезы!
По коням! Скорей! За оружие! В бой!

Люди в перешительности. Многие опасаются гнева Котибара.

Жарас

Неужто сражаться вам не надоело?
Обычаям следовать — милое дело!

Не лучше ли договориться с отцом,
Посватать невесту, и дело с концом?
Невест вы с приданым получите вместе,
Ведь будет по совести все и по чести.

Алибек

А что?.. Я согласен... Так будет верней.

Арыстан

Я тоже согласен. Ты прав, шумекей.

Тенге

Все ясно. Раздумывать долго не надо.
К Маману в аул я отправиться рада
И честно посватать его дочерей.

Котибар

Нет! Я не отдам Алибеку невесту!
Посмешищем быть не хочу для людей!

Жарас

Пусть будет по-вашему, спорить не стану.
Джигит Алибек пусть поедет к Маману
И с ним говорит о женитьбе своей.
Пускай отправляется он поскорей
От вашего стана к Маманову стану.

Тенге и Арыстан

Что ж, так и решим. Это лучший исход.
Пускай Алибек сам к Маману пойдет.
А ты, Котибар, успокой свою душу.
Зачем обрекать на несчастья народ?

Хор

Неплохо придумано, ясно любому.
Давно бы прийти нам к решенью такому.
Батыру хвала — он одобрил его!
Проводим сестер к их родимому дому.
Айман и Шолпан! В добрый путь!
В добрый час!
Несчастья и горе покинули вас.
Проводят к отцу вас друзья молодые,
А с ними Тенге, Арыстан и Жарас.

Жарас
(Алибеку)

И ты уходи подобру-поздорову,
Несчастный, прислушайся к мудрому слову,
Прошу тебя, скройся с батыровых глаз.

Алибек

Избранница ль станет моею невестой,
А может, пустое достанется место?

Жарас

К Маману езжай, с ним столкуешься вмиг,
А здесь придержи за зубами язык.

Алибек
(Шолпан)

Айман моя, волю людей исполняя,
Войска увожу я из этого края,
Но если отвергнут мое сватовство,
Лишиться я жизни готов, дорогая.

(Уходит.)

Жарас

Какой молодец! И джигит хоть куда!
А принял Шолпан за Айман — не беда!

Айман

Жарас, пред тобой мы в долгу неоплатном,
Ты так нам помог, что отныне ты брат нам.

Шолпан

Ты выручил нас. Чем тебе отплатить?
Скажи! Заплачу я в размере стократном.

Жарас

Уплаты не требует брат никакой,
Я вам помогал без корысти и страха.
Вот как нам, скажите, вернуться домой?

(Тенге.)

Ну что же, в дорогу, любезная сваха?
Удачи тебе и участья аллаха!

Тенге

Чего же нам ждать? Собираемся в путь!
Дары, Арыстан, захватить не забудь!
А вы пожелайте нам, люди, доехать
И сладкого меда из чаши хлебнуть...

Карас и хор

В дорогу! Мы поровну радость разделим.
Пускай молодежь запасется весельем.
Пусть сгинут враги, пусть прорвутся лучи
Сквозь мглу, чтоб она расползлась по ущельям!
Все мы поедем на той,
К нашим соседям на той,
Трапезу с ними разделим
И погуляем на той
Свадьбе, потом — на другой.

Старик
(встает)

Слушай, Тенге, что скажу я,
Взглядом меня удостой,
Здесь не хочу оставаться,
Лучше поеду с тобой.

Котибар

Евнух, заткни свою глотку!
Едет он!.. Ишь ты какой!..

Старик

Хочешь, батыр, — оставайся.
Мне надоел твой разбой.

(Идет к Тенге.)

Котибар

Старый, и ты вместе с ними?

Старик

Лучше мне быть с молодыми,
Чем под твоею пятой!

Котибар вскакивает, снова садится. Тем временем отъезжающие один за другим удаляются.

Котибар

Эй! Что же это такое?!
Стой, говорю я вам, стой!

Толпа от неожиданного окрика останавливается.

Жарас

Известно: над гневом господствует разум.
Взгляни-ка ты незатуманенным глазом:
Один ты, ушла от тебя молодежь
И даже старик. Может, все же пойдешь
Со всеми, и свадьбу отпразднуем разом?

Котибар

Сразит тебя гром, супостат!
Уйди-ка добром, супостат!
Что он говорит мне?! Гляди-ка!

Жарас

Потише! Ты можешь без крика?
Ведь знаешь, что сам виноват.

Котибар
(обезумев)

Какое тяжелое бремя!
Что делаешь, подлое время?
Пустите! Я всех вас во прах!..
Глухой, равнодушный аллах,
Зачем так терзать перед всеми?!

Грозит кулаком небесам, стреляет из ружья вверх. Все вокруг смеются.

Занавес.

1934

ЗАРНИЦЫ

Драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Жантас, батрак-табунщик из угнетенного рода борсак, один из вожаков освободительного восстания 1916 года в Казахстане, 30 лет.

Муржан, его невеста, дочь бедняка из аула волостного управителя, 19 лет.

Дильда, его мать, служанка в семье волостного.

Жумажан, брат Муржан, доильщик кобыл у волостного.

Мугалим (учитель), воспитанник медресе Галия, друг Жантаса, 30 лет.

Саруар, его жена, тоже учительница, татарка.

Танеке, старик из рода борсак, бедняк.

Волкодав и Гончак, батраки волостного, повстанцы. В ауле волостного им дали собачьи клички.

Майкан, волостной управитель из богатого рода олжай, 40 лет.

Жузтайлак (Сотня Верблюжат), его жена, красавица. Сто молодых верблюдов — калым, заплаченный за нее мужем; отсюда ее прозвище, 28 лет.

Нуркан, брат и заместитель волостного, 28 лет.

Кыдыш, глава рода олжай, аксакал, правая рука волостного, 60 лет.

Какен, адвокат, друг волостного. Из националистической интеллигенции.

Жунус, полуинтеллигент, прихвостень волостного, 26 лет.

Шатакан, табунщик, верный слуга волостного.

Казанцев, уездный начальник. Старый царский чиновник.

Семенов, подъесаул, командир карательного отряда.

Джигиты, женщины, старики, солдаты.

Казахские степи, 1916 год.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Лужайка близ аула волостного управителя. Кусты, низкорослые деревца, родник. Жузтайлак на прогулке. Блестят ее кольца, браслеты, серьги. За ней идет с кумганом Муржан.

1

Жузтайлак. Ну, барышня-недотрога, ты что ж молчишь?

Муржан. Что мне вам сказать?

Жузтайлак. Онемела от счастья!

Муржан. Ах, тетенька, милая, не у вас ли я выросла? Старшей сестрой вас почитала...

Жузтайлак. Недостойная! Будет тебе ломаться! От кого ты нос воротишь? Закружилась у тебя голова в нашем ауле. Как возомнила о себе! Мое слово — судьба твоя.

Муржан. Нет, не могу... Не могу я послушаться вас. Не могу обидеть Жантаса.

Жузтайлак. Ага... верно, он тебя не обижает. Уж ты убедилась в этом, как же! А знаешь ли ты, чей Жантас с головы до ног? Не узнавала? *(Смеется.)*

2

Входят Нуркан и Жунус, щегольски одетые.

Жунус. Вот это удача! Всегда бы так весело встречала джигита уважаемая жена волостного управителя. И была бы она ласкова с джигитом, как с родным... Ах, мечты!

Жузтайлак *(прикрывая лицо краем черного шелкового халата)*. Что за болтовня! Джигит, кажется, думает, что нашел во мне сверстницу?

Жунус *(осекся)*. Неужели вы обижены, драгоценнейшая из жен? Неужели осудите?

Жузтайлак *(Нуркану)*. А ты... брат волостного! Вечно люди около тебя распускаются, как мальчишки.

Нуркан. Ну, ну, лишнего он не позволит. Все знают, тебе в рот палец не клади. Зачем срамишь его?

Жузтайлак. На себя посмотри! Забываешь свое место и положение... Вот эта рабыня и та возомнила себя равной нам, прекословит!

Нуркан. Да. Муржан никак меня не жалует! Робеет она, что ли? Или я перед ней провинился? Не спрашивала ты ее?

Жузтайлак *(презрительно)*. Не смолчал...

Нуркан. Господи помилуй, опять не угодил...

Жузтайлак. Поднеси ей халат и коня, если провинился.

Жунус *(Нуркану)*. А разве Муржан отвергает тебя? Не верю, люди переврали.

Нуркан. Я сам так думал. Поэтому и просил жену брата замолвить словцо... с глазу на глаз...

Жунус. О, если вмешалась прекрасная жена волостного, дело сделано. О чем еще говорить?

Муржан. Для вас я... забава, игра...

Жунус. А чего стоит молодость без забав? Дай бог, нам всласть поиграть, Муржан, милая!

Нуркан. Учит тебя жена волостного, и я прошу... Неужели не рада?

Муржан. Учила бы чему хорошему... а тут — позор...

Нуркан. Вон как! Жить со мной для тебя позор? Должно быть, ищешь кого позавидней? Надеешься, найдешь, а? *(Самодовольно смеется.)*

Жунус. Молодость и любовь... Джигит и девушка! При чем тут позор, Муржан? Зря ломаешься!

Нуркан. Не метит ли она стать моей единственной возлюбленной, первой на всем свете?

Муржан. Каждый ищет свою пару и свою любовь...

Жузтайлак. Неблагодарная! Еще смеет... Заставь ее замолчать!

Муржан *(в отчаянии)*. Я найду себе равного! *(Бросает кумган и убегает.)*

Жунус. Не понимает своего счастья, дура. *(Подталкивает Нуркана.)* Держи ее, не зевай!

Бегут за Муржан.

3

Жузтайлак *(одна)*. С ума сошла девка. Забыла, что мое прозвище «Сотня Верблюжат»... Сто верблюдов был мой калым! Может быть, зря их отдал за меня волостной?.. Жантаса захотела! Жантас муж, она жена, а я... А! Рабыня в лохмотьях... не довольно ли тебе изношенного

с моих плеч? И Жантасу хватит того, что останется от брата волостного... Но каков Жантас! Спал в постели волостного, а свою... бережет от чужого глаза! Нет, милый, так не играют. Я люблю целовать, прикусывая...

4

Возвращается Жунус.

Жунус. Красавица... Пожалейте. Сердце горит. Без вас свет не мил. *(Кинулся к ней.)* Коснитесь хоть кончиками пальцев... желанная!

Жузтайлак. Убирайся прочь!

Жунус отскочил.

(Смеется.) Чем в тебе соблазниться? Не тем ли, что ты волосы отрастил?

Жунус. Прикажите, пойду в огонь и в воду. Испытайте меня. Желанная!

Жузтайлак. В огонь и в воду? Ладно, дай срок, испытаю... Долгая будет твоя служба. Острые у меня коготочки. Смотри, потом не кайся.

Уходят.

5

Появляются Жантас и Мугалим.

Жантас. Скоро два года... Два года подряд белый царь воюет с немецким царем. Реки пролиты крови... А ему все мало! Мало русской крови, теперь хочет казахской, киргизской...

Мугалим. Да, брат Жантас. Трудная, страшная идет пора. Запомним мы шестнадцатый год! Читал я своими глазами указ о мобилизации. Глазам не поверил. Вместо слов «мобилизация» написано «реквизиция». «Реквизиция инородцев...» Как будто указ о реквизиции скота. Вот она, наша участь!

Жантас. Как там ни пиши, народ не хочет... не пойдет на эту войну.

Мугалим. Ого! Ты говоришь, как революционер... Русские тоже устали от этой войны, не любят своего царя.

Жантас. Наши-то баи и волостной выслуживаются, готовят списки для реквизиции. На свою голову!

Мугалим. Позволь, а вы говорили в открытую с волостным... с Майканом?

Жантас *(махнул рукой)*. Майкана мы знаем не первый год. Только вы еще надеетесь на него. Понять не могу — почему?

Мугалим. Ну, как же... Помимо всего прочего, есть и у него близкие, родные...

Жантас. Из его родных ни один не пойдет. Он их выкупит, пристроит...

Мугалим. Но должен он подумать о народе, которому всем обязан!

Жантас. А не вы ли меня учили, что все волостные да баи на нашей беде жиреют.

Мугалим. Боюсь, что судишь односторонне. Майкан читает газеты, мыслящий человек... Его ближайший друг — адвокат Какен, а это интеллигент, просвещенный, заслуженный деятель нации.

Жантас. Друг, говорите? Деятель... Скажите — сват! Этот ваш адвокат выдает дочь за сына Майкана.

Мугалим. Вот оно что. И тут родство... А мне он казался иным.

Жантас. Я человек не ученый, как вы. Но знаете, собьет седлом холку, поневоле станешь иноходцем. Вы головой учены, мы горбом.

Мугалим. Что же это? Народ опять без вождей, брошен на произвол... Нет, я должен выяснить, что думает адвокат Какен!

Жантас. Выясняйте, выясняйте... А по-нашему: бей сову о камень или камнем по сове, все одно — сове конец. Терпелив народ, да кончилось его терпенье.

Мугалим. Но куда он денется без головы? Заблудится, несчастный!

Жантас. Мугалим! Народ вас знает, любит. Пойдете вы с нами — и не надо нам этого адвоката. Никого больше не надо!

Мугалим. Подумаем, Жантас, посоветуемся... Не следует решать без Какена. *(Жантас нахмурился.)* Но если выпадет народу такой жребий — останетесь вы один, — я буду с вами.

Жантас. Спасибо, брат. Сам говоришь, несчастный народ. Его доля — лить слезы. Осуши их. (*Понизив голос.*) Верно ли, что не одна волость бунтует?

Мугалим. Слухами земля полна...

Жантас. А верно ли, что и в соседнем уезде... в Тургае...

Мугалим. Вся степь казахская загорается!

6

Крики. Вбегает Муржан. Ее преследует Нуркан. Затем появляются Жузтайлак и Жунус.

Муржан. Убейте — не покорюсь! Лучше смерть, чем позор.

Нуркан. Дура... Рабыня... Радуйся — будешь моей женой! Кто тебя вырвет из моих рук? *(Обнимает ее.)*

Муржан *(вырвалась, замечает Жантаса)*. Жантас, милый! Если б ты знал...

Жантас. Нуркан-мирза! Что творите?!

Нуркан. Ты откуда взялся? Ты что разоряешься?

Жантас. Вы нас седлаете, а мы молчи, так, по-вашему?

Нуркан *(берет папиросу у Жунуса)*. Что он мелет, послушай.

Жантас. А вы не поняли?

Нуркан. Понял! Жалко тебе дочь борсака для меня?

Жантас. Дочь борсака, жена борсака... Видно, у них одно право — согревать вашу постель.

Нуркан. Ладно, хватит чесать языком. Некогда мне состязаться с тобой в краснобайстве.

Жантас. Небось обидеть чужую невесту нашли время. Потешаетесь! Удержу не знаете, хоть вы, хоть ваш брат Майкан.

Нуркан. Гляньте, как разошелся. Что плетет! *(Хохочет.)* Это ты его науськал, Мугалим?

Мугалим. Вам известно, Нуркан-мирза, подобными вещами я не занимаюсь. И вы не правы. Вы брат и заместитель волостного. Ваш долг и удел управлять народом.

Жузтайлак *(перебивает)*. Ах, и ты стал на сторону борсака, учитель?

Мугалим. Я учил и учу, что насилие — бешеный конь, он все разнесет.

Жузтайлак. Бешеный, говоришь? Ну, так посторонись. Тебе ли его взнуздать?

Жунус угодливо смеется.

Жантас *(Мугалиму)*. Теперь видишь, у нас беда, льем слезы, а они, как вороны, клюют наши глаза.

Нуркан. Погоди же, батрак... Я тебя уважу. Я тебя женю! Пойдешь в окопы... Вот где будет тебе свадьба.

Жантас. Найдется и на вас управа, мирза. В грозу чем выше тополь, тем молния ближе! Слезами народными не напьешься — они соленые...

Жузтайлак делает знак Жунусу, и тот, обняв Жантаса, отводит его в сторону.

Жунус. Опомнись, Жантас, не валяй дурака. Клянусь богом, ты хватил лишку. И Муржан простушка... шутки не поняла... Я же тут был. Неужели среди бела дня я дал бы тебя в обиду? *(Отводит Нуркана.)* Надо провести этого пса. Не выдавай себя... к чему? Будет вертеться у тебя под ногами... Помни свое: ты потомок батыра, олжаец! Мигнешь — сама прибежит лизать тебе ноги. *(Уводит Нуркана.)*

7

Входит Саруар с цветами и книгой.

Жузтайлак *(подходит к Жантасу)*. Молчала я при мирзе. *(Насмешливо.)* Давно мы не виделись, Жантас. Неужто я подурнела за время разлуки?

Жантас. Нет... ты такая же, Жузтайлак.

Жузтайлак. Отдал бы ты за меня сто верблюдов, как волостной?

Жантас. Куда мне, борсаку... тягаться с волостным!

Жузтайлак *(взбешена)*. Неужели правда, что эта уродина, грязная девка тебе дороже и слаще меня?

Саруар. Господи, где я... Она же ханская дочь! Цветы вянут от ее слов...

Мугалим. Оставь, Саруар, помолчи.

Жузтайлак *(кричит)*. Вот эта несчастная... жалкая... подстилка в юрте мирзы! Ты ее будешь любить, ласкать?

Муржан. Страх какой, боже! Жантас!.. Не дай в обиду! Не дай осрамить. Мало ли она меня топтала? Мало ли тебя топтали? Неужели продашь себя? Лучше конец всему... Скажи ей, скажи!

Саруар. В самом деле, Жантас! И ты это стерпишь? Есть ли у тебя сердце и честь?

Мугалим. Саруар! Что с тобой! Что с тобой? Ты в своем уме?

Саруар. Нет, это ты помешался... Не отличаешь женщины от гремучей змеи...

Жузтайлак. И до чего я дошла! Никого близко к себе не подпускала...И вот мне награда. Забыл, неверный, рабская душа.

Жантас. Ну, коли так, слушай, Жузтайлак... Я на твоем столе соль! Не привяжешь меня к байскому седлу.

Жузтайлак. Спелись... Прав мирза. Своей рукой я вычеркнула тебя из списка на реквизицию. Своей рукой... Вспомнишь ты мою руку, когда будешь сидеть в окопах!

Мугалим *(взмолился)*. Заклинаю вас, друзья! Гнев ослепил вас.

Жантас. Нет, учитель, если мой батрацкий род в списках, там и мне место. Я готов. *(Уходит вместе с Муржан. За ними идет Саруар.)*

8

Жунус *(подслушивал, прячась за кустами)*. Кого отметила, кого избрала... надменная, гордая, недосягаемая... Везет же пастуху, голодранцу! Врешь, голову сложу, но — у нее на груди... *(Убегает.)*

9

Жузтайлак. Смейся и ты надо мной, учитель. Из пыли, из праха степного его подняла, возвысила... И так меня унизить!

Мугалим. Дорогая моя... Плохо вы объяснились. То ли случается в молодости! Кто из нас, смертных, не понимает, чего стоит один ваш благосклонный взгляд?

Жузтайлак. Ты слышал, как он меня оценил. Под ноги швырнул любовь мою.

Мугалим. Мало ли на свете любящих... преданных вам... Они около вас, дорогая.

Жузтайлак. Тысячу раз он покается! Я отплачу... Именем своим клянусь — не быть мне любимой, но и эта, нищая Муржан... Наложницей будет Нуркана-мирзы! Ты свидетель моей клятвы, учитель.

Мугалим. Пощадите, прекрасная! Не клянитесь... Истинная любовь всегда милостива, она прощает... Велика ваша власть, она равна вашей красоте. Упаси бог, замарать ее низким чувством мести. Будьте щедры, великодушны...

Жузтайлак. О, я не стану скупиться! Я упьюсь своей местью.

Мугалим *(воздев руки)*. Бог вам судья. Вы... удивительны во всем. Вы и в гневе очарованье. Быть около вас, значит, быть в плену.

Жузтайлак. Кто меня любит — разит моего обидчика.

Мугалим. Обидеть вас кому по силам? Смотришь — и кажется, звезда сияет среди неба. И страшно видеть вас темному рабу земли, страшно надеяться...

Жузтайлак. Ах, учитель, приелась давно твоя арабская болтовня. Скажи не по книгам: Жантас тебе друг?

Мугалим *(опешил)*. Да...

Жузтайлак. Будешь ему мстить за меня?

Мугалим. Я? Дорогая... помилуйте!

Жузтайлак *(с издевкой)*. Таскать этот кумган твое занятие! Ну-ка подай... подними!

Мугалим *(неуверенно смеясь)*. Что вы сказали? Вы шутите, право.

10

Торопливо входит Дильда.

Жузтайлак. Что там еще?

Дильда. Приехали, приехали... На двух колясках! Сам волостной, господин наш, на первой. Сват — аблакат Какен — на второй... такой важный!

Жузтайлак. Всполошились! Будто набег какой. Гостей не видала?

Дильда. Списки, говорят, списки... Привезли! Черные, длинные, как гадюки... прости меня, старую...

Жузтайлак. Списки! Ага! Добрые вести, хорошие гости, старуха. *(Уходит.)*

11

Дильда. Что же это будет? В ауле переполох. Женщины воют, мужчины дрожат. Нуркан-мирза ходит, как лев среди овечек, рычит на всех борсаков... Ученый человек, просвети!

Мугалим. Истинно ястреб эта женщина.

Дильда. Горе-то какое! Так боюсь, так боюсь, не прогневил ли их Жантас? Не было б беды с сыночком моим единственным. Ты один ему опора, пропадет без тебя...

Мугалим *(качая головой, напевно).*

О султан Махмуд, о султан Махмуд!
Что поделаешь, если в народе клянут
И тебя, и дела твои, те, что грядут...

Дильда. Как? Не пойму.

Мугалим *(с печальной усмешкой).*

Обманчивой надеждой я живу.
Несбыточной мечтою тешу сердце...

Дильда слушает, почтительно кланяясь.

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Двойная юрта волостного управителя, богато убранная коврами и сюзане. Варшавская кровать с никелированными шарами. На белых подушках полулежит адвокат Какен в белой сорочке, черной жилетке, играет часами с золотой цепочкой. Рядом с почетным гостем Кыдыш. Нуркан, взбалтывая, разливает кумыс. Жузтайлак сама подносит пиалу Какену.

1

Какен. Невероятно, чтобы казахи в своем родном ауле... обидели вас, жену волостного!

Жузтайлак. Ах, Какен... Борсаки, немытые морды, обляпанные копыта...

Какен. Но кто же, кто их так разъярил?

Жузтайлак. Для меня все бараны одной масти.

Какен. Однако и в стаде есть свои вожаки, не так ли?

Нуркан. Слепая толпа, скотина из нищих родов.

Кыдыш *(спесиво).* Истинно так, оборванцы. Но и другие, даже приличные роды брыкаются, не слушаются узды. Вот что связывает нам руки!

Какен. По мне, опасней другое: у кого наши пастухи стали учиться? С русского мастерового берут пример! Эта зараза из города страшней чумы.

2

Входит Дильда с блюдом.

Жузтайлак. Эй, баба... вари мясо вкусней! Пока твой сын не вышел в начальство, служи, старайся. (*Какену.*) Сын этой нашей стряпухи лезет в главари.

Кыдыш. Все они таковы: кормятся около нас, греются у байского очага, а поровят куснуть!

Какен. Некому их вразумить. Лезут на рожон — туда им и дорога!

Жузтайлак. Не зря говорят, смерть манит сайгака в открытую степь.

Какен. Верная смерть! Время военное, законы суровые, кара жестокая... Если не образумятся, не миновать резни.

Дильда. Оборони, господи! Милый, свет мой, прикрикни хоть ты на них... Нуркап, дорогой, ты ему сверстник, угомони его...

Жузтайлак. А ты что, воды в рот набрала? Ты мать. Думаешь, простится ему, что он отшатнулся от нас, топчет нашу хлеб-соль?

Дильда. Милая, с утра до ночи твержу ему, горемычному...

Нуркап. Плевать на него... Пускай его несет нелегкая. К чему осаживать? Посмотрим, как он свернет себе шею.

Кыдыш. Кто топчет хозяйскую скатерть, себя топчет. Помнишь, старая, как ты овдовела, я тебя с сыном-сиротой привел в дом Майкана. (*Дильда кланяется.*) Добром тебе говорю, сын твой непутевый, безумный, но ты держись своих благодетелей, пока тебя самое не вынесут вперед ногами за этот порог. В глаза смотри жене хозяина. А ежели сын тебя ослушается, прокляни отступника!

Дильда (*молитвенно*). Да буду я жертвой ради тебя, милый. Все ему скажу. Мертвую меня унесешь отсюда — так скажу... Только знаю, он не покорится.

Жузтайлак. И мать не пожалеет?

Дильда. Ох, ни на что не посмотрит, несчастный, неприкаянный... Миленький, есть тут один человек, он Жантасу матери родной ближе, — хотела я вам сказать...

Кыдыш. Говори, говори, не таи.

Дильда. Этот... как его, учитель... Бедняк тоже, а что скажет — закон. Мой-то души в нем не чает.

Какен. Какой такой учитель?

Кыдыш. Знаю, знаю такого. Придется вам замолвить ему словцо... Это она нюхом почуяла.

Нуркан. Пожалуй, не дурно бы...

Жузтайлак *(Дильде)*. Ступай позови его сюда.

Дильда *(валится в ноги)*. Милые... Господин наш Какен! Спасите его. Ночей не сплю, дрожу, не попал бы он в черные списки... *(Плачет.)*

Жузтайлак. Ладно, будет! Сказано, ступай!

Дильда уходит.

3

Какен. Что же, он единственный сын престарелой матери? Такие не подлежат реквизиции... А?

Нуркан. Сам набивается, пес!

Жузтайлак. Кто кверху лапками не лежит, тот и подлежит. *(Смеются.)*

4

Входит волостной Майкан, усаживается, пьет кумыс.

Какен. Что, дорогой Майкан? Есть новости?

Майкан *(подавлен)*. Смута везде: в Карабужуре, в Коксу, в пяти волостях. А близ Тургая, говорят, зарезали волостного!

Жузтайлак. Зарезали?

Майкан. Как жеребенка... Списки спалили, а заодно — почтовую станцию. И ушли в степь.

Нуркан. Ну, я бы им зарезал, я бы им спалил!

Майкан. Сядь. Не горячись. И так жарко — земля горит...

Какен. Без списков, как без глаз: реквизиция невозможна, царский указ невыполним. Это бунт!

Майкан. В том-то и дело. Пока посемейные списки у нас в руках, мы хозяева. Но эти списки... жгут мне руки. Я чувствую острие ножа у себя на горле.

Нуркан. Бесятся наши борсаки и прочая голытьба...

Майкан. Борсаки нам не в новинку. Был бы единым род олжай! *(Вздохнул.)* Мечутся, как на пожаре, многие. Эга война врагов породила. Вот в чем наша беда.

Нуркап. *(Кыдышу)*. Вы голова рода олжай! Взялись бы за своих. А борсаков я беру на себя. С моими удальцами я их живо образумлю. Свяжу Жантаса, брошу к вашим ногам...

Майкан. Повремени, брат. Свяжем... да не так!

5

Входит Мугалим. Пауза.

Кыдыш *(надменно)*. Говорят, в народе прислушиваются к вам, учитель. Чего же вы ждете? Придут каратели, вырежут твой народ, не разбирая, кто подстрекатель, кто невинный!

Мугалим. Народное ухо слышит чутко... Но разве я управляю народом? Себя спросите.

Майкан. Уклоняетесь от ответа, Мугалим?

Мугалим. Я не могу вас понять.

Майкан. Уговорите смутьянов, утихомирьте их, пока не поздно.

Мугалим. Это угроза? Так ли я понял, господин волостной?

Какен. Посудите разумно. И мы и вы призваны врачевать народные раны. Не правда ли? *(Мугалим с почтением склоняет голову.)* Тогда исполняйте свое высшее предназначение, не щадя себя! Нам не по пути с российскими фабричными, врагами всякой власти и порядка.

Жузтайлак *(рассмеялась)*. Тише, не пугайте его. А то полезет в кусты. Вот что ему предназначено... Шагу не сделал, а уже стал торговаться.

Мугалим. Ошибаетесь, ханум. Я не бегу. Но чему учить? Послушанию? Меня прогонят с позором. Господин Какен! Вы недавно из города. Осмелюсь спросить вас...

Какен. Извольте.

Мугалим. Что же решили вы лично... и наши национальные вожди?

Какен. Я списался с ними — и с Оренбургом и с Самарой. Мнение наше едино!

Мугалим. Что же нам делать, что? Мы растерялись...

Какен *(сухо)*. А это я выскажу людям. Тогда и вы меня услышите.

Мугалим. Благодарю. Извините.

6

Входит Жунус, садится около жены волостного.

Жунус. Такой толпы я еще не видывал. Стоят стеной, как один.

Кыдыш. А ты, примечаю, ушел от них? Ты у нас просвещенный казах, Жунус.

Жунус. Что вы желаете мне поручить?

Жузтайлак. Вот ответ настоящего мужчины! Молодец!

Кыдыш. Думаю, выпустить тебя против них.

Жунус. Выпустить? Разве это байга, скачки?

Кыдыш. Милый мой, сказано: и блаженство благо, и блуждания благо. Кто побеждает в игре, победит и в бою. Пусть это будет байга для нас!

Нуркан. Вот это люблю! Схватка — Жунус и Жантас. Жузтайлак, ты за кого? Назначь свои призы.

Майкан. Шутите зря. Не до шуток.

Жузтайлак. А мы не шутим, мы всерьез. Жунус знает.

Жунус. Если это не насмешка...

Жузтайлак. Какой мужчина стерпит насмешку над собой?

7

За сценой гул голосов. Идет народ. Вбегает Дильда.

Дильда. Идут... господи! Они идут сюда. Все идут... Никого не хотят слушать!

Нуркан. И там твой сын?

Дильда. Там родимый, там кровинка моя...

Жузтайлак. Ну, так пеняй на себя, старая. Встань, Жунус! *(Жунус встает.)*

Дильда. Боже милостивый! Зачем пугаешь меня, госпожа моя? Я в руках божьих... в твоих руках...

Жунус отталкивает ее от Жузтайлак. Шум усиливается. Смятение.

Майкан. Что же, допустим их к себе, позволим глумиться?

Кыдыш. Наглость какая! У нас почетный гость.

Жузтайлак. Позор, топтать почетное место в нашей юрте!

Майкан. Я же велел, чтобы ждали на улице. Куда подевались слуги? Где джигиты? Шатакан!

Нуркан. Уж будто мы опасаемся чего-то...

Какен. В самом деле! Нам ли бояться своего народа?

Шатакан *(у входа)*. Сказано вам, нельзя! Тут почетный сват... гость почетный...

Голоса. Пускай гость! Хотя бы и сват... Его-то нам и надо!

8

В юрту врываются Жантас, Танеке, Волкодав и Гончак. Следом протискиваются Муржан и Саруар. Сбоку жмется Жумажан.
За ними плотно сгрудилась толпа.

Нуркан. Что за бесчинство! Назад, скоты...

Танеке. Коли хватят тебя за ляжку волчьи зубы, ступишь не то что на почетное место, а и на могилу предка. Будет с нас того, что мы долю свою несем на горбу, как святыню... *(С достоинством.)* Привет вам, почтенный Какен-мирза.

Кыдыш. А я-то думал, кто этот разъяренный? Гляжу, опять ты... колченогий!

Танеке. Опять я... Да, опять я! И все эти безвинные — тоже я. Весь народ я. Стоим перед вами в поту и в слезах, а слезы эти выжал ты, опять ты, бий Кыдыш!

Майкан *(смеясь)*. Спелся старик с молодыми и сам помолодел отменно... Говорит, как джигит!

Танеке. Твоя правда, добрый управитель, молодею. Ты нас молодишь, как суховей травку... Записывай в эти окопы меня, колченогого! Недобор у тебя молодцов из рода борсак. Пиши меня! Тебе ведь не привыкать. А я сам вызвался.

Мугалим смеется.

Майкан. Что ж тут смешного? Если надумали делить с нами тяготы, одобряю, хвалю, Танеке.

Жантас. Тяготы — с ними... Слыхали, батрацкие дети?

Жунус (*вызывающе*). А ты чего хочешь, батрак?

Ему отвечает гул голосов.

Волкодав. Списки давай! Показывай народу!

Гончак. Сами проверим! Пропишем по правде!

Майкан (*Жантасу*). Ты против кого же — против власти?

Голоса. Против тебя самого, если ты такая власть!

— Ишь прикрывается властью, будто кошмой...

— Хватит клевать наши глаза...

Жантас. Речь наша короткая: выдай народу списки.

Майкан. И вы верите этим басням, наговорам?

Кыдыш. Истинно — сытые ложью, бредут вслепую.

Жантас. Тогда откройте нам глаза. Где ваши списки? Зачем их прячете?

Голоса. Все одно, не загонишь нас в окопы!

— Не даст народ своих джигитов!

— Сами воюйте...

Кыдыш. Эй, корноухие, на кого лаетесь? Слушай меня, когда говорю!.. Видите, кто здесь сидит? Это Какен. По-русски — адвокат, по-нашему — светлая дума. Он вам голова! Жизнь и смерть примем по его слову. Или нет у нас учителей, нет вожаков? Оглохли, ослепли... горланите, каркаете... прете без рассудка!

Танеке. Его послушаем. Все его знают. Никто не откажется.

Жантас. Мы люди темные. Нам нужны поводыри.

Мугалим. Просим вас, Какен...

Какен (*с важностью*). Стоит ли мне говорить? Вижу, чувствую ваши настроения. Они далеки от покоя, от разума и мудрости.

Танеке. Успокойте, рады будем, сделайте милость...

Какен (*напыщенно*). В чем суть того, что мы переживаем сейчас? В неразрывный узел связались требования власти и упования народные... Мы твои дети, народ! Вышли из лона твоего, твоими заботами живем. И если ты шагаешь в пропасть, наш сыновний долг удержать за руку... Не мы накликали эту беду. Не нас одних — весь мир обняла война. Все земли и все народы проклинают нынешний, шестнадцатый год. И нам ли, казахам, дано погасить всесветный пожар?.. Прислушайся к зову своих вождей, народ! У нас одна цель — спасти тебя. Перед лицом истории, на ее неумолимых весах взвешено все. Царская власть сильна. Военные суды не знают пощады. Ныне они не милуют не только нас — и русских! Так не дайте же каре и мести пасть на голову малых детей и престарелых отцов. Неужто пойдем по стопам тех черномазых горлодеров из огненных заводских преисподних, которым не жалко ни себя, ни людей, ни порядка, ни закона! При-

кройте своей грудью народ, джигиты... Идите в окопы! Иных путей нет.

Волкодав. Вот тебе на! Вот так утешил...

Гончак. И вправду, лучше б молчал, коли нечего сказать.

Кыдыш. Опять залаяли... Смутьяны! Одумайтесь, угомонитесь...

Молчание. Все взоры обращены к Мугалиму.

Мугалим *(Какену)*. И это... это вы именуете сыновним долгом? В такой роковой час! Что же тогда предательство, объясните?

Жузтайлак. Тебе ли понять, овца!

Мугалим. Бедные овцы, если у них волк в поводырях. Опять продали тебя, народ, за светлые пуговицы. Уж двести лет как продают!

Какен *(сквозь зубы)*. Я вижу, учитель, ты нетерпелив. Судишь как полководец! Первый пойдешь туда, куда следует...

Мугалим *(указывает на народ)*. С ними пойду! С вами рядом не стану.

Танеке. Да буду я жертвой ради тебя, дорогой Мугалим. Ты нам истинный друг... Чего еще ждать, люди?

Голоса. Списки! Давай списки!

Жантас. Ну, волостной, выбирай: или ты с чином, или с народом.

Нуркан. Стой... И ты выбирай! *(Подводит Дильду и Муржан.)* Может, и этих... порвешь, как списки?

Дильда *(цепляется за Жантаса)*. Негодный ты сын... Бросаешь мать! Все губишь. Так убей, убей меня сам!

Жантас. Я уведу тебя отсюда. Со мной пойдешь, мать.

Дильда. Нет, бесчестный, мать не переступит через хлеб-соль. И ты не тронешься с места, пока я жива. А если посмеешь... *(Протягивает руки ладонями вниз в знак проклятия.)* Да будет погибель...

Танеке *(хлопнув ее по рукам)*. Кого проклинаешь, безумная? Мать ты или волчица? С сыном ступай помирать, с народом, если такая судьба.

Дильда. Руки мои отнимаются, господи...

Жантас *(горько)*. Тебе не отвечу худым словом. Что поделаешь! Живи, как знаешь, будь здорова... *(Старуха голосит.)* Ты что скажешь, Муржан?

Нуркан. И она не пойдет никуда. Вот ее брат Жумажан. Он ей один хозяин. Пока не отпустит, не позволим ее увести.

Жузтайлак. Собрал шайку угонять себе жену.

Дильда. Не пущу! Не бывать тому. Убивай нас обеих! Скажи, что плюешь на родную мать...

Жантас. Воля твоя, Муржан, поступай, как хочешь.

Муржан *(Саруар)*. Что мне ответить, родная? Ты видишь, какие они и какой он...

Саруар. Мы пойдем с тобой вместе. И все за ним пойдут! Отныне я тебе сестра.

Жумажан *(срывается с места по знаку Нуркана)*. Нашлась сестрица... Черта с два! *(Отталкивает Муржан от Саруар.)* Поди-ка ты к русским, книжки читай, а девку не тронь, девку не порти!

Жантас. Глупый человек, неужто не смыслишь, кто тобой играет?

Нуркан. А мы и с тобой сыграем! Не беспокойся, мы не дадим в обиду наших батраков. Муржан, ты при нас. Она не пойдет.

Жантас *(в гневе)*. Попробуй-ка удержи! Хочешь померяться силами? Думаешь, прежнее время?

Нуркан. Замолчи, пес! В землю вобью, как кол!

Голоса. Руки коротки... Только попробуй...

Джигиты выступают вперед.

Майкан. Стойте! Уймитесь... все... Это невеста его. Хочет идти — пусть уходит. Никто не вправе ей мешать. Идите оба — дело ваше.

Жумажан. Я не согласен! Черта с два...

Майкан. Прочь! Молчать у меня. Ты получил за нее калым сполна?

Нуркан. А ты, брат, себя забываешь...

Майкан. Оставь! Ступай с богом, Муржан, милая. Но наперед меня не вини и не жалуйся. Сами за себя отвечайте.

Танеке. Вот это по чести, волостной. Всегда бы так. И тебя честью просим: уважь народ, кончим спор добром.

Кыдыш. Знай же ты меру, старый борсак. Отдали девку задаром. Мало тебе? Выкрали, так погоняйте, пока не догнали. Эй, уноси ноги за наши пороги, покуда я глава рода олжай!

Танеке *(спокойно)*. В такую грозу кому страшны твои угрозы, богатый бий! Мы нынче со смертью побратались! И где они, твои олжайцы? Почему молчат? Смекника... А потому: не одно племя — народ раскололся, голова! Нынче мы ровни с тобой.

Нуркан. Ну и мудрец! Сравнил раба с хозяином. Что думал... Или мы уже не под богом живем? Не по закону?

Жантас. Мудро спросил, мирза, дай и я спрошу. Помнишь, как за убитого твоею собственной рукой не платил кун? Теперь почище — весь род убиваешь, племя батрацкое гонишь в окопы. Это по-божески? По закону? Да или нет? Отвечайте, хозяева! Скажите, да — покоряюсь.

Жузтайлак. Трусы, бездельники! Кого же гнать, как не вас, ленивых баранов? Может, Кыдыша, Какена? Или меня?.. Жунус! Подойди... Ты не борсак, не олжаец, ты нас рассудишь по совести.

Жунус *(угрюмо)*. Мне ли судить? Где моя совесть?

Жузтайлак. Что это ты раскис, джигит? Себя унижаешь... Говори...

Жунус. Лучше не надо... уйду я...

Жузтайлак. А я велю!

Жунус. Ну, коли так... слушай меня, старик. И ты, Жантас. Я вам отвечу.

Кыдыш. Вот ваш товарищ, а вам не чета. Парень ученый, с чистой душой...

Волкодав. Ой, промахнешься, Жунус! Зайца ноги спасают, джигита — честь.

Гончак. Потерял совесть — умри молчком!

Жунус. Нет, я скажу... была не была... Я видел их списки, люди! Видел...

Общее молчание.

Нужно в окопы четыреста джигитов. И что же? Из рода олжай выбрано... сколько вы думаете? По пальцам можно сосчитать. А из борсаков да из моего рода записано двести человек! По закону это? Кто же не знает, что их, олжайцев, больше, чем нас, впятеро! Из тридцати аулов Мыктыбая, самых ближних волостному, ни одного человека не тронули. У них, видимо, не родились джигиты. А из нашего брата насовали подростков, старцев, единственных сыновей, вроде тебя, Жантас! Теперь вы все знаете... Я кончил...

Кыдыш. Ах, недоносок...

Нуркан. Змея...

Жантас. Дай твою руку, Жунус. По правде сказать, не верил я тебе.

Волкодав. А мы в тебе сомневались, Жантас.

Гончак. Думали, бабы тебя запутали...

Жантас. Братья! Недаром поднялись пять волостей. И там и тут такие управители. Бай везде бай. Слышали вы, как в Тургае народ казнил волостного, обманщика?.. Вон русские давно встают против своих — работник против хозяина! Долго ли нам уговаривать наших палачей?

Голоса. Бей их! Выкосить под корень! Сжечь дотла!

Волкодав и Гончак выхватили ножи. Жантас удерживает их.

Волкодав. Пусти, дай сквитаться...

Гончак. Зарежу кровопийцу...

Дильда с воплем заслоняет собой волостного.

Майкан. Родной народ! Послушай полслова. А там казни меня, как в Тургае...

Тишина.

Жунус не солгал. Вот они, списки, на столе. Кто их прячет? Все, что вы слышали, истина, слово в слово... Но тот, кто сожжет эти черные списки, в дураках останется. А тот, у кого голова на плечах, глянет в них одним глазом, посмеется!

Шепот изумления. В толпе растерянность.

Думаете, шкурой своей дорожу? Ну-ка, Жунус, садись за стол. Ты у нас грамотей. Нуркан, подай ему перо. Пиши, хитрец. Меня пиши первого. Майкан, сорок лет. Как раз подхожу по указу. Его пиши вторым. Нуркан, двадцать восемь лет. Годен по всем статьям. Записывай в список! Что стоишь? Пойду и помру вместе с вами. Мне ли себя беречь, если гибнет народ? *(Закрывает лицо рукавом, будто утирая слезы. Люди переглядываются одобрительно.)* Глупые дети мои! Невинные души! Кто же не поймет, не догадается с первого взгляда, что списки эти фальшивые, негодные, для отвода глаз, провести начальство, выгадать дорогое время. Подростки да старцы... Кому они нужны? В уезде их забракуют и меня же, обманщика, накажут, меня одного! Может, сместят с волостных. Я все стерплю. А тем временем... зачем я привез адвоката Какена? Зачем он учил вас — утихомирьтесь, помолчите?

Разве ножом решишь то, что решают головой? Подумайте! Поедем к генерал-губернатору, дойдем до министра в золоченом мундире, в каменном дворце, в Петербурге. Головы свои сложим, но спасем, отстоим настоящих джигитов, цвет нашей нации! Вот как мы их обведем...

Кыдыш *(всхлипывая)*. Благослови бог твой путь... праведный сын достойных предков... О, бренный мир!

Мугалим. И вы полагаете... добиться?

Майкан. Добьемся ли — бог один знает. Мой долг добиваться. Нельзя жить без надежды! Нельзя жить без веры!

Возгласы одобрения.

Мугалим *(Какену)*. И вы... вы тоже верите?

Майкан *(шепчет)*. Осторожней, молю, осторожней...

Какен. Ну, нет, я откроюсь теперь до конца. Слушайте все: вот зачем я здесь... Сяду, буду писать петицию! Государю-царю, императору-самодержцу в собственные руки. Не от себя, от пяти волостей, и Коксуйской, и Карабужурской... ведь и там казахи. Ото всего нашего бедного, доброго, мирного народа!

Танеке *(с великим почтением)*. Пе-ти-ци-ю... Что же молчали о таком деле?

Какен. О таких делах опасно болтать, старик. Мы, адвокаты, знаем: хочешь выиграть — не шуми, не хвастай, не грозись. До поры до времени проглоти язык. Время военное — дела секретные. Указ царя... не шутка! Может, среди нас прячется доносчик...

Ропот возмущения.

Голоса. Не бойся — не выдадим... В добрый путь, езжайте с богом... Пишите, дело святое... Мы понимаем, не обижайся...

Какен. Я обижен, не скрою. Не вами... вашим учителем! *(Указывает на Мугалима.)* Хотел уехать — сердце не пустило.

Кыдыш *(встал, снял пояс и повесил на шею в знак моления)*. О боже... О предки... Да поразите вы тех, кто обманет надежды и веру народа. Я принесу в жертву белого коня... Благослови бог пути этих двух беззаветных радетелей народных! *(Простер ладони.)* Какен... ты молод, но ты меж нас старший. Благослови нас.

Какен *(тоже простер ладони)*. О боже... *(Запнулся.)* Дай нам удачи... э... э... спаси свой народ... э... э...

Кыдыш *(подсказывает)*. Исполни его желания...

Какен. Э... исполни желания... Бисмилла аллах акбар!

Народ молча простирает ладони, молясь.

Жунус *(в сторону)*. Сил моих нет стерпеть... И учитель развесил уши. Обман, обман!

Жузтайлак *(подошла к нему)*. Молчи, парень. Так-то ты мне служишь?

Жунус. Горю на двух кострах, желанная. И вы обманете, как они.

Жузтайлак. Жди, вороненок. Ты еще мне пригодишься...

Дильда *(Жантасу)*. А ты... а ты... осрамился, негодный! Мать оплевал, опозорил... хозяина нашего, благодетеля! Согни шею, упрямый козел, ноги его лобызай! *(Силой заставляет сына поклониться.)* И вы все... все в ноги валитесь, заблудшие паршивые овцы!

Майкан. Полно, полно, мать! Успокойся. В такой день забудем бранные слова, простим друг другу... Я отпускаю вас, люди мои. Идите с миром!

Жантас (*опустив голову*). Распухла у меня голова... Душа скулит, как побитый щенок...

Майкан. Иди, иди, милый. Я тебя еще позову. Жди, молись богу.

Народ молча расходится. Многие кланяются волостному.

Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В городе. Купеческий дом, обставленный по-европейски. Открытые окна ведут в сад, густой, цветущий. На столе винные бутылки, рассыпаны карты. Казанцев и Жузтайлак.

1

Казанцев. А вот кого люблю, грешен м-да... сто верблюдов — в одной даме-с... а? Люблю этакое свинство!

Жузтайлак. И мы вас любим, господин. Кушайте на здоровье. Мы, слабые, узнаем мужчину по аппетиту...

(Казанцев польщен, хохочет.) А если склонится к нам ваше ухо, я вам назову... тех бунтовщиков, моих оскорбителей!

Казанцев. Склонится, склонится... с моим удовольствием! Всех неугодных вам не потерплю. У меня в уезде... р-растерзаю, аки зверь лютый!

2

Входят Какен, Майкан.

Какен. Ваше высокоблагородие... мы имели в виду подать всеподданнейшую петицию государю... уповая на его великую монаршью милость...

Казанцев. Как-с? У-по-ва-я? Это еще что за свинство? Петиция? У меня в уезде? Да я вам и без государя такую петицию пропишу, господа мои!.. Россия, изволите ли видеть, истекает кровью, в струпьях от ран... *(Пьет.)*

Какен *(вкрадчиво)*. Значит, вы думаете относительно петиции... Видите ли, именно этой надеждой удалось успокоить население. Между тем не только одна Жиландинская, но и другие... собственно, уже пять волостей волнуются, ждут результатов.

Казанцев. Да вы в своем ли уме, господин адвокат? Волнуются? Зарезать меня хотите? Я послал донесение его высокопревосходительству, что у меня в уезде реквизиция закончена. Джигиты отобраны, готовы к отправке! Успокоили население — отлично! Это и требовалось от вас.

Какен. Но, может быть, все-таки будут некие льготы... в смысле отмены...

Казанцев. Эк-кую порете чепуху! Черт же меня побери, если ваши пять волостей взбунтуют мне весь уезд! Вы разумеете, что творите? Хотите того же, что в соседнем Тургае? Или в иных, так сказать, краях России — с легкой руки тех самых подпольных смутьянов, царехулителей, социалистов.

Майкан. Господин уездный, вы давно хорошо знаете наших казахов... Русские рабочие — одно, мы, степняки, хозяева, — другое. Вы власть, мы слуги власти. Мы хотели бы найти в вас опору.

Казанцев. Это другой разговор! Мы тебя дорого ценим, Майкан. У меня в уезде ты первейшая лич-

ность! Я так располагаю, что ты, твоя волость будут примером, образцом. Старайся... за мной дело не станет.

Майкан. Дай бог, с вашей легкой руки...

3

Входит Кыдыш вместе с Шатаканом и Дильдой.

Кыдыш *(здоровается с Казанцевым)*. На мое счастье, здесь и большой начальник. Есть кому поклониться от всей души, пронзенной обидой. Правду сказать, чудом ноги унес.

Казанцев. Что такое?!

Майкан. Что это значит, Кыдыш?

Кыдыш. Нуркан в осаде. Обложили аул со всех сторон. И я был в заложниках, сидел, как в тюрьме. Жутко стало в степи. Сами знаете, господин. Распоряжается разбойник Жантас, точно хозяин. На рассвете угнал из нашего табуна полтыщи отборных коней. Для езды, говорит, и для еды! На моих глазах угнали еще стадо курдючных овец. Режут, пируют... А говорят, и в Коксу, и в Карабужуре, и в Кызылжалской, и в Теректинской волостях то же самое.

Какен. Что за безумие! Что за гнусность! А петиция?

Кыдыш. Видишь ли, сомневаются, повез ли Майкан в уезд петицию. Подозревают — донос! *(Со смешком.)* Вот я и поехал проверить тут, верны ли слухи? И обличить обман!..

Дильда *(молитвенно)*. Аминь.

Жузтайлак. Что же мы медлим?

Казанцев *(мрачно)*. Ну-с, господа мои хорошие... Не нахожу слов это аттестовать! От всего вышеизложенного, пардон, не за столом будет сказано, попахивает военно-полевым судом. И этакий компот-с в твоей волости, Майкан! У меня в уезде! Как же ты проглядел таких негодников, ворюг! *(Кыдышу.)* Ты что смотрел, господин бий?

Кыдыш. Стыдно глаза поднять, господин начальник. Осрамил мою голову дрянной народ. Ехал к вашей милости с позором, с повинной.

Казанцев. М-да, прискорбно... Мы не хотели начинать круто. Попробовали дать волю. *(В сторону Какена.)* Всяческие эти интеллигенты, Самары, Оренбурги, адвокаты, азаматы... Я, знаете ли, сам люблю разное подобное свинство. Но это же бунт! Сопротивление высочайшему

указу! Нет, видно, разговорчиками телеги не смажешь. Удержу не знаете, господа. Мало нам петербургской болтовни о революции-с? И вы в Оренбургах да Самарах туда же! Живете в подданстве нашего государя императора, слава богу, не под турками, на государственной земле, исконной российской со времен еще Ермака, живете в полнейшем своем скотстве и невежестве, как вам только заблагорассудится, молитесь своему богу невозбранно, и что вам не живется! (*Хлопнул по столу.*) Извольте мне отвечать, управители!

Какен. Я уже имел честь высказать свои соображения. Помилуйте, ну как же можно... нас... смешивать со смутьянами...

Кыдыш. Дозвольте сказать, что мне пришло в голову.

Казанцев. Я жду. Слушаю.

Кыдыш. Стадо всегда стадо. Куда первый баран с крутым рогом, туда и оно. Не мешало бы объявить манифест на белой бумаге с гербом!

Казанцев. Какой такой манифест?

Кыдыш. Ну, вроде помилования... всем, кто вернется с поклоном под нашу руку. А тем, кто изловит, приволочет смутьянов на веревке, деньгу! Одарить, сыты, мол, будете до конца дней... Я из своей мошны отвалю, не поскуплюсь!

Казанцев. Дельно, Кыдыш-бий, дельно. Называй имена!

Жузтайлак. Я назову. Склоните ухо, господин... Вы обещали — по уговору.

Казанцев *(усмехаясь)*. Запишите-ка, адвокат.

Жузтайлак. Жантас, Жантас, Жантас!

Какен записывает карандашиком в книжечку с золотым обрезом.

Майкан. Танеке, первым долгом... Еще Мугалим... Дальше — Жунус...

Жузтайлак. Жунус? Нужно ли? *(Удерживает руку Какена.)* Упоминания не стоит... *(Сама вырывает из книжечки Какена листок, передает Казанцеву.)*

Дильда *(бросается к ее ногам)*. Ужас какой... Горе мне... Милая, неужто и ты без сердца?

Шатакан *(оттаскивает Дильду в сторону)*. Помолчи, старуха! Куда лезешь! Будешь знать, как рожать конокрадов...

Казанцев *(глядя в листок)*. Итак, эти трое объявляются беглецами, супротивниками царя.

Какен. Но разве не будет на первый случай следствия на месте?

Казанцев. А что тут расследовать — время губить?

Какен. Я полагал, может, сами придут, испугаются. Меньше хлопот...

Казанцев *(хлопая по спине Жузтайлак)*. Будь покойна, красавица. *(Сжал кулак.)* Похлопочу!

Дильда *(вырвалась, бежит, целует руки Какену)*. Свет мой, спаси, защити... Не ты ли наша надежда, наша вера?

Какен. Ах, отвяжись, старая... За твоими воплями некогда подумать о народе!

Шатакан силой ведет Дильду к двери.

Казанцев *(поднимается из-за стола, прочищает ухо мизинцем)*. Ну-с, и за голову беглеца, живого или мертвого, объявим пять тысяч рублей.

Кыдыш *(вскрикнул)*. Куда столько! Сотню в зубы и пинка в зад.

Казанцев *(смеется)*. Давай меньше, сули больше, благодетель! *(Официально.)* А теперь докладываю вам, государи мои, ждите меня самого к себе в волость с дорогими гостями, а именно: с казачьей сотней подъесаула Семенова! Вот так-то, любезнейшие.

Немая сцена. Казанцев уходит, сопровождаемый всеми, кроме Дильды. Она плачет.

4

Хозяева возвращаются.

Дильда. Сношенька, дорогая, не был ли он твоим рабом? Зачем отдала его на погибель в чужие руки? Вспомни, ведь я вдова.

Жузтайлак *(оттолкнула ее ногой)*. Убирайся! Благодари бога, что я тебя пожалела. Не вспомнила, кто его мать. А будешь дурить, и тебя передам властям.

Дильда *(поднимаясь)*. Лучше бы мне задохнуться в тюрьме... сгнить бы живьем... и не видеть, не видеть... как вы... как вы!..

Майкан. То ли ты завтра увидишь, старуха! Отнимется у тебя язык... Доживи до завтра!

5

Бесшумно отворяется дверь. На пороге Жантас, в его руке короткий тяжелый меч.

Жантас *(негромко)*. Зачем завтра, волостной? А сегодня?

Переполох. Майкан кинулся к окну. А в окнах по пояс Гончак, Волкодав, джигиты.

Дильда *(со слезами)*. Свет мой! Единственный... Уведи меня, вытащи из этого змеиного гнезда. Умру с тобой!

Жантас. Подними голову, мать, утри слезы. Все ли ты перевидала, все ли вытерпела для меня? *(Она приникла к его плечу.)* Встань, мать, разогни спину. Ты свидетельница их обмана! Так ли, Кыдыш-бий? Правду я говорю? Я по твоим следам шел... Все валите на русских! Пугаете нас мастеровыми из преисподней... А за нашей спиной сговариваетесь с жандармами? Так или нет?

Кыдыш молча разводит руками.

Майкан *(овладев собой)*. Напугал ты меня, шутник. С перепугу невесть что померещилось... Входи, садись за стол. Разве так входят в порядочный дом?

Жантас. Не хитри, бес. Тебе ли, серому волку, петлять по-заячьи? Ты сам себе выбрал казнь. Пробил твой час.

Майкан. Прежде всего осмотрись как мужчина. Последнее дело пить бабьи слезы. Выпей вина! Только что тут был господин уездный начальник.

Жантас. Знаю. *(Указывает на стол.)* Вижу!

Майкан. Что знаешь? Что видишь? Карты! Я играл... Нарочно продулся ему, как мальчишка. Последнее спустил, что ты не дограбил! И вот... вот чем мы его... Какенага, не почтите за труд...

Какен достает из шкафа красную кожаную папку, раскрывает ее торжественно, в ней большой лист плотной бумаги, покрытый вязью писарского письма.

Какен. Кто не слепой, пусть видит. Гербовая бумага! Его императорскому величеству, государю императору, самодержцу всероссийскому... Читай!

Жантас вытягивает шею с почтительностью неграмотного. В окна влезают Волкодав и Гончак, джигиты окружают Какена, рассматривают бумагу и папку.

Голоса. А где герб? А печать? А ну, покажи на свет!

Какен показывает.

Волкодав. Шкура красная...

Гончак. Зачем красная?

Какен. А затем, толстолобые, чтобы понял: написано кровью!

Смущение.

Дильда. Господи, для чего же тогда тот долговязый с золотыми пуговицами так сказал?

Майкан *(с дрожью)*. Как сказал?

Дильда. Сказал, придет сам с казачьей сотней...

Майкан *(перебивает)*. А это уж его спроси, сына своего, разбойника, аульного вора! Пусть он ответит!

Жантас *(просто)*. Я на виселицу пойду, только бы для людей...

Майкан. Туда тебе и дорога! А нам не мешай. Уходи.

Жантас. Нет, волостной, не спеши. Мы простаки, вы ловкачи. Опять кувыркнете нас через голову и не оглянетесь. Теперь ты так легко не отделаешься... Словам не верим! Дай нам великую клятву — при всех, при народе, не сходя с места. Духом своего предка Мыктыбая клянись!

Голоса. Правильно! Духом Мыктыбая! Можешь поклясться?

Майкан. Могу... Клянусь...

Жантас. Духом своего предка!

Майкан. Пусть покарает меня дух Мыктыбая, если солгу...

Жантас. Если обманешь народ!

Майкан. Если обману...

Жантас *(Кыдышу)*. Ты свидетель этой клятвы, подтверди.

Кыдыш. Слышал... Я свидетель.

Жантас *(Какену)*. И вы тоже.

Какен. Слышал все. Свидетель.

Жантас. Ну и я поклянусь духом моего отца, пастуха... которого вы убили... только-только он стал отцом... не успел поседеть...

Дильда. Ох, помирились бы, дети... Господи, благослови!

Жантас. Бог нас теперь не помирит, мать. За мной, джигиты! Народ нас благословит. *(Уходит.)*

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Двойная юрта волостного управителя. Жузтайлак, Кыдыш, Нуркан.

1

Входит Дильда.

Дильда. Благодаря богу... едут! Только Майкана, света нашего, не видать. Или я ослепла, старая дура?

2

Все спешат навстречу прибывшим и возвращаются, сопровождая Казанцева и подъесаула Семенова.

Казанцев. А где же Майкан? Он хотел нас встретить в ауле — поехал горной тропой.

Нуркан. Не может быть!

Жузтайлак. Что он сделал, безумный!

Дильда (*в сторонке*). Стало быть, ему нечего бояться, коли он не побоялся, отец наш родной.

Семенов. Успокойтесь, с ним конвой. *(Хохотнув.)* Мои бородачи его не выдадут... пока трезвы.

Казанцев. Господин подъесаул, привал — самый малый. Я хочу тут усилить вас, придать вам, так сказать, ополчение от здешнего волостного.

Семенов. Слушаюсь, ваше высокоблагородие. Так я не велю расседлывать. *(Делает знак вахмистру у входа, тот исчезает.)*

Казанцев *(ежится, потирая руки)*. Однако же неуютно у вас, на ваших горных пастбищах. Или это в юрте прохладно, любезная хозяйка? А мне казалось, под твоим крылышком всегда жарко!

Жузтайлак *(идет к сундуку, достает дорогую шубу и накидывает ее на плечи Казанцева)*. Упаси бог, мы не холодные люди, господин. Мы не допустим, чтобы вы продрогли. Носите, если по плечу.

Казанцев. Спасибо, спасибо. *(Жмет ей руку.)* Прелесть у нас хозяйка, подъесаул, вы не находите? Вот кого я люблю, грешен, м-да... *(Шлепает ее по спине.)*

Жузтайлак. Эта шуба обнимет вас, как женщина, господин. Эта шуба послушна, как рабыня, господин... *(Лукаво усмехается.)*

Семенов. Она необыкновенна! Право, для киргизки решительно необыкновенна.

Казанцев. О, вы ее еще не знаете — она здесь набольшая, генерал-дама-с... Из киргизок киргизка! Дать ей волость, мужиков в бараний рог скрутит. Скрутишь, а?

Жузтайлак. Как прикажете, господин.

Казанцев и Семенов хохочут.

Казанцев. Ну-с, к делу. Нужен толковый проводник, надежный и несонливый. Причем немедля!

Семенов. Иначе я не снимусь с места.

Нуркан *(Кыдышу)*. А что, если бы вы сами? Взяли бы все в свои руки...

Казанцев. Это было бы недурно.

Кыдыш. Как знать... Я уж стар, отстану от джигитов...

Казанцев. Лучшего не найти. Езжай, Кыдыш-бий, с богом!

Кыдыш. Ну, раз вы говорите... быть по-вашему.

Семенов. Остальное за мной! Можете на меня положиться. Ваши соседи — Карабужур и Коксу — меня уже знают. *(Хохотнув.)* Надеюсь, и впредь не сконфужусь.

Кыдыш *(мнется)*. Как же теперь с манифестом, господин начальник? Мы уже слух пустили... у-а, какой слух! Или больше не нравятся наши советы? Определяете нас в проводники...

Казанцев *(посмеиваясь)*. Полноте, господин бий. Нам с тобой греться под одной шубой... Где он, ваш волостной Емелька?

Нуркан. Он в горах, которые мы называем Найзатас — Каменные Копья. На днях там побывала наша служанка, его родная мать. Вот эта самая...

Дильда *(шепчет)*. Господи боже, будь проклят мой длинный язык...

Семенов. Мать? Любопытно. Этакой разведке позавидовали бы столичные жандармы! *(Дильда в ошеломлении низко кланяется Семенову)*.

Жузтайлак. Где он — я скажу, господин офицер. В Каменных Копьях сейчас одни сайгаки.

Семенов *(игриво)*. Браво! Быть может, и вы ему родственница?

Жустайлак. Мне он милей всех... Сегодня он ночует в урочище Актомар.

Дильда ахнула.

Семенов. Отлично. Я выступаю, ваше высокоблагородие.

Казанцев. Я тотчас следом.

Семенов козыряет и идет с Кыдышем из юрты. Жустайлак их провожает. Дильда с глухим воплем кидается за ними.

3

Казанцев *(усаживаясь и принимая из рук Нуркана пиалу с кумысом)*. Ах, с удовольствием, сударь ты мой, я покидал бы сейчас картишки на балу у его высокопревосходительства... Кто мог ожидать, что дикие степняки будут атаковать города?

Нуркан *(поражен)*. Как города?

Казанцев. Вы еще не знаете? Очень хорошо. А Тургай уже третью неделю в осаде. Железная дорога Ташкент — Оренбург походит на волосок, который вот-вот будет оборван. Там собралось в одну банду ни много ни мало тысяч пятьдесят бунтовщиков, дезертиров со всех волостей.

Нуркан. Пятьдесят тысяч!

Казанцев. И заправляет всем этим сбродом некто по прозванию А-ман-гель-ды... Вашего племени разбойник!

Нуркан. Ой-бой! Как говорите, Амангельды? Не знаем мы такого.

Казанцев *(одобряет его неосведомленность)*. Очень, очень хорошо... Еще какой-то там подстрекатель из ваших. Большевик, изволите ли видеть, здесь, в степях, чудовищно-с! Против них брошен корпус генерала Лаврентьева, снятый с фронта. Боевой корпус! Неслыханное свинство. Не приведи бог, если ваш Емелька этаким собачьим манером пронюхает про этого Амангельду и сбежит в Тургай с джигитами, подлежащими реквизиции. Не приведи бог! Это слова губернатора.

Нуркан. А на что же тогда, господин подъесаул, казаки?

Казанцев. Они-то постараются... Они все вашей волости, из станицы Романовской.

Нуркан. Это у озера Сарыкол?

Казанцев *(развернул карту)*. М-да, у озера... Какие там аулы?

Нуркан. Самые разбойные: есть и борсаки, есть и олжайцы.

Казанцев. Так вот-с, у озера Сарыкол казачьей сотне обещана земля. *(Перечеркивает на карте карандашом крест-накрест.)* Четвертый аул, шестой, третий, седьмой... Считайте, что их больше нет. Перевелись тут и борсаки, и олжайцы, и прочие китайцы!

Нуркан *(злорадно)*. С самой весны они мутили народ, плакались, жаловались на тесноту, малоземелье.

Казанцев. Ну что ж, кому тесно на земле, пойдут под землю. Там просторно...

Нуркан *(вскочил)*. Будут знать конокрады, на кого подняли руку!

4

Входят Танеке и Волкодав в сопровождении Шатакана и двух казаков.

Нуркан *(в страхе)*. Вот они, господин... Тот самый... Танеке!

Танеке. Не робей... Добавь, что пять тысяч стоит моя голова. Оглядываешься... Видим, к кому ты прижался задом...

Казанцев. Эт-то еще что за свинство? Ты как же посмел...

Танеке. Народ меня послал. Прослышали, едет начальство, над нашим законом закон. Обрадовались... Ступай, говорят, к нему самому. Поведай про наше житье-бытье. Жалобу горькую, просьбу велели передать. Прознали, что вы у волостного. Больно опасается народ, наложат тут вам, стало быть, полные уши дерьма. А мы без вины виноваты... Вот и послали — дать вам знать. Вроде вы понимаете по-нашему, по-казахски.

Казанцев (*со злым смешком*). Как не понять. Выкладывай!

Танеке. Мы безголосые, обнищавшие, забытые в этой волости — Жиландинской... Почитай, пять старшинств зимуют-летуют в тесноте да в обиде у озера Сарыкол. От этой несчастной земли и раньше трижды отрезала казна — что нам осталось? С овечью шкуру. А нынче, прослышали

мы, опять хотят отрезать... Куда нам деваться с детишками, с голодными ртами? В прошлом году как бедовали без сенокоса!.. Это одно, а второе — насилует нас волостной. И он тянет руки к нашей овечьей шкуре. Ведь что выдумал — строить себе зимовку!.. Теперь дальше: дошел черед до списков. Копнули мы, и что же открылось? Все джигиты, как есть, записаны от нас. А от его племени мыктыбай, богатейшего, от тридцати аулов — ни одного? Это ли справедливость? Посудите... Уж не делается ли все это нарочно, с умыслом змеиным? Вытрясти из нас всякое терпение, довести до края, толкнуть на верную гибель. Вот мы и думаем: такого-то закона нет?..

Казанцев *(Нуркану, вполголоса)*. Мнится мне, они уже знают... все знают, головорезы... про Тургай...

Танеке. И еще велели вас поздравить с благополучным прибытием. Простите, нечем вас одарить. Рады бы, да голы, босы, тощи...

Казанцев. А ты понимаешь, старик, что с тебя причитается по закону?

Танеке. Само собой, господин: с богатого — шуба, с нашего брата — шкура. Но, если такой закон, не ждите от нас послушания. Вот что я скажу от народа.

Казанцев. Ты все сказал?

Танеке. Теперь все, господин.

Казанцев (*казакам*). Взять их, подлецов!

Казаки хватают Танеке и Волкодава.

Танеке. Э-эх, уездный, так-то ты принимаешь посланцев народа, безоружных? И ты... ты над нами начальство?

Казанцев *(топает, орет)*. Ах, разбойник, вор, собака!

Танеке. И верно, я собака, коли принял тебя за человека. Поделом нам за дурость! Делай, как знаешь.

Нуркан. Выколоть им глаза обоим...

Волкодав. А тебя народ покарает, Нуркан.

Нуркан пнул его ногой.

Казанцев. Запереть их. Завтра отправить в город. Военно-полевой с немедленным приведением в исполнение! *(Складывает карту.)* Ну, погодите, голубчики. Здесь пока что не Тургай. Я ж вам пропишу прохладительное. Коляску!

Уходит с казаками. Слышен стук колес отъезжающей коляски.

5

Нуркан. Шатакан! Заковать их по рукам и ногам. Бога забыли, рабы, зазнались у меня, обнаглели. На моих глазах грабить мой аул! Сейчас увидишь, какой я... заложник!

Танеке. Пришло в башку цепному псу, что он хан в степи, да цепь коротка... Мне жалеть нечего, я людям не задолжал. А вы, баи, всю жизнь мешали нам стать плечом к плечу. Ну и травили каждого поодиночке. Сегодня, смотри, все обиженные за мной. Гора народная за моей старой спиной! Мне ли бояться смерти, коли я в голове такого каравана? Чем ты меня устрашишь?

Нуркан. Жилы из тебя вытяну! Ты у меня не так запоешь!

Танеке. Глупый человек, нет страшней муки — видеть горе народное, а я его видел.

Нуркан (*бросается на старика с камчой*). Я ж тебя угощу.

6

Жантас (*влетел в юрту, смял Нуркана*). Врешь, я тебя сперва!

За ним вбегают Мугалим, Гончак, вооруженные джигиты, Муржан, по-мужски одетая, тоже вооруженная, и Саруар.

Мугалим. Стой, не шевелись!

Гончак. Ни звука, шакалы!

Нуркан (*слугам*). Казаков зови, казаков... скорей!

Жантас. Бога сейчас зови, пока не поздно. (*Освобождая Танеке.*) Ну, убедился, отец, каковы с ними переговоры?

Гончак (*вытащил из-за голенища нож*). Я сейчас с ним переговорю — он у меня не пикнет.

Волкодав (*удерживает Гончака*). Это разговор грубый, ему по чину полагается петля! (*Закидывает веревку на шанрак, подтаскивают Нуркана.*)

Нуркан (*вопит*). Дорогие... родные... Брат Танеке, милый! Спаси мою душу, муху жалкую... Прости меня, прости, я твой раб до могилы!

7

Жузтайлак *(вбегает, бросается на шею Мугалиму)*. Выслушай! Останови их... Не дай погубить глупца под горячую руку! Я твоя рабыня навек...

Мугалим *(отстраняясь)*. Эй, джигиты, постойте! Убийства я не допущу. Ответ беру на себя.

Муржан. Послушайся его, Жантас. Пусть не говорит, что мы разбойники, на наших руках нет крови.

Жантас *(с облегчением махнув рукой)*. Брось его, братцы, охотника за подолами, не марайся...

Тапеке. Пусть так... Но только раскаешься ты, учитель, заставят они нас раскаяться в своей доброте. И ты, Жантас, подумай...

Жантас. Думаю я иной раз, а может, это сказка, мечта наша — то, что в Тургае? А мы одни-одинешеньки во всей неоглядной степи... Эх, кабы крылья! Увидеть, что делается на белом свете хоть одним глазком...

Нуркан. Нет там никакого Амангельды... нет! Врут, что у него пятьдесят тысяч! Врут... Не может быть казах — бунтарь! Басни...

Жузтайлак. Молчи... трепливый язык...

Голоса. Слышите, слышите! Амангельды! Пятьдесят тысяч!

Жантас. Это зачем же молчать, красавица? *(Нуркану.)* Говори правду, пес, если хочешь пощады!

Джигиты с угрозой подступают к Нуркану.

Нуркан. Не знаю... не знаю я ничего...

8

Входит Майкан. Он только что с дороги. Поражен.

Гончак *(подскочил к нему)*. А вот и вестник — лучшего не надо!

Волкодав *(подскочил с другой стороны)*. Вот это подарочек... милости просим!

Жузтайлак *(кусая губы)*. О, глупая судьба... Сам явился к своей могиле.

Майкан *(осмотрелся, пришел в себя, рассмеялся)*. Э-э, вы уже здесь — хорошо. Ждете меня, молод-

цы. А я-то рассчитывал взять с вас подарок за добрую весть!

Мугалим. Добрую? Неужели?

Майкан. А-а, вы не знаете... Живо скачите в степь, в аулы. Великая весть! Манифест! Нас освободили. Джигиты вольные — реквизиции не будет. В солдаты берут одних добровольцев. Сегодня я от губернатора. Скакал целый день, чтобы догнать уездного и казаков.

Дильда *(проскользнувшая за Майканом)*. Я говорила, я говорила: он не с карателями, благодетель наш.

Мугалим. Позвольте, а чей манифест?

Майкан. Из Петербурга. Из сената! Но, уж конечно, при условии полного повиновения законным властям...

Танеке. Ну, а земля? Ее — казакам, а нас — собакам?

Майкан. Не все скопом, отец. Терпение! Будем жадны — подавимся. *(Беззаботно.)* К слову, тебе, Мугалим, от оренбургских джигитов привет и братское поздравление!

Мугалим. О, спасибо, спасибо...

Жантас. Ну, если вправду с этим приехал, пойдешь с нами, волостной. Сам скажешь, что нам сказал, порадуешь людей. А главное, про Тургай... Все скажешь, что спросим!

Голоса. Верно! С нами иди! Сам скажи!

Майкан *(упирается)*. Очухаться мне с дороги... целый день в седле...

Гончак. Не жалуйся, на руках отнесем!

Танеке. Что же, надумал, Жантас? Нет дыма без огня. Надо гонца в Тургай. Пора!

Жантас *(обнял Мугалима, ведет за собой)*. Как вы считаете?

Мугалим. Не знаю, не знаю... Бьется-мелькает в моей голове свет, как в лампе под сильным ветром.

Уходят. Топот коней. Тишина.

9

Нуркан *(с петлей на шее)*. Вот уж теперь уездный спустит с меня штаны.

Жузтайлак. О, я несчастная! *(Плачет.)*

Занавес.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЯТАЯ

В горах. Под вечер. Лагерь повстанцев. На скалах дозорные с пиками, увенчанными флажками, с секирами, изредка ружьями. Костры. Вдали поют. Крики. Молодые джигиты упражняются в фехтовании, в борьбе.

1

Вбегает Шатакан, за ним Жунус.

Шатакан *(кричит)*. Эй, новость, новость! Великая весть! Манифест! Слушайте все... Сам волостной сюда едет оповестить, обрадовать народ! Слышите — едет!

Шатакана окружили джигиты.

Жунус *(про себя)*. Ну и удачлив пастух, голодранец... Опять вылез сухим из воды, да еще с уловом... *(Растолкал джигитов.)* Ты, цепной пес байский, чему радуешься? Так-то ты платишь за хлеб-соль своим хозяевам?

Шатакан (*отскочил*). Не тронь меня! Я вестник! С вас всех подарки мне, первому! Эй, новость, новость! Великая весть! Манифест! Слушайте все... *(Убегает, уводя за собой джигитов.)*

2

Входят Муржан и Саруар.

Муржан. Стыдись, сестра, меня выпрямила, а сама согнулась.

Саруар. Ты же видела: это хуже измены!

Жунус *(игриво)*. А вы невеселы, женщины-воины, подруги героев. Кто это вас так допек — мужья или соперницы?

Муржан. А вы все чешете язык, как собака ухо! Вам бы не здесь, а перед Жувтайлак... (*Передразнивает его жесты.)*

Жунус. Как раз об этом я и мечтаю.

Саруар. Змея она!

Жунус. Да так ли она лукава?

Муржан. А знаете вы, что у нее среди нас рука, и подлая рука, готовая ударить в спину! Сама призналась в сердцах.

Жунус *(глухо)*. Шутите, не так она болтлива...

Муржан. Я своими ушами слышала. Этот человек среди нас, и он не из последних...

Жунус. Злодейка... А может, она нарочно — из гордости, попугать?

Муржан. Она знала место нашей стоянки — урочище Актомар. Не миновать бы нам ловушки, если б не мать Жантаса!

Жунус. И что же она... намекала... кто этот подлец?

Муржан. Мы и сами не слепые. Не обязательно ткнуть в него пальцем. *(Ткнула пальцем в Жунуса.)*

Жунус *(попятился)*. Что?.. Кто?.. *(Отмахивается от нее, как от осы.)* С ума сошла... ничего я не знаю...

Саруар. Будет прикидываться! Не такой вы простачок... Все это видят. Уже не секрет.

Жунус сел, утирает пот.

Муржан. На глазах у всех — что она велит, то он и творит. При нас кинулась ему на шею — я твоя рабыня... А раб-то он!

Жунус *(смекнул наконец)*. При вас? На шею?.. Неужели учителю? Счастливец! Я этого не испытывал...

Саруар. Бесстыдник!

3

Входит Мугалим, Саруар отворачивается.

Муржан. Мугалим... среди нас есть предатель...

Мугалим *(выпрямился)*. Так это уж не вы ли, господин Жунус?

Жунус *(с наигранным смехом)*. Слушайте, слушайте жен, учитель, они вас научат.

4

Шум голосов. Окруженные большой толпой, входят Жантас, Танеке, Волкодав, Гончак и волостной Майкан.

Жантас *(Волкодаву)*. Дозорные у нас слабы. Смени их немедля. Ставь самых надежных, крепких джигитов.

Волкодав. Сделано!

Гончак. Будь покоен.

Жантас *(поднявшись на возвышение)*. Ну, друзья, подходи ближе. Сюда!

Люди рассаживаются на камнях. Майкан угодливо здоровается со всеми поочередно.

Жантас. Так вот он, наш волостной, благодетель, позвавший на ваши головы карателей. Хочет обрадовать вас, а чем — сам скажет. Будете его слушать?

Мугалим. Что толку? Обманет опять.

Голоса. Гони его в шею!

— Пусть скажет, послушаем!

— Давненько не слышали...

Майкан. Джигиты, не вы ли вчера составляли мой народ? Откуда же это пошло, что я призывал карателей? Не сносите вы голов, у кого мне искать чести?

Волкодав. Спрашиваешь? Прежде ты нас не спрашивал!

Майкан. А разве прежде вы советовались со мной? И разве прежде нависала над нами такая гроза? Не за тебя ли, не за твою ли судьбу я боролся, родной мой народ, страшась, что останутся твои кости в голой степи, в диких ущельях этих гор? Кто же из нас потерял рассудок?

Гончак. Слова мы слышали, давай дело говори!

Майкан. А дело такое: пока вы тут без хозяина озорничали, мы с адвокатом Какеном обшарили много земель, все начальство. Были в Оренбурге, в Самаре. Петиция наша пошла в Петербург. И вот нынче пришел ответ. Истинно благая весть — манифест! Я свою клятву сдержал!

Голоса. Дай бог тебе счастья!

— Спасибо, что сказал... не поленился...

Майкан *(бодро)*. Захожу к губернатору, а он меня хлоп по плечу: садись пить чай... И показывает...

Мугалим. Действительно, из Петербурга?

Майкан. Я ж говорю: от царя, от министра...

Мугалим. Но вы говорили, что из сената!

Майкан. Э, Мугалим, что сенат, что министр... мы народ темный, нам не разобраться, кто кому держит стремя. Была бы бумага! А как же не верить, если на мое имя телеграмма от Какена?

Мугалим. О чем телеграмма?

Майкан. Все о том же!

Голоса. Что такое телеграмма? Почему телеграмма? Как это так — на его имя? А говорил — манифест?

Мугалим. Ну, хорошо, пусть телеграмма. Докажите хоть чем-нибудь! Дайте прочесть.

Майкан. Пожалуйста. Разве я отказываю? Отведи меня в аул, к моему коню. Вот — сума, в суме — папка, в папке — телеграмма... Дам тебе в руки, читай! Там телеграмма.

Жантас. Это правда?

Голоса. Раз говорит, стало быть, правда!

— Вот рассказал про все земли, где был.

Танеке. Эй, народ, погоди! Я сам толковал с уездным... был в его железных когтях... В мою старую голову не вмещается: как это можно... одной рукой — манифест, другой — казачью сотню?

Майкан. Но ведь уездный не знал еще этой вести...

Жантас. Ты знал, а он не знал?

Майкан. Дай мне сказать ему одно слово...

Жантас. Ты скажешь, а он послушается?

В толпе смех.

Старик с секирой *(выступил вперед)*. Жантас, сынок, а ведь все-таки добрая весть — половина счастья. Грех человека казнить за добрую весть!

Жантас. А за обман? *(Молчание.)* Вижу, отец, понимаю, чего тебе хочется. И мне того хочется. Мы не разбойники — пастухи. Верить хотим, мира хотим, ягнят выращивать, стада пасти...

Общий взрыв одобрения.

Голос *(высокий, ломкий, наивный)*. А может, поверить последний разочек? Ну, самый последний... во всей жизни!..

Напряженная тишина.

Жантас *(махнул рукой)*. Обидно мне за вас, братья...

Мугалим (*подошел, обнял его*). Вот кому верьте, люди!

Жантас. Что же, пускай тогда поживет у нас волостной. Пускай отведает нашей житухи. Или будет у нас лучшим гостем, или сложит, как мы, кости.

Голоса. Правильно! Верно! Пускай!

Волкодав. Держать его за курдюк...

Гончак. Глаз с него не спускать...

Майкан. Раз я пришел сюда, сам не уйду.

Жантас. А раз пришел сюда... *(достает пачку бумаг)* вот твои списки... Что с ними делать? *(Пауза.)* На, изорви! Своими руками...

Майкан рвет бумаги. Джигиты подхватывают обрывки, тоже рвут, подбрасывают клочки в воздух. Шум, гам, веселье.

Танеке. И вот что еще я скажу, сыночки. Эй, погоди баловать! *(Тишина.)* Сколько прослышано, сколько говорено было про то, что в других волостях, про то, что в Тургае. Мелем, судачим... завидуем... Божимся этим Тургаем! А по сей день держим гонца на привязи. Длинно у нас ухо, короток глаз. Спрашиваю я, что в Тургае?

Майкан *(поспешно)*. Э-э, куда гнешь, Танеке, чему учишь? Нам манифест, свобода, помилование, а ты бунтовать?

Танеке. Стало быть, там бунтуют? Бунтуют, говори!

Жунус *(выступил вперед)*. Перепугался отец Танеке казачьей сотни. Оглядывается на другой уезд, будто мы трусы, бродяги, преступники, бегущие с поля боя, бросающие народ, когда он истекает кровью...

Мугалим. Что-то я не слыхал, чтоб отец Танеке призывал бежать с поля боя.

Жантас *(подошел к Жунусу)*. Насмерть будем биться! На месте поляжем! Что скажете, джигиты?

Воинственный гул голосов.

Танеке *(подняв руки)*. Слушайте, сыны мои! Если вправду там войско в пятьдесят тысяч, — оттуда далеко, до самой России видно. Не зря тамошнюю голову этак-то не по-нашему обзывают. По имени он казах, а прозванье русское — бол-шай-бек... Видать, не робкая, умная голова!

И раз наши благодетели... *(кивает в сторону Майкана)* не хотят, чтобы мы разули глаза, что нам надо делать?

Голоса. Гонца, гонца! В Тургай!

Танеке. Амины!

Жантас. Теперь расходитесь. Все по своим местам! Ночь близко. Костры погасите и не спать! Семь и семь раз обойду дозорных — спящего не помилую.

Джигиты расходятся. Гаснут костры. Площадка у скал опустела.

5

Под скалами Майкан, Волкодав, Гончак и молодой джигит с копьем. Джигит связывает волостному руки.

Волкодав. Ну, волостной, волк матерый... А ведь я Волкодав! Узнаешь! Вы обозвали меня собачьей кличкой. Выходит, что оправдалась кличка, а?

Гончак. У-а, волостной... А я Гончак! Помнишь? Должно, вам сам бог подсказывал, как кого облаять. Тебя создал волком, меня гончим псом, а?

Майкан. Дорогие вы мои... я уж натерпелся за свои грехи! Неужели забыли мои заслуги, хозяйскую заботу о вас, верных слугах!

Гончак. Э, добрый бай! Как забудешь! Нельзя...

Волкодав. У псов-то хорошая память, хозяин...

Майкан. И я не забуду до гроба, родные. Отпустили бы душу на покаяние.

Волкодав. Так я же Волкодав!

Гончак. Так я же Гончак!

Джигит. А ты волк...

Волкодав. Стереги его крепче, малый.

Гончак. Гляди, парень, в оба.

Волкодав и Гончак уходят.

6

Меж камней крадется Шатакан.

Джигит *(заметил его)*. Ты куда? Прочь отсюда! Не подходи...

Вбегает Жунус, схватил Шатакана.

Жунус. Вот он где, хорек... Молодец, джигит! Ну-ка веди его прямо к Жантасу. Да поскорей назад, мне некогда.

Джигит уводит Шатакана.

Жунус *(развязывает Майкана)*. Тут за скалой наготове мой конь, скачите!

Майкан. Благослови тебя бог. *(Грозит кулаком в сторону скал.)* Ох, будьте прокляты, псы!

Вбегает Волкодав с ружьем.

Волкодав. Стой, стой, волчья порода!

Жунус *(пригнулся)*. Остановитесь, застрелит...

Майкан бежит. Выстрел. Майкан падает.

Жунус. Наповал... Ты что наделал, собака? На тебе ответ!

7

На выстрел сбегаются джигиты, Жантас, Танеке, Мугалим, Муржан, Саруар.

Танеке. Что случилось?

Жантас. Кто стрелял?

Волкодав *(виновато)*. Как же так, братцы, не стрелять, коли волк бежит, волк матерый?..

Мугалим. Господи боже, зачем это убийство?

Танеке. Грех нарекать на покойника. Но я скажу, пуля догнала, нашла виноватого! Не мы, бог его казнил, лгуна.

Жантас. Кто же его проспал, джигиты?

Джигит. Я не проспал! Я его связывал...

Жантас *(Жунусу)*. А ты, стало быть, развязывал...

Жунус. А хоть бы и я! Прав Мугалим — заложников не убивают...

Жантас. Народ его пленил. Отвечай народу!

Жунус. Народ не хотел его убивать. Кто велел, кто позволил? Вот молчат люди. *(Тишина.)* Сами на свои головы кличем беду, врагов наживаем. После этого не видать нам своих аулов. Доканает нас власть, засудит всех! Лучше бы дали ему убежать... Вот на ком вина... *(Показывает на Волкодава.)*

Голоса протеста и одобрения.

Муржан. Сделал свое грязное дело и лапы себе вылизывает, длинноязыкий!

Саруар. Опять валите с больной головы на здоровую, Жунус?

Мугалим. В час, когда сердце растерзано сомнением, вы добавляете яд в открытые души.

Жунус *(отскочив в сторону)*. Эй, однородцы, люди мои, ко мне... отходи от них все! *(Несколько человек отошло к нему.)* Видели, как вознеслись эти борсаки? Мало того что сами — жены их поучают джигитов, как сосунков... Сели на голову народу, повадились понукать, помыкать!

Отдаленные выстрелы. Крики.

Голоса. Глянь-ка, да это Гончак!

— Братцы, выручай!

Жантас. Стой, джигиты, назад!

8

Вбегает Гончак, окровавленный.

Гончак *(Жантасу)*. Брат... беда! Караулы побиты со стороны степи.

Жантас. Тихо! Спокойно! Слушай... Боя не принимать, отступать в горы. Все, кто с ружьями, на скалы, за мной. С копьями все на коней и по ущелью, с отцом Танеке. Поняли, братья? Тогда поворачивайся, шевелись!

Стрельба усиливается. Люди разбегаются.

Танеке (*Жунусу*). Ну, враг идет. Ты что надумал? Наслушался я тебя вдосталь. Ежели у тебя камень за пазухой, скатертью дорога. Ступай с богом, я отпускаю! Но не мути, грамотей, родник народный... Коли довелось нам перешагнуть через труп Майкана, у всех нас одна судьба. На лезвие ножа не договоримся мы с ними. С кем ты, отвечай?

Жунус. Что за разговор, отец Танеке? Время ли спорить? Из-за обиды пустячной я не уйду, умрем вместе. Приказывай, Жантас!

Жантас. Ружье заряжено?

Жунус. Да.

Жантас. Что же ты медлишь?

Отстреливаясь, взбираются на скалы. Десятки стрелков ведут со скал огонь. Танеке увел безоружных в ущелье. Конский топот.

Волкодав *(на скале)*. Жантас, пора, уводи джигитов. Я придержу...

Жантас. Береги патроны. Голову береги.

Волкодав. Не бойся! *(Остался один.)* Эй, долговязый, гляди на меня!.. *(Выстрел.)* Так-с, протянул ножки. Эй ты, начальство, я в тебя стреляю!.. *(Выстрел.)* Есть, получил. Ну, на прощание... *(Выстрел.)* Промазал. Жди в другой раз... *(Ушел и он.)*

9

На скалы лезут каратели. У тела Майкана Шатакан. Входят Казанцев, Семенов, Кыдыш и Нуркан.

Кыдыш *(над Майканом)*. Ужас... Кого не стало!

Нуркан. О, брат мой, брат...

Кыдыш. Господин уездный начальник... месть! Объяви по десять тысяч за их головы. Хватай, вешай их! Испепели этот проклятый народ!

Шатакан. Они пошли по ущелью, по ущелью... У них мало патронов...

Занавес.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Каменные Копья. Последняя стоянка Жантаса. Лужайка. Серые груды камней. В глубине высокая островерхая скала. Вдаль уходит цепь таких же скал. У подножия скалы черный след от костра. Треножник, чугунный закопченный казан. Рядом лежат кошмы, одеяла. Тут же пирамидой составлены ружья.

1

На лужайке собрались Жантас, Танеке, Мугалим, Муржан, Саруар, Дильда, Волкодав и Гончак.

Танеке *(указывает в степь)*. Гляди, опять... точно суслики в половодье...

Жантас *(машет рукой)*. Э-гей! Сюда идите, сюда!

2

Входят старик и старуха, беженцы.

Старик. Ух... Родной мой, видать, ты свой. А я было совсем струхнул.

Жантас. Кто вы? Откуда?

Старуха. Светик ты мой, режут... льют нашу кровь...

Жантас. Из какого вы аула?

Старуха. Милый, олжайцы мы. Аул Жаманая.

Старик *(переводя дух)*. Казачья сотня... кара господня... А ведет ее кто? Кыдыш-бий! Пять наших аулов в одном урочище разграбили, перебили подряд... Молим, за что? Ваши, говорят, джигиты ушли бунтовать к Жантасу и Танеке... У-а, будь они неладны, и наши молодцы, и тот Жантас!

Танеке. Кого клянешь, старый?

Старуха. Да ведь из-за них спалили дотла все аулы. Скот угнали подчистую. Взрослых кого постреляли, кого порубили живьем. Маленькая внученька моя, десяти годочков от роду, на моих руках застыла...

Старик. Друг мой, обратили нас в зверей, без крова, без рода, без племени, вот и бредем, куда глаза глядят. А те, как волки, по нашим следам.

Танеке. Где же это началось?

Старик. Началось-то, известно, с борсаков, а добрались и до нас. Гонят от озера Сарыкол, вверх по реке. Повсюду огонь, кровь, стон...

Танеке. Неужто дерут и олжайцев?

Старик. Нет, кой-кого обошли. Кыдыш-бий, злой дух... Кого укажет, того и бьют...

Танеке. Постой-ка... вверх по реке? Там же стояли мирные аулы! Они откололись, отошли от нас.

Старуха. Что толку, что откололись? Все одно, режут... жгут без разбора. Русские соседи и те льют слезы... и те возроптали... Вон хлебца дали... мне с дедом на дорожку...

Старик. Вырвался дух смерти из ада. Кони топчут младенцев. Конец света пришел. Господи, свидеться бы мне хоть перед смертью с тем Жантасом! Не за него ли мы бога молили? Слышно, за его голову назначено десять тысяч. На такие деньги целую волость купить можно...

Жантас. Я Жантас, отец. Сними с меня голову, если она тебе пригодится.

Молчание.

Муржан *(беженцам)*. Идите со мной, вас покормят, обмоетесь.

Старуха *(голосит, глядя на свои руки)*. Внученька, родненькая, твоя это кровь засохла, почернела... Вот хлеба дали... русские... мужики... И те ропщут, ропщут...

Муржан уводит беженцев, показывает, куда им идти.

3

Жантас. Ума не приложу, куда подевался наш гонец. Может, он остался в Тургае? Понравилось там...

Волкодав. Меня бы туда послать!

Гончак. И меня!

Танеке. Поздно, дети. Передушил уездный соседние волости поодиночке, как ласка кур. *(Считает по пальцам.)* Карабужурскую, Коксуйскую, Теректинскую, Кызылжальскую... Наша очередь подошла.

Мугалим. Так ли это, кто знает?

Танеке. Это, милый, и отсюда видать.

Жантас. Эх, встать бы рядом плечом к плечу... Не хватило бы на нас уездных!

Танеке. Обвели народ вокруг пальца волостные да баи, враги наши.

Жантас. Первый мой враг — у меня в груди, отец. Знаешь, кто он? Темнота моя. Есть ли где свет, солнце в небе? Должно же оно быть, братья!

Волкодав. А вот податься бы нам в пески. Там солнца много...

Гончак. А то в Синцьян! Глядишь, там светлее...

Жантас. Время решать — люди ждут. Что скажем народу?

Мугалим. Сердце народа рассечено пополам, Жантас. Брат воздвигся на брата. Мы убиваем друг друга, не замечая, что убиваем себя, свой народ, то, что рождали и растили наши отцы и деды.

Жантас. Прежде любил я, учитель, когда ты заговаривал о народе. А вот слышу такое — и не люблю, прости.

Танеке. А говорили, затянется война, царь — дурачок, и русские его не любят, побьет его другой царь, русские поднимутся, будет свобода. Ты говорил, учитель.

Мугалим. Да, вся Россия ждала революцию, ждала... Страшный шестнадцатый год на исходе. Что будет весной? Дотерпит ли народ?

Жантас. Мы дотерпели бы... Знать бы, где солнце, где солнце!

Мугалим. Солнце там, Жантас! Оно в России! Зовут его Революцией.

Жантас. Значит, есть люди, которые видят его, верят в него?

Мугалим. Есть, есть... Царь дрожит пред их лицом! Это простые люди, рабочие, такие же, как вы, без доли и воли. Только далеко они, далеко... Земли и воды нас разделяют... точно пропасть!

Танеке. Ну, молодцы, намечтались, хватит. Нам на этой земле мира нет. Впереди кровь, позади Каменные Копья. Или уходить, или умирать!

Волкодав. Или уходить, или умирать!

Гончак. Само собой...

Пауза. Все ждут слова Жантаса.

Жантас *(решился)*. Кончено. Завтра с рассветом — в далекий путь! Звать позову, а неволить не стану. Кто сам захочет, кто света ищет, пойдет за мной!

Волкодав. А куда?

Гончак. Куда?

Жантас *(с силой)*. Я в Синцьзян не ходок, джигиты. По мне, Тургай ближе. Пойдем к Амангельды, если есть такой на свете.

Танеке. Слава богу, сынок, слышу речь батыра!

Гончак. Не передумаешь?

Жантас. Глянь мне в глаза.

Волкодав. Дай и я гляну...

Танеке. Так. Ну что другие скажут, сидящие здесь? Кто пойдет с нами, примет клятву...

Мугалим. Я, право, не знаю, боюсь быть обузой. Не верю я в Тургай, Жантас.

Жантас *(помолчав)*. Вы не стесняйтесь, учитель. И вам воля. Вы свое дело сделали, спасибо за науку. Мы вас проводим с почетом. Но берегитесь, в этих краях не показывайтесь. Видно, приходит, приходит, учитель, иное время...

Мугалим. Ночь! Непроглядная ночь! Нет конца царству мрака и зла. Нет конца.

Жантас. Есть или нету, а мы уж не те! Что вошло в душу, выйдет вместе с душой. Мы это царство ломали, учитель, мы, неученые... Нам жалеть нечего.

Танеке. Нечего нам терять.

Волкодав. Такая наша судьба.

Жантас. А вам, Мугалим, Саруар, пожелаем удачи и счастья...

Саруар. Неужто взаправду отстанешь от них, Мугалим, разойдешься с Жантасом? Не вынесу я такого стыда.

Жантас. Нет, Саруар, не жалейте, не надо. Наша дорога неторная, дикая...

Мугалим. И мой путь нехоженый, Жантас. Знай одно: себя не пощажу. Надо и мне понять, что такое большевики, куда они ведут. И может, там, впереди, сойдутся опять наши пути... дал бы бог!

Жантас. Мать... Муржан... Как быть с вами?

Дильда. Родной, светик мой, как ты велишь... Дай только коня!

Муржан *(глядя на Мугалима)*. Спросил муж жену, чего хочешь — остаться с отчаянием или пойти с надеждой?

Мугалим. Муржан, дорогая сестра моя, ты достойна своего Жантаса!

4

Входят три джигита.

Джигит. Эй, Жантас, Танеке! Кончай советоваться... Заждался народ.

Жантас. Что, братцы, торопитесь — с седла на кошму?

Джигит. Нам-то не к спеху, а есть другие... так и топчут копытами, засекают, понимаешь, бабки, будто колючка под хвост попала.

Жантас. И много таких?

Джигит. Много ли, мало ли, а не хотят уходить без твоего благословения. Жалеют тебя, понимаешь, боятся обидеть.

Жантас. Ну и на том спасибо. Зови всех сюда.

5

Входят Жунус и Жумажан. Собирается народ.

Жумажан. Ассалам-алейкум! Здоровы ли вы? Как поживаете? Муржан, сестрица... это ты, что ли? Там по тебе мать убивается. И как же уцелела под пулями, черт... *(Хочет ее обнять.)*

Муржан *(отталкивает его)*. Постой... Кто тебя звал? Откуда ты взялся?

Жумажан. Ох, знала бы ты, с каких пор вас ищу. И сколько же я плутал, измаялся вконец.

Жунус. Я обходил караулы, гляжу, плетется он на поводу у своего коня...

Муржан. Говори толком, что тебе нужно?

Жумажан. Я ж говорю, с ног валюсь, еле-еле вас нашел. Раз подъезжал к вашей стоянке, в урочище Актомар, как поднялась стрельба, у меня с перепуга сердце в горло полезло. Думаю, болтаешься тут, черт, нарвешься на шальную пулю... Я и дал тягу назад.

Муржан. А что тебе за радость — нас искать?

Жумажан. Мать житья не дает, всю душу вымотала. Зовет тебя. А я уж не надеялся тебя увидеть.

Жунус. Не надеялся? Мать зовет? *(Жумажан кивает.)* Милый братец, а как же ты оказался на Сары-Курае, на коне Нуркана?

Муржан. Вот оно что!

Жумажан. А что ж такого? Сбежал... Нешто я сказал, что еду к вам? Сел на Сары-Курая — черта с два его догонишь!

Волкодав. Как же это проморгал пройдоха Шатакан?

Жумажан. А он не проморгал! Он был тут как тут... *(Запнулся.)* А я... будто за табуном. После первого удоя кобылиц хлоп — на Сары-Курая и давай ходу!

Танеке. Путаешь, парень. А где Нуркан и его люди? Где каратели?

Жумажан. Все на поминках до одного! На том самом месте, где вы его кокнули, волостного-то... Это, оказывается, тут недалеко, рукой подать! Жузтайлак собрала всю родню, хочет сотворить молитву по закону, как в Коране написано...

Жунус. И говорят, якобы казачья сотня уходит своей дорогой. Вроде бы в Коксуйскую волость, на отдых, для переформировки.

Жумажан. Ага... на отдых... я и говорю... До весны никого пальцем не тронут...

Танеке. До весны? Вдруг сразу тишь и гладь!

Жумажан. А так и есть, всюду мирно. До того спокойно, прямо жуть берет, черт!

Гончак. Врешь, шакал!

Дильда *(выйдя из толпы)*. Не тронь его, дурачка...

Жумажан *(обиженно)*. Так ведь у вас тоже, говорят, угомонились. Только что за голову Жантаса и за вашу, отец Танеке, будет награда, а остальным — воля, гуляй! Отчего же тогда ваши джигиты разбегаются по аулам? Сами решили...

Муржан. Слышите? Опять выдает нас какой-то шпион!

Жунус. Болтают... Мало ли слухов в степи? От века известно: степь стоухая...

Жумажан. А неужто правда, что вы задаете деру отсюда?

Пауза.

Мугалим. Так, может быть, все-таки повременить, осмотреться... Не уходить?

Жунус. А кто собирается уходить? Куда?

Волкодав. Кто сам захочет, кто света ищет...

Жунус. Нет, это глупо, друзья мои! Наш след потерян, баи вон заняты поминками... Будем метаться — скорей попадемся на глаза. Нас слишком много... Пусть отсеются нежелающие, пусть сольются те, кому нечего терять, нечего жалеть...

Жантас. А ты пойдешь с нами? Ты, грамотей...

Жунус. Куда же я денусь? Жантас, брат мой!

Жантас *(с горечью)*. А вот Мугалим отстает, покидает нас...

Жунус. Как покидает? Шел, шел и вдруг отстает?

Мугалим. Полагаю, я волен жить своим разумом, господин Жунус?

Жунус. Хочешь быть выше нашего брата? Умнее пророка!

Мугалим. Что у вас в сердце или за пазухой, я не ведаю...

Жунус. Значит, пока не разведаешь, не отойдешь? А потом в кусты? А потом в белую юрту, к Жузтайлак, поближе к ее чуткому ушку да байскому брюшку?

Танеке *(строго)*. Эй, Жунус, держи язык на поводу! Мы не в обиде на учителя. Мы его отпускаем, и да будет ему долгая жизнь! Пусть живет, пусть расскажет, как мы помирали. Нужно, чтобы кто-то запомнил, сумел рассказать нашим детям и внукам правду, сущую правду, как она есть! Это он сможет...

Жунус. Да что ж это, будто вы в прятки играете?

Жантас. Ты человек образованный, нам не чета. У тебя жизнь легкая, пристроишься. А наш путь — по скалам и бродам... через земли и воды!

Жунус. Точно такого, как я, образованного, словил и повесил уездный в Карабужуре при всем народе.

Жантас. Ну, коли точно такого... знал уездный, что делал! *(Одобрительные голоса.)* А мы не запросим пощады.

Танеке. Сколько осталось пожить, дети мои, проживем с боем.

Жантас. Эх, хоть бы один-одинешенький лучик блеснул впереди... поманил бы...

Мугалим *(обнимает его)*. Прощай, друг мой. Прости меня, брат... Прощай, отец Танеке, благородная душа! *(Дильде и Муржан.)* Прощай, мать... Прощай, сестра... Не забуду вас, пока жив! Только поскорей уходите... Немедля, сегодня же!

Жантас *(зычно)*. Кто со мной — собирайся! Будем сниматься.

Люди разделились, и сразу видно, кто с Жантасом; с ним большинство.

Жунус. Нет, я сейчас не снимусь. Мне не к спеху...

Танеке. Стало быть, нам самое время.

Жунус. Ах, отец, и чего вы упорствуете, как дитя? Пусть разойдутся, кому невтерпеж. Никто не пронюхает, где ляжет наш след... Поняли?

Танеке. Понял, понял, лиса.

Жунус. Увидите, верных из верных возглавлю!

Танеке. Слыхал я, возглавил однажды хвост задницу!..

Все смеются, и сквозь смех не сразу становится слышно, как издалека длинной размеренной очередью ударил пулемет. Выстрел, другой выстрел. Ружейные залпы.

Жантас *(спокойно, поднявшись на камень)*. Ну, вот мы и дождались, братья. Теперь у нас у всех одна доля.

Мугалим. Дайте, дайте мне оружие, джигиты!

Жантас. Женщины, уходите. Кто уцелеет, догонит вас... *(Мугалиму.)* Пойдем, учитель, попробуем взять оружие с бою!

Все хлынули за Жантасом. Остались одни женщины.

6

Жумажан *(вернулся)*. Я за тобой, сестрица, надо тебя спасать. Что тебе с ними пропадать? Конь мой заседлан, бежим...

Муржан. Ты что болтаешь, негодник! Мне убежать от Жантаса?

Жумажан. С ним сгинешь ни за грош, дуреха. Я тебе говорю, черт! Что ты прилипла к какому-то беглецу? Со мной поедешь...

Муржан. Прочь от меня, побируха! Продался за подаяние. Поди поцелуй байский зад.

Жумажан. Ах, вот ты как! Черт! Я тебя обломаю! Сказано, муж твой Нуркан. Приволоку тебя, как рабыню... *(Бросается к Муржан, тащит ее.)*

Саруар с криком бежит, зовя на помощь. А Дильда настигает Жумажана и берет его за ухо, видимо, железной хваткой, потому что тот, взвизгнув, отпускает Муржан.

7

Стрельба приближается. Джигиты с копьями бегут в горы. Отстреливаясь, отходят Жантас, Гончак и Жунус. С ними еще несколько стрелков. Жумажан удирает.

Жантас. В горы, живее!.. Предали нас, Муржан. Бегите к коням, бегите... Слушайте, что говорю!

Жунус. Ближе ко мне держись, Жантас. Не озирайся, бабы ушли.

Жантас. Эх, Танеке, Танеке... Где же он, Танеке?

Гончак. Я сам видел, сел на коня. Жив-здоров отец, не бойся!

Жантас. Ты видел? Сам видел?

Гончак. А Волкодав уложил Кыдыша при мне — прямо в лоб! С ходу поднял на коня Саруар и пошел лётом!

Жунус. Ах, пес, ушел... *(Жантасу.)* Бросил тебя...

Жантас. Гончак, уходи... скорей!

Гончак. Подождешь... *(Валится убитый.)*

С гор бегут назад джигиты с копьями. Жантас окружен.

Муржан. Вот он, уездный... *(Щелкает затвором.)* Патроны все... *(Жунусу.)* Дай мне один для него. Вот он, давай!

Жунус. А... говоришь, все? Долго я ждал этого часа. Теперь мой черед. *(Направляет на Жантаса ружье.)*

Схватка. Жантас валит Жунуса, и тот летит с горы. Жантас безоружен, вбежавший Нуркан стреляет ему в спину.

Жантас *(оборачивается)*. Так это ты, Нуркан... *(падает)*.

8

Кругом люди Нуркана. Джигиты Жантаса обезоружены. Появляются Казанцев и Жузтайлак в трауре. Вводят Мугалима, он ранен. Стрельба вдали.

Казанцев *(пнул ногой тело Жантаса)*. Ну и слава богу... *(Перекрестился.)*

Муржан *(стоит на скале)*. О боже... возьми и меня...

Жузтайлак. Вот она, подлая тварь! Ты еще путаешься у меня под ногами? Стащите ее! Гоните ко мне эту рабыню.

Муржан. Прощай, Жантас, прощай, брат мой Мугалим! *(Бросается в обрыв со скалы.)*

Жузтайлак. Счастье твое... Ты отняла у меня все.

Дильда *(на коленях перед Жантасом)*. А обещал, что возьмешь меня... свет посмотреть... Я за тобой, за тобой следом, родимый... *(Встает с колен и падает, бездыханная.)*

Быстро входит Семенов, на ходу вкладывая в ножны шашку.

Семенов. Ваше высокоблагородие, из главарей этот самый Та-не-ке и еще один, по прозванию Волкодав, по всей видимости, э... с группой повстанцев в составе э... порядка нескольких десятков... э... *(Развел руками.)* Великолепные кони, ваше высокоблагородие!

Казанцев. Не могу поздравить вас, подъесаул, не могу.

Мугалим. Прощайте, прощайте, братья мои, счастливого пути... Вы сами свет, свет небывалый, невиданный над нашей степью... *(Кланяется пленным повстанцам.)*

Казанцев *(подойдя к Мугалиму)*. Эт-то что за фигура? Видимо, третий из тех троих? Ага, вот ты каков, батрацкий просветитель! Тоже с оружием взят? Я ж тебе покажу, скотина, свет...

Мугалим. Все, что вы можете, вы показали сполна. Завтра не эти ли вам покажут? *(Указывает на безоружных джигитов, а затем на горы.)* Видите, что там, на Каменных Копьях!

Все оборачиваются в сторону гор. Там на высокой островерхой скале — красное знамя, развернутое ветром.

Мугалим. Ночью, глухой, непроглядной, блеснули над степью зарницы... Эти зарницы ни царь и ни бог не потушат!

Затемнение. Внезапный удар грома. В небе, над Каменными Копьями, вспыхивает долгое и грозное сияние зарниц...

Занавес.

1934

АБАЙ

Трагедия в четырех актах, шести картинах

В соавторстве с Леонидом Соболевым.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Абай Кунанбаев, поэт, 59 лет.
Еркежан, его последняя жена, 36 лет.
Абдрахман (Абиш), сын его, 26 лет, учившийся в Петербурге.
Магиш, невеста Абдрахмана, 20 лет.
Карлыгаш, ее подруга, родственница Абая, 20 лет.
Айдар, акын, ученик Абая, 25 лет.
Зура, невеста Айдара, вдова брата Нарымбета, 22 лет.
Кокпай, акын, ученик Абая, 32 лет.
Долгополов Федор Иванович (Шодр), ссыльный революционер, 30 лет.
Эрден (Эреке), влиятельный глава рода тобыкты, 60 лет.
Ханикей, его жена, 40 лет.
Жиренше, бий (родовой судья), 50 лет.
Нарымбет, друг Эрдена, брат Магиш, 30 лет.
Керим, поэт, племянник Абая, 40 лет.
Такежан, брат Абая, волостной управитель, 52 лет.
Азимхан Оспанов, переводчик губернатора, 32 лет.
Мес, джигит Эрдена, 40 лет.
Сырттан, аксакал (старейшина), третейский судья, 76 лет.
Джигиты, девушки, гости на свадьбе, волостные управители, народ на суде и на выборах

Время действия — девяностые годы XIX века. Место — Чингистауские степи возле Семипалатинска.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Из-за занавеса — нарастающий гул, топот погони, крики: «Лови! Держите! Айдара, Айдара вяжи!» Их перекрывает отчаянный вопль: «Абай!.. Абай-ага!..» Раскрывается занавес. Это кричит Айдар, отбиваясь от людей, уже скрутивших ему руки. Одежда его порвана. Перед ним в ярости — Эрден и Нарымбет. Рядом — Зура, одетая в традиционный траур вдовы. Джигиты заламывают ей руки назад. Ханикей протягивает аркан. Джигиты, старики, женщины, в руках у них кистени, палки, плети. Багровый закат. Позже, когда сгущаются сумерки, выплывает луна, отражаясь в озере, по берегам которого загораются вечерние огни расположенных там аулов.

1

Айдар. Помогите!.. Абай-ага!..

Эрден. Из моего рода, из рода Эрдена, крадешь себе жену, раб?..

Нарымбет. Вор! Да прольется твоя кровь!

Ханикей *(возле Зуры)*. Зура, черноликая! И как тебя примет земля?..

Зура. Ханикей! Убей, но не оскорбляй!..

Ханикей. Чем оскорбишь собаку, сорвавшуюся с привязи?

Эрден. Что оскорбит вдову, нарушившую траур?

Нарымбет. Вдова брата, моя невеста, бежит с безродным бродягой!.. Смерть им!

Ханикей. Смерть!

Джигиты Эрдена подступают к Зуре.

Айдар. Эрден-ага! У ярости — кулаки, у разума — слова, — уйми безумцев!

Эрден. В землю вобью вместе с разумом! Смерть!

Ханикей. Камнями проклятых! Бей!

Толпа набрасывается на Айдара и Зуру. Вбегают Еркежан, Абдрахман, Керим, Кокпай и Карлыгаш.

2

Абдрахман *(перед Айдаром)*. Беру его вину! Я — заступник!

Керим *(кидаясь к Зуре)*. Остановитесь, это дикое убийство!

Еркежан. Кокпай, скачи, зови Абая скорей!

Кокпай. Лечу! Задержите расправу! *(Убегает.)*

Еркежан. Эрден! Нарымбет! Опомнитесь!

Ханикей. Еркежан! Кого ты защищаешь?

Еркежан. Зачем ты здесь? Мало для убийства мужчин?

Эрден. Прочь!

Нарымбет. Неужели терпеть неслыханный позор?

Абдрахман. Но в чем позор?

Еркежан. Что случилось?

Керим. Назовите вину!

Эрден. Не видишь? Вот Зура, вдова, насмеявшаяся над трауром. Вот брат ее покойного мужа, Нарымбет, чьей женой она должна стать. Вот Айдар, безродный бродяга, кто похитил у Нарымбета женщину, назначенную законами предков...

Зура. Не похитил!.. Мы бежали вместе!

Эрден. Аруах, святые предки! Вы слышите?

Ярость толпы.

Керим *(Эрдену)*. Аксакал, злоба уводит разум с дороги. Пусть они виновны, но разве нет верных путей? Разве нет суда и приговора биев?

Эрден. Молчи, Керим. Вы, мудрецы, вы породили это несчастье, вы, ученики Абая! Погодите, доберусь и до вас!

Абдрахман. Э, аксакал! Вы...

Эрден. Молчи, сын Абая! Видно, забыл ты в Петербурге обычаи предков!

Абдрахман. Один обычай я помню: если сказано слово «заступник», никто не может тронуть виновного до суда.

Нарымбет. Ты — заступник? Жених моей сестры, моя родня?

Ханикей. Едва приехал, отрекается от родни! Бедная Магиш! Кого она ждала три года?

Нарымбет. Берегись, Абдрахман. Я не отдам сестру тому, кто у меня помогает отнять невесту!

Абдрахман. Ты хочешь, чтоб я купил Магиш ценой этой крови?

Еркежан. Управитель, идет управитель! Пусть скажет Такежан, убивают ли людей без суда и разбора!

Подходят Такежан и Жиренше.

3

Эрден *(гневно)*. Уа, Такежан! Даст ли ваша семья покой моей? Твой брат Абай пригрел моего врага, твой племянник вмешивается в мои дела, твоя невестка...

Абдрахман. Такежан-ага, вы — власть. Передайте их суду.

Керим. Жиренше-ага, здесь самоуправство. Мы требуем суда.

Зура. Не нужно суда, убивайте сейчас!.. Но меня — Айдар невиновен!..

Жиренше. Правду говорят: когда власть теряет силу, народ теряет стыд...

Такежан. Довольно!

Тишина.

Вы зовете меня на помощь. Кому? Бродяге, оскорбившему род? Женщине, преступившей обычай? Я — не отступник от предков... Отдаю их обоих в твои руки, Эрден.

Нарымбет. Бей!

Ханикей. Смерть!

Толпа ринулась. Крики: «Аруах!», «Смерть!».

Абдрахман *(защищая Айдара)*. Стой!

Нарымбет. Прочь, убью!

Абдрахман. Не дам!

Они схватились. Еркежан кидается к Зуре.

Еркежан. Прежде — моя кровь!

Эрден. Ведите коней! Вяжите к хвостам... Арканы!

Абдрахман. Убийцы!.. (*Рвется из рук.*)

Джигиты набросили на шею Айдара и Зуры арканы, волокут. С другой стороны появляется Долгополов.

4

Карлыгаш. Уа, русский, начальство! Губернаторский советник!.. Сам уездный...

Толпа остановилась. Долгополов молча смотрит.

(Подбежав к нему.) Ну, кричи же на них, Шодр!..

Долгополов молчит.

(Оборачивается в отчаянии.) Он сказал, не сметь трогать Зуру и Айдара!.. Я, говорит, сейчас вас всех — на каторгу!..

Мес. Ой-бой!.. На, вяжи ты, побегу к коням. *(Передает аркан соседу.)*

Эрден. Господин советник... Нас тяжко оскорбили, рассуди сам. Вот Айдар...

Нарымбет. Какой там советник? Это ссыльный, гостит у Абая!

Эрден. Тьфу, безухие... Эй, чего стали, джигиты! Вяжи к хвостам!

Мес *(вынырнув)*. Вяжи!.. Тащи!.. Чего стали?

Долгополов *(кидаясь к нему)*. Стойте, безумцы! Звери! Вы ответите за это!

Мес. Прочь ты, губернатор!

Карлыгаш в бешенстве кидается сзади, царапает Меса.

Карлыгаш. Не смей! Не смей!..

Ее оттаскивают, очищают проход. Вздрагивают натянутые арканы.

Мес *(утираясь)*. Проклятая кошка! *(Кричит за сцену.)* Крепче! Готово? Эй, расступись! *(Подымает плеть.)* Аруах!

Айдар. Зура!.. Прощай!..

Зура. Пощадите Айдара! Я сама сорвала траур!..

Эрден. Пускай коней! С дороги! Аруах!

Еркежан (*увидев Абая*). Абай! Абай, сюда!

Карлыгаш. Абай-ага! Скорей!

Эрден. Прочь от коней!.. Аруах!

Крики «Аруах!» и «Абай!» смешиваются. В проход вбегает Абай, за ним — Кокпай.

5

Абай. Я — заступник! Остановите казнь.

Мес *(Кокпаю)*. Не трогай аркан!

Кокпай *(обрезает аркан)*. Подавись своим арканом!

Айдар. Абай-ага... да буду я жертвой за счастье твое... *(Теряет сознание на руках Абдрахмана.)*

Тишина.

Эрден. Зачем явился ты?

Абай (*окинув взглядом толпу, Такежану*). А, здесь и власть?.. Что ж молчишь ты, управитель? Кому ты передал свой повод? (*Подходит.*) Мы с тобой сыновья одного отца. Врагом, с копьем в руке ты выходишь на меня? Или ты — черный сурок, что роет под землей ход не там, где ждут?.. Что же молчишь?

Эрден. Э, Абай! Правду и ложь мешай в своем котле!

Такежан. Что же — он один равен нам?

Абай. Крупинка алмаза дороже груды камней.

Эрден. Довольно. Ты сказал: «Я — заступник». Значит, взыскивать с тебя?

Абай. С меня. Но отдай их суду и разбору.

Жиренше. Э, Абай! Зачем ты сворачиваешь с пути предков? Кто казнил смертью таких же отступников — презренного Кебека и блудливую Енлик? Не наш ли достопочтимый предок Кенгирбай, да будет свято имя его!

Абай. Если свято имя его, значит, святы и все его дела?

Жиренше. Только нечестивцы не помнят деяний предков!

Абай. Зачем же ты сам идешь против святых дел Кенгирбая? Ответь мне, Жиренше: он убил Енлик и Кебека на такой же расправе? Или вынес приговор на суде?

Жиренше молчит.

Отвечай!

Голоса *(ропотом)*. На суде... Был приговор...

— Отдайте их суду рода! Разбору биев!

Абай. Ты сам не помнишь, что делали предки. Значит, отдаем их биям, суду рода. Назовите третейского судью.

Эрден. Ты быстро решаешь. Подумал ли ты, уместно ли Эрдену тягаться с одиноким бродягой?

Абай. Ты найдешь достойного ответчика.

Эрден *(быстро)*. Ответчик — ты?

Абай. Ответчик — я.

Нарымбет. Договаривай: отвечаешь имуществом и жизнью?

Абай. Отвечаю жизнью и имуществом.

Эрден. Я согласен на суд. Пусть почтенный аксакал Сырттан будет третейским судьей.

Абай. Пусть.

Эрден. Пусть Зура будет на поруках Такежана и чтоб никто из вас не говорил с ней.

Абай. Пусть. Но Айдара вы примете в день приговора из моих рук. А теперь — развяжите их!

Кокпай, Абдрахман освобождают Айдара, Еркежан и Карлыгаш — Зуру. Объятия. Эрден и Жиренше наблюдают это в стороне.

Жиренше. Не на коне, не на верблюде врывается в аул позор...

Эрден. Бабы, мальчишки, нищие акыны, русский... Славное войско набрал он себе!

Жиренше. Кто же другой станет слушать его нечестивые песни?

Эрден. «Жизнью и имуществом», — сказал он. Коршуном ринулся в бой... Кто же для него этот Айдар?

Жиренше. Акын. Ученик. Одно из его крыльев.

Эрден. Черное отребье, выкинутое своим родом!

Жиренше. В крыле коршуна не ищи белого пера.

Эрден. Вьется над степью проклятый коршун, высоко летает...

Жиренше. Если птица высоко, целься в крылья: голова сама разобьется о камни.

Эрден. Да благословит тебя бог. Хорошо сказал.

Нарымбет *(подойдя, в гневе)*. Что же ты сделал, Эреке? Саблю, готовую ударить, без крови вложил в ножны? Ушел мой враг, ушел невредимый в свою стаю!..

Жиренше. Разве, придушив волчонка, сохранишь скот? Скачи по его следам, приведут к стае.

Эрден. Все от него, все от Абая, от его проклятых поучений, от гнилых слов!.. Не о чем жалеть! Ни сватовства, ни дружбы! Ты видел, кем стал Абдрахман, его сын?

Нарымбет. Отнимет Зуру, так не увидит Магиш!

Эрден *(Ханикей)*. Женщина будет в ауле Такежана. Поговори с ней. Если не станет женой Нарымбета, падаль ее будут грызть собаки! Ступай!.. *(Месу.)* А ты — в город! Скачи к Азимхану, пусть донесет губернатору, что народ недоволен Такежаном, пусть Азимхан добьется новых выборов. Скажи ему, Абай довел нас до открытой вражды, будем биться насмерть, а Такежан слаб для ударов. Управителем сделаем Нарымбета.

Нарымбет. Пока достанешь стрелу, лиса убежит. Суд завтра. Абай сумеет их оправдать.

Жиренше. Абай? Он будет молчать.

Эрден. Судом рода одержу я победу и казню Айдара. Глубоким рвом вражды и смерти окружу остальную стаю, пока ты возьмешь в руки власть, и тогда брошу тебе, управителю... Жиренше, ты будешь на суде моим бием.

Склоняются друг к другу.

Айдар. Зура, милая, прости! Моя любовь привела тебя к обрыву!

Зура. Где исчезнут твои следы, там исчезнут мои. Прощай!

Такежан уводит ее.

Абдрахман. Будь крепок душой, Айдар...

Айдар. Что я!.. О, Абай! Каких страшных врагов дал я ему нынче! Кровью налиты их глаза! Волки! Они бросают ягненка, завидев в степи коня...

Эрден (*вызывающе преграждает путь Абаю*). Ты рад! Ты думаешь, вырвал презренных из моих рук? Подожди. Ты будешь еще плакать над ними.

Абай. Стреляй не одной — тысячью своих тупых стрел.

Эрден. Ты оскорбил предков, ты отрекся от родных, ты — враг мой!

Нарымбет. Ты заступился за моего оскорбителя, ты — враг мой!

Жиренше. Того, кто сам поднял вражду, найдет его кара. Знай и помни: отсюда началась наша вражда.

Абай *(после паузы)*. О проклятое время! Если ты назначило мне в удел вечную борьбу, почему ты даешь мне бороться не с людьми, а с волками!.. *(Эрдену.)* Кого изумишь ты злом? Проходит жизнь, волосы твои седы, но хоть раз слышал ли я твой голос с призывом к добру? Ты, как слепое пламя в степи, сжигаешь все, к чему прикоснешься. Но с дымом, гарью и чадом исчезнет и память о вас... С дороги!

В молчании Абай проводит Айдара мимо расступившихся Эрдена, Нарымбета, Жиренше.

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Полдень. На одной половине сцены — юрта Абая, возле нее — белая Малая юрта, где живут Абдрахман и Долгополов. Вдали — залив озера, аулы Эрдена. Долгополов за маленьким столиком у юрты измеряет череп, записывает в тетрадь. Керим в стороне сидит в раздумье.

Входит Азимхан.

1

Азимхан. Керим, здравствуй.

Керим. Азимхан? Из города?

Азимхан. И в городе слышно, что вы тут натворили.

Керим. Не мы, а Эрден.

Азимхан. Эрден, что ли, научил этого бродягу воровать вдов из-под траура?

Керим. Айдар сделал это сам. Мы ничего не знали.

Азимхан. Абай все знал, я уверен.

Керим. Оставь Абая, Азимхан. Не мы с тобой ведем повод его коня.

Азимхан. К сожалению, не мы... Тогда бы он не сеял в молодежи презрения к обычаям... Удивляюсь тебе, Керим! Ты ценишь святыни народа, знаешь силу обычаев и веры...

Керим. Не впервые ты говоришь мне это. Мой путь — с Абаем.

Азимхан. Даже когда он идет против народа?

Керим. Кого ты называешь народом?

Азимхан. Тех, по одному знаку которых племена враждуют или мирятся. Они знают тебя и думают, что ты сам видишь ошибки Абая.

Керим. Ты не поэт, Азимхан. Абай — это ум и душа поэзии. Он нужен людям, как солнце для травы.

Азимхан. Ну ладно, это долгий спор, а пламя разгорается. Мне надо спешить к Эрдену. Скажи мне: возможно ли все же вернуть Зуру Нарымбету?

Керим. Скажи ты: этим кончится вражда?

Входит встревоженный Абдрахман, быстро направляется к Долгополову.

Азимхан. Проводи меня, Керим.

Уходят.

2

Абдрахман. Федор Иванович... Я не знаю, что делать... Пойди поговори с матерью... Она посылает за Магиш...

Долгополов. Сегодня?

Абдрахман. Да... Хочет объявить нашу свадьбу до суда. Боится, что потом Нарымбет не отдаст Магиш... Но ты же все знаешь... Что делать, что делать, Федор Иванович?

Долгополов *(раздумывая)*. Еркежан по-своему права. Трудно будет ее отговорить...

Абдрахман. Назначать свадьбу... Все будут ждать... А я... Нет! Что хочешь, скажи лучше матери все... Она поймет. Пусть только не говорит отцу.

Долгополов. Уж лучше тебе поговорить с ней.

Абдрахман. Мне? Федор Иванович, пожалей ты меня!

Долгополов. Да, да... Ну ладно, ладно... *(Останавливается.)* Постой, Абдрахман... Что мы с тобой тут путаем? Ну, я понимаю, ты взволнован, но я-то о чем думаю? Еркежан, конечно, ничего не скажет Абаю. Но нанести ей такой удар сегодня, когда она должна думать об одном Абае?.. Нет, не пойду.

Абдрахман. Федор Иванович, ты знаешь, я все равно не решусь на этот брак. Так лучше сейчас объявить об этом. Подумай, тогда получится так, как хочет Нарымбет... может быть, даже это облегчит участь Айдара, повлияет на суд... И для Магиш так будет легче.

Долгополов. Как ты запутался, милый... Эх, бедняга ты, мой дорогой... Страшно подумать, что в твоей душе... Но совсем не так нужно решать. Пусть Магиш приедет, поживет тут. Пройдут эти грозные дни, все уляжется... ты поговоришь с ней, решите вместе, как сказать Абаю... да и сказать ли?.. Согласен?.. Как ты разволновался, даже побледнел! Пойди приляг...

Абдрахман. Федор Иванович, какая мука... *(Приступ жестокого кашля.)*

Долгополов отводит его в юрту, достает из сундучка на столике лекарства. Входит Ханикей со свитой женщин и Еркежан.

3

Ханикей. Уж лучше я буду говорить при тебе, Еркежан, чтоб потом не было сплетен. Но помни — ни одного слова Зуре: она не у вас на поруках!

Еркежан. Ох, Ханикей! И красива и умна, но что за сердце!

Ханикей. Со смирного верблюда только удобнее снимать шерсть, дорогая...

Еркежан. Не мучай замученную. Вспомни, и она женщина.

Ханикей. Смирение и пост хороши для молитвы, душенька. Скажи лучше — согласна? Я послала за ней.

Еркежан. Что ж, пусть. Пойду встретить. *(Уходит.)*

Ханикей отсылает свиту, присаживается, вынимает красный каменный рожок с жевательным табаком, кидает шарики в рот. За сценой шум. Карлыгаш вбегает, садится рядом с Долгополовым.

4

Карлыгаш. Тьфу, подавиться! Опять Кокпай пристал! Гляди — и сюда идет.

Кокпай *(входя)*.

Карлыгаш, моя родная,
Золотая, дорогая,
Я страдаю, погибая,
Умираю я, сгорая...

Карлыгаш. Шодр, вылечи ты его! Целый день твердит, что помирает... *(Выхватывает из сундучка желтую склянку.)* Эй, Кокпай, держи лекарство, как рукой снимет!

Долгополов *(отнимая)*. Оставь ты, егоза! В самом деле хочешь, чтобы он помер?

Карлыгаш. Ой-бой, совсем не хочу!

Долгополов. Сколько раз тебе говорил, не трогай у меня ничего. Пошутишь вот так — и отравишь человека...

Карлыгаш *(испуганно)*. Лекарством?

Долгополов. Всякие бывают лекарства. Забудь ты об этом сундучке, поняла?

Ханикей гневно отплевывается.

Карлыгаш *(увидев ее, шепотом)*. Что она пришла. Шодр?.. Ой... Зуру ведут... Будут ее мучить... *(Притихла.)*

Входит Зура под охраной двух старух, за ней.— Еркежан.

5

Еркежан. Зура, милая, садись и слушай.

Ханикей. Бедняжка... Чего ты не натерпелась! Я пришла от твоей родни, и они плачут о тебе. Говорят, Зура оступилась по молодости, пусть вернется, мы все забудем...

Зура. Они сами отрезали мне пути возврата.

Ханикей. Кто осудит заблудившегося, если он найдет свое кочевье?

Зура. Это кочевье — уже не мое.

Ханикей. Пожалей родных, Зура, вернись!

Зура. Пожалеть?.. Птенец клюет так, как его обучали в родном гнезде. Видела ли я там жалость?

Ханикей. Не ты ли сама породила вражду?

Зура. Мать моей вражды — страдание, мать вашей — злоба.

Ханикей. Они бушевали против Айдара. Теперь остыли. Они даже говорят: если Зура станет женой Нарымбета, они пощадят Айдара...

Зура. Женой Нарымбета?.. Любовь моя горит костром, если надо — пусть сожжет меня... Я не вернусь!

Ханикей. Любовь, любовь — вот выдумали слово! В чем же твоя любовь, дорогая? В том, чтобы убить того, кого любишь? Ведь ему грозит казнь! Подумай... Уж если ты так любишь Айдара, вернись... Сохранишь ему жизнь...

Долгополов внезапно протягивает Ханикей череп.

Долгополов. Ханикей, чья это, не знаешь?

Карлыгаш. Ой-бой, мертвец!

Ханикей. Негодный, прочь, что это?

Кокпай. Э-э, говорю, «дат», отвечайте: «Скажи свой дат!» В некоем городе, под названием Рим, было два нежных цветка Ромей и Жульет. Но у рода Мынетеки была с родом Копетеки вражда, не ступи ногой...

Ханикей. Отстань, ври в другом месте!

Кокпай. Тот Ромей умыкнул Жульет, и род Копетеки начал вражду с родом Мынетеки...

Ханикей. Пошел ты со своими сказками, у нас дело!

Кокпай. Постой, дай досказать. И был суд, под названием инквизиция. И вот одна снoха приходит к Жульет и говорит: «Жульет, милая, вернись, и суд пощадит Ромея...»

Ханикей. Молчи, шайтан, о чем заговорил!

Кокпай *(быстро)*. Жульет, дура, поверила, а того Ромея все равно повесили!

Ханикей. Так только в глупых сказках бывает!

Кокпай. Вот свидетель тех времен! Это голова той снохи... Как ее звали, Шодр?

Долгополов. Как будто — Ханака!..

Кокпай. Ханака? О создатель!.. Погляди, Ханикей!

Ханикей. У окаянные, порази господь! У, проклятые языки!.. Уведите Зуру!

Старухи уводят Зуру, Ханикей уходит, Кокпай хохочет.

6

Долгополов. Кокпай, почему Мынетеки, Копетеки? Что это — твой уйсунский род?

Кокпай. Э, Шодр, где там красота, когда нужна быстрота!

Из юрты выходит Абай. Смех замолкает.

Абай. Приходила сбивать Зуру?.. Слетается воронье... Кокпай, иди к Айдару, побудь с ним. Но ни слова о Ханикей, пусть будет спокоен... Федор Иванович! Байбише! Идите ко мне, надо посоветоваться... *(Уводит к себе Долгополова и Еркежан.)*

Карлыгаш бежит за Кокпаем. Входит Ханикей.

7

Ханикей *(одна)*. Жамал! Айша! Что же вы остановили коней? Сара́? Жамал! Где вы? Домой, едем домой!.. *(Ждет у столика Долгополова, жуя табак.)* Позор на этот аул... И гостей-то выбирают таких, чтобы оскорблять могилы предков... Проклятый лекарь!.. Травит народ... *(Замерла, оглянулась. Положила желтую склянку в карман, подумала, высыпала из рожка табак, отсыпала туда часть порошка, поставила склянку, перевела дыхание.)*

Входят женщины свиты.

Где вы там запропастились? Только бы сплетничать. Не докричишься вас... Где кони? Едем домой!

Уходят.
Входит Такежан.

Такежан. Абай!

Долгополов выглянул из юрты Абая.

Долгополов. Абай... Пришел Такежан... *(Идет к себе, запирает сундучок и уносит в свою юрту.)*

К Такежану вышла Еркежан, позже выходит Абай.

Такежан. Где Абай? Я пришел с тревогой.

Еркежан. Могу и я ответить. И вам не дает покоя Айдар?

Такежан. Они говорят: Айдар сделал лишь то, чему учит Абай...

Еркежан. Что ж. Возможно, они правы.

Такежан. Говорят: Абай — учит тому, что ему нашептывает Долгополов...

Абай *(входя)*. Думаю, что тут они не правы. Чего же хочешь ты?

Такежан. Абай, удали Долгополова. Пугает такая твоя дружба.

Абай. Долгополов — человек науки и мой давний друг.

Такежан. Ссыльный!.. Тебе он не дает славы, на меня — управителя — клевету навлечет.

Еркежан. Хоть колокол и горласт, но звонит тот, кто дергает за веревку. Знакомые речи!

Такежан. Вы думаете, судом все кончится? Нет, Абай, готовится еще удар.

Абай. Какой?

Такежан. Прискакал Азимхан. Хотят устроить новые выборы. Говорят, вот заберем власть в свои руки и разгромим все гнездо... кого в тюрьму, кого вон из степи...

Еркежан. Вон как! Значит, сейчас требуют того же от вас? А вы и родню жалеете, и чины боитесь потерять?

Абай. Бедняга!

Такежан. Думаю, тебе не во вред, если я останусь управителем.

Еркежан. Вчера мы видели, какая от этого польза.

Такежан. Они грозны...

Еркежан. Пусть Эрден вас и пугает.

Абай. Меня он не согнет. Запомни.

Такежан. Запомни лучше мой совет: уйми Айдара и верни Зуру Нарымбету. Они успокоятся.

Еркежан. Так и успокоится волчья стая, сожрав одного ягненка! Хороший совет!

Абай. Если на суде мы победим, я сам устрою пир и свадьбу!

Такежан. Я сказал свое, Абай. Подумай... *(Уходит.)*

9

Абай (*ласково привлекая Еркежан*). Спасибо, родная... Какое мужество горит в твоей кроткой душе в такой грозный час... Хмуро сдвинулись брови времен, градом или кровью прольется туча...

Еркежан. Ну, Абай... Опять тяжелые мысли? Гони их. Ведь если на суде ты скажешь половину того, что говорил мне утром, — ты победишь... Родной мой...

Абай. Тяжелый день, байбише...

Еркежан. Тебя огорчил Такежан? Ну что ж? Какой от него был прок? Да и говорил это не он, говорил его страх... Давай подумаем о другом. Слушай, я хочу послать за Магиш. Пусть будет у нас на глазах, чтобы не наговорил ей чего Нарымбет... Можно, Абай?

Абай. Да, да, байбише... Пошли за ней Карлыгаш. Пусть не ждет, пока приедет за ней жених, пусть будет в ауле моей гостьей...

Еркежан уходит. Входит Керим.

10

Керим. Абай-ага, я все ждал, когда найду вас одного. Мысли мои тяжелы, и в душе неспокойно. Как громом поразило меня безумие Айдара.

Абай. Разве жажда счастья — безумие?

Керим. Он нажил нам сильных врагов.

Абай. Годы ждали они часа, чтобы ринуться на нас. Час этот пришел бы и без Айдара.

Керим. Но Айдар дал им сильное оружие. Станут говорить, что мы уводим народ с пути предков.

Абай. Тропа волка пригодна для волчат, человек прокладывает свою тропу.

Керим. Абай-ага, обычаи жестоки и дики, но сейчас они еще святыни для народа.

А б а й. Кровавая узда, которой взнуздан народ! А повод ее — в руках эрденов и невежд.

К е р и м. Но ведь можно вырвать повод из их рук и самим повести народ, куда мы хотим?

А б а й. На узде?.. Нет, Керим... На светлый путь народы вступают без старой узды. И наше дело — сорвать ее.

К е р и м. Трудно разрушать то, что создавалось веками.

А б а й. Так призови века себе на помощь! Пусть зарыдает в твоей песне несчастная Енлик — и сердце народа содрогнется. В правдивой песне жертвы сами обвинят Кенгирбая, люди возненавидят своих эрденов и сорвут с себя кровавую узду...

Быстро входит Е р к е ж а н.

Е р к е ж а н. Абай... Сырттан приехал!.. Абдрахман, помоги!..

Керим идет встречать. Абдрахман помогает Еркежан вынести ковер, подушки, пиалы, кумыс. Керим и Кокпай вводят под руки С ы р т т а н а, усаживают.

11

С ы р т т а н. Берусь, за что не следовало, бреду, куда не хотелось... Налегли сородичи, просят быть третейским судьей.

А б а й. Это и наше желание, аксакал.

С ы р т т а н. Сторонний я в ваших спорах, но долг мой — дать тебе совет.

А б а й. Говорите, аксакал.

С ы р т т а н. Пошли судиться сородичи — пошли в схватку. А есть пути к миру.

А б а й. Укажите их, аксакал. Я их не вижу.

С ы р т т а н. Прикажи Зуре вернуться к Нарымбету — и все кончится миром.

А б а й. Аксакал, сказано: неисполненный приказ позорит лишь того, кто приказывает. Своему сердцу приказать трудно, а чужому, да еще горячему и юному, — невозможно.

С ы р т т а н. И самый дикий жеребенок слушается окрика своего табунщика.

А б а й. Аксакал, если б мы были в одних летах, я бы ответил: вы приехали не в табун, а в аул, где живут люди...

Абдрахман. Приму ваше наказание, если виновен, но будет ли позволено аксакалом молвить мне слово, отец?..

Сырттан. Чего он хочет?

Абдрахман *(Абаю)*. Простите, если я не прав. Но Зура ведь не бессловесный верблюжонок и не бездушный слиток серебра. На поводу ее не уведешь и за пазуху не положишь. Почему бы не выслушать хоть раз, что думает она сама?

Сырттан *(подумав)*. Секира остра, когда ее долго точат. Приговор краток, если разбор нетороплив... Абай, пусть приведут ту женщину.

Абай. Байбише...

Еркежан с тревогой уходит. Пауза.

Сырттан. Сторонний я в ваших спорах, но вижу беду для тебя. Отстранись от Айдара. Не призывай горя на благополучную голову.

Абай. Аксакал, если бы вы взращивали орленка и собака кинулась бы его душить, разве не рванулись бы вы на защиту?

Сырттан. Сторонний я в ваших спорах. Последний мой долг — сказать: густая рать у твоих врагов, нет предела злобе. Не только на Айдара, на все твое гнездо обрушится вражда.

Абай. Аксакал, только перепел спасает гнездо, уводя от него врагов. Орел защищает его клювом и когтями.

Старухи приводят Зуру. Еркежан, Керим, Абдрахман, Кокпай отходят с ними в сторону. Зура стоит, полузакрыв лицо от Сырттана.

12

Сырттан. Свидетель — несметный народ казахский: не текла обратно река, не перекочевывала скала. Праотцы издревле, как и я ныне, доживали до седин, не видя, чтобы траурный день угас, не дойдя до заката. Никто не срывал траурной узды, пока она не развяжется сама. Лишь вчера мы увидели это. Не поверю, чтоб слабая рука женщины поднялась на такое кощунство. Ты ушла поневоле, на поводу Айдара, признайся!

Зура молчит.

По острому хребту меж бездной и пропастью ты дошла до обрыва. Два пути перед тобой. Один — жизнь с Нарымбетом. Согласна?

Зура в ужасе делает отрицательный жест.

Ты выбрала второй путь — смерть с Айдаром. Ты умрешь.

Зура. Умру?.. Тогда верните мне мое право. Слышала я, перед смертью всякому разрешено сказать три пожелания. Я же скажу лишь одно: высокие попечители, вожатые народа, позвольте мне раскрыть тайну сердца, высказать правду израненной души!

Сырттан. Я выслушаю тебя. Но помни: если ложь прокрадется в мой приговор, род отколется от рода, джигит пойдет на джигита, прольется кровь. Можешь ли ты, заблудившаяся женщина, постичь, что такое клятва душою? Когда ее дает мужчина, он ставит ее выше жизни своей.

Зура. Даю эту клятву. Ставлю ее выше жизни своей... выше жизни Айдара!

Сырттан. Так открой тайну, за которую отвечаешь душой и верой. Выскажи ту правду, которую положишь на весы всевышнего.

Зура. Ни в сказках, ни в преданиях не слышала я того, что было со мной. Свой траур я свято хранила, как верная дочь степей, и не было во мне — свидетель аллах! — ни ненависти, ни злобы к жестокой узде моей. Каждый закат провожала безропотно, как угасающий день краткой жизни моей. В синих жилках бледных моих рук, забывших о солнце, я видела тень смерти, ползущую к сердцу, — и я не проклинала смерть, а ждала ее... Однажды, в душную ночь, я распахнула юрту. Лунный луч упал на траурное покрывало, тихий ночной ветерок донес весеннее дыхание степи, нежное благоухание цветов, горький запах молодых трав, жизнь, колыхавшуюся вокруг моей печальной юрты, и песню... Она лилась в юрту вместе с дыханием ночи, я пила ее сердцем вместе с запахом трав, вдруг поняла: это поет человек! Гневно я закрыла юрту, проклиная песню и того, кто ворвался с ней в мой печальный мир, в мрак моей могилы... Но каждую ночь доносилась та песня. Кто ее пел — я не знала и не искала. Зачем?.. Но чистая песня, голос печальной души скоро стал моим голосом, сказкой, которую поведала степь звездному небу. Не услышав ее в привычный час, я тосковала, засыпала в слезах, чтоб услышать ее хоть во сне...

Как-то много ночей подряд я ждала песни. Она не звучала. И я поняла: вот кончится траур, снимут мою печальную юрту, отдадут меня в чужую семью — и песни со мной не будет никогда. Я решила не ждать конца траура. Лучше уйти в могилу, но уйти с песней, верной подругой моей, уйти, унеся с собой тайну той весенней ночи. Но чья-то рука коснулась петли, расширила ее, и в петле я увидела рядом с моей другую голову. Это был Айдар... Он решил идти вместе со мною на смерть, но я сама повлекла его к жизни... Не он повел, а я повела его! Вот тайна души моей перед богом, почтенный старец.

Сырттан (*после долгого молчания*). Неслыханна вина твоя, но неслыханны и речи твои. (*Делает знак.*)

Старухи приближаются, уводят Зуру. Абдрахман, Керим и Кокпай подходят.

Вижу теперь, не советами и уговорами решится дело, а приговором — обдуманным и правдивым. Так назови своего спорщика-бия, Абай. С той стороны бием будет Жиренше.

Абай. Говорить на суде буду я.

Сырттан. Ты не можешь говорить.

Абай. Отсекают голову, но не отсекают же язык!

Сырттан. Ты назвал себя ответчиком. Как же можешь ты выступить бием-спорщиком?

Абай. О, вот где была засада... Но у меня есть мои крылья! Я выпущу на тебя моего лучшего орла, Жиренше! (*Сырттану.*) Нашим бием будет Керим.

Керим. Я?.. Абай-ага...

Абай. Ты, Керим. Тебе вручаю мой лук и стрелы. Вот мой бий, аксакал.

Сырттан. Дело мое кончено, Абай. Я еду.

Абай. Проводите аксакала. И позовите Айдара.

Абдрахман и Кокпай провожают Сырттана. Долгополов выходит из юрты.

13

Абай. Зура, Зура... Мы приняли бой за вашу юную любовь, еще не зная твоего сердца... Жалким огоньком тлеет у многих долгая бесцветная жизнь. Как благородно пламя, вспыхнувшее в тебе! Одним воплем души ты раскрыла передо мной целый мир — сердца всех дочерей

степи... Биться за твое счастье, за счастье твоих сестер — вот оправдание всей моей жизни...

Подходит Керим.

Керим. Абай-ага... Лучше, чтоб говорил кто-либо другой...

Абай. Кто, Керим?

Керим. Но скажут — все из одного гнезда: и преступник, и ответчик, и спорщик...

Абай. Жиренше и Эрден — не одной разве стан?

Керим. Силы мои слабы...

Долгополов. Не понимаю, Керим! Если бы ты был на краю гибели, разве не кинулся бы Айдар в огонь?.. О, как много в тебе ума и как мало поэта!

Абай *(сурово)*. Неверные слова, Федор Иванович... Внезапность пошатнула его. Ум его гибок, как сабля, язык — остер, как меч. Он хорошо знает обычаи и сумеет ответить Жиренше. Не так ли, Керим?

Керим. Абай-ага, позвольте поговорить с вами наедине...

Долгополов отходит, но навстречу выходит Айдар.

14

Айдар. Абай-ага, может быть, я не ко времени... В эту тяжкую ночь песня стонала в моем сердце. Душа бушевала, а из нее рвались не стоны, а стихи...

Абай. Жемчуг выносится со дна волнами бури, песня встает из глубины взволнованной души. О чем ты спел?

Айдар. О тех, чья судьба так похожа на нашу.

Керим *(тревожно)*. О ком?

Айдар. Об Енлик и Кебеке.

Абай *(обнимает его)*. Айдар мой!..

Айдар. Пусть злая судьба отнимает жизнь, но последний вздох вырвется все же из моей груди! Хоть сдавленным стоном, но произнесу я последнее проклятье. Жизнь моя на волоске. Теснятся мысли, кипят чувства, а день мой короток, я знаю. Только бы успеть кончить мою песню!

Керим. Я понимаю. Песня могла бы дать тебе утешение.

Айдар. Утешение?.. Взгляни из глубокого колодца в солнечное небо — и ты увидишь звезды. Я — на дне... Из

глубин моего страдания я увидел страдания Кебека и горе Енлик. Последний их вздох жжет горячим дыханием мое лицо. Стон Кебека слился с моим стоном. Слезами Енлик плачет сегодня моя Зура... О Зура! Все мысли, вся жизнь моя покорны тебе. Из траурной ночи ты взошла моим светилом. К тебе, единой Каабе моей, обращена моя последняя молитва, последний стон... Пусть завистливый мир не дает жить с тобой, так пусть не мешает умереть рядом... Абай-ага, родной, будь свидетелем душевной мольбы моей...

Входит Кокпай.

15

Кокпай. А, ты здесь!.. Абай-ага, я тащил его к вам, он начал песню об Енлик и Кебеке!..

Абай. Знаю.

Кокпай. И не только о них. Ой-бой, Абай-ага, как он разделал Кенгирбая!.. Все его окровавленные клыки показал! И так и назвал: кабан! Слыхал, Керим?

Керим. Слышу.

Кокпай. А песня Кебека! Будешь сам плакать...

Абай. Идем послушаем...

Кокпай и Абай уходят в юрту.

16

Керим *(задерживая Айдара)*. Айдар, ты горяч... Подумал ли ты об Абае? Безрассудным поступком ты нажил ему врагов. Что, если этой песней оттолкнешь от него и друзей?

Айдар. Друзья поймут мою песню. Что же, и умирая, я должен заглушить в груди смертный стон души? *(Уходит в юрту.)*

17

Керим *(один)*. «В правдивой песне жертвы сами обвинят Кенгирбая, и люди...» Сорвать узду, чтобы народ разбрелся по степи, как покинутое стадо? Чем потом соберешь его? Безумцы...

Пауза.

Долг перед народом... Долг перед человеком... Долг за дружбу — или дружбу за долг?.. Взвесь на весах разума, Керим. Тысячи за одного — или одного во имя тысячи?.. Думай... Завтра суд...

Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Холмы возле аула Абая. Далекий горизонт — полдневная степь. На холме и на соседних — могилы предков, глинобитные конусные строения с башенками по углам. Нарымбет и Ханикей вглядываются с холма.

1

Ханикей. Вот она!

Нарымбет. В каком огне я горю, а, сестра...

Ханикей. Девчонка глупа. Услышит твои слова — опомнится.

Входят Магиш и Карлыгаш.

2

Карлыгаш. Магиш, милая... Как страшно!.. Вот тут и будут их судить... Я тебе потом все, все расскажу, до последнего словечка.

Магиш. Смотри, попадешься, знаешь, что будет?

Карлыгаш. Не попадусь. Айдар все придумал... И знаешь, он мне больше всех верит. Так и сказал: другие пожалеют меня, всего не скажут, а уж ты...

Нарымбет. Магиш, куда ты? Опомнись!

Карлыгаш. Тьфу, подавись ты, напугал!

Нарымбет. Карлыгаш, мне надо поговорить с Магиш.

Карлыгаш. Говори, да скорее. Мы торопимся. *(Отходит.)*

Нарымбет. Магиш, тебе нельзя было приезжать сюда. Вернись.

Магиш. Почему, Нарымбет-ага? Кто осудит, если меня зовет в аул отец жениха?

Нарымбет. Провались они, бабьи сплетни! Я не об этом. Пойми: ты едешь в аул врага.

Магиш. Поссорился ты с Айдаром, а отвечаю я?

Нарымбет. Поссорился! С Айдаром! О, женский ум!.. Абай насмеялся над нами, Абдрахман помог отнять Зуру, — что же осталось для родства и дружбы?..

Магиш. Не вы ли сами именем бога связали нас?

Нарымбет. Два года назад! Сейчас у тебя нет жениха. Страшный удар ждет Абая, семья его будет опозорена.

Магиш. В час беды я должна быть с Абдрахманом.

Нарымбет. Что же, утешай Абдрахмана. Как-то он примет твои утешения!.. Он забыл тебя, он стал русским!

Ханикей. Подумай сама, что делал он в чужих краях?

Магиш. Грязь! Сплетни! Молчите!

Ханикей. Нет уж, не молчу. Твой Абдрахман завел в Петербурге другую! Женился он там! Крестился, негодный!

Магиш. О, создатель... Абдрахман... *(Гневно.)* Кто это сказал?

Нарымбет. Азимхан. Он же видел его в Петербурге...

Магиш зарыдала.

Родная!.. Сестра моя! Теперь ты вернешься?

Магиш. А, понимаю!.. Ты расплачиваешься мною!

Нарымбет. Магиш, что за мысли!

Магиш. Увели Зуру, ты хочешь отнять у него меня!

Ханикей. Смотри, что ей вбили в голову!

Магиш. Где совесть твоя, где жалость твоя?

Нарымбет. Вернись домой, я говорю!

Магиш. Нет!

Нарымбет. Нет? Ну, ступай на позор. Сама вернешься в слезах!

Магиш. Карлыгаш, идем!

Карлыгаш. Давно пора, охота тебе было слушать... Смотри, встречают! А я побегу... *(Уходит.)*

Магиш *(радостно бросается к входящим)*. Ложь, ложь... Увижу один взгляд, его взгляд...

Входят Еркежан, Кокпай, Долгополов. Ханикей и Нарымбет уходят.

3

Еркежан. Дочка моя, Магиш, милая, приехала! *(Обнимает ее.)*

Магиш растерянно ищет взглядом.

Увидишь его скоро, после суда... Он с отцом... Должен был сам тебя привезти, да только приехал — тут это несчастье с Зурой... *(Уходит с Магиш.)*

Сцена наполняется мужчинами. Входят Эрден, Парымбет, Жиренше.

Первый джигит *(молодой)*. Гляди, как хмуры, как щетинятся!

Второй джигит *(старик)*. Оскалили клыки...

Первый джигит. Абай им не овца.

Второй джигит. Что Абай? Говори о молодом бие, о Кериме. Жиренше — старая лиса, юркнет под камень, чтоб разбить грудь неопытному орлу...

Входит Абай в сопровождении Керима и Абдрахмана. К Кокпаю, сидящему на авансцене, подсела Карлыгаш в халате и огромном малахае.

Карлыгаш *(баском)*. Неужели не найдется местечка бедному страннику?

Кокпай. Садитесь, ага... Карлыгаш? Тьфу, несуразная! Ты как здесь? Узнает Эрден, костей не соберешь...

Карлыгаш. Молчи, я за тебя спрячусь. А ты все объясняй. Понял?

Под руку проводят на вершину холма между двумя группами народа Сырттана. Входят Такежан и Азимхан. Жиренше и Керим садятся по обе стороны Сырттана, чуть ниже.

У-уй, смотри-ка, Керим... Вот невежа... Садится выше Абая-ага... Да ну, говори!

Кокпай. Сиди смирно. Он сейчас бий-спорщик.

Сырттан поднял палку. Говор: «Тише! Слушай! Эй, замолчите!»

4

Сырттан. Э-э, родичи кровные! Пасмурные настали дни. Крепким гнездом родства мы были — и вот столкнулись на холме вражды... Э-э, старейшины! Куда завели вы беспечный караван, не видя в спорах дороги? Или,

скажете, времена изменились, законы обветшали?.. Э, водители каравана! Хотите ли, чтобы беды выросли в бедствия? Или хотите, чтоб бурный разлив в русло вернулся? Куда держите путь, скажите, обдумав?

Карлыгаш. За кого заступился? Ничего не поняла...

Кокпай. Молчи, просто начинает...

Сырттан. Кому доверено слово, говорите.

Жиренше, торжественно подняв свою плеть, кладет ее в ноги Сырттану.

Карлыгаш. Что он? Зачем кидает плеть?

Кокпай. Значит, хочет говорить... Ну, помолчи.

Жиренше. Вражда двоих — беда двоим, вражда многих — бедствие народу. Почему же не знает кары тот, кто породил вражду многих? Скажете, времена изменились? Нет, не изменились: так же восходит солнце, так же восходит луна. Скажете, законы обветшали? Нет, не обветшали: дети ваши зовутся детьми, а не волчатами, жены зовутся женами, а не суками. Скажете, народ изменился? Нет, не изменился: предок мой — казах, родовой мой клич — тобыкты, сын мой — казах. Но сегодня вырвали из рук невесту, завтра вырвут жену из объятий. Но сегодня надсмеялись над трауром, завтра будут топтать все святые обычаи. Что же остается мне, как не ринуться на того, кто вздувает пожар среди народа? Пусть погибнут двое презренных, чтоб был здоров остальной народ. Пусть, привязав к хвостам коней, поволокут их по многолюдному джайляу, чтоб видели все кару, постигшую тех, кто породил вражду в народе!

Молчание.

Керим *(бросая свою плеть)*. Времена не изменились — это правда. Но у времен есть дни и ночи, есть благоухающий май и леденящий январь. Все старцы подобны — и они тот суровый январь, все юные подобны — и они то лазурное майское утро. Как сговорятся, как поймут друг друга?.. Помните ли вы, почтенный Жиренше, или забыли о светоче жизни, именуемом любовью? Были Лейла и Меджнун, Баян и Корпеш, Юсуф и Зулейка, Ромео и Джульетта. И вот еще пара, мечется Зура, сиротливый ягненок, — кто поведет, куда поведет? Пришел Айдар, согрел стынущее сердце, повел за собой...

Как же обвинить Зуру? Но вы скажете: река мутится в устье, во всем виновен Айдар. Пусть так. Но кто Айдар? Имя Айдар — значит венец. Айдар — золотой венец казахской песни, скакун светлой масти среди темного табуна. Как задушите вы соловья, как убьете песню, как же не пощадите вы Айдара? Но вы скажете еще: зачем он переступил закон, зачем оскорбил веру? Но Айдар — молод, а молодость пылка. Но Айдар — поэт, а поэты пылки. Страсть не думает, не оглядывается. Как же не пощадите вы Айдара?

Жиренше *(злобно усмехаясь)*. Страсть не думает? Кот — и тот помнит себя. Пылая страстью, он все-таки бежит с кошкой на глаза к человеку, чтобы тот защитил его от ярости других котов. Выходит, твой Айдар безумнее кота?

Смех в группе Эрдена.

Керим. Почтенный старец, одна девушка, облысев, спросила, для чего сделан гребешок. К чему вам тревожить забытое? Где вам разобраться, что у влюбленных в сердце и что на уме? Но если шайтан подшутит и вы вспомните, что такое страсть, не ломайте долго головы, бегите с вашей кошкой прямо ко мне, я вас защищу!

Смех в группе Абая.

Карлыгаш *(в восторге)*. Дура она будет, если с таким облезлым котом...

Кокпай. С ума сошла, молчи!

Жиренше. Я не забывчив. Забывчив ты. Почему забыл ты наши предания, золотые примеры наших предков, а вспоминаешь каких-то Ромило-Жуликетто? Зачем суешь нам русские сказки? Ты, может быть, поведешь этот народ в церковь?

Голоса. Куда зовет!..

— Берегись, Керим!..

Мес. Обжуливай других своей Жуликеттой!

Нарымбет. Убирайся со своим Громило!

Сырттан. Говорите дальше.

Керим молчит.

Второй джигит. Сказал я, ударит его эта лиса о камень. Гляди, куда юркнула — под мечеть.

Сырттан. Говорите, я жду.

Кокпай. Погибель...

Карлыгаш. Подожди. Видишь — думает.

Кокпай. Что ты понимаешь! Скажет аксакал в третий раз — кончено, победил Жиренше...

Карлыгаш. Ой-бой...

Сырттан. Ну...

Керим бросает плеть.

Говори, Керим.

Керим. Что знает слепой, кроме того, что достанут пальцы? Если б вы не прожили в невежестве, Жиренше, вы бы знали имена Ромео и Джульетты. Но напрасно слепому показывать на луну, возьмем то, что ощупают ваши пальцы. Скажите, осудил ли народ ту девушку-калмычку, что бежала к нам от родных, влюбившись в напевы пленника? Не сложил ли наш народ о ней трогательные песни! Не так ли и Зура полюбила сладкие напевы акына Айдара?

Жиренше. Ты все говоришь, что Зуру затащил в бездну Айдар на своем аркане. Не хочешь ли ты, вытащив Зуру, на том же аркане вытащить за ней и Айдара?.. Давай разрубим аркан. И конец, привязанный к Зуре, отдадим ее господину, Нарымбету, — пусть живет, замаливая свой грех. Согласен?

Карлыгаш. Вот видишь, Зуру уже спас! Ай да Керим!

Жиренше. Но другой конец аркана я не выпущу из рук, пока не привяжу к хвосту копя. Ты сам сказал, что Айдар посеял вражду, что он нарушил закон. Что же мы будем спорить об Айдаре?

Керим. Скажите, разве недостоин проклятия куст, если он откроет коршуну спрятавшегося в нем жаворонка? Вы знаете, что Айдар пришел к нам из чужого рода, преследуемый своим. Кто приютил его, гонимого и несчастного? Абай!

Движение в группе Эрдена.

Кто дал ему тогда слово защиты? Абай!

Жиренше. Ты сам назвал Абая! Запомни, аксакал!

Кокпай. Что он делает? Зачем на Абая свернул?

Эрден. Запомним!

Керим. Да, назвал. Потому что Айдар просил защиты у Абая. А это значит, что он просил защиты у меня, у вас, у Эрдена, у Нарымбета, у всего рода тобыкты. Что же, убьем Айдара. Скажут, кто изменяет

данному слову? Род тобыкты! Убьете Айдара — убьете честь и достоинство рода тобыкты!

Кокпай. Ффу... хоть поскользнулся, а выбрался на дорогу.

Жиренше. Э, Керим, не тебе, кто бродил нынче по чужим странам и совал нам чужие сказки, защищать честь рода тобыкты! Чем возить возами издали, лучше возьмем мешками вблизи. Что сделал наш святой предок Кенгирбай, когда, как сегодня, преступные любовники Енлик и Кебек разожгли вражду в народе? Он привязал их к хвостам коней и поволок по степи. Так должен решить род тобыкты и теперь, и я не могу требовать иного решения. Все знают, что я ни в чем никогда не сходил со святых следов Кенгирбая!

Керим. Но разве вынес бы Кенгирбай такой приговор, если б хоть один голос жалости к Кебеку раздался бы на суде?

Жиренше. Жалости? Весь народ отшатнулся от Кебека, а Кебек был родной, любимцем народа он был. А кто твой Айдар? Ты говоришь: «Айдар — жаворонок, спрятавшийся под кустом защиты». Под кустом прячется и хищник, готовя набег. Кто впустил волка в наше стадо? Это — Абай и ты, вся ваша семья! О, будь времена святого Кенгирбая, давно бы кинули ваш проклятый куст в огонь! Горите вместе с волком, которого вы приютили! Горите вместе с вашими нечестивыми поучениями!.. Ты выступаешь бием? Ты не бий, ты такой же преступник, как Айдар, такой же виновник в смуте среди народа! Настоящего ответа требую с тебя, с Абая, со всей вашей семьи!

Сырттан. Говорите дальше... Говорите, я жду...

Карлыгаш. Керим, Керим... ну... Он ответит, да?

Кокпай. Эх, зачем он привлек Абая?

Карлыгаш. Кокпай, милый... Как страшно...

Сырттан. Говорите.

Карлыгаш. О боже! *(Упала лицом в колени Кокпая.)*

Сырттану помогают подняться на ноги. Напряженное молчание. Сырттан готов произнести приговор, но вдруг раздается спокойный голос Абая.

Абай. Э-э, аксакал! Бывает ли на одной свадьбе две невесты?

Эрден. И этот заговорил! Замолчи, Абай!

Нарымбет. Ты не можешь говорить на суде!

Абай. Я не говорю. Я спрашиваю.

Сырттан. Что ты хочешь?

Абай. В какие времена спорщик-бий превращал равного ему бия в обвиняемого? Вы много прожили, аксакал, видали вы, чтоб на одном суде было два дела?

Сырттан *(подумав)*. Тут Жиренше был неправ.

Абай. Так верните мне право говорить.

Жиренше. Ты — ответчик, ты не можешь говорить!

Абай. Но ты и Керима сделал ответчиком. Кто же тогда будет говорить с нашей стороны? Как пойдет суд?.. Решайте, аксакал.

Голоса. Исправьте суд.

— Суд кончен.

— Пусть говорит!

Карлыгаш. Пусть Абай...

Кокпай *(зажимает ей рот)*. Да молчи ты, боже мой!

Сырттан поднимает палку. Тишина.

Сырттан. Говори, Абай. Но говори только о новом деле.

Абай. Я не назову имен Айдара и Зуры, я буду говорить об этом бие, который лжет на суде... Э, Жиренше! Ты вспоминал здесь предков. Не зря набираешь ты войско среди мертвых, они не могут обличить твою ложь. Ты рассказывал нам, будто овцы мирно паслись с волками. Так ли рассказывали бы люди тех дней? И так ли скажет сегодняшний народ, сидящий здесь?

Жиренше. Скажет... Сказал же тогда приговором Кенгирбая весь наш народ!

Абай. Разве то был народ? То были жестокие одиночки. Что посеяли те люди? Мрак и невежество. Посеяв колючку, ковыль не скосишь. Что завещали нам они? Сынам — путы, дочерям — узду?

Эрден. Что называешь ты путами, что уздой?

Жиренше. Святую волю отцов, святыню брака?

Эрден. Только сесть на коня, биться с тобой!

Абай. К чему тебе садиться на коня? Враг твой близко, он в тебе. Это невежество твое. Но думает ли волк, готовый терзать добычу, что есть тигр, могущий растерзать его самого? Твой тигр — невежество твое, оно растерзает тебя без меня... Э-э, Жиренше! Ты призывал весь народ в свидетели, что ни в чем, никогда не сходил со следов Кенгирбая. Весь наш род знает, как любишь ты в жаркий день услаждать себя чаем. Но разве не Кенгир-

бай назвал чай желтой водой, не дающей проку? Разве по запретил он пить чай, объявив его нечестивым напитком? А ты не только пьешь чай, но и взятки за свои приговоры берешь не деньгами, а чаем.

Смех.

Второй джигит. Угадал! На прошлой неделе последнюю плитку из нашего сундука забрал Жиренше!

Абай. Так ты сказал свою первую ложь. Ты хочешь заставить народ идти по следам Кенгирбая. Куда? В мрачное прошлое? Народы идут в будущее, не ступая в свой след, а прокладывая новые пути. Только заблудившийся в беззвездной ночи кружит по степи и возвращается к старому следу. Так и ты кружишь вокруг могилы Кенгирбая, не видя, куда идет народ. (*Поворачивается к народу.*) Жиренше сказал вам об Енлик и Кебеке — и солгал второй раз. Почему промолчал он о том, что в день страшной расправы над ними осталось на холме суда безвинное их дитя, двухмесячный сын, которого Кенгирбай запретил подобрать? Почему не рассказал вам Жиренше, как плакало до ночи покинутое дитя, как угасло оно, потеряв силы? Потому что Жиренше хотел убедить вас, что жесток сам народ, а не его свирепые властители. Спросите у отцов, как оплакивали они Кебека и как проклинали Кенгирбая? Если бы народ был согласен с Кенгирбаем, разве он дал бы ему другое имя — кабан!.. О люди!.. Так лгал здесь Жиренше, называющий себя бием! И этот лжец зовет вас к убийству? Найдется ли среди вас тот, кто вскочит на коня, к хвосту которого привязана невинная жертва, и пустит его вскачь?

Второй джигит. Нет среди нас такого!

Первый джигит. Пусть сдохнет сам на том коне.

Жиренше бросает плеть.

Жиренше. Э, Абай! Все знают, что ты отрекся от дальних предков. Но плюнешь ли ты в могилу родного отца? Скажи, когда другая презренная пара, Кодар и блудливая Камка, смутили народ бесстыдством, кто повесил их на верблюде? Кунанбай, твой отец! Кто пожертвовал двумя негодными, чтобы уберечь народ от заразы? Кунанбай, твой отец! Кто вместе со мной своими глазами видел эту казнь, суд рода тобыкты? Не ты ли сам, Абай?

Абай. Да, я видел. Видел все. И хорошо, что ты напомнил об этом и солгал в третий раз. Повесили на верб-

люде, ты сказал? Вот как это было, слушайте, люди! Короткий аркан, которым они были привязаны за шеи, перекинули через сидящего верблюда и принудили его встать. Камка задохнулась сразу. Кодар был еще жив, когда их сняли с верблюда и сбросили со скалы. Я слышал, как хрустнули его кости, но он еще был жив, когда сорок старейшин, сорок племен стали бросать в него каждый по камню... Почему сделали так? Потому что в народе был слух, что Кодара оклеветали и что суд был пристрастным. И чтобы не оставить в ответственности одного, сорок старейшин поделили грех на сорок частей. Среди них был твой отец, Жиренше, был и твой, Эрден, и твой, Нарымбет, — все они были старейшинами. Хвастаетесь вы преступлением ваших отцов. За преступление моего отца я в вечном долгу перед народом, перед справедливостью. Я — должник твой, народ! И сколько хватит моих сил, я стремлюсь отдать тебе этот долг. Перед лицом народа, аксакал, я требую забыть два страшных слова: «казнь» и «убийство». Пусть живет юная пара! Наложите любую плату, я отвечаю всем достоянием своим и тех друзей, кто мне верен. Я все сказал. Что скажешь ты, Жиренше? Ничего: третья ложь расплавленным свинцом заливает глотку мужчины. Пусть теперь скажет решение аксакал.

Сырттан. Есть ли еще речи? Говорите... Говорите, я жду...

Жиренше подымает плеть. Задние ряды встают. Немая угроза. Жиренше никнет. Спор кончен.

Карлыгаш. У-ух... как боялась я, что каркнет еще их ворона...

Сырттан. Все сказано, братья!

Кокпай. Да, старец, все сказано, и сказано Абаем.

Голоса. Скажи решение, но обдумай!

— Теперь нет Кенгирбая!

Сырттан. Все сказано... Виновны ли те двое? Виновны. Но борода моя бела, и могила ближе постели моей. Как предстану я перед богом с запятнанной бородой, с укорами совести, если тайну, открытую мне как судье, тайну, скрепленную клятвой, забуду перед приговором? Тот, кто здесь защищал, сказал не все. Тот, кто требовал казни, оказался трижды лжецом... Пусть те двое собаки негодные, но пусть живут...

Одобрительный гул.

Абай — ответчик за Айдара. Пусть отдаст Нарымбету выкуп за женщину — сорок верблюдов, пусть отдаст Эрдену плату за оскорбление — десять верблюдов, и кончим суд.

Радостный шум. Эрден, Жиренше, Нарымбет сходят с холма.

5

Эрден. Не сбудется этот приговор!.. Ни сна, ни покоя, пока не обломаем Абаю крылья, пока не опустошим все гнездо! (*Проходя, видит Такежана.*) Я сделал тебя управителем — и вот что я получил? Не вини меня, найду управителя покрепче!.. Где Азимхан?

Абай (*Кериму*). Что стоишь понуро, Керим? Или стыд твой сильнее радости?

Керим. Абай-ага, я не прощу своего молчания...

Абай. Пустую словесную вьюгу Жиренше ты принял за снежный буран и стал слепой?

Керим. Вы видели: я шел против ветра, пока дело не дошло до вас... Тут я задохнулся.

Абай. До меня! Во всю силу дыхания ты должен был гневно крикнуть! Разве обо мне шла речь? О деле нашем говорил Жиренше. Или наше дело — не твое? Так думать мне?

Крики: «Айдар идет! Зура!»

Поговорим еще об этом... (*Уходит.*)

Азимхан (*подойдя*). О, как ловко ты шел по скользкому обрыву!.. Не видал я еще человека с таким дальним полетом!

Керим. Оставь эти речи... (*Уходит.*)

6

Нарымбет. В набег! В набег на Абая! Найду сотню джигитов, уничтожу проклятое гнездо или умру в бою!

Эрден. Стой, не бурли! О чем мы думаем, как не о мести? Рухнуло мое терпение. Безумцы! Не вы ли все время тянули меня, как верблюда: подогни колени, садись, не скачи! Кто призывал вас кончить с Абаем, не дожидаясь новых оскорблений? Не слушали, боялись... Но те-

пусть не собакой ли презренной буду я, если пожалею Абая? У нас нет врагов, у нас один враг — Абай.

Нарымбет. Абай и все его гнездо. Не щади, острее точи клыки, Эреке!

Эрден. Так за поругание предков, за раны, нанесенные живым, за позор, уничтоживший нас, пусть падет на его голову смерть!.. Вот она... *(Вынул красный рожок Ханикей.)*

Нарымбет. Что это?

Эрден. Русский яд. Достала Ханикей.

Нарымбет. Мне! Дай мне!

Эрден. Стой, не ты! Ты горяч и сам попадешь в огонь.

Жиренше. Или я перестал понимать тайны человеческого сердца, или я знаю, кому поручить. Пусть ослепнут мои очи, если не видели они нынче мрачную душу, пропасть бездонную, глубины мрака...

Эрден. Ему?..

Жиренше. Дай я передам.

Нарымбет. Кому же?

Жиренше. Запрещает закон — и воду не пей, повелевает святыня — и кровь пролей, так говорит шариат. Но замкнуть уста!

Эрден. Замкнуть!

Нарымбет. Замкнуть!

Занавес.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Керим и Азимхан одни перед свадебной юртой. В руках Азимхана красный рожок Ханикей.

1

Азимхан. Вчера ты избрал более опасный путь, но как смело шел к цели! Закончи же, что начал сам...

Керим молчит. Голоса в юрте: «Айдар! Песню! Енлик — Кебек! Енлик — Кебек!»

В открытых битвах силы их только крепнут. Вчера оборонялись, сегодня наступают. Чего еще ждать? Ты колеблешься? Ты, кто сам призывал нас сплотиться вокруг свя-

щенного знамени ислама? Ты, кто мечтал возродить в народе древний дух Чингиса и Тимура? Мы видели в тебе человека, способного стать во главе каравана. Но оплевывают веру, топчут святыни, разрушают обычаи, на все опоры нашего дела занесена преступная рука, а ты медлишь? Один человек стал на пути множества, и ты боишься перешагнуть через него?

Керим молчит.

(Прячет рожок.) Значит, все твои великие замыслы — только мечты плохого поэта?.. Что же... мы сумеем обойтись без тебя.

Керим *(медленно)*. И Абая все-таки...

Азимхан. Неизбежно. Он сам произнес свой приговор. Но помни: не ты поведешь народа караван кочевой.

Керим. Кто же?

Азимхан. Слабые души не могут вести людей.

Керим *(после паузы)*. Дай.

Азимхан кладет в его руку рожок.

Безумцы! И вы дерзаете стать во главе каравана?.. Слепые глупцы!..

Азимхан, пораженный, смотрит на него.

Убьете Абая — останутся его поучения, и сила их удесятерится, ибо мертвому верят больше, чем живому... Когда ты поймешь, что Абай нужен нам живой? Множества идут за его конем, но повод его будет в наших руках. Если стихи его будут воспевать веру, звать на путь предков, те же множества станут твердить их, раз это сказал Абай. Эрденов боятся, Абая любят. Эрденам подчиняются, Абаю верят. Кто же приведет под наши знамена больше людей — Эрдены или Абай?.. Вот в чем мечты плохого поэта. Не мешай мне, а помогай. Прежде всего убери из аула Долгополова, и как можно скорей. Абай должен остаться один, совсем один, и тогда он сам отдаст нам свой повод... *(Уходит.)*

Азимхан. Мечтатель? Мудрец?.. Но что скажет Эрден? *(Быстро уходит.)*

Открывается внутренний вид двух соединенных юрт, украшенных для свадьбы. Девушки заканчивают убранство. Входит Керим, за ним Такежан.

2

Такежан. Обзывают Кенгирбая кабаном! Какое безумие напало на тебя, что терпишь?

Керим. Что я? Все от Абая.

Такежан. От него ли, от тебя — все беды, все несчастья валятся на меня! Айдар кинул огонь, и на мне занялся халат! До чего дошло, — власть отнимают...

Керим. Не я раздаю и отнимаю чины. Говори с Эрденом.

Такежан. А Эрден сказал: говори с Керимом, пусть делает, что просят. Пожалей ты меня, сделай!

Керим. А ты знаешь, о чем они просят?

Такежан. Не знаю. Сказали только: захочет Керим, все уймется, и ты останешься управителем. Спаси, Керим!

Керим. Не знаешь? И я не знаю. Эрден просто издевается над тобой.

Такежан. Вон ты как! Уж если бы просил другой родной дядя — Абай...

Керим. Так и иди к Абаю! Обвиняй! Требуй, чтоб унял он гнусную песню Айдара, все зло в ней!.. Зачем Эрден подсылает тебя? Пусть приедет сам, пусть покажет Абаю, куда ведет его Айдар! Скачи! Зови Эрдена!

Такежан. Спасибо, родной, спасибо... скажу...

Керим и Такежан уходят. Входят Еркежан и Абдрахман.

3

Еркежан. Но почему же Магиш со вчерашнего дня только плачет? Значит, все-таки ты чем-то ее огорчил?

Абдрахман. Ничем. Мы с ней даже не говорили.

Еркежан. Даже не говорили!.. А она ждала тебя два года! Почему ты так холоден с ней?

Абдрахман. Я все вам скажу... но после... Такой радостный день, свадьба Айдара... сейчас гости...

Еркежан. Сейчас гости, утром были друзья, вчера — усталость... Что с тобой, Абдрахман, скажи, милый!

Абдрахман. Перестаньте... боже мой!

Еркежан. Ну, хорошо... Я вижу, в твоей душе большая тяжесть. Я подожду... Но будет ли ждать Нарымбет?

Если сегодня не назначить дня свадьбы, он раздует вражду в пожар. Подумай об отце: на его голову падет новая беда...

Девушки, расставляющие угощение, отзывают Еркежан в правую юрту.

Входят Карлыгаш и Магиш.

4

Карлыгаш. А, вот он где! Иди-ка сюда! Что ты делаешь с моей Магиш! Была б я на ее месте, уже я бы тебе показала! Приезжает невеста, а он от нее прячется! Выходит — не она невеста, а ты, несуразный!.. Ну! Как там по-вашему, петербургскому: обнимаетесь, нюхаетесь, руку трясете? Ну?

Абдрахман. Зачем нас мирить, мы не ссорились... Правда, Магиш?

Магиш. Оставь, Карлыгаш. Пусть подскажет сердце, а не друзья.

Карлыгаш. Тьфу, подавиться! То один валится, то другой падает... *(Отводит Магиш.)* Слушай, я все придумала. Достань прядь его волос. Была нынче у знахаря — и какого! Кривой, весь в бубенцах, такой наколдует! Вот увидишь, будет твой Абдрахман мычать над тобой, как корова над шкурой теленка, — плетью не отгонишь...

Абдрахман тем временем ушел. Входит Кокпай, таща кожаный мешок с кумысом. За ним входит Абай, прислушивается.

5

Кокпай *(скороговоркой поет Карлыгаш)*.

Красавица суровая моя,
Красотка чернобровая моя.
Ласточка бедовая моя,
Готов весь век таскать оковы я,
Была бы только ты здоровая,
Вот тебе и песня моя новая,
Больше не скажу тебе ни слова я,
Одно еще...

Карлыгаш. Да ну, подавись ты, неотвязный!

Абай (*смеясь*). О, бедный Кокпай, как он сгорает! А ты не веришь? Умница, Карлыгаш!

Кокпай. Абай-ага, я думал, вы поддержите меня!

Абай. Слушай, Кокпай, надо и совесть иметь! Кому ты только не пел: «Умираю, погибаю, я страдаю и сгораю»? Дай хоть Карлыгаш уберечь от тебя!

Кокпай. Немилостивый бог! Когда же я просил ваших свидетельских показаний?.. Что же — ей всю жизнь быть пылающей свечой, а мне порхать вокруг нее, как бабочке?

Абай. Карлыгаш, ты видела такую дюжую бабочку?

Кокпай.

Я, как бабочка ночная,
Сгораю на твоем огне.
На любовь не отвечая,
Крылья ты сжигаешь мне!

Абай. Карлыгаш, дай я отвечу:

Бедный Кокпай, ты — бабочка, да.
Знай же, бабочке никогда
Не бывает милости от свечи...

Ну?

Кокпай.

Что же, я улечу. Но знай навсегда:
Одиноко сгорает свеча тогда,
Никого не греют лучи!..

Что на это скажет Карлыгаш?

Абай. Теперь сама ответит! *(Идет к Магиш.)*

Карлыгаш. Улетит бабочка, прилетит мотылек. *(Убегает.)*

Кокпай. Эх, когда не везет джигиту, его и на верблюде собака укусит! *(Бежит вслед за Карлыгаш.)*

Абай *(обнимая Магиш)*. Что за тучка на солнечном небе? Боишься, что ваша свадьба вызовет новую вражду? Неужели Абдрахман не сумел тебя успокоить? Ну, что молчишь?

Магиш *(пряча лицо)*. Не знаю... я ничего не знаю, Абай-ага. Абдрахман не говорил со мной...

Абай *(хмурясь)*. Как, до сих пор?

Магиш. Он... избегает меня... *(Плачет.)*

Абай *(сурово)*. Где Абдрахман? *(Направляется в правую юрту, встречается с Керимом.)*

Магиш уходит.

6

Керим. Абай-ага, вы можете выслушать меня?

Абай. Потом, Керим. Сейчас у меня другое.

Керим. Есть новости. Приезжал Такежан от Эрдена.

Абай. Что еще? *(Останавливается.)*

Керим. В ауле Эрдена уже поют стихи Айдара.

Абай. Чем дальше летит песня, тем больше от нее пользы.

Керим. Польза может обернуться во вред. Они говорят, что в песне лишь слова Айдара, а мысли — Абая. А я думаю, что Айдар выразил в ней свои мысли...

Абай. Ты прав. Айдар не спрашивал моего совета.

Керим. Вот и по-моему, дух его песни чужд вашему пути.

Абай. А что хорошего, если все идут, ступая в след друг другу? Пусть хоть один откроет нехоженые долины. Я с радостью пойду за ним по новому пути.

Керим. Что же, вы сами отдаете свой повод в его руки?

Абай. Как ты любишь говорить о том, кто кого ведет! То ты собираешься вести народ на узде, то поэта на чьем-то поводу... Поэт не ведет на поводу ни народ, ни друзей. Он идет вместе с народом, и в этом его сила.

Керим. Тогда Айдар — не поэт. Он не идет вместе с народом, раз он смеется над его святынями, оскорбляет то, что чтит народ... память предков...

Абай. Пусть Эрдены говорят так, а ты будь не внуком предков, а сыном человечества.

Слышен голос Айдара, поющего песню.

Керим. Но кроме того, что я сын человечества, я еще и сын вашего брата...

Абай. Близкие по крови наследуют лишь скот и имущество. Наследником дел становится тот, кто близок трудом и душой...

Входит Айдар, продолжая свою песню. С ним Абдрахман, Долгополов, Кокпай, Карлыгаш, джигиты, женщины.

7

Абдрахман. Какой далекий полет в его песне!

Кокпай. Горы перелетит на полном скаку!

Абай. Сказано: пусть птенец ушибется с ветви, но пусть постигнет полет. Сегодня молодой орел взвился в

небо и показал, как окрепли его крылья. Вот мое поздравление Айдару и всем вам, акыны!

Еркежан *(смеясь)*. О Абай, что же ты так срамишь меня? Подумают, что у меня муж такой старик, что может уже отделываться одним благословением, как Сырттан, скупясь на подарок!

Абай. Ну, если я такой молодой джигит, то и у тебя еще резвы ноги. Сбегай к нашим табунам, может, сыщешь коня в подарок?

Еркежан. Есть у меня на примете один иноходец... Новый в твоем табуне... Что ж, подаришь его?

Абай. Уж лучше подарить, чем ждать, пока он сам убежит к Айдару. Веди его, байбиче!

Еркежан. Ходить за ним недалеко... *(Достает из кармана листок.)* Акыны, вот новый иноходец Абая под кличкой «Поэт». *(Читает.)*

«Из времени выпадет миг:
На мир сойдет тишина,
Услышишь — заплещет родник,
Мысль хлынет, быстра и ясна.

День хмурый подымет чело,
Смеясь, озарится листва,
В душе засияет светло,
Родятся большие слова.

Поэт стянет туже свой стан,
Посмотрит назад и вперед,
Что правда и что обман —
Увидит и все поймет.

В века, в их темную даль,
Орлиный свой взор устремит,
Оплачет их зло и печаль,
Убийц и невежд заклеймит.

Далеким и близким своим
О прошлом расскажет он,
И разум и правда пред ним
Предстанут, как судьи времен.

Он дерзок, в нем сердце горит.
Язык его гневен и смел.
И пишет он и говорит —
Как должен, не как хотел».

Айдар. Абай-ага, вы вознесли меня на такую высоту, что крылья мои слабеют.

Обнимаются.

Керим. Абай сказал: «Удача и счастье — предел описания, из тысячи лишь один сохранит равновесие...»

Долгополов *(смеясь)*. Ну, Айдар не тот маляр, что выкрасил собственную бороду, когда его работу похвалили!

Абай. Э, Керим! Тебе не нравится бег его коня? Так опереди его! Не хватай за хвост, не кричи «куда?», вытяни лучше плетью свою песню!.. Вперед, вперед, обгоняя друг друга, — вот скачка акынов в грядущее...

Кокпай. Дат, дат! Говорю «дат», отвечайте «скажи свой дат!». В одной стране, под названием Германи, жили два кюйши, слагатели музыки. У одного душа излучала свет, из пальцев сами текли медовые звуки, звали его Мацар. Другой слагал музыку тяжким трудом, собирая звуки, как упрямое стадо...

Карлыгаш. Ой-бой, совсем как ты! Как возьмешься...

Кокпай. Помолчи... И звали его Салгери. Сказано Абаем: слава — высокая скала, сокол взлетает взмахом крыла, змея вползает на брюхе... Как ни карабкался Салгери, далеко перед ним летел Мацар. И вот в один из дней пришел Салгери к Мацар, и тот берет домбру и играет свой новый напев...

Карлыгаш. Кто играет? Салгери?

Кокпай. Мацар. Он сложил его по заказу человека в черном халате. И такой был напев, что Салгери заплакал и сказал себе: «Боже, не даешь тому, кто молит, а тому, кто смеется над мольбой! Глумишься надо мной, что ли?»

Карлыгаш. Кому он это сказал? Мацару?

Кокпай. Прочисти уши! Богу... И, сказав так, пришел к злому решению. Заколов барана, зовет к себе на бешбармак светлого Мацара и — горе! — убивает его, подсыпав отраву...

Абай *(смеясь)*. Ну, Кокпай, удружил же ты Пушкину! И халат и малахай напялил, сам его не узнаю!..

Карлыгаш. Просто от себя наврал! Какой шайтан будет завидовать хорошей песне!..

Керим *(на авансцене)*. Зависть?.. Нет... В пути, идущем через перевал, не спутник мне зависть, муть на дне души. Спутники мои — ясная мысль, холодная воля. Я не завидую. Я обвиняю, презирая...

Шум за сценой. Врывается Эрден, за ним входят Азимхан, Такежан, Мес и джигиты.

8

Эрден. Что за новый позор, Абай? Какую песню он пустил по степи? Кенгирбая назвал кабаном? Не твои ли это слова на суде?.. Так вот зачем ты спасал его проклятую жизнь! Последний раз говорю: уйми!

Абай *(не вставая, очень добродушно)*. Если против каждой песни ты будешь кидаться с пикой, где уж там последний раз!

Смех.

Много еще у нас песен впереди, в степи не хватит деревьев для твоих новых пик!

Эрден. Конечно, не хватит, раз ты всю степь выжигаешь пожаром! Зачем раздуваешь пожар?

Абай *(так же)*. А не всякий пожар во вред, Эреке. Жгут степи, заросшие сорняками и колючками. А на их месте выращивают зеленые нивы, благоухающие сады...

Эрден. Так не забывай, как спасаются от степного пожара!.. Заводят пожар навстречу!

Абай. Слушай, Эрден. Ну что ты все кричишь? Суд нас рассудил, верблюдов я тебе отослал... Самых смирных выбрал, а ты все буйствуешь...

Смех.

Эрден. Суд? Суд будет теперь! Я вызову тебя в город, к властям! Все эти люди будут свидетелями, они расскажут, что делаешь ты в степи!..

Долгополов. Все, Эрден? Даже и я?

Эрден. Ты? Тебя тоже будут судить!

Долгополов. Вот беда! Придется и мне запасаться свидетелями... Что же, возьму в свидетели русский народ! Вот переведу поэму Айдара...

Эрден. Переведешь?.. Чтоб Кенгирбая звали кабаном и там? *(Задыхаясь от ярости, Азимхану.)* Говори свое! Ну!

Азимхан. Эрден-ага, еще не получена бумага...

Эрден. Мес!

Мес роется в складках халата.

Ну, безухий!

Мес достает пакет.

Эрден *(рывком передает Азимхану)*. Держи!..

Азимхан читает. Зловещее ожидание.

Азимхан. Волостной управитель Чингисской волости Кунанбаев Такежан!

Такежан *(трепеща)*. Что прикажете?

Азимхан. По предписанию его превосходительства господина губернатора Семипалатинской области выставить на урочище у озера Сары-Куль пятьдесят юрт. Оповестить всех аульных старшин, выборщиков всех племен и родов. Выборы нового управителя Чингисской волости назначаю на завтра, после полдневной молитвы.

Такежан. Пятьдесят юрт... после полдневной молитвы... *(Уходит, шатаясь. С горечью.)* Керим!..

Эрден. Заберу власть и очищу степь... В оковах сгною тех, кто рождает песни смуты *(жест в сторону Айдара)*... кто несет их *(жест в сторону Долгополова)*... кто подсказывает их *(жест в сторону Абая)*.

Абай *(с большой силой)*. Свяжешь лишь руки акынам, мыслям и языку пут не сыщешь!

Эрден и Азимхан, Мес и джигиты Эрдена уходят. Тяжелая пауза.

9

Абай. Еще один бой впереди... *(Оглядывает всех.)* Но мужественные сердца только рады новому бою! Продолжайте веселье! Ведите невесту! Пусть хлынет счастье широкой рекой!

Песня. Шествие девушек, ведущих Зуру, перед которой несут шелковую занавесь. Кокпай поет песню «Открытие лица невесты».

Кокпай.

Все невесту теперь смотрите,
За смотрины ее заплатите,
Пустяков не говорите,
А скотину ей подарите!

Если конь — так дарите ей
Иноходца серых мастей!
Свекру привет!

(Вместе с Зурой кланяется Абаю.)

Коль верблюд — пусть будет на вид
Белошерст он и плодовит!
Свекрови привет!

(Кланяется Еркежан.)

Коль коза — с желтизной в шерсти,
Чтоб горластей ее не найти...

Голос. Отойди! Дорогу!

Кокпай. Э, просил козу, а дарят горластого козла!

Смех. Быстро входит рассыльный.

10

Рассыльный. Долгополов! Есть тут Долгополов? Кто здесь Долгополов?..

Абай. Что кричишь, как ишак на заре? Что надо?

Долгополов. Ну, я — Долгополов. Давай! *(Читает.)*

Абдрахман. Что там, Федор Иванович?

Долгополов. Вызывает к себе пристав.

Абай. Зачем?

Долгополов. О чем говорить приставу со ссыльным! Уж наверное, не о свадьбе...

Абай. Ступай. Мы дадим коня сами.

Рассыльный уходит.

11

Долгополов. Вот уж не думал, что и я омрачу вам праздник... *(Берет пиалу.)* Друзья! Есть на моей родине обычай — пить за здоровье тех, кто дорог сердцу. Желаю счастья вам, Айдар и Зура! Вас вывел Абай из горя, из плена, из страшной бездны, пусть вслед за вами выйдут на яркий свет все ваши братья и сестры! Да здравствует солнце, да скроется тьма! *(Целует Айдара.)* До свиданья, друзья! К утру вернусь, посмотрим, что скажут...

Абай. Я провожу тебя, Федор Иванович...

Кокпай. Идем проводим все!

Идут к выходу.

Долгополов. Абай, пахнет тем, что мне изменят место ссылки. Поцелуемся... на всякий случай. Где бы я ни был, не забуду тебя, отец мой! *(Обнимает и целует Абая.)*

Абай. Я дал тебе лишь дружбу и утешение, а ты открыл передо мной богатства всего мира. Перекочевала моя святыня из Мекки на запад...

Долгополов *(смеясь)*. Ну, Абай, трудно мне было бы перетащить твою Каабу, если бы ты сам того не хотел!.. Идем, пока готовят коня, пусть Айдар споет еще раз. Я же обещал Эрдену перевести песню Айдара, — неловко обманывать почтенного аксакала!..

Все выходят. Керим останавливает Айдара.

12

Керим. Постой, Айдар. Ты опять будешь плевать в душу народа?

Айдар. Керим!.. Это — речь друга?

Керим. Дружить можно с тем, кого уважаешь. Ты же — хуже убийцы.

Айдар. Керим!..

Керим. Убийца убивает людей, ты убиваешь святыни. Ты плюешь на могилы предков. Ты опозорил Кенгирбая.

Айдар. Но так же говорил о нем и Абай на суде.

Керим. Говорил!.. Сказано — и улетело ветреное слово. А ты в песне позорным клеймом жжешь кости народа.

Айдар. Значит, правда? Значит, ты подставлял под удары Жиренше сперва мою спину, потом спину Абая обдуманно?

Керим. Берегись! Тебе мало клеветать на мертвых, ты порочишь и живых?

Айдар. И Абай верил тебе? О Абай...

Керим. Ты отколол род от рода и хочешь теперь отколоть сына от отца? Отколоть меня от Абая? Берегись!

Вбегает Карлыгаш.

13

Карлыгаш. Айдар, тебя ждут! Иди петь! Шодр уже на коне!.. Ой-бой, чего вы такие хмурые?

Айдар. Иду... Договорим после! *(Уходит.)*

Керим присаживается к столику с пиалами. Карлыгаш хочет уйти вслед за Айдаром, но она колеблется.

Карлыгаш. И послушать хочется... и опять реветь буду, так жалко Енлик... Нет, пойду!.. Керим, дай табаку!.. *(Ищет в его кармане и вынимает рожок Ханикей с лекарством, похищенным у Долгополова.)* У, какой! Чудо! Мне бы такой!

Керим. Оставь! *(Отнимает.)*

Карлыгаш. Да нужен мне твой рожок! Ты табаку дай! *(Протягивает ладонь.)* И этого жалко?

Керим. Возьми у других. Это лекарство.

Карлыгаш. У какой скупой! *(Убегает.)*

14

Керим один с рожком Ханикей в руках. Снаружи доносится песня Айдара.

Керим. В чем зло мрака, если в черной ночи раздается первый крик ребенка? В чем благо солнечного дня, если в сиянье его гаснет жизни свет? Что же назвать злом и что благом?.. И нож порой не убивает, а исцеляет.

Пауза. Слышна песня.

Да... Так... Ясна моя мысль и холодна, как снег на вершине. Я на перевале. Путь заблуждений, путь колебаний, ты — позади.

Пауза. Песня продолжается.

Я не Абай, чтоб искать Каабу на западе. И я не Эрден, чтобы искать ее в невежестве. Ислам, мудрый погонщик разрозненных караванов, — вот узда, что повернет народ на древний путь мощи и славы. А ты идешь своей упрямой дорогой? *(Подымает рожок, но рука его опускается.)* Легко решать судьбы народов, трудно решать судьбу человека... *(Роняет голову на руки.)*

Песня кончилась. Взрыв голосов.

(Подымает голову, смотрит на рожок.) Что ж, ты подоспел в нужный час... С кровью отпадает то, что срослось. Ты клин, откалывающий ветвь от ствола, нож, отсекающий руку от тела, — отрежь, отколи!.. Аруах, святые предки! *(Быстро высыпает яд в пиалу, остается с рожком в руках.)*

Азимхан, войдя, замер.

15

Азимхан. Не думай долго. Пока умный думает, решительный сделает.

Керим *(не оборачиваясь)*. Откуда ты знаешь, что сделаю я?.. Смотри: вот проклятый яд ваш! *(Открыл рожок, опрокинул над очагом, швырнул его прочь.)*

Азимхан *(презрительно)*. Мечтатель!.. *(Гневно уходит.)*

Входит Айдар, счастливый, усталый; он весь еще там, со слушателями. Подходит к пиалам.

Айдар. Охрип даже...

Керим молча придвинул ему пиалу. Айдар жадно пьет. Входит Зура.

16

Зура. Айдар!..

Айдар. Зура!

Кинулись друг к другу.

Зура. Вдвоем... с тобой... Айдар, солнце души моей... Прошел ураган, как блещет светило мое!

Айдар. Язык бессилен... Слово неуклюже...

Зура. Молчи!.. И не надо слов...

Поцелуй.

Айдар. Душу сливаю с твоей. Одно дыханье у нас... Искра жизни моей, Зура моя!

Зура. Айдар, могучий оплот мой, сокровище бедной души! О друг-супруг, высокая, как небо, гордая песня, чудесная песня, залетевшая ко мне в весенней ночи! В объятьях своих ласкаю ее, льну к ней, целую ее, мою песню — тебя, супруг мой...

Айдар. Зура... И в той песне, и во всех других, что слушала ты в траурной юрте, жил не названный нами певец. Вечный должник его я... Тебя из мрака траура, меня из мрака неведения он вывел к свету... к жизни... к счастью...

Зура. Да, Айдар мой! В заветный час золотой зари сказочного утра своего дадим оба одну благородную клятву: назовем отцом наших душ — его, Абая... Отцом на всю жизнь!

Айдар. На всю жизнь, счастливую жизнь с тобой!

Зура. О боже, ты принял мои слезы! Горечь их вернул сладостью, муки мои — счастьем! Теперь нет преград нашему счастью. Пусть оно будет долгим... долгим...

Айдар. Долгим... *(Целует ее.)*

Занавес.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Слева — внутренний вид юрты, где на свадебной парадной кровати лежит Айдар. Возле него Абай, Абдрахман, Зура, Еркежан, Карлыгаш. Справа (вне юрты) на ковре у невысокого холмика — Магиш и Кокпай.

1

Айдар. Шодр... Где Шодр?..

Абай. Родной мой, Шодр еще не приехал.

Еркежан. Карлыгаш, выйди, не везут ли доктора...

Карлыгаш. Третий верховой поскакал в город... И Шодра нет, боже мой... *(Выходит.)*

Айдар. Абай-ага... Близко... Дай руку...

Зура. Нет, нет! Боже, где милость твоя! Мало тебе было моих слез?.. Всю жизнь небо надо мной было черным... черным, как вечный траур... Одна блеснула во мраке звезда и та...

Еркежан. Зура, успокойся, родная...

З у р а. В огонь ты кинулся за мной, вывел в сияющий день...

А й д а р. Сияющий день... Почему только один день?..

А б а й. О судьба, как завистлива ты, как жестока!..

За стеной юрты к Магиш подходит Н а р ы м б е т.

Н а р ы м б е т. Магиш! Собирайся. Довольно тебе позора в этом ауле. Ни жена, ни невеста...

К о к п а й. Нарымбет, имей совесть. Айдар болен...

Н а р ы м б е т. А мне что? Собирайся, кончатся выборы, увезу домой, слышишь? *(Уходит.)*

А б а й *(в юрте)*. Абдрахман... уйми, что за шум там?

А б д р а х м а н. Нарымбет... Ищет ссоры...

А б а й. Приехал за Магиш? *(Идет к двери.)*

А б д р а х м а н *(удерживая его у дверей)*. Отец... после...

А б а й. Жизнь ее на переломе. Уйдет с братом, уйдет навсегда. Ты понимаешь это? Иди. Или пойду я.

А б д р а х м а н. Постойте... Нет сил.

А б а й. Молчишь? *(Делает шаг к двери.)*

А б д р а х м а н *(кидаясь к нему)*. Отец... родной... Там ждет смерти Айдар. Ты теряешь одну опору, скоро потеряешь другую...

А б а й. Другую?

А б д р а х м а н. И я приговорен. И на мне тень смерти. Я болен, болен неизлечимо. Мне скоро нечем будет дышать. Все съела здесь проклятая болезнь. Как же могу я связать судьбу Магиш с моей короткой судьбой?..

А б а й *(прижав его к себе)*. Вся надежда моя, вся сила моя... Два крыла моих — оба надломлены... Слепец! Я мнил себя самым счастливым отцом в степи, гордился, что сын мой начнет свой путь не в невежестве, как я... что гаснущие мои силы, растраченные в тяжком пути, вспыхнут в нем... За счастливую зарю жизни принял я печальный свет заката... сын мой...

А б д р а х м а н *(в его объятьях)*. Гаснет пламя, не успев никого согреть, гибнет посев, не взойдя... Исчезнуть, унося накопленное годами богатство! Замолкнуть, когда столько замыслов теснится здесь! Я нес сюда эту голову, как сосуд, полный драгоценной в пустыне влаги, и ни одна капля не попадет в пересохшие рты...

А б а й. Сын мой... тяжко... тяжко обоим нам...

Пауза.

Но не вдвоем с тобой живем мы в мире. Иди к Магиш. Пусть уйдет, не проклиная. Открой ей правду и простись с ней.

Абдрахман медленно выходит из юрты. За сценой взрыв голосов.

Кокпай вскакивает, бежит туда. Вбегает Карлыгаш.

Карлыгаш. Абдрахман, Нарымбет прислал людей...

Абдрахман. Скажи им, Магиш сейчас поедет домой.

Магиш никнет, закрыв лицо.

Иди, я сказал!

Карлыгаш уходит.

2

Абдрахман. Магиш... Магиш дорогая... Не время сейчас, но слышишь?.. Ступай, Магиш. И забудь меня. Прощай навсегда... Прощай, юность моя, легкое дыхание первой любви... Иди. Не проклинай меня. Нет человека, который больше меня желал бы тебе счастья...

Магиш. Желаешь счастья — и гонишь...

Абдрахман. Я не дал бы тебе счастья! Смерть притаилась во мне... Дыхание мое — тлен, беги от меня! Видит бог, как люблю я тебя... Иди. Между нами — смерть.

Магиш *(поднимает лицо, озаренное безумной радостью)*. Смерть? Только смерть? Боже, благодарю тебя! Абиш... Абиш, зачем ты молчал? Ты любишь, боже...

Абдрахман *(в ужасе)*. Что я сказал? Уйди, я сожгу тебя одним дыханием своим!

Магиш. Жги скорей! Дай руки, дай дыхание! *(Прижалась к нему.)* Абиш мой... мой навсегда.

Абдрахман. Взгляни на Зуру...

Магиш. Твой голос рядом...

Абдрахман. Послушай вопль ее сердца... ужасно терять, едва найдя...

Магиш. Абиш, солнце мое... говори, говори... Дай пить голос твой, слушать биенье сердца твоего... Говори, милый, что же ты замолчал? *(Подымает на него глаза.)*

Абдрахман. Боже, простишь ли мою слабость... Магиш... жена моя... Светило кратких дней моих... *(Обнимает ее.)*

Вбегает Карлыгаш.

Карлыгаш. Шодр приехал!.. *(Увидев Магиш и Абдрахмана.)* Ой-бой!..

Абдрахман и Магиш пошли навстречу Долгополову, которого сопровождают стражники и Кокпай.

3

Долгополов *(ставя на землю сундучок)*. Сказал тебе, пока не прощусь, не поеду.

Стражник. Давай скорей, кони ждут.

Долгополов *(идя в юрту)*. Когда же он свалился?

Кокпай. Сразу, как ты уехал...

Абдрахман. На самой свадьбе...

Идут к юрте.

Абай *(встречая Долгополова в дверях)*. Федор Иванович... скорей... *(Ведет к Айдару.)*

Еркежан и Зура отходят от постели больного.

Зура. Боже, последняя мольба: оправдай надежду!

Еркежан. Родная... Шодр поможет...

Абай отходит от Айдара.

Зура *(Абаю)*. Спасет? Что сказал?

Абай. Смотрит... Верь ему, Зура...

Оба с тревогой смотрят на Долгополова. Тот отзывает Абая в сторону.

Долгополов. Поздно. Но сделаю, что смогу. *(Выходит из юрты, роется в сундучке.)*

Стражник. Готов, что ли?

Долгополов. Обожди. *(Перебирает лекарства. Вдруг его осенила внезапная догадка.)* А!.. Не может быть! *(Лихорадочно находит желтую склянку.)* Нет, целая... *(Берет нужное лекарство, идет в юрту.)*

Еркежан. Магиш, воды...

Вместе с Долгополовым готовят лекарство. Входит Азимхан.

4

Азимхан. Такежан здесь? Говорят, все у вас в юрте. Скажи, пусть идет. Сейчас выборы.

Кокпай. Не кричи ты... Айдар умирает.

Входит Керим.

Азимхан. Айдар? Я вчера его видел здоровым.

Кокпай. Заболел. *(Идет в юрту.)*

Азимхан. Заболел? *(Многозначительно смотрит на Керима.)*

Керим, указывая Азимхану на сундучок, делает жест: «Убери!» Азимхан повторяет жест Керима стражникам. Один из них подымает сундучок и уносит. Второй встречает выходящего из юрты Долгополова.

Долгополов. Не может быть... Но все признаки... Да, так... Да нет, не может быть!.. Но много ли надо?..

Стражник. Идем. Поехали.

Долгополов. Оставь... Постой, мне нужно взглянуть... *(Идет за сундучком.)*

Стражник. Сказано, едем! *(Берет за локоть.)*

Долгополов. Оставь, говорю... Оспанов, вмешайтесь же! Вы видите, что здесь... я нужен как врач!

Азимхан. Приказ губернатора... Что я могу сделать?

Стражник. Эй, помоги!

Вдвоем уводят Долгополова.

Долгополов *(вырываясь)*. Абай! Абай... Айдар не болен... Он отравлен!.. Отравлен!

Стражники выволакивают его.

5

Абай *(склоняясь над Айдаром)*. Отравлен? Шодр! Шодр!..

Айдар *(приходя в себя)*. Отравлен? Зура! Абая! Скорей зови Абая!

Абай. Я здесь, родной... Что хочешь сказать?..

Айдар *(не узнавая)*. Абай... Зура, Абая скорей!

Абай. Я здесь, я здесь! Говори, Айдар! Говори!

Айдар *(узнает)*. Абай... отец... *(Слабеет, последним взрывом воли приподнимается, видит Керима, вошедшего в юрту, к которому все остальные стоят спиной, поднял руку неясным жестом.)* Не верь! *(Падает на спину.)*

Зура. Кому? Скажи, я услышу! Имя! Имя! *(Припадает к губам Айдара.)* Молчит. Молчит, когда я рядом... Не верь? Кому? Молчит... *(Рыдает.)*

Подходит Керим.

Абай. Скошен цветущий куст. Кем?

Керим. Не терзайтесь, Абай-ага, пожалейте себя...

Абай. Айдар, надежда и опора моя...

Керим. Абай-ага, клянусь заменить тебе Айдара. Твой путь да будет моим... Да благословит меня на это всевышний бог, властитель зла и блага...

Абай *(опираясь на него)*. Отравлен... Кем?.. Кем?..

Входит Нарымбет, подходит к Азимхану, стоящему у дверей юрты.

Нарымбет. Азеке! Все готово. Где ты? Пора. Выборщики ждут! *(Отходит с Азимханом от юрты.)*

Керим *(Абаю)*. Смотри, как радуется...

Абай безразлично поворачивает голову к двери.

Через мертвых шагает к власти... Страшного управителя дает нам Эрден.

Еркежан *(над Айдаром)*. Айдар... сыном ты мне был... Улетел сокол мой... *(Начинает оплакивать.)* Сверкнул ты яркой звездой на миг и скатился огненной дугой, просияв своей песней. Но гаспет след павшей звезды, твоя же песня горит над степью, как вечный, негаснущий луч.

К юрте подбегает второй джигит.

Второй джигит. Абай! Где Абай! Выйди к народу, тебя ждут!

Подбегает первый джигит.

Первый джигит. Абай-ага! Там назвали Нарымбета! Как дать власть волку? Иди к людям, скажи свое слово!

Кокпай. Тише вы, не до вас... Айдар умер...

Абай *(в юрте)*. Пусть другие плачут над тобой, мой Айдар! Я твоей смертью клеймо выжгу на лбу убийцы. *(Идет к двери.)*

Снаружи у входа в юрту Абая встречает Такежан.

6

Такежан. Абай, выслушай меня.

Абай. Меня ждут.

Такежан. Не ходи к народу, Абай.

Абай. Я должен.

Такежан. У нас с тобой был один отец. Прошу тебя: не ходи к народу.

Абай. Ты что-то знаешь?

Такежан. Как друг, как брат говорю тебе: не ходи!

Абай. Друг сказал бы, что меня ждет. Брат кинулся бы на защиту. Пусти! *(Проходит.)*

Такежан убегает. Керим в тревоге выходит из юрты. За холмиком появляется народ. Крики: «Абай!», «Слушайте Абая!». Абай поднимается на холмик.

Керим *(у юрты)*. Абай! Куда ты?.. Зачем?.. Безумец! Он сам вызовет молнию на себя... Где Эрден, где Нарымбет? Слепые убийцы, где они? Хватит ли моих сил? *(Убегает.)*

7

Абай *(с холмика)*. О народ мой! Голос мой я сливал с твоим, слезы — со слезами твоими. Сегодня с простреленным крылом, истекая кровью, с мукой смертной в груди иду к тебе, народ! Раздели сегодня ты мое горе, смешай свой гневный голос с моим!

Голоса. Что с тобой, Абай-жан?

— Какое горе? Скажи!

Абай. Погиб мой Айдар.

Голоса. Несчастье! Айдар!

— Айдар погиб!

Абай. Плачь со мной, народ! На проклятом холме Кенгирбая Айдар подобрал кремень, завещанный народом, и тем кремнем высек из души своей негасимую искру. Местью за горе народа вспыхнул огонь его песни. Мрачные силы черных ночей загасили пламя светлой души. Разбита правдивая домбра. Оборван громкий клич. Замерла песня.

Голоса. Кто сгубил его?

— Имя!

— Кто убийца?!

Нарымбет выглядывает из-за юрты, машет. Мес приводит людей с кистенями.

Абай. Много у них имен. Одно имя — темное невежество. Другое — дикий обветшалый обычай. Третье — проклятая родовая вражда. И много у них средств к убийству. Одно — власть слепых невежд. Другое — набег с кистенями в руках. Третье — яд, тайно данный. Да, яд.

Отравлен наш Айдар. Отравлен теми, кто хочет сегодня править тобой, народ. Они — убийцы, и одного из убийц, Нарымбета, ставят твоим управителем, в его окровавленные руки передают твой повод...

Голоса. Проклятье им!

— Пусть сгинут все!

— Не выбирать Нарымбета!

— Нет выборов!

— Пусть сгинут все!

Абай в изнеможении сходит с холмика. Тотчас за ним вырастают люди.

Кокпай *(сбегая с холмика вслед за Абаем, всмотрелся)*. Эй, кто это?.. Народ! Сюда!

Взрыв криков: «Бей, бей!» Кокпай кинулся к Абаю, его валят кистенем. Абай тоже упал. К нему подбежал Нарымбет, замахнулся. Вбежал Керим, кинулся к нему.

Керим. Не смей, не дам!

Нарымбет. Прочь с моего пути!

Керим. Слепой безумец!.. Азимхан!.. Люди! Сюда!

Мес, вынырнув из свалки, наотмашь бьет Керима кистенем, тот падает. Подбежал народ — свалка, на авансцену выбежали Эрден и Нарымбет.

Эрден. Все! Будь что будет, недуг мой исцелен! Аруах!

Мес. Эрден-ага, берегись! Идут!

Нарымбет. Где кони?.. Веди...

Эрден и Нарымбет убегают. Народ заполняет всю сцену.

Голоса. Абая убили!

— Проклятье!

— Где Нарымбет?

— Ловите!

Кокпай. Уа, народ! Что нам жизнь, если Абай мертв?! Бей, круши всю свору! Чиновники, управители, Эрден — все волки!.. Все!.. Бей всех!..

Голоса. Круши!

— Бей!

— Вон скачет Эрден!

— За ним!

— Коней!

Часть людей кидается в погоню. Абая выносят вперед, он приходит в себя. Шатаясь, выходит Керим. Абдрахман сталкивается с Азимханом, крадущимся у юрты.

Абдрахман. Люди! Еще змея!.. Сюда!.. *(Схватился с Азимханом.)*

Азимхан *(выхватив револьвер)*. Стрелять буду! Прочь!

Абдрахман ударяет его по руке плетью. Револьвер падает, Азимхан бежит мимо Абая, Абдрахман за ним.

Абдрахман. Держите! Уйдет! Держите! *(Страшный приступ кашля останавливает его, он падает к ногам Абая.)*

Абай *(приподнявшись, смотрит в ужасе)*. Сюда, сюда... сюда!.. Помогите... Сын мой... *(Обнимает его.)*

К ним бросаются люди. Абдрахмана ведут к юрте. Кокпай помогает Абаю подняться и сделать несколько шагов.

Абай *(шатаясь, останавливается)*. О судьба... Осталось ли горе, не выпитое мною? Есть ли в душе неизраненный клочок? *(Смотрит на свои руки.)* Кровь... кровь... Чья?.. Сына?.. Последняя кровь сердца моего... Капля за каплей она уходит от меня...

Керим *(в стороне, смотрит на Абая)*. Скоро ты останешься один... совсем один... Кто же будет у тебя ближе, чем я? Не мне ли принадлежит вся остальная твоя жизнь? Вернется твоя Кааба на место свое. Твой голос, Абай, сольется с моим, обе наши звезды сплавятся в одну... Ты сам отдашь свой повод в мои руки, Абай... *(Стонет, опускаясь на землю.)*

Занавес.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната в доме Абая. В окнах — закат. Абай, закрыв глаза, лежит на высоких подушках. Возле него Еркежан и Карлыгаш. В стороне Долгополов готовит лекарство. Зура и Магиш рядом с ним.

1

Зура. Он не болен, Шодр. Он сам гасит жизнь... Отстраняет пищу, не хочет врачей...

Магиш. Сегодня сороковой день... *(Плачет.)* Он сам сказал: в этот день я уйду за сыном... *(Идет с Долгополовым к Абаю.)*

Входит Керим, подходит к Зуре.

2

Керим. Зура... где у тебя поэма Айдара? И все его стихи?

Зура. Здесь. *(Показывает на шкатулку.)*

Керим *(оглядываясь на Долгополова)*. Дай их мне... Что за люди! Огня давней ярости не залить в них и слезами прощенья... Идут Сырттан с Такежаном... Несут последнюю мольбу живых к Абаю... Хотят вырвать у него проклятье песне Айдара... заставить его самого уничтожить ее...

Зура. Стереть последний след Айдара в жизни? Убить песню? О Айдар... Когда ты был жив, их злоба душила тебя арканом, когда не стало тебя, невежество их душит твою песню!.. Я не отдам твою песню... твое единственное дитя! Что делать, Керим? Помоги, спаси!..

Керим. Отдай мне! Я сберегу ее со всеми стихами Абая. Кто, кроме меня, сохранит имена Абая и Айдара, кто всему свету покажет их бесценные труды, кроме меня?

Зура *(открывает шкатулку, отдает рукописи)*. Возьми... спрячь...

Керим уходит с тетрадью.

(Над раскрытой шкатулкой.) Как страшно... Будто второй раз опустела юрта... Будто снова ушел от меня Айдар. Осиротели мы с вами, родные мои... *(Перебирает вещи Айдара.)* Осталось перо *(прижимает к глазам гусиное перо)*... но улетела птица... Осталось кольцо, но ушло дело руки, на которой оно сверкало... Осталась память о счастливом дне свадьбы *(вынимает красный рожок Ханикей)*... но опустело сердце, как опустела эта шкатулка... Вынули душу твою... *(Плачет, склонившись над шкатулкой)*.

3

Долгополов. Прими это, Абай...

Абай молча отстраняет стакан.

Опять отказ?.. Зачем же ты вызвал меня, Абай, родной...

Абай. Проститься.

Долгополов. Абай!

Абай. Друг мой, Федор Иванович... В кочевьях мысли моей по векам... в скитаньях мечты по необъятному миру

ты был верным вожатым моим. Проводи же в последний путь... Прощай, Федор Иванович... хороший русский человек...

Долгополов, сдерживая слезы, берет его руку.

А Керим?.. Где Керим?.. Позвали?

Еркежан. Он здесь, Абай... сейчас придет...

Абай показывает на окно. Еркежан откидывает занавески.

Абай. Степь... безбрежная степь, родной простор... Росло на равнине твоей одинокое дерево. Зеленели ветви, шумела листва... Ни вьюги, ни ливни, ни бури не свалили его. Но из черной тучи, где сгустился весь мрак жизни, ударила слепая молния. Расколола ствол, рухнули ветви, засохла листва. Голым черным столбом стоит в степи одинокий ствол, вопрошает небо: что же осталось у меня? В дни силы моей я верил весне надежды... Навстречу солнцу раскрывал цветы мои... Легкокрылым ветеркам доверял семена: неси их, ветер, над степью, сей новую жизнь!.. Ответь же, небо, сожженному стволу — где семена те?!

Входит Керим. Еркежан делает ему знак, он остается у дверей, слушая со всеми прерывающуюся речь Абая.

В солончак ли, враждебный всякой жизни, упали они и погибли в неизбывной грязи бытия? На скалы ли обронил их ветер, и лежат они, раздавленные жестокими, равнодушными камнями? Или унесли их волны торопливой реки, быстротекущие волны суетливых дней?! Из тысячи хоть одно встретило ли ласковые объятия влажной земли? Вырастет ли на тех берегах обширный сад, придет ли в благодатную его тень юное племя? Станет ли жить не в проклятой, иссохшей пустыне, а в том саду юное племя? Будет ли смеяться среди цветов, а не рыдать в колючках пустыни юное племя?.. *(Ослабев, замолкает.)*

Еркежан и Магпш вытирают пот с его лба. Входят Сырттан и Такежан. Еркежан встревоженно идет навстречу.

4

Еркежан. Аксакал... он слаб... Он никого не хочет видеть, кроме Керима...

Сырттан. Слово должны молвить Абаю родичи.

Еркежан. Но, аксакал...

Сырттан. Голосом рода говорят мои уста. Пусть отойдут домашние... и чужие.

Еркежан невольно уступает его взгляду. Все отходят к двери в комнату Зуры. Сырттан и Такежан подходят к Абаю.

Такежан. Абай, родной... Мы — сыновья одного отца... Дрогнуло сердце мое, в распре спускаемся мы по склону жизни... С одной лишь мольбой пришел я к тебе: хоть одну ошибку жизни своей исправь для блага рода нашего. Отвернись от песни Айдара, посеявшей вражду. Молви завет свой, вели сам уничтожить беспутную песню. Братья, родные молят...

Абай *(мечется по подушке)*. О!.. О чем просят... голосом рода... Керим... где Керим?..

Сырттан. На краю могилы своей взываю к тебе, Абай! Бела моя борода, дряхло тело, близок конец мой. Как уйду в иной мир, зная, что встречу там святого предка нашего с позорным клеймом на лбу? Спасенье душам умерших, силу живым дает Кенгирбай. Имя его не меркнет в народе, как не может померкнуть солнце. Но черную тучу клеветы поставил Айдар своей песней между ним и людьми. Рассей эту тучу, Абай, молви завет свой: пусть исчезнет песня, пусть перестанет жить! Не уймется бурлящее слово ее, пока не уймешь сам.

Абай. Керим? Где Керим?

Сырттан. Он здесь.

Такежан. Ему хочешь сказать свой завет?

Абай. Керима сюда... и всех... Шодра... Зуру...

Такежан подзывает Керима. Сырттан делает знак остальным.

Керим, ты слышал их слова?

Керим. Слышал, Абай-ага.

Абай. Что скажешь ты?

Керим. Абай-ага, они не знают, как дорога вам эта поэма. Родичи требуют сжечь... уничтожить часть вашей души...

Такежан. И ты, Керим?

Керим. Что требуете вы от Абая-ага? Я знаю, чего ждет он. Я сделаю так, что имя Айдара не забудется. Имя его будут чтить почтенные люди народа, песня его станет известной свету. Она будет напечатана, как и все стихи Абая.

Абай *(достает с трудом из-под подушки газету)*. Керим... Керим... почему ты утаил от меня эту газету? Не

привез бы Шодр, я не знал бы... Как ты показал людям мои стихи? Пятикратная молитва, пост... паломничество в Мекку за чалмой... Разве такой была заветная мечта моя о судьбах народа? Как посмела твоя рука?.. В открытую могилу ты кидаешь колючку, чтоб земля терзала самый прах мой... *(Слабеет, закрывает глаза.)*

Керим. Абай-ага... что я мог сделать!.. Иначе не хотели печатать их... Или позволить, чтоб имя ваше забылось в степи?

Долгополов. Забылось! Всю степь я проехал и везде слышал его имя! Девушки плачут над Татьяной, старики и юноши твердят его стихи, акыны поют их... Как будто только что передо мной проехал Абай, — всюду находил я его свежий след.

Керим. Умрет акын, умрет и заученная им песня. А напечатанное слово — вечность.

Долгополов. Голос народа не умирает. И он сохранит Абая вернее, чем твоя газета. *(Сдерживаясь.)* Что ты сделал с его стихами? Муллы и те не осмеливаются на это, знают, что ни одной овцы не выручат за тетрадь, где изменено хоть слово Абая...

Керим *(с презрением)*. Ты видел степь? Выросли новые люди, знающие свою цель, и надо считаться с ними. Сам Абай сказал: мир — океан, времена, как ветры, гонят волны поколений, сменяющих друг друга... Как не видал ты, что катится новая волна? Она смоет все, что стоит на ее пути...

Абай. Волна... волна... Я вижу — идет во времени могучая волна... Она докатится до меня и понесет меня в своих объятиях... *(Открывает глаза.)* О какой волне ты говорил там, Керим? У всякой волны на гребне бежит впереди пена, гордясь тем, что она ведет волну. Волна молчалива, а пена шипит... волна катится дальше, а пена лопается... Что знает она о том, куда катилась волна?..

Керим. Абай-ага...

Абай *(останавливает его жестом, достает с груди листок)*. Вот ответ... *(Всматривается.)* Плывет в глазах. Зура, прочти им...

Зура *(читает)*.

«Во прахе ложе я пайду, когда умру,
Стыдливой девой станет мой язык, когда умру.
И сердце, полное и гнева и любви,
Все станут осуждать, лишь только я умру.

Я — мертвый — не смогу ответить вам.
Свобода полная придет клеветникам.
Но справедливо ли два раза на костре
Гореть измученным, израненным сердцам?

Отравлена душа. Я вижу смерти взгляд.
Бесплодно жил. Умру. И нет путей назад.
Так, чтобы тайн моих не знать клеветникам,
Стихи мои навек пусть в сердце замолчат».

Пауза.

Абай *(с трудом)*. Верни все мои стихи!

Керим *(в отчаянии)*. Абай-ага... нет... молю вас...

Абай. Верни!

Керим. Клянусь, я буду беречь. Клянусь...

Абай. Верни!

Зура. Абай-ага... он взял и стихи Айдара.

Абай. Верни все! И мои и Айдара... *(Приподымаясь через силу.)* Слушайте все... запомните... Последним вздохом моим велю: пусть Керим... никогда... не прикасается к стихам моим... и Айдара...

Керим. Аксакал... вся жизнь моя в них... я не могу...

Сырттан. Сказан последний завет. Никто не нарушал последней воли.

Еркежан *(с силой)*. Отдай!

Керим вынимает тетради, кладет на стол.

Абай. Зура... возьми ты... Верное сердце, сбереги там... с Айдаром... *(Замолкает, ослабев.)*

Керим, подавленный, смотрит на него. Зура и Долгополов несут тетради к шкатулке. Карлыгаш открывает крышку.

5

Зура. Сберегу. Сберегу со всеми сокровищами души моей. Здесь все мои святыни... *(Вынимает из шкатулки вещи, освобождая место для тетрадей.)* Письма Айдара... кольцо его... перо...

Карлыгаш *(помогая ей, вынимает рожок)*. А зачем тут чужой рожок?

Зура. Память о свадьбе... Нашла в юрте в тот страшный день...

Карлыгаш. Это Керим потерял. Я видела у него... Он еще сказал: тут лекарство...

Долгополов. Лекарство?.. В тот день... *(Выхватывает рожок, опрокидывает над ладонью, трясет, ищет, чем бы достать дно.)* Зура... что-нибудь... скорее... *(С ужасом оглянувшись на Керима, уводит обеих.)*

6

Керим. Абай-ага... такой приговор... Хоть руку...

Абай. Пропасть между нами, Керим. Сколько ни тяни руки, не дотянешься. *(С презрением.)* Отойди! Скользко стоять на обрыве...

Керим. Абай-ага, последнее слово... душой молю...

Абай делает отстраняющий жест. Керим, рыдая, отходит. Пауза.

Сырттан. Абай!.. Своим наследством ты волен распоряжаться. Но ответь нам о песне Айдара. Думал я, в этот час ты постигнешь сам тайну его смерти. Но не обернулся ты, не вгляделся... Скажу я. Не проклятье ли предков сразило его? Не святая ли воля оскорбленного Кенгирбая так страшно кончила его жизнь? Подумай, что...

Вбегает Зура, за ней Долгополов, Карлыгаш, Кокпай.

7

Зура. Керим, посмей отречься!

Керим *(увидев рожок, быстро овладевает собой.)* Не понимаю.

Зура. Аксакал, вот убийца! Холодный камень заговорил, открыл правду!

Керим. Аксакал, у нее помутился разум!

Зура. Карлыгаш видела это в его руках в тот страшный день!.. Шодр нашел здесь остатки яда...

Абай *(приподнимаясь)*. Яда!..

Карлыгаш. Ты сам сказал: здесь лекарство!

Керим. Довольно! Бред сумасшедших баб!

Абай. Молчи... братоубийца... Душа твоя чернее ада... И ты дерзаешь вести народа караван кочевой? Когда ты предашь его, как предал Айдара? Уйди!.. О Айдар... *(Падает на подушки.)*

Магиш и Долгополов кидаются к Абаю.

Сырттан *(грозно замахиваясь плетью на Керима)*. Дьявол! Сгинь с глаз моих!

Еркежан *(как бы защищая собою Абая)*. Уйди от нас! Сгори! Ты проклят, проклят, Каин! Вода высохнет, едва ты коснешься ее... Воздух превратится в огонь, едва вздохнешь ты! Внуки твои не найдут себе места там, где есть люди!..

Керим, отступая с каждым проклятием, исчезает в дверях.

Карлыгаш. Люди! Народ!.. Убийца! *(Выбегает вслед за Керимом.)*

Еркежан бросается к Абаю.

Абай. Айдар... сын души моей... недосказанная тайна моя... Каким огнем обожгла она меня...

Еркежан. Абай... светило мое...

Абай. Теперь знаю все... Конец, ты близок... *(Приподнимается.)*

Багровый луч солнца освещает его лицо.

Солнце... небывало яркое солнце... благословенный свет!.. Кажется мне, таким я видел тебя, когда впервые раскрыл глаза на мир... Вижу тебя и опускаюсь в могилу... Какой свет... как имя ему?.. Жизнь? *(Замолкает, поникнув.)*

Луч заката на лице его гаснет. Кокпай, шатаясь, идет к окну.

Кокпай *(в окно)*. Народ! Померкло светило твое... покинул мир благословенный Абай...

В дверях показывается народ.

И близкие и дальние... И юные и старцы... и те, кто живет сейчас, и те, кто будет жить в народе твоем, назовут благородное имя твое, Абай... О, Абай!

Занавес.

1939

КОБЛАНДЫ

Драма-сказание в четырех актах, восьми картинах с интермедией

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кобланды, батыр из рода каракипчаков, 20 лет.
Кортка́, его невеста из рода каракипчаков; выросла в плену у колдуньи Коклан.
Карлыгаш, его сестра.
Аналык, его мать.
Тохтарбай, его отец.
Караман, его курдас (сверстник) из рода кият.
Шуак, молодой батыр из рода каракипчаков.
Кобыкты, хан-батыр, вождь враждебного каракипчакам племени кзылбасов.
Казан, Алшагир } вассальные ханы-батыры из лагеря Кобыкты.
Коклан, колдунья, сторонница Кобыкты.
Карлыга, дочь Кобыкты, девушка-батыр.
Бирсимбай, сын Кобыкты.
Куникей, его невеста, сестра Алшагира.
Аккозы, Кос-Даулет, Кара-Корен } военачальники, батыры племен, родственных кипчакам.
Стража, девушки, молодые женщины, рабы.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дикие скалы, куда не забредают архары, где батыру не найти воды, а коню — травы. Мрачные утесы напоминают своими очертаниями исполинов. Коклан сидит на черном камне, колдует. Лицо злобное, жесты дикие.

Коклан

Зу-зу, зу-зу! Арзу, арзу!
В крови капкан, в крови капкан!
Чья это кровь течет из ран?

© Издательство «Художественная литература», 1975 г.

Я смерть, я вечно начеку!
Я всех заколдовать могу.
И чары мои гор сильней
И оборотней пострашней.
(Обычным тоном.)
И не найдется смельчака,
Что смог бы навестить Коклан.
Моя земля защищена,
Как крепость, заворожена
И от врагов защищена
Моя земля... Кто там идет
В пределы мстительной Коклан?
(Вскакивает, пристально смотрит.)

Входят Кобланды, Караман.

Кобланды

Я, сын кипчаков, Кобланды!
Меня ведет святая месть.

Коклан

Ты вражий сын Коблан? Как ты
Не побоялся этих мест?!
Зу-зу, зу-зу! Арзу-арзу!

Камни вокруг шипят.

Караман
(трусит, обращается к Кобланды)

Неугомон, неукротим
И злобной местию гопим,
Во власти мук, во власти чар,
Теперь ты ведьму повстречал!

Коклан

Хочу — и кровь твою пролью,
В руке держу я жизнь твою.
Хочу — в песчинку обращу,
На дно болота опущу,
В червя гнилого превращу.

Караман

Погибель мне — попал в капкан!
Она ведь кровь сосет из ран,
Чертовка старая Коклан!

Кобланды
(Караману)

Ох, не мути позором кровь,
Уйми свой голос, рот закрой!
(Коклан)
Умру, но отомщу сперва!
Отмстив, не страшно умирать.
Я не пугаюсь колдовства,
Пришел я ведьму покарать.
Гранитной заслонись горой —
В каменья гору раздроблю!
В свою пещеру ход закрой —
Я в новом месте прорублю!
Согнет тщедушных колдовство,
Зато отважных не согнет.
А ну-ка, ведьма, опрокинь
Мне на голову небосвод!

Коклан
(спрыгивает с камня, как черная ночная птица).

Зу-зу, зу-зу! Арзу-арзу!

Вокруг шипят камни.

Кобланды

Узри мой гнев и мощь узри!

Ударяет булатным мечом по камню и рассекает его надвое. Шипение смолкает.

Боятся ли богатыри
Тварь волосатую, дочь тьмы?
Ты порожденье зла, а я —
Сын света, мщенья и огня,
Алмаза пламень, Кобланды —
Такого побеждала ты?!

Коклан

Ты сын кипчака, сын раба,
Кому же угрожаешь ты?
Смотри же: за спиной Коклан
Кзылбасов земли! Здесь наш клан,
Опора рода Кобыкты.

Кобланды

Ты хану своему скажи:
Кипчаков месть его найдет.
Как меч, подняв ее, как стяг,
На хана Кобланды идет!

Коклан

Чья это месть? Кто мстить идет?

Кобланды

Я — Кобланды, насилья враг,
Иду отмстить, за мной идет
Все муки вынесший народ.
За все обиды Кобыкты
Девятикратно Кобланды
Воздаст, а нынче я весь гнев
Обрушу на тебя, Коклан,
Нависла над тобою смерть,
Как ястреб, как булатный меч!

Поднимает меч, Коклан защищается.

Коклан

Юнец безмозглый, отведи
Свой меч. Хоть сталь его остра,
А все ж бессилен этот меч
Пред черной мощью колдовства!

Кобланды бросается на нее.

Кобланды

Молчи, пока не заколол!
Молчи, колдунья, ведьма, тварь!

Коклан

Ты мстить собрался за кого?

Кобланды

За сыновей и дочерей
Кипчаков. Взяли их твои
Кзылбасы в рабство. Я был мал
В ту пору. Сорок дочерей

Кипчаков держишь ты в плену.
Верни их мне, не то верну
Мечом своим сестер своих
И выведу на волю их!

Коклан
(насмехаясь)

Каких тебе рабынь верну?

Кобланды

Ты скажешь, у тебя в плену
Кипчацких нету дочерей?

Коклан

Кипчачки есть, но нет рабынь...

Кобланды

Ты приведи их всех сюда,
Пусть вместо горя и стыда
Свободу девушки узрят.

Коклан

Сначала сам на них взгляни:
Где стыд? И в горе ли они,
Ведь в неге, в золоте они!

Кобланды

Сюда их поскорей веди!
Печалей и тревог следы
На лицах их узрит мой взор.

Коклан

Ну, что же, на рабынь взгляни:
Грустят они? В цепях они?
(Ударяет в ладоши.)

Скалы рассекаются. Пламя освещает темный грот. У входа в подземелье каменные столбы, украшенные изображениями древних божеств. Это грот древних тайн. В глубине, в суровом великолепии грота молча стоит луноликая красавица — дочь печали и плена Кортка. За ней свита девушек.

Кобланды
(ослепленный видом девушки)

Ответь мне, небо, кто она?
Благой она молитвы свет?
Она сияет, как луна.
Какою тайной рождена
Она на этот белый свет?

Коклан

Она кипчаков дочь! А ты
На лике девушки найди
Печалей, пыток, мук следы...

Кобланды
(смущенный)

Нет... коль измучена она,
Какой же в счастье быть должна?
Не понимаю ничего...
Быть может, это колдовство?
(Кортке.)
Скажи, здесь силы колдовства?
Скажи, ты не кипчаков дочь?

Кортка

Нет никакого колдовства,
Я истинно кипчаков дочь.

Коклан

Ты погляди, коль не слепой.
Дочь хана разве ей равна?
Она таким окружена
Почетом, что тебя слугой,
А не батыром назовет...

Кобланды

Выходит, буйная тропа
Меня от цели увела.
Искал я тех, чья доля зла,
Но ваша не горька судьба!
Я, жаждой мщенья увлечен,
Напрасно взмахивал мечом.

Что ж, луноликая, прости,
Что сбился с нужного пути....
(Хочет уйти.)

Коклан

Иди позорною тропой,
Кипчак презренный, низкий раб!
Да будешь ты повержен в прах!
Иди, кипчак! Шайтан с тобой!

Кобланды

Я кару в сердце унесу
За то, что юную мою
И луноликую красу
Сам в руки ведьме отдаю.
(Уходит.)

Кортка

Красу, сказал, сам отдаю?..
Красу родную, ты сказал,
О, погоди, кипчаков сын,
Наверно, ты меня искал!

Кобланды останавливается.

Батыр, не заблудился ты!
О, лучший рода моего,
Ты выручишь нас из беды!

Коклан

Уйми язык! Молчи, Кортка!
С кипчаком горем не делись!
Кипчака, подлого врага,
С утесов этих сброшу вниз.
Грот неприступен, как утес!
Ни слова более, Кортка!

Кобланды

Я не боюсь твоих угроз!
Поведай горе мне, Кортка!

Коклан

Молчи, Кортка! Молчи, Кортка!
(Кидается к девушке.)

Кобланды
(мечом преграждает ведьме путь)

Прочь! Прочь! Не то все сокрушу!
Узнаешь, как мой меч остер!
Ведь ради горестных сестер
Я сам себя не пощажу.
Пусть все кзылбасы за тобой
Встают — всех вызову на бой!

Коклан

Кипчацкое отродье, сгинь!
Клянусь огнем, погибнешь ты!
За речь свою, кипчаков сын,
Ты примешь смерть от Кобыкты!
Расплата будет недолга.
А ты уйди к себе, Кортка!

Кобланды

Не подходи, мечом клянусь!
А клятва, точно меч, остра.
Сейчас грозою обернусь.
Тебя я, ведьма, не страшусь.
Попробуй чарами завлечь —
Вмиг голову отрубит меч...
Начни же о печалях речь,
О, благородная сестра.

Кортка

Хотя без солнца я росла
И грустью скована была,
Ни этот плен, ни этот гнет,
Ни этот мир вражды и зла
Не обратили сердце в лед,
Я душу юную спасла.
Пещера волю отняла,
Но разума не отняла,
Подругу юности — мечту —
В плену я крепко берегла.
И над моею головой
Хоть были небеса черны,
Освобожденья я ждала,
Как света ясного луны.

Кобланды

Не зная участи твоей,
Я долго скалы рассекал,
К тебе, беспечный, опоздал.
Родные, перед вами я
Виновен, долго вы меня
Здесь ждали в логове беды...

Кортка

Нет, не печалься, Кобланды!
Не осуждаю я тебя,
Обиды в сердце не таю,
За то, что встретила тебя,
Судьбу свою благодарю.

Кобланды

Спасибо, ясноликий друг!
Я понимаю, неспроста
Мечту, тоску и горечь мук
Вдруг изрекли твои уста.
Огонь души в них задрожал,
Я в них почуял сердца жар.
Склоняюсь я к стопам твоим,
Я милости твоей прошу,
И за одно твое «спаси»,
Счастливый, голову сложу.
Я рад пожертвовать собой,
И если не спасу тебя,
То пусть могилы холодней
Отныне ждет меня судьба.

Кортка

Нет горя у меня! Пусть смерть
Сейчас меня к себе возьмет,
Нет горя у меня! Ты жив,
Народ мой, щит мой и оплот,
Я думала, что ты погиб,
Я безутешною была,
Но ты, честь смелых воскресив,
Послал героя против зла!
Танри великий, дай достичь
Мне цели — ведь она светла!

Коклан
(разъяренная)

Ты молнией свой гнев мечи,
Разящей молнией в ночи,
О, где ты, мститель Кобыкты!
О, черногривый ягуар,
Ты кровожаден и лукав,
О, как же беспощаден ты,
Казан отважный, где же ты?
Ты ненасытен и свиреп,
О страшный пестрогрудый тигр,
Ты во вражде неутомим,
Чего ж ты, Алшагир, притих?
Пошлите на врага грозу!
Зу-зу, зу-зу, арзу-арзу!
(Убегает в ярости.)

Кортка

Стыдливой тайне не пора
Завесу приподнять слегка?
Словам сокрытым не пора
Теперь сорваться с языка?

Кобланды

Впервые юная душа
Узрела светоч красоты.
Откроюсь — в памяти моей
Отныне будешь только ты.

Кортка

Тебя, как месяца, ждала
В тоске холодных вечеров...
Сказать тебе, что вижу я...

Кобланды

Кортка, заря, мечта моя
Недосягаема, ну что ж,
Ведь все равно я пленник твой,
Хотя чужим ты назовешь...

Они приближаются друг к другу, счастливые, но неожиданно между ними становится Карамаш.

Караман

Прочь, прочь отсюда, Кобланды!
Куда так разбежался ты?
От этой стервы жди беды!

Кортка *(в ужасе)*. Стервы?

Кобланды. Караман?!

Караман. Хватит! Не желаю тебя слушать! Среди этих проклятых скал, полных ведьм и бесов, нет места дружбе, есть место злобе... Кто она — луполикая подруга или притворщица-оборотень? Какую тайну ты узнал у этой бабы?

Кортка. Бабы? Это ты обо мне?

Караман. Да, о тебе! О тебе!

Кортка

О, ужас! Что же слышу я?!
И это ли мечта моя...
О, кто разжег костер со зла,
Где я должна сгореть дотла?
(Плачет.)

Кобланды. О милая красавица! *(Караману.)* Оставь, курдас, не терзай ее, меня не терзай. Молю тебя.

Караман. Отойди. Не испытав ее, позволить тебе пасть перед ведьмой? Не успел узнать, кто она, уже пал пред ней ниц, уже растаял? А что, если лютое зло хочет тебя одолеть? А что, если красивая змея вздумала тебя отравить своим ядом? И подобно жалу дракона, что пронизывает нас незаметно, она языком любовных излияний вздумала тебя покорить?

Кобланды. Умру, не покаявшись... Оставь нас, батыр, оставь нас, курдас...

Кортка. Чего же мне еще ждать? Прощай, неисполненная мечта! Прощай, моя робкая надежда!

Кобланды. Не терзайся, родная. Это мой друг, но язык у него — жало беспощадное. Не слушай его. Он притворяется. Караман, не мучь нас больше. Не испытывай мое терпенье...

Караман *(Кортке)*. Правду открой, но только всю правду. Проверю тебя.

Девушка смотрит с надеждой.

Не кривляйся! Чары на меня не действуют. Не такой уж я податливый. Ну, так как: были у тебя в памяти

кипчаки и раньше или вспомнились лишь теперь? Если всегда печалилась о народе своем, отчего же вырядилась, как попугаи? Почему ты в почете, как ханская дочь? Какими обещаниями, какой услугой ты этого достигла? Может быть, ты ждешь другого батыра? Открой мне все.

Кортка *(низко склоняясь)*. Я печальный цветок, что случайно взрос в логове ядовитых змей. Здесь называли чужим, здесь называли врагом того, кого всей душой я хотела увидеть... Уж который год здесь называют с ожесточеньем и страхом только одно имя, имя врага. Юным, набирающим сил демоном величают его. Этого демона я ждала и шептала имя его — Кобланды. Я жаждала встретить его. Казан с Алшагиром соблазнились мной и грызлись из-за меня. Коклан обещала выдать меня одному из них. Но сердце мое презирает их, как двух шакалов, что с двух сторон вгрызться в меня хотят. Но что говорить. Цель далека, и путей к ней отныне нет... Вы пресекли дорогу мою. На ней я счастья ждала.

Кобланды. Хватит! Довольно... Не мучь меня, Караман! Молю, не терзай меня, дорогой друг!

Караман. Уймись! Говорю, что должен проверить. *(Кортке.)* Ты ждала? А как нам поверить, что ждала? Какие у тебя есть доказательства?

Кортка. Что мне ответить? Когда далекая мечта казалась недостижимой, когда меня терзали сомнения, я, чтобы хоть слабо себя утешить, чтобы далекий друг поверил в мое ожидание, выращивала для него, оберегая от ветров лихих, коня тулпара. Все убранство коня, все доспехи для его хозяина я сама приготовила. Если вы хоть на миг поверите мне, призову в свидетели скакуна...

Караман. Покажи своего тулпара!

Кортка, обернувшись, ударяет в ладоши. Освещается еще один угол грота, и там видны голова и грудь сказочного белого коня. На нем убранство и доспехи батыра. Кобланды и Караман смотрят, как завороженные.

Кортка

(сняла с тулпара саблю, поднесла Кобланды, затем поднесла латы, начинает снаряжать батыра)

Ночей бессонных не спала,
Работала, тебя ждала.
И пусть Танри, великий бог,
На бой тебя благословит
И белая кольчуга пусть

Тебя навек мне сохранит.
И где бы ни сражался ты,
Будь невредимым, Кобланды!

Кобланды

О, луноликая моя,
Красавица, теперь с тобой
Все мужество мое, судьба,
И вся моя с тобой любовь.
(Целует девушку.)

Караман. Ну, что ж, теперь целуйтесь, сколько вам угодно.

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Орда всесильного хана Кобыкты. Бьют барабаны. Суетятся черные рабы. Орда ожидает важного гостя. В сопровождении боевой свиты и рабов появляется Казан. Батыр-великан горд и самодоволен. Играет, словно мячиками, двумя огромными булавами. Его встречает с почетом бек — глава военного лагеря.

Бек

Любимцу хана и орды,
Казану славному почет!
Да будет счастлив добрый гость!

Казан

По кличу хана моего
Явился богатырь Казан!
Кекке! В орде ли властелин?

Бек

Охотиться изволит хан,
Но скоро воротится к нам.
(Уходит.)

Казан

Кеке! Кеке! Кекке-ке-ке!

Продолжает играть булавами. Потом бросает их. Рабы подхватывают булавы. Каждую булаву держат несколько человек. Относят в сторону.

(Своей свите.)
Следите зорко, чтоб врасплох
Хан не застиг, не то беды
Не избежать, он словно бог,
Всесильный этот Кобыкты.
Всесильный, словно синий мор,
Коль ниц пред ханом не падешь,
Коль не потупишь гордый взор,
Ни за что — про что пропадешь.

Свита покорно склоняется.

(В раздумье.)
Кеке! Кеке! Кекке-ке-ке!

Воин
(входит)

Прошу прощенья, хан-батыр!
Султан султанов Кобыкты
Прибыть изволил. Синий слон
Принес нам хана Кобыкты.

Казан
(вскакивает с места)

Султан султанов Кобыкты!
Хан славных ханов Кобыкты!
А кто же в свите Кобыкты?

Воин

С ним Бирсимбай и Карлыга,
Сопровождают дочь и сын.

Казан

Дочь ханской крови Карлыга!
Кеке! Кеке! Кекке-кеке!
Искал я друга в Карлыге,
Нашел в ней ярого врага.
Сурово смотрит на меня,
Надеялся, молился я,
Коварная, держала яд,
Яд для меня в своей руке.
Кеке! Кеке! Кекке-кеке!
Еще кто прибыл?

Воин

Алдияр!
На белом боевом слоне
Приехал грозный Алшагир!

Казан
(разъяренный, ударяет воина в лицо и наступает на грудь упавшего)

А ну свой льстивый рот закрой!
Тварь раболепная, молчи!
Здесь черногривый лев Казан.
Он грозен, а не Алшагир!

Воин
(лежа)

О, повелитель мой, прости.
Ты грозен, а не Алшагир.

Казан
(страже)

Кипчаков пленных привести!

Вводят трех связанных пленников.

Когда хан ханов Кобыкты
К нам с синего слона сойдет
И в синюю орду войдет,
Заклать в честь хана трех врагов,
Чтоб Кобыкты был жив-здоров!
Пусть жертвы утвердят почет.
Исполните, что рек Казан,
И милостью отплатит хан!

Пленных уводят.

Суетятся слуги. Казан волнуется. Он огромен, неповоротлив. Хватка у него медвежья. Вдруг ударяет себя кулаком в бок.

Не в страхе перед Кобыкты,
Трясется перед Карлыгой
Собаки жалкая душа!..

За сценой загораются огни. Двор орды освещен. Видна голова синего слона. На нем шелковый шатер наподобие балдахина. Оттуда спускаются Кобыкты, Бирсимбай и Карлыга. Барабаны неистовствуют, напоминая лай бесчисленных сторожевых псов. Гости отходят в сторону. На сцене появляется Алшагир.

Казан

Кеке! Хан звал меня. Я здесь!

Алшагир

Сам хан позвал меня сюда!

Казан

Каков приказ? Какая весть?

Алшагир

Походом двинется орда
На недруга.

Казан

А па кого?

Алшагир

Не знаю имени его.

Казан

Коль Алшагир пойдет в поход,
Казан с ним вместе не пойдет.

Алшагир
(смеется)

Сказать ты хочешь про меня,
Мол, я Казану не ровня?!

Казан

Кеке! Ровня иль не ровня,
Но обойдешься без меня.
Ты недруг мой, обидчик мой,
Я помощи твоей не жду.

Алшагир

Пускай. Но вместе примем бой,
Восславим сообща орду.
Соперники мы, не враги,
И вот тебе моя рука.
Мы вместе — козням вопреки!

Казан

Нет, лучше были б мы враги!
Я не хочу, чтоб Карлыга,

Я не хочу, чтобы Кортка
Тебе достались. И в поход
Казан с тобою не пойдет!
От Карлыги ты откажись
И откажись ты от Кортки,
Иначе жизнь тебе не жизнь,
И мы по гроб с тобой враги.

Алшагир

Однако злобен ты, Казан,
Одно тебе сказать могу:
Дочь за меня отдаст наш хан,
И я возьму себе Кортку!

Казан
(вскипев)

Кеке! Уж лучше б был ты враг!

Алшагир

Нет, будь я враг, тогда б не так
Сложилась бы твоя судьба,
Тогда б Кортка и Карлыга
Давно покинули тебя!

Казан

Покинули, тебя избрав?!

Алшагир

Казан, на этот раз ты прав!

Казан
(хватаясь за меч)

Пес, зря мутишь ты кровь мою!

Алшагир

Я сам сейчас ее пролью!

Казан

Что ж, выходи! Кеке! Кеке!
Я, видишь, меч держу в руке!

Алшагир
(важно)

Я не оглох. Ты не кричи!
Готов сражаться...

Появляются Бирсимбай и Карлыга.

Бирсимбай

Прочь мечи!

Батыры покоряются.

Пред ханом? Во дворе орды?..
Вас не похвалит мой отец!
Вы не устали от вражды?!
Когда уж ей придет конец!

Алшагир

Высокородный Бирсимбай,
Я рад бы прекратить вражду,
Да ведь Казана не уймешь!

Казан

Кекке! Ты, Алшагир, хорош,
Сестру ты замуж выдаешь
За Бирсимбая и войдешь
Как родич в синюю орду!
И хочешь породниться вновь —
И ханскую сосватал дочь!
Кекке! Во мне бушует кровь.
Обиды мне терпеть невмочь.

Бирсимбай

Ну, что ж... И ты не уступай,
Ведь не закреплена пока
За Алшагиром Карлыга!
Зачем до срока вешать нос!

Карлыга

Хотя ты брат мне, Бирсимбай,
Но речь твоя горьким-горька,
То речь не брата, а врага,
Хороший ты мне дар поднес!
Зачем позоришь Карлыгу?
Торгуешь мною, Бирсимбай?

Уж лучше злющему врагу
В наложницы меня отдай!

Бирсимбай

Кзылбасы воли не дают
Своим девчонкам. Кончим спор.
Решенью своего отца
Ты не пойдешь наперекор.
(Всем троим.)
Ты, Алшагир, и ты, Казан!
Вражду вам прекратить пора.
Свое решенье скажет хан.
Ты, Карлыга, не спорь со мной,
Хотя по крови мне сестра.

Карлыга

Из-за меня два злобных пса
Грызутся. Кинут одному
Меня, чтоб злобных псов разнять,
Но не достанусь никому.
Я не снесу удар такой,
Смириться с горем и тоской
Мне гордость не велит и честь.
Я смерть готова предпочесть —
Запомни это, Бирсимбай!

Казан

Кекке! Кеке! Кеке-кеке!

Выходит со свитой Кобыкты. Проходит к трону. Казан вскочил с места, отдает Кобыкты земной поклон. То же делают все, кроме Карлыги.

Пусть жертвой на твоем пути,
Пути великом Кобыкты,
Великий достославный хан,
Я лягу, жалкий раб Казан!

Кобыкты

(садясь на трон, повелительно взмахивает рукой)

Молчать! Пусть будет тишина!

Казан

Дробь барабанов не нужна!

Все стихло.

Кобыкты
(встает в ярости)

Бельде! Бельде! Орда, замри!
Коль властелин небес — Танри,
Земли властитель — Кобыкты!
(Грозно кричит.)
Кто в мире, кроме Кобыкты?!

Все

Земли властитель — Кобыкты!
Земли властитель — Кобыкты!

Кобыкты
(передразнивая)

Земли властитель — Кобыкты!
Позор, неслыханный позор
Покрыл седины Кобыкты!
Вы заживо, как низкий прах,
Похоронили Кобыкты!

Казан
(вскочив раньше других)

Кеке! Кеке! Какой позор?
О чем ты, о великий хан?
Враги напали? Тотчас их
Побьет твой жалкий раб Казан.
(Алшагиру.)
Эй, Алшагир, презренный трус,
Ты, видя, как скорбит наш хан,
Сидишь себе, не дуешь в ус?!

Алшагир

Уймись и не болтай, Казан!
Слух о беде ушей моих
Не прежде, чем твоих достиг.

Кобыкты

Батыр Казан брал города,
И Алшагир брал округа,
Храбры вы оба, но беда —
Не покорили вы врага!
Его топтал я так и сяк,
Его джайляу выжигал,

Но не бросал меча кипчак
И головы не преклонял.
Я уничтожу этот род,
Сожгите все и режьте всех!
Коней седлайте — и вперед!
Пусть вам сопутствует успех!
Ответа ожидает хан:
Устроите кровавый пир?!
Ответь властителю, Казан!
Клянись мне в этом, Алшагир!

Казан

Клянусь, о повелитель мой!
Устрою им кровавый пир!

Алшагир

Клянусь, о повелитель мой,
Побьет кипчаков Алшагир!

Казан

Я разбивал их сорок раз
И их коварства не стерплю,
Сегодня в сорок первый раз
В крови кипчаков утоплю.

Кобыкты

Тогда подай клич боевой!
Пусть гнев обрушится скалой,
И пусть потухнет белый свет
Над всей кипчацкою землей!

Казан и Алшагир

Да будет так, великий хан!

Появляется Коклан.

Кобыкты

С чем к нам пришла, моя Коклан?
Я вижу твой печален взор.

Коклан

Позор терплю, мой хан! Позор!

Кобыкты

Позор ты терпишь? От кого?

Коклан

От ненавистного врага,
От твоего и моего...

Кобыкты

Не от кипчака ль?

Коклан

От него.

Кобыкты
(всем)

Вы видите ее? Она
Не зреньем ли моим была?
Не слухом ли моим была?
Не мщеньем ли моим была?
Вы видите Коклан иль впрямь
Покрыла ваши очи мгла?

Казан

Кеке! Кекке!

Кобыкты

Скажи, Коклан,
Разрушен ли подземный вход
И сокрушен ли мощный свод?
Ведь из очей твоих, Коклан,
Дождь слез длиною с плетку льет.
Взволнуешься, моя Коклан, —
И рухнут горные кряжи,
Не пощажу я никого!
Открой мне сердце, расскажи,
Меня печалью накажи.

Коклан

Пусть сгинут звезды и луна,
Пусть солнце сгинет — мне не жаль,
Пусть ляжет ночь — темным-темна,
Мне ничего уже не жаль!
Уай, ай, ай! Где неба сын,
Мой белый лунный исполин,
Бесстрашный покровитель мой?

Мир недостойный сокруши
И непокорных накажи!
Ыран-коден, источник бед,
Ты ниспошли зло, мор, грозу,
Пусть месть и ненависть кипят!
Зу-зу, зу-зу! Арзу! Арзу!
(Беснуется в ярости.)

Рабы в испуге пали ниц.

Карлыга
(склонившись перед Коклан)

О мать всесильная, не плачь!
От яда горя отвернись!
Мы все, покорные тебе,
Не пожалеем нашу жизнь,
Но ты беды от нас не прячь!
Скажи нам о своей беде.

Казан и Алшагир

Скажи нам о своей беде.

Кобыкты

Поведай о своей беде!

Коклан

Тот, кто топтал, как муравьев,
Огромных тигров, — мой Самбул,
Мой верный оборотень, мертв!
Мой однокрылый Аркалар,
Булатный вестник Аркалар,
Что тайны извлекал из недр,
Что с небом биться был готов,
Оставил в горечи меня —
На поединке он сражен.
Негодные, известно вам,
Что победил их всех один
Кипчацкий сын, проклятый враг,
Как дьявол он непобедим,
Как горный стоек он дубняк,
Он дерзок и неукротим,
И он зовется Кобланды...

Казан

Как? Кобланды?

Карлыга

Как? Коблапды?!

Алшагир

Всего лишь Кобланды? Кипчак?
Ничтожество? Кулана он
Конем считает, ест змею...
Да я его в земле сгною.
Эх, нечестивцы, я вас всех
В могилы к дедам загоню!

Казан

Ох, дикари! Настигну их
И кожу с них сдеру с живых!

Коклан

Он оскорбил меня, кипчак,
Извел меня проклятый враг!
И луноликую Кортку,
Освободив, забрал кипчак!

Алшагир и Казан разом вскакивают.

Алшагир

Что ты сказала?

Казан

Кеке-ке!
(Алшагиру, ослепленный яростью.)
Завидовал мне, Алшагир!
Теперь ты своего достиг!
Достиг, проклятый Алшагир?

Алшагир

Казан, ревнивец! О Казан!
Уж лучше б я тебе врага
Нашел! Из-за тебя, Казан,
Ушла из рук моих Кортка.
Я столько от тебя терпел,
Но и терпенью есть предел!

Казан

Злодей паршивый Алшагир!

Алшагир

Негодник, алчущий Казан!
Из-за тебя моя Кортка
Теперь в объятиях врага!..

Казан

Кортка! Кортка! Хочу к Кортке!
Кеке, кеке! Кеке-кеке!

Алшагир

Она и не была твоей!

Казан

Была моей, ты врешь, злодей!

Алшагир

Негодник, жертвенный баран,
Краса Кортка была моей!

Казан
(не находя ответа)

Кеке-кеке!

Алшагир
(передразнивая)

Шеке-шеке!

Бросаются друг на друга. Раздается грозный окрик Кобыкты: «Прочь! Прочь!» Бирсимбай становится между двумя батырами, разнимает их. В истерике, с хохотом, похожим на рыданье, убегает взбешенная Коклан.

Кобыкты

Шеке-шеке!

Батыры послушно садятся.

Как петухи
Пред курицей!.. Не стыдно вам?
Не поделили женихи
Невесты и, под стать козлам,
Взбесились?!

Казан

Кеке-ке...

Алшагир

Молчи.

Кобыкты

Не здесь вам обнажать мечи!
Какой вы нанесли урон
Кипчакам?

Казан

Достославный хан,
Твой верный богатырь Казан
Сжег целый город.

Алшагир

Я, батыр,
Твой беспощадный Алшагир,
Степь в стон и пепел обратил.

Кобыкты

На них ты только посмотри!
О чудища, о пузыри,
И тот хорош, и тот хорош!
Все выдумки, сплошная ложь!
Все ваши подвиги враги
Сочли бы за укус мошки.
Их просто оторопь берет...
Что, вырезан кипчацкий род?
Проклятье вашей похвальбе!
Уж сотни лет минули, как
Кзылбасы не найдут себе
Врага опасней, чем кипчак.
С тех пор как славный Кейкаус
Погиб, наш славный Кейкаус,
Отомщена ли его кровь?!
А наш царевич Сияуш,
Какой заколот был рукой?
Вожак кипчаков, подлый раб,
Убийца, трус, Афрасияб
Тогда бежал через ледник
Тропой суровой Тантулик.
И вот поклялся Кейкаус,
И клятва та передалась
Чрез множество ушей и уст:
«С рождения лелейте месть,
Пусть жжет сердца, горит в очах!
Не забывайте: в мире есть
Один лишь враг, и он — кипчак!»

Так нам, потомкам, завещал...
Но не исчез кипчак с тех лет!
И клятва у меня одна,
И у меня один завет!
Кипчаков должен Кобыкты
Всех растоптать, как муравьев,
А если нет, то Кобыкты
С позором смерть принять готов!
И кто готов со мной идти,
Пусть в том же поклянется мне.
Не хочет мира Кобыкты,
Отныне быть в степях войне!
Скорей давайте мне ответ,
Кто первый двинется в поход,
А кто пойдет ему вослед.

Алшагир

Хан достославный! Алдияр!
Казан пусть первый в бой идет.
Я нанесу второй удар.

Казан

Эх, подлый Алшагир, твой враг,
Видать, Казан, а не кипчак.
Меня шлешь первым на врага,
Авось погибну, и тогда
Достанется краса Кортка
Тебе без всякого труда.

Алшагир

Когда уймешься ты, Казан?
Ведь честь зовет в сраженье нас.
Священной клятвою султан
Султанов клялся нам сейчас!

Казан

Кеке! Кеке!

Бирсимбай
Довольно с вас!
Забыли, перед кем вы здесь,
Стоите? В этот грозный час
В батыры возвели мы вас,
Но, видно, вас похвалишь чуть,

Вы вознесетесь выше гор,
Ответьте, вас пугает путь?
И прекратите свой раздор.
Я сам без вас идти готов!

Алшагир

Душа от ревности болит!
Мне не стерпеть его обид.
Уж лучше умереть от ран.
Меня оставил без жены
Проклятый жадный пес Казан.

Казан

Нет, я остался без жены,
И это все из-за тебя!
Несчастная моя судьба!
Недолго мне и прахом стать!

Кобыкты

Молчать! Я повелел молчать!

Казан

Мой повелитель, светлый хан,
Пускай уймется Алшагир!

Алшагир

Мой хан, пусть замолчит Казан!

Кобыкты

Молчите оба! Тот батыр,
Кто славный совершит поход,
Себе девчонку заберет!
Как будто в мире лишь Кортка
Из женщин всех вам дорога
И нет красавицы другой,
Поспорившей красой с Корткой?

Казан

Другая есть, великий хан!
Из-за нее грызня идет.

Кобыкты

Батыров двое — и одна
У них девчонка? Кто она?

Драма-сказание «Кобланды» на сцене
Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова.
2 акт, 4 картина. 1967 г.

Казан

И эта скоро уплывет.

Кобыкты

В такой тревожный страшный час
Чтоб из-за бабы шла война, —
Не потерплю! Один из вас
Пускай ее себе берет!
Ну, говорите, кто она...

Казан
(Алшагиру)

Скажи, бесстрашный Алшагир!

Алшагир

Ты сам, уступчивый батыр,
Скажи...

Казан

Не смею, не смогу..

Алшагир

Что ж так?

Казан
Ты сам прими удар!

Кобыкты

Чего молчите?!

Алшагир
Алдияр!
Нас за признанье не карай!

Казан

Не покарай!

Алшагир
Девица зла
И нас обоих извела
Она не меньше, чем Кортка...

Казан

Никак не меньше извела.

Алшагир

Хотя она и не груба,
И в обхождении мягка,
Сладкоголоса, но врага
У нас нет злее...

Казан

Злее нет...

Алшагир

Она сидит возле тебя,
Заносчивая Карлыга!

Кобыкты

Дочь? Карлыга!
(Смеется, будто каркает.)
Бельде! Бельде!

Казан

Кеке! Кеке!

Кобыкты

Нет, Карлыга
Заносчивой быть не должна!

Карлыга
(вскочив)

Великий хан! Отец! Коке![1]
Достойный власть в орде берет,
Достойный девушку берет,
А разве может этот сброд
Кзылбасам принести почет?

Казан

Кеке!

Карлыга

Кортка отвергла их!
Где мужество их, совесть, честь?
Один из этих мой жених?
Да он достоин падаль есть!
Чем им гордиться? Силой плеч?
Я в силе им не уступлю!

---

[1] Почтительно-ласковое обращение к отцу, дяде, старшему брату.

Да я сама подъемлю меч
И об кипчака затуплю!
(Хватает булавы Казана, играет ими, как мячиками.)
В них плюнуть я не поленюсь,
Они не ровня мне, и им
Я ни за что не покорюсь!

Кобыкты
(по-прежнему хохочет)

Нельзя батыру без жены,
И раз поправилась ты им,
Из-за тебя они должны
Тягаться...

Казан
Кеке-ке! Должны...

Кобыкты
(сурово)

Бельде! Бельде! Кончай базар!
Мое решенье таково.
Пусть первым нанесет удар
Казан кипчакам, а его
Поддержит Алшагир, во фланг
Ударив подлому врагу,
И кто храбрее будет, тот
Получит девушку Кортку.
Я распре положу конец:
Пускай один берет Кортку,
Коль не уступите врагу,
Зато второй батыр-храбрец
Мою получит Карлыгу!

Карлыга

В дар отдаешь меня, отец!
Так говоришь, мой хан, коке?!

Кобыкты

Да, так я повелел!

Казан
Кеке!

Алшагир

Асыр! Асыр!

Кобыкты

Несите таз!
Мы клятву закрепим сейчас!

Казан

(повторяет приказ)

Подать с кипчацкой кровью таз!

Подают медный таз с кровью убитых кипчаков.

Кобыкты

Все погрузите руки в кровь,
Все, кто идет со мной в поход,
Все, кто, как я, отмщенья ждет!

В таз погружают руки Казан, Алшагир, Бирюмбай. Карлыга стоит в стороне. Молчит. Слова клятвы произносит Кобыкты. Остальные повторяют.

Великий властелин Тапри!
В свидетели тебя беру,
Что, если у кипчаков я
Владения не отберу,
Что, если всех не перебью
И клятву не свершу мою
(повышая голос),
Пусть небо поразит меня,
Пусть молния сразит меня,
Пусть мать огня меня сразит,
Огонь свирепый поразит!

Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Орда батыра Кобланды. Свадебный пир. Свадебная свита юношей и девушек. Группа певцов и музыкантов. Во главе шествия старшие рода — Тохтарбай и Аналык. С ними Караман.

Аналык

(ожидая появления молодых, держит в руках два светильника. Тохтарбай тоже держит светильники.)
О повелитель, о Камбар!
(Молитвенно подносит светильники ко лбу.)
Ты светоч счастья моего.

О, подари нам добрый час,
Чтоб встретить благостную весть!
А ведь давным-давно была
Без верблюжонка и в тоске
Тогда стенала Аналык!
И в череде печальных дней
Не этот ли прозрела миг?

Появляется шелковый разукрашенный полог с изображением духов. За пологом идут жених и невеста. С ними свита.

Иди, иди, моя луна!
Я стану матерью тебе!

Тохтарбай

О, славься, славься, дочь моя!
Счастливого тебе пути!
Тебя родные ждут. Пусть сын
Теперь не будет одинок.
Пусть внуки будут у меня,
Пусть множится моя родня!
Произнося слова мольбы,
Светильник первым я зажгу!

Молитвенно кланяется. Полог расходится. Видна Кортка. Рядом с ней Кобланды, Карлыгаш, Шуак. Жених и невеста подходят к родителям. Отдают глубокий поклон. Становятся перед ними на колени. Зажигаются парные светильники в руках старших рода. Над головами молодых и вокруг них тоже зажигаются светильники. Исполняется торжественный обряд почитания матери огня.

Тохтарбай
(начиная обряд)

Светильник парный, пламеней.
К тебе лишь обращаюсь я:
Благослови их, мать огня!

Народ

Благослови их, мать огня!

Тохтарбай

Горячей дружбой осени,
Пусть будут счастливы их дни,
И пусть до старости седой
Не разлучаются они!

Народ

Не разлучаются они!

Тохтарбай

От Кайракана, от его
Заклятий злобных охрани!
От мрака и от духов злых
Оберегай моих родных
Детей. Судьбу им освети,
Беду с пути их отведи!
Неугасимым светом дня
Свети им вечно, мать огня!
Благослови их, мать огня!

Народ

Благослови их, мать огня!

С четырех сторон сцены загораются огромные костры. Это огни жертвоприношений, обращенные к четырем сторонам света, откуда могут прийти к новобрачным добро или зло. Жених и невеста поочередно кланяются каждому костру. Народ продолжает повторять: «Благослови их, мать огня!» Кончается ритуал. Огни затухают. На сцене оживление.

Караман. Дорогие мать и отец! Да будут услышаны ваши мольбы! О утесы, вы наша защита. Но главное, чтобы ваша сноха не оказалась злюкой.

Кортка в смущенье. Кто-то из старших смеется, понимая, что Караман шутит.

Не успела ваша сноха прибыть в орду, а уже повелевает. Приказала мне сообщить вам, что бракосочетаетесь не вы, а она. И пусть, говорит, старшие не томят нас, а дадут нам вкусить нашей радости и дадут повеселиться вдоволь... Уже пора, говорит она. Вот она тут стоит. Сами ее спросите...

Смех.

Аналык. Не скажет так моя умница, моя родная Кортка.

Караман. Не скажет? О бедная доверчивая мать!

Кортка *(Карлыгаш)*. Уняли бы его. Защитили бы меня! За что я терплю эту муку?!

Карлыгаш. О веселье и играх говорит не Кортка, а мы говорим.

Караман. Смотрите, а! Видели?! Теперь она Карлыгаш приказала говорить. А раньше приказывала мне. Да она еще похлеще скажет. Разве вы не знаете ее? Она ведь

дочь ведьмы, старухи Коклан. Такая злюка, что Коклан в сравнении с ней тихая овечка.

Аналык. Уймись. Не смущай мою пташку. Не заставляй ее краснеть перед старшими...

Караман. Кайракан! Да разве наедине она меня пощадит?! Да она меня растерзает. Пожалуй, и впрямь перестану ее злить, и перейдем к пиру и веселью.

Народ. Начинайте пир! Начинайте счастливый светлый пир!

Аналык. Все тосты за них! Пусть достанется безмерная радость моим золотым деткам!

Старшие уходят. Караман подходит к молодым.

Кортка *(смеясь)*. О неумолимый курдас! Таков ты в дружбе! А каким станешь во вражде?

Караман. Уже называешь врагом? Но если хочешь враждовать, то сразу начну тебе мстить. Возьму и разлучу тебя с Кобланды. А ну, Кокжал[1] выходи. Пир веселый начнем.

Кобланды отходит от Кортки.

Кобланды. Идем к старшим.

Уходят. Молодежь расходится группами, готовясь к пиру. На сцене остаются Кортка, Карлыгаш и Шуак.

Карлыгаш
(Кортке)

Тебя расстроил Караман?
А ты свет сердца не гаси,
Обидой не томи себя.

Кортка

О, не страшись, Луна моя,
Сейчас ничто не замутит
Мне сердца. Караман шутил.
Хотите, я открою вам
Все тайны сердца и души?!

Карлыгаш

Открой, родная, все открой,
Сердечным другом назови!

---

[1] Кокжал (буквально: «серогривый») — ласковое прозвище, данное Караманом Кобланды. В эпосе древних тюрков Кокжал — волк-вожак стаи, символ бесстрашия. Так обычно величали старых, прославленных батыров, возглавлявших войско.

Кортка

Луна моя, всем сердцем я
Тебя приму... Едва глаза
Закрою, вижу яркий свет!
Ласкает этот свет меня,
Мне кажется, я в нем тону...
...Когда весеннею порой,
Пушистая, по небесам
Скользила тучка, знак любви,
И счастье видела я в ней,
И тосковала я по ней,
И радовалась, если вновь
Она плыла по небесам.
А ныне не на небесах —
Здесь счастье и любовь со мной...
О, юные мои друзья,
Не осуждайте, если я
Любовью до краев пьяна...
Ведь в годы юности моей,
В чреде тоскливых, горьких дней,
Мечтала я об этом дне,
Не веря, что придет ко мне...
И если даже бы за миг
До смерти увидала я
Вот этот день, и то себя,
Счастливою считала б я.

Карлыгаш

Из сердца чистого идет
Твой голос, будто лунный свет.
Все тайны молодой души
Ты излучаешь... Рада я,
Что породнились мы с тобой.
Но, милая, прошу тебя,
О счастье кратком не моли.

Шуак

Не кратким, а безмерным счел
Я счастья миг, когда бы он,
Хоть, как мираж, явился мне.

Карлыгаш

Ты, как отвергнутый, Шуак!
Иль ты желанья утолил?

И почему короткий миг
Готов ты вечностью считать?

Шуак

Когда желанья далеки
От исполненья, и мольба
Бессильна, и душа слаба,
Тогда и горе и печаль,
Никак не скроешь, Карлыгаш!

Карлыгаш

Ведь молния к булату льнет,
А тайна к тайне почему
Не льнет? Пускай, покинув грот,
На волю выйдет тайна вся!

Кортка
(Шуаку)

Шуак, я ехала с тобой
Из дому. Был не кратким путь.
Я наблюдала за тобой
И не могла понять, какой
Огонь твою сжигает грудь!
Мой друг, товарищ мой родной,
Не мучься, душу нам открой,
Скажи нам, тайною какой
Душа твоя опалена?

Шуак

Но как мне тайну открывать,
Когда владычица ее
Меня не просит открывать?

Кортка
(Карлыгаш)

Луна моя, проси его...

Карлыгаш

Но сердце — тайны поводырь.
И сердцу самому решать,
Что открывать, а что сокрыть!

Шуак

Тогда я сердцу волю дам!

Подходит Кобланды.

(Карлыгаш.)

Коль вы участливы ко мне,
То сердцу тайны не снести...
Одну я тайну берегу!
Непобедимой силы свет
Она струит. Пусть заперт я
В пещере страшной, все равно
Ей, утешительнице, ей
Я поклонюсь одной. И пусть
В бою кровавом во врага
Стрелу пускаю, ей, звезде
Моей, я посвящаю бой.
Уста молитву шепчут ей,
Благодарят ее за то,
Что жив, что я ее храню
И берегу ее от всех.
Я для тебя ее открыл,
Моя родная Карлыгаш,
Все нераскрытые мечты
Сложил сейчас к твоим ногам.

Карлыгаш смущена.

А может, зря я их раскрыл?
Держал бы лучше при себе.
Теперь терзаньями полна
Душа, но тайну я изрек!

Карлыгаш

Ты тайну завязал узлом,
А узел развязала я
И тем нарушила покой
Твоей души, мой друг Шуак?

Шуак

Как раскрывается бутон,
Доверясь нежному лучу,
Доверилась душа тебе,
Моя родная Карлыгаш!

Карлыгаш

Шуак! Мне странна эта весть!
Не торопи меня, Шуак.
Сейчас могу я лишь молчать.

Не жди ответа, не ищи
В моих словах какой-то знак.

Кобланды

О Карлыгаш, мое крыло!
Шуак — соратник мой и друг!
В суровых испытаньях нет
Его надежней и верней!
Сказал он о любви своей,
И сердце запылало вдруг!
Но как тебя не проняло?
И как ты слова не нашла
Утешить друга моего?

Кортка

Стесняется меня Луна!
Наверное, еще никто
Не раскрывал пред ней души.

Карлыгаш
(Кортке)

Не раскрывали, но, поверь,
По повелению Танри,
Все тайны сердца я тебе
Отныне буду поверять.
Душою я с тобой слилась
И не смущаюсь пред тобой.

(Шуаку.)

В великий день моей семьи,
На свадьбе брата моего
Я всей душою предаюсь
Одной мольбе. Не разделю
Ее с тобой, мой друг Шуак,
И лишь одно тебе скажу:
Где б ни был ты, будь невредим,
И я о здравии твоем
Молиться буду и мечтать.

Кобланды

О жизнь!
(Целует Карлыгаш.)
Доволен я тобой,

Моя любимая сестра,
И радуюсь твоим словам.
(Шуаку.)
Любимая — огонь, а я
Булат, который от огня
Становится еще сильней!
Отважный друг, доволен будь!
Пусть радость, что явилась к нам,
Ко мне и к дорогой Кортке,
Чрез краткий срок придет и к вам.
Она уже невдалеке.
Так пусть пройдет немного дней,
Когда с невестою своей
Ты в юрту белую войдешь!
Я верю в новый, в скорый пир!
Да будешь счастлив, мой батыр!
(Обнимает сестру и Шуака, затем обнимает Кортку.)
А ты, Кортка... Ты, как луна,
Прекрасна так же и нежна.
Пусть жизнь плодится, пусть растет,
И пусть любовь, как куст, цветет.
О жизнь! О жизнь! Твой сын Коблан
От неги и от счастья пьян!
Любимая, когда б на миг
Померкло б солнце глаз твоих,
Тревога б в сердце заползла!

Кортка

Опорой терпеливой будь,
Моя любовь!

Кобланды

Я трепещу.
Я стал безумен, как дитя.
Будь сильной, коль бессилен я.
(Целует Кортку.)

Шуак низко кланяется. Появляется Караман. За ним группа молодежи.

Караман

Эй, люди! Что я возглашу —
Услышьте! Матерь Аналык
И престарелый Тохтарбай

Мне повелели Кобланды,
Что мне соратник и курдас,
Что горестей немало знал,
В путях-походах изнемог,
И тонок стал, как стебелек,
И повелели мне Кортку,
Чья талия, как волосок,
Развеселить. Такая власть
Мне вручена.

Карлыгаш

Так начинай.
Здесь все веселья заждались.

Кобланды

Так начинай веселый пир!

Караман

От власти этой будет толк,
Когда я отомщу Кортке,
Ведь клятвенно я воду пил,
И обещался не щадить
Кортку, и требую, чтоб вы
Мне подчинялись! Не дадим
Кортке и Кобланды одним
Остаться, пусть томятся, пусть
Нас молят — их наедине
Мы не оставим сорок дней!
Пусть длятся звонкие пиры,
И сорок пусть пройдут ночей
Веселой удалой игры!
Пусть пир продлится сорок дней,
В игре пройдет сорок ночей!

Голоса
(со смехом и восторгом)

Пусть пир продлится сорок дней!
В игре пройдет сорок ночей!

Слышен резкий, тревожный звук боевой трубы.

Караман

Что за мычанье?

Кобланды

Это звук
Трубы походной боевой!

Шуак

Кто мчится: недруг или друг?
Идет он с миром или войной?
(Выходит.)

За сценой слышен конский топот. Появляется закованный в латы седобородый батыр. Он стоит в стременах, опираясь на пику. Это Аккозы. Он окликает свою рать.

Аккозы

Вскачь, вскачь неситесь! Догоню!

Слышно, как проскакал отряд.

(Появившемуся Шуаку.)
Здоров? Желаю благ тебе!

Шуак

Объединимся же в борьбе!

Голоса
(за сценой)

Объединимся же в борьбе!

Шуак
Будь невредимым, Аккозы!

Аккозы

И ты будь невредим, Шуак!
Я тороплюсь. Скажи: средь вас
Бесстрашный воин Кобланды?

Кобланды
(выходя вперед)

Куда ты мчишься, Аккозы?

Аккозы

Не спрашивал бы лучше, друг,
Неугомонная орда
Кзылбасов с кровожадным псом
Казаном нанесла удар

Киятам. Гибель принесла
Мужчинам, женщинам — беду!
Увел он девушек и скот.
Скорее на коня, Коблан!
Скорее на коня, Шуак!
Не отомстим — позор нам всем!
Эй, Караман, седлай коня!
Скачите все за мною вслед!
В степи догоните меня!
Без чести нам ведь жизни нет!
(Ускакал.)

Шуак

Да как за ним не поскакать?

Кобланды

Казан проклятый, наконец
Мы встретимся с тобой! Ты мнишь,
Что некому спасти народ,
И когти запустил свои
В безвинный, мирный мой народ!

Снова слышен грохот копыт. Проносятся воины. Остановился один батыр. Это Кос-Даулет.

Кос-Даулет

Кто скачет впереди меня?

Шуак

Несется лавой Аккозы!

Кос-Даулет

Чего же ты стоишь, Коблан,
И почему не на коне?

Караман

До нас лишь нынче весть дошла.

Кос-Даулет

Так не спешите почему?

Кобланды

Кос-Даулет, не знаешь ты,
Кроме киятов, кто в беде?

Кос-Даулет

Беда нас всех не обойдет!
Послали на ногайцев рать,
И на кипчаков скачет рать,
Ворвется, словно в стадо, волк,
И растерзает вас Казан!
Скорей садитесь на коней!
За мной скачите! Аламан!

Шуак

Седлать тулпара! Аламан!

Слуга Шуака убегает.

Караман

Эй, серогривого седлать!
Эй, Тайбурыла привести!

Шуак

Тулпара не седлай, Коблан!

Караман

Что ты сказал? Что молвил ты?

Шуак

Сказал: тулпара не седлать.
День свадьбы — в жизни только раз!
И как покою Кобланды
Нам в этот день не дать?! Ведь я
Защитником орды зовусь!
Сегодня не скачи, Коблан!

Кобланды

Родной, мой брат, мое крыло!
Сил не щади, народ спаси!
Желаю подвигов тебе!
Стрелой горящей на врага
Помчись! И я не задержусь!

Шуак уходит.

Караман

Шуак умчался! «Аламан!» —
Звучит повсюду! Быть беде
Или победе? Всюду мрак.

В испуге люди. Храбрецы
В бою. А мы зачем с тобой
Отстали и не мчимся в бой?

Кобланды

Послушай, друг мой Караман!
Я нынче к битве не готов.
Любовью нынче побежден...
Дай миг хотя б повременить...

Караман

Да о каком тут миге речь?

Кобланды

Не суетись, не трепещи!
К чему жестокие слова,
Когда сегодня счастлив я!
Уйду в поход — и ворочусь
Не скоро. Уведет меня
Чужбина далеко. Позволь
Мне пожалеть мою Кортку!
Она была в священный час
Моей мольбы мне вручена!
Она ведь божество мое,
Свет пылкой юности моей!
Я только слово молвлю ей.

Вошел в орду. Здесь Тохтарбай и Аналык.

Веселья долго ждали, но
Его разносит ураган...
Безвинны вы, отец и мать,
Мое гнездо, моя семья!
И за тобою нет вины
В том, что едва забрезжил свет
И тотчас наступила ночь...
Но как могу я в час беды
Спокойно слушать боевой
Призывный клич и из орды
Не уезжать?

Аналык

О Кобланды,
Моя надежда, сын родной,
Веселье сердца, радость глаз,

Повремени хотя бы час,
Спачала свадьбу доиграй,
Потом батыров догоняй!

Карлыгаш

Не уезжай, любимый брат!
Нельзя веселье прерывать.
Ужель боишься ты врага?

Кобланды

Да, я достиг своей мечты,
Но что мне делать в час беды?
Как посоветуешь, Кортка?

Кортка

Ну как тебя остановлю?
Как удержу, любимый мой,
Когда сейчас батыра честь
Тебя зовет на смертный бой?

Кобланды

Избранница моя, Кортка,
Велишь идти мне на врага?

Кортка

Пусть милостивым будет рок
К тебе и сохранит тебя,
Когда в далеком далеке
Ты будешь битвой изнурен.
И как бы беззащитных нас
Здесь ни терзали — ничего,
Мы вытерпим, молясь богам.
Ты не задерживайся! В путь
Поторопись! Поторопись!
Я счастья пожелаю льву,
Оставлю в сердце лишь мольбу,
Одну тревогу по тебе!
С твоей судьбой моей судьбе
Не разойтись! Кортка твоя
Вздыхает только по тебе
И плакать будет по тебе!

Карлыгаш

Не уходи, коке, молю,
Не уходи, молю тебя!

Кобланды

Уйду, родная, не моли!
Все решено. Я тороплюсь!
Тулпара приведите мне!

Караман и джигиты срываются с места.

Доспехи принесите мне.

Кортка начинает снаряжать батыра. Аналык в горе.

Карлыгаш

Упорен был ты, как дубняк,
Но я, коке, не в силах скрыть
Тревогу: если лютый враг
Сюда ворвется, как нам быть?

Кобланды
(сурово)

Когда в сражение иду,
С оглядкой речи не веду
И, счастьем жертвуя своим,
От рода отведу беду...

Тохтарбай

Я не собью тебя с пути.
Ты для народа был рожден.
Когда молился я Танри,
То не просил, чтоб ты рожден
Был для меня и Аналык.
Но злобу на себя не кличь,
Слов горделивых сторонись,
Ведь если мстительных богов
Накличешь злобу, пропадешь,
И буду неутешным я.

Кобланды
(разъярен)

Нет, нет, когда лечу на брань,
Лишь мужеству несу я дань!
Как горный полечу поток,
Немилосерден и жесток.
Своих врагов не пощажу,
Как молния, их поражу.
Их буду убивать и жечь.

Со мной огонь, со мною меч!
Иду на бой, иду на смерть
И злобе никакой не сметь
В пути остановить меня,
Ведь вызов свой ей бросил я.
И табуны коней в лесах
Врагу теперь доверю я,
И все стада мои в полях
Клыкастому доверю я,
Голодному доверю я,
Да, волку все доверю я!
И старого отца и мать,
И Карлыгаш, мою сестру,
Кортку — любимую мою,
Что ныне оставляю я,
И всех, о ком душа моя
Болит, кого жалею я,
Сегодня злобным небесам,
Одним богам вверяю я.
Ведомый лишь одной мольбой,
Я к цели тороплюсь одной:
Чтоб искупить святую честь,
Чтоб совершить святую месть!
Собрался с этой думой в путь,
И никуда мне не свернуть!
Великому Танри мольбу
Несу, вручу ему судьбу!
(Берет оружие в руки.)
Тулпара подведите мне!
Скачи, друг верный, Тайбурыл!

Уходит.

У всех в руках загораются молитвенные парные светильники. Все склоняются в молитве.

Аналык

Слова горячего юнца
Скорее позабудь, Камбар!
Его родимую звезду
Ты справа засвети, Камбар!
И белый купол, что мольбой
Теперь возводим, не разрушь,
Душ покровитель, наш Камбар!
Еще прошу тебя с мольбой,
Подруги сына молодой

Печалью лик не засуши
И не измучь моей души,
Источник счастья, наш Камбар!

Все кланяются на четыре стороны.

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Курган Каскарлы — крепость батыра Казана. Рать кзылбасов ожидает в засаде. На гребне кургана Казан. Он в латах. На лицах батыров маски хищных животных. Воины тащат награбленную добычу.

Казан
(воину)

Глаз не своди. Погони ждем.
Гляди: вблизи ли — вдалеке,
Но если встанет пыль столбом,
Немедля доложи. Кеке!
(Спускается вниз.)

Мимо Казана проводят пленниц. Он важно вскидывает булавы.

(Повелительно.)
Кеке! Рабынь не уводить!
Отправить всех ко мне. Хочу
Батыров ими наградить,
Награду храбрецам вручу.
Пусть девушки кипчаков нас
Достойно усладят. Кеке!
Пусть храбрецов, пусть львов моих
Рабыни усладят. Кеке!

Воин
(сверху)

Мой повелитель! Алдияр!
Погоня настигает нас!

Казан поднимается на курган. С ним группа батыров.

Казан
(спокойно)

Пускай поближе подойдут.
Им шлемы медные собью,
Их вдоволь кровью напою.

Стремительно появляется Аккозы. За ним видна часть погони.

Кеке! Кеке! А ну-ка стой!
И стоя выслушай меня!

Аккозы

Не за речами мчался я!

Казан

Ты биться захотел? Кеке?

Аккозы

Да, биться насмерть я пришел.

Казан

Иди. Поближе подойди.

Ждет. Вокруг Казана стоят воины, выставив пики.

Еще не в сборе рать твоя,
Но наготове рать моя.
(Воинам, преградившим путь Аккозы.)
Пустите-ка его сюда.
(Аккозы.)
А ну, отсюда погляди.

Аккозы поднимается, подходит к Казану. Смотрит с кургана вниз.

Вон нерушимою стеной,
Несметной, непроглядной тьмой
Стоит, ждет наготове рать.
Не трону я твой жидкий строй.
А кинешься — вмиг растопчу.
Тебе со мной несдобровать.
Дам срок тебе, чтоб рать собрать.

Аккозы

Какой сердечный разговор!
Смотри, какая доброта?!
Неужто ты такой всегда?
А может быть, совсем не ты
Ограбил мой народ, как вор?

Казан

Да, наказал я твой народ,
Но воинов не обману.
Не налечу на них, как смерч,
А в равной схватке их побью.

И ты не обнажай свой меч,
Своих сначала подожди,
И в бой без них не рвись. Кеке!

Аккозы спускается к своим батырам. К нему подходит только что появившийся Кос-Даулет.

Кос-Даулет

Кият, кипчак! Кипчак, кият!

Батыры рвутся в бой. Аккозы останавливает их повелительным жестом.

Ополоумел, Аккозы?
Что медлишь? Боя не начнешь?

Аккозы

Стой! Подкреплений подожди!
Нет смысла тучкой малых сил
Лезть на погибель. Видел я:
Их рать стоит сплошною тьмой.

Кос-Даулет

Без счету били мы врагов
И не считали, сколько их!
Позор тебе! Тогда зачем
Скакали мы издалека?

Аккозы

Молчи, Кос-Даулет, молчи!
Довольно приняли потерь,
Довольно наш народ страдал,
Своим батырам я не враг.
Губить их не хочу зазря.

Подскакал Кара-Корен.

Теперь все в сборе?

Кара-Корен

Почему
Сраженья нет?

Аккозы

Сраженья час
Назначу сам, а ты не лезь.
Ответь, кто скачет за тобой?

Кара-Корен

Рать погайлы тотчас собрав,
Многоплеменный друг Шуак
За мною скачет.

Аккозы

Пусть Шуак
Прибудет.
(Кара-Корену.)
Ну, Кара-Корен,
Гадатель, погадай-ка нам.

Кара-Корен

Известно, что без крови рать
Не может победить врага.
Скажи, явился ль Кобланды,
Опора юная моя?

Аккозы

А без него ответить нам
Не смеешь?

Кара-Корен.

Твердо знаю я.
Что только юный Кобланды
Спасет поруганную честь,
Людей избавит от беды!
Но Кобланды не вижу здесь!

Аккозы

Коблана нет. Спасти народ
Он не спешит. Чего-то ждет...

Казан
(сверху)

Кеке! Кеке! Я долго ждал.
Пора! Сраженья час настал.
Готовы к бою или нет?

Аккозы

Готовы! Не хитри, шакал:
Не ты — меня, тебя я ждал.
Я не болтать пришел. Врагов
Всегда мечом встречать готов!

Казан

Тогда не бойся, выходи.
Один я виноват во всем,
Народ мой вовсе не причем,
И мне, а не народу мсти.
Я выйду сам — зачем же рать
Мне на погибель посылать?
Ты тоже выстави бойца,
Мы будем биться до конца,
Кто в поединке верх возьмет,
Тот всех батыров в плен возьмет.
На поединок я зову!

Раздаются возгласы: «Поединок! Поединок!»

Аккозы

Быть поединку!

Кос-Даулет

Быть. Нельзя
Отказываться или торг
Вести.

Аккозы

Друзья, один из нас
Обязан свой исполнить долг.

Кара-Корен

Так назови же, Аккозы,
Кого-нибудь. Из нас любой
Откликнется и вынет меч!
Ведь поединок — честный бой.

Аккозы

Кого же мне сейчас назвать,
Кому доверить нашу честь
И кто из нас заменит рать?
Один такой на свете есть —
Лев черногривый Кобланды!

Голоса
(растерянно)

Где Кобланды? Нет Кобланды!
А без Коблана жди беды...

Казан
(выходит вооруженный)

Ну, кто отважный, выходи!
Так кто из вас соперник мой?
Кекке! Батыры сдохли все?
Так присылайте Кобланды!
Я вызываю Кобланды!
Кипчаков вздумал защищать,
Отнять добычу у меня!
Какой наглец! Такой боец
Обязан победить меня!

Аккозы
(в смятении)

Коблана кличет! Кобланды,
Зачем ты погубил меня?
Ох, проглоти меня, земля!

Появляется Шуак. Снова раздается клич Казана: «Поединок! Поединок!»

Шуак

На поединок он зовет,
Кого пускаешь, Аккозы?

Аккозы

Эх, сгинуть мне от старых ран!
Коблана требует Казан!
А нет Коблана. Где Коблан?!

Шуак

Да разве нет других бойцов,
Готовых кинуться на зов?
Да разве стойких нет сердец?
Прими решенье, Аккозы:
Я выйду вместо Кобланды!

Аккозы

Нет, не пущу тебя! Ответь,
Где затерялся Кобланды?

Шуак

Сегодня он прибудет к нам!

Кара-Корен

Чего замешкался Коблан?

Шуак

Сегодня свадьба у него,
И я молил, просил его
Хотя бы час повременить...
Я клялся заменить его!

Казан
(нетерпеливо)

Кеке! Кеке! Когда же ты,
Дикарь негодный, дашь ответ!

Аккозы

Ты погубил нас, Кобланды...

Кос-Даулет

И вот он торжествует, вор...

Шуак
(готовясь к поединку)

Я дам спесивому отпор!
(Казану.)
Готовься! Выхожу на бой,
Померюсь мужеством с тобой!

Казан

Кеке! Боится Кобланды
Казана! Зря суешься ты!
Ты жаворонок — и тебя
Я вмиг когтями раздеру,
Как жаворонков ястреба!
Или не жаль тебе себя?

Шуак

Я за народ безвинный мой,
За честь мою, батыр Шуак,
Иду на честный, смертный бой!
Бросаю ввысь свой гордый клич
И должен он пебес достичь:
Каракипчак! Каракипчак!
(Быстро приближается к Казану.)

Аккозы

Будь счастлив, пламенный батыр,
Отвага юная моя!

Идет поединок. Шуак убит. Кипчаки поникли в безмолвном горе.

Казан
(повелительно)

Кеке! Теперь ты в рабстве, враг!
Ты побежден, дикарь-кипчак!
Кеке! Кеке! Ты побежден!

Голоса
(с кургана)

Ты побежден, дикарь-кипчак!

Раздается протяжный боевой клич.

Кара-Корей

Стой! Стой! Ты слышишь этот клич?

Все прислушиваются. Казан и его батыры еще не слышат.

Казан

Ты побежден! Кеке-кеке!

Раздается отчетливый клич Кобланды. Кажется, будто по небу со свистом исполинских крыльев проносится орел.

Аккозы
(за ним все кипчаки)

Молю, молю тебя, Танри!

Казан
(догадавшись)

Кеке! Кеке!

Кобланды

(проносясь над курганом на пепельно-сером Тайбурыле)
Кипчак! Кипчак!
(Исчезает.)

Кипчаки

Танри! Великий наш Танри!
Тебе мы жертву принесем!

Караман
(вбегая на сцену)

Ну вот, я к вам и доскакал.

Голоса

Почет тебе, батыра друг!

Кобланды
(сверкнув мечом, выскочил на курган)

На поединок я зову!
На поединок выходи!

Казан

Кеке! Кипчаков выкликал
На поединок я. Ты кто?

Кобланды

Тебе о том не надо знать.
Я мститель, и заступник я
За свой поруганный народ!

Казан

Кто твой отец? Кто мать твоя?

Караман
(не выдержав, гневно)

Ослеп ты, что ли, пес Казан!
Перед тобою Кобланды!
Тебя накажет наш Коблан!

Своим криком Караман нарушает ритуал поединка.

Казан
(возмущенно)

Уйми невежду, Кобланды!

Батыры безуспешно пытаются остановить Карамана.

Караман
(кричит)

Он знать не хочет Кобланды,
Но он узнает Кобланды!
Я сам Казана накажу...

Аккозы

Утихомирься, Караман!

Казан
(грозно)

Кеке! Уймешь ли ты его?

Караман

Я сам тебя уйму, Казан!
(В ярости.)
Да я тебя убью, Казан!
И в землю я тебя вгоню!

Кобланды
(кричит военачальникам)

Вы свяжете его?! Как пес,
Разлаялся! А ну не лай!

Караман
(поднятый в воздух Аккозы)

Да я Казана раздавлю!..

Аккозы *(трясет Карамана. Смотрит, как безумному, в лицо).* Эй, эй, очнись! Ты что, обезумел? Ты нарушаешь правила поединка. Или ты взбесился? *(Караман молча уставился на Аккозы.)* Впереди Кобланды, за ним рать, ты этим опьянен? Трусливый щенок при виде волка прячется в юрте и неугомонно лает. Не ты ли такой щенок?

Караман. Щенок? Неугомонный щенок? Неужели я на него похож?

Аккозы. Очень похож.

Караман. О, как ты унижаешь меня! Ты раздавил меня. Теперь сам вижу, что похож. И надо же было мне кричать.... *(Успокаивается.)*

Казан
(Кобланды)

Кеке, с тех пор как я живу,
Из всех моих врагов, Коблан,
Ты самый ненавистный. Кровь
Вскипает, лютая вражда
Кипит, чуть вспомню о тебе...
Теперь дошел ты, Кобланды,

До гибели своей. Кеке!
Отдай крылатого коня
И эти латы мне отдай
Без боя. За грехи свои
Отдай их мне, покуда жив.

Кобланды

Мой конь тулпар, что подо мной,
Был выхолен не для тебя
И не отцом твоим. И сталь
Тех лат, которые ношу,
Не молит, чтобы их Казан
Надел! Ковала их рука
Моей супруги дорогой!
Моя любимая Кортка
С надеждою ковала их,
Что уничтожу я тебя!
И чтоб сбылась мольба Кортки,
Я изрублю тебя, Казан!

Казан

Кортка! Кортка? Кеке! Кеке!
Ну что же, выходи! Сейчас
Растерзан мной один из вас!
Отправлен к праотцам смельчак,
Сейчас я потушу твой глас,
И ты за ним пойдешь, кипчак!
Ну, выходи! Кеке-кеке!

Кобланды
(своим батырам)

Кого это убил Казан?
О ком это он так сказал?

Аккозы

Отмсти Казану, не щади
Шакала. Это подлый враг.
От рук его погиб Шуак!

Кобланды

Как? Мой Шуак? Мой брат Шуак?
(Кидаясь на Казана.)

Умру! Весь в пламени сгорю!
Зато отмою кровью кровь!
И раздавлю тебя! Иди!

Начинается поединок. Батыры обеих сторон молят богов даровать победу своему любимцу. Наконец Кобланды сбивает с ног Казана и добивает его кинжалом. «Месть! — кричит он. — Месть! Не пощажу врага!» Казан мертв.

Аккозы

Победа! Аламан! Казан
Повержен! Слава Кобланды!

Кипчаки повторяют его возглас «Аламан!» и убегают.

Кобланды
(военачальникам)

Спешите в крепость поскорей,
Из плена выводите всех,
И поживей. Седлать коней!
Пусть вам сопутствует успех!
Я на кургане остаюсь!
Скачите в крепость поскорей!

Аккозы

Скачите все крушить орду,
Спасать невольниц! Аламан!

Все уходят. На сцене остаются Кобланды и Караман.

Караман
(хвастливо)

Как наказали мы его!
И поделом тебе, Казан!
Зачем ты нам испортил той!
Зачем, как ястреб, налетел?
Я знал еще сто лет назад,
Что ты сгниешь, шакал Казан!

Кобланды
(упал на труп Шуака, обнял его, горько рыдает)

Бесценный мой, родимый мой!
Тебя ли, брат мой, смерть взяла?
Зачем я от тебя отстал
И волочу теперь судьбу?
Ты дал врагам себя убить,

Н. Тихонов, М. Ауэзов, Б. Полевой
среди участников III Международного конгресса
в защиту мира. Дели, 1961 г.

Зачем же я остался жить?..
Зачем я раскисал в любви,
Чтоб очи закрывать твои?..
Твоя, твоя вина, Коблан!
И кара эта горше ран.
С чем я явлюсь к тебе, народ?
О, лучше пусть Коблан умрет!
Проклятие тебе, Коблан!
Позор! Умри теперь, Коблан!
(В отчаянье падает без чувств.)

Караман
(в сторону врагов)

Сказал я вам, что будет так!
Наказываю только так!
Ведь я такой! Всегда такой!
Выигрывая каждый бой,
Я возвышаюсь высоко
Своею гордой головой!
Какой счастливец Караман!

За сценой слышно приближение ведьмы: «Зу! Зу! Арзу!»
Караман озирается.

Ой, кто же это? Кайракан!
Что, снова злобная Коклан?
Ну, погоди! Ну, погоди!
Тебя убью, лишь подойди...
И уничтожу я тебя...

Уничтожу тебя... *(Начиная слабеть, говорит медленно, словно засыпает.)* Уничтожу тебя... *(Его одолевает дрема.)* Что со мной? *(Смотрит на Кобланды, но тот крепко спит.)* Кокжал мой... *(Уже спит стоя.)* Коклан... Кок... Кук... кук... *(Захрапел и свалился.)*

Входит вооруженная Карлыга.

Карлыга
(собираясь поразить саблей Кобланды)

Ты с дедовских времен мне враг,
И, значит, вечная вражда
Нас сблизила с тобой, кипчак,
Пощада, жалость мне чужда!
(Наклоняется.)

Руби же, меч мой, Кобланды!
(Замахнулась, но не опускает меча.)
Но что за странный лик? Черты
Спокойны так, как будто зло
На них ни разу не сошло.
Он спит беспечно, как дитя.
(Задумалась.)

Раздается «Зу! Зу!». Вбегает Коклан. За ней входит грозный Кобыкты.

Кобыкты
(Карлыге)

Бельде! Бельде! А ты меня
Опередила. Твоему
Мечу я верю, Карлыга!
Ты уничтожила врага!

Карлыга

Тебя ждала я, хан коке.

Кобыкты

В кровавой битве старшинство
Не много стоит, и его
Превыше мужество и меч!

Карлыга

Врага не меч сразил, а мощь
(указывает на Коклан),
Мощь гневной матери.

Коклан

Зу! Зу!
Арзу! Руби же, Карлыга!
Руби же голову врагу!
Нет ненавистнее врага!

Кобыкты

Бельде! Повержен им Казан!
И крепость обратил он в прах,
И выть заставил он Коклан,
Да это тот кипчак Коблан,
Он самый нечестивый враг!

Коклан

Сгубп его!

Кобыкты

Сейчас убью!

(Заносит меч, но Карлыга подставляет свой.)

Карлыга

О алдияр! Всесильный хан!

Кобыкты

Прочь, Карлыга!

Карлыга

О хан! Коке!
Ведь ты силен, как небосвод,
И не перечу я тебе.
О чести думая твоей,
Я разве смею умолчать?..
Ты с юных лет батыром стал,
Стал молнией и стал грозой,
Ты стал отважным Кобыкты,
Но ведь еще ни разу ты
Врагов заснувших не разил!..
Боюсь, раскаешься потом...

Кобыкты

(опомнившись)

Бельде! Бельде! Что молвишь, дочь?
Негодная девчонка! Прочь
Иди... Зачем раскрыла рот?
Теперь уж притупился меч.
Ты говоришь, какой почет
У спящего главу отсечь?
Но как мне с ними поступить?

Карлыга

О алдияр! Мы их запрем
В подвале и пытать начнем.
Над ними суд не будет скор
И тяжким будет приговор.
(Связывает Кобланды.)

Кобыкты

Подай мне их. За смерть бойца —
Казана — оба подлеца

Средь гадов в яме поживут
И пожалеют сотню раз
О том, что не погибли тут.

Уходит, взяв под мышки Кобланды и Карамана. Вслед за ним, торжествуя, уходит Коблан.

Карлыга
(задержавшись на сцене)

Не понимаю, что со мной?
Как не убила я врага
И не позволила отцу
Его убить? Иль я робка?
Но что с тобою, Карлыга?
Ты пожалела, Карлыга,
Врага? Или твоя рука
Вдруг задрожала, Карлыга?
Но что с тобою, Карлыга?

Занавес.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Ставка Кобланды. Вид прежний. За сценой слышен тревожный шум набата. Кортка, Карлыгаш, Аналык, держа в руках парные светильники и совершая обряд моления, просят богов защитить Кобланды.

Все трое

Камбар! Спаси и сохрани!
Танри, ты милостив, Танри!
Спаси Коблана. Сохрани!

Карлыгаш

Мне чудится: пришла беда,
А вдруг потерян навсегда
Единственный мой брат, Коблан?!
(Молится.)

Кортка

Я буду жертвой на пути
Супруга моего! Танри!
Спаси Коблана! Сохрани!

Аналык

Спаси, Танри! Храни, Камбар!
Дай сыну светлого пути,
Судьба, ты нас не разлучи!
Стенаньем не томи моих
Ягняток, дочерей моих!
(Обнимает Кортку и Карлыгаш.)

Карлыгаш

Конец приходит нашим дням!
Не будет больше счастья нам!

Аналык

Молчи! Закрой ей рот, Камбар!
Чем слышать это, лучше мне
Сгореть на жертвенном огне!

Кортка

Луна моя и мать моя,
Опомнитесь, опору мы
Должны в своих сердцах искать.
Крепитесь духом, а слезой
Беспомощною унижать
Своей души мы не должны.
Не оскорблю я Кобланды
Своим рыданьем. И врагам
Обрадоваться я не дам!
Луна моя, уймись, сокрой
Свою печаль.

Входит Тохтарбай. Он весь в крови.

Карлыгаш

Отец родной!
Беда явилась к нам, отец!

Тохтарбай

Бескрайне горе. С ним сойду
В могилу. Кто из вас в живых
Останется, запомнит пусть
Врага и знает: месть свою
Я Кобланды передаю.

Кортка

Кто враг? О только б не Казан!
Иль нас создатель наказал?

Тохтарбай

Страшнее не было б беды:
За ним ведь мчится Кобланды!

Карлыгаш

Отец несчастный, мне страшны
Твои догадки! Что нас ждет?..

Кортка

Что впереди? Что впереди?..
Нет, нет... Души не береди...
Сломав затворы, вышла я
На волю. Выйдя из оков,
Себе я нажила врагов!
Мой лев! Супруг мой, Кобланды!
Ты будь вдали, но будь живой!
С тобой бы не было беды,
А я смирюсь с любой судьбой!

Доносится шум.

Тохтарбай

Они уже невдалеке.
Они уже в орде... Умру,
Но защищу мое гнездо!

Бросился навстречу врагам. Их несметное число. Тохтарбай схвачен. Входят Алшагир и Бирсимбай.

Алшагир

Асыр! Асыр! Удачен путь!
Преград нет больше! Ассырды!
(Кортке)
И то, что потерял, нашел:
Бегляночка в моих руках!

Кортка

А что во мне ты потерял?
Зачем преследуешь меня?

Алшагир

Я оскорбившую мой род,
Ушедшую к врагам Кортку,
И униженную Кортку,
Преследую. Я, Алшагир,
Герой отважный и батыр,
Приветствую мою Кортку!
Ты рада своему врагу?

Кортка

И ты считаешь, Алшагир,
К орде, когда в ней нет мужчин,
Подкрасться, как голодный волк,
Творить насилье и разбой —
Считаешь честью, Алшагир?

Алшагир

Асыр! Асыр! А что мне ждать,
Пока вернется твой Коблан?
А если умер он от ран?
(Хохочет.)

Аналык

О, пусть на голову твою
Твои гадания падут!

Алшагир

Не я, а сын плюгавый твой
Вновь не воротится в орду!
Я одолел своих врагов,
Я покорил чужой народ,
Так разве недостоин я
Кортки заблудшей? Ворочу
К себе красавицу Кортку!

Карлыгаш

Ничтожный, сгинь, когда скалу
Покинул сокол, на скалу,
Затем, чтоб крохи подобрать,
Спустился коршун.

Бирсимбай

Свой язык,
Уйми, девчонка! Алшагир
Достиг мечты своей — Кортки!

Карлыгаш

Да где ему ее достать?!

Бирсимбай

Тогда я поклянусь, что ты,
А не красавица Кортка,
Добычей станешь! Для того
И совершаем мы набег,
Чтоб в плен девчонок забирать!

Алшагир

Асыр! Асыр! Всех в плен забрать!

Стража схватила Карлыгаш. Кортка хочет ее защитить. Алшагир мешает ей.

Не защищай ее, Кортка!
Сама сначала защитись!

Кортка

Так знай, кичливый Алшагир,
Что даже кречета гнездо
Сгорит от черного стыда,
Но не поддастся воронью.

Алшагир

Случайно свитое гнездо
Орел, коль надо, разорит,
Ведь он могуч и белокрыл!
Ты думаешь, случайно я
Испортил ваше торжество?
Кобланы не отдам тебя!

Кортка

Раз не достанусь Кобланды,
То не достанусь я сто крат
Тебе, голодный Алшагир...

Алшагир

Ну что же, на себя пеняй!
Меня до злобы довела
И хищным сделала сама!
Что ж, если вылезет мертвец
Из ямы, если мертвеца
Обрадует моя жена,

Моя добыча, что ж, тогда
Ты осчастливишь Кобланды!

Тохтарбай

Эй, нечестивец Алшагир,
Ты этого не совершишь,
Пока всех нас не истребишь!

Аналык

Сгинь вместе с именем своим.
Прочь! Руки прочь! Не трогай дочь!

Алшагир
(страже)

Отсечь обоим языки!
Они отец и мать врага!
Сорвите украшенья с них!

Воины срывают с них одежды.

Рабом — отца, рабыней — мать
Отныне буду называть.
Клянусь, что выжгу я клеймо
На их телах. Пусть служат мне!

Кортка
(измученным Тохтарбаю и Аналык)

Родные, славные мои!
Перед лицом своих врагов,
Великий вам даю обет:
Что ежели когда-нибудь
Терзанья ваши позабыть
Смогу, в позоре стану жить
И слабым мыслям покорюсь,
И если я когда-нибудь,
Хотя бы на единый миг,
В дневных моленьях и ночных
Смогу Коблана позабыть, —
Пусть свет угаснет для меня,
И черные глаза мои
Пусть вытекут, чтобы на свет
Не смела больше я глядеть.
Пускай отсохнет мой язык,
Чтоб о другом молить не смог!

Алшагир

Увижу, как тебя спасет
Обет и как из рук моих
Тебя он вырвет! Я держу
Тебя надежно! Не сойдешь
Теперь со своего пути.
Твой путь, Кортка, — позорный плен.
С того пути возврата нет!

(Воинам.)

Сжигайте и крушите все!
Разграбьте подлую орду!

Запылали огни.

А всех, кто жив, берите в плен!

Пленных уводят. Орда горит.

Занавес.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Орда свирепого Кобыкты. Карлыга одна стоит перед темницей.

Карлыга

Все то, чему была верна
И поклонялась, как-то вдруг
Меня отвергло, отсекло
И опозорило меня...
Ну, что ответишь, Карлыга!
Есть путь, что привлекал тебя,
Есть род, что отвергал тебя...
Вот в плен взяла ты одного
Из рода этого. Сама
Смерть от Коблана отвела...
А для чего? Тебе самой
Неведомы твои дела...
Ты видеть хочешь Кобланды,
Но не должна на Кобланды
Глядеть... Скажи, какой недуг,
Тобой владеет? Что с тобой?

Бирсимбай *(выходит с телохранителями, готовый к походу)*. Карлыга! Хочешь идти со мной в набег?

Карлыга. Я тебе уже говорила, Бирсимбай. Не по мне эта дорога.

Бирсимбай. Отец так повелел! Он вынул из своих ножен меч и послал его тебе. Вот, бери! *(Протягивает меч. Карлыга берет его.)* Велел тебе отомстить кипчакам за Казана и искупить свою вину. Идешь?

Карлыга. Нет, и теперь не пойду.

Бирсимбай. Что ты сказала? Ты что, щадишь моего врага?

Карлыга. Враг твой, но разве ты с ним бился в честном бою?! Он убил Казана на поединке. А в плен мы его взяли трусливо. И семью его ограбили, застав врасплох. Может быть, хватит с нас такого позора?! Или честь уже изменила нам? Теперь опять, крадучись, как волк, собираешься напасть на беззащитных?! Я не пойду с тобой. Не по мне эта дорога бесчестья. Пусть идет с тобой нечестивый Алшагир.

Бирсимбай. Дорога бесчестья, говоришь? Говоришь, не идешь? Алшагир бесчестен, говоришь? Так слушай же повеленье отца! Он решил выдать тебя за Алшагира. Так что уйми свой язык!

Карлыга. За Алшагира? Меня выдать... за Алшагира?

Бирсимбай. Да, решил тебя выдать за Алшагира. И покончим с этим. А как же иначе? Казана уже нет. Остался Алшагир. А кто лучше Алшагира?

Карлыга. Не у тебя, Бирсимбай, о том спрошу... Лучше сразу скажи, что еще приказал отец. Сразу скажи, какую судьбу мне уготовил.

Бирсимбай. Есть еще одно ханское повеленье. Тот, сказал он, кто не уйдет в набег истреблять врагов, пусть зорким стражем стоит у темницы, где закован Кобланды.

Карлыга. Стражем стоит у темницы?

Бирсимбай. Да, у темницы. Отделившись от меня, ты такой ищешь чести? Что ж, стереги пленных врагов. Пожалела кипчаков? Что ж, души их в подземелье. По нутру тебе такой позор?

Карлыга. Пытками задумал убить врага, муками совести задумал извести сестру?

Бирсимбай. Так решено и веленье такое дано! Но запомни: не попадайся на моем пути. Не терплю упрямых! Если придется выбирать, выберу твою смерть! У тебя в руке меч отца. Заупрямишься — этот меч тебя поразит. *(Уходит.)*

Видна темница, двор, окруженный высокой каменной стеной. В мрачной темнице Кобланды. Во дворе воины. К Карлыге подводят Карамана.

Карлыга
(Караману)

Тебя освободили, что ж
К себе из плена не идешь?
Иль не боишься ты врагов?
Иль жизнь тебе не дорога?
Ответь же мне, кто ты таков?

Караман

Чего бояться мне? Пока
В тебе не вижу я врага!

Карлыга

Кипчацкий сын, дикарь-кипчак,
Ты разве свой мне? Ты чужак!
(Воинам.)
Подите прочь. Оставьте нас!
(Воины уходят.)
А что, если тебя сейчас
Я уничтожу? А, кипчак?

Караман

А я и так не дорожу
Собой. За друга я дрожу.
Я всем пожертвовать готов,
Так совесть мне велит и честь,
Но только вырвать у врагов
Я должен друга...

Карлыга

Видно, есть
И в дружбе жертвенный недуг,
Какой-то ненасытный дух,
И горе в дружбе и тоска...

Караман

Ты знаешь, что такое друг?
Чем дружба, знаешь, дорога,
Хотя порою и тяжка?

Карлыга

Что дружба — счастье иль беда? —
Не ведала я никогда.

Караман

Ты молода еще. Твоя
Душа еще совсем юна,
И не черства, и не грешна,
Она судьею быть должна!
Скажи, меня осудишь ты?

Карлыга

Ты жизнь отдашь за Кобланды?

Караман

Прикован я к его судьбе!

Карлыга

Ответь, послушен он тебе?

Караман

Он мне послушен. За всю жизнь
Ни в чем мы с ним не разошлись.

Карлыга

Нет выбора у Кобланды!
Один ему назначен путь!
Из плена выпущу его,
И пусть жестокая печаль
Во тьме не гложет Кобланды!
Но должен он забыть своих
И вспоминать их, как чужих,
С кипчаками теперь навек
Я разлучаю Кобланды!
Кобланом был сражен Казан,
Теперь пусть беком станет сам,
Сразивший бека Кобланды!
Бесстрашный воин и батыр,
Он славу принесет и мир
Моей орде! Кто Кобланды?
Он украшение орды!
Тогда не быть ему в плену,
Ему свободу я верну
И дружбой одарю его,
Но пусть исполнит договор!
И если ты Коблану друг,
То обещай склонить его,

Иначе — краток разговор
И голову Коблапу с плеч
Снесет мой богатырский меч!
Что мне ответишь, Караман?

Караман

Красавица, сурова ты,
Хоть путь свободы Кобланды
И указала, яду влив
И чашу жизни отравив!
Ты горшей пытки не могла
Придумать. Уязвила честь
Батыра!

Карлыга
(грозно)

Не смягчишь меня!
Двух приказаний не отдам!
Довольно слов! Итак уж я
С тобой болтала чересчур!
(Хочет уйти.)

Караман

Не волен я. Хоть дай мне срок.

Карлыга

Тогда скорее говори.

Караман. Кобланды не согласится! Но так уж и быть, передам. Дай мне его увидеть.

Карлыга подает слугам знак. Освещается маленькое окошечко темницы. Карлыга стоит невдалеке, прислушивается.

Караман. Кобланды!

Кобланды. Ты жив?

Караман. Лучше бы погиб, чем так жить... Пытают. Как стая бешеных волков, грызут нас. Тяжело мне, Кожал мой.

Кобланды *(в темноте его голос звучит сердито)*. Не скули, как ягненок-сиротка. Лучше мне ослепнуть, чем смотреть на тебя такого. Верил, что освободишь меня из темницы, а ты ходишь вокруг, как нищий.

Карлыга. Как нищий?

Караман. Твоя судьба, так же, как ключи от темницы, в руках девчонки-батыра Карлыги. Я говорю с тобой по ее поручению.

Кобланды. Что ей нужно?

Караман. Она требует, чтобы ты не упрямился.

Кобланды. Что обещает?

Караман. Обещает помиловать, но с тем, чтоб ты остался при ней.

Кобланды. Опозорить себя, продать свой народ, продать Кортку?!

Караман

Сначала б вышел ради них...

Кобланды

Продавшись в рабство, волю взять
Из рук притворщицы.

Карлыга

Из рук
Притворщицы?

Караман

Я так и знал...

Кобланды

Ох, лучше б сгинул ты, Коблан!

Карлыга

Что за упрямые слова
Кипчацкого волчонка! Речь
Невиданного гордеца!
А я скрываться не хочу,
Хочу взглянуть в его лицо!
(Подходит.)
Твой друг ошибся, Караман!
Погибнуть хочешь? Обретешь
Немедля гибель... Волю дам
Тебе, Коблан, не для того,
Чтоб миловался ты с Корткой,
А чтоб остался у меня
На службе.

Кобланды
(подбегая к окошечку)

Где ты? Покажись!
Поближе подойди! Яви
Свой злобный лик моим глазам!

Карлыга

(становится против отверстия темницы)

Вот я. Что скажешь, Коблапды?

Кобланды

Скажу! Запомни, Карлыга!
Та воля, что ты мне даешь,
Страшнее пыток палача.
На поводу твоем ходить?
На привязи твоей кружить?
Так за кого же, Карлыга,
Ты принимаешь Кобланды?

Карлыга

Не в равной схватке ты сражен,
К тому же безоружен ты,
Ты пленник мой, и я с тобой
Не столь жестока, Кобланды!
В тебе не вижу я врага,
Тебя другая ждет судьба.
Иль ты считаешь — Карлыга
Никак не ровня для тебя?

Кобланды

Эй, ядовитая, молчи!
Я из другого табуна
И, взятый в стойло Кобыкты,
Хотя печалью и томим,
Любую кобылицу счесть
Подарком добрым не могу!

Карлыга

Коблан, довольно!

Кобланды

Я не все
Сказал. Запомни, Карлыга,
Что милости я не приму
Из рук заклятого врага!
Еще подам я гневный клич,
Еще я вскину верный меч!
В чем счастье, Карлыга? А в том,
Чтоб всех на гибель вас обречь!
Еще насильник Кобыкты

Узнает силу Кобланды!
Мое спасенье не в мольбе,
С которой обращусь к тебе,
Мое спасение в борьбе!
Я косы разрублю тебе,
И, как орел залетный, я
Добычей унесу тебя...
Иди же, не щади меня!
(Караману.)
А ты исчезни с глаз моих!
Не мучь меня...
(Быстро отворачивается и скрывается в темноте.)

Карлыга
(в сторону)

Такой обиды никогда
Я не терпела! Как снесу?
И почему своим мечом
Коблана я не изрублю?
Где гордость Карлыги? Где честь?

Пауза.

Ни гнева нет, ни злобы нет.
Иль изменила я себе?
Обольщена? На счастье? Смерть?
И только жалости ищу,
И мирной стала, и не мщу?
(Задумывается.)

Караман
(уходя)

Я чуял неудачу...

Карлыга
(Караману)
Нет!
Не уходи... Постой!

Караман
Ну что?

Карлыга
(тихо к нему подходит)

Ты сверстник мне. Ответь, смолчишь,
Коль тайное скажу тебе?

Караман

Я выслушаю, говори...

Карлыга

Хотя меня другая мысль
Сюда вела, я от нее
Отворотилась. Сердце жжет
Другая дума. Не могу
Батыра мучить. Уняла
Свою жестокость. Но батыр
Не хочет выйти из дверей,
Открытых волей Карлыги!
А выйти надо. Слышу весть
Недобрую...

Караман

Какую весть?

Карлыга

Шакал голодный Алшагир,
Узнав о плене Кобланды,
Орду его ограбил, всех
Родных и близких в плен увел!

Караман

Погибель нам! Погибель нам!

Карлыга

Намеком говори, прошу,
Батыра в сердце не рази,
Не то от ярости умрет...
И посоветуй поскорей,
Как вывести мне Кобланды
Из этой ненавистной мне
Теперь темницы!

Караман

Карлыга,
Ты близким другом стала нам!
Одно лишь средство, Карлыга,
Я знаю: подведи сюда
Коня-тулпара Кобланды,

Хлестни, чтоб с мукою заржал,
Тогда не стерпит Кобланды,
И ярость вытолкнет его!

Карлыга уходит.

Караман. Кокжал, эй, Кокжал! Худо мне.

Кобланды. Знаю. Ну!

Караман. Душат меня холодные камни. Снова опустилась чернокрылая печаль. Мы одни здесь остались.

Кобланды. Ну!

Караман. Никогда я тебе не помогал силой, но советами помогал. Что мы натворили с тобой?

Кобланды. Чего тебе от меня надо?

Караман. Разве ты не знаешь, что делать? Почему не хочешь выйти на волю?

Кобланды. Зачем мне такая воля?

Караман. Смерти ждешь?

Кобланды. Вместо позорной жизни призываю проклятую смерть!

Караман. Точно... Точно... Позор... Не в борьбе, не на поле битвы... Проклятая ведьма Коклан тебя одолела... Вот что всего позорней.

Кобланды. Оставь, оставь свой бред! Кого Коклан одолеет! Тебя, трусливого зайца! Летучая мышь, ничтожная кукушка, тварь сумасшедшая, неужто она меня одолела?! Нет, не она!.. Одолели меня муки совести. Лишили меня рассудка. И вот я в горе. Нет, не плен сковал меня, не каменные стены раздавили. Только одна мука грызет-терзает, только ею одной побежден. Нет мне большей кары и большей пытки. Раскаяние... О, раскаяние! О народе моем, о чести и мести его терзаюсь! О народном сыне, герое, боевом моем друге терзаюсь. Безвинную мою любовь только на один-единый миг продлить хотел! За любовь, за краткий миг счастья наказан. Родного Шуака, верного друга, потерял. Как теперь взгляну в лицо моего народа, вверившего мне свою судьбу? Как взгляну в лицо матери моей? Как взгляну в печальный лик моей Карлыгаш? Нет, не воли, а пытки, беспощадной пытки я достоин! Пытайте меня, несчастного!

Караман. Что ответить, что ответить тебе? Прав, когда говоришь о себе самом. Но где кипчаки, где кияты, где народ, который тебе одному доверился? Где родина Кара-Аспан, ожидающая тебя? Где твои горемычные родители?

Кобланды. Волною, бьющей в рыхлый берег, не терзай мою душу! Разве я властелин? Что делать мне, если я одинок и подвешен на тонком волоске судьбы? Разве я вымаливал себе эту участь?

Караман. Одинокий, но ты пламенем был! Я надеялся, что ты обо всех думать будешь! А вдруг есть горе, горшее, чем смерть Шуака? Что, если, пока мы сидим здесь в каменных объятиях, враги набегом обрушились на орду и уже стопут наши отцы и жены?

Кобланды *(словно очнувшись)*. А-а... Что ты сказал? Что ты сказал?

Доносится ржание Тайбурыла.

Чей голос? Чей это призыв? Будто душу сжигает огнем! Чей это голос, ответь?!

Караман

Я в горе сам. Тебя зовет,
Ты слышишь, кто?

Кобланды

Мой Тайбурыл!
(Мечется в ярости.)

Караман

Зовет тебя твой Тайбурыл!

Кобланды

Крылатый друг мой, Тайбурыл,
Тебя измучил враг?

Караман

Иль друг!
Разумный друг почуял вдруг
Издалека призыв Кортки:
«Коблан, взывает, помоги!»

Кобланды

Кортка взывает? Тайбурыл?
(Разрывает цепи.)
Кипи, вскипай былая мощь!
Я не хочу сдыхать, как пес!
(Крушит все в темнице. Сбросил оковы.)

К темнице подбегают воины.

Старший воин
(вынимая меч)

Снести темницу захотел!
Ну, что ж! Я подожду с мечом
(воину),
А ты батыру доложи...
Нет, к хану самому скачи!

Воин уходит. Старший воин смотрит, как Кобланды в темнице все крушит и ломает оковы. Появляется Карлыга.

Карлыга
(старшему воину)

Что здесь случилось? Почему
Ты здесь стоишь?

Старший воин

Твой подлый враг
Крушит темницу и готов
Наружу выйти. Я хочу
Его поддеть на меч!

Карлыга

Прочь! Прочь!

Ее не слушают.

Прочь, говорю! Сойди с пути!
Прочь с глаз моих. Уж я сама
Сумею встретить Кобланды!

Старший воин
(не слушая ее)

Ты изменила, Карлыга,
Самой себе...

Кобланды уже ломает дверь темницы.

Карлыга

Прочь, говорю!

Старший воин

Я не изменник, не уйду!

Карлыга
(обнажает меч. Караман тоже готов к бою. Но Карлыга его останавливает.)

Джигит, посторонись!
(Старшему воину.)
А ты
С дороги прочь!

Старший воин
Не отойду!

Карлыга сбивает с ног двух воинов. Старший воин бросается к ней. Начинается поединок. Кобланды выломал дверь, вышел. Карлыга поражает мечом старшего воина.

Карлыга

Не осуждай меня, батыр,
Зато свободен путь, батыр!
Коль недруг встретится, батыр,
Мой меч дарю тебе, батыр.
Круши врагов своей орды,
Батыр бесстрашный Кобланды!

Караман

Должник теперь я, Карлыга,
Моя родная Карлыга...

Карлыга

Так что же не берешь, Коблан,
Мой меч? Он дружеской рукой
Тебе протянут...

Кобланды
Знать, в долгу
Я у тебя... Но как возьму
Твой меч? Какой тебе ценой
Я отплачу и искуплю
Какою клятвой, Карлыга?
Ты стала другом из врага...

Карлыга
(довольная, подбегает к Кобланды и вручает ему меч)

Бери и все сомненья брось!
Ведь слово «друг» в твоих устах
Избавило тебя тотчас
От всех долгов. И рада я
Жизнь за тебя, Коблан, отдать...

Доносится стук копыт. Приближаются кзылбасы.

Караман
(оглянувшись)

Несется лава Кобыкты!
О, Кайракан! Скорей, Коблан!
Несется лава Кобыкты!

Кобланды
(не спеша)

Ответь, как быть мне, Карлыга?
Ведь я перед тобой в долгу,
Но должен биться насмерть я
С твоим отцом. Скажи, как быть,
Я жду ответа твоего!
Решай же, как мне поступить!

Караман

О, Кайракан! Он близок, хан!
Опомнись же, очнись, Коблан!
Что делать мне, ответь, Коблан!
О, Карлыга, о мой Коблан!

Карлыга

Отец мой — враг твой, все равно
Решения не изменю!
Сражайся за себя, Коблан,
За честь свою, орду свою.
Не думай обо мне в бою.
О жизни я твоей молю!

Появляется Кобыкты.

Кобыкты. Бельде! Бельде! Бельде! *(Грозно Карлыге.)* Черным недугом, сгустком крови жила во мне неистребимая месть. На вражьей крови я скреплял свою клятву — не давать пощады моим врагам. Разве ты не ведала о том, Карлыга? Почему же ты не убила Коблана?

Карлыга. Отец, я сама побеждена Кобланом.

Кобыкты. Не желаю слушать о позоре твоем. Где меч, который я тебе доверил?

Карлыга. Он в руках молодого батыра.

Кобыкты. И как ты снесла такую обиду?! У тебя отобрал он меч! Зачем же ты осталась жива? Отвечай, Карлыга!

Карлыга. Не стала я сражаться с батыром. Сам должен понять...

Кобыкты. Лучше бы ты сразила меня. Сгинь, исчезни с моих глаз! Теперь ты не дочь мне *(Кобланды.)* Давай выходи на смертный бой!

Кобланды

Иди! Я выйду, Кобыкты!

Кобыкты

(озлоблен, нетерпеливо выбирает оружие)

Бельде! Бельде! Бельде! Во мне
Вскипела кровь! Позор! Позор
Явился мне! Убью! Убью!
Всех уничтожу!

Кобланды

(бьется с Кобыкты)
Карлыга,
Простишь ли мне? Прости меня...

Кобыкты

В могилу заживо вгоню!

Кобланды сражает его мечом. Кобыкты падает мертвый.

Караман

Будь милостивым, наш Камбар!
Нам покровительствуй, Камбар!
Так поспешим же, Кобланды!
Скорее в путь...

Кобланды

Я никуда
Отсюда не уйду!
(Карлыге)
Не счесть
Вины моей! Ты, Карлыга,
Отныне властна надо мной.
Приказывай!

Караман

О, Кайракан!

Кобланды

Приказывай мне, Карлыга!

Карлыга

Ты приказаний ждешь моих?
Не это ли моя мечта?!
Но выслушай меня, батыр!
Тебя неволить не хочу
И только об одном прошу:
Позволь всегда мне быть с тобой,
Скакать с тобой на смертный бой,
И другом называть тебя,
И другом верным быть тебе —
Иного не желаю я!

Кобланды

Исполню все, мой верный друг!

Карлыга

Тогда веди меня, батыр!

Занавес.

ИНТЕРМЕДИЯ

Орда Кобланды превращена в пепелище. Пусто и немо вокруг. Среди развалин один Кобланды.

Кобланды

О, разоренное гнездо,
О, золотая колыбель,
Теперь разбитая! Так в чем
Моя вина? И почему
Я обречен на вечный мрак?!
Ненастный день похож на ночь.
Где я бреду? Места мои,
Мои родимые места!
Но не найду моих родных!
Земля иссохла. Сиротой
Лежит моя Кара-Аспан!
Птенец, что был тобой взращен,
В твои пределы возвращен,
Ответь мне, чем повинен он?
Он ходит средь родных могил,

И глас его похож на стон.
Хоть молви мне: «Умри, Коблан!»
Злосчастный мир, коль ты не враг
Коблану, сжалься и ответь:
Куда бреду? Зачем бреду?
(Печальный, садится на камень.)

Появляется Карлыга.

Карлыга

В гнезде суровом я росла,
Ударов множество снесла,
Но реяли мои мечты
Среди небесной высоты.
Вот он сидит. Его печаль
Черна, как черная скала.
Могу открыться я ему?
Сказать: все позади сожгла,
И впереди — сплошной туман.
Куда иду и с кем иду?
Но я исполню свой обет
И до любимой доведу
Коблана. Сил не пощажу,
Но до любимой доведу.
И на Кортку я погляжу,
Тогда судьбу свою найду.

Появляется Караман.

Караман

Родная сверстница моя,
Ты в горе и тоске! Я звал
К себе печаль, беду и смерть!
О ненаглядная моя,
О, где ты, сверстница моя?!
(Вдруг находит золотой кол.)
Что это? Что? Среди руин
Как будто найден тайный знак!
О мой Кокжал! О Карлыга!
Смотрите!

Карлыга

Как сюда попал?
Он, может, кем-нибудь забыт?

А может, не случайно здесь
Оставлен? Надоумить он
Нашедших должен...

Караман

Понял я!
Моя родимая Кортка,
Твой светлый ум я снова чту!
Эй, выше голову, Кокжал,
Скорей гляди сюда! В пути
Безбрежном для скитальцев знак
На небе есть — Железный кол [1]
Недвижен, постоянен он.
И сердце дорогой Кортки
Ему подобно. За нее,
Оставившую ясный знак,
Должны мы биться до конца.
А если одолеет враг,
Пусть четвертует молодца!
Эй, Кобланды, долой печаль!
И по звезде держи свой путь.
Вскинь голову, пусть месть твоя,
Как смертоносная стрела,
Врага настигнет!

Кобланды

Укрепи
Мне крылья! И в моей душе
Огонь раздуй! И говори,
И говори, мой верный друг,
И не щади меня!

Карлыга

Коблан!
Родной Коблан! Кто лютый враг?
Я отыщу его следы!
Так не томи же свой народ
В плену у вражеской орды!
Огонь надежды пусть горит,
И пусть не мучится Кортка.
Когда освободим ее,

---

[1] Железный кол (Темир-казык) — казахское название Полярной звезды.

Развеется ее тоска.
Я вся отмщенью твоему
Посвящена! Так испытай:
Сильна ль, надежна ль Карлыга?
Вперед, на крепости врага!
Ты, как копье, и буду я
Разящим острием копья!
Я буду впереди тебя
Скакать! Готовься в путь, батыр!

Кобланды

Готовьтесь в путь, мои друзья!..
...Зеленый молодой дубок,
Что к небу синему растет,
Не должен у творца молить
Покоя, полного тоски!..
И пусть за счастье он сочтет
Ниспосланную духом зла,
Рожденную из черных туч
Неистовую бурю-смерч!
Пусть лучшей долей он сочтет
Колючий снег, холодный вихрь,
Жестокий ледяной мороз!
Когда, разверзнув небеса,
Танри ударит в свой набат
И, засверкая, потечет
Огонь небесный, пусть тогда
Не дрогнет он, и пусть опять
О том же самом молит он!..
Подобно юному дубку,
И ты, мой молодой народ!
Ты горд! И честь и мощь твою
Никто не в силах укротить!
Тебя не одолеет смерть!
И я, Коблан, не покорюсь,
Сражаться буду до конца!
Один лишь путь перед тобой!
Один лишь путь передо мной!
Вперед, за мной, мои друзья!
Веди меня, о месть моя!

Уходят.

Занавес.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Орда грозного Алшагира. Покои выходят во внутренний двор. Видна часть высокой каменной стены и окованные ворота. В комнате Куникей играет со своим женихом Бирсимбаем.

Куникей *(ударяя жениха колотушкой по голове)*. Бей-бей, колотушка! Бей-бей! *(Снова бьет и хохочет.)*

Бирсимбай. Лучше возьми меч!

Куникей. Зачем же портить бескровную игру?

Бирсимбай. И в этом вся сладость? Или это ритуал дружбы?

Куникей. Не дружбы, а любви!

Бирсимбай. Как жаль, что ты просто девушка, а не девушка-батыр! Вот тогда бы потешились!..

Куникей. Если тебе скучно, то признайся. Не хитри... Но Куникей, твоя невеста, как раз такая...

Бирсимбай. Ее любовь вроде наказанья, да?

Куникей. Молчи! Куникей любит не как горлица, размякнув и млея. Она любит, как рысь, кусая и царапаясь. Не терпится соколику моему? Пусть помирает... *(Хохочет.)*

Входит Алшагир. Куникей снова ударяет жениха.

Ударь, ударь, колотушка, а ну-ка, еще ударь!.. *(Снова хохочет.)*

Алшагир. Играете, высокородные? А какое назначите наказание нарушителю вашей игры?

Куникей. А кто ее нарушит?

Алшагир. Враг. Враг нарушит!

Куникей и Бирсимбай. Враг?! Враг!

Алшагир. Долетела суровая весть. Ненавистный кипчак бежал из плена!

Бирсимбай. Из нашей темницы? Будь ты проклят, отец! Развалиной стал! Позор тебе, Кобыкты!

Алшагир. Виновен не твой отец, а Карлыга.

Куникей. Карлыга? Как Карлыга?

Алшагир. Сама выпустила кипчака и бежала с ним. *(Злобно.)* Как сука гончая, ушла с охотником!

Бирсимбай. Сука? Завоет она у меня! Куда же смотрел Кобыкты? Или он мертв?

Алшагир. Печальная весть — мертв он!

Бирсимбай. Кто его убил?

Алшагир. Коблан. Убегая, поразил Кобыкты!

Куникей. Пасть от руки врага? Какой позор!

Бирсимбай. Недостоин моей печали отец, если так погиб. Поделом ему! Но месть... месть моя жива! Алшагир, готовься в поход! *(Начинает собираться.)*

Алшагир. Всего себя твоей мести посвящу. Я готов!

Собирается уходить.

Куникей. Месть... Месть! Нет других богов! Но пусть месть будет долгой, многократной! Слушай, Алшагир, мое повеленье. Карлыга не просто бежала с кипчаком. Она стала его женой. Глупость сотворите, если только убьете кипчака. Разве не в руках твоих его жизнь... его возлюбленная Кортка? Сделай ее своей наложницей... Заставь ее стать твоей, а потом отправляйся в путь. Вот мое повеленье!

Бирсимбай. Хороший дает совет! Это хорошее начало мести! Слушайся ее, Алшагир!

Алшагир. Правильно говоришь, повелительница моя! Не могу ослушаться! Но сама скажи это стерве. Сама прикажи ей!

Куникей. Скажу сейчас же! Позвать всех сюда! Приведите ко мне рабынь! *(Хлопает в ладоши.)*

Бирсимбай и Алшагир выходят. Слуги вводят Кортку и Карлыгаш.

Куникей
Ну что, печальная Кортка,
О муже плачешь до сих пор?

Кортка
Зачем зовешь? Что скажешь мне?

Куникей
Ты опасалась, что супруг
Погиб, а он остался жив,
Но он потерян для тебя.
Бежал из плена твой Коблан,
Бежал, убивши Кобыкты!

Карлыгаш
О, милосерден будь, Камбар!

Куникей
(Кортке)
Так почему не рада ты?

Кортка

Не радовать меня звала!
Еще что скажешь, Куникей?
Уж до конца все объявп,
Убей надежду...

Куникей

Не убью...
Убьет ее твой Кобланды...
Себе подругу он нашел,
Ее любовь он испытал:
Она позволила убить
Кипчаку своего отца.
И Кобланды забыл Кортку
И взял в супруги Карлыгу.

Кортка

Не слишком радостная весть!..
Но все-таки я не пойму,
Чем ты довольна, Куникей!

Куникей

За смертью смерть не шлют вослед.
И сердце мужа не вернешь,
Поскольку в нем уж нет любви!
Мы злодеянье Карлыги
Решили искупить Корткой!
Тебя в супруги Алшагир
Возьмет, и обращусь к тебе
С любовной речью, как к родной.

Карлыгаш

Молчи, проклятая змея!
Ты думаешь, Кортка моя
Такая же, как ты, во всем
И мыслит о коварстве злом?!

Куникей

Ты высказала все? Так вот,
Клянусь, настанет твой черед!
Ты дар получишь от меня!
Тем даром честь очищу я!..

(Кортке.)
Что скажешь? Говори сама!
Ты поняла, каков Коблан?!

Кортка

Да... Поняла...

Карлыгаш
Ты что, Кортка?
О чем ты говоришь, Кортка?!

Куникей
(Карлыгаш)

Молчи!

Кортке

Теперь ты поняла,
Что не из чего выбирать?

Кортка

Я поняла...

Карлыгаш
Кортка?!

Куникей
Кортка,
Пусть радуется Алшагир?

Кортка

Ты брата позови ко мне,
Я договор с ним заключу!..

Куникей
(слуге)

Скажи, чтоб Алшагир вошел!
И Бирсимбая позови!

Входят оба.

Пускай решение Кортки
Известным станет и родным
Врага. Введите мать с отцом.

Алшагир

Пусть знают! Приведите их!

Слуги вводят Тохтарбая и Аналык. Отец и мать Кобланды теперь похожи на рабов.

Куникей

Вот путь, с которого уже
Сойти нельзя! И вот секрет,
Что станет явью через миг!
Кортка объявит уговор.

Аналык

Какую пытку ей сулят?

Тохтарбай

Какой объявит уговор?

Карлыгаш

Терпите, бедные мои!..

Кортка

Мной путеводная звезда
Потеряна. Безвольна я.
Бессильна. Стала я для всех
Посмешищем...
(Алшагиру.)
Хотя тебя
Я отвергала до сих пор,
Но ныне мне невмоготу
Тебе перечить, Алшагир.
Но только докажи сперва,
Что Карлыга и Кобланды
Жена и муж, и в тот же час
Супругой стану я тебе.

Аналык

Что? Что сказала ты?

Карлыгаш

Мой брат,
Мой бедный брат, прижал к груди
Ты не супругу, а змею!

Алшагир
(страже)

Эй, стерве вырвите язык!

Стража окружает Карлыгаш.

Тохтарбай

Что мне сказать? Что думать мне?!
Ведь в жизни бренной никогда
Подобной доли я не ждал!
О, злая, горькая судьба!

Алшагир

Я принял уговор, Кортка!
Пока не оторву косу
Изменницы и Кобланды
Пока башку не отрублю,
К тебе я не вернусь, Кортка!
Не обману тебя, Кортка,
И не нарушу договор!
(Приказывает увести Тохтарбая и Аналык.)
Они узнали обо всем,
И можно увести рабов.

Стариков уводят. Неожиданно вбегает Коклан.

Коклан

Глаза, скажите, где она,
Лукава и хитра она!
(Бегает вокруг Кортки.)
Когда сидела у меня,
Как от нее терпела я!
Как часто доставалось мне...
Когда же бросила меня,
Отмстить Кортке решила я.
Меня ты довела, Кортка!
Притворщица! Я не строга
Была с тобой! Мягка была,
А ты со мной была нагла!
Знай, Алшагир, что лучше смерть,
Чем от лукавой претерпеть,
Чем быть осмеянным Корткой,
Коварной, наглой и чужой!
(Беснуясь.)
Не слово, а ее бери!
Ее, шайтан тебя бери!
(Убегает.)

Кортка
(смеется)

Ну, что же медлишь, Алшагир?
Послушай гневную Коклан
И на костре меня сожги!

Бирсимбай

Нет... Слово только раз дают
И не берут его назад...

Алшагир

От слов своих не отрекусь,
И не советуй мне, Кортка,
Не лезь в мои дела, Кортка!
Но я кипчакам не прощу
И тотчас месть свою начну,
Начну вот с этой
(указывает на Карлыгаш),
с Карлыгаш...

Кортка
(смеется)

Еще жениться не успев,
Соперницу готовишь мне?

Бирсимбай

Как ты решаешь, Алшагир?

Алшагир

Послушай, Бирсимбай, меня
И не перебивай меня!
Ты тоже слушай, Куникей!
Ведь покорился я тебе,
И ты мне тоже уступи!

Куникей

Я уступлю. В чем уступить?

Алшагир

Да разве дочка дикарей
Когда-нибудь затмит тебя?
Так пусть наложницей берет
Дикарку эту Бирсимбай!

Карлыгаш

Прочь, погань! Руки, погань, прочь!
Молить не стану, даже слез
Не пророню! Нет, Карлыгаш
Женой не станет! Чем же я,
Ответь, снискала милость пса?
Гореть на медленном огне?
Достаться псу? Нет, Карлыгаш,
Мольбу Коблану посвятив,
Себя в закланье принесет
И напророчит смерть тебе!

Хочет поразить себя кинжалом. Куникей хватается за рукоять кинжала.

Куникей

Ты, непокорная раба,
Отвергла мужа моего?!

Карлыгаш

Презренный, он противен мне
Сильней могильной ямы...

Куникей
(вырвав кинжал)

Что?
Что ты сказала?! Бирсимбай!
Мой благородный Бирсимбай,
Выходит, даже дикарей?
О Алшагир, покорна я
Веленью твоему! Так вот,
Супруга честью дорожа,
Я не хочу снести обид,
Что нанесла мне Карлыгаш!
Так слушай, Бирсимбай, меня,
Коль не возьмешь ее рабой,
И наказанием ее
Не покоришь, и не сломишь
Ее строптивость, то считай,
Что ты не муж мне, Бирсимбай!
Пусть сгину я, коль не женю
Тебя на ней, мой Бирсимбай!

Алшагир

Да будет так! Да будет так!

Занавес.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Обстановка седьмой картины. Действие развертывается чаще всего во дворе у крепостной стены. Появляются Кортка и Караман.

Кортка

Где лев мой! Далеко ли он?

Караман

Недалеко. Он ждет вестей.

Кортка

А далеко его гонец?

Караман

Нетерпеливый Даулет
Нетерпеливо рвется в бой,
Помеху каждую бедой
Считая...

Кортка

Пусть он Кобланды
Дождется и ворвется с ним!
Пускай дождется Кобланды!
Сегодня день большой беды!
В звериной пасти Аналык,
И Карлыгаш, и Тохтарбай,
И я... Ждем смерти каждый миг...
Так Кобланды и передай.
Уловки все истощены,
И если запоздает он —
Сестры, родителей, жены,
Пожалуй, не увидит он.
Пусть он послушает меня,
Пусть не маячит вдалеке,
А тихо подойдет к стене.
От крепости ключи возьми.
(Передает Караману ключи.)
Я нынче выпросила их
У Алшагира, чтоб в степи
Немного погулять! Скачи!
Не медли, друг, скорей скачи!

Караман

Уйду. Потороплюсь, Кортка.
Но чтобы защитить тебя,

Батыра-девушку с тобой
Оставлю!

Кортка

Девушка-батыр!
Да кто такая?

Караман

Карлыга!

Кортка

(усмехнувшись)

Сказал бы лучше, Караман,
Кем счесть ее?

Караман

(смеется)

Кайра-ка-ан!
Пускай походом изнурен,
Не выжил из ума курдас.
Да разве Караман дитя,
Чтоб тайну выболтать тебе?

Кортка

(смеется)

Чем сердце мне мутить, курдас,
Уж лучше б ты совсем сгорел!

Караман

Угомонись! Ведь Кобланды
На многих хватит...
(Приводит Карлыгу.)
Я уйду.
Подружитесь вы без меня,
Во всем сойдетесь и щитом
Батыру будете!
(Уходит.)

Карлыга

Кортка?!

Кортка

Ты Карлыга?

Карлыга

Разведать я
Сюда пришла.

Кортка

Да будет путь
Твой счастлив и мечты твои
Да сбудутся! Давно я жду
Мгновенья этого.

Карлыга

Батыр
Печалится. Каракипчак,
Его народ, весь угнан в плен!
Он безутешен, Кобланды,
Тревожится за всех родных,
За стариков и за сестру,
Но страшным пламенем горит,
Чуть вспомнит о своей Кортке.
Его я горе приняла,
Его я душу поняла,
Пока ты не придешь к нему,
Себя я жертвой назвала.

Кортка

Я пред тобою, Карлыга,
В долгу! Пеклась ты обо мне,
О горестной моей судьбе!
Мне этого не позабыть.
Не пожалею ничего
И в этой жизни никогда
Не буду спорить я с тобой!
Но благодарность так мала.
Словами за долги нельзя
Расплачиваться...
(Смеясь.)
Есть иной
У нас обычай: если друг
Иль родственник свершит добро,
За это не благодарят.
Иль не права я, Карлыга?

Карлыга

Не стану об ином просить,
Лишь назови меня своей...

Кортка

Вернулось счастье бы ко мне,
Рассеялся бы лишь туман...

Карлыга

Свершил бы только Кобланды
Задуманное им самим!..

Кортка

Из неуверенной души
Сомненья бы скорей ушли...

Карлыга

Всю нашу веру, нашу мощь
С тобой Коблану посвятим...
(Про себя.)
Хотела видеть я жену,
Возлюбленную Кобланды —
И вижу мудрую красу.
Ее красу украсил ум,
Душа украсила красу.
Я все отдам, но их сведу,
А дальше, пусть сама сгорю,
Но уступлю, но отойду
И ей Коблана подарю.
(Кортке.)
Душой краса, лицом краса!

Кортка

О Карлыга, батыр и друг,
Я преклоняюсь пред тобой!

Раздается «Зу! Зу! Арзу!». Это идет Коклан. Кортка прячет Карлыгу. Появляется Коклан. Она ведет за собой Куникей.

Коклан
(будто принюхивается)

Лукавый, сгинь! Лукавый, сгинь!
Враг близок, близок, Алшагир!
Враг близок, Алшагир! Очнись!

Куникей
(торопливо)

Всех позову! Зовите всех!
(Рабу.)
Эй, Бирсимбая позови!
И Алшагира позови!

Раб уходит.

Что за опасность, мать моя?!
Противник вправду ли силен?

Коклан
(беснуясь)

Опомнись, трясогузка! Нам
Осталась узкая тропа.
Дай бог нам убежать вдвоем!
Готовься вслед за мной бежать!

Появляются Бирсимбай и Алшагир.

Алшагир

Коварный враг, он здесь, он здесь!

Бирсимбай

Какой? И где он? Что за враг?

Коклан
(подбежала к Кортке, кружится вокруг нее)

Здесь, в ней, здесь, в ней коварный враг!
В притворщице лукавый враг!
Он свалит на головы нам
Чернейшую из черных бед...

Куникей

Кортка нам враг?

Кортка
(грустно)

Ох, мать моя,
Когда ж угомонишься ты?!
На свет еще не родилась,
А ты уж и тогда меня
Считала злейшим из врагов!
Чем я виновна пред тобой?
Всю жизнь ты мне подносишь яд.
Отмечено мое чело
Проклятьем черным, и ношу
Его с рожденья, как тавро.
Уж если так мне суждено,
Зачем же в люльке ты меня
Не умертвила. Я в плену
Твоем жила, и мне тебя
Хотелось матерью назвать!

За что ж ты мучила меня?
Моя могила ты, Коклан!

Коклан

Хотела матерью назвать?
А я хотела дочкой звать,
Своим дитем хотела звать,
Тебя, проклятая Кортка!
Проклятье виденному мной!
Суровым мщением моим
Я б все сожгла! Лукавый, сгинь!
Сама я проклята! Сама!
Готовься к бою, Алшагир!

Алшагир
(грозно)

Зовите воинов сюда!
Забейте в боевой набат!

Бьют барабаны. Рабы носятся в суматохе. Слышен приближающийся клич Кобланды.

Кобланды
(появившись на вершине стены)

Каракипчак! Каракипчак!

Рядом с ним появляются военачальники.

Кортка

Будь милостивым к нам, Танри!

Алшагир

Что? Появился Кобланды?

Бирсимбай

Как Кобланды?

Кобланды

Я, Кобланды,
Явился к вам! Эй, выходи!
Коль ты не баба, Алшагир,
Со мною биться выходи!

Бирсимбай

На поединок он зовет!
(Пауза.)
Ну, Алшагир?

Алшагир

Обманет нас.
Ворота требует открыть
Затем, чтоб в крепость к нам войти.

Кобланды

Эй, биться выходи, медведь,
Прочь из берлоги, Алшагир!
Иль сдохни в ней, как подлый трус!
На поединок я зову!

Бирсимбай

Ну, Алшагир... Что ж, Алшагир?

Алшагир

Я думаю послать отказ...

Кортка

Для беззащитных ты, как волк!
Уж лучше б ты, негодный, сдох!

Алшагир

Что слышу я!
(Разъярен.)
Асыр! Асыр!
(Убегает через подземный ход.)

Кобланды
(спускаясь со стены)

Иди сюда! Ну, поскорей!
(Исчезает, слышен шум поединка.)

Куникей

Кортка? Судьба твоя, Кортка,
Теперь не толще волоска!
(Бирсимбаю.)
Узнаешь, что она змея,
Тогда немедля, Бирсимбай,
Ее нещадно покарай!

Бирсимбай
(Кортке)

Окажешься змеей, Кортка,
Тогда уж на себя пеняй!..

Кортка
(смеется)

Достойно ль бабе угрожать,
Когда батыра злейший враг
Зовет на бой? А, Бирсимбай?!

Голоса

Погиб! Заколот Алшагир!

Кобланды
(снова появившись на вершине стены)

Погиб проклятый Алшагир!
Теперь черед твой, Бирсимбай!
Что ж, если смелый, выходи!

Бирсимбай
(схватив Кортку, заносит над ней меч и кричит Кобланды)

Исчезни с глаз моих, Коблан!
А не уйдешь, тогда Кортку
Мечом немедля порублю,
Тебя без боя погублю!

Кобланды

Чтоб выручить родной народ,
Я жизнью жертвовал своей,
Прости меня, моя звезда!
Хоть ты дороже мне души,
Но я отсюда не уйду!
Мой подлый враг теперь в кольце!
(Бирсимбаю.)
Осаду не сниму!..

Куникей

Тогда
Взмахни мечом, мой Бирсимбай!

Бирсимбай

Убью!

Хочет ударить Кортку мечом, но тут вскрикивает Куникей. Она схвачена выскочившей из засады Карлыгой, и теперь над ней тоже занесен меч.

Карлыга

Опомнись, Бирсимбай!
Смотри, лишишься Куникей!
Простись со стервою своей!

Куникей

Спаси меня, мой Бирсимбай!

Бирсимбай

Ты здесь, проклятая?! Пора,
Пора уж отомстить тебе!

Бросает Кортку и кидается к Карлыге. Начинается поединок. Брат и сестра ведут искусный бой. Раскрываются ворота. Появляется Караман.

Карлыга
(увидев, что ворота раскрыты)

А, цели он своей достиг!
Я тоже до черты дошла
(бросает меч),
Не стану биться я с тобой.

Бирсимбай
(поднял меч)

Отцом тебе подарен меч.
Не для пощады этот дар!
Так пусть свершится приговор!
(Закалывает Карлыгу.)

Караман

Эй, Кобланды, поторопись!

Вбегает Кобланды. Валит с ног Бирсимбая.

Кобланды

Убью! Где Карлыга?!

Карлыга
(умирая)

Коблан,
Не убивай его, свяжи!
Пусть он безжалостен, а все ж
Одной мы крови...

Кобланды

Карлыга,
Родная, милая, прости...
(Своим воинам.)
Не убивать! Связать, и все!

Батыры связывают Бирсимбая.

Эй, поднимите Карлыгу!
(Бросается к Кортке.)
Луна моя! Кортка моя!
Иди ко мне!

Кортка

(на миг опустилась на колени, поцеловала руку Кобланды)

Мечта моя!
Мой лев!
(Быстро вскочив.)
Родители твои
В плену, в мученьях! К ним беги!

Кобланды
(военачальникам)

Спешите, славные друзья!
Кипчаки где? Кияты где?
Не мешкая бегите к ним,
Найдите всех, спасите всех,
Где, где они? Спасите всех!

Воины поспешно расходятся. Кобланды уходит вслед за Корткой. На сцене Караман Аккозы, Куникей. Раздается «Зу! Зу! Арзу!» Приближается Коклан. Караман в тревоге.

Караман. Кайракан! О, батыр, спаси нас! Снова передо мной эта тварь! Теперь на меня плохая надежда!

Коклан *(подходя к Куникей)*. Следуй за мной, стерва! Зу! Зу! Арзу! (*Размахивая руками и заклиная, надвигается на Аккозы.*)

Аккозы (*выхватив меч*). Не уйдешь, не спасешься, ведьма! (*Взмахивает мечом. Но взмахивает, словно слепой. Он не видит, как Коклан пробегает мимо.*)

Караман. Я ее не вижу.

Аккозы. Я ее тоже не вижу!

Оба возле Куникей, которая всхлипывает: «Спаси меня! Спаси!» Коклан — на другом конце сцены и тихо произносит: «Зу! Зу!»

Караман. Куда, куда она девалась?

Коклан со зловещим шипением «Зу! Зу!» кинулась к каменной стене, ударилась о нее и исчезла, будто проглоченная камнями. Потом появляется наверху.

Коклан
(злобно жестикулируя)

Зу! Зу! Ты сгинешь, Кобланды!
Немало бед я на тебя
Еще обрушу, Кобланды!

(Похожая на чернокрылую птицу, слетает с крепостной стены и исчезает за сценой.)

Куныкей (*пытается вырваться*). Спаси! Я осталась одна! Спаси!

Караман хочет ее схватить.

Аккозы. Не уйдешь. Ты в моих руках! (*Схватывает Куныкей.*)

Караман. Поймал? Какая она? Покажи мне! (*Оглядывает Куныкей.*) Какая красивая ведьма!

Вместе с Тохтарбаем, Аналык и Коркой на сцену выходит Кобланды. С ними множество измученных, но теперь освобожденных из плена людей.

Кобланды

(бросился к Карлыге, опустился на колени. Его горе безутешно. Рядом с ним, тоже на коленях, Коркa)

О, незабвенная моя,
Куда ушла ты, Карлыга!
Я понял только лишь теперь
Всю тайну верности твоей.
Зачем покинула меня?
Пусть жизнь изменчива, кратка,
Но разве мог бы я тебя
Унизить, Карлыга моя?!
Над тесною моей тропой,
Поднявшись в купол голубой,
Неугасимою звездой
Гори, родная Карлыга!
Ты имя чести — Карлыга!
Навеки будешь дорога!
С тобой в душе я на врага

Опять пойду... Прости, прощай!
Ты незабвенна, Карлыга!

(Очнулся. Наконец после долгого молчания замечает родных. Обращается к ним.)

О ты, народ, моя любовь,
Ты наконец свободен вновь!
От бед и зла тебя в бою
Я спас. Забудь печаль свою.
Разбита подлая орда,
Добыча добрая взята,
На всех, узнавших мрак беды,
Ее разделит Кобланды!

(Своим батырам.)

Гоните табуны орды.
В кобыльем белом молоке
Мы выкупаем наш народ,
Чтобы забылся страх беды,
Чтобы не жить ему в тоске,
Чтоб снова молод стал и горд!

Все довольны. Кобланды и Кортка подходят к родителям.

Родные, добрые мои,
Сейчас опять продолжим той!
С души мы снимем груз забот,
На праздник созовем народ,
Начнем со светлою мольбой
Чудесный той, веселый той,
Сыновней свадьбы славный той!

Тохтарбай

Свершим реченное тобой!

Аналык

Любимый, ненаглядный мой!

Народ

Счастливый той! Начните той!
Зовите всех на светлый той!

Занавес.

1943

ОЧЕРКИ

ТАК РОЖДАЛСЯ «ТУРКЕСТАН»

ПО БЕЗДОРОЖЬЮ

К утру истекли третьи сутки, с тех пор как начался этот мучительно медленный путь, а конца ему не видать. Вокруг холодное безмолвие снежной пустыни, лишь трактор ДТ-54 с грохотом, скрежетом и лязгом черепахой ползет по безлюдной степи. Стоит на мгновение умолкнуть мотору, как наступает такая тишина, словно ты опустился под воду.

Немало намучился этот трактор за прошедшие сутки. Нескончаемые цепи отрогов Каратау, крутые холмы далеко вширь раскинувшейся Актау — не будет им, казалось, ни конца ни края, никогда не выползет трактор на равнину. Только что, навалившись всей своей богатырской мощью, преодолел он еще одну крутизну и теперь снова, вцепившись гусеницами в крутой бок холма, скрежеща и окутываясь клубами синего выхлопного газа, карабкался на гребень перевала. За ним, скрипя и дребезжа, громоздился на прицепе темный неуклюжий груз. Он казался большим, словно дом, этот самый обыкновенный красный товарный вагон, поставленный на полозья из рельсов.

Сквозь безлюдье и бездорожье, сквозь снег и стужу тащился он за трактором и вот добрался наконец до равнины, именуемой Жоном.

Медленно шедший рядом с трактором человек, небольшого роста, в белых валенках и белом полушубке, поднял руки в меховых варежках и резко опустил их вниз, давая трактористу знак остановиться.

Трактор стал, сотрясаясь от работающего на малом газу мотора.

«Не глушить мотор, только не глушить, — так они договорились. — Не глушить ни в лютый мороз, ни в буран...»

Тракторист спрыгнул наземь. За сутки, проведенные без сна, его обожженное морозом, обветренное стужей лицо потемнело, синева небольших, слегка навыкате глаз как бы сгустилась.

— Ух, пропади он пропадом, этот собачий Жон! — проворчал он. — Дотянем мы до него наконец, товарищ директор?

— Да вот он, Жон, дотянули, — коротко ответил директор. — Только вряд ли он тебя порадует сейчас, товарищ Новиков... — и, с трудом скрывая утомление, двинулся к теплушке.

Разговор продолжался уже у мешка с дорожными продуктами. Всю ночь и утро они двигались натощак. «Доберемся до Жона — тогда и поедим».

Теперь оба с жадностью набросились на черствый хлеб и колбасу с кожурой, подернутой плесенью, кусками отламывали замерзшее масло.

По-зимнему пасмурное небо не прояснялось, густо нависали свинцовые облака. Всюду, насколько хватало глаз, громоздились холмы, укрытые снежным покрывалом, а за ними тянулись к горизонту бескрайние белые степи — загадочные, холодные, чужие. Нигде ни признака человеческого жилья. Какие уж тут села или города, хоть бы попались одна-две избушки, овечий загон и кошара, какие еще вчера радовали глаз и согревали сердце.

Собственно, путники хорошо знали, что степь эта необитаема, но от незнакомого, угрюмого мира на них все же повеяло холодом.

— Хорош солнечный Казахстан, ничего не скажешь! — бурчал тракторист, набив рот хлебом с колбасой.

И директор поддержал:

— Была бы это Кустанайская или Павлодарская область, тогда понятно, а то Джамбульская! Мыслимо ли, чтобы на юге в конце февраля такой снег да мороз держался!

Видимо, он был осведомлен об этих местах лучше своего спутника и теперь делился с ним своими соображениями:

— Правду мне говорил один товарищ в области, что зимы холоднее нынешней здесь лет тридцать не было. И что дорога будет тяжелая — тоже говорили, но таких сугробов, такого безлюдья я все-таки не ожидал. Как бы то ни было, до Жона мы добрались. Вон те нескончаемые холмы в стороне от хребта, на который мы только что

взобрались, и эти мелкие сопки, и те возвышенности — все это в земельных границах нашего совхоза. Да что там говорить, хлебнем мы еще с тобой горюшка, товарищ Новиков! С нашим-то грузом да по этакой дорожке вряд ли к вечеру до жилья доберемся. Так что закусывай давай поплотней, не жалей ни масла, ни колбасы, а то как бы и у нас с тобой мотор не заглох. «Не глушить мотор!» — это ведь не только к машине, но и к нам с тобой относится.

Директор засмеялся — заразительно, громко, обнажая мелкие ровные зубы. Большие, светло-голубые, глубоко запавшие его глаза словно излучали теплый свет. Проникая в самую душу, они выражали спокойную умную силу, и в глубине их вспыхивали огоньки энергично работающей мысли.

Словно заражаясь его настроением, Новиков сказал:

— А каково теперь тем совхозам, которые организуются на севере Казахстана?! Им небось еще тяжелее, чем нам!

— Ну, это как сказать, — уклончиво ответил директор. — Есть у них и свои трудности, а кое в чем им, может, и полегче.

Готовясь к поездке, он основательно ознакомился с экономикой и географией республики и теперь приводил факты, почерпнутые из книг.

— Действительно, Кустанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская и даже Кокчетавская области холоднее, и снега там глубже, и бураны чаще. У нас ведь такой снег и мороз, как в этом году, — редкость. Зато там гор меньше, степи ровные. Трактору в тех краях куда легче. Такой совхоз, как наш, — за девяносто километров от железной дороги, да каких километров! — через горы да овраги, через камни да обрывы — поискать надо! Один вагон до центральной усадьбы три дня тянем. Так что жми, брат Новиков, на все педали! — завершил он, выливая в кружку тракториста остатки горячего чая из термоса.

Подкрепившись и слегка передохнув, они снова пустились в путь. С лязгом, скрипом и скрежетом медленно поползла машина по бугристому кряжу Жона.

В тусклом свете ненастного дня окрестность представала в неясных очертаниях: серое небо и безлесная степь, сливаясь, придавали всему, что виднелось вокруг, мутно-лиловый оттенок. На возвышенности подуло про-

пизывающим морозным ветром, и Новиков, то и дело отрываясь от руля, растирал обмерзающее лицо. А директор по временам оборачивался к жгучему ветру спиной и шел так, защищая нос и уши руками.

Ветер гнал по Жону колючий снег. Сухая поземка, крутясь и извиваясь, неслась навстречу. Разыгралась метель, все глубже становились сугробы. Дорога терялась, и лишь редкие неясные следы вели путников — слепая, неверная тропа. Каменные глыбы и редкий, сотрясаемый вихрем колючий кустарник то и дело преграждали ускользающий путь, на котором было сейчас сосредоточено все внимание тракториста. И вдруг директор, все время шагавший рядом с трактором, остановился: что-то мелькнуло вдали сквозь метель. Казалось, будто какое-то живое существо поднялось над редким низким кустарником и снова упало, возникло на мгновение и исчезло.

Сначала директор подумал, что это мелькнули рога горного козла, потом показалось, будто кто-то протянул кверху руки, проваливаясь в глубоком снегу. Директор догнал трактор и, вскинув руки, дал сигнал: «Стой!»

Новиков, изумленный, остановился.

— Посмотри-ка, мне показалось?.. Не человек ли там замерзает? — указал директор вправо.

— Ну, а коли и замерзает, что мы можем сделать? — недоуменно пробормотал Новиков.

— Как что? Помогать, спасать!

— Кому помогать, кого спасать? — начинал сердиться тракторист. — Пусть мне самому помогут, я тоже замерзаю. Не будем мешкать, товарищ директор, не до того сейчас! — И снова включил скорость.

— Стой, сворачивай вправо! — Голос директора прозвучал резко и властно.

— Товарищ директор, смеетесь вы, что ли?

— Вы понимаете, что я вам говорю: человек погибает! Сворачивайте сейчас же! — Глаза директора грозно сверкнули.

Новиков со злостью стиснул зубы.

— Как я сверну? Как я найду потом след? Собьемся с дороги, тогда без посторонней помощи не вылезем. Не знаю, как здесь, а уж там-то, в совхозе, без нас люди наверняка погибнут. Третий день сидят без продуктов!

Директор был непреклонен.

— Сворачивай сейчас же!

Но раздраженный и измученный Новиков продолжал упорствовать.

— За машину я отвечаю! Куда я попру на такие камни? — И он снова включил скорость.

Тогда небольшой человек в белом тулупе забежал вперед и стал на пути трактора. Он не пошевелился даже тогда, когда трактор приблизился к нему вплотную, только румянец гнева вспыхнул на его темном, обветренном лице.

Скрипя всем корпусом, трактор стал поворачивать. Директор устремился вперед и первым достиг одинокого куста, под которым померещилась ему человеческая фигура. Действительно, в сугробе, скорчившись, лежал человек. На нем был казахский чапан, голова закутана платком. Женщина! Директор наклонился, подхватил женщину под мышки и, вытащив из сугроба, заглянул в ее лицо, вдоль и поперек изборожденное глубокими, словно высеченными на камне морщинами. Это была маленькая, тщедушная старушка.

— Ой, аллах! — чуть слышно сказала она, и брови ее дрогнули, глаза приоткрылись.

Все тело женщины дрожало, зубы стучали, она теряла сознание.

Увязая в снегу, Новиков спешил на помощь. Подхватив на руки маленькую, как ребенок, старушку, мужчины понесли ее к теплушке и, быстро отодвинув примерзшую скрипучую дверь, положили на низкие нары. «Спирту!» Они торопливо растирали ей руки, ноги, влили несколько капель в рот. Когда жгучие капли проникли сквозь ее редкие зубы, старушка сильно поморщилась — жизнь начинала возвращаться к ней, возвращалось и сознание. Наконец ее веки приподнялись, и из-под них сверкнули острые светло-карие глаза, уже сознательно устремленные на склонившихся над ней мужчин. В знак благодарности она часто-часто закивала головой.

— Как тебя зовут? Имя? Как твое имя? — спрашивали они, но она не понимала по-русски, да к тому же, видимо, была туга на ухо и только поспешно твердила какое-то свое заветное слово:

— Сада... Садага... Садаган кетеин. Садага!..

С этого времени они ее называли «Садага» — директор и Новиков решили, что это имя.

— Из какого ты колхоза, Садага? — спросил директор.

— Ждан!.. Жданов!

Путники переглянулись.

— Соседи наши!.. Колхоз как раз возле нашей базы! Это колхоз имени Жданова, что на Жоне?

Они поочередно кивали старушке, тыкали пальцами себя в грудь, а потом в сторону, туда, где, по их предположению, находился колхоз: мы, мол, туда как раз и едем!

Новиков оживился, словно спасение старушки придало ему сил. Вытащив из своего вещевого мешка термос с горячим чаем, он налил ей полную чашку: «Пей, Садага! Будь здорова, Садага!»

Они наперебой угощали ее, подавая то хлеб, то масло, шутили и смеялись, нимало не смущенные тем, что она их не понимала.

Потом они снова тронулись в путь. Хотя местность и называлась «Жоном», то есть равниной, но название звучало злой иронией. Раза три-четыре они оказывались на краю отвесных круч и обрывов, на их пути снова и снова вставали крутые подъемы. Промерзшие рытвины словно хватали трактор за гусеницы, глубокие овраги долго не выпускали их из своих клещей.

Маленькая старушка, укутанная в большой тулуп, весь день пролежала в вагоне, свернувшись калачиком, и постепенно приходила в себя. Ухабы, подъемы и спуски долго швыряли ее из стороны в сторону по полу вагона, и она тихо охала: «О боже мой... Ой, аллах!.. Садаган кетеин!»

И только когда глубокая ночь окутала все непроницаемым мраком, впереди трактора замерцали редкие красноватые огоньки. Потом совсем близко возникли силуэты домишек. Пробуждая безмолвие Жона, послышался собачий лай.

— Собачки! Миленькие, родненькие, лайте, бегите сюда! — смеясь, восклицал директор, расправляя онемевшее, истомленное дорогой и холодом тело. Безмерно счастливые тем, что вырвались из мертвого молчания нагорья, путники приближались к заветному крову.

Здесь было всего несколько избушек, всего около десятка дворов, но везде теплились огоньки — аул еще не спал. Навстречу грохочущему трактору выбежали люди. Веселые, оживленные, они вмиг окружили прибывших, обнимали их, говорили все сразу, наперебой:

— Алексей Иванович, родной!..

— Здорово, товарищ директор!..

— Что долго не ехали?.. Соскучились мы тут, стосковались до смерти...

— Боялись, заблудитесь в буран, пропадете!..

Директор крепким словцом помянул путешествие.

— Думали, ноги протянем! А вы-то все живы?.. С голоду никто не помер?

— Голодные, как собаки!.. Хлеб еще вчера кончился... Третьи сутки без горячего!

— Хлеба привезли? Продукты доставили?

— Все, все есть: и хлеб, и мясо, и масло, и крупа, и еще кое-что найдется, — смеялся Новиков. — Теперь уж поживете всласть, не помрете!

— И не только вы! Вон старушка Садага совсем было богу душу в степи отдала, замерзла, а и та, глядите-ка, живехонька! — И директор отодвинул тяжелую дверь вагона. Завернувшись в тулуп, старушка сидела на корточках на полу.

— Мама! Мамочка дорогая! — раздался отчаянный крик, и молодая казашка метнулась из толпы к старушке.

— Мама моя! Жива, родная! — К вагончику бросился чернобородый казах в лисьем малахае.

Тут только обнаружилось, что в толпе, встречавшей директора, были и местные колхозники — казахи. Казалось, старушка всем доводилась родней: кто кричал «мама», кто «тетя», одни называли ее почтительно «Сака», другие дружески — «Сакыш».

— Ты жива, дорогая, а мы по тебе уж отходную читали!

— Весь колхоз на конях два дня тебя ищет, все кустики обшарили.

Смеющиеся и плачущие от радости старики и юноши, пожилые и молодухи, девчонки и мальчишки гомонили, как на базаре. Колхозник в лисьем малахае, Сальмен, держал старушку Сакыш на руках, как ребенка, а она сквозь слезы говорила:

— Ни от детей своих, ни от мужа, ни от самого господа бога не видела я такого добра, как от этих двух русских. Милые мои детки, ведь я уже умирала... Отходную прочла, и под снегом меня похоронило. Это они меня из могилы подняли, в мертвое тело мое душу живую вдохнули! Все, кто почитает меня, в вечном долгу перед ними. Садаган кетеин! — И обеими сухонькими ручками

она схватила руку директора, пытаясь прильнуть к ней губами.

— Э нет, так не годится, Садага! — Директор смутился и, смеясь от волнения, тихонько отнял руку. — Так не нужно! — Он крепко обнял старушку и бережно, неловко похлопал ее ладонью по спине.

Некоторое время спустя в небольшом казахском ауле завершилась история дорожного знакомства директора совхоза со старушкой Сакыш: жители десяти домов поселка разместились в пяти и освободили остальные пять домов для работников совхоза, которые, за неимением другого жилья, ютились в холодных брезентовых палатках. С горячими словами благодарности колхозникам новоселы гурьбой переселялись на новое место.

Местные колхозники вообще с первых же дней встретили работников совхоза по-дружески, во всем старались помочь им. Они варили пришельцам еду, в любое время ставили самовары и зазывали в гости — чайком погреться... Можно ли было рассчитывать на большее? Ведь суровая зима тяжко давалась и самим колхозникам — жили тесно, терпели лишения...

А теперь в знак дружбы и благодарности за спасение «матери колхоза» они сделали, казалось, и невозможное: дали кров сорока человекам. Новоселы радовались и благодарили хозяев так, словно те уступили им не тесные избушки, а пышные хоромы.

Несколько дней назад, когда на эту холодную, неприютную возвышенность прибыли первые три машины с новоселами, приезжие чувствовали себя одиноко, неуютно. Понимая, что главное в эту стужу и буран — спасение людей, директор решил прежде всего перебросить сюда теплушки. Первую теплушку и притащил сегодня трактор ДТ-54. Ее ждали те, кто должен был составить ядро будущего совхоза: агрономы, главный инженер, секретарь партийной организации, комсомольские работники, механизаторы, трактористы, комбайнеры... Именно они, вверившие свои судьбы и свои знания, свое настоящее и свое будущее невысокому человеку с худым обветренным лицом — директору совхоза Алексею Ивановичу Строгову, представляли собой сегодня совхоз со звучным именем «Туркестан», совхоз, основанный на пустынной равнине Жон, Сары-Суйского района, Джамбульской области.

На следующий день небо по-прежнему оставалось хмурым, в морозной степи гуляла колючая поземка.

Хорошо выспавшийся и отдохнувший, Строгов с утра принялся за осмотр колхозных дворов. Он пригласил с собой и секретаря парторганизации — розовощекого казаха Турсунова.

Несколько дней люди ничего не делали и теперь с жаром набросились на работу. В пяти дворах, которые колхозники временно уступили новоселам, закладывался фундамент новой жизни. Специалисты, комсомольцы, домашние хозяйки — все стремились устроить жизнь как можно лучше, красивее, как можно рациональнее использовать каждую комнату, каждый уголок двора, чуланчик — лишь бы была кровля над головой.

В одном дворе разместилось отделение связи. Здесь же отвели комнату под врачебный пункт. В другом дворе разбил свою палатку кооператив, а неподалеку устроили кухню.

Две комнатки небольшой избушки Турсунов отвел под кабинет директора и контору. Это было как бы первичное ядро совхоза: директор, главный агроном, главный инженер, партийная организация, комитет комсомола, профсоюз. Казалось бы, и тесно и неудобно, но даже неудобства эти были сейчас милы сердцам людей: ведь здесь начиналась жизнь их «Туркестана».

Палатки, привезенные первыми новоселами, — белесые, светло-голубые, серые — расположились вокруг пяти колхозных дворов, а посредине был установлен прибывший ночью красный вагон. Над его крышей призывно, как флаг, развевался густой дым, словно приглашая людей к первому очагу.

Своими ладно сработанными и точно пригнанными деталями, яркой свежей окраской, прозрачными оконцами и чистыми ступеньками у входа, всем своим видом выделялся на общем фоне этот вагон — радостный признак наступающей новой жизни.

Труднее всего в эти дни было с топливом. Но и здесь выручили колхозники. Они поделились с новоселами дровами, кизяком, хворостом.

От имени работников совхоза парторг Турсунов поблагодарил колхозников, произнеся перед ними по-казахски целую речь. В этой речи были торжественные и

высокие слова, были слова дружбы и признательности, и все они шли от самого сердца.

После этого коротенького собрания Строгов стал снова собираться в путь. По вчерашней дороге ему предстояло добраться до станции Шолактау, находящейся в девяноста километрах от совхоза. Это была конечная железнодорожная станция. Туда приходили грузы для «Туркестана», туда же из Джамбула и Ташкента прибывали для работы в совхозе все новые и новые партии людей. Чем встретить их? Где разместить? Ведь для этого потребуется не менее десяти — пятнадцати теплушек, таких же, как та, первая.

Но у Строгова был уже некоторый опыт, и он подсказал выход: пускай прибывшие на Шолактау тракторы пройдут в совхоз своим ходом с теплушками на прицепе. Так же, как трактор Новикова, они сразу включатся в работу.

Он поделился этим планом с главным инженером, с главным агрономом и парторгом Турсуновым. Они поддержали.

Направляясь к машине, ожидавшей его у красного вагона, Строгов увидел, как из машины вдруг выпрыгнула Нина Петровна, агроном совхоза, но, не отойдя и трех шагов, снова вернулась, припала к груди шофера и навзрыд заплакала.

Крупное лицо шофера потемнело, горькая складка легла меж нахмуренных бровей. Оба они, и мужчина и женщина, казались застигнутыми внезапной бедой.

Строгов быстро открыл дверцу кабины, подсел к шоферу, обнял его, слегка погладил женщину по склоненной голове.

— Ну, что же теперь делать, Нина Петровна, золотая вы моя! Слезами-то не поможешь. Крепитесь! У вас дочка осталась, Надя. Берегите ее...

Нина Петровна подняла заплаканное разгоряченное лицо. Шофер отвернулся: из его глаз потекли крупные, тяжелые слезы. Отрываясь от мужа, Нина Петровна в упор посмотрела на Строгова.

— Я ничего... Я и Васе советую: ты дома не сиди. Ты садись за руль и поезжай с Алексей Иванычем. Я ему так и говорю: что толку со мной сидеть, плакать да горевать? Лешу-то не вернешь, нет его теперь... Поезжай, Вася, милый... Обо мне не беспокойся... Поезжайте! Поезжайте! — говорила она быстро-быстро, словно уговари-

вая и себя и мужа и не успевая подбирать другие слова. — Мы ведь сюда не горевать приехали, мы сюда вытерпеть, вынести, все преодолеть приехали. Поезжай, миленький Вася, поезжай!

ГАЗ-69 рванулся с места и помчался той же дорогой, которой на днях прибыл трактор. На заднем сиденье молча сидел тракторист — комсомолец Ткаченко, которого Строгов взял с собой для приемки машин.

— Благодари свою Нину Петровну за мужество, за доброе слово. Благородный она у тебя человек! — сказал растроганный Алексей Иванович. — Трудно ей, тяжко ей, ведь она мать. И кто же знал, что случится такое горе, что придется сына в чужом краю схоронить? А я тебя благодарю, Вася, за безотказную работу твою. Твое горе — мое горе. Мы с тобой старые друзья, много вместе пережили, переживем и это. А если я что смогу...

Вася крепко потряс ему руку.

— Было, всякое было, — промолвил он с горечью и, устремив глаза на дорогу, погнал машину.

Они и вправду были старыми друзьями и немало пережили вместе. Лет пять назад, когда Строгов был директором Чеховской МТС, под Москвой, в его кабинете неожиданно появился высокого роста молодой человек, со скуластым восточным лицом, в элегантном синем пальто, мягкой серой шляпе и черных перчатках.

Это и был демобилизованный из армии шофер первого класса Василий Захарович Матайбаев.

В 1931 году он, семилетний казахский мальчик, осиротел и воспитывался в детском доме в Семипалатинской области, а затем в школьном интернате. Потом ушел в армию... Потом началась война... Вернувшись, работал под Москвой, неплохо зарабатывал. Там встретил он Нину, которая училась на агронома. Они полюбили друг друга, поженились.

В МТС, где работал Строгов, супруги прибыли уже специалистами: он — отличный шофер, она — знающий агроном...

В Чеховской МТС они проработали пять лет. Там родился у них сын Алеша. Хорошо жила эта семья — дружно, ясно, просто. На берегу лесного озера, окруженный высокими соснами, стоял их маленький домик. Семья Строгова подружилась с Матайбаевыми, часто они навещали друг друга, сблизились.

Но вот в начале прошлой зимы Строгова пригласили в обком. От имени Московской партийной организации ему предложили поехать на целину. Трудностей не скрывали. Строгов быстро и молча обдумал предложение. Он понимал, как круто должна была измениться вся его жизнь, но, не выходя из кабинета, сказал:

— Я согласен.

Разговор с женой оказался нелегким: были и слезы, и бурные упреки, и категорические возражения. Но Строгов все же собрался в дорогу. Из всех сотрудников МТС он обратился к одному лишь Матайбаеву.

— Я еду в Казахстан, на твою родину. Говорят, что нам отвели суровые и холодные земли, плохо приспособленные для жизни. И, возможно, в первые месяцы нам придется пожить в первобытных условиях. Но все-таки я еду! И не для того, чтобы через год вернуться... Мне в Московском комитете так сказали: «Сам будешь хорош — и земля к тебе будет хороша!» Кто знает, может, и в самом деле там мое счастье! В спутники я могу взять только человека верного и энергичного, так что агитировать никого не буду. Никого силком за собой не потяну. Жену с семьей оставляю здесь. Захотят — сами приедут, встречу с радостью, не захотят — уговаривать не стану. Но только я ведь знаю: захотят, приедут... А вот тебя зову. Поедешь со мной?..

Матайбаев и минуты не думал: так загорелся он предложением Строгова. Конечно, здесь оставалось благоустроенное гнездо, привычно налаженная жизнь, а впереди — и лишения, и тяжелые дни. Но только одно условие он поставил перед Строговым, готовый идти за ним хоть на край света:

— Край, куда лежит наш путь, — моя родная земля, а значит, и детям моим наполовину родина. Но только я не могу обидеть Нину. Мы с ней дали друг другу слово ничего не делать не посоветовавшись. Но я так думаю: она согласится. Ведь она агроном, и агроном хороший. И моим детям она мать, так что, надеюсь, поедет!

И Вася не ошибся.

Во время вечернего чая Нина выслушала доводы мужа, молча обдумывала их, то наливая чай, то убирая и подавая посуду. Потом, подсев к Василию, обняла его за плечи и сказала:

— Что же, Васенька, поедем с Алексеем Ивановичем... Я согласна...

А теперь она, сраженная горем мать, проводив мужа в дорогу, осталась в поселке.

Василий Захарович гнал свой ГАЗ с такой скоростью, что после обеда они уже прибыли в Шолактау. И здесь их охватила лихорадка работы. Время не ждало: кончался февраль, а к пахоте в этих краях приступают в начале марта. Поток людей, оборудования, машин затоплял Шолактау, и только то, что среди прибывающих сразу находились водители, облегчало положение. Строгов сажал их на машины, грузовики, тракторы, самосвалы, следил, чтобы они брали с собой достаточное количество продуктов и всякого оборудования для устройства на территории совхоза всех, кто приезжал. Вместе с Матайбаевым и Ткаченко он проверял все, вплоть до комплектов постельных принадлежностей: на каждого новосела должно хватить и еды, и дров, и одеял.

За те дни, пока караваны тракторов и автомашин вереницей тянулись по Жону, Строгов и Василий дважды побывали на базе.

Когда в последний раз они ехали из Шолактау, Строгов, глянув сбоку на Матайбаева, вдруг удивился: до чего же изменился парень за эти дни и ночи, бессонные и горячие, даже голодные, — бывало и так!..

Лоб и щеки Василия почернели, а крупный нос еще резче выделялся на осунувшемся лице...

Нет, это не от бессонницы, не от усталости... Видно, тоска по пятилетнему Алеше, видно, неизбывное отцовское горе подточили Василия. И какая при этом выдержка, какое спокойствие!..

Глядя на исхудавшего, измученного Васю, Строгов подумал, что надо бы дать ему отдых.

— Уж которые сутки мы не высыпаемся, — обратился он к шоферу. — Давай-ка, Вася, здесь, в Актогае, сделаем остановку да часика три поспим. Как ты на это смотришь?

Матайбаев понял хитрость директора и решительно запротестовал:

— Нет, Алексей Иванович, что же это такое, зачем?.. Да я и не устал вовсе...

Он расправил занемевшие плечи и, словно набравшись новых сил, прибавил скорость.

В воздухе холодало, потянуло морозным ветром. Поравнявшись с сопкой, где была найдена старушка Сакыш, они увидели мощный трактор, который, как и тогда,

тащил красный вагон. По предположениям директора, это был уже пятый, и вел его комсомолец Ткаченко.

Когда машина, глубоко ныряя в сугробы, обогнала вагон и поравнялась с трактором, Строгов вышел из кабины.

Посиневший, с опухшим от ветра лицом, Ткаченко казался совершенно окоченевшим, — у директора от жалости даже сердце сжалось. На парне не было и маломальски подходящей одежды: стеганая фуфайка, старенькие брючишки да стоптанные сапоги.

— Да ты ведь, поди, закоченел совсем! — воскликнул Строгов. — Почему же не сказал, что тебе надеть нечего?

Сорвав с себя толстый широкий вязаный шарф, которым поверх воротника полушубка повязывал лицо и шею, Строгов укутал им плечи Ткаченко. И тут, к удивлению директора, парень широко улыбнулся.

— Ничего, товарищ директор, все в порядке! — и бесшабашно тряхнул головой. Он был, казалось, неуязвим, в нем пылал огонь молодости. И глядя на него, впервые за эти дни тихонько рассмеялся Василий.

Строгов почувствовал: действительно, Ткаченко мог внушить и чувство бодрости, и любовь, и гордость... С такими можно жить и работать!

Молча, кивком головы простившись с Ткаченко, он сел в машину.

К утру Ткаченко прибыл на базу, притащив за собой красный вагон.

Слабые солнечные лучи, прорвавшиеся сквозь серую пелену облаков, заронили радость в сердца людей. Потом просвет в тучах увеличился, солнце осветило все кругом, и тогда люди увидели первую на Жоне улицу, образованную двумя рядами красных вагонов. Десять вагонов! Из труб клубами валил дым, видно было, что в поселке уже есть теплые гнезда.

К вагонам примыкал целый городок палаток. Белые, желтые, голубые, они весело пестрели в лучах солнца. Хотя палатки были сделаны трехслойными — брезент, сукно и белая ткань, — в эту студеную пору в них было не очень-то тепло. И все же это был кров над головой.

В каждой палатке стояли аккуратно заправленные койки, все сверкало безукоризненной чистотой и новизной...

Так на безлюдной Жонской возвышенности, возле десятка незавидных избушек, разрасталось ядро нового поселка. Быть может, он выглядел еще неказисто, но ведь это было лишь самое начало большой жизни.

Наступил март, а зима все еще не покидала Жон. Солнце едва пригревало, снега сходили медленно.

На базе будущего совхоза работало уже около ста человек — примерно третья часть всех необходимых людей. С нетерпением ожидали остальных.

Каждый день Строгов говорил по селектору с Шолактау, справляясь, не прибыл ли кто еще. Он тревожил и руководство областного треста совхозов, и обком, возмущался, бранился: люди явно опаздывали!

Необходимо было срочно приступать к пахоте, ко всем плановым работам, а областные организации и Министерство совхозов не выполняли своих щедрых обещаний, становились тормозом в больших делах этой и без того трудной весны.

Однажды, во время очередного разговора с обкомом, Строгов сгоряча помянул имя одного из руководителей, который лично напутствовал целинников и обещал им свою помощь.

— Не поможете вы — придется и впрямь обратиться к нему! — в сердцах пригрозил Строгов и тут же подумал, что угроза эта была, пожалуй, излишней.

Так или иначе, но этот разговор возымел свое действие: той же ночью областные организации поставили Строгова в известность, что в его распоряжение направляется значительная группа добровольцев с Кавказа, в частности, из Армении.

Строгов решил приступить к пахоте и сообщил об этом новоселам.

Народ оживился. После завтрака в теплушку, где Строгов сидел в это время с главным агрономом и еще несколькими работниками, ввалилась группа трактористов. За Новиковым и Ткаченко протиснулись комсомольцы Целигородцев, Кокорев и Попов. Перебивая друг друга, они говорили:

— Давайте начнем, товарищ директор...

— Доколе ждать у моря погоды, товарищ Строгов!.. Давайте пахать!..

— Дозвольте приступить — машины готовы!..

Для всех тракторов трактористов хватало. Накануне они уже были сгруппированы в первые четыре бригады. На лицах вошедших Строгов читал страстное нетерпение взяться за дело.

Директор знаком подозвал главного агронома Трегубова. Вместе с ним из соседней комнаты появились Вася и Нина Матайбаевы.

— Ну, что скажете? — обратился к ним Строгов. — Видите, и моторы наши, и специалисты сами стучатся в двери. Так начнем или повременим?

— Да ведь снегу-то еще многовато! — с сомнением проговорил Трегубов, не решаясь высказаться впрямую.

Нина тоже колебалась:

— Не знаем мы местных условий. Посоветоваться бы со здешними людьми.

Ее поддержал Трегубов:

— Какой здесь характер таяния, долго ли распутица бывает? Мало мы еще знаем Жон, да и вообще-то область эту мало знаем. Посоветоваться бы и впрямь не худо!

— А ну, обождите, ребята! — Строгов задержал трактористов. — А ты, Вася, пригласи-ка сюда старожилов из колхоза.

В подобных случаях Вася был незаменимым помощником Строгова — ведь он еще помнил свой родной язык, и, хотя речь его местным жителям казалась нескладной и даже смешной, все же они его понимали.

— Сейчас я вам соберу целый аксакальский совет, совет белобородых! — живо откликнулся он на просьбу директора.

И, пока Вася бегал в аул, Нина рассказала, что аксакальский совет — это совет старейшин, а цвет бороды тут ни при чем.

Когда Вася вернулся с колхозниками, в вагоне стало уже тесно, и все вышли на улицу.

Имена прибывших аксакалов звучали в рифму: Альмен, Бармен и Сальмен. Все они были родственниками старой Сакыш. Чернобородый Сальмен приходился ей сыном, а двое других — деверями. Бороды у них были хоть и с проседью, но еще отнюдь не белые.

Пришла и сама говорливая и проворная Сакыш со своей морщинистой, тощей и смуглой подружкой Асель и двумя старичками — Досаном и Есеном, которые тоже состояли с ней в каком-то отдаленном, но кровном родстве.

Строгов встретил их с радушной улыбкой:

— Ну вот и аксакальский наш совет и его председатель Садага!..

Он долго тряс руку старой приятельницы, а она в знак дружбы кивала ему головой, приговаривая: «Садага, Садага!»

Пошли расспросы: какая тут земля да какая весна? Бармен, Альмен и Сальмен отвечали степенно, сдержанно, не сразу, а сначала посоветовавшись между собой. Зато когда они говорили, то уж их поддерживали обе старушки и Есен с Досаном. Вася переводил.

По их словам выходило, что так как земля здесь, на возвышенности, быстро просыхает, то пахать надо пораньше, пока снег еще не совсем сошел. И хотя они твердят об этом каждую весну, но окрестные колхозы их не слушают, запаздывают с севом, плетутся в хвосте. И еще они говорили, что в этих местах вода глубоко в почву не проникает: не верите — раскопайте примерно на метр, и вы не увидите там ни капли влаги. А из верхних слоев она испаряется, едва пригреет солнышко.

Строгов с интересом прислушивался к старикам, каждое слово которых было продиктовано многолетними наблюдениями, жизненной мудростью.

— Так что ж ты скажешь, Садага? — спросил он, дружески похлопав приятельницу по сгорбленной спине. — Советуешь сегодня пахоту начинать?

Тут вмешался Вася со своим переводом.

— Благословлять будешь? — спросил он и быстро провел ладонями по своим щекам, словно становясь на молитву. — Молиться будешь?

Ему явно не хватало казахских слов, но старуха поняла его и, смеясь, закивала головой:

— Ну, сейте, хорошо сейте! Да поможет вам Диханбаба, покровитель хлебопашцев! Благослови господь!

И вот Ткаченко, прицепив к своему трактору плуг, выехал, чтобы провести пробную борозду. Увлекая за собой трактористов и агрономов, Строгов шел вслед за трактором, измеряя складным метром глубину вспашки. Время от времени он просил остановить трактор, углубить борозду. Проверив влажность земли на разных участках, все убедились в том, что старики правы: на глубине шестидесяти — семидесяти сантиметров почва была совершенно сухой, влага впитывалась не более чем на сорок сантиметров.

Только после этой тщательной проверки Строгов объявил трактористам свое решение:

— Есть добрая русская пословица: «Сей в грязь — будешь князь», — сказал он. — Аксакальский совет дело нам говорит. Спасибо ему, и вам спасибо, товарищи трактористы, что проявили инициативу, большое спасибо! Теперь вы, товарищ Целигородцев, садитесь на ваш ДТ-54 и ведите первую борозду.

— Есть, провести первую борозду! — чеканно ответил Целигородцев.

Через несколько минут почти все работники совхоза с веселым шумом собрались у помещения бригады Мальца. Сюда же прибыли и колхозники со Ждановской фермы — все от мала до велика! Торжественно, перед лицом всех собравшихся, началась прокладка первой борозды первого на Жоне целинного совхоза «Туркестан».

Впереди оживленной ватаги двигался трактор Целигородцева. Жирные, блестящие на солнце пласты чернозема, перемешиваясь со снегом, отваливались из-под плуга.

На следующий день на участке этой бригады первую борозду провел тракторист Воробик. Заняли свои участки и приступили к пахоте и две другие бригады.

Вместе с Трегубовым и Ниной Петровной Строгов на своем «газике» целый день объезжал поля. Холмы и долины Жона, даже его скаты, лога и овраги — все было разделено на огромные квадраты. Далеко вокруг слышалась ритмичная музыка мощных машин, вскрывавших дерн и круто выворачивавших пласты почвы.

Три дня пахоты дали ощутимые результаты. Впереди всех трактористов оказался Целигородцев. С первого же дня он выполнял три нормы. За ним шли трактористы, дававшие по двести процентов плана, и ни один из начавших пахоту не делал менее чем полторы нормы.

К вечеру третьего дня, когда Целигородцев, закончив работу, собирался ехать на базу, к нему подошли Строгов, бригадир Малец и секретарь комсомольской организации — долговязый механик Геннадий Безродный.

— А ведь я сначала сомневался, — раздумчиво заговорил Строгов, вспоминая свои недавние колебания. — Думал, не рано ли начинаем. Выходит, что нет! Трактор Целигородцева с треском выгнал с Жона зиму. Заметили? И погода-то стала теплее, и снег изрядно подтаял!..

— Земля подсказывает! — смущенно пробасил Целигородцев. — Не зря трактористы весну почуяли!

Нина Петровна улыбнулась, а Безродный поддержал тракториста шуткой:

— Кто зевает, тот воду хлебает, верно? Вот инженеры и агрономы не проявили инициативы, замешкались, а вы оказались смелее, потому-то вы и впереди.

— Да вовсе мы не замешкались, — возразил Трегубов. — Это инженер Богданов советовал нам повременить...

— Богданов — инженер молодой. Возможно, ему и незнакомы старые традиции, — сказал Строгов. — Ну да ничего, мы с Богдановым свои традиции создадим, новые!

На улочках нового поселка, на площадках у временных жилищ — всюду кипела в эти дни дружная работа. Тут были трактористы, механики, шоферы, строители, электрики, водопроводчики... Народ понемногу прибывал, и все же людей еще не хватало.

После трех дней пахоты у столовой новорожденного совхоза собралась «летучка», чтобы наскоро подвести первые итоги.

Кратко сообщив о том, что уже сделано, Строгов заговорил о неотложных делах ближайших дней, и прежде всего о необходимости перехода на круглосуточную пахоту.

— Не станем ждать, пока снег окончательно растает, — сказал он. — Давайте закрепим за каждым трактором по два тракториста. А бригадиры пусть к вечеру дадут им задания...

Недостаток в рабочих руках ощущался очень остро. Особенно нужны были трактористы. Об этом говорили и агрономы, и бригадир Малец, и инженер Богданов. В их выступлениях звучала тревога и даже укор, хотя они и знали, что никто из присутствующих, в том числе и директор, не повинен в том, что люди так запаздывали.

Трактористы горячо говорили о том, что тревожило их, мешало им в эти первые дни весенней страды. Дошел разговор и до столовой: она явно не справляется со своим делом. Людям, которым дорога каждая минута, приходится много времени тратить на еду. В ожидании лучших времен столовая все еще ютится во дворе Сальмена. Столы стоят всюду, даже в сарайчике, а все равно больше ста человек накормить невозможно, да и этим-то приходится выстаивать длинные очереди. Когда же работать?

А общежития? В них как следует не отдохнешь — холодно. Питьевой воды и то не хватает. Медпункт, по существу, не может оказать больным необходимую помощь, плохо оборудован, мал. Снабжение тоже неважное, нет даже табака. Работники торговой сети возятся-возятся, а магазин все еще не открыт. Но ведь, действительно, не продавать же товар прямо из мешков да в руки. А расположиться как следует негде.

Все это было так, и ни спорить, ни оправдываться здесь не приходилось. Да Строгов и не собирался. Наоборот, он еще и от себя кое-что добавил, честно вскрывая недостатки в организации быта целинников. И тут же рассказал о том, что и когда будет сделано, чтобы выправить положение. После этого собрания, не медля ни часу, Строгов решил выехать в Шолактау, чтобы там добиться всего необходимого, всего, чего не хватало людям совхоза.

Стояли страдные, горячие дни, когда, как говорится, земля горит под ногами.

По приезде в Шолактау Строгов оставил Васю отдыхать, а сам ушел по своим делам. Ночью в машине он подремал немного и сейчас чувствовал себя бодро.

В молодости Строгов учился на факультете механизации и электрификации, и потому многие механизмы он знал так же хорошо, как колхозный конюх знает своих лошадей. Да и в Чеховской МТС он всегда сам опробовал новые машины, изучал их, знакомился с каждой деталью.

Устроив Васю на квартире, где они обычно останавливались, Строгов сам сел за руль и тронулся в путь. Поглядывая на ясное небо, он чувствовал, как поднимается его настроение. Погода установилась солнечная, теплая, казалось, весна обещала быть благоприятной.

«Вот бы и на Жоне была такая благодать! — подумал Строгов. — Поддержало бы солнышко наших трактористов!..»

А на Жоне и впрямь выдался солнечный, теплый, благодатный денек. Выворачивая пласты жирной земли, трактористы и прицепщики, каждый на своем квадрате, с любопытством посматривали по сторонам, наблюдая, как властно в этом новом крае весна вступает в свои права.

В бескрайнем прозрачном небе, на головокружительной высоте, пролетали несчетные стаи лебедей, сверкая на солнце своими белоснежными крыльями. Их звучные клики то внезапно замирали вдали, то вновь возникали.

Нине Петровне эти белые караваны казались живым чудом. «Значит, и впрямь существует лебединая песня, только поется она не в конце, а в начале!»

За лебедями тянулись треугольники быстрокрылых уток. Они то шли высоко-высоко в воздушной синеве, то опускались и проносились почти над самой головой.

Многие новоселы еще не знали, что на северном склоне Жона находилось большое озеро Тущиколь. Все его окрестности, все островки, разбросанные на нем, были в эти весенние дни заполнены шумливыми стаями диких уток, гусей, белых аистов. Следом за лебедями все птицы тянулись сюда. Журавли кружили над озером. Стройными рядами, глухо гогоча, пролетали казарки.

С волнением смотрели целинники на перелетных птиц, оглашавших шумом небесные просторы и придававших им оживленный, праздничный вид.

А вскоре на склонах холмов, на солнечных проталинках, покрытых прошлогодним белесым ковылем, стали появляться степные птицы. Трепеща крыльями, слетались чернобрюхие перепела. Появились и громадные, до смешного неуклюжие, серо-желтые дрофы.

Особенно интересными показались трактористам повадки ранее не известных им стрепетов, глазастых длинноногих пигалиц и дергачей. Эти птицы, казалось, совсем не боялись машин и даже с любопытством наблюдали за дымом тракторов, прислушивались к грохоту. Подолгу неподвижно сидели они на одном месте, как бы наблюдая за работой людей, и можно было подумать, будто они так поглощены движением невиданной армады машин, что даже поклевать забывают.

На пашне эти птицы и сами иной раз напоминают озабоченных усердных работников: суетятся, бегают, перелетают с места на место, и за их черными, серыми, бурыми фигурками не уследишь. Когда же вся эта гомонящая птичья стая взмывает ввысь, она выглядит белым облаком — куда девается темное оперенье?..

Далеко к северу от Жона простираются песчаные степи, летом и зимой они служат приютом для многих диких животных. В последние годы в этих песках обитали многочисленные стада степных антилоп — бокенов. На скалистых вершинах Жона, в ближних отрогах Каратау и Алатау, водятся и горные козы и дикие бараны — архары.

Обильные снега, выпавшие этой зимой, надолго задержали весну. Пески тоже были покрыты толстым белым покровом. И вот теперь жители Сары-Суйского и Джамбульского районов стали свидетелями переселения в эти края несметных стад бокенов.

Сегодня, в ясную погоду, когда вся окрестность до горизонта свободно открылась взору, трактористы всех четырех бригад заметили какое-то движение на ранее пустынной, мертвой равнине. Это шли многочисленные стада диких коз. Необузданные, дикие животные, завидев рокочущие тракторы, огромными скачками уносились прочь. Дорогу тракторам пересекали стада архаров. Их движения быстры, но необычайно плавны, будто на бегу животные больше всего озабочены тем, чтобы уберечь от толчков свои необыкновенно красивые огромные рога.

За мчащимися бело-серыми антилопами с трудом поспевают только что родившиеся тонконогие детеныши. И все это летит, стремительно летит в одну сторону, словно бесконечная стая птиц.

Вчера еще холодный и чужой, Жон, озарившись голубизной неба и яркими лучами солнца, вдруг показался новоселам теплым, родным.

Прошло всего три погожих, светлых дня, а производительность труда трактористов резко подскочила. Улучшилось настроение людей. А тут еще во главе колонны машин, набитых продуктами, инструментом и разными товарами, вернулся Строгов.

Теплые дни, согнавшие последний снег, были использованы полностью. Соорудили и оборудовали полевые станы тракторных бригад. Трактористы имели теперь удобное жилье, горячее питание. Да и на центральной усадьбе жизнь понемногу налаживалась, входила в свою колею.

Однажды в центре поселка появилась степная газета «Туркестан». Вскоре на полевых станах начали выходить первые «боевые листки». В самых людных местах были повешены доски показателей. На полевых станах, разбросанных на далеких пространствах Жона, по выходным дням устраивали громкие читки газет, а библиотека, приютившаяся на одном из дворов центральной усадьбы, уже имела своих постоянных читателей.

К концу распутицы электрический свет озарил радостью жилища новоселов.

Инженер-мелиоратор Гольдин не упустил ни одного родника, ручья, речушки — все взял на учет! Он изучил режим вешних вод, промерил глубины образовавшихся водосбросов.

Строгова очень интересовала эта работа, и каждый раз, когда директор приближался к сухой возвышенности, на которой расположилась центральная усадьба, он напряженно думал об одном — о воде.

В окрестностях усадьбы протекали маленькая речушка Жамансары и большой ручей Учбас. Недалеко был и родник Акбулак.

Инженер Гольдин изучил режим и возможности этих источников водного питания совхоза и ломал голову над тем, в каком же месте поставить запруду, чтобы образовалось озеро. Откуда лучше повести арык для снабжения водой центральной усадьбы? Как распределить воду, чтобы ее хватило и для орошения и для питья? Ведь речь шла о той воде, которая впоследствии должна пойти по трубам водопровода в уютные квартиры благоустроенных домов! Директор выслушивал сообщения, соображения и сомнения Гольдина, но не только не тревожился, а, наоборот, был даже очень доволен. «Пытливая мысль работает, стало быть, жизнь наладится, до всего дойдем», — думал он.

...Круглосуточный, жаркий труд новоселов быстро дал свои плоды: план весенней пахоты наполовину был уже выполнен. И как раз в этот момент на дороге, ведущей из Шолактау, показалась густая туча пыли: это шли новые потоки грузовых машин. Около двухсот человек, которых так давно ждали, прибыло в совхоз «Туркестан».

То была большая всеобщая радость. Однако вместе с новыми людьми в Жон прибыли и новые заботы: как обеспечить их всех жильем и питанием? Ведь нехватки и неполадки все еще мешали делу! Так в более или менее устоявшуюся жизнь совхоза, в жизнь, которая стала легче с наступлением солнечных дней, ворвались, вломились новые трудности.

Люди ехали из теплых краев, с Кавказа. Они не были приспособлены к этому суровому климату, надо было оберегать их, думать о них.

И, отложив в сторону все дела, Строгов и его верный «штаб» занялись судьбами новых «туркестанцев».

Долгожданные люди словно принесли с собою плохую погоду.

К вечеру того же дня снова изрядно подморозило, подул студеный ветер, и это еще больше обострило положение: ведь не все еще были как следует размещены, не все успели поесть с дороги, негде было обогреться, отдохнуть... Недовольство, упреки и даже брань неслись в адрес администрации.

Маленькая столовая, в которой и без того вечно была сутолока и стояли очереди, оказалась забитой хмурыми, обросшими в пути, утомленными людьми. Шум, гам, теснота...

Строгов разделил вновь прибывших на группы, прикрепил к ним «старожилов», которым поручил заботиться о новичках. Хорошо еще, что накануне на всякий случай были поставлены ряды запасных палаток. Теперь предстояло разместить в них народ.

Немало недоразумений было в этот суматошный, тяжелый день. Люди серьезно относились к новой обстановке, поняли всю ее сложность, старались смягчить положение. Трактористы Погосян и Геворкян, шофер Казарян, комбайнеры-механизаторы Старовойтов и Агаян — эти быстро нашли общий язык со «старожилами», без лишних пререканий и споров брались за предложенную работу, без стонов и жалоб заняли свои места в палатках: что ж поделаешь, не на курорт ехали! Образуется...

Но были, конечно, и другие. Эти не оставляли Строгова в покое. Пока он, наводя порядок, торопливо ходил от палатки к палатке, бегал в кооператив, в столовую, на бельевой склад, за ним неотступно, по пятам следовала шумливая кучка недовольных. Крича, перебивая друг друга, новички, как шквал, обрушились на директора:

— Хотите нас, как скот, на улице держать, под тряпичным потолком?!

— Не больно-то вы о целине беспокоитесь, раз о людях заботы нет!

— Бюрократ бездушный, людей не жалеет!

— Сами-то небось в вагончиках устроились!..

— Тепленькие местечки позанимали!

— Попробуйте-ка сами в палатках, где ветер гуляет!

— Весь день голодные, холодные, кипятку и то приготовить не могли!

Так и сыпали, так и сыпали, не давая и рта раскрыть, обступая директора плотным кольцом.

— Да кто вы будете? Фамилии-то ваши как? — пытался он познакомиться, поговорить с людьми, успокоить их.

— Зачем вам наши фамилии? Чтобы потом расправу над нами чинить? — кричал какой-то парень с чубом, выпущенным из-под маленькой кепочки.

Не отвечая, они все теснее обступали директора и все пуще и пуще галдели.

— Все люди, все человеки, фамилия ни при чем!

— Все по путевкам приехали, все одинаковые, труженики советские, целинники!

— А вам фамилии подавай!..

Внезапно откуда-то из темноты раздался спокойный, рассудительный голос:

— Погодите, товарищи! Речь идет о теплом жилье? Попробуем разберемся. Ну-ка расступитесь, дайте пройти!

И сразу смолкли крики и брань.

Крупный, широкоплечий казах с энергичным открытым лицом шагнул в середину гомонящей, сбившейся в кучу толпы. Как со старыми знакомыми, поздоровался он за руку со Строговым, Березиным, Матайбаевым.

— Товарищ Сандыбаев! — воскликнул Строгов. — Когда приехал? Вот уж кстати так кстати! — И он показал на теснящую их толпу.

Сандыбаев умел говорить с народом, хорошо знал русский язык, и его уверенные, убедительно звучащие слова, обращенные к приезжим, быстро охладили разгоревшиеся страсти.

— Я вас давно уже слушаю, товарищи, — сказал он. — Речь идет о теплом крове. И это, конечно, понятно — прибыли издалека, намерзлись, а ночь наступает холодная. Все понятно! Узнав, что вы выехали из Шолактау, я специально приехал сюда из Байкадама. И я вам прямо скажу, что вы здесь видите, то и есть! Никто от вас ничего не прячет! Люди вы, надо полагать, разумные — сами поймете положение. А оно трудное! Однако я принял кое-какие меры. Здесь живут колхозники — казахи. Недавно они уже уступили совхозу пять своих дворов со всеми постройками, а сами — десять семейств — ютятся в оставшихся пяти. Только что я с ними разговаривал. Потерпите одну только ночь. Утром колхозники

переберутся в летние войлочные кибитки, а вам отдадут все свои избы и дворы. А вы, товарищи Строгов и Березин, немедленно возьмите на учет больных, если они имеются, и тех, кто легко одет. Устройте их потеплее.

— Спасибо за помощь, товарищ секретарь! — горячо поблагодарил Строгов. — Ну, кто говорил, что больной, что озяб, — идем все вместе, список составим на размещение! Идем! Идем! — направляясь к вагону, звал он за собой враждебно примолкшую группку парней.

Только что изощрявшиеся в ругани, сейчас они что-то замешкались и, пятясь, поодиночке рассеялись кто куда.

— Вовремя пришлась твоя помощь! — Строгов крепко потряс руку Сандыбаеву. — А как это колхозники согласились?! Ведь самим трудно — дети, старики... А эти что? Здоровые ребята, как на подбор!

— Значит, колхозники тебя полюбили, — сказал секретарь. — К тому же казахи — народ гостеприимный. И не этим гаврикам, конечно, они свои дома отдали, а тебе, совхозу! Ты, брат, обязан колхозу имени Жданова, как отцу родному...

— Да ладно, ладно, — весело согласился Строгов. — Я ведь уж говорил тебе: беру шефство над колхозом имени Жданова и условий никаких не ставлю. Даю слово коммуниста. Пусть только совхоз на ноги станет — увидишь: не только ждановцы, а все окрестные колхозники, и из «Учбаса», и из «Акбулака», — все от нас помощь получат. А аксакальскому совету, который так меня поддержал в эту чертову ночь, я по гроб жизни обязан, сам понимаю...

И хотя оба они как будто говорили об одном и том же и во всем друг с другом соглашались, каждый при этом не упускал из виду своего, интересов своих людей, и это хочешь не хочешь, но прорывалось наружу. Поняв это, оба громко и весело расхохотались.

О большой партии людей, прибывших на Жон, Сандыбаев узнал, сидя в своем кабинете, из телефонограммы Джамбульского обкома. Через представителя райкома в Шолактау он был точно осведомлен даже о часе прибытия пополнения и сразу отчетливо представил себе, какие трудности возникнут перед еще не окрепшим совхозом.

Когда-то секретарь райкома полушутя-полусерьезно пообещал Строгову: «В трудную минуту мы с председателем райисполкома Алпысбаевым сразу окажемся около тебя. Глянешь, а мы тут как тут!»

И действительно: за час до прибытия новоселов он уже был в избушке у Сальмена и Бармена. Собрав всех обитателей пяти дворов — от мала до велика, Сандыбаев поговорил с ними, объяснил положение и без всякого нажима добился своего.

— Вам, товарищи, большое-большое спасибо, — говорил он ждановцам. — В лютую зиму, сами терпя неудобства и тесноту, вы уступили свои жилища новоселам. Почему вы это сделали? Да прежде всего потому, что совхоз и вам принесет со временем громадную пользу, и всему нашему народу, который еще вчера кочевал. Разве вы не заметили, что с первого момента появления совхоза каждый день открывает вам что-то новое, доселе неизвестное?

— Действительно, — вмешался Бармен, хозяин двора, где происходило собрание. — Действительно, мы много нового увидели.

— Прежде всего, — продолжал секретарь, — вы увидели, что наша с вами жизнь, наши урожаи зависят от машинной техники, верно я говорю?

И чернобородый Сальмен горячо поддержал Сандыбаева.

— Вот мы, например, пашем, так у нас какими здоровыми комьями земля ложится, — сказал он. — А гляньте-ка на ихнюю пашню: земля пышная, мягкая, как мука.

Досан, Есен, Альмен и Бармен с восхищением защелкали языками, а Сандыбаев пытливо всматривался в их лица, стараясь понять, насколько же глубоко уважение и любовь к новому проникли в сердца его собеседников.

— Ни малейшего огреха не оставляют!

— А как глубоко пашут!

— По сравнению с совхозной наша пахота никуда не годится.

— А вода? Заметил, как они о воде заботятся? Ведь каждую каплю на учет взяли!..

— Дал бог бы погоду — большие дела сделают, да и не только для Жона, — подытожил эти короткие реплики Сальмен.

Бармен подхватил, глядя прямо в глаза Сандыбаеву:

— Добра от них ждем, товарищ Мардан, думаем — не подведут!

Вызвав колхозников на откровенную беседу, Сандыбаев развивал свою мысль:

— Эти новоселы вам еще не то покажут, не только как землю пахать, но и как дома строить, больных лечить, за детишками ухаживать. Освещение, отопление, весь быт ваш изменится к лучшему.

— Строгов нам так и обещал, — перебил Сальмен. — За эти, мол, ваши дома мы вам новые построим.

А Бармен добавил:

— Он говорит, что и школу совхоз для наших ребятишек построит, клуб, кино, больницу и баню.

Тут и Сакыш припомнила один свой разговор с директором:

— Ваши, говорит, домишки ветхие, пожитки незавидные. Колхозники, говорит, должны жить хорошо, культурно! Как встретит, так и скажет: скоро, мол, скоро все к лучшему переменится, все у вас будет скоро. Чуть не молодость мне вернуть обещает, — пошутила она.

И вот в разгар этих разговоров Сандыбаев рассказал собравшимся о деле, по которому сюда пришел. Он сообщил, что в совхоз сегодня прибыла масса людей, что все они сейчас, в сущности, под открытым небом, а это очень осложняет дело. Он осторожно напомнил при этом о добром старом обычае — по весне переселяться в юрты, поближе к речке. Правда, сейчас еще рановато, но ведь иного выхода нет, и потому он просит колхозников оказать дружескую поддержку новоселам — завтра с утра перебраться в юрты, а пять оставшихся зимних дворов временно отдать совхозу.

Хотя и не сразу, но колхозники все же согласились уважить просьбу секретаря.

Сандыбаев сообщил колхозникам о твердом обещании Строгова к осени построить для колхоза имени Жданова новый образцовый поселок. Райком сам будет следить за выполнением этого обязательства. А о теплом гостеприимстве, какое ждановцы оказали новоселам, как о благородном примере, узнает весь район.

И только добившись такого решения, Сандыбаев сообщил о нем Строгову.

Теперь, когда основной вопрос был решен, предстояло познакомиться с новыми людьми. По опыту других районов Сандыбаев и Строгов знали, что в массе хороших людей, едущих на целину, попадаются и любители легкой жизни.

Строгов вспомнил о бойких парнях, которые сегодня мутили вновь прибывших. Такие могут дурно повлиять на молодежь. Правда, все они прибыли на целину по путевкам; но ведь в иных организациях путевки выдавались всем без разбору, а от таких ребят многие руководители только и ищут способа отделаться. В общем, в каждом благородном деле есть свои трудности, как говорится, репейник, который цепляется за подол.

Организаторы совхоза ясно представляли себе, что зерно зерном, но совхоз должен стать и очагом социалистической культуры, должен стать примером как в ведении хозяйства, так и в области морали. И потому никоим образом нельзя проходить мимо таких безобразных явлений, как сегодняшнее поведение парней, игравших на временных бытовых трудностях.

Оставшись один, Строгов, как был, в одежде, свалился на свою жесткую койку, но беспорядочные, тревожные мысли не дали ему уснуть.

Жизнь на Жоне непрестанно менялась. Как теплый весенний день уступал свое место темной холодной ночи с морозным ветром, так и окрыляющие надеждой удачи сменялись неприятностями, срывами. Из огня да в воду, то в жар, то в холод бросало директора. И, засыпая, он все еще видел перед собой горящие злобой глаза и сверкающие в оскале зубы парня с чубом, слышал грубый голос другого, обидные, несправедливые упреки третьего...

РЕПЕЙ ЦЕПЛЯЕТСЯ ЗА ПОДОЛ

Колхозники сдержали слово. С утра установив свои юрты, они перебрались туда со всеми пожитками. Не медля и часа, Строгов осмотрел все углы и закоулки оставленных пяти дворов, велел залатать все прорехи, застеклить разбитые окна. Во всех мало-мальски пригодных для жилья помещениях были настланы деревянные полы, в будущих общежитиях сколотили нары, установили койки. И те, кто вчера отказался жить в палатках, уже к вечеру могли переселиться.

Большой сарай приспособили под столовую: хорошенько отмыли и побелили стены, обили клеенкой потолок, из длинных досок сколотили столы и лавки. Получилось довольно приличное помещение, где одновременно могли обедать человек пятьдесят — шестьдесят.

Еще с вечера Турсунов стал группками собирать коммунистов и беседовать с ними. Безродный провел комсомольское собрание. Выявлялись специальности вновь прибывших, производилась разбивка на бригады. Механизаторы и агрономы присматривались к людям, сообщая свои соображения Строгову. С шоферами беседовал Вася Матайбаев: кто они, откуда, где работали, как кого зовут?

Трактористы Новиков, Целигородцев, Воробик и Ткаченко знакомились со своими товарищами по профессии. К этому времени совхоз уже засеял половину всей посевной площади. Предстояло быстро и хорошо завершить эту работу.

Об этом говорили Строгов и Березин на общем собрании, которое созвали, завершив устройство новоселов.

Трактористы Погосян и Геворкян, шофер Казарян, механизатор Старовойтов сказали, что прибыли на Жон не как сезонники, а на постоянное жительство.

Часто поглядывая на собравшихся своими горячими глазами, Петросян поделился с товарищами своей заветной мечтой.

— Я привез сюда из родного Еревана подарок, — сказал Петросян, — символ дружбы наших республик. Это веками взращенная на моей солнечной земле лоза винограда. Никогда раньше здесь не выращивали фруктов, а я своими руками посажу и выращу виноград. И пусть его лоза будет лозой нашего братства, а его плоды — плодами нашей дружбы и нашего труда!..

Собрание бурно аплодировало черноглазому смуглому парню, который первым сумел выразить дружеские чувства, уже зарождавшиеся среди этих людей.

Однако и здесь резкой, фальшивой нотой прозвучали выступления трех парней, которых еще вчера приметил Вася Матайбаев в толпе, осаждавшей Строгова. Они и сегодня держались обособленно и выступали друг за другом.

Первым говорил Шарафьянов — огромный детина с блестящими глазами и выступающей вперед массивной челюстью.

— В этом совхозе ни о чем, кроме машин да семян, не думают! До человека и дела нет никому! Загнали нас в хлевы да в курятники, где и свинья-то жить не стала бы. И это называется «заботой о человеке»? И это — «своевременно принятые меры»?

— А что было бы, если бы колхозники над нами не сжалились, свои развалюшки нам не уступили? — подхватил румяный, чернобровый Агабеков с наглыми сероватыми глазами и редкозубой усмешкой. — Ведь и жратвой до сих пор нас не обеспечили! А теперь нарочно на мелкие группки дробят, чтобы в холодные палатки, а то и вовсе на мороз выгнать!

— От имени всех двухсот вновь прибывших мы требуем директора к ответу. Куда вы нас привезли? — горланил атлетически сложенный, большеголовый и курносый Мотов.

Шарафьянов, задавший тон этим кляузным речам, все больше распалялся. Вскочив с места, он орал, махал руками и то и дело тыкал огромным пальцем в сторону Строгова:

— Всю ночь напролет двести человек — двести человек! — коченели на морозе в палатках! Люди кашляют, простудились, больны! Вы за это еще ответите!

Его истерические крики раздражали и наконец вызвали негодование большинства собравшихся. Один за другим люди брали слово и говорили, что прежде всего никто не знает этих троих и никто не поручал им выступать от имени большинства.

— Мы знали, что едем на целину, а стало быть, не ждали готовенького, знали, что все надо сделать своими руками. Если же шарафьяновы собирались на курорт и рассчитывали на дворцы да хоромы, то они перепутали адрес.

Эти насмешливые слова Геворкяна собрание встретило веселым хохотом и шумными аплодисментами. Горлопаны были посрамлены.

И все же Шарафьянов не был одинок. Вглядываясь в лица собравшихся, стараясь уловить настроение людей, Строгов заметил еще человек десять, которые хотя и сели подальше друг от друга, но были связаны единым стремлением — поддержать крикунов. То тут, то там раздавались одинокие возгласы:

— Правильно, Шарафьянов! За всех говори!

— А ты, видно, рад, что тебя в хлев загнали! — злобно крикнул кто-то Геворкяну.

После выступлений Турсунова и Березина, терпеливо разъяснявших положение, Строгов предложил закрыть собрание, сам ограничившись лишь коротким словом, в

котором заверил людей, что сделает все возможное для улучшения их жизни.

Это было в характере Строгова: длинным речам он предпочитал реальные дела.

Наступило пятое апреля. На тысячи гектаров распростерлась поднятая целина. Казалось, весь бескрайний простор Жонской равнины покрылся черным бархатом.

Это была первая крупная победа совхоза. Люди, которые в лютую стужу пришли в снега этого пустынного, необжитого края, не только закрепились здесь, но и заметно продвинулись к своей большой цели.

Общественность и руководство области и района с удовлетворением отметили работу передового коллектива. В день завершения сева на базу прибыли комсомольцы из Байкадама. Они поздравили победителей и вручили им премии.

В ответном слове комсорг Безродный выразил горячие чувства всего коллектива молодых патриотов.

— Мы покроем безводную равнину озерами, — сказал он. — Мы наполним степи золотым зерном, мы тяжелое сделаем легким...

Взволнованно звучали слова юной учительницы, комсомолки Жанаевой, выступившей от комсомольцев района:

— Наш район, удаленный от центров страны и в прошлом кочевой, ожидает от такой мощной организации, как ваша, много добра. Вы призваны создать не только хлебородный край, но и край культурный...

Под шумные аплодисменты молодая учительница преподнесла совхозу радиоприемник «Родина». А за ней уже шли другие комсомольцы. Они несли патефоны, часы, шахматы... Но как самый дорогой дар было воспринято коллективом совхоза поднесенное ему пламенеющее красное знамя Казахской республики. В гуле восторженных голосов, в шуме аплодисментов почти не слышно было слов, которые сказал Безродный, приняв из рук Жанаевой блестящее белое древко. А сказал он о том, что к двадцатому мая молодежь «Туркестана» торжественно обещает выполнить план подъема паров.

Погода потеплела. Жизнь коллектива входила в нормальную колею, обретала слаженный трудовой ритм.

Продолжались полевые работы, начались и строительные. Поднимались дома, приближался к осуществлению большой и смелый план мелиоративных работ. А ведь с ним было тесно связано все будущее совхоза!

Еще когда в начале зимы прошлого года Строгов приезжал сюда знакомиться с местностью, он понял, что главной трудностью здесь будет вода, и решил, что прежде всего предстоит создать вблизи будущей центральной усадьбы искусственное озеро.

И вот сейчас уже можно было приступить к постройке водоема, используя для него воды небольшой речушки Жамансары.

Однако вопрос о месте будущего озера и о его объеме все еще оставался предметом споров между Гольдиным и Строговым. И прежде чем окончательно все решить, Строгов послал Васю к Сальмену.

— Собери-ка, Вася, опять наших друзей-аксакалов. Скажи им, что позарез нам нужны сейчас их мудрые советы!

Прибывшие на место старики подробно осмотрели замеренный Гольдиным участок и сказали, что, по их мнению, участок этот не годится. Речку Жамансары они знали очень хорошо. Она образуется из множества больших и маленьких источников, родничков и ручейков. То ли от состава почвы, то ли из-за камней, но некоторые из этих источников в иной год закупориваются, и приток их вод в общее русло Жамансары прекращается. Тогда речка мелеет, у нее едва-едва хватает сил добраться до теперешней центральной усадьбы.

Если строить озеро на русле двух наиболее сильных из этих ручьев, родники окажутся на дне озера! Хорошо, если они все время будут свободными от затора. Но ведь могут же и закрыться! Как же тогда их прочищать?

— Послушайтесь стариковского совета, ройте котлован на два километра ниже по склону, — сказал Сальмен. — Тогда и родники будут доступны для прочистки, и озеро окажется еще ближе к городку.

И, благодарный старикам за еще один добрый совет, Строгов решил: быть по сему!

— Ручаюсь головой — не ошибешься! — сказал он молодому инженеру.

Когда строительство озера приближалось к концу, уже создавались планы проведения арыков по улицам совхозного городка. Вдоль арыков будут посажены фруктовые деревья, и со временем вокруг поселка возникнет зеленый пояс.

Строгова не оставляла еще одна новая, большая и смелая мечта: создать лесозащитную полосу в пятьдесят метров шириной. Будущее сияло перед ним, наполняя радостью сердце. Однако светлые мечты и большие планы омрачались кучкой бузотеров, возглавляемых Шарафьяновым.

В совхозе все еще было много неизжитых трудностей, нехваток. Хотя каждый из прибывших был в известной мере устроен, но палаточный быт продолжался. Не хватало и помещений для общественных и культурных организаций. Из-за отдаленности от Шолактау — центра снабжения — частенько не хватало то продуктов, то горючего, то промтоваров, то инструмента, и это не давало ни Строгову, ни его помощникам ни минуты покоя. Не было дня, чтобы они вздохнули свободно.

А Шарафьянов и его «ребята» все с большей изобретательностью использовали в своих интересах эти трудности.

Теперь Шарафьянов стал в позу нелицеприятного обличителя «нерадивого» директора, изображая из себя этакого бескорыстного борца за нужды коллектива. Не было уголка, куда он не сунул бы свой нос, не было дела, в которое бы не вмешался. Он «критиковал» кооператив, произносил громовые речи против рабочкома, и всюду, куда бы он ни являлся со своими молодцами, вносил склоку и раздор.

Врываясь в помещение администрации, он искал и находил поводы для ругани и скандала. А когда напивался, то лез в драку, и нескольким здоровым парням с трудом удавалось угомонить его.

Можно было бы, конечно, убрать всю эту шарафьяновскую «бражку» из совхоза. Но Строгов не хотел этого делать. Он верил в силу трудового коллектива и все еще надеялся исправить бузотеров. Однако настал день, когда поведение Шарафьянова стало нетерпимым.

Однажды, без всякого на то повода, он схватил за шиворот и поволок прочь от продуктового ларька колхозника-казаха, пришедшего купить чаю и сахару. Попутно

хулиган осыпал грубой бранью продавца Меркадырова, обвиняя его в том, будто он продает из-под полы дефицитные продукты «своим казахам». Он кричал и ругался в явном расчете на то, что привлечет всеобщее внимание и натравит армян и русских на казахов.

Растерявшийся было при первом натиске скандалиста молодой здоровенный колхозник Жакып, опомнившись, молча развернулся и одним ударом отшвырнул Шарафьянова прочь. И когда тот попытался снова наброситься на Жакыпа, парень, в упор глянув на него гневными глазами, коротко бросил:

— А ну, подойди попробуй! — и недвусмысленно сжал в руке толстенную плеть.

Шарафьянов долго и безобразно ругался, но подойти не посмел.

Узнав, что рабочком собирается поставить на общем профсоюзном собрании вопрос о его поведении, Шарафьянов поздно вечером, без стука и без предупреждения, ввалился в комнату Строгова, ведя за собой своих «молодцов». В руках у него было заявление за семью подписями. В заявлении содержались демагогические обвинения руководства в сознательном обмане вновь прибывших, в злостном зажиме критики. В конце группа Шарафьянова писала о своем решении вернуться в Ереван.

Строгов тут же вызвал к себе Березина и двух своих заместителей и объявил, что назначенное на завтра собрание должно состояться сегодня.

— Придется дать коллективный ответ на коллективное заявление, — сказал он. — Понятно? — И в упор поглядел на Шарафьянова и его товарищей. — Мы вас долго слушали, теперь вы послушайте нас. Ответ на свое заявление получите на собрании через два часа.

Разговор оказался коротким. В своей предельно сжатой речи на собрании Строгов коснулся лишь двух моментов.

— Вы говорите, что уедете в Ереван. Нет, уйдя отсюда, — а вы отсюда уйдете! — вы не вернетесь в Ереван по той простой причине, что явились вы не оттуда. Это нам теперь доподлинно известно. Откуда же? — спросите вы. А ниоткуда и отовсюду. Такие субъекты нигде долго не задерживаются, потому что они оторвались от нашего общества, и ни один край им не мил, никакой труд не дорог. Однако мы не позволим вам чернить своим поведением об-

щественность города Еревана. Я буду хранить это ваше заявление, чтобы изобличить вас, если вы попытаетесь еще где-нибудь, кого-нибудь ввести в заблуждение. Только честным трудом вы сможете смыть позорное пятно, которое сами на себя наложили этим заявлением. Ведь оно говорит о недостойной попытке присвоить и народное доверие, и народные деньги, которые вы получили от государства.

Эти слова были голосом совести всего коллектива. Строгов умело и ясно выразил мысли и чувства присутствующих. Его поддержали все, кто выступил на собрании...

И все же он вернулся в свою тесную каморку с тяжелым сердцем.

Если бы Строгов мог с глазу на глаз поговорить хоть с одним из тех людей, кто не задумываясь посылал на целину вместе с честными тружениками и подобных проходимцев, — он бы высказал этому человеку немало справедливых и горьких упреков. «Как можно на всенародный подвиг посылать кого попало, спихивать с рук никчемных, заведомо негодных людей?! Пускай, мол, их там исправляют, а нам лишь бы избавиться!»

По горькому опыту этого года Строгов знал, что не только в «Туркестан», но и в другие совхозы просочились и лодыри, и хулиганы, и отъявленные уголовники. Кое-кого из них разоблачили, осудили, выгнали с позором, а кое-кто и сам бежал от общественного суда. И люди, которые с легкостью посылали на целину подобный сброд, даже не задумываются над тем, что наносят ущерб всенародному делу!

Охваченный справедливым гневом, Строгов долго ворочался с боку на бок, не в силах успокоиться и уснуть.

Через три-четыре дня после собрания Агабеков, Мотов и Динов бежали из совхоза, присвоив, таким образом, выданные им государственные средства. Их уход круто изменил поведение Шарафьянова. Казалось, что это и для него было неожиданностью.

— Мы ведь только так, грозились, что уйдем, а сами и не думали уходить... Право слово, просто хотели директора припугнуть! — говорил он каждому встречному и поперечному, всем, кто хотел и кто не хотел его слушать, и ругал своих бывших дружков на чем свет стоит.

— Я не знал их, я ошибся, я считал их советскими ребятами, — заверял он.

Мало кто верил ему, но вскоре оказалось, что Шарафьянова и впрямь будто подменили. Исполнительностью, сдержанностью, усердием он явно стремился загладить перед товарищами вину за свое прежнее буйное поведение.

ЗОЛОТО САЛКЫН-БЕЛЯ

В горячей страде коллектив совхоза и оглянуться не успел, как лето перевалило за половину, и его труд стал приносить обильные плоды.

Обширные просторы Самалтау и Салкын-Беля покрылись золотом колосьев. Мертвый край оживал, становился краем несметных богатств.

Постепенно продвигалось и строительство совхозного поселка. Вырастали все новые и новые дома. В степи поднимался городок.

По просьбе Строгова несколько домов было построено из камня, вынутого при рытье котлована под фундамент большого шестиквартирного корпуса.

Улицы будущего селения уже отчетливо прочерчивались рядами одноэтажных четырехквартирных домиков. И хотя новоселы взирали на них с пламенной надеждой, ни одна из этих построек еще не была завершена.

Привыкший быстро и четко выполнять все задания, данные совхозу, Строгов, человек энергичный, активный и деловой, был в вопросах строительства совершенно бессилен и от этого раздражался еще больше.

Уже шла уборка хлебов, а в совхозе все еще не было ни одного крытого тока. Горы обмолоченного зерна росли и росли: на одном только участке под открытым небом высился огромный холм в двенадцать тысяч центнеров пшеницы.

Все это было известно областному тресту совхозов, и что же?

«Союзтранс» уже давно обещал прислать машины для вывоза зерна, но дальше обещаний дело не шло. А если польет дождь? Не надеяться же на бога, хотя сухая погода с середины лета как будто установилась прочно.

Не один «крупный разговор» имел Строгов с соответствующими организациями, а сдвигов никто пока не видел.

Была и еще одна забота, тяготившая директора. Когда среди сплошных массивов золотого хлеба, уходящих далеко за горизонт, то и дело раздавались тревожные гудки комбайнов, им овладевало настоящее смятение.

Этими гудками комбайны, бункера которых до отказа заполнялись зерном, вызывали самосвалы. А самосвалов не хватало. Но разве не твердил он об этом областному центру?

Невнимание области к запросам совхоза порою представлялось директору граничащим с преступлением. И вот сегодня по телефону он изливал всю накопившуюся у него горечь секретарю райкома Сандыбаеву.

— Когда поедешь в область, непременно заезжай ко мне, — попросил он Сандыбаева. — Расскажешь потом в обкоме и в облисполкоме о нашем положении!

Вечером, к концу работы, Сандыбаев приехал в совхоз. Чтобы поговорить без помех, он повез Строгова в колхоз имени Жданова.

У юрты Сальмена Строгов выпрыгнул из машины и, как обычно, весело крикнул на ломаном казахском языке:

— Меники Садага кайда?!

Навстречу, приветливо улыбаясь, спешила Сакыш.

— О, давай заходи, Садага!

— Как живешь-можешь, Садага?

— Жива-здорова! Твое-то здоровье как? — перебивая друг друга и величая один другого шуточной кличкой «Садага», шумно здоровались они. Их бестолковая дружелюбная болтовня всегда смешила Васю, а особенно Сандыбаева и его шофера Абиша. Строгов, кроме нескольких приветствий, ни слова не знал по-казахски, а Сакыш не понимала по-русски. И все же это не мешало их взаимной симпатии.

Секретарь райкома и директор расположились в юрте Сальмена. Никто здесь не мешал их разговору, да никто и не вмешивался в него. Все прекрасно понимали трудное положение совхоза — Вася и сам при каждом гудке комбайна морщился, как от зубной боли.

Покончив с делами совхоза, Строгов при помощи Васи повел с хозяевами дома свой всегдашний разговор о будущем колхоза.

— В ваших колхозах нет ни огорода, ни фруктового сада, ни бахчи. Куда это годится?

И они соглашались. Действительно, плохо! И ведь слова его относятся не к одному их колхозу — так было во многих артелях Сары-Суйского района.

— А жилье? Избушки построены кое-как, не лучше, чем в прошлом, при кочевой жизни. Ветхую кибитку, что стоит возле тока, вы громко именуете «Красной юртой». А там сверху дождь льет, внутри ветер гуляет, ценные книги портятся. Клубов нет, школа на хлев похожа. И добро бы от бедности, а то ведь колхоз-то ваш — богатый! Правду я говорю?

И Сакыш согласно кивала: правду!

Строгов имел право сказать: так жить больше нельзя, ведь к этому времени с помощью совхоза уже были построены добротные двух- и трехкомнатные дома для одиннадцати семей колхозников, переселенных с Жона. Таких хороших домов в этой округе еще не видели. Сальмен, Альмен и другие ждановцы считали дни, оставшиеся до переселения в дома, возведенные на центральной усадьбе.

К этому времени Строгов стал у них своим человеком. Он частенько заезжал к колхозникам, выпивал вдвоем с Васей у Сакыш целый самовар чаю, ведя пространные беседы о житье-бытье поселка. Он пил кумыс, как заправский казах, и полюбил национальные блюда, которыми его угощали.

Слава о Строгове, как о хорошем хозяине и умелом руководителе, дошла до всех окрестных колхозов, и к его советам охотно прислушивались все — от старушки Сакыш до секретаря райкома.

Сегодня он говорил еще и о том, что здешний народ не знает цены воде, хотя живет буквально на краю пустыни. А между тем на маленьком прибрежном участке, у речушки Учбас, прилегающем к совхозу, женщины под руководством Нины Петровны вырастили замечательный огород. Теперь все люди совхоза обеспечены на зиму картофелем и овощами. Почему же колхоз имени Жданова не берется за такие дела?..

Вспомнив свое директорство в Чеховской МТС, Строгов покритиковал и себя самого:

— Жили среди такого обилия воды — тут и реки, и ручьи, и озера, а никому и в голову не пришло использовать ее как следует, на сады да огороды.

Говоря о положении дел на Жоне, Строгов поделился с друзьями своими планами на будущее. Он не был вполн-

не удовлетворен урожаем этого года, хотя все посеянное в совхозе и взошло и созрело. Лето стояло сухое, днем — непомерная жара, по ночам прохлада помогала росту хлебов. А если бы своевременно учесть опыт местных колхозников, можно было бы получить куда больше зерна.

— Думаю и верю, что в будущем году мы удвоим урожай! — горячо сказал он. — Вот я слышал, как Сальмен говорил Васе, что, мол, пашем мы не так, как следовало бы. В этих местах верхний слой почвы быстро выветривается. Уж коли честно пахать, так пахать глубоко. Глубже вспашешь — больше получишь. И мы из этих его слов агротехнический вывод сделали. Провели пробную глубокую вспашку на участке в шестьдесят гектаров и на нем получили вдвое больше урожай.

И перед тем как расстаться с друзьями, Строгов заключил:

— Хоть и помучил меня Жон изрядно, хоть и скакал я здесь из огня да в полымя, а сердцем к здешнему краю прирос. Никогда я его не покину. Мне и камни-то здешние сделались милы, и архары эти, птицы. Вот наладим мы совхоз по-настоящему, сделаем его школой опыта для всех окрестных колхозов, поднимем и ваш, ждановский, и «Учбас», и «Актогай» — расцветет наш Жон! А чтобы говорить нам с тобой, Садага, по душам, выучу я казахский язык, тогда и без Васи мы с тобой обойдемся.

Сандыбаев, молча наблюдавший за развеселившимся Строговым, который, казалось, сбросил с себя на час все гнетущие его мысли и тяготы, дружески поддразнил:

— Когда ты сюда первый раз приехал, так был довольно-таки упитанным товарищем, а сейчас вон как тебя подвело! То ли думы тебе покоя не дают, то ли для сверхскоростного движения вперед ты себя тренируешь? Небось, избавившись от лишнего веса, облегчение почувствовал?

Строгов, смеясь и качая головой, похлопал себя по впалым щекам и по животу.

— Шестнадцать килограммов спустил — не шутка! — посетовал он.

А Сандыбаев, глядя на этого усталого человека с глубоко запавшими глазами, вдруг подумал: «Этот не подведет, за этим люди пойдут...»

Когда, поужинав, они вышли из юрты, над колхозом уже спустилась ночь, овевая прохладой дремлющие просторы Жона. Луна высоко в небе несла свою бессонную вахту, охраняя мирный сон долины.

Чуть постояв под ярким небом этой ослепительной ночи, Строгов и Сандыбаев крепко пожали друг другу руки и пошли к своим машинам. Нарушая ночную тишину и оставляя за собой густые клубы пыли, они помчались каждый в свою сторону, навстречу новому трудовому дню.

1955

МОЯ ИНДИЯ

Путевые очерки

Сорок пять дней, в 1955 году, длилась моя поездка в великую страну, страну друзей — Индию.

В день возвращения на родную землю, в нашу родную жизнь, пришла мне на память сказка, которую я слышал в детстве.

Сказка такая: молодой джигит задумался однажды над тем, как живет, и захотелось ему узнать, как живут люди в иных краях, коротко ли, длинно ли время, велик ли, мал ли подлунный мир? Задумался джигит и потерял покой. Пошел он к одному старцу, который славился великой мудростью. Открылся ему во всем и просит совета, как узнать, коротко ли, длинно ли время, велик ли, мал ли мир?

Старик со вниманием выслушал джигита. Молча отставил в сторону кумган с теплой водой, подготовленной для омовения, взял джигита за руку и подвел к большому казану с водой. «Окуни голову в эту воду!» Джигит без боязни и сомнения сунул голову в казан и тотчас увидел себя на другом конце света.

Так началось его долгое путешествие по стране, которую он ранее не видывал и не знавал, по земле, на которую прежде не ступала его нога. Удивительные представились ему люди, странны были их нравы, непонятен язык...

В какие только переделки не попадает герой! На спине черной птицы он перелетает поднебесные горы, пересекает бездонные пропасти. И наконец спускается в подземное царство. Видит сказочные чудеса; были там и приятные встречи, были и такие, что вызывали отвращение.

И вот, в один роковой день его жизнь повисает на волоске. В темной смрадной бездне сталкивается джигит

со страшным драконом. Джигит в его железных лапах. Разверзлась огненная пасть. Джигит обессилел, помощи ждать неоткуда, и подумал он: «Пришла моя последняя минута...» И все же из последних сил рванулся прочь.

Смотрит джигит и не верит глазам: где он? что с ним? Как легко у него на душе! Оказывается, он только что вынул голову из казана с водой. Старец сидит в тени дерева, рядом стоит кумган с водой для омовения, и вода в кумгане еще не остыла...

Сорок пять дней длилась моя поездка в Индию, но как ни много довелось там увидеть, понять и почувствовать, кажется, прошло лишь мгновенье и вода в кумгане еще тепла, как в той сказке про джигита и мудреца.

Путешествие наше началось в Москве, но поначалу путь наш пролег не на юг, как ожидали, а на север: Ленинград — Хельсинки — Стокгольм. От Стокгольма через всю Европу и Африку до столицы Индии мы летели на самолете Скандинавской авиакомпании.

Четырехмоторный, шестидесятиместный самолет пронес нас над многими странами. Два-три часа остановки в столице Норвегии Осло, в столице Дании Копенгагене, затем в Западной Германии — в Дюссельдорфе, в столице Швейцарии Женеве, в столице Италии Риме и — прощай Европа! Пять часов полета — и мы в Каире. Путь от Каира до столицы Пакистана Карачи самолет покрыл за семь часов. А далее — Дели...

По пути мы видели немало интересного, но все затмила бесподобная Индия.

Индия — страна с большой и древней историей. История этой страны исчисляется не веками, а тысячелетиями. Я не считаю себя знатоком жизни индийского народа, его психологии, истории многовековой индийской культуры, и эти мои заметки — лишь свидетельство очевидца, который был в великой стране, стране друзей, один краткий миг — считанные дни.

ДНИ В ДЕЛИ

Мы, делегация деятелей культуры СССР во главе с А. А. Сурковым, — гости страны. Нас пригласило правительство на празднование юбилея Республики Индии.

На другой день после нашего приезда, 26 января, началось народное торжество.

Наша гостиница «Хайдарабад Хауз» почти в центре столицы, и мы с утра присоединились к демонстрантам. Наши хозяева проводили нас на трибуны, где собралось множество гостей из разных стран. Гостевые трибуны были убраны коврами и яркой зеленью. Над гостевыми трибунами — задрапированное в красный шелк место президента Индии.

Наши места располагались справа от ложи президента, и, пока мы рассаживались, к нам вместе с дочерью Индирой Ганди подошел Неру. Они тепло поздоровались со всеми гостями и каждому нашли сердечные приветственные слова.

Празднование началось выездом отряда конников на прекрасных гнедых арабских скакунах. Одетые в малиновые с золотым шитьем мундиры воины-кавалеристы, бородатые, с большими тюрбанами на головах, были президентской гвардией; это сикхи, основные поставщики воинов.

Вслед за гвардией появился и президент Раджендра Прасад. Шестерка темно-гнедых разукрашенных коней подвезла его карету. Перед трибуной выезд остановился. Президент, встреченный премьер-министром, занял свое место в красно-шелковой ложе. Эта церемония имеет давнюю историю. Еще во времена шахов, позже — вице-королей, точно так же начинались торжественные празднования.

Парад открылся шествием боевых слонов. Покрытые богато расшитыми попонами, слоны шли по четыре в ряд. На них сидели воины, одетые в старинные наряды, вооруженные мечами и копьями былых времен. Отряд боевых слонов остановился у президентской ложи. И, словно по команде, они подогнули передние ноги и громко протрубили.

Следом за слонами площадь заполнила верблюжья кавалерия, тоже старинный вид вооруженных сил. Верблюды все были белые одногорбые — пары, отменные бегуны. На спине каждого верблюда двухместные седла; в них качались по два всадника. Страница воинской мощи давнего прошлого.

Но вот топот сменился железным лязгом — пошли современные воинские подразделения, детище XX века, танки, мотопехота, нынешняя артиллерия; в небе молнией промелькнули эскадрильи реактивных самолетов.

После воинского парада началась демонстрация, весьма многолюдная. Народ Индии показывал свои

достижения за годы свободной жизни, свои успехи, свою радость в День независимости.

Во второй половине дня нас пригласили во дворец президента.

Дворец расположен в большом парке. Это одно из красивейших мест Индии. Дивный сад, о котором я слышал в детстве, как о «райском саде», так называемый Иранский сад, во всей красе предстал перед нами. В Индии очень любят цветы, зелень, и там, где есть вода, расцветают декоративные деревья и повсюду радуют глаз цветы. В жаркой стране особенно приятны тень и прохлада парка. Голубыми зеркалами глядят бассейны, окаймленные красным камнем. И снова цветы, изумрудная зелень, и опять чистая сверкающая вода фонтана, мириадами искр переливается на солнце водяная пыль.

Во многих городах Индии, если не сказать во всех, вот так же бережно растят сады, парки, — эта прекрасная традиция сохранилась с древних пор до наших дней. Такие сады мы часто встречали.

Во дворце президента мы познакомились со многими иностранными гостями. Здесь же состоялась наша встреча с президентом Прасадом, с премьером Индии Неру и с вице-президентом Радхакришнаном. Государственные деятели Индии пригласили нас в свои резиденции для новых встреч.

Следующий день в Дели начался с посещения особо чтимых мест в Индии.

Наша делегация со специальным венком выехала к могиле Ганди. Почти в центре города, у реки Джамны, там, где была пролита кровь Ганди и где по старинному обычаю сожжены его останки, возвышается величественное надгробие из красного тесаного гранита. Мы сняли обувь и в торжественной тишине понесли венки к гробнице.

Было 27 января, и по нашему календарю стояла зима, но тепло было, примерно, как у нас, в Алма-Ате, в начале сентября. Деревья вокруг полны жизни и не сбросили листвы, везде цветущий жасмин. Пора сбора поспевших мандаринов. И все же в гостинице, где мы живем, топится камин, а в каждом номере электрообогреватели, чтобы гости не озябли...

Посвящая нас в тайны индийского гостеприимства, нам заметили:

— Если не хотите обидеть хозяев, не спорьте с ними о погоде. Как бы тепло ни было, если вам говорят: зима, холодно, соглашайтесь: да, зима, холодно. — И мы не спорили.

Босиком, несмотря на «зиму», мы подошли с венком цветов к большому круглому надгробному камню. Поверх камня была выложена надпись из свежих цветов на языке хинди. Когда Ганди выходил из храма, расположенного у реки Джамны, раздался предательский выстрел, и смертельно раненный Ганди, обливаясь кровью, успел сказать только: «Жил для тебя, Рама!»

Только эти слова успел он сказать, и они выложены цветами на камне. Это завещание и это клятва народа, — как бы говорит ежедневно обновляемая свежими цветами надгробная надпись и вся гробница Ганди.

Мы возложили венок, молча постояли, воздавая должное памяти великого человека, и пошли назад.

Старый и новый Дели богат памятниками древности, установленными десятки веков назад.

Пожалуй, особо интересен и характерен для истории Индии памятник I века — величественный обелиск, с которым связано имя царя Ашоки, правившего в далекие времена. Великий царь Ашока жил в III веке до нашей эры. Порядки и законы в его царствование были во многом обусловлены тем, что он был буддистом. Его заветные слова — «Не проливать кровь, ни одной живой души не обижать» — были выбиты на обелиске учениками и поклонниками, жившими несколькими веками позже.

После обелиска, в старом Дели, мы осмотрели многие памятники мусульманских царей, — они гораздо «моложе». К примеру — памятник XII века, великолепная мечеть, построенная во время султана, — Кутбминар. Высота минарета семьдесят три метра. Из многих подобных памятников этот можно назвать лучшим.

Мечети, башни в Северной Индии строятся из красного гранита или песчаника. Башни и мечети многогранны. Такова и Кутб уд-дина Айбека Кутбминар. От основания до самой высокой точки на гранях минарета вырезаны изречения из Корана.

Неподалеку стоит не менее древняя, но уже полуразвалившаяся мечеть Кувватт-уль-ислам. Здесь мы увидели одну редкостную достопримечательность. В незапамятные

времена упал с неба метеорит. Индийские мастера установили его в мечети, и кажется, что сама древность смотрит тебе в глаза. Без следа ржавчины, такой цельный, что острие иголки не удержится на его оплавленной поверхности, этот кусок материи из космоса производит мистическое впечатление.

По уцелевшим изразцам, барельефу, изящной вязи арабских букв можно судить, как красива была эта разрушенная мечеть. Ныне через проломы в стенах шумной стайкой залетают яркие цветастые птички и, словно передразнивая друг друга, звонко щебечут, сидя на карнизах.

Следующие два памятника мы осматривали с особым вниманием. Один из них возведен внуком Бабура Шах-Джаханом — это мечеть Джама-Масджид; другой — царский дворец, или Красный дворец (Редфорт). И мечеть и дворец построены триста лет назад из красного песчаника и белого мрамора.

В Джама-Масджид в большие религиозные праздники собираются до пятидесяти тысяч верующих. Двор мечети огорожен: устроен навес для шатра. Дальний край мечети отведен для женщин и также огорожен. Центр мечети, где вздымается на мраморных колоннах минарет, открыт чистому небу. Раньше, во время молебствий, верх также закрывался шатром.

Любопытно, что в Джама-Масджид, в таком «святом» месте, оказывается, водятся откровенные шарлатаны. Нас подвели к небольшому, ярко окрашенному киоску под сводами мечети. Внутри киоска темновато. Открылось окошечко, и оттуда показалась толстая пергаментная книга. Страницы ее были заполнены крупными арабскими буквами. Одна из страниц замарана чем-то бурым. Как нам объяснили, это и есть кровь святого Гусмана, пролитая за веру. Не знаю, сколько было святых Гусманов и как много они пролили крови. Но я в своей жизни встречал уже три Корана с кровью святого Гусмана.

В Джама-Масджид мы увидели и другие «чудеса». Нам показали чашу с серебряной крышкой. Человек с обмотанным, словно перевязанным лицом, так и не показав нам лица, протянул тонкие, сморщенные, будто обугленные пальцы, снял крышку и унес ее. В чаше лежало по виду нечто похожее на тонкую проволоку, которую встречаешь в трансформаторах. Оказалось, однако, что это и есть волос из бороды самого Магомета-пайгамбара (пророка)!

Кроме того, в Джама-Масджид имелись башмаки Магомета, шитые из верблюжьей кожи, и след его ноги, оставленный на камне. Эти две реликвии, как нам пояснили, привез сюда внук Хромого Тимура.

В Красный дворец мы вошли со стороны Старого Дели.

Высокий купол дворца, отделанный мрамором, цветными изразцами, красные стены с белыми шарами привлекают взор своим великолепием. Этот царский дворец и по архитектуре и по характеру украшений резко отличается от других дворцов, в которых нам довелось побывать.

Лето здесь жаркое, зимы нет, и потому дворцы строились, чтобы укрыться от зноя и дать как можно больше прохлады. Все залы дворцов, приемные для гостей, для утверждения указов, столовые палаты, молитвенные, умывальни облицованы мрамором. Мраморные здесь не только стены, но и полы. В большие залы, где проходили советы и празднования, проведены специальные желобы для воды, повсюду бассейны и фонтаны. Зимой ли, летом ли, днем ли, ночью ли в таком дворце всегда живительная прохлада.

Помимо мрамора и полированного гранита бросается в глаза богатая отделка золотом, серебром, драгоценными камнями различных предметов обихода: кресел, диванов, кроватей, сундуков. Часто встречаются изречения из Корана, выложенные драгоценными камнями.

Мы обратили внимание на двустишие персидского поэта Фирдоуси, сверкавшее на каменном своде на большой высоте:

Если есть рай на земле,
Он находится здесь, здесь, здесь.

В прошлые века, когда народ Индии жил под монгольским игом, в великих трудах был создан этот дворец. Я не хочу соревноваться с Фирдоуси в восхвалениях красоты и роскоши этого необыкновенного строения и потому умолкаю.

Вечер мы провели среди многочисленных гостей, в горячей дружеской беседе.

В один из праздничных дней Общество индийско-советской дружбы[1] устроило прием. С приветствием к

[1] Так М. Ауэзов называет Общество индийско-советских культурных связей. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

собравшимся обратилась сестра премьер-министра, седовласая госпожа Неру. Все, кто выступали на этом вечере: и индийцы, и члены нашей делегации, ученые, работники промышленности, деятели искусств, говорили о растущей дружбе индийского и советского народа и о том, что два великих народа, индийский и советский, должны быть едины во всех делах. Говорили, что необходимо усилить борьбу за мир, чтобы предотвратить страшные бедствия войны, которые дважды в нашем веке обрушивались на человечество.

Во времена колониального засилия англичан как о царской России, так и о Советском Союзе народ Индии почти ничего не знал. Общество индийско-советской дружбы проделало огромную работу, знакомя народ Индии с сегодняшним Советским Союзом, его историей, культурой, достижениями и сплачивая прогрессивные силы Индии в борьбе за мир. За полтора месяца в Индии мы много раз встречались во многих городах и селениях с членами местных обществ индийско-советской дружбы, встречались как со старыми своими знакомыми. Радушие, с которым нас принимали, было поистине братским.

Три дня наша делегация провела в визитах; мы побывали у президента Раджендра Прасада, у премьер-министра Неру, у вице-президента Радхакришнана.

В сегодняшней Индии эти три человека — безусловно наиболее авторитетные политические и государственные руководители, и встречи с ними были чрезвычайно интересны. Их добрые и теплые слова о нашей стране искренне радовали нас.

Президент Раджендра Прасад говорил о том, как сегодняшняя Индия строит новую жизнь. Республика поднимает промышленность и сельское хозяйство, борется за лучшее будущее, за благосостояние народа. Особо говорил президент о нелюбви Индии к любым проявлениям насилия.

— Мы из многих раздробленных княжеств создали единую Республику, без крови и потрясений пришли к этой великой цели и будем дальше бороться за мир не только в нашей стране, но и повсюду. — Так изложил он программу своей партии.

Вице-президент Радхакришнан добавил:

— Мир нужен не только Индии, не только индийскому народу, но и всему человечеству. И в благородной

борьбе за мир во всем мире есть и наш искренний вклад, есть доля индийского народа.

Многое прояснилось в этих беседах. Прасад и Радхакришнан, естественно, хотели раскрыть нам сущность «бескровной революции» в Индии, объяснить, каков же это был переход к власти без насилия, на основе только одной агитации; нам внушали, что распространение среди широких слоев общества философии гандизма заложено в самой природе индийского народа. Однако, если говорить по правде, то те же самые княжества, например, отнюдь не вследствии простой агитации и вовсе не по доброй воле, а за большие богатства уступили молодой республике свои феодальные привилегии. Князья не сражались за республику, а просто продали власть за дорогую цену, поскольку республика платила... В этом мы убедились во время наших поездок по штатам Индии.

Двадцать девятого января мы посетили музей Истории культуры Азии. Потом — Главный Архивный музей Индии. Побывали и в национальном Государственном музее.

С большим интересом мы ознакомились с Делийским университетом, который считается в Индии одним из лучших и дает своим питомцам наиболее прочные знания и культуру. Всего в Индии насчитывается тридцать два университета. Делийский, основанный в 1922 году, относительно молод по возрасту.

Известно, что первые и старейшие университеты на памяти человечества были в Индии две тысячи лет назад. В древней Индии впервые было организовано учебное заведение, куда стремилась попасть молодежь всей Средней Азии. Сегодняшние университеты Индии, разумеется, в корне отличаются от учебных институтов древней Индии. Начать хотя бы с того, что во многих высших учебных заведениях ныне преподавание ведется на английском языке.

До 1947 года Делийский университет находился в ведении вице-короля Индии лорда Маунтбеттена. Пятьсот акров земли, отведенные для университета, считались владением вице-короля. Дело доходило до анекдота. Двадцатипятилетие женитьбы вице-короля совпало с двадцатипятилетием университета и с числом аудиторий — двадцать пять. Это совпадение вице-король объявил показательным, на уровне, так сказать, знамения

свыше, а посему милостиво обещал особое покровительство университету, свое и своей супруги.

Положение в других университетах было примерно таким же, как и в Делийском.

Мы внимательно ознакомились с Делийским университетом. Здесь на восьми факультетах около восьми тысяч студентов. При университете есть отдельный женский колледж. Впервые в Индии в Делийском университете открыто отделение русской филологии. Около ста молодых студентов начали знакомиться с произведениями на русском языке.

Запомнился разговор с профессором истории Делийского университета.

Профессор сказал, что история Индии, написанная раньше, дает неправильное представление о материальной культуре и исторических деятелях Индии и что перед учеными республики стоит важная задача — написать настоящую историю Индии. Горячо говорил профессор о премьере Индии Неру и о его капитальном труде, крылато названном: «Открытие Индии».

Позволю себе одно замечание. Герцен говорил, что у восточных народов имеются свои исторические драмы, трагедийные ситуации, но вот читаешь иную историю — и не видишь этого, читать скучно... Само собой разумеется, что история не может быть скучной, а скучны писания иных историков-ученых. Возьмем историю Европы, к примеру, историю Древней Греции, написанную первыми летописцами, Геродотом и Ксенофонтом. Это были гениальные исследователи и рассказчики. И потому их история Древней Греции оказалась интересной множеству поколений. История Рима и средних веков в Европе также, я считаю, нашла своих летописцев. С этой мыслью согласились и Сурков, участвовавший в беседе, и индийский профессор. Хотелось бы, однако, чтобы индийские ученые создали книгу об истории Индии, достойную этой великой страны и ее великого народа. Не плохо бы и нашим историкам, работающим в духе великого марксистско-ленинского учения, внести свою лепту в труд, который также можно было бы озаглавить «Открытие Индии».

В Дели мы пробыли четверо суток. На пятый день мы отправились в Удайпур. Нам предстояло объехать «всю страну».

ГОСТЕПРИИМНЫЕ УДАЙПУР И ДЖАЙПУР

По дороге в Удайпур нас провожали пшеничные поля и пышные заросли сахарного тростника. Поезд шел вдоль подножья горы Аравали. Густые кроны деревьев, плотные ковры кустарников вперемежку с изумрудными лужайками обрамляли гору, ее крутые обрывы.

Уже по соседству с городом нам бросилась в глаза высокая белая башня на маковке горы. Поначалу мы приняли ее за некий замок, но, как потом выяснилось, по всей Индии верующие индуисты устанавливают такие башни по соседству с селениями, где-нибудь на возвышенности. Индуизм — одна из главенствующих религий Индии. Эти башни почитаются как святые места. Религиозные обряды проводятся здесь согласно особым древним традициям, и места молений выбираются в стороне от жилых мест.

В Удайпуре нас тепло встретили и поместили в белокаменном дворце, расположенном на берегу ярко-голубого озера, — в издавна отведенной магараджами, эмирами и другими правителями резиденции для знатных гостей, государственных деятелей.

Дворец со многими балконами и верандами, сияя мрамором, как бы вырастает прямо из голубого озера. Здесь рядом два озера: Фатей и Пичула. Дальний берег теряется у подножия горы.

В гостиной дворца, где мы расположились, в изобилии развешаны портреты и барельефы владельца Удайпура с прошлого века — старого магараджи. В обеденном зале мы увидели шесть больших позолоченных блюд с барельефом магараджи Бупалсинга. Соседние залы увешаны шкурами тигров — все это трофеи магараджи.

На завтрак была приготовлена рыба из озера. А на десерт поданы плоды дерева папайя, вкусом и видом напоминающие нашу дыню. Сегодня, проезжая по городу, мы видели большую длиннохвостую обезьяну, лакомившуюся таким плодом... Мы впервые отведали папайю, и, скажу, нам очень понравился ее вкус.

Около полудня нас пригласили во дворец магараджи. Собственно, это была целая цепь беломраморных дворцов, созданная в прекрасном и гармоничном архитектурном стиле и раскинувшаяся до самого подножья горы.

Нас ввели в гостиную. Богатейшая мозаика, множество искусных барельефов, а также статуя бога солнца,

вылитая из серебра, украшали зал. Бог солнца, как мы узнали, был покровителем рода магараджи.

В высоком просторном зале, казалось, царило это божество. Ввысь уходили мраморные колонны и бесчисленные балконы. Украшения из золота и серебра слепили глаза. Любопытно отметить, однако, что прямо у входа во дворец мы видели несколько обыкновеннейших коров. Старые коровы беспрепятственно доживают здесь свой век в почете. Как известно, это священные для индийцев животные.

В саду, сквозь зелень, повсюду белел мрамор, колонны больших и малых строений. Нас повели к мавзолею отца нынешнего магараджи. И тут мрамор, барельефы, резьба по камню и опять скульптура бога солнца. Перед входом лежало много слоновых бивней.

Идя по длинной анфиладе зал, мы то и дело видели сквозь цветные стекла окон ярко-голубую гладь озера. Подошли к оружейной палате. Магараджа исстари является военным вождем, и оружейная палата собрала огромную коллекцию княжеского оружия. Здесь золотые сабли, ружья с драгоценной отделкой, копья, кинжалы, алебарды. По традициям Индии оружием предков не имеют права пользоваться потомки, и из рода в род оно сохраняется лишь как память о прошлом.

Предки нынешнего магараджи, оказывается, сражались еще против завоевателей-монголов. С давних времен сохранились боевые знамена с изображением бога солнца. Здесь же мы увидели боевые седла, попоны и бивни слонов из войска Пратапы, предка нынешнего магараджи.

Старый магараджа, наш гостеприимный хозяин, в эти дни хворал и принял нас в постели. Мне думается, мы поступили правильно, приняв приглашение больного. Руководитель нашей делегации, Алексей Сурков, назвав магараджу «вашим высочеством», сказал приветственную речь. Старик магараджа был глуховат, к тому же не владел английским языком, и речь Суркова переводилась дважды — сперва на английский, затем на язык хинди. Впрочем, ввиду болезни хозяина, речи и весь прием были короткими.

Бросалось в глаза то, что военной охраны у правителя было немного, но слуг полно; правда, если не считать придворных магараджи, одеты все были очень бедно.

Население штата Удайпур равнялось населению средней европейской страны и составляло свыше пятнадцати

миллионов человек. Раньше Индия была разделена на многие мелкие княжества, сейчас страна в основном объединена и феодальная власть у князей отобрана, только в Удайпуре и Джайпуре — в первом старик, а во втором молодой магараджа — назначены раджпрамуками, то есть губернаторами. Но должность эта носит по преимуществу церемониальный характер.

Удайпур славится памятниками архитектуры поздних веков, и наши индийские друзья повезли нас в Летний дворец, расположенный в центре озера.

Великолепное, надо сказать, строение в великолепном месте! Дворец изнутри нарядно отделан плафонами. Прекрасен был вид из окон на озеро, окруженное садами на склонах гор. Художественные украшения брачных покоев, столового зала, детских комнат вновь и вновь поражали тем, сколько труда, умения, искусства в них вложено. В центре дворца отливал голубизной огромный бассейн с прозрачной водой.

Другой летний дворец, или Дворец на воде, назывался еще Дворец восьми слонов. Он также из белого мрамора. Восемь белых слонов, высеченных из мрамора в полный рост, по четыре справа и слева от входа, стоят в вечном карауле у дворца.

На другой день мы посетили храм бога Кришны. По местному обычаю, мы разулись и вошли в храм босиком. Там шла религиозная служба. У входа нас приветствовал жрец и каждому из нас нарисовал красной краской на лбу ритуальный знак в виде маленького круглого пятна, разъяснив, что это «знак дружбы, знак согласия и пожелания счастья и удач».

Храм считается одним из самых замечательных памятников зодчества XVI века. Изумляет его внешний вид. От основания и до высокого яйцеобразного купола храм покрыт барельефами мифологического характера. Вырезаны из камня целые картины: бои слонов, табуны коней, подвиги богатырей и множество подобных сюжетов.

Этот памятник религии индуизма по искусству и красоте, пожалуй, значительней и выше, чем знаменитый Кутбминар в Дели. Построен храм Кришны позже на несколько веков и являет собой пример высочайшей культуры зодчества индийского народа, его несравненного труда и гения.

Под вечер на нескольких машинах мы, возвращаясь в отведенную нам резиденцию, ехали по узким улицам. На

одном из поворотов нам встретилась толпа празднично одетых людей. Музыка, песни, смех... Пришлось нам остановиться и «спешиться». Мы попали на свадебное празднество.

В основном здесь были женщины, одетые в разноцветные сари. На белом коне, в белой шелковой одежде сидел юноша. Он-то и оказался виновником торжества — женихом. Высокий, стройный, с удивительно живыми черными глазами, он улыбался и вовсе не казался смущенным. Мы узнали, что свадьба прошла уже вчера, а сегодня жених едет в гости к родне невесты, и, по обычаю Удайпура, все встречные должны его проводить. Провожали счастливца и мы...

Утро следующего дня застало нас на балконе дворца. Чудесный вид открылся нам в тот ранний рассветный час. Посреди озера у Дворца восьми слонов чуть намечается в розовых сумерках сад. Над озером скользят белые чайки. Пролетела стая незнакомых крупных птиц. Поверхность озера спокойна и на глазах меняет окраску, это разгорается утро. Исчерна-зеленые горы неуловимо быстро расцветают, подобно пышному букету.

Безветренно. В густой зелени сияет мрамор. Тишина. Куда ни глянешь, сады и сады бананов, папайя, мандаринов, инжира. По красноватым шапкам холмов змейкой вьется нитка асфальта и теряется в утренней дымке вдали...

Особо памятным для нас в Удайпуре был день встречи с писателями. Мы не ожидали, что соберется столько народа, и все же на сцене, среди пальм и живых цветов, чувствовали себя как дома, в кругу близких друзей. Тысячи людей пришли сюда, и те, кому не хватило мест, окружили сидевших плотной стеной, даже сцена была частично заполнена индийскими друзьями, желавшими увидеть гостей из Страны Советов.

От имени работников искусства нас приветствовал большой индийский писатель, член индийского конгресса — Нагар. С ответным словом выступил Сурков, затем я передал народу Индии привет от Казахстана. Принимали нас горячо.

Перед отъездом из Удайпура магараджа устроил для нас прием; присутствовали крупные чиновники, генералы, прокуроры, зять магараджи и младший брат. Три оркестра перед входом во дворец играли бравурные марши. Выступали артисты, певцы и танцоры. Многочисленные тосты были по-индийски красноречивы.

Поездка в Удайпур, если вспомнить непринужденность встреч, гостеприимство друзей и веселую милую свадебную процессию на тесных улицах, превзошла все мои ожидания. Когда же я вспоминаю храм бога Кришны, я думаю, что быть в Индии и не побывать в Удайпуре — значит, не увидеть всех ее сокровищ.

И снова мы в пути. И опять горы, буйные леса, роскошные плодовые сады.

Из Удайпура мы прибыли в город Читторгарх в центре Раджастана. Здесь мы увидели старинные памятники Северной Индии.

Один из них — крепость-храм, сплошь из камня, напоминает огромную сказочную рыбу и возвышается на холме неподалеку от города. С VII по XVI век этот храм был во владении меварских правителей, а позже, после кровопролитных войн, перешел во владение Удайпура. Одно время его захватили мусульмане. В 1567 году внук царя Бабура Акбар вошел в эту крепость.

Здесь же нам показали храм, возведенный раджой Кумбха в 1448 году и названный Храмом победы в честь победы над султаном Махмудом. Высота этого семиярусного храма достигает ста двадцати футов, верхняя часть его украшена барельефами на мифологические сюжеты. Для ученых-иконографов храм этот — чистый клад.

Другой храм по соседству — Храм мудрости, — высотой в восемьдесят футов. О нем мы услышали несколько легенд. Вот одна из них.

В 1333 году шах Ала-уд-дин, услышав, что здесь проживает красавица, осадил храм. Народ не выдал девушку, так как она была засватана. Ала-уд-дин попросил, чтобы ему показали ее, и пообещал за это снять осаду. Через посредство многих зеркал увидел шах лик красавицы, влюбился в нее и, не сдержав слова, опять потребовал, чтобы ее привели к нему. Тогда переодетая красавица скрылась из храма: шаху пришлось уйти ни с чем.

В Читторгархе мы познакомились с очень интересным памятником XI века. Это храм, в котором новобрачные обязаны были вознести молитву с просьбой о потомстве, иначе детей им не иметь... Архитектура его выдержана в чисто индийском стиле, чуждом влиянию каких-либо иных стилей. Храм и внутри и снаружи отделан мрамором. На мраморе резьба — вот дракон, вот танцующие слоны... А вот серия рисунков, в которых можно про-

честь историю борьбы народа против иноземных захватчиков. Мы видим развернутые сюжеты битв — сперва вступают в бой слоны, потом пешие воины, герои, наконец боги, разящие ненавистных врагов.

Есть в Читоргархе храм, посвященный удивительному жертвенному подвигу народа, когда шестнадцать тысяч женщин, не желая попасть в плен к иноземцам, подвергли себя самосожжению.

Другой храм, названный именем Памнадай, посвящен женщине, которая отдала на смерть своего сына и тем спасла наследника шаха, которого требовал выдать враг.

Еще один храм назван именем Мирабай, девушки необыкновенной красоты, поэтессы, причисленной после смерти к сонму богов. Иконообразные изображения девушки помещены в центре храма, рядом с местом жреца. Во весь потолок развернуто изображение божества.

Все эти индуистские храмы расположены на высотах. Смотришь с этих «священных» высот, и кажется, видишь всю красоту мира. Далеко в беспредельную даль уходит ваш мысленный взор... Видишь изумрудную зелень и нежную голубизну озер, пышные тропические растения, целые рощи плодовых деревьев и кустов. Но повсюду этой красоте и величию сопутствует одно тягостное зрелище.

Везде на папертях, ступенях, у дверей храмов нам встречались нищие и просто очень бедные люди. Близ роскошных дворцов из мрамора и золота тянули к нам руки за милостыней полуголые, грязные, исхудавшие от недоедания дети. Множество храмов и богов... И бесчисленное множество бедных людей. Зрелище бедствия среди несметного богатства.

Слышали мы такое предание. Пятьсот лет назад, во время нашествия врага, простые люди — ремесленники, мастера — не захотели жить под рабским игом и, дав клятву найти для всего народа свободную землю, пошли ее искать. До сих пор они не вернулись.

Никакой мерой не измерить страданий индийского народа за его многотысячелетнюю историю. Еще одну легенду рассказывали нам. Давным-давно, в пору губительных войн, были схвачены и заточены в подземелья многие тысячи людей. Захватчики учинили невиданную резню. Легенда говорит, что кровь людская лилась рекой и валила с ног животных. На том месте народ больше не селился, и спустя многие века там выросли незнакомые деревья. Плоды их были темно-красные, потому что их вскормила

земля, политая кровью людей, честных тружеников. Страшная достоверность в этой легенде.

На второй день в Читторгархе нас ожидало приглашение посетить духовную школу. Школа готовит жрецов индуизма и находится под покровительством правительства. Это самое знаменитое религиозное заведение в Индии. Мы прибыли туда как раз к вечерней молитве.

Когда мы, сняв обувь, вошли в просторный зал, молитва уже началась. В центре зала, против входных дверей, мы увидели главного жреца, седобородого, со смуглым худощавым лицом. Перед ним стоял большой железный таз, из которого вырывалось пламя. Жрец нараспев читал молитву на языке санскрит. Сидевшие в зале ученики, обратив лица на запад, также нараспев повторяли за старцем слова молитвы.

Длился этот обряд довольно долго, и мне понравилась подчеркнутая корректность Алексея Суркова, — он молча, спокойно слушал молитву и даже иногда шевелил губами, словно участвуя в ней.

Печально я смотрел на молящихся. Возможно, эта школа и святое место, как здесь говорят, но сколько, думал я, сгорело жизней за ее стенами. По одну сторону зала сидели чернобородые и сивобородые ученые лет сорока — пятидесяти, а по другую — в основном мальчики девяти-десяти лет. Судьба этих детей навечно связана с религией. Большинство из них, конечно, сироты, безотцовщина, и только горькая нужда, голод, беспросветность загнали их в эту обитель.

Суровую дань берет с них религия за кажущееся безбедное существование. Вся жизнь, все помыслы должны быть отданы беспрекословной службе религии. Им не дано права иметь семью, быть мужьями и отцами, иметь родных. Сгорающее детство и юность — удел этих учеников. Смотришь по другую сторону зала на уже потухающий огонь, на пепел седых и седеющих бород, — и невольно содрогаешься.

Второго февраля мы были в Джайпуре.

В городском музее широко представлено искусство древних и современных ремесленников Индии. Джайпур испокон веков славится своими мастерами, но в музее мы увидели творения искусников со всей Индии: эмалированную посуду, изделия из бронзы и серебра, из слоновых бивней, инкрустации на черном дереве.

Штат Майсур представлен мастерами инкрустации, Кашмир — изделиями, покрытыми лаком. Мастера Сурата и Джайпура радуют чудесными игрушками. Своеобычны ремесла Раджастана, Бомбея.

В музее собрана также богатая коллекция керамики из России, Китая, Японии, Венгрии, Англии.

Впечатляют ковры с неповторимыми по сложности и красоте рисунками и отделкой золотом и серебром. Вытканные на ковре певцы и танцоры, словно живые, смотрят на мир. Нам показали ковры, изготовленные индийцами двести пятьдесят лет тому назад, и персидские — XVI века.

Бог Кришна со своим окружением воспет во фресках на коже, в миниатюрах из слоновой кости и черного дерева...

Поистине Джайпурский музей — сокровищница прикладного искусства Индии.

Далее мы ознакомились с так называемым Дворцом ветров — Ауа-Махал. Дворец этот был построен в пору правления мусульманских царей, на берегу озера, в низине, где часты ветра, отчего и получил свое название. Надо сказать, что в Джайпуре много дворцов, мечетей, усыпальниц самой различной архитектуры, разных времен и народов. Здесь арабское, тюркское, монгольское и собственно индийское слились в фантастическом сочетании.

Сохранилась в Джайпуре обсерватория, построенная в 1729 году, со знаменитыми солнечными часами, которые показывают время дня, дни года, расположение планет.

Другой замечательный памятник Джайпура — Чандра-Махал — Лунный дворец. Запомнилась уникальная коллекция акварельных рисунков XVI—XIX веков, собранная во дворце. Многие рисунки рассказывают о жизни и подвигах бога Кришны. Другие акварели посвящены сюжетам из знаменитой «Махабхараты». Старинные миниатюры, изображающие бога Шиву и священную реку Гангу, пользуются особым вниманием и почтением индусов.

Замечательно хороши в той же коллекции акварельные пейзажи и натюрморты. Высокое и своеобразное искусство художников Индии и неповторимая красота страны запечатлены в них с незаурядной силой. Все это принадлежит одному человеку — магарадже.

Великолепная коллекция оружия, от дамских шашек и кинжалов до огнестрельного, с богатейшей орнаментов-

кой и драгоценными украшениями составляет особую достопримечательность покоев хозяина. Половину дворца-музея занимает его старшая жена со своими слугами и придворными.

Этот дворец построен в XVIII веке на месте разрушенного храма, но его музейные экспонаты относятся к XI—XV векам.

После полудня мы были гостями министров штата. В парке среди чудесной зелени за накрытыми столами собрались хозяева и гости. Мягким ковром стелилась под ногами трава, но казалось, что и эта живая зелень вытканa руками мастеров. По традициям Индии гостей приветствуют песнями и стихами, и на этом обеде также выступили певцы и поэты. Запомнилось приветственное выступление старейшего поэта Индии на санскритском языке.

Вечером нас пригласил магараджа Джайпура. Магарадже сорок три года, правит он Джайпуром двенадцать лет. Воспитывался в Европе, в привилегированных колледжах Англии, и в доме у него европейские порядки. Во дворце нас встретила белокурая женщина — домоправительница-англичанка. Затем с младшей женой — магарани вышел магараджа и радушно поздоровался с нами. Одет он был в белый китель и черные брюки. Высок, строен, черноволос.

Сопровождавшие нас друзья индусы между прочим сказали, что магарани — самая красивая женщина Индии, «мисс Индия». Магарани была действительно хороша собой; волосы ее на американский манер были спущены на плечи и усыпаны крупными бриллиантами. Она тоже училась в английских колледжах и воспитание получила европейское. Не знаю, коробило ли ее звание младшей жены, но держалась она непринужденно.

Гостей было человек пятнадцать. Магараджа и магарани повели нас осматривать дворец. Магарани показала портрет мужа, написанный английским художником. Среди шедевров живописи этот портрет привлекал внимание своей неуместностью.

Магарани спросила меня:

— Кочуют ли казахи?

Я ответил, что время, когда казахи кочевали, давно и безвозвратно прошло. Магарани удивилась и принялась сожалеть:

— Ах, ах! Какая романтика погибла.

Пришлось вежливо заметить:

— У казахского народа сегодня новая романтика.

Но боюсь, что она не поняла моего ответа. Ее мир — это мир Фенимора Купера, Луи Жаколио и прежде всего Киплинга. Наша новая жизнь, новая романтика для нее — как инопланетный мир.

АГРА И ТАДЖ-МАХАЛ

В Агру мы ехали на автомашинах.

По дороге нам то и дело встречались дикие звери. Особенно много видели обезьян. В лесистой и гористой местности больше крупных обезьян. Здесь, на равнине, они юркие, похожи чем-то на кошек, — это крикливая порода вездесущих мартышек.

Индуистская религия запрещает убивать любое животное, будь оно полезным или вредным, и на этой почве дело доходит до несуразности. В иные годы нашествия обезьян на сады, поля, огороды бывают опустошительными, но и тогда крестьянин не трогает их.

Знаменитая «Рамаяна» рассказывает: невесту героя поэмы Рамы, Ситу, похищает злой демон Равана и уносит на Цейлон. Рама пускается в погоню и останавливается на берегу моря, бессильный переплыть его. Рама в отчаянии, и тогда приходит к нему на помощь царь обезьян мудрый Хануман. Собрав всех обезьян, он строит живой мост от Индии до берегов Цейлона. По этому мосту Рама переходит море и возвращается с невестой. Сита проходит через пылающий костер, чтобы чистой предстать перед Рамой. Еще более красивая, подобная золотому колосу, возвращается она к возлюбленному.

И вот с тех пор в поэзии, в архитектуре, во фресках изображаются Рама и Сита и помощь обезьян, оказанная влюбленным. А потомки царя обезьян Ханумана безнаказанно хозяйничают на посевах и в садах.

По пути в Агру нам нередко встречались слоны. Кстати, нам рассказали смешную историю. Однажды огромный слон подружился с маленьким осликом. Один англичанин нанял у хозяина ослика, собираясь куда-то ехать. То ли осел заупрямился, то ли заленился, но, как его ни понукали, он — ни с места. Рассерженный англичанин принялся охаживать упрямца плеткой, и тут слон

обхватил драчуна хоботом, поднял и долго тряс на большой высоте. Потом аккуратно поставил его на землю, полумертвого от испуга.

Едва придя в себя, англичанин схватил ружье и хотел застрелить слона. Стоявший рядом хозяин слона, индиец, посоветовал не делать этого, так как убить слона сразу трудно, а раненый, он, разумеется, не оставит обидчика живым.

Англичанин одумался, отставил ружье и в знак примирения дал слону булку. Каково же было удивление господина, когда слон не стал есть булку, а отдал ее побитому ослику. Позже англичанин говорил всем в назидание:

— Какой урок преподал мне слон.

Незаметно мы приехали в Агру, город, известный своей обувной промышленностью, ковровo-ткацкими фабриками, мастерскими по отделке мрамора.

В Агре находится всемирно известный памятник Тадж-Махал, построенный монгольским царем Шах-Джаханом. Вначале Тадж-Махал была усыпальницей любимой жены царя Мумтаз, а позже стала гробницей и для него самого.

В течение трехсот тридцати лет большей частью Индии правила династия Великих Моголов. Основателем династии был Захиреддин Бабур, внук хромого Тимура. Уйдя с частью войск из благодатной Ферганы, он подчинил себе всю северную часть Индии. В 1526 году он обосновался в Дели и после четырехлетнего правления умер. После себя оставил знаменитую книгу мемуаров Бабур-наме, сборник рубаи и газелей и другие творения.

Сын Бабура Хумаюн, внук Акбар, правнук Шах-Джахан и другие потомки были воинственными и могущественными правителями. Все они назывались Великими Моголами, и была это тюркская династия, ошибочно считавшаяся одно время монгольской.

Последний из потомков Великих Моголов Бахадуршах был формально низложен англичанами и выслан в Рангун в 1857 году, после известного восстания сипаев. Но уже задолго до этого англичане пользовались всей полнотой власти в Индии.

Город Агра при внуке Бабура Акбаре был некоторое время столицей империи. Сейчас Агра насчитывает около четырехсот тысяч жителей.

В предместье города стоит огромный дворец из красного песчаника, построенный Акбаром. Кровью и потом тысяч и тысяч людей выстроен этот дворец. Ныне он пустует, и его мрачная пустота олицетворяет собой жестокую политику всех захватчиков. Памятником несправедливости высится он у города.

Взоры приезжих тянутся к знаменитой гробнице Тадж-Махал. Дворец-усыпальница строилась в течение восемнадцати лет, с 1632 по 1650 год. Двадцать тысяч рабов строили ее. Зодчим дворца был мастер Иса. Тадж-Махал от подножья до вершины — из белого мрамора, инкрустированного самоцветами восемнадцати оттенков. Высота памятника — семьдесят восемь метров. «Это гигантская фантазия, воплощенная в мраморе ювелиром»,— так говорят о гробнице Тадж-Махал.

Мы видели ее днем, а когда стемнело, отправились к ней снова. К ней единственной мы спешили ночью, и был тут особый секрет. При свете луны беломраморные купола и стены Тадж-Махал начинают светиться словно бы собственным светом, подобно луне; они излучают колдовское сиянье, погружают его в кристальную воду бассейнов, и возникает как бы второй мир красоты Тадж-Махал, который надо видеть.

В Агру мы попали в удачное время, в пору полнолуния, и небо с утра было безоблачно, чудесное яркое небо Индии. Но когда мы ночью подъехали к высоким вратам Тадж-Махал, луна оказалась в плену. Не было ни ветра, ни дождя, не было и луны. Облака, облака, пышные, перистые, со слегка высвеченными краями, от зенита до горизонта...

Ждали мы полчаса, час, полтора. Лишь на летучий миг, словно дразня нас, показывалась меж облаков луна — то ее острый висок, то круглая щека. Из темноты вдруг выступал белый, сияющий, завораживающий лик Тадж-Махал и мгновенно потухал, круглые купола опять надевали коричневые шапки.

Минул еще час. Мы устали за день, завтра предстоял ранний вылет. Уже близилось утро. Наши гиды, теряя терпенье, звали нас домой. Но писатели, музыканты, артисты из нашей делегации по-прежнему с надеждой смотрели в небо. «Хотя бы на несколько минут...» — шептали мы. Однако луна так и не смогла освободиться из плена и так и не показала нам ночного очарованья Тадж-Махал.

Поэт Сурков, которому положено восневать ночное светило, бранился сквозь зубы:

— Что ждать от этой лицемерки!

Признаться, и я, прозаик, не простил ей такого подвоха.

НОВОЕ В НОВОЙ ИНДИИ

Пятого февраля, ночью, мы выехали поездом из Дели на строительство Нангальской плотины, крупнейшее в Индии последних лет.

Плотина сооружается севернее Дели, у подножия Гималаев. Климат здесь более умеренный; край этот напоминает подобные места в Кашмире.

К утру мы были уже далеко. Поезд шел на север, навстречу прохладе. Горы виднелись все отчетливее. С гулом проскочили мы сквозь узкое ущелье в мясисто-красном граните, вступая в край долин и высот.

С востока надвигались исполинские пики и хребты, вырастали утесы, нависали скалы. На склонах гор буйно рос лес, и лишь изредка глаз различал в зеленых дебрях человеческие жилища. Склоны были подернуты утренней дымкой, а в ущельях туман еще клубился плотными, молочно-белыми валами. Из-под туманного покрывала словно выскакивали то одинокие зеленые холмы, то каменные скаты и осыпи, то кроны высоких деревьев.

Растительность была богата и разнообразна, но особенно разнолики были камни. Они принимали порой такие причудливые очертания, что мы диву давались. В мягких клубах тумана перед нами возникали и тотчас пропадали замки, пирамиды, храмы, дворцы... Километров тридцать — сорок справа от нас тянулись и тянулись, нависая над дорогой, красно-рыжие скалы, подобно крепостной стене.

В Нангале нас встречали преимущественно инженеры, строители. Нангальская плотина возводится на горной реке Сатледж, одной из пяти рек Пенджаба. Главный инженер этой большой стройки, член партии Индийский национальный конгресс Кунгар подробно рассказал нам о строительстве.

Дамба, сооруженная здесь, доведена до высоты двухсот шестидесяти пяти метров, длина ее более ста метров. Предполагается создать громадное искусственное

озеро. Сейчас из района затопления эвакуируется триста шестьдесят деревень с населением в триста тысяч человек.

В скальном массиве пробито два туннеля. Воды озера будут подаваться по ним на лопасти турбин. Устанавливается десять генераторов. Занято здесь шесть тысяч человек.

Озеро наполнится водою к 1958 году. Полное завершение работ ожидается в 1959 году. Электроэнергия пойдет в Дели, в Раджастан на расстояние более чем в триста миль. Общее количество энергии составит около миллиона киловатт-часов.

Мы на машинах поехали в горы. По асфальтовому шоссе-серпантину поднялись на головокружительную высоту. Далеко внизу билась в жестких ладонях скал стремительная белокипенная Сатледж.

Пропасть так глубока, а дорога так узка и повороты так круты, что многочисленные предупредительные надписи на скалах, над дорогой и по другую сторону ущелья просто необходимы. Громадные, выведенные черным по желтому фону, эти надписи внушают шоферам: «Осторожность — спасение!», убеждают: «Не бойтесь прослыть трусами из-за осторожности!» и просят: «Не причиняйте горя вашим близким!» А когда машина минует опасные места, водителя ждет на дорожном щите нечаянная любезность: «Спасибо за хорошую езду!» Есть, пожалуй, философский подтекст в этом цикле дорожных надписей...

Мы с интересом осмотрели ложе будущего озера. Видели, как вывозятся деревни, побывали на дне. На скалах у плотины сделаны отметины, обозначающие уровни будущего озера.

Нангал — поистине лицо сегодняшней и даже завтрашней Индии. Повсюду приметы высококультурного, высокотехнического строительства. Двадцатипятитонные самосвалы представлялись нам новыми слонами Индии. Экскаваторы, бульдозеры, скреперы, краны затмили фантастических животных, изображенных на древних стенах храмов в качестве символов силы.

Повсюду мы видели и ручной труд: кирка и лопата здесь соседствуют с современной машиной. Замечу, что самый крупный экскаватор на стройке имеет ковш объемом в пять кубов. А у нас, уже в начале 1955 года, были четырнадцатикубовые экскаваторы. Хотя в Нангале пред-

ставлена американская техника, она не лучше, а сплошь и рядом хуже нашей. И все же машина заняла здесь видное место. В нашем сознании, еще освещенном зрелищем дворцов, как бы столкнулись две Индии, и победа была на стороне Индии XX века.

На склонах ущелья и на его дне, на серо-каменном фоне, ярко белели головные уборы строителей. Их очень много, и стройка напоминала гигантский муравейник, работающий в четком, умном, хорошо отлаженном ритме.

Дробно стучали перфораторы. Подрывники пробивали в скалах шпуры под заряды аммонала.

В одном месте насосы откачивали грунтовые воды.

На горной трассе было собрано довольно много бетономешалок. Все они работали на полную мощность, бетон подавался через ущелье по подвесной дороге.

Рядом непрестанно лязгал громадный транспортер.

После часа ходьбы мы поднялись еще выше в горы, и панорама строительства развернулась перед нами во всю ширь. Готовились к взрыву. В назначенный час стройка словно замерла, мы ощутили смутный толчок и увидели, как взлетели вверх веера каменных осколков, как расцвели дымки взрывов, и услыхали подхваченный эхом громовый гул. Отчетливо было видно, как перед шлагбаумом, на шоссе-серпантине, скопилась длинная очередь самосвалов — они пережидали взрыв.

Чем дальше мы уходили в горы, тем красочнее и величавей становился вокруг нас мир. Пышно зеленел лес на ближайших хребтах, а над ними возвышались белоглавые вершины Гималаев, живо напоминая мне родной Алатау...

Нангальское государственное строительство осталось в памяти как пример нынешнего высокого уровня технической культуры Индии. Такой большой стройкой управляли инженеры-индийцы. В Нангале совсем нет английских инженеров, еще вчера безраздельно царствовавших в промышленности Индии. Лишь несколько немцев и американцев-консультантов — вот и весь иностранный технический персонал. Стало быть, уже не бедна Индия в наше время национальной технической интеллигенцией, — факт непреходящего значения.

И вновь и вновь приходила в голову мысль о потенциях этой страны. Мы были на крайнем севере Индостанского полуострова, у подножия великих Гималаев. Нам предстояло еще побывать на крайнем его юге, на берегу

Индийского океана. Необъятная держава. Как исчислить ее возможности?

После Нангала нам показали новый город Чандигарх.

Этот город возник недавно, когда бывший центр этого штата Лахор отошел к Пакистану и понадобилась новая столица. Город строится по проекту известного французского архитектора Корбюзье. Общественные здания да и многие жилые дома возводятся в стиле откровенного конструктивизма. Все они напоминают геометрические фигуры — то куб, то призму, то усеченный конус. Фасады некоторых зданий производят впечатление огромных каменных чертежей, поражая глаз обилием ребер, выкрашенных в различные цвета.

В Чандигархе нет и следа создававшейся веками национальной индийской архитектуры.

Дворцы в Индии строились так, чтобы создать в интерьерах как можно больше тени и укрыть от тропического зноя. А тут, наоборот, дома словно выворачивали себя навстречу палящим лучам солнца. Все же некоторые здания построены так, что солнечные лучи попадают внутрь только рано утром, — говорили нам, оправдывая Корбюзье.

Место для нового города было выбрано у подножия Гималаев, в наиболее удобной географической точке; сюда стекаются все главные дороги Пенджаба. Границы штата лежат не дальше чем в полутораста километрах от нового центра. Средняя годовая температура здесь на пять-шесть градусов прохладнее, чем в Дели. Город рассчитывается на полмиллиона жителей. Сейчас в Чандигархе живет полтораста тысяч человек.

Судя по словам главного инженера, город планируется весьма продуманно. Например, торговля будет целиком сосредоточена в центре. Правительственные учреждения выносятся повыше к горам. Университетский городок ставится совершенно отдельно.

Жилые районы разбиты на сектора. В каждом секторе оставлена свободная площадь под спортивные сооружения, парки, культурные узлы. Проблема путей сообщения в городе решается также по-своему: есть магистрали и есть улицы, где проезд автомобильного транспорта запрещен.

Из служебных зданий мы осмотрели здание суда. Внешний вид его приводит в недоумение — то ли это элеватор, то ли ангар, то ли лабаз; походит оно и на биржу.

Место для обвиняемого в зале суда напоминает запятую. Стенные панно и иные росписи выполнены в изощренно-футуристической манере. Раз снаружи конструктивизм, почему бы внутри не властвовать кубизму? В одном зале на стене повешен слепок двух человеческих ступней, задрапированный в черное. Чужеродность этих «украшений» кричащая.

Вдоль всех стен тянутся в залах суда низенькие книжные шкафы. В них своды законов и юридические книги на английском языке.

Есть в новом городе и колледж. Установлена для студентов стипендия, но достается она немногим, только отлично успевающим и особо одаренным. После окончания учебы в течение десяти лет стипендия должна быть возвращена государству. Большинство студентов колледжа составляют сикхи — основное население штата. Они отпускают длинные волосы, собирают их пучком на макушке и носят легкие белые головные покрывала.

Далее мы были приглашены в загородный сад, в восемнадцати километрах от города, названный по имени ближайшего селения — Пенджу. Разумеется, сад принадлежал некогда магарадже и был традиционно красив. Бросалось в глаза обилие фонтанов; их искристые струи создавали своеобразную водяную архитектуру, которая органически вписывалась в созданный мастерами-садоводами пейзаж. Здесь росли кипарисы и удивительная туя, а также незнакомое нам развесистое плодовое дерево «личи». Была здесь и магнолия, столь известная по экзотическим романсам.

Свой вечерний чай и ужин мы вкушали в беседке, на берегу канала, на фоне феерических красок тропического заката, а затем и полнолунного неба.

По вечерней заре лесистые склоны холмов ощетинились острыми вершинами и узорными купами деревьев. Краски менялись волшебно, загадочно быстро. Вдали, в темно-зеленом провале ущелья, стали загораться огни стройки, парными усиками вспыхивали лучи от фар автомашин. Солнце садилось в голубоватую дымку зноя. Бесконечная цепь фонтанов уходила от нашей беседки на гребень горы и искрилась, искрилась в недолгих сумерках.

А вот и ночь. Высокие, осыпанные красными цветами папайи и фруктовые деревья неведомых нам пород источали сильный аромат. Полная луна высветила восточную

щеку вечноснежных вершин. И стали видны в ясном небе кроны высоченных пальм, намного превосходящих ростом все другие деревья. Веерообразные верхушки пальм, подобно опахалам, мерно колебались, услужая круглоликой царице ночного неба, первой красавице Востока.

В БЕНАРЕСЕ, ГОРОДЕ ВЕРЫ

Седьмого февраля мы были в пути из Чандигарха в Бенарес. Спустя сутки сошли с поезда на станции Храм Могола. Отсюда до Бенареса оставалось полчаса езды на машине. Так мы вновь оказались в гуще классической Индии и вновь увидели несчетное число людей.

Многолюдность в Индии поражает. На любой станции, любом разъезде, в поселках и деревнях, по всей дороге мы видели людские толпы; они не редели, а, пожалуй, уплотнялись. Повсюду вдоль железной дороги, подобно полноводным рекам, текли неистощимые человеческие потоки. Надо думать, тесно жить в этой стране. Однако нигде мы не видели ссор или драк. Не видели и пьяниц, не слышали сопутствующей им матерщины и иного поганословия. Складывалось такое впечатление, что среди индийцев вообще нет злословия и недоброжелательства друг к другу. Самые резкие вспышки гнева проявляются лишь в хмуро сведенных бровях, твердо сжатых губах. Несомненно, в Индии достаточно людей по меньшей мере утомленных жарой, много страдающих от голода, от болезней и иных бед. Но черные глаза индийца всегда полны терпения и мудрой доброжелательности.

В городе Читоргар, в Раджастане, мы встретились с молодыми спортсменами-индийцами. Мы попали на спортивный праздник, и наши машины буквально вплыли в море цветастых маек. Не менее тысячи юношей окружили нашу машину. День клонился к вечеру, соревнования были на исходе. Оставался только бег. Но спортсмены пожелали, чтобы приз был вручен победителю «руками уважаемых гостей из Советской страны».

Нас провели на почетное место. Ни стульев, ни скамеек не было, все стояли. Болельщики сгрудились у беговой дорожки тесной толпой. Веселая молодежь, шумно гомоня, пробивалась в первые ряды зрителей, а те не уступали своих мест. Распорядители сбились с ног, стараясь навести порядок.

И тут вдруг раздалась громкая команда... И тотчас многотысячное бурлящее сборище людей словно обрело единую волю и всего через несколько минут построилось правильными кругами, предоставив первые ряды детям и низкорослым, а затем застыло в молчании. Такого я нигде не видывал.

Естественно, что быт и нравы людей, вынужденных жить тесно, жить постоянно на виду у других, заметно отличаются от нравов и быта жителей малонаселенных стран. По-видимому, скученность воспитывает некое особое чувство ответственности за каждый свой шаг, за любое слово. Нравственная дисциплина диктуется условиями существования. Если бы ее не было, жизнь мгновенно превратилась бы в бедлам. Порою кажется, что внутри каждого индийца, от малолетних детишек до седомудрых старцев, покачиваются незримые весы, на которых автоматически взвешиваются их поступки. И эта душевная уравновешенность так привычна и непринужденна, что кажется врожденной у индийцев.

Поистине это мирный и добрый народ. В истории индийского государства, одного из древнейших государств мира, не было завоевательных войн. Наоборот, веротерпимостью, миролюбием и кротостью индийцев беззастенчиво пользовались многие жестокие и ненасытные завоеватели. Иранцы, афганцы, англичане приходили в Индию не с дарами на золотом блюде, а с обнаженным мечом. А между тем до сих пор индийцы, следуя своей религии и морали, не убивают животных. Обезьяны, коровы считаются «носителями душ», убиение коих — страшный грех...

Со станции Храм Могола мы выехали в Бенарес. И тотчас обогнали одинокого путника, шедшего по обочине дороги. Иссиня-черные волосы его длинными прядями спадали на лоб и плечи. Тело, иссушенное зноем, невзгодами и лишениями, было очень худо и костляво. Ноги голы, ступни босы, в шрамах и ссадинах. На плечах лохмотья, на бедрах рваная дхоти, в руках суковатый посох. Лицо спокойно и сурово. Смуглые щеки и подбородок опушены реденькой жгуче-черной бородкой. Это был индийский аскет. Он шел в святой Бенарес.

Обычай паломничества в Индии едва ли не древнее подобных обычаев у мусульман и христиан. Как для мусульман Мекка, а для христиан Иерусалим, так для ве-

рующих индусов притягательным центром и зачастую целью всей жизни является паломничество в Бенарес. Здесь сосредоточены наисвященнейшие реликвии и храмы индуизма, здесь место рождения буддийской религии. И потому по бесчисленным дорогам и тропам со всех сторон света тянутся паломники к святому граду.

Дороги в Бенарес усеяны базарами и торжищами. А при входе в сам город лавки стоят уже плотными рядами, плечом к плечу, суживая и без того узкие, кривые улочки. Что только не продается в этих лавчонках! Зачастую роскошные товары валяются прямо в пыли и грязи, в невообразимой тесноте.

Пока мы добрались до центра, как и в других городах, мы встретили на улицах неимоверное количество коров, коз, овец и собак. То и дело попадались ишаки и мулы. Нельзя сказать, чтобы мало было и машин. Но намного больше рикш. Мелькая черными пятками, зажав под мышками тонкие оглобли, жилистые мускулистые рикши везли в изящных лакированных колясках, по обыкновению, двух пассажиров, как правило, полнотелых. Встречались, впрочем, и велорикши.

Бенарес — один из древнейших городов Индии. Согласно религиозной версии, ему не менее трех тысяч лет. Никогда за всю свою историю Бенарес не был политическим центром. Но он считается колыбелью индуизма. Множество мест, тщательно оберегаемых и почитаемых, связано здесь с именами Будды и Шивы. Свое первое пророческое откровение Сиддхартха Будда сделал в окрестностях Бенареса. Первая проповедь Будды, в которой он «привел в движение колесо закона», также была произнесена здесь.

Особенно возвеличился Бенарес при царе Ашоке, который соорудил восемьдесят тысяч небольших молелен, где верующий в одиночестве мог бы разговаривать с Буддой и Шивой. Вообще же в этой колыбели индуизма и крепости буддизма есть немало храмов, воздвигнутых приверженцами других религий.

Ряд крупных памятников соорудили Моголы. Со временем они сами подпали под влияние индуизма, и в пору правления ярчайшего представителя династии Великих Моголов Акбара был выстроен в Бенаресе храм богу Шиве. Правда, этот храм постигла незавидная участь: подобно многим другим памятникам в Бенаресе, он был

разрушен внуком Акбара фанатиком Аурангзебом. Так сказалось мусульманское благочестие тирана.

Ежегодно в Бенарес стекаются около трехсот тысяч паломников. Воды Ганги близ Бенареса считаются священными. И всякий индус мечтает хоть раз в жизни окунуться здесь в волны великой реки.

Кроме того, в святом граде находится обиталище бога Шивы. И потому умерший в Бенаресе обретает нирвану, минуя длинную цепь, по-видимому, не очень-то радостных превращений. Бессмертие души, которая, покидая мертвое тело, вновь возрождается в другом теле, — основной канон индуистской религии. Но человек, умерший в Бенаресе и сожженный на берегу Ганги, избавляется от необходимости продолжать в другом воплощении бренную жизнь, полную забот о горсточке риса.

Мы плывем по Ганге в лодке, вдоль стен Бенареса. На одном берегу множество купален для верующих, их в городе шестьдесят. Другой берег застроен роскошными дворцами; их владельцы, как можно догадаться, проводят остаток грешной жизни в благочестивых беседах с Шивой. Причудливо сочетание беломраморных стен, портиков и колонн. Наверно, в лунную ночь их строгий и яркий лик прекрасен.

Выделяется своей высотой дворец великого Акбара. Акбар построил его в виду индуистского храма, но упрямый его внук Аурангзеб обратил храм в мечеть. Рядом с имаретом белеют его младшие братья; их террасы, разноцветные оконные проемы, резные по камню украшения создают достойное обрамление заглавному строению и составляют вместе великолепный ансамбль.

У самой воды, на узкой прибрежной полоске, теснятся навесы жилищ жрецов индуизма — пандитов. Они приготовляют сандаловое масло и иные благовония.

Есть в этом городе и храмы джайнистов. Джайнизм возник в борьбе с индуизмом. Джайнисты веруют, что все живое имеет божественную сущность и потому убийство любого животного величайший грех. По их учению — «бог един, но многообразен». Храмы джайнистов богато украшены позолотой, резными и лепными скульптурами. Встречаются храмы почти сплошь покрытые позолотой. Мы не преувеличим, если скажем, что Бенарес — город храмов.

Видели мы погребальные костры, разожженные на берегу, в строго определенных местах; видели запеленатые в белое тела покойников. Их окунают в священные воды Ганги, затем сжигают. По обычаю, это делает старший или самый младший сын умершего. Так совершаются проводы в рай почивших в Бенаресе счастливцев.

Согласно поверью, всемогущий Шива очень любит нарождающийся месяц. Не случайно место молебствий на Ганге также имеет форму полумесяца. Никогда не пустуют купальни для омовения верующих. У каждой купальни свое имя — это или имя ее строителя, или же одно из многих имен Шивы. Близ купален масса навесов. Под ними сидят молящиеся, кающиеся, очищающиеся старики индуисты, седобородые, совершенно голые. Соединив ладони и локти, они надолго застывают в молитвенном экстазе, и их полузакрытые глаза словно видят самого Шиву, в них мольба облагодетельствовать их нищие души.

Многие из этих старцев в прошлом весьма состоятельные люди. На склоне лет они забросили свои дела и явились перед многоликим всемогущим Шивой отмаливать грехи, в надежде очиститься от скверны и удостоиться высшей благодати — умереть в священном городе Бенаресе у ног всевышнего повелителя душ.

Особенно много в Бенаресе статуй Будды. Не счесть в храмах фресок, рисующих его жизнь. Наиболее почитаемые святыни связаны с делами и проповедями Будды.

По преданию, он появился на свет две с половиной тысячи лет назад на берегу Ганга, в городе Бенаресе. Мы посетили храм Будды, воздвигнутый на месте его рождения. Громадные фрески, изображающие появление Будды на свет, его страдания, его смерть, поражают воображение. По этим картинам человек может составить полное представление о жизни Будды.

Вот, например, сцена рождения. Она выписана очень впечатляюще. Будда явился царице Махамайе во сне в образе белого слона. Жрец объяснил этот сон следующим образом: «Родишь сына, он будет святым». И вскоре она родила мальчика Сиддхартху, будущего Будду.

На другой фреске изображен Будда, размышляющий о смысле жизни. Двадцати девяти лет он испытал все горести и напасти, какие только могут достаться на долю человека. Вот он болен, вот познал старость, вот уми-

рает. После многих трудных испытаний Будда задумывается о цели и смысле жизни.

Еще одна фреска живописует Будду созерцающего. Он сидит под баньяновым деревом. Девушка, придя помолиться духу этого дерева, принимает Будду за духа. А вот новый сюжет: Будда, безоружный, среди вооруженных злобных врагов. Другое изображение Будды живо напоминает греческий миф об Антее. На этой фреске Будда, касаясь рукой земли, обретает силу.

Золотые и каменные изваяния олицетворяют заветы Будды. Одна из скульптурных групп показывает его сидящим у постели больного... Будда завещал: «Помоги больному, и ты поможешь мне».

Есть изображение дружбы Будды с кровожадным убийцей, который задумал соорудить трон из локтей тысячи человек, лично им убиенных, и собирался умертвить собственную мать. Будда приблизил его к себе, надеясь наставить его на путь истинный.

Будда скончался восьмидесяти лет. Запечатлена и смерть его. В Пенджабе были проведены археологические раскопки; искали свидетельства, что две с половиной тысячи лет назад Будда жил.

После храма Будды гостям Бенареса показывают священное дерево, под которым Будда произнес свою первую проповедь. Это дерево почитается еще и потому, что его посадила дочь царя Ашоки.

Неподалеку возвышается еще одна реликвия — каменная ступа. Это также очень древний памятник. Задумал и начал его сооружение царь Ашока. Фундамент был заложен в 250 году до нашей эры, а закончена постройка в VII веке. Когда мы осматривали ступу, подошла группа тибетских паломников. Одеты они были в красное, и среди них были женщины. Они ходили вокруг ступы и творили молитвы.

Со времени царства Ашоки сохранились прекрасные памятники, высокосовершенные произведения искусства. Выделяется созданная за три века до нашей эры «львиная капитель». Это лев о четырех головах, одно из перевоплощений Будды. Основные изображения Будды остались нам от времен империи Гуптов (IV—VI вв.).

К великому сожалению, громадное большинство изображений Будды, Шивы и других богов безжалостно исковерканы. У одной статуи отбит нос, у второй сломана рука, у третьей исколоты глаза. Это дело рук правоверных

мусульман. Духовные правители, слуги Магомета, обещали полное отпущение грехов каждому мусульманину, который уничтожит хоть одно изображение «варварских идолов». Это повлекло за собой разгул религиозной дикости — массовое избиение статуй, ожесточенную порчу фресок, опрокидывание памятников, оскорбление святынь.

Как мы узнали далее, в Бенаресе, этой цитадели религии, получили высокое развитие и культурные, научные силы молодой Индии. В городе большой университет. В нем восемь тысяч студентов, четырнадцать колледжей.

Университетский городок расположен в большом парке. Все университетские здания имеют форму полумесяца. Одну группу зданий образуют колледжи — технический, механический, сельскохозяйственный, медицинский, правовой, истории Индии, истории Востока... Другую — спортивные сооружения, в том числе бассейн, и общежития. Третью — деканаты и ректорат, библиотека, дома профессоров и преподавателей. В центре строится новый храм. Нашла свое место и сельскохозяйственная ферма, ее молочное хозяйство, гидросооружения. Имеется при университете свой госпиталь и своя гостиница.

Всего в университетском городке примерно тридцать пять — сорок зданий. Но нигде не замечаешь скученности, тесноты. Архитектурный облик городка весьма оригинален. Каждое здание имеет свое лицо и ни одно не повторяет другое, как будто архитекторы, возводя новые здания, задавались целью — непременно превзойти красотой предыдущие. В этом отношении юный Бенаресский университет вряд ли уступит прославленным старым университетам.

В женском колледже учится триста пятьдесят девушек-студенток. Преподаются там и такие предметы, как психология, политика, социология. Остальные колледжи мужские. Стипендию получают пять процентов студентов. Каждый год университет выпускает полторы тысячи специалистов.

Мастерские инженерных колледжей оборудованы двигателями и станками. Студенты постигают здесь технологию холодной обработки металла; приучаются к инструменту, учатся управлять механизмами. Здесь знакомятся с мастерством токаря и слесаря, а также столяра.

Библиотека университета насчитывает двести тысяч названий.

Строительство университетского храма затягивается; завершение его ожидается через несколько лет. Пока что студенты молятся в городских храмах. Но университетский храм обещает быть выше известного Кутбминара в старом Дели. Главный его зал вместит десять тысяч студентов.

Под вечер мы отправились в гости к членам местного «теоретического общества». Это было смешанное (мужское и женское) общество. Солью всех его теорий оставалась религия, но оно не чуралось и мирских проблем и занятий и даже развлечений. Явление ныне закономерное. Проповедники религии хорошо понимают, что, упорствуя в отрицании науки и ее места в жизни людей, они навредят только самим себе. Мне вспомнилось основанное в XVII веке в Иране «общество бехаистов». Они ставили наряду с религиозными вопросами и вопросы просвещения. Но «бехаисты» были просветителями, а бенаресские «теоретики» — приспособленцами к просвещению.

Это общество могло бы послужить примером относительного женского равноправия. Половину собравшихся составляли индуски. И все же соблюдалось «территориальное» разграничение — женщины занимали одну половину зала, мужчины другую.

Все сидели на полу. Маленькая низенькая сцена красовалась в глубине помещения. С двух сторон на нее поочередно восходили певцы и танцоры всех возрастов — от семи-восьмилетних мальчиков до седобородых старцев и престарелых матрон. Среди женщин я заметил несколько европеянок. Они также сидели на толстом ковре, разостланном на полу.

Две девушки танцевали в честь бога Кришны. Ладони танцовщиц и ступни босых ног были выкрашены ярко-красной краской. И вот уже об этих девушках нельзя было сказать, что они подвели глаза сурьмой, скорее — глаза их плавали в сурьме. Затем танцевала и пела смешанная группа из восьми человек. И танец и пение показались мне утомительно однообразными, усыпляюще монотонными.

Далее мы побывали в гостях у писателей Бенареса. Собралось около ста сорока литераторов — прозаики и поэты, а также философы. Пришли журналисты индийских газет. Собрание открыл доктор философии, дородный представительный человек, кудрявый, длинноусый, в коричневом сюртуке.

Все сидели, как водится, на полу, на ковре. На почетном месте в зале было широкое возвышение, кан, тоже под ковром, на нем низенький столик. Мы с Сурковым и председательствующий заняли места за этим столиком.

Хозяева говорили на хинди, их речи переводились сперва на английский, затем на русский. Также и наши речи переводились в два приема.

Мы с Сурковым рассказали о нашей советской отчизне, о дружеских помыслах и намерениях советского народа. И не забыть, как на нас смотрели огромные, в ладонь величиной, внимательные и доброжелательные глаза, как приветливо светились белозубые улыбки, как горячи и дружны были аплодисменты. Мы уехали, словно захмелев от братских чувств этих людей к нашей великой стране, к нашему народу. Так встретила нас интеллигенция Бенареса.

Около полуночи мы покинули святой град, вернулись на станцию «Храм Могола» и вновь сели в поезд, идущий на этот раз в Калькутту. Души наши были полны, и сердца бились неровно... Прошла уже половина нашего путешествия, но ни одна картина прекрасной Индии не повторила другую!

ВЕЛИКИЕ ГОРОДА И ВЕЛИКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

На рассвете мы подъезжали к Калькутте. Еще засветло поднялись, чтобы пораньше увидеть землю Бенгалии. Ехали мы на юг. За ночь пути климат и ландшафт разительно изменились.

Этот край самый густонаселенный во всей Индии. В штате Бенгалия на один квадратный километр приходится триста жителей. Здесь почти нет невозделанной земли. И возделывается она тщательнее, чем где бы то ни было в Индии.

Это по преимуществу сельский край. Деревень в Бенгалии значительно больше, чем в соседних областях. Крыши круты и высоки, что объясняется, видимо, обилием тропических ливней. Кровля, главным образом, из широких пальмовых листьев. Стены глинобитные. И только редкие постройки крыты ярко-красной черепицей. Все дома, спасаясь от палящего зноя, прячутся в тени высоких пальм.

Здесь и деревья непривычны нашему глазу. Главное место занимает, конечно, пальма. Встречаются целые рощи пальм. Тут и кокосовые, и финиковые, и саговые. Все они — с очень твердой древесиной.

Надобно упомянуть еще одно типичное для Индии растение с твердой древесиной, которое мы встретили еще в Бенаресе, — бамбук. Своеобразно красивы тесные бамбуковые заросли с пышными султанами макушек. Бамбук всегда растет кучно — это общественное растение.

В Индии, прежде всего в южных районах, бамбук ценится за прочность едва ли не выше любой другой древесины. Лестницы и висячие мосты, строительные леса и мебель, всевозможные подпорки — все это делается из бамбука. Бамбуковый ствол, наподобие камышиного, суставчат и обладает поистине каменной твердостью и стальной упругостью, к тому же он легок и мало подвержен гниению. Казахи знают бамбук — из него некогда делались коробочки для чая.

Близ Калькутты бамбуковые леса особенно высоки. Подобно алма-атинским серебристым тополям, бамбук устремляет в небо свое стройное, сильное тело, соперничая с самой пальмой.

И еще об одном интересном дереве Индии. В Бенаресе, направляясь к храму Будды, мы шли по аллее манговых деревьев. Но только в Калькутте по-настоящему понимаешь, что такое манговое дерево. Оно огромно и развесисто, крона его занимает пространство не менее чем в полквартала. Три-четыре дерева образуют целую рощу. А иное даже одиночное дерево возвышается в небесной голубизне, как храм с величественным зеленым куполом, — это храм самой природы, наивысшего из всех божеств. Славится манго долголетием.

Я смотрю на дерево манго, и мне приходит в голову казахское слово «менге» (долгие времена) и наше присловье — «с высокого дерева открываются дали». Не таково ли дерево индийской культуры!

Мы приближались к Калькутте... Вот перед нами знаменитые банановые плантации, снабжающие сладкими дарами юга нас, северян. Плантации обширны и хорошо обихожены. Высокие стволы банановых деревьев несут пышные шапки листвы, под которыми прячутся грузные гроздья плодов, издали похожие на гроздья винограда.

Въезжая в город, мы сразу почувствовали, что перед нами одна из крупнейших строек Индии и один из

богатейших ее рынков. Калькутта самый многолюдный город Индии. Здесь живет шесть миллионов человек. Это один из крупнейших морских портов мира.

Центр города застроен каменными четырех-пятиэтажными зданиями. Улицы очень узки. И все-таки даже в утренние, наиболее оживленные часы движение на улицах Калькутты удивительно упорядочено. Удивительно потому, что в непрерывном людском и транспортном потоке то тут, то там встречаются буйволы, коровы. Часто они лежат на дороге, и их объезжают и обходят.

Но больше всего поражает и подавляет то, что в Калькутте буквально на каждом шагу сказочная роскошь соседствует с безмерной нищетой. Улицы заполнены нищими обоих полов, любого возраста. Нечесаные, немытые мальчуганы держатся стайками. Многие из этих несчастных совершенно раздеты, покрыты язвами кожных болезней, до невероятности худы и истощены. Иссохшая, изможденная, доведенная голодом до отчаяния женщина неопределенного возраста загораживает путь нашей машине, требуя подаяния, именно требуя, ибо просить тут бесполезно. Просящих подаяния на улицах такое множество, что это внушает страх.

В Калькутте полно бездомных, бесприютных горемык. В тот ранний час мы сплошь и рядом видели людей, лишенных крова, ночевавших под открытым небом, — они лежали у подножий храмов, у дверей домов, у комлей деревьев.

Еще до поездки в Индию я вычитал в одном из справочников, что число бездомных в Калькутте достигает нескольких сотен тысяч. Не знаю, насколько это верно, но то, что я увидел собственными глазами, меня потрясло: старухи и старики и, что особенно страшно, дети, еще безъязыкие дети — бездомные и голодные — густо населяют улицы Калькутты. А рядом — богатейшие особняки, современные гостиницы, элегантные автомобили дорогих марок. Тут и «бьюики», и «форды», и «шевроле», и «фиаты». Сверкающая река великолепных машин бежит между угрюмых и мрачных берегов предельной бедности, безмерного горя.

Городские центры в Индии привлекают иностранцев богатством и благоустройством. По большей части они застроены английскими особняками и очень напоминают современные европейские города. Есть у индийских городов (и я это описывал) и свой неповторимый исконно

индийский облик; очень своеобразная древняя архитектура подчас весьма удачно сочетается с ансамблем современных зданий. Но во всех без исключения городах нас поражало вопиющее убожество окраин, застроенных лачужками, жалкими подобиями хижин, грязные, чудовищно замусоренные кварталы, похожие больше на свалку, чем на жилье, и кишащие тысячами и тысячами нищих, обездоленных созданий. Это так называемые туземные кварталы. В этих кварталах живет подавляющее большинство горожан, и напоминают они американские гетто.

По пути на аэродром нам довелось проехать по незнакомым, невиданным ранее улицам Калькутты. Эту часть города туристы обычно не видят. Едва мы проехали центр, городские здания и кварталы стали стремительно терять свой блеск, свою добротность и, наконец, пригодность для жилья. Вначале появились приземистые одноэтажные домишки, затем хижины из строительных отбросов, а затем и вовсе какие-то навесы и козырьки без стен. Подъездов не стало. Не стало и улиц. Хаос жестяного, фанерного хлама. А людей становилось все больше и больше. Плотность населения здесь неописуемая. Вот что осталось в памяти.

В Калькутте нас повели в индийский народный театр, вернее было бы сказать — любительский.

Трудно понять то, что в Индии, богатой поэзией и имеющей свое развитое киноискусство и кинопроизводство, оказывается, в совершенном забросе театральное искусство. Ни в Дели, ни в Бенаресе, ни в других крупных центрах нет ни одного государственного театра.

Театр в Калькутте организован и финансируется частными лицами. В шестимиллионном городе влачат жалкое существование четыре подобных театра, все во владении частных лиц, все непрофессиональные. Ни один артист здесь не получает специального образования, и большинство из них весьма посредственные лицедеи, подчас невежественные. Талантливые самоучки, относящиеся к своему труду как к призванию, составляют редкое исключение.

Пьеса «Шемали» рассказывает о судьбе глухонемой девушки. Содержание пьесы и игра актеров примитивны. Как замысел, так и исполнение далеки от профессионального уровня драматического искусства. Заурядная

клубная самодеятельность. И, несмотря на это, пьеса ставится второй год подряд.

Очень своеобразна публика. Тут и понимающие искусство театра люди, и любители цирковых и балаганных представлений. В зале можно увидеть женщин с грудными детьми. В ходе спектакля младенцы нередко исполняют соло, а то и хором собственные концертные партии.

Зал реагирует на то, что происходит на сцене, наивно и непосредственно — горячими, шумными комментариями. Это живо напомнило мне первые театральные постановки в наших аульных клубах вскоре после революции, — юность, если не младенчество казахского театра [1].

Из Калькутты в Мадрас мы летели шесть часов, разбирая и приводя в порядок свои записи.

Трасса полета пролегала над Бенгалией, выше облаков. И мне вспомнилась старинная сказка о человеке, летевшем за счастьем на крыльях волшебной птицы Самрук (Симург).

«Какова земля?» — спрашивает в небе Самрук. «С кошму», — отвечает человек. «А теперь?» — «С копейку».

Высоко летала сказочная Самрук, думал я. Но куда выше наше нынешнее небо. Необъятны сегодняшние горизонты моей страны и моего народа. И несравнимо мое земное счастье со счастьем человека из сказки. Наша птица Самрук зовется социализмом. И я благословляю наш труд, нашу любовь и наше мужество, наш полет, полный нелегких испытаний и радости новых и новых свершений.

По пути в Мадрас было две посадки на небольших аэродромах, возле тихих деревушек, на морском берегу. На эти аэродромы мы садились со стороны моря, пробив толстую пелену облаков.

При одной из посадок, когда мы выскочили из облаков, прямо по курсу самолета неожиданно выросло множество холмов. Они стояли не цепью, а вразброс, каждый словно сам по себе. Все были покрыты лесом, мохнатыми зелеными овчинами. На иные до самой макушки вползали грунтовые дороги. В густой зелени белели дома и

---

[1] За последние годы успехи театра в Индии спорят с успехами кинематографии. В каждом штате правительство построило так называемый тагоровский театр.

храмы. И что примечательно: ни один холм не походил на другой, у каждого было свое лицо.

Наш самолет стремительно несся над холмами, и за иллюминатором, казалось, прокручивали пеструю видовую ленту. Глаз едва успевал выхватывать отдельные картины. А вдали, за холмами, открывалась панорама бесконечно щедрой земли. Там рисовались то банановые плантации, то бамбуковые рощи, то тропические сады, то словно вычерченные тонкой кистью рисовые поля с серебристыми зеркалами воды. И опять же ни одна картина удивительной этой земли не повторяла другую, как будто за несколько минут мы облетели множество краев и областей.

Напоследок мы летели над океаном, и земля надолго скрылась за синими и голубыми горизонтами. Под нами клубились облака, а еще ниже, далеко-далеко, светилось море... А может, там небо? На момент мне почудилось, что самолет висит кверху брюхом, а мы вниз головой. Ощущение почти физическое... Сосед мой тем временем спокойно писал послание в Москву: «Борт самолета Калькутта — Мадрас, Индийский океан».

В Мадрасе приземлились утром. Было много встречающих. Все одеты в белое. Обычная индийская летняя одежда. Ни на одном мы не увидели европейского костюма.

Было 11 февраля, а стояла жара, как у нас в июле. Мы жили в гостинице на краю города, неподалеку от берега, и нам открывался вид на океан. Справа и слева — белая кипень городских зданий, зеленый полумрак пальмовой рощи. Из окон моего номера я видел в роще необычайно цветастых птиц, слышал их голоса, резкие, непривычные и неприятные для нашего слуха. Пение их походит на сварливую перебранку.

В полдень мы направились в гости к губернатору Мадраса. Собралось большое общество — наиболее уважаемые и почетные граждане Мадраса. Были среди гостей министры и дипломаты, профессора, чиновники министерства иностранных дел, а также певцы и киноактеры.

Запомнилось выступление исполнительницы старинных народных песен на староиндийском диалекте, известной и весьма почитаемой актрисы. Она вышла на сцену, украшенную цветами, с двумя девушками-помощницами, собственным оркестром и опустилась на пол. Сидя, она п

пела долгое время. Песни — большей частью на религиозные, героические мотивы, песни очень колоритные.

В доме губернатора мы вновь встретились со старейшим государственным деятелем Индии Раджагопалачария, с которым познакомились еще в Дели, в президентском дворце. И вновь оценили его незаурядный ум и остроумие, умение фехтовать словом. Говоря по-казахски, это — человек с огнедышащим ртом и языком-косой.

Привлекала внимание его внешность. Голова, лысоватая, с каштановыми прядями волос, напоминала формой овечью. Большой, вытянутый нос, редкие желтые зубы, большой рот — все это сообщало его лицу устремленность вперед. Худощавое, жилистое тело с узловатыми руками напоминало ствол высохшего, но еще крепкого дерева. Ничто в нем не говорило о старческом возрасте, о старческих недугах. Удивительно живой, словно начиненный взрывной энергией человек.

Обменявшись с Раджагопалачарией, так сказать, вступительными вводными шутками, Алексей Сурков сказал о миролюбии нашего народа. Раджагопалачария отозвался целой тирадой:

— Государство можно уподобить хозяину дома, который обносит свое владение забором. Делается это из предусмотрительности, которую мы вряд ли осудим. Но зачастую инстинкт самозащиты перерастает в иной инстинкт, и хозяин огораживает забором некую часть чужой территории, совсем небольшую и бесконечно привлекательную. Чаще всего это случается с богачами. Например, Америка богата, она боится за свои богатства и, пытаясь защититься от вас, ставит заборы повсюду, где вздумается. Право, она рискует нажить большие неприятности. Другой пример: Индия бедна, и ей незачем отгораживаться от вас ни забором, ни железным занавесом, ни каменной стеной. Индии не за что бояться.

Сурков стал говорить о благородстве бедных, об их миролюбии и кротости. Но это пришлось не по вкусу нашему собеседнику, и он прервал Суркова на полуслове:

— Бедность можно хвалить, можно любоваться ею, однако бедняки люди строптивые и злобные...

В прошлом, когда Англия беспощадно подавляла движение за освобождение Индии, этот старый беркут занимал пост вице-короля. Не мудрено, что в его взглядах

было много такого, с чем мы не могли согласиться. Тем не менее недавно Раджагопалачария так сказал об американских апостолах холодной войны:

— Если Америка всерьез заявляет о своих мирных намерениях, то остается пожелать ей только одного. Пусть она утопит в океане весь запас своих водородных бомб! Потому что, если существует на земле государство, не страдавшее от мировых войн, то это прежде всего сама Америка. Она же должна и разоружаться в первую очередь. И это было бы самым убедительным доказательством ее миролюбия.

Слова Раджагопалачарии, подхваченные прессой, облетели весь мир и попали в цель.

Вечером того же дня нас пригласили на собрание литераторов и ученых, пишущих на тамильском языке. Здесь также было многолюдно. Приехал и губернатор.

Собрание было посвящено юбилеям двух старцев — филолога и писателя. Один из них, исследователь Пиллей, знаток тамильской классической литературы, журналист и поэт. Второй, старец Айангар, профессор Мадрасского колледжа. Он расшифровал каменные письмена на тамильском языке. Его ученики сделали очень многое для развития тамильской литературы.

Англичанин Чандлер сочинил труд о словаре тамильского языка. Один из выступавших, веселый и живой человек, привел из этого труда совершенные нелепости, происходящие от незнания предмета, чем рассмешил весь зал. Истинное изучение и развитие тамильского языка и литературы дело рук самих тамильцев, заключил оратор.

С поздравительной речью выступил губернатор Мадраса, он преподнес юбилярам подарки. Однако свою речь он произнес по-английски.

Считается, что в Индии бытует около шестидесяти языков, среди них пятнадцать крупных. Наиболее распространены: хинди, урду, бенгали, тамильский, маратхский, гуджарати, ассамский, каннада, малаялам, пенджабский. Индийское правительство планирует через пятнадцать лет утвердить хинди в качестве государственного языка. Однако это непростая задача, потому что и среди менее распространенных, таких, как тамильский, есть языки, на которых разговаривают от десяти до сорока миллионов человек. Эти языки имеют свою классическую литературу, насчитывающую трех-пятивековую историю.

И писатели названных крупных языков убедительно доказывают на сравнении литературных памятников, что их язык богатством, образностью не уступает хинди, а зачастую превосходит его.

Конечно, английский язык, язык вчерашних колонизаторов, не может быть государственным языком Индии, а тем более языком индийской литературы и искусства. Но английские власти двести лет насаждали в раздробленной многоязычной стране свой язык. И пока что индийцам поневоле, по инерции, приходится обращаться друг с другом при помощи английского. Губернатор Мадраса, почетный член правящей партии Индии, вынужден был приветствовать своих собратьев-индийцев на английском языке. Это глубокое и наболевшее противоречие требует умного, чуткого разрешения [1]

Тринадцатого февраля мы выехали в окрестности Мадраса, где по пятилетнему плану была создана организация так называемого «общинного проекта». В разных краях Индии существуют подобные организации. Их цель — подъем сельского хозяйства и улучшение жизни крестьян и сельских батраков. Одну из таких организаций мы посетили еще вблизи Дели. Но организации эти новые, не все в них ясно, и они серьезно отличаются одна от другой. Сейчас мы едем в Кульпаттандалам, едем среди заливных полей. Основная культура здешних мест — рис. Он дает два урожая в год. Дальше, к югу, собирают по три урожая.

В Кульпаттандаламе все население окрестных деревень, от мала до велика, вышло на улицу встречать нас. Молодежь устроила в нашу честь концерт под открытым небом. И мы вновь наслаждались индийскими песнями и танцами в безыскусном, но полном вдохновения исполнении юношей и девушек.

«Общинный проект» объединяет огромные земли и множество людей, в Кульпаттандаламе — до двух миллионов. Государство оказывает «общинным проектам» существенную помощь, посылает специалистов-агрономов, помогает сельскохозяйственными орудиями и задает экономический план. Во главе «общинного проекта» государство ставит инспектора.

---

[1] Ныне в Индии узаконено два государственных языка — хинди и английский.

В Кульпаттандаламе планируется поднять урожайность риса в три раза. На опытном участке площадью в тридцать акров сажают рис японским способом. За пятилетие намечено высадить пять тысяч плодовых деревьев, и уже четыре тысячи посажено.

Во всех деревнях, а их тут сто десять, выкопаны глубокие, водообильные, общественные колодцы. Построены скотные дворы. Силами населения проложены дороги. Возведены мосты. В самой крупной из деревень мы видели новехонький дом культуры. Строятся и ремонтируются жилища. Крыши кроются уже не соломой, а черепицей. Мы зашли в один из новых домов и были приятно удивлены чистотой и порядком. Кирпичный пол, отдельная спальня, во дворе колодец, — удобный дом. В дальнейшем такие дома будут у всего населения.

Инспектор — непререкаемый руководитель. В каждой деревне у него помощники — как правило, шесть девушек и шесть юношей. Такой подбор «актива» вызван тем, что иными вопросами приходится заниматься либо только среди мужчин, либо только среди женщин.

Заодно мы посетили развалины древнеиндийского портового города на берегу океана. Осмотрели высеченные в скалах храмы Махабалипурама. Это памятник VII века. Из стен храмов словно выступали высеченные из камня фигуры мужчин и женщин. Один из храмов посвящен богу Шиве. Бог возвышался над миром, сидя на громадном каменном слоне.

Так же, как на берегу Ганги, мы встретили многолюдную похоронную процессию. Покойник был мужчина. Он лежал на высоком помосте под паланкином, укрытый шелковым покрывалом; во рту его торчал кляп. Впереди шли суроволицые старцы, и с ними — моложавый певец. Не понять было — то ли он оплакивал умершего, то ли пел молитвы. Трое несли зажженные факелы. Один из них был осиротевшим сыном, которому надлежало поджечь погребальный костер. Провожали покойника только мужчины. Женщин не было. Их не допускают к месту кремации.

В прошлом этот край ежегодно подвергался опустошительным засухам. Страшное бедствие заставляло сниматься с родных мест и скитаться по Индии сотни тысяч семей. Только в последние пять-шесть лет дожди обильно

орошали посевы, и положение крестьян выправилось. Инспектор считает свою область бедной. Однако здесь люди не бедствуют и не голодают, как на улицах Калькутты или Бомбея. В деревнях нет того крайнего истощения, жуткого обнищания, которые потрясли нас в городах. И ребятня и старики выглядят крепкими, добрыми, веселыми. Просящих подаяния мы не видели, и это было здорово!

На следующий день мы осмотрели в Мадрасе широко расхваленный и достойный всех похвал храм Капалешвара, построенный более тысячи лет назад. У него позолоченные купола. Наружные стены сплошь покрыты барельефами и скульптурами, в основном из гранита. Каждый этаж изукрашен изощреннейшей резьбой по камню и по дереву. Но, кажется, впервые здесь я почувствовал себя пресыщенным.

Как и в других городах, мы вдосталь насмотрелись в Мадрасе на роскошные здания и кварталы. Правительственные дома, дворцы богачей аристократов и не менее богатых торговцев ослепляли восточной роскошью. Но в Мадрасе свыше двух миллионов жителей, и было у города другое лицо, более скромное и неизмеримо более значительное и волнующее.

Мы пошли прочь от храмов... На берегу океана, неподалеку от гостиницы, мы от души пожелали полных сетей и попутного ветра рыбакам. Здесь было много женщин. Они стояли у самой кромки прибоя в тревожном ожидании. Их мужья и сыновья, ушедшие на лов вчера в ночь, поодиночке выплывали из туманного океанского далека и выходили на плоский песчаный берег.

Затем мы поднялись в город. По мере того как мы уходили от центра, взорам нашим рисовалась все более безобразная картина. Дома в рабочих кварталах стояли тесно, улицы были темны и грязны, дворов не видно. Казалось, что жилища, как и их обитатели, кутаются в латаное-перелатаное рванье.

Один квартал рабочей окраины был «улучшен». В нем есть водопровод, есть уборные. Мы зашли в местную школу. В ней учится шестьдесят детей. Все дети с трудом помещаются в маленькой комнатушке, темной, непроветриваемой. Крыша школы крыта соломой. Учитель бос, да можно сказать, и гол. Только улицы здесь, пожалуй, несколько посветлее.

Но тут же, рядом, мы увидели лачуги-развалюхи. Некоторые похожи на норы. Внутри кромешная тьма, удушающая жара. Полов нет — утрамбованная, шелковая от людского пота земля. Можно подумать, что в Мадрасе осело и успешно скрывается от цивилизации первобытное племя пещерных полулюдей. Долго нам пришлось идти, прежде чем мы встретили наконец лучшее, но все еще вызывающее ужас жилье.

Словом, и тут та же гнетущая картина, что и на улицах Калькутты. В Мадрасе заседает парламент штата. Здесь самый большой университет страны. Богатство имущих классов представлено в центре, как на витрине. А на окраинах — возмутительная, вопиющая бедность, чудовищная эксплуатация человека, измывательство над его достоинством.

В Мадрасе насчитывается две с половиной тысячи рикш. Говорят, что по количеству рикш Мадрас обогнал даже Кулькутту. Еще говорят, что рикши в Мадрасе не так режут глаза, — они «механизированы». Здесь много велорикш. Но их труд удручающе тяжел. Мы видели, как велорикши, напрягаясь из последних сил, привставая на педалях, старались ускорить ход своих тяжело нагруженных колясок. Оказывается, от велорикши требуется и скорость.

Изодранные шалаши, жалкие лачуги, земляные норы — это и есть обитель велорикши и им подобных тружеников-слуг, чернорабочих, нищих и безработных. Вернулись мы из кварталов бедняков с тяжелым, горьким чувством.

Довольно много времени мы уделили знакомству с известным Мадрасским университетом. Нас сопровождал вице-канцлер. Открылось это учебное заведение в 1857 году. Тогда оно насчитывало лишь несколько колледжей. А ныне их — шестьдесят, и в каждом занято от восьмидесяти до ста преподавателей. Только гуманитарные науки располагают тридцатью кафедрами. Имеются колледжи по изучению Востока и по изучению искусств; в восточном колледже развернуты отделения — санскрита, арабской и персидской культуры и языков. Технический и ветеринарный колледжи выпускают остро необходимых стране специалистов. Студентов в Мадрасском университете тридцать пять тысяч.

Это один из крупнейших по числу студентов университетов в мире. Здесь обучается молодежь из Сиама,

Африки, Бирмы. Показательно, что в Мадрасском университете семь с половиной тысяч студенток! Они учатся на всех факультетах. Многие из директоров колледжей — женщины.

Беседуя с руководством университета, мы вернулись к проблеме государственного языка и, в частности, к вопросу о роли английского языка в культурном развитии Индии. Все современные учебники, справочная литература, энциклопедия — на английском языке. Есть лишь немного книг на хинди — специально для гуманитарных факультетов. Коренной язык этого края тамильский, на нем говорят тридцать миллионов людей, но до сего дня ни одна лекция в университете не была прочитана по-тамильски. Даже занятия по древнему санскриту ведутся на английском языке. И только старшие курсы ведут занятия на санскрите. Поистине тут есть над чем поломать голову.

Обучение в университете платное. Представители малых народностей вносят половинную плату. На общих факультетах платят — сто пятьдесять рупий, на факультетах, дающих профессии, — двести пятьдесят. Обучение четырехлетнее. По окончании присваивается звание магистра. Для получения докторского звания необходимо еще от пяти до восьми лет.

Вечером того же дня мы побывали у знаменитого индийского танцора Гопинатха. Во дворике его дома происходило собрание членов Общества индийско-советских культурных связей. Дворик был окружен зарослями бамбука и бананов. В их тени поместилась небольшая сцена, покрытая бамбуковыми циновками. На этой сцене продемонстрировали свое искусство молодые танцовщицы, ученицы студии Гопинатха. Сопровождал танцы оркестр Гопинатха.

Члены Общества говорили о своем желании изучить русский язык.

— Если бы у нас был хотя бы один хороший преподаватель, — сетовали они, — через год мы имели бы их не меньше ста... Мы лишены возможности читать русские книги в оригинале, как, впрочем, и в переводе на индийские языки. Англичане в свое время не позволяли переводить советскую и русскую классическую литературу на индийские языки. Больше того, запрещали ввоз оригиналов. И поэтому в современной Индии такой недостаток в людях, знающих русский.

Надо сказать, что у нас в Советском Союзе знают хинди и урду больше и лучше, чем в Индии русский. При громадном взаимном интересе, доброжелательстве и тяготении друг к другу такое положение нелепо. Но думается, что это противоречие легко устранимо. Если бы и все остальные противоречия были такими![1]

НА ЖАРКОМ ЮГЕ

Мы снова в самолете. И снова под нами горы, сплошь поросшие тропическим лесом, до самых вершин укутанные кудрявой зеленью. Это девственные джунгли, прибежище тигров и слонов. Но в долинах повсюду виднеются посевы. Самые маленькие, иные — с ладонь величиной, клочки земли, пригодные под поле, были возделаны. Мы различали их с самолета потому, что они были залиты водой и вспыхивали под солнцем крохотными зеркальцами, режущими глаз зайчиками.

Прилетели мы в портовый город — Кочин. Здесь стало еще жарче, и нам уже казалось, что в Дели мы наслаждались прохладой и свежим дуновением зефира. В Мадрасе мы забыли о пиджаках и надевали шелковые безрукавки на голое тело. В Кочине мы рады были бы и дальше облегчить наши одеяния, но дальше некуда.

Кочин своеобразно красив. Куда ни посмотришь, видишь синеву вод и зелень листвы. Море вторгается прямо в улицы. Кажется, что половина города стоит на воде. Прежде всего бросаются в глаза глубокие бухты. Городские улицы тянутся по мысам, узким, как дамбы. В городе полно фруктовых садов. Особенно много пальмовых рощ. Пристани утопают в зелени. Набережные и все спуски к воде вымощены камнем. Море омывает подножия дворцов, парадные лестницы которых зачастую уводят под воду. На бирюзовой глади бухт белеют пароходы, белеют яхты, белеют паруса.

Нас поместили в дорогой гостинице, в многокомнатных номерах. В спальнях над барскими ложами нависали красивейшие по вышивке и расцветке балдахины.

---

[1] В настоящее время положение изменилось: специальный Институт русских исследований, позднее преобразованный в университет Неру, из года в год пополняет контингент знающих русский язык.

То, что у нас в Средней Азии называют «масакана» (марлевый полог от комаров), имелось и здесь. Только в Индии масакана шьют из воздушно-легкого, нежнейшего шелка. Беззвучные, широколопастные вентиляторы крутились под потолком денно и нощно. Но, пожалуй, самое приятное, что здесь было, — это вид из окна на море. Светло-изумрудные блики волн играли на стенках глубокой оконной ниши, укрывавшей комнату от солнечных лучей. С моря задувал ветер. Мы находились на крайнем юге Индии...

Нам предстояло встретиться с известным писателем и поэтом Валлатхолом. Язык этого штата малаяльский. Валлатхол пишет на языке малаялам. Прослышав о прибытии нашей делегации в Дели и узнав, что среди нас есть поэты и писатели, старейший поэт Южной Индии, обладатель почетных званий махакави (великий поэт) и кависатвабхауман (король поэтов), прислал нам в Дели письмо с просьбой навестить его в городе Траванкур.

В самое жаркое, знойное и душное время, часов около трех пополудни, мы выехали из Кочина на нескольких машинах. Ехать предстояло всего шестьдесят пять миль... Поначалу дорогу с обеих сторон окаймляли высокие густолистые пальмы, и мы катили в сплошной тени. Маленькие хижины, посевы — все укрывалось в этой спасительной тени. Впрочем, в тот день и в тени было 40°. Навстречу бил поток раскаленного воздуха, опаляя наши лица и перехватывая дыхание.

Подъехали к озеру. Моста не было, и два небольших легких парома принялись перетаскивать наши машины поодиночке на другой берег. Паромы перегонялись целым сборищем, шумной толпой голых паромщиков, вооруженных бамбуковыми шестами. Местами на мелях паромщики спрыгивали в воду и волокли паромы на плечах.

Уже перед закатом мы добрались-таки до Траванкура. Жители города встретили нас восторженно. В полукилометре от дома поэта, в травянистом логу наши машины вынуждены были остановиться. Дорогу преградили празднично одетые люди с музыкальными инструментами в руках. По прекрасному обычаю Индии, на шеи гостям повесили гирлянды живых цветов. Мы покинули машины и пошли пешком в окружении радушных провожатых и веселой, но адски шумной музыки. У ворот дома, на холме, ждала еще одна толпа, шумно и радостно приветствуя гостей.

Узнав о нашем визите, прибыл сюда индийский посол в Москве Менон, проделав триста пятьдесят километров утомительного пути; он также встречал нас.

Валлатхол оказался древним старцем. Очень худ, почти костляв. Туговат на ухо. Во рту — ни одного зуба. Однако лицо чисто выбрито. Роста он высокого, и движения энергичны и моложавы.

Тем вечером нам вновь довелось посмотреть театральное представление, но уже в ином духе, чем в Калькутте. Выступали ученики школы театрального искусства древней Индии, основанной Валлатхолом. Эта школа, по замыслу поэта, должна восстановить традиции национального театра Индии с его музыкой и отточенной веками особенной манерой исполнения.

Собралось очень много зрителей, но они не жаловались на то, что им приходилось стоять; иные устроились на заборе и образовали галерку, как в любом порядочном театре. Сцена представляла собою низенький помост. Ее сплошь облепили маленькие дети и молодежь.

В начале были показаны древние обрядовые танцы. Юноша изображал павлина, девушка — укротителя, или, как мы привыкли говорить, заклинателя змей. После этого началась собственно пьеса.

Актерская игра в этом театре столь отлична от европейской и все действие полно стольких уже канонических условностей, что без порядочной подготовки трудно, а подчас и невозможно разобраться в происходящем на сцене. Все участники играли в символических масках. Пьеса была на древнейший сюжет эпоса «Рамаяна», бессмертный сюжет из жизни бога Рамы и его жены Ситы.

Действие разворачивалось под непрерывный и все усиливающийся треск и грохот барабанов, пронзительный свист флейт и дудочек, рев огромных труб и оглушительный звон медных тарелок. Эта инфернальная музыка была оправдана тем, что на сцене внезапно в пламени и дыме появлялся дьявол — злой дух Равана и вмешивался в жизнь богов. Дух побежден, но пускает в ход коварство. Сита изгнана мужем в джунгли. Там она рожает двух близнецов; их опекает верный друг добрейший обезьяний царь Хануман. В финале — всеобщее примирение.

Исключительно самобытный театр. Театр поистине с вековыми традициями. Мы видели воочию, как он

любим народом... И все же вряд ли этот древнейший институт искусства определит судьбы современного драматического театра молодой, полной творческих сил Индии. Думается, что нынешний театр к новым высотам и горизонтам поведет за собой новая жизнь и новая культура Индии.

В тот же вечер мы имели беседу с большой группой литераторов, пишущих на малаяльском языке. Из всех дружеских, братских встреч в Индии эта встреча запомнилась необыкновенной сердечностью.

Помимо старших, Валлатхол собрал вокруг себя активно действующий кружок молодых писателей, около ста пятидесяти человек. В основном они пишут художественную прозу, новеллы. Главная тема их стихов — тема мира. Готовят они и пьесы на современные темы; драматурги ожидают своего театра...

Это талантливые и прогрессивные люди. Особенно близки нам по духу оказались молодые писатели Мундассери, Рамамирдам и сын Валлатхола Эмпинавудранат, настроенные радикально, если не сказать революционно.

Все литераторы, и старшие и молодые, просили нас еще раз встретиться с ними. Была нужда в более обстоятельной профессиональной беседе, и мы с Сурковым решили задержаться в Траванкуре, потолковать со своим братом писателем, так сказать, с глазу на глаз, из души в душу.

Местом встречи была избрана гостиница. Но едва мы подъехали к ней, как почувствовали, что камерной встречи не получится. Большая толпа приветствовала нас у входа в гостиницу, а когда мы заняли места в зале, готовясь к задушевной, интимной, созерцательной беседе с собратьями по перу, открылись многочисленные двери, и стали входить, вначале робко, затем смелее, молодые и старые люди, и мы не заметили, как очутились в тесном окружении множества сидящих на полу траванкурцев.

По рукам передали две гирлянды душистых цветов и надели их нам на головы наподобие лавровых венков. Нашего слова ждали удивительно скромные и благодарные слушатели, и сердца наши наполнились любовью к ним.

Говорили мы с Сурковым, говорили с понятным волненьем, но у нас было легко и светло на душе, потому что мы говорили о том, с какой любовью и уважением относится наш народ к индийскому.

Нас сопровождал чиновник из министерства иностранных дел, он любезно заказал нам ужин в гостинице, однако вдруг почувствовал, что траванкурские встречи выходят за некие протокольные рамки и переходят в явную демонстрацию. Очевидно, он не имел на этот случай инструкций и решил не рисковать и поскорей увезти нас «подальше от греха». Бедняга стал нас торопить и, скомкав, к общей досаде, конец вечера, буквально потащил меня и Суркова из гостиницы к машине, лишив нас, таким образом, не только удовольствия беседы с чудесными, милыми людьми, но даже и заказанного прозаического ужина, который мы, право же, честно заработали.

Впрочем, чиновник все-таки опоздал, и мы были с лихвой вознаграждены той лавиной поздравлений, рукоплесканий, здравиц в честь нашей отчизны, которую обрушили на нас щедрые малаяламцы. Спускаясь по лестнице, мы пожали десятки дружеских рук. До самой машины мы шли в сплошной волне приветствий, которые особенно согревали и возвышали нас, потому что относились в нашем лице ко всем гражданам великой Советской державы.

Наш провожатый усадил нас в машину, проворно открыв дверцы и еще проворней их захлопнув. Но люди окружили машину плотным кольцом и долго не давали ей тронуться с места. Они улыбались, смеялись, непрестанно выкрикивая что-то радостное, горячее, доброе, глаза их светились, руки тянулись к нам в знак привета. Они радовались людям из страны социализма, которая из нищей, разрушенной, отсталой, не по божьей воле, а по воле людской, стала богатой, передовой и могущественной. Они видели в Советском Союзе пример для Индии, свое будущее. Они благодарили нас за новую веру и великие надежды, которые мы собой олицетворяли и донесли до их сердец через Гималаи ненависти, оставленной английскими колонизаторами.

Слезы наворачивались у нас на глазах, и это были также слезы благодарности. В ту ночь, в Траванкуре, мы со всей полнотой ощутили влечение двух великих народов друг к другу и словно заглянули в мир грядущего общечеловеческого братства.

Шестнадцатого февраля мы выехали на машинах из Кочина и, покрыв расстояние в восемьдесят миль, углубились в штат Керала. Путь наш лежал прямо на юг, но на этот раз жара была сносной даже для нас.

Дорога тоже оказалась отличной. Она совсем не пылила. Около полудня мы были в городе Тривандруме.

Всю дорогу я думал о прошедшей ночи, об удивительных встречах в городе поэта Валлатхола. Такой народ, думал я, несомненно ожидает прекрасное будущее. Я не боюсь повториться, говоря о благородстве, веротерпимости, радушии индусов. Эти качества как нельзя лучше подходят к людям того светлого времени, когда исчезнут с лица земли войны и социальное неравенство.

Так случилось, что только в середине XX века Индия сломила колониальное иго. Мудрено ли, что, может быть, нигде в мире нет таких вопиющих противоречий, как в молодой республике с ее прогрессивной программой развития и миллионами голодных, голых и босых, бездомных людей? Но вот что удивительно: среди этих миллионов отчаявшихся от нужды людей нет массового воровства, убийств и кровопролитий. И не раз мне приходило в голову, когда я думал об уровнях нравственности и преступности, что «дикая» Индия — не «цивилизованный» Запад с его культом силы.

Правда, видели мы и другое, видели, как беспримерная терпимость индусов переходит подчас в иное качество — в ненавистную нам рабскую покорность судьбе. Седой как лунь бедняк мастеровой бредет по пыльной дороге в поисках работы... А в глазах его смирение и покой, и не просто покой — вера в справедливость совершающегося. Это даже пугает временами. И вместе с тем — в каком другом краю вы найдете еще такую доброту, человеколюбие и вообще любовь ко всему живому, такое собрание самых лучших черт в человеке? А не достойно ли уважения трудолюбие этого народа!

По дороге в Тривандрум мы впервые увидели обширные плантации ананасов, этого сладчайшего плода тропиков. Они перемежались купами пальм, манговыми и банановыми рощами. По-видимому, наступала пора уборки урожая кокосовых орехов. Нам то и дело встречались арбакеши — они везли горы темно-зеленых, слегка надтреснутых плодов.

Щедры здесь дары природы. Но люди усердно работают, чтобы их приумножить. Почетное место в хозяйстве занимают чай, рис, плантации каучуконосов.

Плотность населения в этих краях очень велика. Одно селение цепляется за другое. И мы ехали как бы по главной улице одной большой деревни. Однако юг, вчераш-

ний Кочин, сегодняшняя Керала, — это поистине райские земли, они могут прокормить гораздо большее население, чем ныне. Тем более горько нам было вновь встретить нищих. Где бы ни остановились наши машины, их тотчас же окружали стайки юных попрошаек. Плотной орущей толпой они наседали на нас и не просили, требовали бакшиш — подаяние. Какой разительный контраст с тем, что мы видели на бедных засушливых землях «общинного проекта» под Мадрасом!

В городе Тривандруме мы пробыли недолго. В полдень нанесли визит главному министру штата. Затем, оставив чемоданы, вновь пустились в путь. Еще пятидесятимильный пробег, и мы увидели самую южную, ближайшую к экватору точку Индии — мыс Коморин.

Было четыре часа пополудни, но и на этот раз мы не испытывали того палящего, изнуряющего зноя, как по пути к Валлатхолу. Свежий, прохладный ветер. И теперь я понял, какая сила умеряла тропическую жару — это дышал океан.

Пальмовые рощи, фруктовые сады густыми шпалерами тянулись вдоль шоссе, иной раз они вырастали в зеленые стены, и не было им конца. Мы ехали в сплошном тенистом тоннеле с голубым потолком.

В Индии мы видели немало земель, занятых болотистыми джунглями, каменистыми пустынями, где, казалось, нет места человеку. Однако искусные рабочие руки делали чудеса. Не пустовало ни одного клочка плодородной земли, каждый ее комок был орошен крестьянским потом, и она охотно рожала на радость человеку несколько раз в год.

Здесь, на юге, все рощи и даже леса высажены рукой человека, вся окружающая природа, ее грандиозный храм — дело его рук. Такие дела мы называем трудовым подвигом, и нам дорого было видеть творческую мощь народа.

То небольшие, а то и изрядные пышно-зеленые холмы надвигались на дорогу, словно вдруг выглядывая из-за верхушек пальм. Однако, по мере нашего продвижения на юг, характер растительности менялся. Пальмы стали редеть. А когда мы выехали к морю, зеленый мир опустел, нас окружили удивительные деревья. Суковатые, узловатые, сплошь кривые и изогнутые стволы, как бы разорванные в суставах, голые макушки, на которых

лишь кое-где пучками торчали листья. Вид совершенно паучий.

Так выглядит баньяновое дерево. Гибкие его ветви, провисая к земле, очень часто укореняются и образуют новые стволы. Таким образом баньяновое дерево обретает жиденькую жалкую крону, но массу стволов и корней, и занимает непомерную площадь.

В просветах между его кривыми узловатыми стволами мы увидели вдалеке морскую синеву. А затем сразу с трех сторон нам открылись безбрежные просторы Индийского океана. Полоса суши стремительно сузилась. Тонкий клинок земли вонзился в синюю тушу океана. Мыс Коморин!

Мы остановились на самом острие клинка, так что радиатор машины повис над водой... У нас было живейшее ощущение, что мы на краю земли.

Здесь, на мысе Коморин, солнце купается в море и на утренней и на вечерней заре. Смотришь на юг, и кажется, что твой мысленный взор проникает до самой Антарктиды. А давно ли мы были у высочайшей земной стены — у Гималаев!

Мы прибыли на Коморин за час до заката и разместились в гостинице «Гастхауз»; она стояла на самом конце мыса. Номера нам дали в верхнем этаже. Окна выходили на три стороны света, и изо всех окон открывался вид на море. Воды Бенгальского залива и Аравийского моря встречались у нас на глазах; объятие их было бурно.

Не повезло однако: облака обратились в тучи, тяжко улеглись друг на друга на западе и скрыли от нас огненную феерию солнечного заката.

До позднего вечера мы не уходили с берега. Днем морская волна отливала шелковистым голубовато-зеленым цветом, к ночи потемнела. Таинственная глубина вод невольно притягивала взор. Длинные валы мерно, мощно и гулко набегали на берег, и от этой величавой размеренности кружилась голова, терялось ощущение реальности, и чудилось, ты сам плывешь и уплываешь все дальше и дальше. Округлые и словно ленивые вдали, волны с внезапным ревом бросались на берег, злобно вспенивая белые гривы. Я было попробовал морскую воду на вкус... Сказать, что она солона, значит, ничего не сказать. Долгая стойкая горечь оставалась во рту.

В гостинице мы принялись за чай. Нам заварили настоящий цейлонский. И мы не стали осквернять этот

волшебный напиток ни сахаром, ни сливками, столь отменны были его вкус и аромат.

В холле гостиницы выступали молодые певцы-индийцы со своим оркестром.

Как и накануне у Валлатхола, оркестр нажимал на шумовые эффекты. Было много лязга и бряцанья, и мой неискушенный слух почти не улавливал ритма. Сама же песня казалась мне заклинанием, устрашающим культовым гимном, призванным ошеломить воображение слушателей. Мелодию уловить трудно. Музыка рисует борьбу враждебных сил и дикое торжество победителя.

Вспоминаю, что и представление-мистерия в доме Валлатхола почти сплошь состояло из пения, танцев. Собственно актерской игры очень мало. А песни повествовали о мифологических событиях.

Искусство Индии складывалось тысячелетиями и приобрело свой ярко специфический характер в силу своеобразного хода истории и самобытного развития культуры этого народа. Все виды искусства уходят корнями в глубокую древность и зачастую делают ее своим содержанием. И поэтому, мне думается, религия этого народа поэтична, а поэзия — религиозна. В танцах много религии, в религии — танцев. Живопись и скульптура полны религиозных сюжетов. Так же и архитектура испокон веков воспевает и увековечивает богов. Словом, искусство издавна связано с религией, а религия находит короткий путь к сердцу индийца через искусство. Я вовсе не хочу сказать, что индийцы религиозней других народов. Но колониальный гнет бесконечно долго понуждал людей обращаться к богам, давя и душа тягу к культуре. Вот почему на далеком мысе Коморин простые деревенские парни, желая порадовать советских гостей народными песнями, стали разыгрывать, по сути, религиозное представление.

Конечно, если брать за эталон европейское искусство, мы найдем, что искусство Индии отстает... Архитектура в Индии очень современна и не уступает архитектуре любой европейской страны. Индия имеет исключительно развитое киноискусство. Научная и техническая мысль также шагает в ногу со временем. Однако такие виды искусства, как театр, поэзия, музыка, танец, по сей день сохраняют черты глубокой старины. И очень архаичны для нас, людей XX века.

Двести лет единственными «носителями культуры» в Индии были ненавистные английские колонизаторы. И индийцы, стремясь сохранить свое национальное достоинство, свою самобытность, обращались в искусстве к своим богам, к своим несравненным творческим ценностям, созданным в те далекие времена, когда Индия не влачила рабского ярма.

Ночь на мысе Коморин наступила быстро, и также быстро стало вокруг холодать. Океан слился с небом, повсюду разлилась чернильная чернота. Даже прибоя не рассмотришь. Но всю ночь слышно было могучее дыхание океанских вод. Оно было спокойно и ласково. Оно было грозно. Казалось, протяни руку и коснешься в темноте лика этой древней, как мир, и вечно юной стихии. Ее образ сливался в моем воображении с образом индийского народа.

ФИЗИК РАМАН И ВЕЛИКИЕ ДРЕВНОСТИ

Недалеко от Тривандрума мы осмотрели старинный царский дворец, архитектурный памятник XIV века, — Падбанабапурам. Строительство его шло в две очереди — одну половину выстроили семьсот лет назад, другую закончили четыреста лет назад. Это подлинно индийское творение архитектуры и искусства.

На входных дверях изображен юноша охотник, пронзающий копьем дикого слона. На вторых дверях юноша поражает медведя. Резьба по дереву.

В глубине дворца стоит каменный храм. Его колонны украшены фигурами богов, мужчин и женщин. Резьба по камню. Бронзовая фигура богини знаний занимает в храме почетное место. Здесь молились цари.

В отличие от многих других дворцов Индии в Падбанабапураме много залов, сплошь отделанных резным деревом. Число залов невероятно. Особенно пышно выглядит главный зал, предназначенный для торжественных собраний. Пол, выложенный черным камнем, так отполирован, что кажется, стоишь на скользком черном зеркале. Любопытно, что камни гранитных колонн скреплены цементом, замешанном на кокосовом масле. Колонны украшены барельефами, каждая — на новый сюжет. Окна во дворце «застеклены» разноцветной слюдой.

Во всех трех этажах дворца царские ложа. Сделаны они из резного дерева. Потолки над ними тоже сплошь из резного дерева. Стены покрыты изумительными фресками. Говорят, некогда одно ложе пытались вывезти португальцы, и было это кощунством. Царские ложа считались местом отдохновения богов, ибо цари провозглашали себя богоравными, богами во плоти. Возле их пышных постелей горели негасимые светильники. Когда мы были во дворце, на третьем этаже, у «ложа бога» все еще горел светильник, зажженный, как нам сказали, пятьсот лет назад.

Очень своеобразно устроены ложа цариц. Например, одно висит наподобие гамака на четырех резных столбах, под роскошным воздушнолегким паланкином, и окружено целой коллекцией всевозможных узорных изображений — резьбой по дереву и кости.

Фресок во дворце множество, большей частью они повествуют о жизни бога Брахмы. Индуизм поклоняется многим богам, о каждом имеется целое собрание легенд и преданий. Но особенно прославляются деяния и любовь, борьба и приключения трех богов: Брахмы, Вишну, Шивы. У них, как у людей, много особенностей, но есть и главенствующие. Брахма — бог создатель, Вишну — бог жизни, Шива — разрушитель.

Есть в этом дворце чудесная колонна, сделанная в XIII веке из тика. Тиковое дерево необыкновенно стойко — оно не только не гниет и не портится с годами, а, наоборот, делается все тверже и тверже, как бы каменеет. Семь веков возвышается эта колонна.

Другое удивительное дерево, символ женственности, я видел из окна гостиницы в Тривандруме. Высоченное, стройное, с серовато-серебристой корой и пышной кроной, оно было в самой поре цветения. Крупные, с тарелку, нежно-белые цветы проглядывали в листве, точно в волосах девушки, и, подобно подвенечному убору, создавали очарование целомудренной красоты.

Из Тривандрума в Бангалур мы летели самолетом, а затем поздно ночью сели в поезд и под утро были в городе Майсур, в одноименном штате.

Целый день мы бродили по Майсуру. Самое примечательное в городе — картинная галерея. Наряду с картинами мифологического содержания есть и картины на современные сюжеты. Например, много картин, изображающих охоту, а вернее, ловлю слонов. Представлены

не только местные художники, но и мастера других школ и направлений. В основном это темпера и акварель.

Все направления имеют свой ярко выраженный почерк. Художники бенгальской школы Раджпур темой своих картин избрали жизнь народа. Художники-мусульмане Лахора также изображают жизнь народа, но на их работах лежит все же сильный культовый налет. Школа Могал демонстрирует типично дворцовую живопись.

Немало здесь художественных поделок, статуэток из металла и дерева. Леса Майсура богаты сандаловым деревом. Фигурки богов из сандалового дерева легки и изящны. Очень много различной узорной резьбы по дереву и слоновой кости. Великолепны вазы из древесины черного ореха и выточенные из кости столовые приборы. Слоновая кость, как благородный поделочный материал, пользуется у индийских мастеров давней любовью, а мастерство их — первейшей руки.

Есть в Майсурской галерее и изделия китайских и японских мастеров. И было любопытно видеть их творческое соперничество с индийскими.

Мы слышали, что в Майсуре можно узнать многое о жизни слонов. Большую часть территории этого штата занимают джунгли, а в них еще не вывелись слоны. Здесь их ловят и приручают. Наши майсурские друзья показали нам, как это делается.

Попутно нам поведали кучу историй о повадках слонов. Оказывается, в джунглях среди слонов нередки бои за место вожака в стаде. Бой старого вожака с молодым длится обычно очень долго. Побежденный вынужден покинуть стадо и бродить в одиночестве. Такие слоны опасны, они раздражительны и злобны. Были случаи нападения «шатунов» даже на человека. Слоны-бродяги приносят большой вред посевам, и их разрешается стрелять.

Некогда в Индии на слонах воевали. Ныне они используются для переноски тяжестей. Цена взрослого слона немаленькая, он стоит три-четыре тысячи рупий. Только за один прошлый год в штате Майсур было отловлено семьдесят пять слонов. На наш вопрос, увидим ли мы пойманных в этом году, друзья ответили, что нам покажут приведенных из джунглей буквально на днях.

И вот мы перед обширным бревенчатым загоном. В нем оказалось около десятка молодых слонов. Долголетие слонов общеизвестно. И до двадцати лет слон считается молодым. Лишь в этом возрасте его начинают ис-

пользовать на тяжелых работах. Двадцатилетний слон считается взрослым и содержится в общем стаде. Молодняк, напротив, отделяют и не подпускают к нему старых свирепых самцов.

Слоновий загон просторен. В углу мы заметили крутой черный холм; при ближайшем рассмотрении он оказался слоном. На его длинные бивни были надеты по три медных кольца. То ли от возраста, то ли по другой причине у этого могучего брюнета грудь, голова и особенно глазницы имели красноватый оттенок, и кожа в этих местах была абсолютно гладкой, словно бы лысой. Это хозяин загона. Ему было уже шестьдесят лет, и весил он триста пудов. Он неподвижно громоздился в своем красном углу и неторопливо поедал душистое сено.

В почтительном отдалении от него жались к бревнам изгороди молодые слоны. Они явно робели, хотя многие из них вполне могли сойти за взрослых и по весу, и по длине бивней. Все они были недавно из джунглей.

Присмотревшись, мы увидели, однако, что дикари не столь уж смиренны. Они были привязаны за переднюю или заднюю ногу к врытым в землю низким каменным и чугунным тумбам. А один, видимо, самый драчливый, был сплошь опутан канатами, и все его четыре ноги надежно «заякорены» у четырех тумб. Другой строптивец, подняв хобот, трубил не переставая. Привязанным за заднюю ногу к каменной тумбе оказался даже пятилетний слоненок. Стало быть, была такая необходимость. Перед всеми слонами лежал срезанный сахарный тростник — их любимое блюдо. Но иные буяны, вместо того чтобы полакомиться им, яростно расшвыривали его хоботами. Сопели и кряхтели они уморительно сварливо.

Все слоны были обвиты поперек спины и живота двойной петлей из крепкого каната с железным крюком на конце. Черный слон был также перехвачен поперек туловища двойным канатом с крюком. В надлежащее время старик по одному водит дикарей в центр загона к колодцу на водопой... Хозяина подводят к молодому гостю и сцепляют воедино их крюки. Затем освобождают от ножных пут молодого. И старый дядя волочит его к колодцу. Если упрямство и непослушание заходят слишком далеко, старик задает дурню или дурехе трепку, и его колотушки и пинки бивнем и ногами чувствительны. Далее он подводит присмиревшего дикаря к колодцу и показывает, где и как следует напиться. Напоив, отводит

его к месту привязи. Судя по всему, старик любит свою работу, редкостно умен, дружит с людьми и охотно помогает им.

Самый юный в загоне — маленький трехмесячный серый слоненок. Его поймали всего полтора месяца тому назад. Мать бросила его, убегая от охотников, и бедное дитя на заре жизни попало в неволю. Мальчик прикармливает слоненка молоком из большой соски. Когда нет молока, слоненок сосет кулачок мальчика. Время от времени он издает тонкие, жалобные звуки, похожие на плач ребенка, и плач этот так горек, так безутешен, что невольно сжимается сердце.

Во второй половине дня мы поехали на известную Майсурскую плотину. Еще издали мы увидели статую богини реки на гребне плотины. Статуя сверкала позолотой, подсвеченная сильными лампами. Богиню зовут Кавери, и она прелестна. Но, пожалуй, большее впечатление производит плотина, — ее длина свыше трех километров!

Мы находимся по ту сторону реки, в великолепном, разбитом на английский манер саду, в трехэтажном отеле, на верхней веранде. Только что зашло солнце. Перед нами громада плотины, вся в гроздьях электрических огней. В саду бьют подсвеченные фонтаны, колышутся и пряно пахнут редкостные деревья и цветы. И сверху и снизу на нас обрушиваются каскады огней и красок.

Буро-красные скалы вдали, над ущельем, словно подпирают собой вечернюю зарю; сама же она удивительно нежного багряно-сиреневого цвета. Облака на западе расцветают, как радуга, но краски — самых нежных, теплых полутонов, и края их размыты и распущены. А из сада, из листвы и цветников, брызжет другая волшебная феерия огней, зажженная человеком, при любезном участии богини Кавери.

Имя этому саду — Бриндаван. Так назывался один из садов бога Кришны, где, по преданию, он развлекался с пастушками.

К ночи фонтаны заиграли, точно живые веретена, золотистыми нитями; фонтаны дышали. Лампы в саду были всех цветов, на макушках деревьев светились голубые глазки, но преобладали огни красные, и в их свете темная зелень кипарисов и туи казалась еще более глубокой, еще более загадочной.

Красные огни напоминали о завтрашнем торжестве. Завтра, в субботу, большой праздник — лето уходит встре-

чать зиму. По обычаю, в этот день все стараются измазать друг друга красной краской. Однажды на таком торжестве белоснежный Неру превратился в ярко-красного.

Сад словно обнимал плотину двумя сияющими крыльями. А она величаво высилась над всем вокруг, и цепи огней на ее гребне убегали в такую даль, что казалось, это мифологический зверь, ускользая в горы, оставил огненные следы.

Наступила ночь. Мир оделся в черный бархат, лишь по небу расшитый звездными блестками. Чудо-сад сверкал, как драгоценный камень на бархатной подушке. Недаром о нем говорят, что это гордость Майсура.

Поздно ночью мы вернулись с Майсурской плотины в город. По дороге, высоко в горах, мы увидели еще одно чудо — ослепительно-белый дивный дворец. Он как бы висел над дорогой среди непроглядной тьмы. Это был загородный дворец магараджи... Типичное для Индии сочетание — старины и новизны.

На другой день мы вернулись в Бангалур, чтобы посетить знаменитого ученого-физика, профессора Рамана. Имя Рамана известно далеко за пределами Индии, Раман лауреат Нобелевской премии. Его исследования о драгоценных и полудрагоценных камнях прославили индийскую науку [1]

Небольшой двухэтажный особняк Института физики служил Раману и лабораторией и жильем. Хозяин встретил нас в гостиной, на первом этаже, такими словами:

— Я директор этого института, а вот она... директор директора! — И он показал на стоявшую рядом с ним женщину небольшого роста, с черными, изрядно поседевшими волосами. Это была супруга и первая помощница ученого.

Мы поднялись на второй этаж, Раман подвел нас к широкому окну и, указывая на расстилавшуюся внизу панораму садов, с веселым пафосом заметил:

— Весь Бангалур внизу, лишь наш институт вырвался в небо, здесь мы — как на троне высотой в тысячу футов.

Это был необыкновенно живой, подвижный человек, так и искрящийся юмором. Смеясь, он прикрывал лицо тыльной стороной ладони. Подобным образом мусульмане

---

[1] Раман возглавлял индийскую науку до конца дней своих; умер в 1972 году.

при зевоте прикрывают рот. Смеясь, прикрываясь ладонью, Раман сообщил нам, как нечто весьма комичное, что изредка пишет стихи.

Потом он показал нам свой бюст, сработанный индийским скульптором, с надписями на четырех языках. Все надписи даже внешне резко отличались друг от друга. Мы снова коснулись навязшей в зубах языковой проблемы в Индии, и Раман пошутил:

— Здесь сказано по-английски, санскритски, тамильски и на языке каннада, кто я такой. Хочу вас уведомить, что с женой удобнее всего говорить по-тамильски...

Еще он показал нам свою богатейшую энтомологическую коллекцию. Невиданных размеров жуки, немыслимой расцветки бабочки. Но мы почувствовали, что это не хобби, а предмет научного интереса.

В библиотеке Раман подвел нас к большому стеллажу:

— Здесь вся литература по моей специальности.

Мы вошли в смежную, любовно обставленную комнату. Раман, смеясь, спросил:

— Не хуже, чем у магараджи?

Взял отдельно лежавшую книгу, открыл на одной из страниц и протянул нашему переводчику.

Это оказалась написанная в 1932 году английским исследователем Дюраном книга «О смысле бытия». Автор приводил в своей книге ответы великих умов человечества на вопрос о смысле жизни. Среди других имелись ответы Неру, Ганди и нашего хозяина.

— Ганди отвечал как ученый, — сказал Раман. — Он считал эталоном сплав религиозности и трудолюбия в человеке, — это, по его мнению, возвышало человеческую натуру, приближало ее к богам.

Любопытная открылась в книге Дюрана деталь: двадцать три года назад автор сделал одно предсказание. В скором времени, утверждал он, в Индии прославятся два человека. Первый — это Неру, который после смерти Ганди возглавит индийский народ. Второй возглавит индийскую науку, и это будет Раман!

Мы прошли через просторный светлый зал с кафедрой и большой грифельной доской, испещренной математическими выкладками. И с волнением вступили в тесную лабораторию, как нам показалось, заваленную камнями, минералами. Раман взял в руки один крупный кристалл и сказал:

— Этот аметист мне прислали из Югославии. Это не камень, это — поэзия.

Фиолетово-голубоватый камешек в его пальцах светился загадочным светом.

Дав нам вволю налюбоваться своей коллекцией минералов и драгоценных камней, он стал заводить нас по очереди в маленькую затемненную комнату. Здесь он познакомил нас с одной из физических тайн — люминесценцией. Просвечивая кристаллы ультрафиолетовым излучением различных частот, Раман добивается изумительных физических эффектов.

Ему исполнилось шестьдесят шесть лет. Но он бодр и свеж. Обходится он минимумом помощников.

Памятно Раман рассказывал о том, как вместе со знаниями в нем росла любовь к красоте. Носителем высшей красоты он считает цвет и до сих пор мечтает найти необыкновенные краски. О физике он говорит так:

— Она для меня — как цвет.

Прощаясь, он сказал полушутя, полусерьезно:

— Вашему посещению я очень рад. Если бы вы были ученые, я был бы не так доволен. Потому что наш брат ученый приходит чаще всего с откровенной корыстью — почерпнуть новое. А вы бескорыстные гости, и я рад принимать таких гостей...

В тот же день мы побывали на собрании «Общества художественного слова».

Вначале нам показали концерт. Местные поэты читали свои стихи, написанные на языке каннада, стихи большей частью религиозного содержания. Один из поэтов, похожий на татарского учителя из медресе, Субраманьян Шастри, прочел, вернее, пропел перед микрофоном лирические стихи о манговом дереве. Поэтесса, заведующая просвещением, пропела, или, как нам показалось, прокричала, свои стихи.

На этом собрании выступил прозаик, автор коротких рассказов — Виси, давний друг нашего народа и, в частности, членов нашей делегации. Самым значительным было его выступление.

— Приезд дорогих гостей очень хорошая примета. Это значит — крепнут наши связи с одним из величайших народов мира, — заявил он. — Мы желаем знать русскую науку, культуру и литературу, как свои собственные. Мы с большим уважением относимся к русской литературе, выросшей после Пушкина и Гоголя. Благодаря революции

мы знаем и любим Блока. Любим прекрасную русскую музыку. Особенно хорошо знаем и ценим ваше киноискусство. Кому в мире не известны ваши успехи! В составе вашей делегации четыре лауреата. Это говорит о том, что советский народ посылает к нам лучших своих сынов. И на этом собрании присутствуют не только мои земляки. Знайте, что здесь присутствует цвет индийских деятелей культуры. Все они ваши верные, искренние друзья! — Так закончил свою речь Виси.

Из Бангалура мы прилетели в Хайдарабад. И что нам сразу бросилось в глаза — масса велосипедистов, они теснились на улицах, как бараны на узкой горной дороге, носились и стадами и в одиночку. Говорят, вот так же много велосипедистов в иных европейских городах.

Мы нанесли короткий визит вежливости здешнему главному министру и отправились знакомиться с городом.

Прежде всего мы поспешили осмотреть четырехминаретную мечеть Чарминар, слава о которой разнеслась по всей Индии. Это памятник XVI века. Четыре минарета делают эту белоснежную красавицу одинаковой со всех сторон, как бы четырехфасадной. У входных арок, по мусульманскому обычаю, арабской вязью выведены наставления из Корана.

В Хайдарабаде немало красивейших памятников и прекрасных новых строений. Но на всех них лежит печать архитектуры ислама — повсюду купола, иногда грандиозные, и минареты. В таком стиле выстроены не только храмы и гробницы, но и дворцы, а подчас и жилые дома, и общественные здания.

В Хайдарабаде, как нигде в Индии, много мусульман — не менее восемнадцати процентов. Восемьдесят процентов жителей приверженцы индуизма. Но судья, он же фактический правитель Хайдарабада, назначенный республикой раджпрамуком, именуется здесь низамом (мусульманское слово). Насколько мы слышали о нем, это старый, очень богатый, непомерно скупой человек, и при всем при том — поэт. Больница и университет в Хайдарабаде названы именем низама — Осман.

Как и в других городах, в Хайдарабаде нас вновь ждала теплая встреча с членами Общества индийско-советской дружбы. Мы побывали дома у некоторых из них и познакомились с бытом и укладом средней индийской семьи.

По обыкновению, много времени мы уделили знакомству с Хайдарабадским университетом. В нем обучаются двенадцать тысяч человек. Две тысячи из них — девушки. Основан университет в 1918 году. Профессора получали образование как в Индии, так и за границей — в Англии, Франции, Германии. Плата за обучение — сто двадцать рупий в год.

За полдень мы пошли на встречу со столпами города. За столом завязалась оживленная беседа. Рядом со мной сидели местные министры. Их оценки положения дел в штате весьма примечательны.

Оказывается, здесь бытуют четыре языка: урду, телугу, маратхский, каннада. Однако все деловые бумаги в министерствах и ведомствах ведутся только на английском языке. Низовые организации переписываются и на местных языках, но, сносясь с высшими инстанциями, переходят на английский.

Суд и следствие ведутся по английскому правовому образцу. Конечно, при этом учитываются особенности местных религиозных верований, обычаи, освященные древним феодальным правом. Учитываются также и законы шариата — мусульманский, весьма непримиримый к другим свод правил. Все это получает оригинальное истолкование в духе английской правовой школы и запутывает индийское право до предела.

Так, например, шариат разрешает многоженство. Английское законодательство в Индии так же разрешало его мусульманам-индийцам, но запрещало другим. Подобным же образом «выборочно» были узаконены и правила других религий. В результате получилась такая мешанина прав, зачастую взаимоисключающих друг друга, что разобраться в правовом кодексе и для простого смертного, и для юриста — головоломное дело. Таково колониальное наследство.

Из дней в Хайдарабаде особо памятным был день посещения величайших памятников древности — Аджанты и Эллоры.

К Аджанте мы ехали на автомобилях три часа, под конец — по безлюдной горной дороге. Дорога бесконечно петляла, упрямо лезла в горы, а над ней нависали непроглядные темно-зеленые джунгли. Иногда она ползла по узким естественным и искусственным карнизам, над бездонными пропастями, рассеченными кривыми саблями рек. Есть в этих краях озеро Вагора. На языке маратхи

«ваг» означает тигр. В окрестных горах до сих пор водятся тигры. Тигры и дали имя озеру.

Неподалеку от Аджанты мы оставили машины у небольших домиков-гостиниц и пошли дальше пешком. Асфальтированная пешеходная дорожка вела круто в гору. На опасных участках были устроены ступени и перила. По этой дороге-лестнице мы взобрались на перевал, и нам открылись зияющие входы в храмы-пещеры Аджанты.

Нас сопровождал не то археолог, не то искусствовед; его рассказ звучал, как сказка. Храмы-пещеры Аджанты вырублены в цельном скальном массиве. Их двадцать девять. Самые древние из них начали создаваться еще во II веке до нашей эры. Самый поздний был закончен в VII веке нашей эры. Таким образом, перед нами были памятники труда и гения девяти веков!

С VII века влияние буддизма в Индии начинает резко ослабевать, и храмы-пещеры приходят в упадок. На долгие века об этих удивительных творениях словно забывают. И только в 1819 году группа военных, охотясь в здешних местах, случайно наталкивается на храмы-пещеры и вновь открывает их человечеству.

Обшарив их и увидев замечательные фрески и скульптуры, охотники срочно уведомляют об этом Ост-Индскую компанию. Аджанта попадает в сферу внимания «Королевского общества» Великобритании. Фергюссон, Грифиц, леди Херинген и другие пишут об Аджанте исследования. В трудах Оксфордского университета упоминается об Аджанте. В 1914 году в Хайдарабаде организуется общество по изучению храмов-пещер. Позднее, в 1950 году, эти памятники переходят под защиту государства, и правительство шлет средства и специалистов на их восстановление и охрану. Сейчас полным ходом идут реставрационные работы. Обновляются древние фрески. Помогают их восстанавливать приглашенные из Италии консультанты.

Аджанта — памятник не только высокого искусства и щедрого таланта древнеиндийских мастеров, но и свидетельство величия их духа. Были целые династии художников, работавшие в храмах-пещерах Аджанты. Нередко на протяжении нескольких поколений они трудились над одной росписью или одной скульптурой. Люди источили крепчайшие скалы, высекли в камне пещеры, изваяли скульптуры и барельефы, расписали стены и потолки

изумительными красками, потратив на это девятьсот лет.

Из двадцати девяти храмов пять посвящены собственно Будде. В остальных жили монахи и жрецы. Расписаны все храмы. Самые замечательные росписи оказались в первом, шестнадцатом и семнадцатом храмах. Самые древние храмы — с восьмого по тринадцатый. Но, пожалуй, более всех поражает храм номер один.

В самом центре скалы, высоко над долиной, чернеет вход в эту пещеру. Но едва вы проникаете внутрь, вы забываете о том, что находитесь в каменной толще. Перед вами большой круглый зал, купол которого уходит куда-то бесконечно высоко вверх. Есть в храме боковые приделы, все они заполнены скульптурами и стенной росписью. Вырубленные в камне лестницы тоже уводят круто вверх. Полы в храме тщательно отполированы и блестят, как зеркало. Глядишь на отражение на полу и теряешь ощущение пространства, кажется, что ты плаваешь в воздухе, в огромном зале без потолка и пола.

Фрески настолько интересны и хороши, что поистине разбегаются глаза. На одной из фресок изображен Будда, сидящий у подножия дерева и ждущий просветления. Тем временем демон пытается совратить Будду с пути истины, то соблазняя его целым сонмом красавиц, то пугая всяческими ужасами. Но Будда тверд в вере. Исполняя данный обет, он не возвращается даже к родной матери.

Вспоминается удивительная фреска в Римской Сикстинской капелле, созданная на ту же тему итальянцем Микеланджело спустя многие века. Невольно возникает мысль о связи религий, о преемственности искусства. Я думаю вернуться к этому вопросу, когда буду рассказывать о поездке в Рим.

А сейчас я смотрю на девушек, окружающих Будду, и по их прическам и одеяниям пытаюсь угадать, из каких они стран. Говорят, что всего во всех храмах изображено двести сорок различных женских причесок. У дьявола, совращающего Будду, в каждой пещере свое лицо. Ни одна из пещер не повторяет другую.

По словам сопровождавшего нас специалиста, самым выдающимся и самым ценным считается изображение Будды, сидящего с цветком лотоса в руках. Эта фреска, может быть, лучшая в мире. Глаза Будды написаны так, что, кажется, они смотрят прямо тебе в душу, видят тебя

насквозь, постигают твою печаль и твои горести, твою радость и твои сомнения. Мы стояли перед фреской, и Будда смотрел в упор на нас. Мы зашли справа, и Будда не только лицом, всем телом повернулся к нам, мы зашли слева — то же самое. Один из удивительнейших секретов древнеиндийских мастеров.

Правда, наряду с прекраснейшими фресками и скульптурами храма номер один, мы видели и весьма посредственные росписи стен и грубые изваяния. Подвижники-монахи делали эту работу не за страх, а за совесть, не за земные блага, а за небесные, и труд заменял им молитвы и посты. Но степень мастерства и таланта была не у всех одинакова...

Вернувшись в Хайдарабад, мы поехали в другое знаменитое место — в Эллору. Когда в Индии речь заходит о великих памятниках древности, прежде всего называют Аджанту и Эллору. Эллора сосредоточила в себе памятники и буддистской, и индуистской религии, и джайнизма.

Среди храмов Эллоры особняком стоит один, индуистский, под названием — Рай Шивы. Это памятник VIII века.

Храм вырублен в цельной скале, подобно храмам Аджанты, но уже не монахами. Индуизм не признает монашества. Храм создан по повелению некоего магараджи. Семьдесят лет, денно и нощно, трудились его подданные, увековечивая в камне бога Шиву и других богов индуизма. Из подневольного труда родилось великое искусство. Здесь работали сотни и тысячи вдохновенных народных талантов, создавая нетленную славу истинному богу этой земли — народу Индии.

Представьте себе утес высотою с пятиэтажный дом. В его толще храм. Сверху донизу, снаружи и внутри он покрыт изумительными по красоте и совершенству барельефами, изображающими подвиги и благие деяния богов. Наружные стены храма несут на себе множество балконов, колонн, окон, дверей, также вырубленных в скальном теле. У основания храма стоят гигантские звери, слоны и львы. И все это обрамлено причудливыми сплетениями каменных кружев. Даже водостоки, врезанные в наружные стены, составляют деталь единого художественного целого.

Когда входишь внутрь храма, поражаешься его глубине, высоте... Не верится, что это немыслимо-титаническое сооружение вырублено в цельном каменном массиве.

Возникает благоговейное чувство. Вы находитесь в просторном зале громадного дворца. Только весь обычный дворцовый интерьер — колонны, лестницы, стены, пол, потолок — здесь не собран по частям, а вырезан из цельного камня. И при том — ничего тяжеловесного. Храм словно взлетает в небо, настолько изящна, стройна необыкновенная постройка.

Вся эта каменная громада читается, как большая, красочно иллюстрированная, сказочно интересная книга. Это уже не просто камень, а каменный дастан — поэма. Это воплощенная в камне «Махабхарата». По барельефам храма можно читать религиозно-героические сказания и песни «Махабхараты». Но можно изучать и жизнь древней Индии, с таким тщанием, с такими живыми подробностями «выписаны» боги, люди, звери, конные колесницы...

Искусство скульптуры, барельефа, орнамента доведено здесь до высшего совершенства. Грандиозные каменные картины связаны между собой в единый сюжет, а вся эта гора-монолит выступает, как изумительно цельный, живой организм.

Помимо храма «Рай Шивы» в Эллоре имеется еще семнадцать его индуистских собратьев. Здесь, как и в Аджанте, есть двенадцать буддийских храмов-пещер. Буддийские считаются самыми древними. Есть еще шесть храмов джайнистов. Поразительное собрание, целая коллекция уникальных памятников. Несравненный зодчий и ваятель — индийский народ вдохнул жизнь в камень. Великий труд и высокое мастерство индийцев изваяли из камня поэзию. В Аджанте и Эллоре мы слышали, как поют камни.

СПОРЫ В БОМБЕЕ

Наше путешествие близится к концу. Вылетев из Хайдарабада, мы приземляемся в Бомбее.

Это один из крупнейших городов Индии, второй по величине после Калькутты. Здесь живет около трех с половиной миллионов человек. Бомбейский порт считается одним из крупнейших портов мира; в истории мировой торговли он занимает особое место.

Среди индийских городов Бомбей кажется самым новым, самым молодым. Он расположен на острове. Ширина

острова — одна-полторы мили, длина — одиннадцать миль. Через залив, с острова на материк, переброшен большой мост. Место для города неожиданное, настолько оно живописно.

В Бомбее мы задержались дольше, чем в других городах. Мы словно перестали торопиться и вглядывались в лицо города, в лицо страны уже прощальным взглядом. Губернатор Бомбея устроил небольшой прием, по протоколу — завтрак, и был с нами очень любезен. Про город свой, особенно не вознося его, особенно не браня, он сказал:

— В Бомбее много хорошего и много плохого.

Простившись с губернатором, мы поехали в самое крупное учреждение Бомбея — студию художественных и документальных фильмов. Индия выпускает большой поток кинопродукции. Нам сказали, что в текущем году на экраны кинотеатров выйдет до двухсот художественных фильмов. В Индии два крупных киноцентра. Первый — Мадрас, второй — Бомбей. Производство кино частично в руках государства, частично в руках частных предпринимателей.

Кинопрокат в Индии имеет свои особенности: просмотр фильма длится три-четыре часа, причем с антрактами, как представление в театре. Театра в стране нет, и народ с энтузиазмом принимает кино — не только художественные фильмы, но и документальные.

Кинематограф в Индии, однако, забирает слишком большую силу; конечно, кино помогает пропаганде литературы и искусства, но похоже на то, что литература и искусство попадают в чрезмерную зависимость от кино.

В студии нам показали несколько интересных документальных фильмов.

Нам понравился фильм о научной экспедиции в горы Непала, о буддистах, жителях высокогорных плато, о музыке и танцах далекого края. Жанровые и этнографические кадры подсмотрены и схвачены зорким внимательным глазом. Другой фильм был о городе веры — Бенаресе, о его достопримечательностях; об ученых монахах из Китая, об их странствиях по свету, о том, что они видели в этих странствиях. И, наконец, третий — о преобразовании природы, о том, как настойчиво врубаются люди в горы, строят дороги, каналы, возводят электростанции, о том, как люди, вооруженные техникой, побеждают природу.

Таким образом, как мы видим, документальные фильмы далеки от развлекательности, они серьезны и несут определенный идеологический заряд.

Вечером мы всей нашей делегацией были на большом приеме, организованном Обществом индийско-советской дружбы. «Под крышами» Бомбея живет много известных деятелей культуры Индии. И тут много наших друзей. Это прежде всего — доктор Балига, председатель Общества индийско-советской дружбы, известный писатель Мульк Радж Ананд[1], популярнейший у нас в стране киноактер Радж Капур, Ходжа-Ахмад Аббас, писатель и сценарист, а из поэтов: Али Сардар Джафри и многие, многие другие. На приеме было людно. С горячими речами выступили Балига, Мулк Радж, Али Сардар Джафри.

Далее побывали мы за городом на даче в гостях у Ходжа-Ахмад Аббаса. Там также собралось много людей. Писатели, поэты, кинорежиссеры, артисты. Беседуя с литераторами, я поинтересовался, кого они знают из наших писателей и поэтов. Как и следовало ожидать, первым было названо имя Маяковского. Без особой надежды на успех я спросил:

— Джамбула вы знаете?

Но сразу три поэта во главе с Али Сардаром отозвались утвердительно. И тут же я услышал на языке урду, в стихотворном переводе, «Новый закон» Джамбула. Читали поочередно все трое, читали с подъемом.

Между прочим, в разговоре коснулись одной щепетильной темы. Мы были в гостях у обеспеченного писателя, но один из гостей заметил мне по секрету:

— Сейчас для меня главная забота — иметь на хлеб.

И он был не один в таком положении.

— Иногда нам удается найти место в кино, тогда наши дела поправляются, — говорят бомбейские поэты. Им достается особенно трудно.

Примерно в полночь, возвращаясь от Аббаса, мы въезжали в город. Мы ехали к отелю «Тадж-Махал». На большой улице полиция остановила машину, в которой сидели Сурков, я и Мульк Радж и стали ее обыскивать. Открыли задний багажник, все там перерыли и, ничего не найдя, стали рыться внутри машины.

---

[1] Мульк Радж Ананд в 1972 году переизбран президентом Индийской академии изящных искусств.

«Что это значит?» — спросили мы. «Это сухой закон в действии», — ответил Мульк Радж. Полицейские искали запрещенное здесь спиртное. Однако, подумали мы, в Бомбее все же понадобился такой запрет.

Я уже говорил, что за время нашего «хождения по Индии», пусть краткое, мы не видели пьянства. Стало быть, в Бомбее оно было? И, оказывается, такое угрожающее, что власти ввели в городе сухой закон. Мысленно я сказал себе, что Бомбей — не индийский город.

Ночью Бомбейская бухта, подобно гигантскому изумруду, излучала мириады сверкающих искринок. Но лицо этого большого приморского города, пожалуй, не столь привлекательно. Стоя на перекрестке мировых торговых путей, Бомбейский порт, как гигантский котел, вбирает в себя многие богатства и многие пороки и недуги мира.

— Индию называли бриллиантом в английской короне, — говорил нам Мульк Радж. — Сто девяносто лет сюда ездили страстные любители делать деньги. Вот и Бомбей — из тех городов, в которых делают деньги. Тут нет других помыслов и побуждений, тут все устремлено к тому, чтобы делать деньги. Это город с характером купца и грабителя, накопителя бешеных капиталов. Это бывшие колониальные ворота Индии.

Мне понравилась горькая прямота этих слов.

Дни в Бомбее вообще запомнились откровенностью наших бесед с друзьями, тем мужеством взаимного доверия, которое позволяет видеть истину и оставляет след в сердце.

До наших дней бытует в Индии разделение на касты, уродливое детище средневековья, которое любовно пестовал колониальный режим. Неру неоднократно заявлял, что его правительство и его партия ставят своей целью ликвидацию каких бы то ни было каст в Индии. Находятся, однако, и такие политические деятели, которые хотят приукрасить и сохранить кастовую иерархию в Индии.

Касты исстари делили индийское общество на четыре неправомерные и неравномерные части. Первые на кастовой лестнице — брахманы, духовенство. Вторые — воинское сословие; третьи — торговое сословие. Четвертые — черный рабочий люд, социальные низы. Но есть в Индии немалая часть народа, которую ставят еще ниже и которая влачит поистине рабскую жизнь, — это несчастные отщепенцы, неприкасаемые, обреченные от рождения до смерти на презрение и бесправие.

Доля неприкасаемых беспросветна, они ничему не хозяева в своей родной стране. Им нет доступа в нормальную человеческую жизнь, их уподобляют домашним животным. И если достается им людская работа, то самая грязная и грошовая — подметание улиц, сбор тряпья, уборка отхожих мест.

В городах это — нищие. Это они, разутые, раздетые, изнуренные голодом, бродят по улицам тысячными толпами, ночуют под открытым небом, у мраморных храмов и дворцов. В деревнях их положение несколько иное. А в городах кастовое расслоение по сей день резко и непримиримо. Этот тугой узел затягивался веками, и развязать его не просто. Индийская религия, столь терпимая к другим религиям, освящает и узаконивает кастовую рознь, опирается на нее и питается ею. Друзья говорили нам об этом с болью.

Со слов Неру мы знаем, как много времени и сил Ганди отдал агитации в пользу неприкасаемых. Пройдя пешком по всей стране, побывав среди всех сословий, Ганди своим горячим ярким словом привлек всеобщее внимание к судьбе обездоленных. Он ставил их в один ряд со всеми людьми, требовал для изгоев человеческого места в жизни и, по справедливости, всех общественных прав. У Ганди не было иных средств, кроме проповеди.

Однако кастовая рознь уничижает не только неприкасаемых, то есть людей, стоящих вне каст. Она разделяет непроходимой пропастью сами касты. Девушка и юноша из разных каст, согласно религиозным догмам, не имеют права даже есть из одной посуды, не говоря уже о браке. Посуда, из которой ел и пил один, считается осквернённой для другого. Кастовые предрассудки недалеки от фанатизма. Нам рассказывали о том, какой дикий случай имел место всего три месяца тому назад. В газетах была описана трагедия одной, казалось бы, культурной семьи. Умер индийский генерал, и его тело предавалось сожжению. Жена генерала, женщина образованная, явилась на церемонию и, упав на тело мужа, выстрелила в себя, чтобы сгореть вместе с ним на одном костре. Обряд сати — самосожжение на погребальном костре мужа — запрещен в Индии в 1829 году, но вот какие рецидивы, оказывается, возможны более ста лет спустя. Наш друг, писатель, рассказывал, что в семье его родного брата ощущение кастовой принадлежности пока еще весьма живо.

Внутри каст так же имеется своя сложная иерархия, как и во всех религиозных сектах, а сект в Индии бесчисленное множество. Индия полна всевозможных иерархий.

В Бомбее наше внимание привлекли парсы. Это по большей части торговцы, хозяева домов и магазинов. Гостиница «Тадж-Махал», в которой мы жили, принадлежала им. Они составляли свою секту и жили по своему укладу и обычаю. Это огнепоклонники. Свою веру они принесли из Ирана, откуда в незапамятные времена переселились в Индию, спасаясь от религиозных преследований. Судя по всему, это люди способные и предприимчивые. Их женщины носят белые сари, обшитые серебряной и золотой тесьмой.

Нас заинтересовал один их обряд, от которого веяло глубочайшей древностью. Это похоронный обряд.

У подножья Малабарских гор, под Бомбеем, есть высокий холм, названный «Безгласным минаретом». В закрытых машинах парсы подвозят к этой высоте своих покойников. Быть здесь имеют право только мужчины. Они прощаются с телом покойного и передают его в руки жрецов, строго блюдящих порядки «Безгласного минарета».

Жрецы выносят покойника на плоскую вершину холма. Здесь, раздев его, отрезают суставы пальцев рук и ног и выпускают кровь. Рассекают и раскрывают грудную клетку. Потом выпускают «святую» курицу, и она выклевывает мертвецу глаза. На холме есть сухой колодец, у колодца и оставляют труп.

После полудня сюда слетаются черные стервятники. С утра они обычно держатся у городских боен. А после полудня собираются на вершине «Безгласного минарета» и набрасываются на труп, накрывают его сплошной дерущейся массой. Часа через два от мертвого тела не остается ни кусочка мяса, ни капли крови.

Скелет лежит еще некоторое время под палящими лучами солнца. У «Безгласного минарета» стоит мельница специального назначения. Когда кости умершего высыхают, на вершину холма поднимается самый молодой мужчина из близких покойника. Он относит скелет на мельницу и там перемалывает его. Собрав муку, относит и высыпает ее в сухой колодец на холме. Дождевая вода должна растворить эту муку и унести в море...

Побывали мы и в районе бомбейских боен. И опять, как и в Калькутте и в Мадрасе, с содроганием увидели рабочие кварталы, лачуги, лохмотья, беспредельное море нищеты.

Бездомные, неприкаянные люди живут на голой земле под деревьями. Повсюду боязливые взгляды и протянутые за подаянием руки. Достаточно подать одному, как тебя со всех сторон мгновенно окружают десятки, не давая двинуться с места. Голодные, изнуренные, дети, полуживые мужчины и женщины. Хочется отдать им все, что имеешь. Такую бездну нищеты трудно даже вообразить. Мы ее видели воочию возле бомбейских боен. В лачугах, в лохмотьях, в безысходном отчаянии угасала жизнь множества людей, гибли судьбы, любовь, таланты, — это невозможно забыть. Казалось, что мы попали в потусторонний мир, в преисподнюю, полную адских кошмаров. Но этот ад был на земле, и он был страшней подземного.

В Бомбее есть знаменитый висячий сад. Он разбит на мосту через речку, дающую городу пресную воду. Мост очень широкий, просторный. Ступая по земле, покрытой травой, цветами, кустами и деревьями, забываешь, что ты на мосту. Индийские мастера-садоводы сделали из трав и цветов чучела животных, удивительно живые и натуральные. Высоко на ветке качается павиан, под ним поднял хобот слон, на слона уставил рога дикий буйвол, другой буйвол впряжен в соху, его погоняет крестьянин. Картина занимательная — глаз не оторвешь. Зелень переливается красками, не блекнущими ни зимой, ни летом. Сад поистине сказочный, райский сад.

Неподалеку от берега, на виду у города, поднимается из морских вод приметная скала. В скале есть древняя пещера. Перед входом в нее стоят слоны, искусно высеченные из камня, и потому эта одинокая гора, окруженная морем, называется слоновой пещерой — Элефантой. В Бомбее много таких красот и достопримечательностей.

Полдня мы осматривали молочное хозяйство города. Оно огромно. Если сложить молочные хозяйства многих крупных городов мира в одно, то, пожалуй, оно сравняется с бомбейским хозяйством. Нам показывали полностью механизированные цеха, мы видели механизмы в действии. Есть и такое в городе Бомбее... Богат город Бомбей. В нем найдешь все, чего ни пожелаешь.

«В Бомбее много хорошего и много плохого», — эти слова мы услышали в день приезда в город. Услышали мы их и в день отъезда...

* * *

В заключение я хочу вернуться к нашим беседам с друзьями в Бомбее — о судьбах индийской культуры. Добрая память осталась у нас об этих людях светлых помыслов и глубоких раздумий и об их душевном волнении, которое мы искренне разделяли.

Кинематограф, говорили нам, делается в европейском стиле и вкусе. Есть здесь сильная сторона. Но есть и угроза подражательства. Подражательство проникает как в сферы искусства, так и в собственно быт, особенно городской. Не секрет, что в архитектуре, например, заметно влияние европейского декаданса. Надо искать свои пути.

Англичане всеми силами старались не дать в Индии ходу русской культуре. «С Максимом Горьким, — сказал наш уважаемый друг, — я познакомился впервые только тогда, когда попал под арест и сидел в тюрьме, там же — и с Карлом Марксом». Англичане тормозили развитие индийской культуры, а поэтому она развивалась однобоко. По сути, она и не развивалась, ибо не создавала ничего нового. В течение двухсот лет она пребывала в состоянии застоя, а подчас и делала шаг назад. Индийская культура таит в себе большие богатства, много своеобразия. Но она замкнута, аморфна, впала в спячку.

Конечно, сыграло свою роль языковое многообразие Индии, ставящее писателей в тяжелое положение. Они писали на английском и пенджабском. Английские хозяева считали, что индийские языки бедны и убоги, поскольку это языки слуг и холопов, которые не в силах создать литературу, обогатить цивилизацию. При англичанах индийская культура вечно оставалась бы на уровне времен феодализма.

Нельзя считать, говорили друзья, что английская культура и английский язык принесли вред Индии. Язык колониального чиновника и язык Шекспира и Диккенса — это два разных языка. Великие люди Индии, предводители народа, такие, как Ганди, Неру, Кришан Чандр, активно пользовались английским языком. Получив образование в английских школах и колледжах, они на ан-

глийском языке рассказали всему миру о многотысячелетней истории своего народа, о его тяжелой судьбе, о его страданиях и печали. Но вместе с тем они блистательно писали и пишут на крупнейших языках Индии, на своих родных языках, показывая, как богаты и ярки эти языки; их труд, их творчество — пример для целых поколений.

Прежде о языке хинди говорили, что в нем «красоты нет». Говорили, что язык урду не таков, поскольку с XVI века на урду создана чудесная классическая поэзия. Выделяли и достоинства бенгальского языка. А на языке хинди нет выдающихся литературных произведений. Как государственный язык, хинди — одно, как литературный — другое... Понятно, что литературный язык не может быть установлен посредством государственного акта, ибо растет и развивается из поколения в поколение, веками умножая свое своеобразие, свои традиции. Языки юга не связаны с санскритом; они чрезвычайно самобытны. И писатели вряд ли откажутся от родных языков. Это равнозначно самоубийству.

Несомненно богат литературными традициями бенгальский язык. На этом языке писал Рабиндранат Тагор и целая плеяда его последователей, создавших значительные произведения. Им принадлежит большая заслуга — они явились зачинателями жанра романа в литературе Индии.

Главенствующим жанром в индийской литературе по сей день остается поэзия. Поэты Индии плодовиты. Но и в этом излюбленном жанре нет движения, новые размеры и ритмы, повые формы стихосложения не прививаются. Ведущими размерами поэзии на языке урду, например, по-прежнему остаются бент, газель и рубаи.

Стихи меньше издаются, больше исполняются. На многолюдных праздничных собраниях перед аудиторией в пять—десять тысяч человек поэты читают свои произведения. И тут подчас решающую роль приобретает не достоинство стиха, а исполнительское мастерство поэта. Сплошь и рядом читаются стихи низкого качества, любительского пошиба, при самой горячей и доброжелательной реакции празднично настроенной публики. В таких условиях трудно говорить о художественном уровне поэзии. Литературной критики в Индии, считайте, вообще нет. И многоязычной поэзии не легко подняться до высот общеиндийского значения.

В новой молодой литературе страны набирает силу художественная проза: в основном — это короткие рассказы, новеллы. Жанр рассказа пришел в Индию из Европы и вызвал к жизни литературные журналы. Значительная часть рассказов написана в реалистической манере, и это обнадеживает. Что касается романа, то пока что время романа еще не пришло, сегодня в Индии нет условий для возникновения романа. Так говорили нам друзья, словно забывая о существовании и традициях, например, бенгальского романа — от Тагора до наших дней.

Любопытно они аргументировали свое неожиданное утверждение, с которым трудно согласиться, трудно смириться. Мы еще не вышли из феодализма, мы во власти религии, говорили они. Общественные и семейные отношения необычайно осложнены и запутаны. Разобраться в этом клубке, проникнуть во всю толщу противоречий — головоломная задача и для политика, тем более для романиста.

Если взять вместе трех таких мыслителей и художников, как Диккенс, Лев Толстой и Шолохов, и сосредоточить мощь их талантов в одном человеке, то, может быть, этот человек, этот гений сумел бы приблизиться к истине и раскрыть в романе все перипетии индийской действительности. А посему некое неопределенное время нужно довольствоваться малой формой, видите ли, новеллой, способной отобразить отдельные грани и черты жизни.

Слабость такой «теоретической» поэзии очевидна. Странным и даже обидным казалось такое скептическое отношение к потенциям своего великого народа. А не отрыжка ли это все того же постылого колониального уничижения? — думал я. Мне неловко было говорить о том, что мы, казахи, за кратчайший исторический срок создали литературу, в которой едва ли не первую скрипку играет именно роман. Правда, создали в условиях социализма. Немаловажное уточнение.

Возник все же спор, и доводы литературные потонули в доводах политических.

Мы сошлись на том, что народу Индии нужна грамота и много, очень много хороших книг. Нужны книги, которые воспитывали бы, вели за собой. Грамотность в сегодняшней Индии крайне низка. Преступное распространение получила в стране американская псевдолитература, живописующая драки, грабежи и убийства, с упоением воспевающая жестокость, садизм, дикость и безумие американ-

ского образа жизни. Эта макулатура переводится на все индийские языки. Если раньше ее сочиняли и пускали в оборот английские и американские писаки, то сейчас в поисках легкого заработка иные индийские авторы пустились им подражать и тоже «творят» халтуру. Их книги издаются повсеместно огромными тиражами, продаются по дешевке. Цена книги не превышает одной рупии. Продают их и за четыре-пять ан (16 ан — 1 рупия).

Да, нужна Индии настоящая книга, правдиво и ярко рисующая жизнь, настоящую жизнь, книга, несущая истинную культуру и гуманизм, ведущая к светлым идеалам.

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ

И вот мы опять в столице, в Дели, в знакомой гостинице «Хайдарабад Хауз», в тех же номерах, в которых жили в первые дни нашего путешествия, и у нас такое ощущение, что нас встретил старый знакомый, что мы вернулись в обжитые места. В эти последние дни мы получили полную свободу... Наши друзья заявили, что хождения по расписанию и визиты по протоколу закончились и мы можем передохнуть от длинных дорог. Все мы порядком устали. Я сам себе казался лошадью, которая долго, долго шла, подметая хвостом землю, и наконец дошла, и с нее сняли дугу и хомут. Однако у всех нас приподнятое настроение, внутри все поет. Мы собираемся домой.

Напоследок мы побывали в столичном университете. В гуманитарном колледже была развернута выставка советской книги. В этом колледже успешно работает отделение русского языка и литературы, которое собрало около ста индийских студентов. Они и подготовили выставку.

Как мы и ожидали, на выставке было представлено много книг, и не только советских русских писателей, но и целого ряда наших национальных писателей, переведенные на русский язык. Алексей Сурков выступил с речью, я также. Мы поблагодарили и поздравили руководителей университета и колледжа. И нас не упрекнули в том, что мы повторяемся, когда мы вновь и вновь говорили о дружбе и сердечном расположении друг к другу советского и индийского народов.

В Дели состоялся большой всеиндийский съезд поэтов и писателей, пишущих на языке урду. Он прошел очень своеобразно.

Еще в Бомбее нас предупредили, что поэты будут читать на съезде свои новые произведения. Для того он и собирается. Мы спросили, похожи ли эти чтения на айтысы казахских акынов. Нам ответили, что соревнования, подобные айтысам казахских и киргизских акынов, устраиваются в селах, и они очень популярны. Здесь, в Дели, будет несколько иначе.

На поверку съезд оказался совсем не таким, как мы ожидали, он был не похож ни на наши айтысы, ни на наши съезды. Не было ни вступительных обзорных докладов, ни прений, ни заключительных слов, подводящих итоги. Даже об открытии съезда никто не объявил. И походил он более на концерт, чем на рабочее совещание.

Открылся он поздно вечером и собрал поэтов и писателей со всей страны. Нас с Сурковым повез на съезд Али Сардар Джафри. Еще издали было видно, какое это большое собрание. Множество машин... Масса людей... В городском парке специально для такого торжества был установлен огромный шатер на манер цирка шапито. Под шатром установлена сцена и длинные ряды скамей. До отказа заполненные людьми, они походили на морские волны под свежим ветром.

Сцена была покрыта коврами, на коврах подушки для сидения. Установлено несколько микрофонов. Устроители съезда сидели на сцене на подушках и просто на ковре, поджав под себя ноги. Зал под шатром великолепно освещен, освещение — дневное. Купол усыпан огнями, как стаей птиц, и невольно привлекает внимание. Столбы яркого света вдоль и поперек разрезают залу. А в зале — три тысячи человек.

И вот стали выходить на сцену, к микрофону, один за другим поэты. Читали они вдохновенно, темпераментно, показывая не только свое поэтическое мастерство, но и актерский дар, дар чтеца. И, конечно, было тут необъявленное соревнование, хотя и без того прямого, подчас грубоватого соперничества, как на айтысах.

Язык урду имеет много общего с персидским языком. На съезд приехали поэты из Ирана. Они прочитали свои стихи на персидском языке и были поняты всем залом.

Среди множества поэтов на съезде были и женщины. Одна из них, одетая по-европейски, но с головой, покрытой белым шелковым платком, с подъемом читала свои стихи. Она не стеснялась, не жалась, чувствовала себя

свободно, непринужденно. Подобно другим, она сняла возле сцены обувь и босиком подошла к микрофону.

Выступали именитые крупные лирики, но стариков было мало. Немного было и молодых. Больше всего было поэтов и писателей среднего поколения, — они заметно культурней и грамотней старых мастеров, сильнее в своих творческих поисках. Это поколение играет решающую роль в развитии литературы.

Все читали нараспев, хотя и без музыкального сопровождения, как это бывает на айтысах. Вот такая традиционная декламация, видимо, уходит корнями в глубокую старину. Эту классическую традицию породило отсутствие грамотности — некогда и среди поэтов, а особенно среди слушателей.

Надо было видеть, как горячо принимали поэтов! Когда они читали, трехтысячная аудитория замирала. И когда стихи нравились, а часто и захватывали публику, тишина взрывалась громким шумом одобрения, криками «вава!».

Чудесный этот вечер затянулся до поздней ночи и был полон радости, нежности, бурных восторгов и пламенного вдохновения.

Выпала лишь одна малоприятная минута, когда на сцене появился странно возбужденный молодой человек. До него все выступления молодых, их внешность и одежда, манера вести себя и читать были безупречны. Но уже путь этого юноши на сцену показался нам подозрительным. Он шел к микрофону, как эквилибрист по канату. Шапка на голове еле держалась. А затем его подмигивания, внезапные выкрики, переход на пение на разные голоса подтвердили наши опасения. Со всех сторон полетели возгласы возмущения. Торопливо и невнятно дочитав стихи, юнец убрался со сцены.

В Индии к пьяному человеку относятся очень презрительно. Ни одно животное не вызывает такого отвращения. Однако я все же увидел в Индии одного пьяного, и то, что он оказался поэтом, было совсем не утешительно.

Съезд продолжался еще несколько дней, сперва при большой аудитории, а потом в более узком кругу, где принимали наиболее полюбившихся поэтов, земляков и приезжих. Мы с Сурковым участвовали в одной из таких встреч, беседовали о русской поэзии и национальных советских литературах, обменивались мнениями насчет тех произведений, которые в Индии известны.

В последние дни в Дели нам довелось увидеть построенный Великими Моголами мазар с белым куполом. Это мазар сына Бабура — Хумаюна. Сделан он из розового песчаника; плиты красного песчаника перемежаются с плитами гранита. А высокий купол мазара сложен целиком из белого мрамора. Старинное присловие гласит: «Тадж-Махал блещет женской красотой, а мазару Хумаюна присущи все красоты». Как много в Индии творений рук человеческих, думал я, которые блещут женской красотой и которым присущи все красоты!

Наше пребывание в Индии завершилось памятной встречей на прощальном приеме с Джавахарлалом Неру.

От нашего имени Сурков выразил Неру сердечную признательность. И дал такую клятву:

— Насколько у нас хватит сил, мы, каждый в своей области, в своем искусстве, будем укреплять индийско-советскую дружбу. Все, что мы видели в Индии, все, что узнали о ее великом народе, мы правдиво расскажем нашему народу.

В ответ на это Неру сказал:

— Я благодарен вам за такое хорошее намерение. Люди, которым дано быть посредниками между народами, должны чувствовать особую ответственность, великий долг, и я рад вашему обещанию. Чистые помыслы требуют чистой души. Большая дружба достойна ответной большой дружбы. Вы помогаете одному народу познать другой. Пусть же широкая дорога взаимных контактов будет желанной и перспективной дорогой.

Мы долго были под обаянием этой встречи. Нам запомнилось доброе и мудрое напутствие.

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Путь из Дели в Москву растянулся на пять дней, как и путь из Москвы в Дели. Теперь наш маршрут выглядел так: из Дели мы отправились в Бомбей, оттуда одиннадцать часов подряд летели в Каир. Из Каира — пять с половиной часов полета, и мы в Риме. Здесь мы пробыли два дня. А дальше опять — Женева, Дюссельдорф, Копенгаген, Осло, Стокгольм, Хельсинки.

Из Бомбея мы вылетели в полночь. Остаток ночи я продремал, а когда очнулся, только начало светать. Я уперся взглядом вниз, но долго ничего не мог разгля-

деть. Наконец взошло солнце, и я увидел пески, унылые серые пески, и подумал о том, как достоверно описаны подобные места в эпосах Средней Азии. Изредка попадались покатые холмы, словно острова. А пески то скручивались в бурные спирали, то катились, как морские волны, мерными рядами. И не было им ни конца ни края. Невольно возникала мысль, что эта земля истратила свои силы. Старческий, изможденный, износившийся серый лик, полный душевной печали. Ни малейшего живого движения. Все живое спряталось в ожидании ночи.

Передо мной были те самые места, о которых говорят: когда тут пролетает птица, у нее обгорают крылья, когда бежит зверь, тлеют ноги. Тут конь не пойдет мягкой рысью, не сорвет с хрустом траву. Кажется, что эта иссохшая от жажды земля никогда не напьется вдоволь воды. Только в сказках в таких местах вырастают буйные травы.

В давние времена здесь пролетала птица Самрук, волшебный ковер-самолет, в воздухе носились дивные пери, всемогущие дивы. Нет ничего удивительного в том, что человеческое воображение заселило эти края чудесами тысяча и одной ночи. Маркс говорил, что народ мечтал вернуть к жизни эту заколдованную страшным заклятием землю и создавал в мечтах такую силу, которая смогла бы одолеть черные силы и снять с земли проклятие.

Солнце поднималось огненно-злое, заливая пески слепящим светом. Куда ни посмотришь, нигде ни намека на тень. Лишь местами бледно темнеют кусты сухого ковыля. Змеятся тонкие нити русел иссякших рек. Угадываются такыры с затвердевшей гладкой поверхностью. Угнетающе долго тянется этот серый мир, он беспределен, как история земли, как бесконечное время. И возникает такое чувство, будто мы летим не над пустыней, а над веками.

От самолета до земли недалеко — мы на высоте парения беркута. Если человека оставить здесь, что с ним будет?

Однако мы летим, и земля постепенно начинает менять окраску. Как облачка в небе, мелькают нежно-зеленые пятна, напоминая цвет Аравийского моря, над которым мы пролетали. Подобно холодному лику луны в серой мгле, внезапно показываются островерхие белые холмы.

До Каира летим то над степью, то опять над песками. Проплывают одна за другой невысокие каменные гряды. Они то разрываются и разбегаются в стороны, то быстро сбегаются, толкаясь, цепляясь друг за друга; они похожи на морскую зыбь. На каменных грядах видны кровавобурые и белые потеки. Это вымоины. Стало быть, здесь бывают дожди. Человеческого жилья, однако, и здесь еще не угадывается.

До Каира всего двадцать пять минут... На гладких зеркалах такыров, в руслах высохших рек уже чаще и ярче зелень. То тут, то там, как оспины на лице рябого, выступают группки деревьев. А потом опять пошли пески. Сплошные пески. Вдруг впервые мы увидели железную дорогу. Блестящей полосой вытянулся с юга на север Суэцкий канал и тотчас стал исчезать из виду. Снова под нами бесчисленные холмы и такыры. Извилистые складки и морщины напоминают человеческий мозг.

Наконец мы приземляемся в Каире и съедаем свой завтрак.

Далее через Средиземное море держим путь в Рим. Летим над Критом. На высоте семи тысяч метров за бортом мороз — минус четырнадцать градусов. Остров Крит — горный остров, но это живые, полезные горы — они обильно поросли лесом. В их зеленой гуще вьются белые дороги. В долинах, вдоль рек, живут люди.

Итак, мы в Европе. Второго марта в два часа сорок минут мы были в Риме.

Двое суток, днем и ночью, торопливо, с жадностью, без отдыха мы осматривали Вечный город. Вначале объехали его на машинах, обозрев, так сказать, снаружи. Не знаю, много ли проку от такого «галопа по Европам». Наверное, чтобы объехать Рим на конном фаэтоне, потребовалось бы несколько дней, мы проделали это за полдня. Без спора мы сошлись на том, что такая беглость — преступление. И все же это было незабываемо. Видели мы храм Санта-Мария, известный памятник Виктору-Эммануилу, памятник славному Гарибальди и такие лики древности, как Колизей и Форум. Видели знаменитый собор святого Петра. Видели Ватикан. Побывали в парке Боргезе. И ото всего остался след в душе.

Вечером, несмотря на усталость, мы, трое любителей, пошли в оперный театр. Слушали двухактную оперу. Потом был показан одноактный балет — приятная неожиданность. Но во всех антрактах мы говорили об одном —

об увиденной нами сегодня чудесной скульптуре, созданной Микеланджело, — скульптуре Моисея.

Видели мы сегодня и широко известную церковь, связанную с культом Христа. В этой церкви есть лестница, почитаемая святой. Церковь была построена в XIII веке, а святая лестница привезена из Иерусалима во времена IV Крестового похода и установлена здесь. По преданию, на этой лестнице была пролита кровь распятого Иисуса, и потому по ней нельзя ступать ногами. Верующие входят в церковь и выходят из нее на коленях. Каждый сюда входящий должен быть скромно одет и всем своим видом выражать скорбь. Только в этом случае глас молящегося и его помыслы доходят до бога, и снисходит с неба божье благословение. На наших глазах люди на коленях поднимались по лестнице в церковь и точно таким же образом спускались по ней назад со скорбными лицами.

На другой день мы еще раз побывали на древних развалинах Колизея и Форума. Величавы мраморные колонны Форума, уцелевшие до наших дней. Видели мы место, где стояла трибуна, с которой выступали ораторы еще при Юлии Цезаре. Видели затем остатки храма Весты, построенного во времена Октавиана Августа.

Но первое место, куда влечет человека, приехавшего в Рим, — это, пожалуй, собор святого Петра. Собор грандиозен. Из его шедевров достаточно упомянуть хотя бы одну скульптуру, созданную руками Микеланджело. Она изображает сострадание — мать Иисуса Мария преклоняет колени перед сыном, снятым с креста. Худое, истощенное мукой тело Иисуса кажется маленьким и увядшим. Мария скорбит и страдает. Когда смотришь на это творение человеческого гения, кажется, трудно найти по силе что-либо равное ему. И приходит в голову греховная мысль, что это высокое и вдохновенное искусство родилось до христианской религии и оно может поспорить со всеми баснословными чудесами господа бога, которого оно возвеличило. Это искусство вечно, непреходяще. Одно его творение прекраснее другого. И как ни кратко было наше пребывание в соборе, мы заметили, что люди приходят сюда, чтобы приобщиться душой не к храму господню, а к творению Человека.

Затем мы побывали в музее Ватикана. Тут просто счету нет богатствам. Но, конечно, самая большая драгоценность Ватикана — это Сикстинская Капелла с ее изу-

мительным собранием фресок Микеланджело, Рафаэля, Ботичелли. Потрясает своей глубиной и величием поистине колдовская картина «Страшный суд» Микеланджело. Не хватает слов, чтобы выразить впечатление, которое она оставляет. Ее хочется читать и читать бесконечно, и она не будет полностью прочитана.

Самой крупной жемчужиной в этом ожерелье в свое время была божественная Сикстинская мадонна Рафаэля. Этой картине нет цены, однако она была продана в прошлом веке итальянским королем германскому королю, и тот выставил ее в Дрездене. В Великую Отечественную войну наши воины спасли Дрезденскую галерею, вырвав ее из рук фашистов. Вернувшись из Индии, я немедля пошел посмотреть в нашей столице выставленные на время сокровища Дрезденской галереи и, подобно многим в те дни, был особенно взволнован тем, что впервые увидел Сикстинскую мадонну именно в Москве.

Если меня спросят, что бросается в глаза на улицах Рима, отвечу — множество монахов и монахинь. Среди них тут не протолкнешься. Громоздкие длиннополые их одежды по-своему нарядны. Лица румяны и самодовольны. Монахи, по всему судя, частые посетители винных магазинов и, видит бог, не отличаются особой святостью, как и монашки. Это обычные смертные. И притом сытые, не чуждые ничего житейского и далекие от подвижничества.

Рим — город, мало производящий, и потому тут нет больших рабочих коллективов, зато много банков, торговли и политики. Пышно цветут в этой столице церковно-политические учреждения, а также махровый политический сорняк — фашистские банды и притоны.

Видели мы в Ватикане детей из приюта, сирот; их воспитывает церковь. Это дети простонародья, и судьба их ясна. Им не дано стать образованными людьми. С малолетства они приставлены к работе, их растят темными рабами. Глухим средневековьем веет от церковных сиротских приютов. Дети заняты черной работой, и эта работа столь тяжела, что они растут слабыми и хворыми и умирают раньше времени.

Впрочем, Ватикан воспитывает и детей богатых людей, и их судьба тоже ясна. Этих отпрысков «белой кости» ожидают мантии и кресла церковных сановников. В Ватикане много вакансий, а еще больше их по всему свету. Католичество, подобно гигантскому спруту, обни-

мает всю Западную Европу и даже Америку. Это многоопытная, высокоорганизованная мировая монополия, может быть, самая богатая и могущественная.

Дни в Риме тотчас после дней в Индии, естественно, побуждали нас на сравнения и сопоставления. Две великие культуры. Две величайшие цивилизации. Средние века в Европе и в Азии... Мысль о мировых связях и взаимовлиянии культур, прежде всего — культур Египта, Греции, Рима, Индии, ходила за нами по пятам, как тень.

В некоторых фресках Аджанты и по теме и по характеру ее выражения немало общих черт с фресками Боттичелли. Иисус в «Страшном суде» Микеланджело живо напоминает Будду раннего, когда тот в позе «уахи» отдается благим мыслям, отреченный и очищающийся от всего земного. В «Страшном суде» Иисус отстраняет от себя мать Марию, отстраняется от своих апостолов. Когда святой Петр протягивает ему ключи от рая, прося благословения, Иисус отшатывается, ища уединения. Таков и Будда в час, когда обращается в святого, отдаляясь от жены и близких. Дьявол окружает его прелестнейшими женщинами, совращая с пути истинного, но будущий бог не поддается соблазну. Эту классическую тему всех религий в самых разнообразных вариациях воплощали в своих творениях художники эпохи Возрождения даже чаще, чем художники более ранних времен.

Индийский народ вдохновенно выразил свои верования в поэтических песнях. Религиозная тема веками была главной в индийском ремесле и в поэзии, в архитектуре и в музыке, в изобразительном искусстве и театре. Но искусство, порожденное религией, возвышая бога, утверждало и возвышало вместе с тем и себя. Разве в Европе не было ничего похожего на это?

Религия древней Греции, религия религий, нашла богатейшее воплощение в искусстве. Искусство древней Греции — неисчерпаемый клад. Сколько прошло веков и как изменились вкусы, взгляды, верования, социальный строй, а оно не отжило, не потеряло своей чудесной силы, оно не «прошло». Рим создал подобные же чудеса. Что новое в искусстве может противостоять великим творениям античности, а позднее и эпохи Возрождения? Греция и Рим — как рано они начали влиять на весь мир, как долго им подражали! Классическая античная, а

затем христианская культура удивили собой молодую Европу и взяли ее в духовный плен.

В Азии был свой Ренессанс, и хотя судьбы его резко отличны от судеб европейского, хотя он был задушен и затоптан завоевателями, в азиатском Ренессансе много схожего с европейским. Чем больше осматриваешь Рим, римские древности, тем больше навевается прямых и косвенных ассоциаций. Культуры разных эпох в Индии вступали в жестокие противоречия. Одна разрушала другую. Однако в эпоху азиатского Возрождения было создано искусство Великих Моголов. И это искусство, эта древняя культура Индии имели широкие родственные связи в Египте, в арабских странах, в Иране и в Средней Азии. Не случайно относительно гробницы Тадж-Махал в Индии бытует поговорка: «Душа Ирана находится в теле Индии». Правда, дойдя до границ Европы, культура Великих Моголов нашла свое отражение только в культуре Кордовского халифата. Далее она не развивалась, создавая лишь хорошие подражания. Но и эти мировые связи и взаимовлияния культур показательны.

По пути домой остался в памяти еще наш полет из Рима в Женеву. Вначале было море... Мы пролетали над островами, обжитыми, издавна населенными. Затем, впереди, из прозрачной голубизны стали вырастать нам навстречу необычайно живописные, очень красивые горы. Это Швейцарские Альпы. Они тянутся долго, величаво теснясь, неприступные, укрытые вечными снегами. Под лучами солнца белые головы вспыхивают серебром. Могучие хребты вздымают в небо свои острые спины. Под нами места, «где не ступала нога человека». Царство безмолвных скал, ребристых стен, пустынных вершин. Снега и снега. «Отселе я вижу потоков рожденье», — сказал Пушкин о подобных местах. Все богатство Швейцарии — ее альпийские луга, земля, обильно напоенная водой, а вода — все озера, реки, родники — берут свое начало здесь, на этих высотах. И здесь я снова увидел море... Громадные изумрудно-зеленые заливы лугов, темно-зеленую гущу лесов, зелень в полном цвету. Буйные волны трав и листвы налетали на скалы и словно захлестывали их. Эта картина казалась мне музыкальной, это была музыка жизни. Можно ли найти красоту, которая смогла бы соперничать с красотой цветущей земли?

В эти минуты я думал об Алатау. Если бы возле Алма-Аты в районе пика Талгара, думал я, вдруг за-

плескалось море, неся на своих волнах корабли, — как было бы чудесно...

— Пролетаем над Монбланом, — услышали мы и тотчас увидели совсем близко самую высокую вершину Альп. Это было, пожалуй, последнее яркое впечатление на обратном пути из Индии.

Москва. Внуковский аэродром. Наконец-то мы дома. Позади примерно пятьдесят тысяч километров наземных и воздушных дорог. В добрый день, в заветный час мы спускаемся по трапу и ступаем на землю, по которой очень соскучились.

1956—1958

ПРИМЕЧАНИЯ

В 4-й том Собрания сочинений Мухтара Ауэзова входят произведения различных жанров, созданные писателем на протяжении всего его творческого пути (1917—1961): роман «Племя младое», наиболее значительные пьесы и документально-художественные очерки.

ПЛЕМЯ МЛАДОЕ

Это третий и последний, оставшийся неоконченным роман М. Ауэзова. Первые главы написаны летом 1960 года, первый отрывок опубликован в журнале «Маданиет жане турмыс» (1962, № 2). Отдельным изданием впервые опубликован в 1962 году (Алма-Ата, Казгослитиздат).

На русском языке отрывки из романа в переводе А. Пантиелева были опубликованы: «Алуа» — в газете «Неделя» (1963, 17—23 ноября), «Песня в степи» — в газете «Правда» (1964, 20 декабря). Полностью роман впервые опубликован в журнале «Дружба народов», 1965, № 1 (в переводе А. Пантиелева). В 1969 году роман вышел на литовском, молдавском, тувинском, в отрывках — на туркменском языках. Критика высоко оценила роман («Правда», 1965, 23 января).

Первоначально произведение было задумано как заключительная часть большого цикла из семи романов, отображающего исторический путь казахского народа на протяжении столетия — от феодального прошлого к социализму. Однако после завершения двух первых романов этой серии — «Абай» и «Путь Абая» — писатель обратился к заключительному звену — книге о современности, которая должна была состоять из четырех томов. Он считал неотложной задачей создание масштабного образа героя — коммуниста-ленинца. В последней, опубликованной при жизни

© Издательство «Художественная литература», 1975 г.

статье, ставшей своего рода творческим завещанием, — «Современный роман и его герой» (1961) М. Ауэзов писал: «Наш современник — человек, которому есть дело до всего, человек, сердце которого чутко улавливает звуки мира. Его касается все — чем живет страна, чем живут друзья и враги, интересует все — политика, наука, искусство, трудовые успехи и срывы, борьба за коммунизм и против колониализма... В любой нашей победе — частичка души, искра сердца каждого советского труженика».

Замысел романа относится к середине 50-х годов. Это было время, когда началось освоение целинных земель и когда особенно широко развернулась государственная и общественная деятельность Ауэзова. Писатель — депутат Верховного Совета республики подолгу жил среди своих избирателей — тружеников Южного Казахстана. Он бывал на рудниках, шахтах, заводах, целинных совхозах, отгонных пастбищах, встречался с чабанами, рабочими, секретарями обкома, райкомов. Четыре записных книжки содержат огромный документальный материал, собранный М. Ауэзовым в этих поездках.

Первоначально он публикует ряд путевых заметок и очерков: «Так рождался «Туркестан», «Кентау — венец Черных гор» и др., отдельные факты из которых писатель считал необходимым использовать в задуманном произведении — «обновить их в духе романа», как отмечено на полях рукописи. Позднее на той же документальной основе вырастает роман «Племя младое», в котором явственно ощутимо тяготение писателя к конкретному факту, к точности деталей, достоверности описываемых событий. Здесь так же, как и в «Пути Абая», широко использованы рассказы очевидцев. Не случайно также, что у многих персонажей романа были реальные прототипы. В первую очередь это относится к одному из центральных героев — секретарю обкома Нилу Карпову, который, по мысли Ауэзова, воплотил лучшие черты нового советского человека -- нашего современника. Нетрудно также угадать измененные названия мест действия, где происходят события. История создания романа отражала творческую эволюцию писателя, новые этапы его биографии, углубление исторического видения современности, усиление общественных связей художника с его народом. Роман явился «гражданским подвигом художника» (З. Кедрина).

Гражданский пафос, глубокая партийность, постановка острых общенационально значимых проблем современности, активное вторжение в жизнь — все эти особенности позволяют считать последний роман М. Ауэзова новым этапом не только в творческом развитии писателя, но и всей казахской советской литературы.

Публикуется по изданию: М. Ауэзов. Избранное. Алма-Ата, «Жазушы», 1967.

Стр. 8. *Верный* — укрепление, потом город; заложен в 1854 году. Декретом ЦИК Туркреспублики от 14 марта 1921 года переименован в Алма-Ату.

Стр. 15. *Курмангазы Сабырбаев* (1818—1889) — великий казахский композитор, музыкант, домбрист, создатель классических мелодий, борец и бунтарь. Из поколения в поколение передавались его знаменитые кюи.

Стр. 16. *Кобыз* — смычковый народный музыкальный инструмент.

Стр. 18. *Дина Нурпеисова* (1861—1955) — знаменитая казахская домбристка, композитор, ученица и соратница Курмангазы.

Стр. 22. *Чий* — род тростника.

Стр. 32. *Камча* — толстая плеть из конского волоса.

Стр. 34. *Бий* — родовой судья. Бии избирались главным образом из числа крупных представителей родовой знати.

Стр. 35. *Аруах* — дух предков; также боевой клич.

Стр. 37. *Айтыс* — традиционное песенное состязание поэтов-импровизаторов.

Стр. 39. *Тундук* — дымовое отверстие, а также войлок, закрывающий деревянный купол юрты.

Кун — выкуп за убийство деньгами, скотом, драгоценностями.

Стр. 40. *Ишан* — высокий духовный сан у мусульман; *хазрет* — святой, почтительное наименование духовного лица; *халфе* — вероучитель, ученый богослов, окончивший медресе — духовную школу; *аткаминер* — буквально: «верховой», влиятельный представитель рода, аула.

Стр. 41. *Кара-ишан* — простолюдин по происхождению, который достиг духовного сана ишана.

Стр. 42. *Шариат* — свод религиозных и житейских правил у мусульман, приобретший силу неписаного закона.

Астагфиролла — «господи помилуй».

Стр. 43. *Токал* — младшая жена.

Стр. 57. *Женге* — невестка, жена старшего брата, общепринятое обращение к старшей родственнице.

Стр. 73. *Кошара* — зимний загон с крышей для овец.

Стр. 101. *Мазар* — надгробный памятник, высокий склеп с куполом; также место захоронения «святых».

Стр. 102. *Отау* — новая юрта, которую ставят молодоженам.

Стр. 111. *Чембур* (правильнее: чилбыр или шылбыр) — веревка, которую привязывают к уздечке коня, используется как путы.

ПЬЕСЫ

Мухтар Ауэзов был крупнейшим казахским драматургом, теоретиком драмы. Всего им написано свыше двадцати пьес: трагедии, драмы, комедии. Он познакомил казахского читателя со многими произведениями русской и мировой драматургии, переведя «Отелло» и «Укрощение строптивой» В. Шекспира, «Ревизора» Н. Гоголя, пьесы Н. Погодина, К. Тренева, А. Афиногенова, А. Крона, Н. Прута.

М. Ауэзов — основоположник национальной драматургии и театра. Постановка его трагедии «Енлик и Кебек» стала первым театральным спектаклем в истории казахской культуры, а его лучшие пьесы прочно вошли в репертуар многих казахских театров. Его комедией «Айман и Шолпан» открылся первый в Казахстане музыкальный театр (ныне Театр оперы и балета имени Абая); по либретто М. Ауэзова «Калкаман и Мамыр» поставлен первый национальный балет.

В настоящем Собрании сочинений представлены шесть лучших пьес М. Ауэзова.

Енлик и Кебек

Первая пьеса М. Ауэзова и первая национальная пьеса, созданная еще до появления казахского театра. Написанная по мотивам народной легенды в 1917 году, она была поставлена в ауле жены поэта Абая Айгерим на свадьбе ее внучки. Начинающий драматург стал и режиссером спектакля. Энтузиасты из числа аульной молодежи, вызвавшиеся сыграть пьесу, были неграмотны и разучивали свои роли, повторяя текст за автором. Девушки не отважились переступить религиозные запреты и отказались участвовать в спектакле, поэтому женские роли исполняли юноши (в роли Енлик выступил юный джигит Ахмет, дядя Ауэзова, в роли матери Енлик — внук Абая). Пьеса была поставлена в двух соединенных между собой юртах. Исполнители импровизировали по ходу пьесы, сочиняли реплики, состязались в острословии. Отдельные удачные реплики и находки, рожденные во время спектакля, впоследствии были внесены автором в текст пьесы.

Об этом необычайном событии была помещена заметка в губернской газете.

Через девять лет, 13 января 1926 года, постановкой сцен из трагедии М. Ауэзова «Енлик и Кебек» начал свою деятельность первый национальный казахский театр. Решение об его

открытии было ускорено V съездом Советов Казахской АССР (апрель 1925 года).

Впервые опубликованная отдельным изданием в 1922 году в городе Оренбурге, пьеса стала одной из первых книг казахской советской литературы.

На протяжении сорока лет драматург постоянно возвращался к пьесе, углубляя ее идейные концепции, характеры, перерабатывая отдельные сцены. Известно пять ее редакций, последняя — 1956 года. Особенно значительной переработке подвергся образ старца-прорицателя Абыза, получивший иную идейную нагрузку. В последних редакциях он становится одним из ведущих героев, выразителем идей автора. Акын-мудрец, он оценивает происходящее с позиций народа, выносит приговор баям и призывает к прекращению межродовых распрей.

В последней редакции трагедия была поставлена в Казахском академическом театре драмы в 1957 году и до сих пор не сходит со сцены этого и других театров, в том числе народных. В 1961 году Казахскому академическому театру драмы присвоено имя М. Ауэзова. На фронтоне здания театра изображена его первая героиня — Енлик.

В последней редакции трагедия опубликована в сб. «Казахские пьесы» (Алма-Ата, 1957).

На русском языке впервые — в журнале «Театр», 1958, № 9 (в переводе И. Сельвинского). Публикуется по этому изданию.

Стр. 165. *Асан-Кайгы* — легендарный певец, народный заступник и печальник, искавший землю обетованную — «Жер-уюк».

Стр. 166. *Кумай* — легендарная гончая, в быстроте состязающаяся с ветром.

Ага — старший брат, дядя; общепринятое обращение к мужчинам, старшим по возрасту.

Стр. 170. *Юная девушка... невестка моего рода, пренебрегает братом моим и хочет уйти. Не тот я человек, чтобы позволить женщине уйти из нашего рода и породниться с чужим!* — По законам казахского обычного права (адата) девушка или женщина считалась собственностью семьи, рода, заплативших за нее калым. В случае отказа от жениха она должна была выйти замуж за его брата или другого родственника.

«Актабан шубурунды» — массовое переселение казахов Большого и Среднего Жузов в западные степи под натиском джунгарского нашествия (XVII — первая треть XVIII вв.). Буквально: «бегство с белыми пятками». Спасаясь от врагов, люди шли по накаленным солнцем пескам пустынных степей, обжигая голые ступни до волдырей. В устной поэзии отражено как время великого бедствия.

Стр. 173. *Чингис* — горная цепь.

Стр. 179. *Мирза* — господин, глава аула, степной аристократ.

Стр. 181. *Корджун* — переметная сума.

Карагоз

Впервые опубликована отдельным изданием в 1926 году в Семипалатинске и тогда же поставлена в театре. Позднее в течение тридцати с лишним лет на сцене не появлялась. Была подвергнута критике в печати за некоторую идеализацию патриархальных нравов и обычаев (в речах персонажей в прологе). В 1959 году М. Ауэзов существенно переработал пьесу. Он ввел в нее народные сцены, изменил состав действующих лиц, а главное — усилил социальные мотивы и придал трагедии последовательную антифеодальную направленность.

Трагедия «Карагоз» — одно из крупнейших драматургических произведений в творчестве писателя 20-х годов. В новой редакции опубликована в кн.: М. Ауэзов. Караш-Караш. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1960.

Начиная с 1960 года идет на сценах многих казахских театров. В 1963 году поставлена Казахским академическим театром драмы, который в 1964 году показал ее в Москве на сцене Кремлевского театра.

На русском языке публикуется впервые в переводе Вл. Корнилова.

Стр. 205. *Салы* — профессиональные певцы, акыны, музыканты, разъезжавшие по аулам и участвующие в празднествах.

Стр. 208. *Козжаксым* (буквально: «моя прекрасноокая») — прозвище, данное Акбалой Карагоз. По обычаю женщина не могла называть родственников мужа собственными их именами, а должна была придумать для каждого ласковое прозвище.

Кайнага — старший родственник мужа, его брат. Невестка могла называть его не по имени, а словом, означающим ее родственные связи с данным лицом.

Стр. 213. *Той* — пир.

Жар-жар (буквально: «друг-супруг») — импровизированная обрядовая песня-диалог между юношами — друзьями жениха и девушками — подругами невесты. Ее тема — расставание с родным домом, отъезд к новой родне и заклинание-утешение.

Стр. 221. *Байбише* — старшая жена, хозяйка аула.

Стр. 222. *...да простит меня святой наш предок за то, что называю его имя...* — См. примеч. к стр. 208.

Стр. 223. *Акженеше* (буквально: «светлоликая»), женеше — ласковое обращение к невестке.

Стр. 227. *Келин* — невестка, жена младшего родственника.

Жаулык — головной убор замужней женщины из белого коленкора.

Стр. 228. *Курт* — сушеный творог.

Айман и Шолпан

Комедия создана по мотивам одноименной народной лироэпической поэмы, бытующей с начала XIX века. Начиная работу над комедией, М. Ауэзов писал: «Пьеса не есть инсценировка, а новое критическое освоение ее (поэмы. — *Е. Л.*) тематики» («Казахстанская правда», 1934, 8 января).

Писатель считал, что народ, не знакомый прежде с драматургией, должен был увидеть новое в связях с традиционным, его живые корни в своей национальной почве.

Действительно, в комедии появились новые персонажи, сюжетные ситуации, массовые сцены, развернутые диалоги-айтысы акынов. Образы главных героинь, созданные народной фантазией, получают в пьесе многогранную психологическую и социальную разработку. Драматург углубил их характеры, подчеркнув их свободолюбие, человеческое достоинство, активное противостояние феодальным нравам. В то же время живость и выразительность языка комедии, богатство и разнообразие ее стиха, сочный юмор, искрометные словесные дуэли персонажей проявляют подлинную народность произведения.

Впервые опубликована отдельным изданием в 1934 году. В том же году постановкой «Айман и Шолпан» открылся первый Казахский государственный музыкальный театр (ныне Государственный ордена Ленина академический театр оперы и балета имени Абая).

В 1956 году автором создан второй вариант комедии, которая спустя два года прочно вошла в репертуар казахских театров, с 1960 года — Казахского академического театра драмы.

На русском языке публикуется впервые в переводе Ал. Ревича.

Стр. 271. *Ряженый, одетый сватом, в свадебном головном уборе — саукеле* и далее: *сват с лицом, вымазанным простоквашей* — по обычаю, в ауле невесты женщины делали сватов жениха объектом насмешек, от которых можно было только откупиться. *Саукеле* — свадебный убор невесты, но надетый на свата-мужчину, выставлял его на посмешище.

Стр. 277. *Байга* — конные состязания, многоверстные степные скачки.

Стр. 280. *Козлодранье* — народная конная игра, скачки в погоне за перехватываемой всадниками тушей козла.

Стр. 313. *Аллах акбар!* — «Велик аллах!», начало молитвы.

Зарницы

Народная драма о событиях национально-освободительного восстания казахского народа в 1916 году. Впервые опубликована под названием «Ночные раскаты» в журнале «Адабиет майданы», 1934, № 10. Первая постановка осуществлена Казахским театром драмы в 1935 году, русским театром — в 1937 году.

На русском языке впервые — в газете «Ленинская смена», 1934, 30 декабря. Затем в новом переводе А. Пантиелева под названием «Зарницы» — в журнале «Дружба народов», 1960, № 12. В этом переводе поставлена в Республиканском русском театре имени М. Ю. Лермонтова 8 ноября 1960 года. Публикуется по этому изданию.

Стр. 321. *Кумган* — кувшин для умывания.

Стр. 323. *Реквизиция* — так был назван в народе указ царского правительства от 25 июня 1916 года о мобилизации на тыловые работы казахов, киргизов, узбеков, туркмен, дунган и уйгуров, вызвавший возмущение масс и послуживший поводом для начала антиколониального и антифеодального народно-освободительного восстания в Казахстане и Средней Азии.

Стр. 331. *Посемейные списки* — учет мужского населения аулов для мобилизации; его составление было возложено на волостных, которые злоупотребляли своей властью.

Стр. 341. *Бисмилла аллах акбар!* — начальные строки Корана, молитва.

Стр. 343. *Азаматы* — искаженное от «азамат» — гражданин, достойный человек.

Стр. 350. *Амангельды* — имя одного из известных вожаков восстания, героя гражданской войны Амангельды Иманова (1873—1919).

Стр. 353. *Шанрак* — кольцеобразная верхушка деревянного остова юрты.

Абай

Жизнь и творчество Абая Кунанбаева (1845—1904) — великого казахского поэта-демократа и просветителя, философа и композитора занимают огромное место в наследии М. Ауэзова. Благодаря его художественным произведениям и научным исследованиям

личность и творчество Абая обрели новую жизнь и стали культурным достоянием не только казахского, но и других советских народов, получили мировую известность.

Ауэзов-художник не раз обращался к образу Абая. Помимо романа-эпопеи «Путь Абая» — главного произведения в его творчестве — им были написаны оперное либретто «Абай» (1943), кинодрама «Абай» (1944), на основе которой поставлен кинофильм «Песни Абая» (1945).

В 1939—1940 годах, когда писатель работал над первой книгой романа-эпопеи, он создает в соавторстве с Леонидом Соболевым трагедию «Абай». Написана на русском языке.

Первые ее публикации (в отрывках) появились почти одновременно: в переводе на казахский — в газете «Казах адабиеты», 1940, 5 января; на русском языке — в «Литературной газете», 1940, 10 февраля. Полностью на русском языке впервые опубликована в кн.: «Сборник современной казахской литературы». М., Гослитиздат, 1941. На казахском языке впервые — отдельным изданием в 1950 году.

В 1940 году трагедия была поставлена в Казахском академическом театре драмы. Пьеса и спектакль были высоко оценены критикой.

В 1959 году после завершения романа-эпопеи «Путь Абая» М. Ауэзов создал новую редакцию пьесы на казахском языке. В 1962 году поставлена на сцене Казахского академического театра драмы. С тех пор она существует в двух равноправных творческих вариантах — русском и казахском, во многом отличающихся между собой. Основной драматургический конфликт, развитие характеров и событий, ведущие эпизоды сходны в обоих вариантах. Но Ауэзов, перерабатывая трагедию, сближал ее с романом-эпопеей, соответственно изменяя ситуации, мотивировку событий и действий персонажей, придавал им известную общность и сходную трактовку. Он стремился снять все «разночтения» трагедии и последней книги эпопеи, сделать единым круг действующих лиц и течение событий.

Творческая дружба Л. Соболева и М. Ауэзова продолжалась и в дальнейшем. Ими совместно написано большое научное исследование «Эпос и фольклор казахского народа» (1939), статья «Очерки истории казахской литературы» (1939). Л. Соболев был одним из ведущих переводчиков романа-эпопеи «Путь Абая».

Трагедия «Абай» вошла в золотой фонд казахской драматургии и театрального искусства.

Трагедия публикуется по кн.: Л. С. Соболев. Десятилетия дружбы. Очерки и статьи о Казахстане. Алма-Ата, «Жазушы», 1971.

Стр. 380. *Енлик и Кебек* — герои одноименной народной легенды, казненные по приговору бия Кенгирбая за нарушение вековых обычаев феодально-патриархального общества. См. в наст. томе трагедию «Енлик и Кебек».

Стр. 386. *Дат* — непереводимое присловье, форма обращения, просьба дать слово. Употребляется в диалогах.

Стр. 393. *Бий-спорщик* — оратор на суде, представляющий интересы одной из сторон.

Стр. 395. *Кааба* — священный храм в Мекке (Саудовская Аравия), объект особого почитания и паломничества мусульман.

Стр. 399. *Джайляу* — летнее горное пастбище.

Лейла и Меджнун, Баян и Корпеш, Юсуф и Зулейка — герои многочисленных народных легенд и преданий, а также широко известных литературных произведений о преданной любви и трагической гибели влюбленных.

Стр. 404. *Кодар и Камка* — по преданию, реально существовавшие лица; оклеветанные сородичами, были повешены на горбе черного верблюда по приговору ага-султана Кунанбая — отца Абая. Персонажи романа-эпопеи «Путь Абая».

Стр. 433. *Девушки плачут над Татьяной...* — Имеется в виду «Песня Татьяны», слова и музыка которой созданы Абаем. Это его перевод письма Татьяны из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Стала народной песней и широко распространилась в степи.

Кобланды

Пьеса написана на основе древнейшего казахского героического эпоса «Каракипчак Кобланды-батыр», в котором отражен ряд исторических событий, имевших место в XII—XIII веках. Его первые публикации относятся к концу XIX века. Позднее неоднократно переиздавался. Среди его прославленных исполнителей был известный советский сказитель-жирау Нурпеис Байганин. Кобланды — любимейший народный герой, защитник Родины, олицетворение героизма и патриотических сил народа. Не случайно, что именно к этому сюжету М. Ауэзов обратился в годы Великой Отечественной войны. Используя эпическую основу, он создал творчески оригинальное произведение — драму-сказание «Кобланды» (1943).

Поставлена в Казахском академическом театре драмы в 1946 году. Возобновлена в 1967 году и с тех пор идет на его сцене.

Впервые опубликована: М. Ауэзов. Избранные произведения в шести томах. Том 6. Алма-Ата. Казгослитиздат, 1957. На

русском языке — в 1945 году в переводе Л. Руст (на стеклографе).

В настоящем издании публикуется в новом переводе Вл. Корнилова.

Стр. 445. *Танри* — древнее имя бога, божества-покровителя у тюркских народов.

Стр. 448. *Тулпар* — сказочный крылатый конь, также быстроногий скакун.

Стр. 449. *Орда* — ханская ставка, лагерь, расположение войск, при этом юрты составляют в круг, образуя центр ставки, где находятся военачальники.

Стр. 451. *Алдияр!* — обращение подчиненных к властителям, соответствует словам: «Прошу позволения».

Стр. 456. *Бельде! Асыр!* — непереводимые словечки персонажей, по смыслу означают — скачи, рвись вперед, преодолевай перевал.

Стр. 459. *Ыран-коден* — трава-чертополох, по поверью, символ зла, беды.

Стр. 460. *Кулан* — дикий скакун.

Стр. 462. *Тантулик* — название дорогп, буквально: «которой по утру идет на водопой скот».

Стр. 468. *Камбар* — имя святого-покровителя, иногда родоначальника.

Стр. 470. *Кайракан* — имя злого духа.

Стр. 471. *Луна моя* — ласковое прозвище, данное Корткой Карлыгаш. (См. примеч. к стр. 208).

Стр. 480. *Аламан!* — боевой клич.

Стр. 515. *Кара-Аспан* — название гор, также древний эпический образ неодолимых гор, вершин.

ОЧЕРКИ

Так рождался «Туркестан»

Один из первых художественных очерков о целине в казахской литературе. Написан в результате поездок писателя в целинные совхозы. В первой публикации имел подзаголовок «Очерк о директоре». В архиве Дома-музея М. Ауэзова хранятся документальные материалы, характеризующие работу писателя над очерком: записи эпизодов, характеристики действующих лиц, цифры, имена реальных лиц, ставших героями очерка (директор совхоза Струков и др.). Факты и события, описанные в очерке, М. Ауэзов в дальнейшем предполагал использовать в романе «Племя младое».

Впервые опубликован в журнале «Адабиет жане искусство», 1955, № 12. На русском языке впервые — в журнале «Новый мир», 1957, № 2 (в переводе З. Кедриной). Публикуется по кн.: М. Ауэзов. Крутизна. М., «Советский писатель», 1965.

Стр. 551. *Садаган кетеин* — буквально: «мой ненаглядный» или «стану жертвой за тебя»; выражение, означающее глубокую благодарность.

Стр. 563. *Дихан-баба* — имя легендарного покровителя хлебопашцев, праотца дехкан.

Стр. 583. *Салкын-Бель* — название местности, буквально: «прохладный горный перевал»; Самалтау — буквально: «горы, где веет легкий прохладный ветерок».

Моя Индия

Путевые очерки М. Ауэзова — результат его поездки в Индию в 1955 году в составе делегации деятелей советской культуры во главе с А. Сурковым. Первая книга об Индии в казахской литературе.

С Индией М. Ауэзов был связан как член Советского комитета защиты мира (с 1954 года) и ряда других общественных организаций, в том числе как председатель Казахского отделения Общества советско-индийской дружбы. Писатель-интернационалист проявлял постоянный интерес к литературе Индии и посвятил ей ряд научно-критических работ: очерк «Мушайра», предисловие к сборнику «Поэты Азии и Африки», статья «Гений Тагора» и др.

В 1961 году М. Ауэзов вторично посетил Индию в качестве члена советской делегации на III Международном конгрессе в защиту мира. Тогда же он выступил в Дели с большой речью о Тагоре. Индийские писатели чтят память Ауэзова. Его эпопея «Путь Абая» находится в библиотеке Дома Р. Тагора в Калькутте. Ему посвящено стихотворение видной поэтессы Разии Саджад Захир и ряд других произведений. Н. Тихонов справедливо сказал об Ауэзове: «Он не был бы автором эпопеи о великом Абае, если бы не чувствовал жизни проснувшихся и идущих к расцвету народов Азии» (М. О. Ауэзов. Сборник статей к его 60-летию. Алма-Ата, изд-во Академии наук КазССР, 1959, с. 18). Очерки «Моя Индия» явились выражением высоких интернациональных чувств казахского писателя.

Впервые полностью опубликованы отдельным изданием в 1958 году (Алма-Ата, Казгослитиздат) под названием «Индийские очерки» с подзаголовком «Картины жизни».

На русском языке очерк «Самое новое в Индии» в авторизованном переводе Л. Лебедевой напечатан в журнале «Дружба на-

родов», 1958, № 9. Полностью на русский язык очерки переведены А. Пантиелевым, опубликованы в журнале «Новый мир», 1973, № 8 под названием «Моя Индия» (в сокращении). Первое полное издание под названием «Индийские встречи» вышло в Алма-Ате, «Жазушы», 1973 (с предисловием «Посредник между народами», написанным лауреатом премии Дж. Неру А. Алимжановым). Публикуется по этому изданию с учетом исправлений, внесенных переводчиком.

Стр. 592. *Рама* — одно из воплощений бога Вишну, принадлежащего к числу трех основных богов индийского Пантеона.

Стр. 608. *Восстание сипаев.* — Индийское национальное восстание 1857—1859 гг. против английского господства, в котором приняли участие крестьяне, ремесленники, индийские солдаты (сипаи), а также некоторые феодалы, недовольные политикой английских колонизаторов.

Стр. 672. *Такыр* — бесплодные почвы.

Е. Лизунова

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕМЯ МЛАДОЕ. Роман. *Перевод А. Пантиелева* 5

ПЬЕСЫ

Енлик и Кебек. Трагедия. *Перевод И. Сельвинского* 165
Карагоз. Трагедия. *Перевод Вл. Корнилова* 205
Айман и Шолпан. Комедия. *Перевод Ал. Ревича* 254
Зарницы. Драма. *Авторизованный перевод А. Пантиелева* 320
Абай. Трагедия. *В соавторстве с Л. Соболевым* 375
Кобланды. Драма-сказание. *Перевод Вл. Корнилова* 437

ОЧЕРКИ

Так рождался «Туркестан». *Перевод З. Кедриной*
По бездорожью 547
Главное — это кров 555
Первая борозда 561
Тучи сгущаются 570
Репей цепляется за подол 575
Золото Салкын-Беля 583
Моя Индия. Путевые очерки. *Перевод А. Пантиелева* 588
Дни в Дели 589
Гостеприимные Удайпур и Джайпур 598
Агра и Тадж-Махал 607
Новое в новой Индии 610
В Бенаресе, городе веры 615
Великие города и великие противоречия 623
На жарком Юге 636
Физик Раман и великие древности 645
Споры в Бомбее 658
Последние встречи 668
По дороге домой 671

Примечания 681

Ауэзов Мухтар.

А93 Собрание сочинений. В 5-ти томах. Ред. коллегия: Л. Ауэзова и др. Т. 4. Племя младое. Роман. Пьесы. Очерки. Пер. с каз. Сост. и примеч. Е. Лизуновой. Худ. А. Лепятский. М., «Худож. лит.», 1975.

696 с.

В 4-й том Собрания сочинений М. Ауэзова входят произведения различных жанров, созданные им на протяжении всего творческого пути. В него включен последний незаконченный роман писателя — «Племя младое», посвященный острым проблемам современности. Сюда вошли также шесть наиболее значительных пьес М. Ауэзова — основоположника казахской драматургии и казахского национального театра: трагедии «Енлик и Кебек», «Карагоз», «Абай», драма «Зарницы», драма-сказание «Кобланды», комедия «Айман и Шолпан». Том завершают документально-художественные очерки: «Так рождался «Туркестан» — об одном из первых целинных совхозов, и путевые заметки о поездке в Индию — «Моя Индия».

А $\frac{70303-042}{028(01)-75}$ подписное. С(Каз)2

Мухтар Омарханович
Ауэзов

Собрание сочинений
ТОМ 4

Редактор
И. Алатырцева

Художественный редактор
В. Горячев

Технический редактор
С. Журбицкая

Корректоры
А. Новикович и
В. Широкова

Сдано в набор 25/VI 1974 г. Подписано в печать 11/II 1975 г. Бум. типогр. № 1. 84×108¹/₃₂. 21,75 печ. л. 36,54 усл. печ. л. 34,746+1 вкл. + +3 нак.=35,01 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 216.
Цена 1 р. 40 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29